Этапы большого пути

Этапы большого пути

ВОСПОМИНАНИЯ
О ГРАЖДАНСКОЙ
ВОЙНЕ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА · 1962

«Этапы большого пути» — сборник воспоминаний выдающихся советских военных деятелей: С. С. Каменева, М. Н. Тухачевского, И. Э. Якира, Р. И. Берзина, В. Н. Егорьева, В. П. Затонского, В. М. Примакова, А. С. Бубнова, И. И. Вацетиса, Н. Н. Кузьмина, М. С. Кедрова, Р. П. Эйдемана, В. К. Путны, И. П. Белова, С. А. Меженинова, Е. И. Ковтюха, В. К. Блюхера, А. И. Корка, Г. Д. Гая, П. Е. Дыбенко.

В этих воспоминаниях освещаются отдельные этапы и эпизоды боевого пути Красной Армии в годы гражданской войны, восстанавливаются многие забытые события и герои. Авторы правдиво рисуют революционный энтузиазм трудящихся на фронтах и трудности, встававшие перед ними на пути к победе над белогвардейцами и интервентами.

Сборник предназначается для широкого круга военных читателей и всех, кто интересуется историей гражданской войны.

Редактор-составитель
кандидат исторических наук
подполковник В. Д. ПОЛИКАРПОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящем сборнике публикуются воспоминания двадцати выдающихся военных деятелей Красной Армии. Писались они по горячим следам гражданской войны, преимущественно в двадцатые годы, и тогда же были напечатаны в различных периодических изданиях.

Из разной социальной среды вышли авторы этих воспоминаний, и по-разному складывалась у них жизнь. Но всех их объединяет одно: они стояли у истоков создания Коммунистической партией и Советской властью Советских Вооруженных Сил, они являлись активными строителями новой армии и непосредственными организаторами ее блестящих побед над интервентами и внутренними силами контрреволюции. Заслуги этих первых советских полководцев и армейских политических работников перед Родиной так же бессмертны, как бессмертна сама боевая история Красной Армии.

Многие из них, как например, А. С. Бубнов, Р. И. Берзин, Г. Д. Гай, В. М. Примаков, П. Е. Дыбенко, М. С. Кедров, Н. Н. Кузьмин, вступили на путь политической борьбы еще в годы царского самодержавия, являлись революционерами-профессионалами и были посланы на работу в Красную Армию большевистской партией, ее Центральным Комитетом. Другие — И. И. Вацетис, В. Н. Егорьев, С. С. Каменев, А. И. Корк, С. А. Меженинов, М. Н. Тухачевский, Е. И. Ковтюх — перешли на службу к трудовому народу из офицерского корпуса старой царской армии и честно отдали вооруженной защите октябрьских завоеваний все свои силы и знания, богатый опыт и незаурядный талант. Третьи, такие, как В. К. Блюхер, И. П. Белов, В. К. Путна, Р. П. Эйдеман, И. Э. Якир, выдвинулись из самой гущи народной уже в ходе гражданской войны.

Все они имели счастье прямо или косвенно ощущать на себе руководство Владимира Ильича Ленина. И именно этим была предопределена их выдающаяся роль в создании, обучении и воспитании Красной Армии, в разработке советской военной теории и практики военного строительства.

В публикуемых воспоминаниях читатель не встретит четко систематизированных и вполне завершенных исследований по истории наших Вооруженных Сил. Однако, взятые в совокупности, они воссоздают довольно яркую картину. Авторы хорошо раскрывают руководящую роль Коммунистической партии в строительстве и боевой деятельности Красной Армии, роль ЦК РКП(б) и великого Ленина в организации всенародной защиты Советской республики от внешней и внутренней контрреволюции. Столь же обстоятельно рассказывается о помощи Красной Армии со стороны местных партийных организаций и Советов.

Вспоминая тяжелые годы гражданской войны, выдающиеся военачальники того времени начисто опровергают ложное утверждение И. В. Сталина, будто В. И. Ленин сам не занимался военными вопросами, а поручал это «молодым цекистам», то есть прежде всего ему, Сталину. Свидетельства авторов, которых никак нельзя заподозрить в какой-либо пред-

взятости, объективно подтверждают истину, что у руля руководства боевой деятельностью Красной Армии стоял Центральный Комитет партии во главе с В. И. Лениным.

Авторам воспоминаний было чуждо привязывание начала гражданской войны к лету 1918 г., то есть ко времени первой поездки И. В. Сталина на фронт в Царицын. Они ясно показывают, что гражданская война шла уже в ноябре — декабре 1917 г., а также в первые месяцы 1918 г. У них не было ни оснований, ни побуждений раздувать или принижать значение того или иного фронта либо направления, как позже раздувалось значение царицынского участка Южного фронта, где во главе 10-й армии стояли Ворошилов и Сталин (хотя в действительности судьбы Республики решались тогда на Восточном фронте). В воспоминаниях отдается должное неправомерно замалчивавшейся под влиянием культа Сталина героической борьбе летом и осенью 1918 г. Северо-Кавказской (будущей 11-й) армии. Они проливают яркий свет на военные события конца 1918 и начала 1919 г., когда Южный фронт стал действительно главным фронтом Республики. Читатель убеждается, насколько несостоятельны были попытки некоторых историков заслонить этот период описанием деятельности И. В. Сталина на Восточном фронте по ликвидации так называемой Пермской катастрофы. На сей раз Сталину задним числом приписывалась роль спасителя страны от возможных последствий сильно преувеличенных неудач наших войск под Пермью.

Во многих работах по истории гражданской войны, увидевших свет в период культа личности Сталина, замалчивались славные дела Украинского фронта, который во взаимодействии с Южным и Западным фронтами добился больших успехов в борьбе с войсками Директории (петлюровцами) и интервентами. Не разрабатывалась история национальных формирований Красной Армии на Украине, в Белоруссии, Литве, Латвии и Эстонии, хотя эти формирования противостояли буржуазно-националистическим силам контрреволюции как подлинно народные силы национальных советских республик. Неправильно освещались и такие важные вопросы, как планирование борьбы с деникинщиной. Разработка этих планов опять-таки приписывалась Сталину, хотя в действительности они разрабатывались Центральным Комитетом партии во главе с Лениным.

Включенные в настоящий сборник воспоминания в значительной мере способствуют восполнению всех этих пробелов.

Работы, с которыми встретится здесь читатель, можно подразделить на три группы.

К первой группе следует отнести те воспоминания, где речь идет о гражданской войне и интервенции в конце 1917 — начале 1918 г. Это воспоминания И. Э. Якира «Десять лет тому назад», В. П. Затонского «На заре Красной Армии», первая часть воспоминаний Р. И. Берзина «Этапы в строительстве Красной Армии», первые разделы воспоминаний В. М. Примакова «Борьба за Советскую власть на Украине». В ту пору основу военных сил Республики составляла Красная гвардия и революционные отряды солдат и матросов. Война велась полупартизанскими методами за крупные административно-политические центры, узловые пункты железных дорог и промышленные районы. Защита Советской власти во многих случаях переплеталась с борьбой за ее утверждение [1]. Наибольшим ожесточением отличались бои на Украине, в Белоруссии, на Дону и Северном Кавказе, а также на Урале и в Средней Азии.

Вторая группа воспоминаний охватывает период с весны 1918 г., когда только что зародилась Красная Армия, по первые месяцы 1919 г. Это

[1] Только в отдельных местах страны, в частности в Закавказье, борьба за установление Советской власти продолжалась на протяжении всей гражданской войны.

было время мобилизации всех сил и средств страны на защиту Советской республики, время превращения небольшой полупартизанской добровольческой Красной Армии в многомиллионную, хорошо обученную и дисциплинированную регулярную армию. С начала 1918 г. широко развертывается военная интервенция, а с нею расширяется и гражданская война. К лету страна оказалась в кольце фронтов. Интервенция и гражданская война срывают мирную преобразовательную работу. Начинается полоса военного коммунизма. В конце 1918 и начале 1919 г. Красная Армия добивается крупных побед на Восточном, Южном и Северном фронтах, а затем на Украинском и Западном. К исходу этого периода Красная Армия стала уже могучей силой.

Итог военному строительству и боевой деятельности нашей армии и флота за этот отрезок времени был подведен на VIII съезде РКП(б) в марте 1919 г. А в предлагаемом сборнике это нашло отражение в первой части воспоминаний С. С. Каменева о В. И. Ленине и его статье «Привет назаровцам», в воспоминаниях М. Н. Тухачевского «Первая армия в 1918 г.», Р. И. Берзина «Этапы в строительстве Красной Армии», В. Н. Егорьева «Из жизни Западной завесы», В. П. Затонского «Водоворот», во второй части статьи В. М. Примакова «Борьба за Советскую власть на Украине» и его же воспоминаниях «Путь неувядаемой славы», в воспоминаниях А. С. Бубнова «История одного партизанского штаба», И. И. Вацетиса «Выступление левых эсеров в Москве», М. С. Кедрова «За Советский Север», в работах В. К. Путны «Пятая армия в борьбе за Урал и Сибирь» и «В первые дни», в воспоминаниях И. П. Белова «Туркестан», в записках Г. Д. Гая «Боевые эпизоды» и «Молодые герои».

Третью группу составляют воспоминания о борьбе с интервентами и белогвардейцами в 1919—1920 гг. Об этом рассказывают С. С. Каменев («Воспоминания о В. И. Ленине»), М. Н. Тухачевский («Курган — Омск»), И. Э. Якир («Из истории 45-й Краснознаменной дивизии»), В. П. Затонский («Водоворот»), В. М. Примаков («Путь неувядаемой славы»), Н. Н. Кузьмин («Борьба за Север»), Р. П. Эйдеман («Об одном неудавшемся плане Деникина», «Каховский плацдарм», «Первая встреча», «Полководец и боец революции»), В. К. Путна («На польском фронте» и «Кронштадт 16—18 марта 1921 г.»), С. А. Меженинов («Борьба за Киев в конце 1919 г.»), Е. И. Ковтюх («Последний бой за Царицын»), В. К. Блюхер («Победа храбрых»), Г. Д. Гай («Комсомолец Вася»), А. И. Корк («Взятие перекопско-юшуньских позиций»), П. Е. Дыбенко («На подступах к Царицыну» и «Штурм мятежного Кронштадта»).

Сборник открывается работами С. С. Каменева. Ему, старому военному специалисту, активному участнику первой мировой войны и свидетелю разложения царской армии, вначале казалось, что страна на длительное время утратила реальные возможности для успешного ведения серьезной войны. На деле же оказалось иначе. Большевики совершили чудо. Они в короткий срок создали многомиллионную регулярную армию, которая стала бить своих противников.

«Воевать и драться на войне — не одно и то же,— пишет С. С. Каменев.— Оказывается, можно просто, что называется, формально воевать — то, что имело место в империалистической войне, и можно действительно драться за победу — это то, чему меня научило руководство Владимира Ильича. Это та работа большевистской партии под руководством Владимира Ильича, которая дала миллионам сознание целей и задач войны и влила в уставшие и истерзанные империалистической войной массы новые силы для победы в гражданской войне. Война в данном случае приобрела многообразные формы борьбы».

С. С. Каменев прекрасно характеризует всеобъемлющую деятельность В. И. Ленина по организации военной защиты Республики, его присталь-

ное внимание к самым, казалось бы, малозначительным вопросам обороны, на деле приводившим к колоссальным результатам.

Определенный интерес представляет и фрагмент того же автора «Привет назаровцам». Показанный здесь рядовой рабочий Назаров как бы символизирует собой историческую роль рабочего класса в создании и укреплении регулярной Красной Армии.

Заслуживают всяческого внимания воспоминания Маршала Советского Союза М. Н. Тухачевского о боевых действиях 1-й революционной и 5-й армий, которыми он командовал на Восточном фронте. Автор подвергает критике деятельность первого командующего Восточным фронтом левого эсера Муравьева, в конечном счете изменившего революции и поднявшего мятеж против Советской власти. Очень хорошо описана подготовка войск Восточного фронта к наступлению, а также само наступление осенью 1918 г., закончившееся разгромом противника, освобождением Поволжья и значительной части Урала, что имело большое значение для последующей борьбы с колчаковщиной. В не меньшей степени М. Н. Тухачевскому удалось осветить бои 5-й армии на реке Тобол в сентябре 1919 года, знаменовавшие собой полный разгром Колчака.

Вспомним грозную обстановку тех дней.

20 сентября деникинские войска взяли Курск, 13 октября овладели Орлом и двинулись к Туле. Советская страна, как указывал В. И. Ленин, оказалась в положении самом тяжелом за все годы гражданской войны. Не было никакой возможности оказать даже минимально необходимую помощь войскам Восточного фронта, и в частности основной его силе — 5-й армии. Отлично понимая ситуацию, командование фронта нашло тогда внутренние силы, чтобы остановить колчаковские войска на Тоболе, а затем, перейдя в наступление, окончательно разбить и ликвидировать армию Колчака.

Это было сильнейшим поражением Антанты.

Отдельные стороны описанных М. Н. Тухачевским боевых действий войск Восточного фронта в 1918—1919 гг. нашли более детальное освещение в воспоминаниях В. К. Путны и Г. Д. Гая. Здесь раскрываются причины быстрого образования регулярных частей 5-й армии и их высокой боеспособности. Они заключались прежде всего в том, что основной костяк этой армии составили рабочие Москвы, Ленинграда, Центрально-промышленного района, Белоруссии.

В воспоминаниях И. Э. Якира освещается гражданская война на Украине и отчасти в Молдавии. По этим воспоминаниям можно представить картину превращения разрозненных отрядов в регулярную Красную Армию. В них нашел яркое отражение почти не освещенный в исторической литературе легендарный переход Южной группы войск 12-й армии осенью 1919 г. из района Николаева под Киев.

По замыслу Главного командования Красной Армии Южная группа должна была отвлечь на себя часть сил Деникина и тем самым облегчить борьбу советских войск, действующих на Левобережной Украине и центральном направлении Южного фронта. Но к исходу августа выяснилось, что наступление Южного фронта развивается не вполне удачно. Войска Южной группы оказались далеко в тылу деникинцев. Им было приказано отходить на соединение с частями 12-й армии, действовавшими в районе Житомира. И они с боями прошли 400 километров, нанося один за другим удары деникинским и петлюровским войскам, громя махновские банды.

И. Э. Якир — объективный свидетель прошедших событий — честно пишет, что наряду с героизмом и успехами в руководимых им войсках, в частности в 45-й дивизии, «была временами слабость дисциплины, некоторый анархизм... Все это было, особенно в первый период войны. Но, огляды-

ваясь на весь путь, пройденный дивизией, приходишь к твердому убеждению, что благодарность рабочего класса — почетное Красное знамя Центрального Исполнительного Комитета — было получено дивизией по заслугам».

Непосредственно к воспоминаниям Якира примыкают воспоминания В. П. Затонского «Водоворот». Название это как нельзя лучше отражает характер событий на Украине в 1919 г. У тов. Затонского есть такие строки:

«Весна 1919 г. Петлюра разгромлен усилиями организованного пролетариата и примкнувшего к революции крестьянства. Нам чрезвычайно легко далась эта победа. Мы начали наступление в конце 1918 г. двумя повстанческими дивизиями, первая — на киевском, вторая — на харьковском участке. Докатились с невероятной быстротой до Черного моря на юге и до Галиции на западе, впитывая по пути десятки тысяч партизан-повстанцев».

Это действительно было второе триумфальное шествие Советской власти. Шествие ее на запад, подготовленное большевиками-подпольщиками Украины, Белоруссии и Прибалтики. Но в то же время возникали огромные трудности: мало было опытных партийных, советских и военных работников (особенно национальных кадров), свирепствовала разруха, города душил голод. Трудности эти усугублялись нередко ошибками в национальном, аграрном и продовольственном вопросах и, конечно, использовались различными мелкобуржуазными партиями и буржуазно-националистическими группами в их борьбе против большевиков и Советской власти. Украинские и русские эсеры, меньшевики, анархисты-набатовцы вели подрывную работу в учреждениях, на предприятиях, на транспорте и в сельском хозяйстве. Их агенты проникали в ряды украинской Красной Армии, пытаясь разложить ее изнутри. Они шпионили в пользу интервентов, деникинцев и петлюровцев, организовывали повстанческое антисоветское движение.

Весьма отрицательно сказывались и царившие в украинской Красной Армии до ее включения в единую Красную Армию пережитки партизанщины. Касаясь этого вопроса, В. П. Затонский пишет: «Я помню работу наших штабов периода наступления. Что где делается — не разберешь. От частей по неделям нет сведений».

В то время как пролетариат Украины и основные массы крестьянской бедноты были твердыми и последовательными в борьбе за Советскую власть, значительные слои крестьянства и мелкобуржуазные массы местечек метались из стороны в сторону и служили питательной средой для разного рода атаманщины и батьковщины. В этих условиях нередко находили благоприятную почву для своей пропаганды антисоветские организации украинских националистов и анархисты, прикрывавшиеся социалистической фразеологией и даже признанием в той или иной форме Советов, но без... коммунистов.

Все антисоветские движения, захватывавшие тогда украинскую деревню и мелкобуржуазные слои города независимо от их окраски и формальной принадлежности к той или иной партии, выражали интересы кулачества и национальной буржуазии. В свою очередь эти движения так или иначе были зависимы от интервентов и белогвардейцев и оказывали им либо прямую, либо косвенную поддержку.

Естественно, что в силу сложности и трудности борьбы на Украине большевистская партия вынуждена была проводить исключительно гибкую тактику и на определенных этапах считаться даже с такими ненадежными «союзниками», как Григорьев или Махно, использовать их силы для борьбы с более опасными противниками и шаг за шагом отвоевывать

на свою сторону те слои трудового населения, которые шли за атаманами или занимали колеблющееся положение.

Были случаи, когда мелкобуржуазная стихия засасывала в водоворот борьбы против Советской власти и некоторую часть крестьянской бедноты. В. П. Затонский приводит такие примеры. Однако с ним нельзя согласиться в той части воспоминаний, где он явно переоценивает силу этой стихии. Трудовое крестьянство в массе своей не поддерживало активно врагов Советской власти, тем более деникинцев, которые шли под открытым знаменем буржуазно-помещичьей контрреволюции. Иначе, как могло получиться, что большевикам удалось поднять на Украине массовое повстанческое движение против австро-германских оккупантов и гетманщины, а затем против украинской буржуазно-националистической Директории, создать в первой половине 1919 г. двухсоттысячную украинскую Красную Армию, выделить десятки тысяч бойцов и командиров для пополнения Южного фронта, быстро воссоздать Советы и под их руководством рука об руку с рабочими развернуть хозяйственную и продовольственную работу?

Наконец, автора воспоминаний опровергает в этом отношении и массовое партизанское движение против деникинщины. Движение, проходившее под знаменем восстановления Советской власти на Украине и воссоединения украинского народа с братской Советской Россией. Для каждого ясно, что этого не случилось бы, если украинским мелкобуржуазно-националистическим партиям или меньшевикам, эсерам, анархистам удалось бы овладеть основной массой крестьянства и повести ее за собой.

Весьма интересны воспоминания героя гражданской войны на Украине В. М. Примакова. В работе «Борьба за Советскую власть на Украине» он дает анализ социально-политической обстановки и классовых противоречий в 1917—1918 гг., метко разоблачает природу украинских мелкобуржуазных националистических партий, верно характеризует Центральную раду (вскрывая ее контрреволюционную антинародную политику), освещает, хотя и очень кратко, историю героического восстания киевских рабочих и революционных солдат в ноябре 1917 г. Есть в этой работе и очень глубокие рассуждения о зарождении новой стратегии и оперативного искусства, о тактике гражданской войны, как войны классовой, войны исключительно маневренной войны, в которой так или иначе участвовало почти все население, особенно тех районов, где проходили фронты.

В других воспоминаниях, публикуемых в сборнике, В. М. Примаков подробно описывает боевую деятельность червонного казачества, вооружает читателя знанием того, как создавались, воспитывались и закалялись в боях первые национальные формирования, первые части Красной Армии.

Как бы продолжением воспоминаний И. Э. Якира, В. П. Затонского и В. М. Примакова являются записки С. А. Меженинова «Борьба за Киев в конце 1919 г.». Осенью 1919 г., то есть незадолго до наступления советских войск против деникинцев, С. А. Меженинов был назначен командующим 12-й армией, части которой сгруппировались на сравнительно небольшой территории Житомирщины, Киевщины и Черниговщины. Ведя бои с деникинцами и петлюровцами, 12-я армия держала фронт и против белополяков. Но в то время как деникинцы взяли Киев, вышли на подступы к Чернигову и Житомиру, а на главном направлении овладели Орлом и подходили к Туле, белополяки выжидали. Им не выгодна была и победа советских войск и победа Деникина, хотя формально они находились в союзе с последним. Не без их влияния петлюровцы предприняли в сентябре — октябре ряд нападений на деникинцев, что отвлекло в трудный для Деникина период не менее 10 000 его войска и в свою очередь сковало силы петлюровцев.

Учитывая натянутые отношения между деникинцами, белополяками и их союзниками петлюровцами, Советское правительство добилось через посредство Красного Креста заключения краткого перемирия, которое привело к негласным переговорам не только с белополяками, но и с петлюровцами о возможном заключении мира и установлении границ. Это позволило советской стороне в самый тяжелый период гражданской войны высвободить на Западном фронте латышскую дивизию, а на Украине червоннокозачью бригаду и пластунскую бригаду Павлова для создания ударной группы, которая сыграла выдающуюся роль в октябрьско-ноябрьском сражении Южного фронта против деникинцев.

Здесь нет надобности пересказывать исключительно ценные воспоминания С. А. Меженинова. Следует лишь подчеркнуть, что они тоже восполняют пробел в нашей литературе по одному отнюдь не маловажному, но почти не изученному вопросу истории гражданской войны.

Борьбе с деникинщиной на заключительном ее этапе посвящены также воспоминания бывших тогда начальниками дивизий Красной Армии Р. П. Эйдемана «Об одном неудавшемся плане Деникина», Е. И. Ковтюха «Последний бой за Царицын» и П. Е. Дыбенко «На подступах к Царицыну». В частности, из воспоминаний Р. П. Эйдемана читатель узнает любопытные подробности о Харьковской операции советских войск, проведенной в первых числах декабря 1919 г. силами 41-й и 46-й дивизий 14-й армии под руководством И. П. Уборевича и Г. К. Орджоникидзе.

В обстоятельных воспоминаниях бывшего командующего 6-й армией Южного фронта А. И. Корка описаны основные операции по разгрому Врангеля. Для восстановления исторической правды особенно ценен его рассказ о подготовке прорыва позиций врангелевских войск на Перекопе и у Юшуни и о самой этой операции, начавшейся в ночь на 7 ноября 1920 г.

О боях за Перекоп рассказывает и В. К. Блюхер в своих воспоминаниях «Победа храбрых». Здесь освещаются героические дела 51-й дивизии, которой автор командовал в то время.

В составе сборника имеются работы, освещающие ход гражданской войны и на других театрах военных действий. В частности, о борьбе с контрреволюцией и интервентами на Советском Севере пишут М. С. Кедров и Н. Н. Кузьмин.

М. С. Кедров, являвшийся первым руководителем Северного фронта, ярко показывает роль В. И. Ленина в защите этого края. Очерки Н. Н. Кузьмина — бывшего члена РВС 6-й армии — ценны личными впечатлениями автора о непосредственных столкновениях с разными представителями войск интервентов.

В противоположный конец страны переносят нас воспоминания командарма 1 ранга И. П. Белова. Он рассказывает о начале гражданской войны в Туркестане в ноябре 1917 г. и освещает основные этапы ее развития там.

Большим приобретением для историков и каждого читателя являются воспоминания В. К. Путны и П. Е. Дыбенко о ликвидации в марте 1921 г. Кронштадтского мятежа. Авторы подробно говорят о причинах мятежа, о политической платформе и лозунгах мятежников, о соотношении сил и боевых средствах сторон, о настроениях масс как в том, так и в другом лагере, о подготовке к штурму, о ходе боевых действий. Публикация этих воспоминаний расширяет наши представления о трудности ликвидации мятежа и о большом политическом значении победы над мятежниками. Авторы выявляют связь мятежа со всеми другими контрреволюционными выступлениями эсеров, меньшевиков, анархистов, пытавшихся свергнуть Советскую власть, пользуясь временными затруднениями переходного периода от войны к миру.

Таково в основных чертах содержание сборника воспоминаний выдающихся военных деятелей периода гражданской войны. Думается, что его с удовольствием и большой пользой для себя прочтет каждый, кто по-настоящему интересуется славным прошлым нашей Родины, героической борьбой Коммунистической партии и советского народа за власть Советов.

Славные боевые традиции тех незабываемых лет с честью продолжаются и приумножаются сегодня.

Профессор С. Ф. НАЙДА,
доктор исторических наук

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Расположением воспоминаний в сборнике преследовалась прежде всего цель компактно сгруппировать работы каждого автора. Поскольку они часто относятся к разным периодам гражданской войны, естественно, что хронологический принцип не мог быть выдержан в полной мере.

Должно заметить, что в сборнике нашли место и работы, которые по форме, строго говоря, не всегда могут быть отнесены к воспоминаниям (такие, например, как «Борьба за Советскую власть на Украине» и «Червонцы» В. М. Примакова, работы В. Н. Егорьева, А. И. Корка, С. А. Меженинова), но написанные безусловно по личным впечатлениям и ценные именно как свидетельства активнейших участников событий.

Все работы публикуются без изменений в сравнении с первыми их публикациями, за исключением отдельных стилистических поправок, нисколько не меняющих смысла. Устранены также явные погрешности в датах, цифрах, в написании имен собственных. В отдельных работах произведены незначительные сокращения главным образом за счет общих мест.

Фотографии и схемы, имевшиеся в некоторых работах, в сборнике не воспроизводятся. Примечания в сносках принадлежат, как правило, авторам. Немногочисленные редакционные примечания сопровождаются пометкой «*Ред.*».

Сергей Сергеевич
КАМЕНЕВ
(1881—1936)

Родился в семье военного инженер-механика. В 1907 году окончил академию генерального штаба. В 1917 г., имея чин полковника, назначается командиром 30-го Полтавского полка и остается в этой должности до революции. Затем становится начальником штаба корпуса и вскоре перемещается армейским комитетом на должность начальника штаба 3-й армии.

В 1918 г. вступает в Красную Армию и начинает службу в ней в качестве военного руководителя Невельского района Западной завесы. В сентябре 1918 г. назначается командующим Восточным фронтом. За умелое руководство победоносными действиями Восточного фронта ВЦИК награждает Каменева золотым оружием с орденом Красного Знамени.

С июля 1919 по апрель 1924 г.— Главнокомандующий вооруженными силами РСФСР. С упразднением должности Главнокомандующего становится инспектором, а потом главным инспектором Рабоче-Крестьянской Красной Армии и членом Реввоенсовета СССР. С августа 1926 г.— начальник Главного управления РККА. С мая 1927 г.— заместитель Народного комиссара по военным и морским делам и заместитель председателя РВС СССР. С июля 1934 г.— начальник Управления противовоздушной обороны РККА, с ноября того же года — член Военного совета при НКО.

В сентябре 1918 года я был назначен на должность командующего Восточным фронтом. До своего назначения я не знал и не видел никого из руководителей Красной Армии. Никогда не видел и Владимира Ильича.

Заняв должность командующего Восточным фронтом, я, естественно, познакомился со многими товарищами, занимавшими тогда руководящие посты в Красной Армии. И не только познакомился с руководством Владимира Ильича военными делами, но и прошел абсолютно новую для меня школу по организации и руководству военным делом, включая в это понятие и создание, и организацию, и дисциплину, и боевое руководство Красной Армией, а также и организацию борьбы в период гражданской войны.

Обойти этот вопрос я не могу потому, что, берясь за воспоминания о Владимире Ильиче, прежде всего вспоминаешь то неизгладимое впечатление, которое создавалось от его руководства в области военного дела.

Освоение новой школы военного дела, приобретенное мною на Восточном фронте, особо подчеркиваю. Так как я прошел империалистическую войну с первого и до последнего ее дня, то новых впечатлений о новых методах и приемах борьбы, как и у каждого участника, естественно, накопилось у меня больше чем достаточно. Не скрою, что в отношении накопления материалов по всем этим новшествам и подготовленности для творчества всякого рода «выводов» из опыта империалистической войны я считал себя вполне подготовленным. И несмотря на это, я с полным убеждением утверждаю, что по самому основному вопросу войны я, участник империалистической войны, вывода не сделал. Я проглядел, что понятие воевать и драться на войне — не одно и то же. Оказывается, можно просто, что называется формально,— воевать — то, что имело место в империалистической войне, и можно действительно драться за победу — это то, чему меня научило руководство Владимира Ильича. Это та работа большевистской партии под руководством Владимира Ильича, которая дала миллионам осознание целей и задач войны и влила в уставшие и истерзанные империалистической войной массы новые силы для побед в гражданской войне. Война в данном случае приобретала многообразные формы борьбы.

Сегодня красноармейские полки проходят интенсивнейшую политическую обработку, а завтра они — сильнейшие носители полученной зарядки — уже сами заряжают окружающую среду, поднимают эту среду на борьбу за задачи

социалистической революции. Они вносят развал в ряды бойцов белогвардейских частей или войск интервентов. Они проделывают таким порядком потрясающий все старые основы переворот на громадных пространствах, после которого все «хотят красных» и все против белых, о чем свидетельствовали наши даже самые ожесточенные враги вроде английского генерала Нокса, военного советника адмирала Колчака, который в 1919 году писал своему правительству: «Можно разбить миллионную армию большевиков, но когда 150 миллионов русских не хотят белых, а хотят красных, то бесцельно помогать белым» *.

Политическая работа идет и на территории, занятой белогвардейцами, она принимает и там свое боевое оформление в виде партизанских отрядов. Эти последние, как и части Красной Армии, также становятся сильными не только как боевые единицы, но и как носители идей и задач социалистической революции уже на территории врага.

Средства борьбы множатся, нагромождаются и вырастают в несокрушимую силу. Эта сила могла только побеждать.

Я был буквально ошеломлен и новизной, и широтой, и глубиной организации, и построением борьбы в целом. Не удивительно, что вынесенные мною впечатления от империалистической войны меня уже теперь не подавляли, а, наоборот, война поражает меня своей односторонностью: она велика была только по своим цифровым выражениям. Организация же борьбы, материальная база и немощность военного руководства были в полном несоответствии с численностью армии, и наконец, закостенелые формы борьбы превратили эту войну в гигантскую бойню человечества, не говоря уже об империалистических целях и задачах, которым служила эта война.

Но дело тут не столько в несоответствии, сколько в преувеличении значения таланта полководца, а последний в империалистической войне считался решающим фактором побед. Такое положение вещей, по существу, снимало с повестки дня и план и организацию борьбы. Достаточно указать, что мобилизация армии, собственно, исчерпывала все понятие об организации борьбы. Несколько больше, чем следует, я отклонился от темы воспоминаний только потому, чтобы резче подчеркнуть то новое, что должно было поразить меня и поразило, когда я стал непосредственным участником борьбы Красной Армии на Восточном фронте.

Возвращаясь к воспоминаниям в отношении важнейшего звена в организации обороны — красных вооруженных сил,

* Гражданская война 1918—1921 гг., т. II, М., 1928, стр. 412.— *Ред.*

особенно подчеркиваю новые, своеобразные методы создания красных вооруженных сил.

Владимир Ильич дал нам непревзойденный в военной истории пример создания армии как инструмента политики.

Основным костяком Красной Армии были рабочий класс и революционные командиры — члены партии. Большевики были цементирующим началом в отношении как политической сознательности, так и боевой стойкости частей. Крестьяне из бедняков быстро сливались с основным костяком, усиливая его численно. Остальное крестьянство крепко обрабатывалось этими кадрами.

С боевыми качествами частей Красной Армии я впервые познакомился при следующих обстоятельствах. Это было немедленно по моем вступлении в командование фронтом. На бугульминском направлении, прикрывавшем Ульяновск (тогда Симбирск), среди других частей находился латышский полк. Этот латышский полк пользовался заслуженной славой крепкой боевой единицы, в силу чего на данном направлении являлся основой устойчивости. Главнокомандующий потребовал вывода этого полка из боевой линии и отправки его в Серпухов, где тогда располагался штаб главного командования.

Лишиться основы, на которой строилась устойчивость обороны на данном направлении, естественно, было крайне болезненно. Я опротестовал это решение главнокомандующего, прося хотя бы отсрочки выполнения его. Протест был отклонен, и вторично был указан самый минимальный срок для отправки полка в Серпухов. Делать было нечего, пришлось выполнять.

Видя мое затруднение, один из членов РВС * Восточного фронта спросил меня, почему я считаю, что латышский полк трудно заменить. На мою реплику, что этот полк высоко боеспособный, он спокойно ответил, что я очень заблуждаюсь, если считаю, что другие полки, находящиеся на этом же направлении, менее боеспособны и что, в частности, Владимирский рабочий полк, пожалуй, по боеспособности даже выше латышского полка, так как последний достаточно утомлен.

Приказание было отдано — владимирцы сменили латышский полк. Немного спустя на бугульминском участке развернулись боевые действия. Владимирцы не только оправдали оценку, данную им, но и показали себя значительно выше того, что в империалистическую войну вкладывалось в по-

---

* Революционный военный совет.— *Ред.*

нятие боеспособности части. Рабочие-владимирцы дали мне первый урок боевой оценки частей Красной Армии.

Участвуя в создании Красной Армии на Восточном фронте, внимательно следя за каждым шагом ее роста, я сам на себе чувствовал, как под политическим руководством Владимира Ильича Красная Армия становилась доподлинным инструментом политики рабочего класса, становилась носительницей великих задач пролетарской революции.

Особо приходится отметить политический рост Красной Армии, доведенной до осознания своих задач, как задач борьбы мирового пролетариата. После этого становятся для меня особенно понятными слова Владимира Ильича, произнесенные им в Московском Совете 5 мая 1920 года, что «ни одна армия — ни французская, ни английская — не могла выдержать того, чтобы ее солдаты на русской почве способны были сражаться против Советской республики» *.

В вопросе организации борьбы в целом помню мое удивление тому, каким образом было достигнуто полное уничтожение граней между тылом и фронтом. Тыла по сути дела просто не существовало. Достигнуто это было правилом Владимира Ильича, согласно которому, «раз дело дошло до войны, то все должно быть подчинено интересам войны, вся внутренняя жизнь страны должна быть подчинена войне, ни малейшее колебание на этот счет недопустимо» **. Это было сказано перед войной с белополяками, но вся гражданская война Владимиром Ильичем была проведена по этому, как Владимир Ильич говорил, правилу: все интересы страны и вся внутренняя жизнь страны были подчинены гражданской войне. При этих условиях вся страна была военным станом. Абсолютно новым в военном деле тут является постановка требования всю внутреннюю жизнь страны подчинить войне — вот именно тут и стирались грани, отделяющие фронт от тыла, именно тут создавалась, если можно так выразиться, монолитность всей организации борьбы. Проведение в жизнь этого правила является новой наукой о войне. Государственные органы перестраивают свою работу. Создаются новые государственные органы с чрезвычайными полномочиями — Чусоснабарм ***, Продарм. Местная власть перестраивается, где это необходимо по ходу событий, в гибкую, весьма подвижную, с громадными полномочиями организацию ревкомов, работа которых протекает в тесной увязке с военным командованием. Дело тут, конечно, не в форме перестройки госу-

* В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 31, стр. 108.— *Ред.*

** В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 112.— *Ред.*

*** Чрезвычайный уполномоченный Совета обороны по снабжению Красной Армии.— *Ред.*

дарственных аппаратов и создании новых, а во всей политике, которая получила наименование «военного коммунизма».

Само собою ясно, что и перестройка и создание новых органов были подчинены требованию политики.

При этих условиях внутренняя жизнь страны действительно могла быть подчинена войне, и она была ей подчинена.

Руководство Владимира Ильича гражданской войной, повторяю, является законченной наукой о войне всей страной. Эта наука особенно ценна теперь, когда война выливается в технические формы борьбы, когда вся борьба разворачивается вглубь на громадные пространства и когда население страны уже не сможет в порядке самотека *приспособляться к войне.*

Руководство Владимира Ильича сказывалось непосредственно на отдельных участках борьбы.

У меня сохранилось отчетливо воспоминание об этом по Восточному фронту, относящееся к периоду наших неудач на фронте.

Расстроенные части Красной Армии откатывались, теряя и устойчивость и порядок, но еще едва были заметны признаки наступающей стабилизации боевой линии, как уже появлялись новые живые силы на подкрепление обескровленных частей фронта. Поднимались новые коммунистические кадры, новые рабочие отряды — сперва прифронтовых районов, позднее из центра. Основной костяк Красной Армии креп, цементировался. Затем уже очередная мобилизация призываемых в Красную Армию восстанавливала утраченную в тяжелых боях численность.

Замечательна кипучая в этих случаях работа, проходящая по каналам центра. Вопрос идет не только о живой силе. Работа эта приводила в движение все силы и средства громадных районов и поднимала их на оборону. Производилась мобилизация внутренних ресурсов.

Предшествовала ли этой работе переписка между центром и фронтом, просьба, ходатайства и пр.? Никакой. Только короткие шифровки о складывающейся обстановке на фронте и не менее короткие распоряжения центра. В это время работа центра и фронта положительно сливалась в одно целое.

Перечислить многообразие и разнообразие каналов организации борьбы, обрисовать проводимую по ним работу для меня непосильно и невозможно хотя бы по одной разнообразности и разнохарактерности проводимых мероприятий. Достаточно указать, что в момент ликвидации кронштадтского восстания таким каналом организации борьбы оказался X съезд РКП, военные делегаты которого полностью были

брошены на Кронштадтский фронт во главе с К. Е. Ворошиловым.

Основной канал, конечно, был партийный. Именно он создавал молниеносность работы и устремленность, он был истоком творчества, напора и проверки исполнения. Тут опять выявилось лицо большевистской школы Владимира Ильича.

В бытность главнокомандующим мне пришлось лично видеть работу Владимира Ильича по организации обороны. Этот случай относится к периоду мамонтовского рейда по тылам Красной Армии в 1919 году. Рейд был чреват всякими последствиями, тем более, что Мамонтов, прорвав фронт, выскочил в Тамбовский район, зараженный в свое время эсеровщиной и антоновщиной. Поэтому понятно, что Владимир Ильич помимо мер борьбы по линии Красной Армии немедленно приступил к организации глубокой обороны на всех южных путях к Москве, захватив в эту глубокую оборону и Тулу (оружейный завод). Организация этой обороны была поручена члену РВС С. И. Гусеву. Организация обороны складывалась из инженерной обороны местности: строились окопы, оплетались проволочными заграждениями, затем формировались, вооружались, обучались отряды защиты, как пешие, так и конные, и, наконец, все население и местные власти военизировались — организовалась борьба местного населения на всех путях возможного появления мамонтовских казаков.

Вся эта организация обороны не была подчинена главнокомандованию и велась под непосредственным руководством Владимира Ильича, как сказано выше, особо выделенным товарищем. Такое решение надо признать не только правильным, но и мудрым. Главнокомандование не отвлекалось от основной задачи того времени — борьбы с Мамонтовым, и, что самое главное, вся организация борьбы на тыловых путях не отвлекала ни сил, ни средств фронта.

Как известно, Мамонтов не пошел вглубь, а пошел по ближайшим фронтовым районам, почему созданная глубокая система обороны не вступила в боевые действия. Однако несомненно, что принятые меры обороны показали бы себя с лучшей стороны, о чем можно судить хотя бы по фактам поведения населения в Тамбовском районе, где Мамонтов не нашел себе поддержки и вынужден был быстро его оставить, основательно разграбив.

Такая же оборона была организована и в период наступления Юденича пролетариатом Петрограда, который подготовил красную столицу к самой упорной борьбе, вплоть до уличной баррикадной борьбы.

Такие же примеры самодеятельной организации борьбы в истории гражданской войны мы видим в Оренбурге, Уральске и Туркестане.

Самый факт многочисленности каналов, по которым проводились мероприятия по оказанию поддержки боевым частям, по их усилению, по созданию новых мер борьбы, по использованию местных средств, по обеспечению успеха и пр. и пр., создавал громадное количество разнообразнейших мероприятий, направленных для борьбы. Получилось то, о чем выше было сказано и что я назвал борьбой за победу. Мы действительно дрались за победу всеми доступными для нас по тому времени путями. К сожалению, выполнение мероприятий зачастую было ограничено материальными возможностями. Тут невольно думается, что если бы мы тогда располагали современной техникой, то война вылилась бы в такие новые технические формы и методы борьбы, что, несомненно, была бы и в этой области произведена полная революция.

Считаю нужным оговорить, что методы работ главнокомандования и его штаба были далеки от отмеченных новых методов управления, но, что еще хуже,— может быть, я и ошибаюсь — главное командование, находясь в отрыве от центра в Серпухове, не видело всей этой работы Владимира Ильича и вело свою работу по старинке. Особенно темным пятном в этом отношении явилась работа центрального аппарата Наркомвоенмора — Всероглавштаба. Этот штаб являлся носителем худших методов тыловой деятельности, очевидно, он далеко еще не перестроился. Подчинялся он непосредственно Наркомвоенмору.

Скажу о лицах, назначаемых Владимиром Ильичем на ответственные посты в Красной Армии. Исключительный подбор членов РВС фронтов, армий и комиссаров дивизий и частей положительно бросался в глаза. Нужно было большое знание качеств тех товарищей, которые получали ответственные назначения в Красной Армии, и Владимир Ильич знал каждого из них.

Ближе я знал членов РВС фронта и армий, почему мои впечатления складывались главным образом по этим товарищам. Знакомство этих товарищей с военным делом меня, достаточно искушенного в этой специальности, сплошь и рядом удивляло. В отношении же их боевых качеств: самоотверженности, находчивости, решимости, смекалистости — они были положительно выкованы и закалены по одной школе, по одному образцу. Можно было бы привести тысячи примеров, подтверждающих сказанное. Самым же веским доказательством является то, что многие из членов РВС были позд-

нее назначены командующими армиями и хорошо справлялись с делом управления войсками. Очень многие комиссары частей заняли посты командиров этих частей и были прекрасными командирами.

Все сказанное выше, повторяю, относится ко времени, когда я еще не видел Владимира Ильича лично, и, если можно так выразиться, я его видел чужими глазами. Много, много мне рассказывали про Владимира Ильича мои новые товарищи-большевики, со многими из них я к этому времени близко сошелся и сдружился, но никто из них, на мой взгляд, правильно не обрисовал Владимира Ильича, и я этому не удивляюсь.

Мне кажется, что он для каждого и каждый раз был новым Владимиром Ильичем. Человек, обладающий таким богатством творческих мыслей и сил, не мог выглядеть однообразно, он должен был каждый раз казаться в новом свете.

Первая моя встреча с Владимиром Ильичем произошла в исключительной для меня обстановке. В апреле 1919 года Восточный фронт перешел в наступление, которое с первых же шагов имело успех. Разворачивалась большая операция, закончившаяся впоследствии полным разгромом Колчака.

Совершенно неожиданно, по крайней мере для меня, 5 мая 1919 года было получено телеграфное распоряжение Троцкого о снятии меня с должности командующего фронтом. Увольнение с должности было произведено в весьма «деликатной» форме: был дан отпуск и денежное пособие. Но вот за что́ я был отстранен от командования,— я и до сего дня не знаю.

Крайне тяготясь своей вынужденной бездеятельностью в такое горячее время, я 15 мая 1919 года отправился в Москву просить о предоставлении мне какой-либо работы. В Москве я со своей просьбой обратился непосредственно к зампреду РВСР Э. М. Склянскому. Не получив определенного ответа, я в достаточно подавленном настроении ушел на вокзал для возвращения в Симбирск. Едва я прибыл на вокзал, как комендант станции передал мне приказание т. Склянского немедленно вернуться в РВСР. Прибыв к т. Склянскому, я получил приказание ехать с ним, и только в автомобиле он сказал, что мы едем к Владимиру Ильичу. Езды от РВСР до Кремля не более 2—3 минут, а при быстрой езде т. Склянского, я думаю, и того меньше.

Сообщение о том, что мы едем к Владимиру Ильичу, само собою разумеется, меня больше чем взволновало, тем более. что т. Склянский ни слова не сказал, по каким вопросам мне предстояло сделать доклад, да и к тому же я не имел при себе никаких материалов.

Приехав, мы поднялись на лифте. Мне предложено было подождать на площадке лестницы. Тов. Склянский ушел. Через минуту дверь была открыта, и я очутился сразу же в кабинете Владимира Ильича.

Владимир Ильич, смеясь, о чем-то говорил с т. Склянским и, когда я вошел, задал мне вопрос о Восточном фронте. В начале моего доклада Владимир Ильич взял железнодорожный атлас «Железные дороги России», издание Ильина, и по этому картографическому материалу мне и пришлось делать доклад. Эту карту я никогда не забуду, на ней имелись только основные ориентиры. От волнения у меня исчезли из памяти все названия деревень, где находились части Красной Армии и разворачивались боевые действия. Вероятно, заметив мое затруднительное положение, Владимир Ильич облегчил мне доклад подачей реплик, на которые давать ответы было уже много легче.

Обращая внимание Владимира Ильича на развитие военной операции, я стал восхищаться ее красотой. Владимир Ильич немедленно подал реплику, что нам необходимо разбить Колчака, а красиво это будет сделано или некрасиво — для нас несущественно.

Это замечание Владимира Ильича имело глубокий смысл. Я был военным специалистом старой школы, обученным и воспитанным на так называемых классических операциях, родивших «вечные и неизменные принципы» войны. Замечание Владимира Ильича, несомненно, отрезвляло меня и возвращало к реальным формам борьбы сегодняшнего дня.

Владимир Ильич интересовался, насколько достигнутые успехи устойчивы, что намечено и что делается для закрепления и для дальнейшего развития удара. Мое волнение еще и еще усилилось в связи с докладом об обстановке на фронте, с изложением перспектив возможного развития дальнейших операций. Меня тянуло сказать, что это только мои соображения, что я не у дел и являюсь только зрителем того, что происходит на фронте. Хорошо помню, что вопрос обо мне ни Владимиром Ильичем, ни т. Склянским затронут не был. На этом закончилась моя первая встреча с Владимиром Ильичем.

Выйдя из кабинета, я, негодуя на себя за свою растерянность, ожидал возвращения т. Склянского.

На обратном пути т. Склянский ни слова мне не сказал. Из РВСР я опять отправился на вокзал, и тут опять повторилась старая история, т. е. вскоре комендант станции вновь передал мне приказание немедленно явиться к т. Склянскому. На этот раз за мной была уже прислана машина.

В РВСР т. Склянский мне сообщил, что мне приказано

возвращаться в Симбирск и вновь принять командование Восточным фронтом. Такого оборота дела я никак не ожидал и даже считал это просто невозможным, о чем незамедля и сказал т. Склянскому. Как же я могу вернуться на должность командующего фронтом, когда буквально две недели назад был с этой должности снят? Кто же меня будет слушаться? За это т. Склянский меня достаточно внушительно отчитал, указав на неуместность моих сомнений.

Одновременно мне было передано приказание Владимира Ильича немедленно ехать в Серпухов, где находился тогда штаб главнокомандующего, и «договориться» с ним. Неожиданности этого дня продолжались и в Серпухове, где я узнал от главнокомандующего, что я был снят за неисполнение его приказания и вообще за недисциплинированность, о чем я узнал впервые, и самым категорическим образом стал протестовать. Тут-то трудное поручение найти «общий язык» чуть было не обратилось в невыполнимое, и только вмешательство члена РВС, сколько помню, т. Аралова привело к благополучному выполнению поручения. Уже поздно ночью возвратился я от главнокомандующего в Москву. Мысленно я решил на будущее быть абсолютно дисциплинированным и уж никак не давать повода главнокомандованию обвинять меня в этом недостатке.

Несмотря на это, в июне я в полном смысле слова не исполнил приказа главнокомандующего. Наступление на Восточном фронте развивалось вполне успешно. Белогвардейские армии Колчака откатывались за Уфу, а в это время главнокомандующий отдал приказ остановиться на реке Белой. Я отказался остановить наступление. Решение вопроса перешло к Владимиру Ильичу.

* *
*

8 июля 1919 года я был перемещен на должность главнокомандующего. По этой должности мне не приходилось принимать систематического участия в работах СНК и СТО. Лишь в отдельных случаях главнокомандующий вызывался для участия в обсуждении отдельных вопросов, стоящих на повестке дня.

В памяти сохранилась работа, проводимая Владимиром Ильичем на этих заседаниях СНК и СТО. Ярко сохранившийся в памяти *характер* этой грандиозной работы особенно подчеркиваю. В процессе обсуждения того или иного вопроса повестки дня Владимиру Ильичу непрестанно направлялись записки. На эти записки Владимир Ильич неуклонно давал письменные же ответы. Сам Владимир Ильич также задавал

вопросы такими же записками и, само собою разумеется, получал ответы на заданные вопросы. От РВСР постоянно присутствовал на заседаниях СНК и СТО зампред РВСР т. Склянский.

Такого рода записки на этих заседаниях получал и я. Содержание их относилось к вопросам обстановки на том или другом участке фронта, или они являлись проверкой исполнения отданного раньше Владимиром Ильичем распоряжения и постановления СНК или СТО. Получал я такие записки Владимира Ильича и через т. Склянского, когда последний не мог немедленно дать там же, на заседании СНК и СТО, требуемый ответ. Исполнение по этим запискам шло в минимальные сроки: иначе — получались уже другого рода записки.

Однажды мне пришлось получить и такого, назову тяжкого, содержания записку. Вопрос касался ликвидации сапожковского восстания в Приволжском районе. Владимиром Ильичем был задан конкретный вопрос, почему ликвидация не была закончена в назначенный срок? Штаб заготовил достаточно пространный и маловразумительный доклад. Доклад был охарактеризован Владимиром Ильичем бюрократической отпиской, и главнокомандующему было предложено отказаться от бюрократических навыков. Этот предметный урок был вполне и мною и штабом заслужен, но, к сожалению, он не был последним.

Такого же рода урок пришлось получить много позднее, по окончании гражданской войны, когда три центральных управления Наркомвоенмора дали три разные численности бойцов Красной Армии. Этот случай доставил много неприятностей всему РВСР.

Э. М. Склянский аккуратно сохранял эти записки Владимира Ильича. В день кончины Владимира Ильича в понятном порыве воспоминаний мы с Э. М. Склянским пересмотрели ряд этих записок, и перед нами раскрылась картина их значимости.

Сколько важнейших вопросов было разрешено, выяснено или намечено такого рода перепиской на заседаниях СНК и СТО! И что особенно поражает, так это та грандиозная осведомленность до мельчайших деталей Владимира Ильича во всех вопросах по Наркомвоенмору. Именно эта осведомленность и позволяла Владимиру Ильичу буквально с полуслова понимать, о чем идет речь в этих коротких, лаконически изложенных записках, и столь же короткими ответами давать решения по ряду ответственнейших вопросов.

Записки, которыми располагал Э. М. Склянский, имеются в материалах Института Маркса—Энгельса—Ленина. Две из

них, относящиеся к 1921 году, помещены в XX «Ленинском сборнике».

Чрезвычайно характерна по своей лаконичности записка от 5 марта 1921 года: «Секретно. т. Склянский! Где Миронов теперь? Как дело стоит теперь? Ленин» *.

Вопрос касался Миронова, бывшего командующего 2-й Конной армией, арестованного и отправленного с обвинительным актом в Москву.

* *
*

Владимир Ильич повседневно и непосредственно руководил Красной Армией. Руководство это выражалось вовсе не в том только, что Владимиру Ильичу ежедневно представляли сводки и зачастую по его требованию делались письменные доклады штабом РВСР. Повторяю, Владимир Ильич организовал борьбу страны в целом, борьбу, в которой действия Красной Армии были только частью остальных мер борьбы. По всем многочисленным каналам борьбы Владимир Ильич знал действительную обстановку на фронтах, в армиях и на отдельных участках боевого фронта. В тысячах случаев осведомленность Владимира Ильича о действительном положении вещей была больше, чем у штаба РВСР. Вполне понятно, что вся эта работа Владимира Ильича по организации борьбы самым непосредственным путем отражалась на одном из главных звеньев обороны — Красной Армии. Руководство Владимира Ильича в этом отношении Красной Армией было глубже и шире, чем председателя РВСР. К слову сказать, я припоминаю только один личный доклад по оперативным вопросам председателю РВСР, не говоря о докладах на РВСР, тогда как лично Владимиру Ильичу оперативных докладов было много больше.

Организация борьбы шла под повседневным контролем и нажимом Владимира Ильича. Но и контроль и нажим были какими-то особыми, своими, надо думать, присущими только Владимиру Ильичу. Это не был только обнаженный нажим или контрольная проверка исполнения. Это было скорее обнажение твоего неумения работать по-новому. По этому поводу возвращаюсь к случаю с бюрократизмом в докладе по делу о ликвидации сапожковского восстания. В срок задача выполнена не была. На запрос, почему не выполнена,— бюрократическая отписка. Изволь работать по-новому, слабая сторона в твоей работе – бюрократизм; дальнейшая затяжка в ликвидации нетерпима. В результате ликвидация

---

* «Ленинский сборник» XX, стр. 17.— *Ред.*

была закончена в срок. Оговорюсь, что главной причиной первых неудач с Сапожковым действительно оказался бюрократизм и очень скверного порядка, который вскрылся несколько позже.

Сапожков был не так неуловим, как живуч. Банды Сапожкова настигались нами, разгромлялись и затем все же быстро оживали. При проверке выяснилось, что оживали они за счет наших же патронных складов. Напомню, что Сапожков до своего восстания был командиром бригады Красной Армии и со своей бригадой восстал. Базы, на которых сапожковская бригада довольствовалась до восстания, *«не списали»* с довольствия и после восстания. Он и продолжал довольствоваться, что главным образом помогало ему быстро оживать.

Нажим Владимира Ильича создавал и новые темпы борьбы. Оговорюсь, что мне не приходилось тогда слышать слова «темпы». Но они создавались прежде всего кипучим руководством самого Владимира Ильича. Проработки и согласования вопросов проходили в таких темпах, что время, требуемое для этого, трудно было уловить. У меня остались воспоминания о крайней быстроте принимаемых решений и не менее быстром прохождении распоряжений на места.

Организуя борьбу, Владимир Ильич руководил как построением Красной Армии, так и ее снабжением, вооружением и продовольствием. Последний вопрос был едва ли не самым тяжелым. По вопросам снабжения был создан снабженческий орган Чусоснабарм и по продовольственным — Главснабпродарм. Оба органа находились под непосредственным руководством Владимира Ильича. Воспоминания товарищей, возглавлявших оба органа, вероятно, обрисуют работу Владимира Ильича в этой области. В порядке лишь общих замечаний необходимо отметить, что работа Чусоснабарма протекала в большой близости и сотрудничестве с РВСР и главнокомандованием. Что же касается работы Продарма, то тут было много всякого рода стычек. До Владимира Ильича не могли не доходить жалобы и взаимные нападки сторон друг на друга. Прошел довольно значительный период времени, пока эти отношения отрегулировались и наступило взаимное понимание. Основным моментом раздора был пункт в положении о Продармах, гласящий, что начальники Продарма на фронтах и в армиях существуют «на правах» командующих фронтом или армией. Этот пункт обеспечивал независимые от командования существование и деятельность этих органов. Так как вопросы продовольствия на фронтах были очень трудными и в армии имелись свои продовольственные аппараты, то создавалось двоевла-

стие по труднейшим моментам существования армии. Началась «драка», сперва, пожалуй, из-за принципа, а позднее уже и чисто делового порядка.

В порядке самокритики надо сказать, что в отношении захватываемых у врага «трофеев», а в число трофеев входили и захватываемые у противника продовольственные склады, должного порядка было немного. Поэтому вокруг такого рода трофеев всегда подымалась невероятная распря между военными снабженцами и работниками Продарма. Владимиру Ильичу приходилось частенько заниматься разбирательством такого рода случаев, а также приходилось принимать и меры предупреждения против их повторения. В каждом отдельном случае начали создавать полномочные комиссии для дележа трофеев или назначался один товарищ с теми же полномочиями для распределения имущества, попавшего к нам от противника.

В отношении оперативной деятельности Красной Армии руководящая роль Владимира Ильича определялась прежде всего тем, что Красная Армия была инструментом политического руководства.

Вопрос о том, куда должен быть направлен удар Красной Армии в первую очередь, куда во вторую, несомненно, должен был решаться тем, кто руководил всей политикой страны. Красная Армия была в кольце белогвардейских фронтов. Оценка всех фронтов и принятие решения, какой из фронтов должен был быть ликвидирован в первую очередь, являлись задачей первейшего значения по тому времени. Правильное решение этого вопроса по существу определяло всю дальнейшую ликвидацию белогвардейщины. Под руководством Владимира Ильича эта труднейшая задача была решена.

Восточному фронту была предоставлена первоочередность. Лозунг «Все на Востофронт» оповестил о принятом решении всю Красную Армию.

Временные неудачи на Южном фронте и в связи с этим проявленная слабость главнокомандования едва не сорвали твердого проведения данного Владимиром Ильичем плана действий. К этому самому моменту и относится то разногласие об обстановке наступления частей Восточного фронта на реке Белой, о котором я вскользь указывал выше.

Перед Владимиром Ильичем был поставлен оперативный вопрос исключительной важности. Трудность решения усугублялась тем, что не только главнокомандующий, но и РВСР в лице его председателя Троцкого стояли за то, чтобы отказаться от дальнейшего наступления на Колчака и, остановившись на реке Белой, немедленно начать пере-

броску частей Красной Армии с Восточного фронта на Южный. Яснее говоря, стояли за отказ от принятого Владимиром Ильичем решения в первую очередь ликвидировать Колчака.

Владимир Ильич с непревзойденным талантом решил стратегический военный вопрос: принятое решение об отказе остановить наступление остается в силе. Ликвидация Колчака продолжается с еще большим нажимом. Проработан план переброски сил на Южный фронт по календарным срокам. Главнокомандование сменяется. Ставка главнокомандования перемещается в Москву.

Недовольный принятым решением, председатель РВСР Троцкий подает в отставку. Отставка Троцкого не принимается. Троцкий после этого долгое время не руководит и не присутствует в РВСР. Он ездит в своем поезде, но не появляется на Восточном фронте, так как перестал им интересоваться.

Когда я прибыл в Москву, зампред РВСР т. Склянский поставил меня в известность, что Троцкий не согласен был с моим назначением, но что в будущем он примирится. Эти настроения Троцкого мне очень и очень не понравились и очень серьезно обеспокоили. Мне представлялось, что работа в этих условиях будет просто невозможна. Успокоительные речи т. Склянского о будущем примирении мне казались сомнительными.

Исключительную, неоценимую поддержку оказал мне в этот период член РВСР т. С. И. Гусев. Он более полно ввел меня в курс дела, он помог мне разобраться в обстановке других фронтов, он избавил меня от очень многих неожиданностей, не забывая ознакомить с каждой мелочью, играющей ту или иную роль в обстановке большой работы.

Самоустранение Троцкого от руководства РВСР в связи с перемещением штаба главнокомандования в Москву, на мой взгляд, мало отразилось на работе главнокомандования. Мне кажется, что это обстоятельство привело в ряде случаев к непосредственному руководству Владимиром Ильичем работой РВСР.

Первый мой, как главнокомандующего, доклад Владимиру Ильичу по оперативным вопросам был в последних числах июля 1919 года в связи с угрожающим положением под Курском. Явно назревающие здесь события вызвали тревожные телеграммы местных ревкомов с просьбой принятия мер отпора белогвардейцам. Владимир Ильич потребовал соображения главнокомандования по организации этого отпора белогвардейцам. Доклад о предстоящей операции был заслушан Владимиром Ильичем лично.

Операция имела ограниченную задачу — предупредить наступление противника встречным ударом с целью отбросить белогвардейщину от Курска и захватить харьковский узел. Время на подготовку было больше чем ограничено, приходилось пользоваться тем, что было под рукой. Операция началась в начале августа и на первых шагах развернулась довольно успешно: части Южного фронта заняли Валуйки, Купянск, Волчанск и подходили к Чугуеву, но тут были приостановлены белогвардейской конницей генерала Шкуро, после чего наше наступление захлебнулось. Кроме того, 10 августа Южный фронт был прорван конницей Мамонтова, прошедшего рейдом по нашим тылам.

Неудачная операция вскрыла большое неблагополучие общего порядка на Южном фронте и необходимость принятия мер как по линии подбора командования, так и по линии генеральной перегруппировки сил.

На Восточном фронте события продолжали разворачиваться успешно, в связи с чем первоочередность действий, естественно, перемещалась на Южный фронт. Однако подготовиться к генеральным событиям Южный фронт не успел. Владимиром Ильичем было назначено новое командование. Перегруппировку же сил пришлось производить уже в процессе начатых белогвардейщиной операций, сразу же развернувшихся не в нашу пользу.

17 сентября 1919 года добровольческая армия Деникина перешла в наступление, захватив у нас Курск и развив наступление на Орел. Для руководства обороной Южного фронта ЦК назначил т. Сталина. 16 октября 1919 года армия Деникина остановилась на путях к Туле. Для парирования этого удара Деникина спешно создавались две контрударные группы: одна — в районе Карачева, где была образована 13-я армия Уборевича, и другая — в районе Воронежа, куда с царицынского фронта перебрасывалась конница Буденного.

Одновременно с этими событиями с 11 по 16 октября 1919 года на петроградском направлении перешел в наступление Юденич. Он овладел Ямбургом, Красным Селом, Гатчиной, Детским Селом и Павловском, подкатываясь к Петрограду, и тут пришлось принимать чрезвычайные меры и группировать силы для контрудара.

Дни между 11 и 16 октября 1919 года были самыми тревожными. Наступление противника в указанных направлениях продолжалось, а собираемые нами для контрудара силы только сосредоточивались в исходных районах.

Донесения с фронтов получались чуть не ежечасно. От-

ветственнейшие решения приходилось принимать в минимальные сроки. Все важнейшие донесения и принимаемые решения т. Склянский передает немедленно по телефону в Кремль Владимиру Ильичу. Как правило, мы расстаемся с т. Склянским очень поздно, на рассвете. Следующий день опять тревожные звонки. Спешно встречаемся опять в кабинете т. Склянского. Под Петроградом дела значительно ухудшились, приходится принимать крайние меры, бросать резерв, созданный специально для защиты Тулы. По телефону тут же т. Склянский сообщает о принятом решении Владимиру Ильичу. Этот резерв был назван «пиковой дамой» — последний козырь, долженствующий дать нам выигрыш. Дорого стоила и главнокомандованию и т. Склянскому эта «пиковая дама». Чувство ответственности принимаемого решения буквально жгло мозг.

Нагромождение всяких неблагоприятных событий создавало тревожную обстановку. Более сложной обстановки я за весь период гражданской войны не помню. Непоколебимое спокойствие Владимира Ильича в это время являлось самой мощной поддержкой главнокомандования.

После ликвидации Юденича и успешного наступления нашей армии на Южном фронте, когда штаб Южного фронта перешел уже из Паточной в Харьков, однажды декабрьской ночью, около 2 часов, совершенно для меня неожиданно в мой кабинет вошел Владимир Ильич в сопровождении т. Склянского.

Владимир Ильич оглядел обстановку, зашел в особую комнату, где на столе были разложены карты фронтов с суточными отметками местонахождения наших частей, задал несколько вопросов, касающихся обстановки на фронтах, и несколько вопросов общего порядка.

Затем Владимир Ильич переговорил по прямому проводу с Харьковом. Телефонный аппарат находился тут же в кабинете. Тов. Склянский и я на время разговора вышли из кабинета. После этого, задав еще несколько вопросов общего порядка, Владимир Ильич уехал в Кремль.

После отъезда Владимира Ильича мне немедленно позвонил Э. М. Склянский и спросил: «Ну, вы довольны, что Владимир Ильич зашел к вам?» Понятие «доволен» меньше всего подходило к определению того, что я чувствовал после ухода Владимира Ильича. Ведь Владимир Ильич, насколько мне известно, был первый и последний раз в здании РВС и побывал в моем рабочем кабинете. Мои переживания в этот момент, думаю, понятны для тех, кто представит себя в моем положении.

* *
*

Оперативный план белопольской кампании рождался не в пример всем остальным планам гражданской войны в больших потугах. Этому плану предшествовали проработки вариантов южного и северного направлений. Варианты докладывались Владимиру Ильичу. Докладывал начальник штаба П. П. Лебедев в присутствии т. Склянского и моем в кабинете Владимира Ильича. Владимир Ильич интересовался подробностями. Особо подробно было доложено состояние железных дорог. Тут же докладывался вариант переброски I Конной армии т. Буденного походным порядком с Северного Кавказа на правобережье Днепра и попутная задача, возлагаемая на армию по ликвидации банд Махно. Окончательное решение на этом докладе принято не было. Оно было принято позднее.

5 мая 1920 года московский гарнизон провожал на белопольский фронт маршевые молодые рабоче-крестьянские батальоны. Московский гарнизон и батальоны, отправляемые на фронт, были построены на Театральной (ныне Свердлова) площади. Правый фланг примыкал непосредственно к зданию театра. Небольшая трибуна была построена в сквере, расположенном перед театром. С этой трибуны с речью выступил Владимир Ильич. Теперь, когда мы вынуждены воевать, говорил Владимир Ильич, вы должны помнить, что вы идете на фронт как братья польских рабочих и крестьян, что вы идете не как угнетатели, а как освободители. С польскими рабочими и крестьянами у нас нет ссоры...

Речь Владимира Ильича была короткой, может быть даже очень короткой, и в то же время она была исключительно сильной — сильной своей простотой. Она отвечала тому, что у каждого в тот момент было на уме. Она была произнесена нашим Лениным, таким близким, таким дорогим и понятным каждому красноармейцу, каждому присутствующему на площади. Неизгладимо запомнился мне этот митинг, да, вероятно, и всем, кто тогда там был. Крепко запечатлелась у меня вся картина и настроение этого митинга. Чтобы понять тот восторг и энтузиазм, с которыми был встречен Владимир Ильич бойцами и провожающими их рабочими, надо было быть на площади.

В ходе операции против белополяков мне было приказано каждые сутки докладывать Владимиру Ильичу карту с нанесенным расположением результатов суточных передвижений частей Красной Армии на Западном фронте,

* *
*

Одновременно с белопольским ликвидировался и врангелевский фронт. Этот фронт был последним белогвардейским участком. За период борьбы против поляков Врангель добился больших успехов. Он вылез из Крыма, широко распространился по Таврии и занял угрожающее положение по отношению к правобережью Украины, а следовательно, и к частям Красной Армии, занятым борьбой с белополяками. Наши неудачи на врангелевском фронте привели в середине сентября 1920 года к решению выделить этот участок в самостоятельный фронт. До этого выделения врангелевский фронт подчинялся командующему Южным фронтом, действовавшим против белополяков. Южный фронт против белополяков был переименован в Юго-Западный. Фронт же против Врангеля был наименован Южным. Командующим этим новым Южным фронтом был назначен М. В. Фрунзе, который вплотную и занялся ликвидацией врангелевской белогвардейской армии.

Владимир Ильич уделял много внимания ликвидации этого участка, тем более, что эта ликвидация происходила несколько необычно. Так, например, было включение частей Махно в общее командование Красной Армией, было вмешательство Лондона в виде предложения своего посредничества по переговорам с Врангелем, были и случаи совместных действий с нами зеленых организаций * против Врангеля. Ясно, что во всех таких случаях вопрос решался с ведома или непосредственно Владимиром Ильичем. Надо оговорить, что М. В. Фрунзе в период ликвидации Врангеля имел не однажды непосредственные указания и директивы от Владимира Ильича по ряду вопросов, связанных с ликвидацией. Надо не забывать, что принимался целый ряд мероприятий, чтобы не дать Врангелю с остатками своих частей удрать на военных и других кораблях бывшего Черноморского флота.

С ликвидацией Врангеля, собственно, закончилась ликвидация всех белогвардейских фронтов.

Однако боевая деятельность Красной Армии еще не закончилась. Со стороны белополяков продолжался пропуск банд Булак-Балаховича в наши западные приграничные районы. Затем финляндские фашисты произвели диверсию в Северной Карелии, и, наконец, в Средней Азии процветало басмачество, поддерживаемое из-за рубежа. Особо серьезная вспышка басмачества была связана с выступлением Энвер-паши. Из перечисленных операций наиболее крупными

---

* Кулацкие банды.— *Ред.*

надо признать карельскую и энверовскую авантюры. Прямых докладов по этим авантюрам Владимиру Ильичу у меня не было. Однако мои телеграфные сообщения с места действия (в ликвидации и карельской и энверовской авантюр я принимал непосредственное участие) докладывались Владимиру Ильичу. Знаю это потому, что по ряду моих предложений Владимиром Ильичем давались указания.

Весной 1921 года Красная Армия приступила к демобилизации. Штаб РВСР разработал достаточно детальный план проведения демобилизации, причем сроки демобилизации были довольно велики. Владимир Ильич не согласился с этими сроками и опять подошел к этому вопросу с революционной смелостью. Он дал минимальные сроки роспуска мобилизованных красноармейцев и оказался опять прав. Демобилизация была произведена примерно в указанные Владимиром Ильичем сроки. Правда, необходимо оговорить, что нажим на РВСР, понуждая нас укладываться в данные для мобилизации сроки, Владимир Ильич делал не раз. Именно в этот период демобилизации и произошел тот случай представления сведений о различной численности Красной Армии центральными управлениями Наркомвоенмора, о котором я говорил выше.

Красная Армия вступила в период передышки. Началась кропотливая работа по размещению красных частей в казармах, приведение их в порядок и переход к боевой учебе.

* *
*

Владимир Ильич заболел, но я не знал, что он болен безнадежно. Тем сильнее и тяжелее я пережил удар, когда в 7 часов вечера 21 января 1924 года Э. М. Склянский попросил меня срочно зайти к нему в кабинет и сообщил, что Владимира Ильича больше нет. Тов. Склянский также сказал, что мне разрешено сегодня же ехать в Горки и что я включен в число товарищей, которые будут сопровождать тело Владимира Ильича из Горок в Москву. Поезд отходил в Горки ночью. Необычайная тишина и сосредоточенность царили в вагоне, разговоры велись вполголоса, как будто имелась опасность нарушить чей-то покой. Без шума мы разместились по крестьянским саням, высланным крестьянами из окрестных деревень для встречи приехавших, и в полной тьме добрались до усадьбы, где жил последние дни Владимир Ильич. В доме было уже много товарищей, прибывших первым поездом. Осмотревшись, я присоединился к группе товарищей, разместившихся в зале. Вся ночь была наполнена воспоминаниями о последних днях Владимира

Ильича. Никто не спал. Ждали наступления утра, чтобы принять участие в переносе тела Владимира Ильича из усадьбы до станции и сопровождении его в Москву.

Только сознание, что Владимир Ильич оставил после себя закаленную и испытанную в жесточайшей борьбе партию, смягчало мысль о понесенной утрате.

Сб. «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине». Т. 2. М., 1957, стр. 249—265

Впервые опубликовано: «Красная новь», 1934, кн. 1, стр. 6—17.

ПРИВЕТ НАЗАРОВЦАМ

I

Четырехлетняя история Красной Армии, по существу, может быть признана историей непостижимых достижений и превращений в области военного строительства. Эта мысль, на первый взгляд дерзкая, в конечном выводе должна быть признана правильной.

Действительно, какие силы могли еще вчера добровольческие формирования партизанского типа, со всеми худшими сторонами партизанщины, с молниеносной быстротой обратить в регулярные, стройные части, умудренные собственным опытом в использовании всех видов техники, которая имеется на вооружении лучших армий культурных государств настоящего века? Вопрос трудный, не правда ли?

Но еще интереснее превращение вчерашнего партизана в исполнительнейшего военачальника, понимающего и умеющего управлять частью в современных условиях боя. И эти превращения представляют интересные вопросы. Каким образом среди общей массы красноармейцев могли отыскаться товарищи, сразу занявшие посты командармов, комбригов, начдивов, и почему наши враги именуют их генералами? Каким образом еще вчера партизанский отряд, который никакими силами нельзя было оторвать от вагона, куда он засел с применением оружия, и который при появлении противника лишь неистово требовал своего увода с предстоящего поля сражения властным приказанием машинисту: «Крути, Гаврило!» — сегодня стал дисциплинированнейшей частью? Под влиянием какого внушения вчерашние шкурники, проникнутые мыслью, что «если противник не убежит, то убежим сами», или того хуже: «Не стрелять в казака, чтобы не осерчал», сегодня стали устойчивейшими и выдержаннейшими бойцами, идущими на танк, с которым впервые встретились, и захватывающими его в плен?

Каким образом превосходящий нас в числе враг — при выдающихся и опытных командирах, имея в своих рядах того же «мужика» и опираясь на помощь Антанты, оказался ликвидированным?

Почему еще вчерашний солдат царской армии, привыкший быть сытым и хорошо одетым, сегодня мирится с крайней нищетой, недоеданием и многими другими лишениями, совершенно незнакомыми старым «служивым»?

Откуда пришла эта самодеятельность в армии, о которой

ничего не знала ни старая русская армия, на армии других стран?

Почему все средства техники, которые нам были незнакомы и попали к нам в трофейном порядке, работавшие и у врагов наших лишь по указаниям инструкторов Антанты, оказались хорошо нам знакомыми и были немедленно использованы?

Что за наитие нашло на армию, видевшую еще вчера врага в каждом иностранце, которая сегодня среди них безошибочно определяет своих друзей?

Чем вызвано то, что еще вчерашний дух разрушения сегодня обратился в стремление созидать?

Отчего вчерашние Ванюха, Митюха и другие, не видевшие большего удовольствия, как побывать в кабаке и насладиться игрой на гармонике, сегодня жаждут слышать и видеть лучших артистов?

И, наконец, под влиянием чего наши враги, именовавшие нас не иначе, как красными бандитами, сегодня признали нас Красной Армией и советуют зарвавшимся своим друзьям не просчитаться в нашей силе?

Ответы на все эти вопросы нам понятны, ни один из них не поставит нас сегодня, в день 4-й годовщины, в тупик. Мы знаем, что все это сделано руками пролетариата, взявшего в свои руки власть. Силы нового класса беспредельны. В них ответ на все вопросы, разгадка всех загадок. Для врагов Красной Армии за пределами России разрешение перечисленных вопросов останется еще надолго неразгаданной загадкой, которую они разгадают, когда получат предметные уроки.

II

Это было в те трудные времена, когда армии Колчака нанесли нам тяжелый удар под Уфой и, разбив нашу 5-ю армию, стали быстро продвигаться к берегам Красной Волги. Положение фронта тогда еще более осложнилось вследствие того, что противник удачным маневром сшиб наши части к югу от Чишмы, после чего направление Чишма — Симбирск осталось совсем без прикрытия. С очень большими трудностями нам, правда, удалось вытянуть на это направление потрепанную и слабенькую бригаду под командой тов. Блажевича (ныне начальника 1-й Туркестанской дивизии). Но противник, прекрасно учитывая нашу слабость на указанном направлении, то и дело наносил истомленной бригаде Блажевича чувствительные удары, вынуждая ее чуть ли не к ежедневным отходам.

Картина складывалась до ужаса ясная. Не оставалось сомнения, что именно здесь противник достигнет своей цели и овладеет берегами Волги. В бессильной злобе пришлось отыскивать всякие средства, чтобы хотя на время, пока мы не окрепнем на других фронтах, задержать это проклятое продвижение врага.

И вот в эти часы самой трудной и напряженной работы по изысканию сил и средств в Революционный военный совет Восточного фронта явился железнодорожный рабочий, кажется тов. Назаров, со станции Бугульмы и предложил сформировать бронепоезд с десантным отрядом.

Это предложение о формировании отряда было в тот момент, конечно, не первое, и я по опыту хорошо был знаком с такого рода предложениями. Авторы предложений сулили полки, а некоторые даже дивизии. Но результаты от этих спешных формирований были очень убогие, так как все инициаторы формирований бессильны были преодолеть обычные затруднения, вроде недостатка лошадей, вооружения, обмундирования и прочего. Обогащенный этим печальным опытом, я встретил тов. Назарова с некоторым предубеждением, заранее жалея то время, которое придется потратить на беседу с ним.

Однако я очень скоро должен был признать себя совершенно неправым, а свое предубеждение против тов. Назарова признать досадным следствием переутомления тех дней.

Товарищ Назаров оказался совсем не обычным организатором. Его затея отнюдь не походила на желание создать какой-либо «лихой» отряд партизан, который в лучшем случае можно было бы впоследствии использовать на пополнение строевых частей, а в худшем — доставлял немало забот своей требовательностью и неорганизованностью. Стремление тов. Назарова сводилось к желанию использовать своих товарищей железнодорожников, работа которых срывалась приближением врага, как вооруженную силу, дабы ими усилить слабеющие наши части. Для этой цели он и предложил сформировать бронепоезд с десантным отрядом, причем все требования его свелись к двум японским орудиям с небольшим количеством снарядов и четырем — шести пулеметам.

На мой вопрос: «А как же быть с прочими предметами вооружения и снаряжения, без которых трудно сделать бойца?» — тов. Назаров скромно ответил: «Этого нам не надо; кое-что из вооружения имеем, а недостающее достанем на фронте: ведь там много раненых, есть и выбывшие из строя. Товарищи уже отправились на фронт и, наверное, кое-что привезут». Поразительная по тем временам скромность, а равно и разумная мысль использования местных сил и средств для

усиления фронта была столь заманчива и явилась настолько отвечающей моменту, что не оставалось никаких препятствий к признанию такой самодеятельности самым правильным подходом к создавшейся обстановке, и тов. Назаров немедленно получил просимое разрешение, а равно и средства.

Закончив эти принципиальные разговоры, я поинтересовался узнать, как мыслит себе тов. Назаров работу бронепоезда с десантом. Задавая ему этот вопрос, я далек был от мысли производить ему какой-либо экзамен; я только интересовался планом работы десанта, которых в то время при наших бронепоездах совсем не было. Объяснения, какие я получил от тов. Назарова, убедили меня в том, что в лице тов. Назарова мы имеем ту одаренную натуру, какую смело можно поставить среди тех, кого справедливо называют самородками.

«Прежде всего,— сказал он,— бронепоезд в одиночку работать не может. Это батарея артиллерийская и пулеметная. Батарею свою я должен выдвинуть вперед цепи и поставить ее так, чтобы вести по противнику продольный огонь. Противник, попав под такой огонь, не выдержит и подастся назад. Тогда пусть наша цепь наступает, а я с бронепоездом продвинусь вперед».

«Правильно, товарищ Назаров,— невольно перебил я,— но для чего же тогда вам десант?»

«Как для чего? — ответил тов. Назаров.— Без десанта выдвинутый поезд не удержится и вынужден будет отойти. Ведь из каждой деревни в него будут палить, и надо из этих деревень повыбивать противника затем, чтобы вести разведку для следующего передвижения».

Поясняя это, тов. Назаров набросал схемку. «Кроме десанта, товарищ Каменев,— продолжал т. Назаров,— мне нужно сорганизовать ремонтную летучку, вооруженную пулеметами. Летучку я пущу вперед, она или осветит мне, что путь исправен, или исправит его. В летучке будет один вагон, вооруженный пулеметами, там же будет часть десанта, ну и, конечно, там же будут ремонтные рабочие и материал. Рабочие будут вооружены. Исполнив свою задачу, летучка уйдет назад, и ее заменит бронепоезд, а летучку буду держать позади на случай, чтобы противник не испортил в тылу полотна да не отрезал бы бронепоезд».

На этом мы закончили свою беседу. Передо мной открылся новый прием работы бронепоездов и совершенно неожиданно отыскался самородок военного дела.

Уже после того когда мы разбили Колчака и вновь собрались овладеть Уфой, тов. Назаров приехал и привез с собой рапорт о разрешении расформировать свой бронепоезд, так

как задача была им выполнена, а железная дорога теперь особенно нуждалась в рабочих. Разрешение на расформирование поезда ему было немедленно дано, причем я, конечно, поинтересовался, какие боевые задачи и когда выпали на долю бронепоезда.

Товарищ Назаров с гордостью сообщил, что общий, решительный переход в наступление на симбирском направлении был начат выдвижением его поезда, и затем, что работа его поезда была именно такая, какую он рисовал мне в первое наше свидание. Одновременно он показал схемки тех боевых положений, какие поезд занимал в период интереснейших боев нашего наступления. К глубочайшему моему сожалению, эти схемки у меня не сохранились, и я воспроизвести их по памяти не могу.

По этой причине я вынужден окончить свою заметку. Хотел бы только еще сказать, почему именно этот эпизод, а не другой захотелось мне запечатлеть в день «воспоминаний». Дело в том, что самодеятельность является, пожалуй, одной из наиболее ярких черт в истории Красной Армии. В старой царской армии и в армиях других государств «самодеятельности» не было, да, надо думать, никогда и не будет.

В этом небольшом примере я хотел указать, откуда и как эта самодеятельность шла в Красную Армию. Она шла извне в лице тех одаренных рабочих, которые не могли оставаться равнодушными к деятельности Красной Армии и прилагали все свои силы, чтобы хоть что-нибудь свое вложить в дело борьбы, в которой побежденными остаться было нельзя. В самой же Красной Армии — молодой и полной порыва — эти отдельные начинания даровитых товарищей всегда встречались весьма охотно по той простой причине, что Красная Армия не имела того казенного трафарета, при котором ничего, кроме «кем-то испытанного и одобренного начинания» не могло, да и не должно было проникать.

В 4-ю годовщину, в день «воспоминаний», я шлю всем товарищам «Назаровым» свой пламенный привет и был бы очень счастлив, чтобы эти строки дошли до того товарища Назарова, о котором здесь велась речь.

«Сборник воспоминаний к 4-й годовщине Рабоче-Крестьянской Красной Армии 1918—1922». М., Высший военный редакционный совет, 1922.

Перепечатано под названием «Привет назаровцам» в сб. «Былое Урала», № 3, Уфа, 1924, стр. 145—149. Там же (стр. 119—144) напечатаны воспоминания члена РКП(б) М. Назарова «Биография и партийная работа».

Михаил Николаевич
ТУХАЧЕВСКИЙ
(1893—1937)

Член Коммунистической партии с апреля 1918 г.

Родился в Смоленской губернии. Отец — дворянин. Мать — простая крестьянка. По окончании военного училища служил в гвардии, участвовал в первой мировой войне.

В 1918 г. добровольно вступил в Красную Армию и первоначально работал в военном отделе ВЦИК. С мая того же года — военный комиссар Московского района Западной завесы, затем — командующий 1-й революционной армией (Восточный фронт), 8-й армией (Южный фронт). В 1919 г. командовал 5-й армией при разгроме Колчака.

В марте 1921 г. при подавлении контрреволюционного Кронштадтского мятежа командовал 7-й армией, в мае был поставлен во главе войск, брошенных на ликвидацию мятежа в Тамбовской губернии, поднятого эсером Антоновым.

Весной 1924 г. был назначен заместителем начальника штаба РККА. В 1925 г.— командующий войсками Западного военного округа и член Реввоенсовета СССР. С ноября — начальник штаба РККА. С 1928 г. командовал войсками Ленинградского военного округа. С 1931 г.— заместитель Народного комиссара по военным и морским делам и заместитель председателя Реввоенсовета СССР. Являлся кандидатом в члены ЦК ВКП(б).

ПЕРВАЯ АРМИЯ В 1918 ГОДУ

Вместе с ликвидацией фронтов окончила свое существование 1-я Революционная армия. Связанный с этой армией работой в ней в самые тяжелые времена создания нашей Красной Армии, я не могу не посвятить этому славному соединению нескольких страниц воспоминаний.

1-я армия не только по номеру, но и на деле шла первой как в области организационных успехов, так и в деле выявления и создания широкого и смелого маневра гражданской войны.

Формирование Красной Армии, как известно, долгое время носило стихийный характер. Сотни и тысячи отрядов самой разнообразной численности, физиономии, дисциплины и боеспособности — вот внешний вид нашей Красной Армии до осени 1918 г. Только с этого момента начинается перелом. Отряды переформировываются в полки, полки начинают сводиться в бригады и дивизии, и в 1919 г. мы уже видим почти окончательно сформировавшуюся армию.

1-я армия шла по этому пути гораздо скорее. Уже в начале июля ее многочисленные отряды были сведены в три стрелковые дивизии: Пензенскую (начдив тов. Богоявленский), Инзенскую (начдив тов. Лацис) и Симбирскую (начдив тов. Иванов, потом тов. Гай). В дальнейшем Пензенская дивизия получила 20-й номер, Инзенская 15-й и Симбирская 24-й и название Железная. Был сформирован отдельный кавалерийский дивизион под командой тов. Боревича.

Но до правильной организации было еще далеко.

Когда 27 июня я прибыл на ст. Инза для вступления в командование 1-й армией, штаб армии состоял только из пяти человек: начальника штаба Шимупича, начальника оперативного отдела Шабича, комиссара штаба Мазо, начальника снабжения Штейнгауза и казначея Разумова. Никаких аппаратов управления еще не существовало; боевой состав армии никому не был известен; снабжались части только благодаря необычайной энергии и изобретательности Штейнгауза, который перехватывал все грузы, шедшие через район армии, как-то сортировал их и всегда вовремя доставлял в части.

Сами части, почти все без исключения, жили в эшелонах и вели так называемую «эшелонную войну».

Эти отряды представляли собой единицы чрезвычайно спаянные, с боевыми традициями, несмотря на короткое свое существование. И начальники, и красноармейцы страдали необычайным эгоцентризмом.

Операцию или бой они признавали лишь постольку, поскольку участие в них отряда было обеспечено всевозможными удобствами и безопасностью. Ни о какой серьезной дисциплине не было и речи. Эти отряды, вылезая из вагонов, непосредственно и смело вступали в бой, но слабая дисциплина и невыдержанность делали то, что при малейшей неудаче или даже при одном случае обхода эти отряды бросались в эшелоны и сплошной эшелонной «кишкой» удирали иногда по нескольку сотен верст (например, от Сызрани до Пензы).

Ни о какой отчетности или внутреннем порядке не было и речи. Были и такие части (особенно некоторые бронепоезда и бронеотряды), которых нашему командованию приходилось бояться чуть ли не так же, как и противника.

Такова была та тяжелая обстановка, в которой пришлось работать весной и летом 1918 г.

Однако революционно настроенные массы красноармейцев легко поддавались обработке, как только начинались применяться правильные методы организации: брошенные на фронт коммунисты окончательно закрепили это дело.

ВОЙНА С ЧЕХОСЛОВАКАМИ

В такой обстановке пришлось начать войну с чехословаками весной 1918 г.

Подняв восстание в Пензе, чехословаки двинулись на Сызрань — Самару и здесь обосновались. Другая их часть обосновалась в Челябинске.

Слабые советские отряды со всех сторон облепили эти два контрреволюционных гнезда и первое время белогвардейцы были изолированы.

В Самаре появилась «учредилка».

В первое время военный руководитель Высшего военного совета тов. Бонч-Бруевич считал восстание чехословаков пустяковым делом. Однако очень скоро события приняли столь серьезные размеры, что нам пришлось образовать Восточный фронт. Главнокомандующим был назначен Муравьев, а членами Революционного военного совета товарищи Кобозев и Благонравов.

ГРУППИРОВКА СИЛ

Восточный фронт составляли четыре армии: Особая, действовавшая в районе Саратова, 1-я, действовавшая в районе Кузнецк — Сенгилей — Бугульма, 2-я, действовавшая в Уфимском районе фронтами на восток и на запад, и 3-я, действовавшая в Екатеринбургском районе.

Чехословацкие войска, на которые быстро налипали белогвардейские части, базировались во всех отношениях на захваченные ими центры и снабжались оставшимися еще от империалистической войны значительными запасами вооружения, снаряжения, обмундирования и прочего. Первое время оба контрреволюционных центра — и Самара, и Челябинск — были изолированы от остального буржуазного мира советской территорией. Только уральские казаки примыкали к Самарскому району.

Таким образом, задача Красной Армии сводилась к тому, чтобы быстрыми ударами разбить далеко разбросанные части контрреволюционных войск и занять центры с диктатурой буржуазии («учредилки»).

Но такая простая задача вылилась у Муравьева в сложный, фантастический и совершенно невыполнимый план.

МУРАВЬЕВ

Муравьев отличался бешеным честолюбием, замечательной личной храбростью и умением наэлектризовывать солдатские массы. Теоретически Муравьев был очень слаб в военном деле, почти безграмотен. Однако знал историю войн Наполеона и наивно старался копировать их, когда надо и когда не надо. Мысль «сделаться Наполеоном» преследовала его, и это определенно сквозило во всех его манерах, разговорах и поступках.

Обстановки он не умел оценить. Его задачи бывали совершенно нежизненны. Управлять он не умел. Вмешивался в мелочи, командовал даже ротами.

У красноармейцев он заискивал. Чтобы снискать к себе их любовь, он им безнаказанно разрешал грабить, применял самую бесстыдную демагогию и прочее. Был чрезвычайно жесток.

В общем, способности Муравьева во много раз уступали масштабу его притязаний. Это был себялюбивый авантюрист, и ничего больше. «Левоэсеровство» его было совершенно фальшивое, служило ему лишь ярлыком.

ПЛАН МУРАВЬЕВА

Отправляя меня из Казани в 1-ю армию 26 июня, Муравьев приблизительно так обрисовал свой план действий.

Главные усилия будут обращены на уничтожение самарской группы противника. Она будет уничтожена обходным маневром. Для этого:

1) Особая армия будет наступать в обход самарской группы на Уральск и далее на Оренбург.

2) 1-я армия должна будет начать наступление на широком фронте: Кузнецк — Сенгилей — Бугульма, и, постепенно сжимая кольцо, должна будет занять Сызрань и Самару, отрезав противнику путь отступления на Уфу со стороны Сургута и Бугульмы.

3) 2-я армия будет содействовать наступлением в юго-восточном направлении. В то же время она будет содействовать действиям 3-й армии на Челябинск.

В это время самарская белогвардейская группа усиленно формировала войска и находила достаточно средств для существования и роста тут же, на месте.

Таким образом, задумывая обход, Муравьев упустил из виду, что Самарская группа имела базу при себе, и обходные его замыслы не давали ей ничего, кроме выгод бить по частям наши разбросанные части.

Этот план удара по несуществующим коммуникациям противника заранее обрекал действия на неудачу.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ РАБОТА

Прежде чем перейти к описанию дальнейших действий 1-й армии, необходимо остановиться на той организационной работе, которая в ней проводилась.

Я уже упомянул, что отряды были сведены в три дивизии (в дальнейшем была сформирована и четвертая — Вольская). Но для того чтобы эти соединения не остались только оформленными на бумаге, необходимо было создать прочные штабы и регулярную штабную работу. Этот вопрос был трудно разрешим, так как добровольно в армию поступили лишь четыре бывших офицера.

По соглашению с председателем Симбирского губкома тов. Варейкисом приказом по 1-й армии 4 июля 1918 г. была объявлена первая в Республике мобилизация бывших офицеров. Через две недели такая же мобилизация была произведена в Пензенской губ.

Эта мера дала возможность быстро создать полевые управления дивизий, бригад и полков. Проведение строгой отчетности мгновенно изменило анархический вид частей. Они стали быстро втягиваться в регулярную работу, а вместе с тем произошел резкий перелом в пользу установления строгой дисциплины.

Точно так же впервые в 1-й армии были введены армейский и дивизионные военно-революционные трибуналы. Учреждение трибуналов окончательно закрепило утверждение дисциплины.

После измены Муравьева в армию из центра стали поступать в большом числе мобилизованные коммунисты. Это окончательно укрепило и одухотворило создавшийся армейский организм.

Началась правильная работа политического отдела. Появилась армейская газета «Набат революции».

После измены Муравьева для усиления армии была объявлена мобилизация людей и лошадей в Пензенской губ. и в части Симбирской.

Было начато формирование трех кавалерийских полков.

В Саранске были созданы пехотные, артиллерийские и инженерные части.

В Сердобске был организован Отдел военных заготовок армии, ибо из центра 1-я армия почти ничего не получала.

Таким образом, еще в первую половину июля 1-я армия уже представляла мощный, организованный строевой и хозяйственный аппарат. Этот аппарат быстро креп и разрастался, и к 13 –15 июля были определенные данные, дававшие надежду на разгром самарской группы чехословаков и русских белогвардейцев.

ПОДГОТОВКА ОПЕРАЦИИ

Верный своей привычке вмешиваться в дела подчиненных, Муравьев расписал подробный план наступления 1-й армии на Самару, где в то время концентрировались главные силы белогвардейцев и источники для ведения с нами войны.

По этому плану 1-я армия должна была поделить свои силы (около 8 тыс. штыков) на семь колонн, которые должны были одновременно наступать на фронте около 300 верст. Главный удар должна была наносить мусоркская колонна, силою немногим более 800 штыков. Все остальные силы демонстрировали и «обходили» радиусом верст в 150.

Я не мог проводить сознательно этот сумасшедший план в жизнь и поневоле должен был внести коррективы.

Наши войска того времени почти не были способны двигаться без железных дорог, так как вовсе не имели транспорта, а пользоваться обывательским транспортом еще не умели.

Поэтому двинуть большие силы по кратчайшему направлению от Мелекесса на Самару было затруднительно.

Пришлось остановиться на направлении Симбирск — Самара, как на направлении, по которому был обеспечен подвоз по Волге.

В Симбирске быстро оборудовались четыре парохода и несколько барж под артиллерию. Были навербованы достаточные команды матросов.

На это направление перебрасывалось два полка с сызранского направления, и, кроме того, оно усиливалось за счет соседних колонн. Сюда же сосредоточивались все технические войска армии. Этими мерами достигалось сосредоточение в этой, так сказать, волжской, группе главных сил армии.

Передовые части белогвардейцев доходили только до линии Усолье — Мусорки. Отсюда Ставрополь брался коротким ударом.

Порядок следования главных сил намечался такой: главная масса войск двигалась до соприкосновения с значительными силами противника на пароходах. В авангарде должна была идти флотилия, а по берегам наряду с ней должны были двигаться все броневые автомобили и отряды пехоты на обывательских подводах.

Белогвардейцы располагались довольно беспечно и, кроме чехословаков, легко поддавались панике. В Самаре было подготовлено восстание рабочих.

Таким образом, намеченная операция, позволявшая неожиданно и быстро появиться перед противником, давала все шансы на успех. Численно силы противника точно не были известны, но, во всяком случае, не могли многим превышать наши, так как главные силы чехословаков со взятием Уфы уже успели соединиться с челябинской группой.

В виде демонстрации была предпринята атака Сызрани, которая и увенчалась успехом.

Все приготовления к операции уже заканчивались, когда было получено сведение о том, что Муравьев выезжает в Симбирск для личного руководства операцией. Это было чрезвычайно неприятно, так как, во-первых, Муравьев наглядно бы увидел, что его планы не были точно выполнены, а во-вторых, он мог изменить почти уже законченные приготовления.

ВОССТАНИЕ МУРАВЬЕВА

11 июля Муравьев прибыл на пароходе в Симбирск. Я им был вызван для доклада, но как только явился на пристань, то тотчас же был арестован. С сумасшедшими, горящими глазами, Муравьев после ареста заявил мне: «Я поднимаю знамя восстания, заключаю мир с чехословаками и объявляю войну Германии».

Так дико и неожиданно было начато это шутовское восстание Муравьева. Приехавшие с ним красноармейцы были взяты им наскоком. Он огорошил их, и они ничего не понимали и шли за Муравьевым, считая его старым «советским воякой». Так же бессознательно перешел на сторону Муравьева и броневой дивизион, стоявший в Симбирске.

В первую минуту, после того как Муравьев уехал осаждать Совет, красноармейцы хотели меня тотчас же расстрелять, но были крайне удивлены, когда на вопрос некоторых, за что я арестован, я им ответил: «За то, что большевик». Они были сильно огорошены и отвечали: «Да ведь мы тоже большевики». Началась беседа. Услышав о левоэсеровском восстании в Москве и получив объяснение измены Муравьева, оставшиеся красноармейцы тотчас же избрали делегацию и отправили ее в броневой дивизион для обсуждения вопроса.

В это время Муравьев, осадив здание Симбирского губисполкома, начал вести с последним переговоры о власти. Между прочим, симбирские левые эсеры ему оказали полную моральную поддержку. Эти переговоры и послужили главной причиной столь быстрой гибели Муравьева. Товарищ Варейкис проявил колоссальную энергию и находчивость. Им были наспех отпечатаны воззвания к красноармейцам, а в их массу, кроме того, было направлено большое число коммунистов. Началась деятельная работа, и уже через час-полтора на стороне Муравьева почти никого не было. А тем временем в зале заседаний губисполкома шел горячий разговор тов. Варейкиса с Муравьевым. Наконец, взбешенный отказом сдать власть, Муравьев стукнул кулаком по столу и сказал: «Тогда я иначе с вами поговорю!» — и направился к двери. При выходе из двери он был остановлен солдатами, которые объявили ему, что он арестован. Вскрикнув: «Предательство!», Муравьев выхватил маузер и открыл стрельбу, но был немедленно же убит (первое время некоторые говорили, что он сам застрелился последней пулей).

ВЛИЯНИЕ ИЗМЕНЫ НА ВОЙСКА

Эта измена, так быстро и удачно ликвидированная, тем не менее принесла колоссальный вред для армии. За время своего господства Муравьев разослал во все войсковые части телеграммы о заключении мира с чехословаками, войне с Германией и прочем. Через несколько часов после расстрела Муравьева эти же части получили телеграммы об измене Муравьева, о его расстреле и прочем. Это все произвело колоссальное впечатление на несформировавшиеся еще окончательно части. Началась паническая боязнь предательств, развилось недоверие части к части, красноармейцев к командному составу и прочее. Эсеры, меньшевики и прочие белогвардейцы еще более усиливали это настроение. Начались непрерывные ложные слухи об обходах, изменах и прочем. Войска стали отходить даже без боя.

ПОХОД ТОВ. ГАЯ

Пошедшая быстро на лад организация войск стала быстро разлагаться. Быстро нами были оставлены Бугульма, Мелекесс, Сенгилей и, наконец, Симбирск. Последний был взят налетом чехословаков со стороны Сызрани тогда, когда в районе Сенгилея еще действовала сенгилеевская группа тов. Гая. Благодаря личному влиянию тов. Гая, это была единственная часть, сохранившая дисциплину и боеспособность.

Отрезанный со всех сторон, тов. Гай собрал и присоединил к своей группе рассеянные и бродившие отряды, забрал в Сенгилее все народное имущество и с громадным обозом двинулся через Ясачная — Ташла на ст. Чуфарово.

Все белогвардейские атаки были отбиты. Совершив марш до 150 верст по району, занятому противником, тов. Гай, ничего не потеряв, вывел свою колонну на ст. Чуфарово, где и соединился с остальными войсками армии.

За этот героизм колонна тов. Гая была названа «Симбирской Железной дивизией», и это название она сохранила и после получения ею 24-го номера.

После падения Симбирска мы производили на него три наступления.

НАШЕ ПЕРВОЕ НАСТУПЛЕНИЕ НА СИМБИРСК

Первое, по приказу нового главкома тов. Вацетиса, вел отряд тов. Толстого тотчас же после падения Симбирска. Попытка была неудачная. Зато на ст. Чуфарово произошло соединение отрядов тов. Толстого и тов. Гая.

К этому времени мы потеряли и Казань, а Вольск был захвачен белогвардейцами. Против последнего пункта началось формирование Вольской дивизии.

ВТОРОЕ НАСТУПЛЕНИЕ

Тов. Вацетис прислал на подкрепление бригаду пехоты под командой ветеринарного врача Азарха и приказал вновь перейти в наступление на Симбирск.

В это время велось наступление на Казань и необходимо было перехватить в Симбирске вывозимый оттуда по Волге золотой запас.

Наше второе наступление на Симбирск также окончилось неудачей. На правом фланге, в районе Белого Гремячего Ключа, мы перехватили уже Волгу, но зато на левом фланге, из-за неумения тов. Азарха управлять бригадой, последняя у

него расползлась и была разбита каким-то небольшим чешским отрядом. Несмотря на все старания тов. Гая, положение не удалось спасти, и 16 августа наши войска вновь отошли на линию ст. Чуфарово.

ПОДГОТОВКА 3-й ОПЕРАЦИИ

Последние две симбирские операции окончательно доказали главкому малую боеспособность войск и необходимость дать им успокоиться и устроиться. Мне было разрешено наконец вновь заняться усиленной подготовкой армии.

Раньше уже говорилось о той организационной работе, которая была предпринята в армии. К середине августа эти все мероприятия начали уже давать положительные результаты.

Штабная работа наладилась отлично.

Войска начали получать пополнения.

Продовольствие и обмундирование доставлялись правильно.

Только в одном — в винтовках — чувствовался острый недостаток. Это очень затрудняло подачу пополнений.

Артиллерия была приведена в полный порядок, сведена в дивизионы и вообще была доведена до штата.

Инженерные части точно так же уже были созданы.

К этому времени менее всего удалось доформировать Вольскую дивизию, которая непрерывно передавалась из армии в армию и была очень оторвана от штаба армии.

В таких благоприятных условиях работа коммунистов, брошенных в части, дала колоссальные результаты.

В частях появилась определенно твердая дисциплина, исполнительность и бодрый дух.

К концу августа 1-я армия организационно и духовно была уже готова к решительным операциям и ожидала только подкреплений, обещанных главкомом Вацетисом с Западной завесы.

Для содействия Вольской дивизии в Саратове началась постройка речной боевой флотилии.

К первым числам сентября в армию прибыл только что сформированный батальон связи и коммунистический авиационный отряд. Это значительно технически укрепило армию.

Средств связи, конечно, все-таки не хватило, и потому зачастую в операциях маневр встречал большие затруднения.

Правда, войска уже поспели обзавестись обозом, а главным образом, научились использовать обывательский транспорт, и потому хорошие части уже не держались за желез-

ные дороги; но плохая связь долго еще себя давала чувствовать, и мы хотя и бросили «движение по железным дорогам», но долго еще придерживались «движения по проводам».

Кстати, скажу несколько слов о командном составе того времени.

В подавляющем большинстве строевой командный состав был из «низов». Это был командный состав, руководимый революционным экстазом, безгранично смелый, склонный неизменно наступать. У красноармейцев он пользовался большим авторитетом.

Первое время гражданской войны этому командному составу было трудно справляться с обстановкой. Обстановка эта действительно требовала, даже от командира батальона, умения действовать, совершенно не имея никакой связи с соседями, не рассчитывая ни на какую их помощь (такова была редкость боевых порядков).

Эта обстановка требовала, следовательно, от каждого комбата всех качеств полководца.

Энергия, смелость, наступательный порыв в значительной степени разрешали эту трудную задачу, но зато отсутствие теоретической подготовки делало наш командный состав того времени маловыдержанным, непрестанно оглядывающимся, отступающим, как только на фланге появится противник. Почти все командиры проделали всю империалистическую войну. Опыт у них был значительный, но новый фактор, отсутствие соседей, сильно смущал их.

Однако опыт и в гражданской войне научил их воевать. С частыми ошибками, но с постоянной энергией они постепенно приучались и втягивались в маневр и создавали тот незаменимый кадр коммунистического командного состава, на котором держится наша Красная Армия.

Красноармейцы первой половины 1918 г. состояли из добровольцев, в большей части из рабочих. Это была масса требовательная, но глубоко проникнутая классовым самосознанием и революционным духом. Поэтому боевая дисциплина быстро проникала в их ряды.

Противная сторона также была классового состава, из кулаков, белоофицерства и прочих. Поэтому бои носили ожесточенный характер. Долгое время пленным не было пощады ни на той, ни на другой стороне.

Возвращаюсь к обстановке на фронте 1-й армии в конце августа 1918 г. Как уже говорилось выше, организационно, в административном и хозяйственном отношении, 1-я армия уже была готова к решительным действиям. Ожидалось только прибытие подкреплений, чтобы начать новое наступление.

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ

24 августа положение на фронте было следующее: Вольская дивизия подготовляла атаку на Вольск. Она скоро была передана в состав 4-й армии, где и должна была действовать в направлении Вольск — Хвалынск, а после взятия последнего пункта должна была вновь перейти в состав 1-й армии для дальнейших действий против Сызрани.

Пензенская дивизия занимала линию Лава — Канадей — Троицкий — Сунгур. Противник, находившийся против нее, был в одинаковых примерно с ней силах.

Против Инзенской дивизии белогвардейцы проявляли большую активность и постепенно теснили ее, обходя ее левый фланг. К указанному дню Инзенская дивизия занимала фронт: Сорокино — Аристовка — Богдановка — Гурьевка — Куроедово — Хананеево. Противник, силою до 1200 штыков, занимал линию Русская Темрязань — Нижняя Измайловка — Витолевка, имея резервы в районах ст. Тимошкино и ст. Кузоватово. Инзенская дивизия насчитывала около 1000 штыков.

Симбирская дивизия (2458 штыков) спокойно занимала линию Поповка — Анненково — Прислониха, имея для наблюдения за правым флангом два эскадрона в районе Б. Мура. Противник, силою до 2500 штыков, занимал линию Елшанка — Выры — Петровка — Шумовка, имея резервы в гор. Симбирске.

В районе гор. Алатыря образовалась небольшая алатырская группа, ввиду того что противник начал тревожить этот район со стороны Буинска. Скопление его сил замечалось в районе дер. Б. Батырево, где он усиленно мобилизовал кулаков.

Таким образом, группировка сторон, имея в виду нашу операцию на Симбирск, была не в нашу пользу. Исправление ее было совершено следующим образом.

На правом фланге симбирского направления Инзенской дивизии была поставлена задача разбить и отбросить противника за линию ст. Кузоватово. Пензенская дивизия должна была тревожить противника в направлении левого фланга Инзенской дивизии. Симбирской дивизии было приказано направить Витебский полк из дер. Поповка в направлении Бесштановка — ст. Кузоватово для атаки в тыл кузоватовской группы противника. Для связи между левым флангом Инзенской дивизии и Витебским полком кавалерийский дивизион тов. Боревича был направлен на Нижнюю Измайловку.

25 августа начинается стремительное выполнение поставленной задачи. Противник сбит и ошеломлен. 27 августа Инзенская дивизия выходит на линию восточнее деревень Рус-

ская Темрязань — Поливаново — Акшоут. Витебский полк, атаковав противника с тыла, вышел того же числа к юго-западу от дер. Баевка. Разбитый противник, стремительно ускользая из мешка, бежал к юго-востоку от ст. Кузоватово.

28 августа Инзенская дивизия заняла ст. Кузоватово, и, таким образом, справа наступление на Симбирск было обеспечено.

Для обеспечения операции слева алатырской группе была поставлена задача разбить батыревскую группу противника ударом со стороны ст. Ибреси.

Алатырская группа выставила заслон на подступах к гор. Алатырю, а удар главными силами нанесла со ст. Ибреси, в направлении Б. Батырево. Скопление противника было рассеяно и остатки его бежали на Буинск.

Таким образом, Симбирская операция была обеспечена с обоих флангов.

Я уже говорил, что главкомом были обещаны значительные подкрепления примерно к 25 августа. Однако в начале сентября я получил от него извещение, что подкрепления несколько запоздают.

В связи с этим, а также с тем, что обстановка на фронте армии слагалась благоприятно, пришлось отказаться от мысли ожидать подкреплений. Необходимо было начать операцию наличными силами.

Для усиления симбирского направления и обеспечения здесь нашего превосходства сил пришлось ослабить участки Пензенской и Инзенской дивизий, оставив здесь лишь слабые заслоны.

Первоначально я предполагал нанести удар на Симбирск двумя дивизиями: Инзенской и Симбирской, но затруднения в организации связи и тыла заставили все предназначенные для атаки Симбирска силы передать начдиву Симбирской Гаю.

В основу плана операции была положена идея концентрического наступления.

Пензенской дивизии была поставлена задача активной обороны занимаемых рубежей.

Инзенской дивизии на фронте также была поставлена оборонительная задача. Зато кавалерии левого фланга ставилась задача занять с. Теренга и перервать телеграфное сообщение Сызрань — Симбирск. Кроме того, поставлена задача непрерывно освещать кавалерийской разведкой район Тромбетчино — Собакино — Назайково — Тереньга и участок тракта Тереньга — Горюшки.

Силы ударной симбирской группы тов. Гая достигали примерно 8 тыс. штыков. Противник небольшими силами зани-

мал передовые линии и имел довольно значительные резервы в районе Симбирска (что было выяснено после взятия последнего). С этими резервами, как выяснилось после, белогвардейцы лишь немногим уступали в численности, при составлении же плана наши силы представлялись значительно превосходящими силы противника.

Исходное положение для симбирской группы было намечено по линии Поповка — Анненково — Прислониха. Кроме того, 5-й Курский полк на грузовиках перебрасывался со ст. Чуфарово в район ст. Алгаим для наступления в обход правого фланга противника, вдоль большака ст. Алгаим — Ногаткино — Симбирск. Таким образом, исходная линия достигала почти 100 верст по фронту.

Первые серьезные силы противника мы могли встретить на линии Елшанка — Выры — Петровка и отдельные отряды в районе с. Шумовка. Главные силы группы двигались по большакам Поповка — Елшанка и Прислониха — Тетюшское и между ними.

Таким образом, ко времени серьезных боев фронт атакующих частей сокращался до 60 верст к вечеру первого же дня наступления.

Приказом по армии за № 7 начало наступления было назначено на утро 9 сентября и взятие Симбирска было рассчитано на третий день наступления.

В основу этих расчетов было положено: во-первых, превосходство наших сил, во-вторых, выгодность обхода при намеченном концентрическом движении, и, в-третьих, быстрота движения и внезапность.

На линии расположения противника наши части уже достигали полного взаимодействия, широко обходили расположение противника и тем предрешали быстрое его поражение.

Все эти расчеты полностью оправдались на деле. К вечеру первого же дня белогвардейские войска охватила паника. В центре они оказывали ожесточенное сопротивление, но бесконечный обход их флангов совершенно расстроил последние, и отступление приняло беспорядочный характер. На подступах к Симбирску они попробовали устроиться и оказать последнее сопротивление, но дружным натиском наших воодушевленных войск они были быстро сбиты и опрокинуты за Свиягу, а далее — за Волгу.

Таким образом, основательно подготовленная операция одним ударом решила чрезвычайно важную задачу. Сильная симбирская группа противника была разбита и была перерезана Волга, а стало быть, и наилучший путь отступления для белогвардейцев из-под Казани, павшей почти одновременно с Симбирском.

Этот успех был настолько неожидан для противника, что когда мы прибыли в Симбирск и там расположился штаб Симбирской дивизии, то к тов. Гаю вдруг явился с донесением какой-то прапорщик, посланный из Сенгилея к белогвардейскому начальнику дивизии. Прибыв вечером в город и спросив, где штаб дивизии, этот прапорщик прямо отправился к начальнику дивизии и совершенно неожиданно для себя явился к тов. Гаю.

В Симбирске нами были захвачены колоссальные военные трофеи. Железнодорожный мост через Волгу был захвачен в полной исправности.

Симбирск был взят утром 12 сентября. К вечеру противник опомнился, повел наступление на железнодорожный мост и потеснил наши передовые части. 13 сентября белые начали бомбардировку города.

Буржуазия стала сеять панику. Молодые войска могли легко разложиться. Появились случаи грабежей.

Необходимо было решительно и быстро переправиться на левый берег Волги и опрокинуть противника. Но этот берег был уже прочно занят белыми и в наших руках оставался только один мост, в версту длиной. Вспомогательных средств переправы не было.

В таких условиях приходилось действовать смело. Было решено форсировать Волгу на глазах противника по мосту, находящемуся под непрерывным пулеметным и артиллерийским огнем белых. Такая атака окончательно должна была сломить дух противника и воодушевить наши войска.

Атака началась в час ночи. План атаки был следующий. В первую голову был пропущен паровоз без машиниста, на полных парах, с открытым регулятором, для испытания пути и разрушения бронепоезда противника, если бы таковой встретился. За этим паровозом двигался броневой поезд тов. Гулинского. За бронепоездом двигалась вторая бригада Симбирской дивизии под командой тов. Недзведского. В голове шел 2-й Симбирский полк. Артиллерийской подготовкой руководил инспектор артиллерии армии тов. Гардер. Переправой руководил тов. Энгельгардт. Артиллерия пристрелялась еще днем и с начала наступления наших войск переносила постепенно огонь на тылы противника.

Бешено несущийся паровоз и убийственный артиллерийский огонь сразу же произвели на белых сильное моральное впечатление. За паровозом выступил бронепоезд, и завязалась перестрелка.

Движение по верстовому мосту пехоты было очень тяжело. Еще днем противнику удалось зажечь на берегу несколько барж с нефтью, и теперь яркое зарево освещало мост.

Белые, пораженные неожиданной атакой, деморализованные артиллерийским огнем и атакой бронепоезда, открыли беспорядочный ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь по железнодорожному мосту.

Однако стремительный напор наших войск сделал свое дело. Ближайшие к мосту части противника бежали, и главная опасность — пулеметный и ружейный огонь — была устранена. Артиллерийский огонь, плохо пристрелянный, мало наносил вреда.

В результате эта дерзкая атака наших молодых красных частей увенчалась полным успехом. Противник был в ночь разбит и оставил в наших руках вполне исправную железнодорожную переправу, и на месте боя оставил много артиллерии, пулеметов и прочее. Наши преследующие части быстро выдвинулись на линию ст. Чердаклы.

После такого решительного успеха противник, опасаясь угрозы на пути отступления белых войск от Казани к Нурлату, сосредоточил на симбирском направлении новые подкрепления и вновь перешел в наступление. Наши части были сбиты и вновь отброшены на правый берег Волги. На этот раз белым удалось подорвать крайнюю ферму моста.

В это время правобережная группа 5-й армии, после взятия Казани, перевозилась по Волге в Симбирск, чтобы сменить здесь части 1-й армии. К сожалению, силы эти запоздали.

Необходимо было возможно скорее отбросить противника и произвести смену, так как на сызранском направлении было совершенно необходимо участие Симбирской дивизии.

ОПЕРАЦИЯ ПЕТРОВСКОЕ — СУЧЬЯ — БРЯНДИНО

Был принят следующий план. Прибывающие части правобережной группы переправляются у с. Крестовые Городищи и атакуют белых во фланг и тыл в направлении Петровское — Сучья. 5-й Курский полк переправляется у с. Ст. Майна и идет в глубокий обход на ст. Бряндино с заслоном на ст. Чердаклы. Части 2-й бригады Симбирской дивизии, форсировав Волгу, атакуют противника по фронту. (Остальные силы Симбирской дивизии действовали в это время на сенгилеевском направлении.)

Операция закончилась блестящим успехом. Противник, застигнутый атакой врасплох, был наголову разбит в районе Петровское — Сучья и бежал на Бряндино. Здесь остатки его были настигнуты 5-м Курским полком и окончательно уничтожены. Наши передовые части заняли Мелекесс.

Этот успех позволил наконец освободить из-под Симбирска Симбирскую Железную дивизию и начать Сызранскую операцию.

СЫЗРАНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Обстановка на этом направлении была следующая: Вольская дивизия по взятии ею Хвалынска была передана в 1-ю армию и находилась в районе Федоровское, действуя по обоим берегам Волги и имея в своем подчинении боевую речную флотилию.

Пензенская дивизия действовала в районе Канадея.

Инзенская дивизия действовала в районе Кузоватова.

Главные силы белых действовали по этим трем направлениям. В сторону же Симбирска и Сенгилея ими были выставлены только слабые заслоны.

Решено было действовать так: главный удар наносит Симбирская дивизия (до 9 тыс. штыков) в направлении Симбирск — Александровский железнодорожный мост с одновременным концентрическим наступлением остальных трех дивизий по всему фронту. Эти три дивизии для удобства действий были объединены под командой тов. Энгельгардта.

Противник оказывал жестокое сопротивление этой группе. Наши части шаг за шагом, с упорными боями, медленно продвигались вперед. Это окончательно привлекло все внимание противника к своему фронту.

К этому времени, около 28 сентября, Симбирская дивизия освободилась из-под Симбирска и начала сосредоточиваться к линии Горюшка — Маза.

Это сосредоточение было совершено быстро, и 1 октября Симбирская дивизия, выставив заслон против Хвалынска, начала наступление.

Дивизиям была поставлена задача в трехдневный срок закончить операцию.

«Революция и война». Военно-научный журнал управления военно-учебных заведений Западного фронта. 1921, № 4—5, стр. 190—206

К У Р Г А Н — О М С К

Берясь за написание настоящей статьи, я прежде всего должен оговориться, что за недостатком времени не мог подойти к этому вопросу с той исчерпывающей серьезностью, которая необходима в военно-исторических работах. Вследствие этого я смотрю на настоящую статью как на исторические воспоминания, возобновленные просмотром нескольких статей (тт. Вольпе, Розенберга, Малышева и Полозова). В полном соответствии с краткостью статьи я постараюсь дать только лишь скелет оперативно-стратегической деятельности 5-й армии в период борьбы за Курган — Омск. К сожалению, должен отказаться от описания полных глубокого интереса тактических действий наших отдельных стрелковых дивизий, бригад и полков в их взаимодействии.

Белые, разгромленные 5-й армией в Златоустовской операции, потерпевшие дополнительные тяжелые поражения под Челябинском, быстро отступали за Тобол, оказывая нам серьезное сопротивление. 5-я армия, заняв К[illegible]ступление на Петропавловск. 1-я армия, действовавшая в орском направлении, задержалась в своем наступлении, и вследствие этого произошел громадный разрыв между правым флангом 5-й армии и левым флангом 1-й. Положение облегчалось наличием здесь пустынных степей. Были приняты меры и стратегического порядка в районе Троицк — Кустанай и участка железной дороги Троицк — Орск. Был создан Троицкий укрепленный район, гарнизон которого составляли, помимо крепостных частей, две бригады 35-й дивизии. Одна бригада была выдвинута на ст. Звериноголовская. Таким образом, правый фланг 5-й армии уступами обеспечивался этими соединительными звеньями. В принятой системе обеспечения фланга армии широко были использованы классовые моменты: организовывались партизанские отряды, организованно вооружались элементы, сочувствовавшие Советской власти, и благодаря этому, даже после переброски на фронт всей 35-й дивизии, Троицкий укрепленный район продолжал оказывать энергичное сопротивление всем попыткам белогвардейских отрядов занять Кустанай и овладеть Троицким укрепленным районом. Такого же рода организация партизанских отрядов начала применяться и в районе Звериноголовской, но здесь она не получила той степени развития, как в Троицко-Кустанайском районе.

Левый фланг 5-й армии обеспечивался 3-й армией, наступавшей с ней на одном меридиане. Для наступления на Петропавловск 5-я армия избрала два основных направления:

тракт Звериноголовская — Петропавловск и железную дорогу Курган — Петропавловск. Учитывая непосредственную обеспеченность левого фланга 3-й армией и наличие на правом фланге степей, хотя и пустынных, но вполне проходимых, и исходя из того, что полоса тракта Звериноголовская — Петропавловск и район Кокчетав — Атбасарск заселены враждебным нам казачеством, что всегда могло создать с этой стороны угрозу новых формирований и обтекания нашего фланга, командование 5-й армии считало главным направлением Звериноголовская — Петропавловск. В этом духе и были отданы соответствующие распоряжения. Однако командование фронта не согласилось с этим решением, вмешалось в деятельность командования 5-й армии и приказало сгруппировать главные силы в районе железной дороги Курган — Петропавловск, оставив на тракте Звериноголовская — Петропавловск лишь наблюдательно-охраняющие части. Это положение осложнилось еще тем обстоятельством, что из состава 5-й армии была выведена 5-я дивизия, расположенная на ст. Варгаши, а 2-я бригада 21-й дивизии была оставлена в районе ст. Чумляк,— с целью переброски их на юг, учитывая слабость наших сил и опасность положения на правом фланге. 5-я армия протестовала против решения фронта, но в конце концов должна была подчиниться.

Опасения 5-й армии оказались не напрасными. В начале сентября 3-я белогвардейская армия ген. Сахарова, действовавшая против нашей 5-й армии, решила нанести серьезное поражение нашему правому флангу, для чего ею была произведена соответствующая перегруппировка. Части 5-й армии наступали в следующем порядке: севернее железной дороги Курган — Петропавловск двигалась 27-я дивизия. Левым флангом по железной дороге, а правым по тракту Звериноголовская — Петропавловск шла 26-я дивизия, имея за правым флангом бригаду резерва. Одна бригада 35-й дивизии оставалась в Звериноголовской, а другая бригада той же дивизии — в Троицком укрепленном районе.

2 сентября ген. Сахаров перешел в контрнаступление, атаковав 27-ю дивизию частями уфимской группы. 26-я дивизия была атакована с фронта волжской группой, а правый фланг ее получил удар от 2-го конного уральского корпуса и партизанской группы ген. Доможирова, частью сведенной из различных казачьих частей, а частью сформированной за счет местного населения.

Силы 5-й армии, ослабленные выводом в резерв целого ряда частей, были, сверх того, измотаны длительными непрерывными боями и наступлением. Армия ген Сахарова, наоборот, была пополнена и значительно превосходила нас числом.

Вследствие этого создалась серьезная угроза быть отброшенными к северу от железной дороги и отрезанными от Кургана. 26-я дивизия сразу же понесла большие потери и начала сдавать. Приходилось коренным образом менять группировку, для того чтобы выйти из создавшегося критического положения.

На свой страх и риск 5-я армия решила выдвинуть на фронт 5-ю стрелковую дивизию, ибо все равно ходом событий она должна была быть выдвинута в бой. Кроме того, решено было оставить Троицкий укрепленный район на попечение местных крепостных и партизанских отрядов, благодаря чему явилась возможность привлечь к операции бригаду 35-й дивизии, расположенную в этом укрепленном районе. Привлекалась также в дело и другая бригада 35-й дивизии из района Звериноголовская. 5-я стрелковая дивизия состояла лишь из двух стрелковых бригад. Из этих частей решено было создать новый фланг группировки, уступом за правым флангом 26-й дивизии, с тем чтобы в кратчайший срок, произведя эту перегруппировку, атаковать во фланг обходную группировку противника...

Сведения о переходе противника в наступление были получены 3 сентября вечером, после чего немедленно было принято вышеуказанное решение. Перегруппировка должна была закончиться к 7 сентября, и в тот же день должно было начаться наступление, примерно, вдоль тракта Звериноголовская — Петропавловск. Части 35-й дивизии из района Троицка перебросили один полк по железной дороге на ст. Курган, два других полка на мобилизованных подводах были брошены по Звериноголовскому тракту.

Нет никакого сомнения в том, что этот контрманевр, предпринятый 5-й армией, мог бы нанести противнику очень сильное поражение. Однако этого не случилось, хотя в общем и целом намеченная противником операция по разгрому нашей 5-й армии и была сорвана. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что штаб 5-й армии в течение всей этой операции оставался в Челябинске, в то время как ему следовало бы быть от фронта не далее как в Кургане. С этим явлением мы сталкивались во время гражданской войны постоянно и не случайно. Из дальнейшего изложения будет видно, какую громадную роль в деле вождения армий в гражданской войне играли вопросы местного формирования, местной мобилизации, местных заготовок и т. д. Все это заставляло армии быть не только маневренными единицами, но и единицами организационно-административного порядка весьма большого масштаба. Благодаря этому, очень часто в ущерб оперативной обстановке, штабам армий приходилось отставать от боевой

линии, чем затруднялась организация и без того бедной связи и в значительной мере нарушалась целостность управления. Указанное обстоятельство очень сильно сказалось и в данном случае.

5-я стрелковая дивизия не проявила необходимой энергии,— двинулась медленно и потеряла связь со штабом 5-й армии. Штаб 35-й дивизии, переместившийся из Троицка в Курган по железной дороге для дальнейшего следования в район Звериноголовского тракта, точно так же двигался медленно и к началу операции даже не прибыл в назначенный ему район. Вследствие этого все четыре бригады пришлось передать в подчинение командиру 5-й дивизии, а приказ об объединении и оперативный приказ для дальнейших действий послать командиру 5-й дивизии через командира 1-й бригады 35-й дивизии. Приказ был послан комбригом-1/35 в трех экземплярах по трем направлениям, и один из этих экземпляров был перехвачен противником, благодаря чему непосредственно перед самым переходом в наступление внезапность контрманевра была нарушена.

Однако, несмотря на целый ряд организационных неудач, наша ударная группа все-таки перешла в наступление и значительно потеснила обходную группу противника, но ненадолго. Этот последний искусным маневром партизанской группы ген. Доможирова постоянно обходил в дальнейших боях район нашей ударной группы, нанося ей тяжелые поражения. С этого момента встречные действия обеих армий стали носить чрезвычайно напряженный характер, сопровождавшийся переменным успехом той и другой стороны. Но в общем превосходство сил, явно обозначившееся на стороне 3-й белой армии, в конечном результате склонило успех в пользу противника. Наши части после ряда упорных боев, носивших в большинстве встречный характер и состоявших из многих отдельных наступательных звеньев, в конце концов измотались и были оттеснены к р. Тобол. Однако результаты даже сорвавшегося решительно задуманного маневра все-таки сказались,— к концу сентября мы имели вдавленный со стороны противника фронт на курганском направлении, но с выигрышным положением нашего правого фланга.

В двадцатых числах сентября нам мало уже удавались наступательные действия. Войска были чрезмерно истрепаны и утомлены. Для продолжения операций необходимо было освежить и пополнить части, выведя их из состояния непрерывного боя. В тылу армий производились спешные мобилизации крестьян и подготовлялись маршевые части. Необходимо было выиграть время и дать войскам отдохнуть. Вследствие этого было принято решение об отводе частей 5-й армии за р. Тобол

с сохранением активного плацдарма на правом берегу Тобола в районе ст. Звериноголовской. Это решение и было проведено в жизнь к концу сентября и началу октября.

Сибирское крестьянство, вынесшее на своих плечах все тяготы колчаковщины, охотно отзывалось на наш призыв и быстро вливалось в ряды наших частей. В тылу же колчаковской армии мы насчитывали в это время до 40 тыс. партизан, которые разрушали белогвардейские коммуникации. В общем в социально-политическом отношении, несмотря на наш стратегический проигрыш, мы оставались в благоприятном положении, и нужна была лишь крепкая и энергично проведенная организационная работа, чтобы восстановить наши силы. Все красноармейцы, комиссары и командиры проявили величайшую энергию. Наши партийные организации напрягали все свои силы для пополнения и вооружения армий. Вся эта работа была проведена с фантастической быстротой. Уже к 14 октября мы оказались способными перейти в новое наступление, причем уже не уступали, а превосходили по численности 3-ю белогвардейскую армию. Эта последняя точно так же находилась в очень тяжелых условиях. Она, дойдя до р. Тобола, своего наступления не продолжала и точно так же спешно подводила подкрепления и готовилась к переходу в наступление. Разведывательные данные говорили о том, что 15 октября возможно было ожидать начала нового белогвардейского наступления. Несмотря на все трудности, мы назначили начало наступления днем раньше,— для того чтобы вырвать инициативу из рук противника. В это время расположение сторон было следующее: на правом фланге в районе Звериноголовская активно оборонялась 35-я стрелковая дивизия. Надо заметить, что эта дивизия, наименее боеспособная из всех частей 5-й армии, была весьма сильно потрепана в предшествовавших боях. Для ее укрепления был назначен наиболее смелый и энергичный 22-летний командир бригады тов. Нейман. Он прибыл в дивизию, когда эта последняя была одно время окружена частями партизанской группы ген. Доможирова. Сколотив наиболее боевую часть из обозов дивизии, тов. Нейман пробился к главным силам дивизии и, вступив в ее командование, решительными действиями вывел ее из затруднительного положения. С этого времени обращает на себя внимание быстрое боевое совершенствование дивизии, причем в дальнейшем в Омской операции, она уже сыграла наиболее активную и решительную роль. Далее к северу, в районе Кислая, занимала участок 5-я дивизия. К северу от нее, до Кургана включительно, имея в своем составе 2-ю бригаду 21-й дивизии, оборонялась 26-я дивизия, а еще севернее — 27-я дивизия. Противник располагался в составе че-

тырех групп, причем группа ген. Доможирова входила в состав степной группы.

Какие же силы были подготовлены 5-й армией для перехода в наступление?

35-я дивизия была усилена вновь сформированной Степной бригадой, и силы ее были доведены до 6500 штыков и сабель, 5-я стрелковая дивизия была доведена до 4 тыс. штыков и сабель, 26-я стрелковая дивизия, включавшая 2-ю бригаду 21-й стрелковой дивизии, имела до 10 тыс. штыков и сабель, 27-я дивизия была доведена до 7500 штыков и сабель. Помимо того, была сформирована 3-полковая кавалерийская дивизия до 2500 сабель и фронтом были присланы две бригады 54-й стрелковой дивизии в 4600 штыков, но при этом было предупреждено, что эта дивизия, как вновь сформированная, совершенно небоеспособна и нуждается еще в длительной подготовке, для того чтобы она смогла вступить в бой.

Силы противника оценивались в это время нами следующим образом: степная группа, в состав которой входила и партизанская группа ген. Доможирова, насчитывала 7400 штыков и сабель; качество этой группы было наименее значительное; уральская группа насчитывала до 8500 штыков — это была самая сильная часть 3-й армии, отличавшаяся наибольшей боеспособностью и наибольшей численностью; далее — волжская группа насчитывала 6600 штыков и уфимская группа 6300 штыков — обе по боеспособности не ниже среднего. Таким образом, главные силы противника группировались против фронта 26-й и 27-й стрелковых дивизий. С разгромом этой группы мы могли стать хозяевами положения. На этой идее и был построен план наступательной операции 14 октября. Наша группировка сил приняла следующий характер: 35-я и 5-я стрелковые дивизии оставались в прежнем районе расположения; в район сосредоточения 5-й дивизии была подведена вновь сформированная кавалерийская дивизия; 26-я дивизия была сгруппирована главными силами к своему правому флангу; фронт 27-й дивизии был растянут к югу, и ей был передан значительный участок 26-й дивизии; две бригады 54-й дивизии к началу наступления должны были выйти к р. Тобол между 27-й и 26-й стрелковыми дивизиями. Таким образом, наши главные силы были сгруппированы на стыке уральской и степной групп и направлялись против уральской группы, насчитывавшей в своем составе 8500 штыков и сабель. Мы направили против нее 16 500 штыков и сабель, и, кроме того, 4600 человек резерва двигались в том же направлении. Следовательно, здесь мы имели подавляющее превосходство в силах; 35-я стрелковая дивизия численно была слабее степной группы противника, но качественно могла с ней

состязаться. Помимо того, прорыв стыка главными силами должен был облегчить 35-й дивизии выполнение поставленной ей задачи. Волжская группа противника с нами связывалась демонстративными действиями. 27-я дивизия главными силами должна была атаковать уфимскую группу. Соединенными ударами нашей главной группировки и 27-й дивизии 5-я армия надеялась нанести главным силам противника решительное поражение в районе железной дороги Курган — Петропавловск.

Все передвижения были закончены к 13 октября, и 14-го с рассветом 5-я армия перешла в решительное наступление. Наиболее упорное сопротивление оказала уральская группа, несмотря на то что на нее были двинуты наши главные силы. Она упорно оборонялась и даже несколько раз переходила в успешную контратаку, пока не была окончательно сломлена и принуждена к отступлению. К сожалению, действия нашей вновь сформированной кавалерийской дивизии не носили характера достаточной решительности, благодаря чему кавалерийская дивизия не достигла всех тех результатов, которых она могла достигнуть, если бы вовремя заняла ст. Лебяжья, как это ей было приказано общим заданием,— она могла бы захватить штаб 3-й армии ген. Сахарова, и тогда разгром его армии принял бы еще более решительный характер. 35-я дивизия успешно развивала свое наступление и, несмотря на численное превосходство противника, быстро оттесняла его на восток вдоль Звериноголовского тракта. 27-я дивизия, получившая широкий участок, испытывала большие затруднения в форсировании р. Тобола; несколько раз она переходила ее и вновь бывала отброшена контратакой. Наконец после упорных боев по обе стороны железной дороги, главные силы противника были разбиты. Тем временем 35-я стрелковая дивизия успела значительно выиграть пространство на нашем правом фланге и тем создать угрозу общей коммуникации 3-й белогвардейской армии, которая, получив к этому времени серьезное поражение своих главных сил, начала общее отступление. Тем временем ко 2-й бригаде 54-й дивизии присоединилась 1-я бригада со штабом дивизии. Таким образом, наши резервы еще более усилились. В период наибольшего затруднения на участке 26-й дивизии 2-й бригаде 54-й дивизии было приказано форсировать р. Тобол. В этих боях бригада показала чрезвычайно слабую боеспособность. Несмотря на слабые силы противника на ее участке, она только тогда сумела переправиться, когда 26-я дивизия уже выполнила свою задачу.

Дальнейшее преследование противника продолжалось безостановочно, причем 35-я дивизия развивала предельную

энергию, постоянно выигрывая все новое пространство на нашем правом фланге и нависая тем самым над коммуникацией противника.

21 октября в связи с успешным развитием нашего наступления 54-я стрелковая дивизия была направлена на Звериноголовский тракт для усиления нашего обходного крыла и для обеспечения нашего обходного фланга на случай контрмероприятий противника.

Непрерывное успешное развитие нашего наступления выдвигало задачу отрезать противнику пути отступления к Петропавловску. Эта задача и была возложена на 35-ю и 5-ю стрелковые и кавалерийскую дивизии. 26-я дивизия с бригадой 21-й дивизии должны были оказать содействие этому общему натиску и двинуться главными силами, в связи с тем что фронт армии все более суживался, также к правому флангу для расширения участка нашего наступления и для обхода оборонительных мероприятий противника на р. Ишим в районе Петропавловска.

Таким образом, по мере обхода левого фланга противника и отбрасывания его к северу от железной дороги Курган — Петропавловск 5-я армия совершала последовательный маневр, удлиняя свой правый фланг за счет освобождающихся в центре частей и тем самым создавая обеспечение успеха Ишимского сражения.

Показания захваченных в плен офицеров говорили о том, что на фронте противника паника и что значительная часть его обозов уже отходит на северо-восток, пересекая железную дорогу. С каждым днем создавалось все более определенное впечатление о том, что нанесенное противнику поражение у р. Тобол постепенно, под влиянием нашего неотступного наседания и преследования, превращается в полное разложение его боевых сил. Отсюда возникла идея создания неотступного наседания и постоянного обтекания фланга, чтобы тем самым достигнуть окончательной победы.

27 октября взята была ст. Петухова, где были захвачены трофеи частями 5-й стрелковой дивизии, чем было внесено еще большее расстройство в общее отступление противника.

29 октября утром, после упорного боя, 35-я дивизия, форсировав р. Ишим, овладела гор. Петропавловском. Противник несколько раз переходил в контратаку, но подошедшими силами 27-й дивизии положение 35-й дивизии было закреплено и противник оттеснен. Переправой же 26-й стрелковой дивизии через р. Ишим с юга положение упрочилось окончательно. Вновь обращают на себя внимание недостаточно решительные действия кавалерийской дивизии, которой была дана задача

обхода противника и атаки ст. Токуши. 54-я дивизия обеспечивала уступы крайнего правого фланга.

Таким образом, первая часть Омской операции была закончена. Армия противника была совершенно небоеспособна, несмотря на то что на участке нашей 3-й армии действия развивались далеко не так блестяще, и хотя противник там и отступал, но больше в силу давления нашей 5-й армии с юга. Благодаря этому явилось возможным предположить, что противник сможет перегруппировать часть своих сил на направление Петропавловск — Омск. Расчеты же показали, что такую перегруппировку противник намеревался сделать в районе ст. Иссык-Куль 9—10 ноября. Отсюда становилось совершенно ясным, что для полного уничтожения армии Колчака необходимо еще новое напряженное и непрерывное дальнейшее наступление. Между тем войска настолько переутомились, что все командиры дивизий, собравшиеся в полевом штабе армии в гор. Петропавловске, докладывали о необходимости приостановки наступления и предоставления частям хотя бы нескольких дней отдыха. Обстановка не позволяла на это согласиться, и наступление пришлось продолжать непрерывно. Высокий героический порыв, охвативший наши войска вследствие стремительно следовавших один за другим успехов, позволил им выполнить поставленную задачу. Задача эта сводилась к тому, чтобы 8-го числа уже занять ст. Иссык-Куль, т. е. предупредить здесь возможное сосредоточение противника. 26-я стрелковая и кавалерийская дивизии наступали степями южнее железной дороги, глубоко охватывая левый фланг противника. Наступление развивалось успешно, противник не мог оказывать достаточное сопротивление, и лишь в районе железной дороги он упорно и ожесточенно оборонялся. 54-й стрелковой дивизии была поставлена задача произвести широкую стратегическую разведку пехотными частями на подводах в направлении Кокчетав — Атбасарск с целью занятия этого района главными силами дивизии и обеспечения, таким образом, правого фланга 5-й армии. Этот опыт со стратегической разведкой пехоты дал блестящие результаты. Было выяснено, что в районе Кокчетав — Атбасарск были казачьи части, которые ушли в Акмолинск, и этот район был занят славной и теперь уже боеспособной 54-й дивизией.

В этот момент произошли новые разногласия между 5-й армией и Восточным фронтом. В то время как 5-я армия двигала кавалерийскую дивизию в омском направлении, не считая свой фланг со стороны Кокчетава необеспеченным и надеясь при этом нанести противнику в районе Омска серьезное поражение путем перерыва железной дороги в районе между Омском и Татарском,— командование Восточным фронтом

считало правый фланг армии, а тем самым и правый фланг Восточного фронта необеспеченным и потребовало кавалерийскую дивизию повернуть с полпути до Омска назад, на кокчетавское направление. Несмотря на самые энергичные протесты, приказ был категорически подтвержден. Кавалерийская дивизия была снята с омского направления и не смогла оказать здесь той помощи, которая с ее стороны впоследствии была так необходима. На кокчетавском же направлении никакой положительной роли она не сыграла,— так как с этой стороны фактически никакой опасности не угрожало.

После занятия ст. Иссык-Куль наступление продолжалось так же стремительно. Противник не мог восстановить свой фронт, а тем самым и свое положение. На плечах разбитой 3-й белой армии мы продолжали наше движение на Омск. 14 ноября, после жестоких боев на окраинах Омска, белые были разбиты, и колчаковская армия перестала существовать как организованная сила. В дальнейшем характер действий Восточного фронта более напоминал экспедицию, чем войну. С 14 октября по 14 ноября, за 30 дней операции части 5-й армии прошли с непрерывными боями и форсированием двух крупных рек свыше 600 верст, т. е. по 20 верст в среднем в сутки,— скорость наступления рекордная.

Во время Омской операции нами была захвачена масса пленных. Однако неорганизованность нашего тыла, объяснявшаяся паралитическим состоянием железных дорог, не позволяла нам этих пленных вывозить в тыл, и они тут же распускались по домам. Очень многие, насильно мобилизованные Колчаком крестьяне сдавались нам и поступали в ряды Красной Армии.

Таким образом, положение было таково, что не только наступала Красная Армия, но наступало и все сибирское крестьянство. Если же учесть те десятки тысяч партизан, которые действовали в тылу Колчака, то эта картина станет еще более яркой. Поражение самой сильной и наиболее организованной контрреволюции на Востоке — ликвидация Колчака — является собою одну из успешных маневренных операций, сопровождаемых социальным походом сибирского крестьянства против белогвардейщины под организующим началом Красной Армии.

Сб. «Борьба за Урал и Сибирь», ГИЗ, 1926, стр. 74—88.

Иона Эммануилович
ЯКИР
(1896—1937)

Член Коммунистической партии с апреля 1917 г.

Родился в семье провизора в г. Кишиневе. Учился в Харьковском технологическом институте. С декабря 1917 г.— член Бессарабского губревкома. В январе 1918 г. организовал в Кишиневе красногвардейский отряд для борьбы против румынских оккупантов, затем командовал батальоном китайских добровольцев в составе Тираспольского красногвардейского отряда и с боями отошел на Воронеж. В сентябре был назначен начальником политуправления Южной завесы, в октябре — членом РВС 8-й армии. С июля 1919 г.— начальник 45-й стрелковой дивизии. В августе — сентябре того же года командовал Южной группой войск 12-й армии. С ноября 1919 по февраль 1920 г.— начальник 45-й стрелковой дивизии на Южном фронте, затем на польском фронте командовал Фастовской, Злочевской и Львовской группами войск.

С апреля 1921 г. Якир командует войсками Крымского, затем Киевского военных районов и Киевского военного округа. В 1924—1925 гг.— начальник Главного управления военно-учебных заведений РККА. В 1925—1937 гг.— командующий войсками Украинского военного округа и член Реввоенсовета СССР (с 1930 г.). В течение многих лет являлся членом Политбюро ЦК КП(б)У и членом ЦИК УССР. Член ЦК ВКП(б),

ДЕСЯТЬ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

Эти воспоминания — лишь беглые наброски о том, как, идя с Румынского фронта, один из многочисленных отрядов будущей Рабоче-Крестьянской Красной Армии на ходу, в боях с врагами рождался и закалялся. Он терпел поражения, хоронил своих лучших бойцов и командиров, самоотверженно продолжая путь на север, к братьям, которые свергли капитал и отстаивали завоевания великого Октября. Он твердо верил в то, что, несмотря на частичные поражения, армия рабочих и крестьян, могучая и непобедимая, идет к конечным победам.

* *
*

Я никогда военным человеком не был, да и ничего раньше в военном деле не понимал.

Начал я свою «карьеру» с того, что организовал два-три десятка храбрецов и на грузовике преследовал румын у Кишинева.

Я думал, что ежели бы мы кроме нескольких эскадронов крепкой конницы располагали и пехотой, то румыны не так скоро захватили бы Бессарабию.

Итак, начал я с командирства над грузовиками, с тем чтобы потом, будучи вынужденным вместе с другими большевиками отойти из Бессарабии на Днестр, начать организацию красных отрядов. Так же как и небольшая группа моих товарищей, я занимался организацией, мобилизацией и прочими вещами, готовя сборные, сводные полки, батальоны и батареи. За основу бралось имущество какой-нибудь царской части, отправившейся домой, намечался командир, и береговое приднестровское крестьянство поднималось против румын, помещиков.

Но это не все, что мне приходилось делать в Тирасполе — центре Тираспольского отряда, или, как называли его, «Особой армии по борьбе с румынской олигархией». Мне пришлось также командовать... китайским батальоном...

Я думаю, что это был первый китайский батальон в Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Создался он так. Тирасполь лежит в низине на берегу Днестра. Полтора месяца пребывания в Тирасполе мы чувствовали себя на положении обреченных: беспрерывный огонь румынских батарей, разгром одного штабного домика за другим, потеря изо дня в день

новых товарищей... Положение наше затруднялось также отсутствием какой бы то ни было связи с центром. Но это же обстоятельство укрепляло выдержку в среде небольшой группы товарищей, взявшихся за организацию красных полков.

Нашей опорой, вокруг которой мы формировали новые части, был славный 5-й конный Заамурский полк. Полк этот целиком остался от старой армии, остался без единого офицера-заамурца (они все сбежали) и проявил себя потом как прекрасная единодушная красная часть. Все заамурцы называли себя большевиками, и большинство из них позже действительно стали большевиками.

Итак, был у нас 5-й Заамурский полк под командой Кокарева, отряд Котовского (тоже конный), несколько бессарабских батарей и наши формирования — 1-й Бессарабский приднестровский полк, 2-й полк и т. д.

Настроение было воинственное. Братва ненавидела румынских оккупантов, ибо по ту сторону Днестра видны были родные поля, где не так давно крестьянин вдохнул свободу, поделил, было, помещичью землю и где помещик сейчас с помощью румын мстил за это зверски... Одни заамурцы были издалека, но и они держались крепко, не расходились.

Людей вообще было немного, и воевать было трудно. Мимо нас ежедневно на всяких поездах, паровозах, лошадях, казенных и крестьянских, многими десятками и сотнями тысяч уезжали они на север, оставляя Румынский фронт.

Мужик не хотел воевать, не мог. Он устал... Наши митинги и уговоры на станциях не давали никаких положительных результатов — только одиночки из тысяч оставались с нами.

Крестьянство херсонского берега также не удавалось поднять всерьез на массовое движение. Приходилось довольствоваться своими земляками-бессарабцами, не имевшими дома, ненавидевшими оккупантов-румын и своих помещиков. Лишь в середине февраля Одесса понемногу начала раскачиваться и присылать отдельные отряды, но эти отряды своей неорганизованностью и отсутствием дисциплины превзошли наши самые худшие ожидания.

У нас был военный совет, в состав которого входило по одному представителю от роты, эскадрона, батареи и отдельной части. Этот совет вершил дела, имея свой президиум, секретарями которого были Ваня Рожков и я. Кроме этого, совет имел штаб и командующего.

Командовал у нас тов. Венедиктов (позже погиб на

Дону). Был у нас генкварм* (тов. Левензон), дегенарм** (тов. Гарькавый) и всякие прочие «армы». Сейчас уже не упомнишь точно. Был и свой суд, который возглавлялся тов. Меерсоном.

Все эти основные роли находились в руках у крепких ребят — большевиков (некоторые из них оформили свое вступление в партию несколькими месяцами позже, когда мы выбрались в Советскую Россию).

Тяжело, откровенно говоря, было командовать. Соберется это человек 150 в военном совете... Всяк по-своему — и ничего не разберешь.

Мне вспоминается, как приехал к нам главнокомандующим Муравьев. Все были довольны. Наконец-то начальство, руководство, определенные перспективы... Собрали совет. Муравьев хорошо говорил, большой был демагог (предателем он сделался позже)... Ударил он себя кулаком в грудь, да как набросится на нас: «Моя доблестная первая армия,— говорит,— мрет под Рыбницей, а вы, предатели, не наступаете на Бендеры...»

Никто, нужно сказать, нам и не приказывал наступать. Мы два раза сами пробовали. Удачно (правда, с большими потерями) перебрались через реку, и не только перебрались, но и гнали регулярную румынскую армию верст 30—40. А потом выдыхались и отходили.

Однако речь Муравьева разжалобила. Некоторые дядьки даже заплакали: «Как же это, мрет первая, а мы вот как...» Ну, и пошли в третий раз. Пошли, хорошо дрались, много потеряли и... опять отошли. Не успели очнуться — приказ от главнокомандующего: «Грузитесь срочно всей армией и отходите через Одессу на север, немцы вам в тыл вышли».

Вот это была новость, неожиданность! Какие немцы, откуда они, что им здесь надо? Однако начали грузиться. Грузиться было нелегко — не хотят дядьки ехать. Немца не видно, а хату и румына видно. Вот они тут — злой враг и теплая хата... Не могли понять крестьяне, как это можно бросать свое поле и куда-то уходить.

Однако почти всех уговорили. Не поехала только одна батарея. Так и осталась с четырьмя пушками на берегу Дне-

---

* Сокращенное наименование должности генерал-квартирмейстера (начальника оперативного управления) в штабах армий и фронтов старой армии.— *Ред.*

** Сокращенное наименование должности дежурного генерала. Эта должность имелась в полевом штабе армии, главном и окружных штабах и в полевом штабе главнокомандующего и являлась постоянной. Дежурный генерал ведал инспекторской (по личному составу), хозяйственной, санитарной, военно-судной частями управления и делопроизводством.— *Ред.*

стра продолжать войну с румынами, отбивать свою землю. Уж как мы их ни уговаривали — никак не могли убедить... Что было дальше с этой, по-своему крепкой, батареей, когда ей в тыл зашли австро-германские корпуса, а с фронта нажали румыны,— не знаю. Думаю, разошлись... А может быть, по своей крепколобости и драться со всеми стали.

* *
*

Было это в одну из очень тяжелых ночей. Я был дежурным по отряду, лежал на соломе в хате. То и дело подымал меня с соломы телефон: звонили то с одной заставы, то с другой. Кто по делу — «Разведка румын показалась», а кто и без толку, просто так — скучно в ночи слушать редкий снаряд, очередь пулеметную. Замотался я до последнего... Да и кто не замотался в эти первые месяцы тяжелого года?

Ночь на фронте прошла спокойно. Под утро меня разбудили в сотый раз. Продрал глаза — передо мной китаец, одетый в какую-то синюю кофту. Произносит одно слово:

— Васики. Я, мой, Васики.

— Что тебе? — спрашиваю.

— Китайси надо?

— Какие тебе китайцы?..

Он все твердит свое:

— Китайси надо?

Так я его и не понял. Не понял его и наш дегенарм (слово это все произносили, но никто его не понимал).

Часа через два тот же китаец вошел в штаб и знаками предложил нам выйти во двор. Вышли и поняли: во дворе в строю стояло человек 450 китайцев. По окрику «Васики» они подтянулись. Оказалось, что румыны по подозрению в шпионаже расстреляли трех китайцев. Китайцы, работавшие в тылу фронта на лесной порубке, озлились на румын и пришли к нам.

Голые они были, голодные. Ужасную картину представляли собой.

Людей у нас было мало, оружия много, все равно не вывезешь, придется оставлять... Ну, и решили — чем не солдаты? (И будущее показало, что прекрасные солдаты были.) Обули, одели, вооружили. Смотришь — не батальон, а игрушка.

Вот меня и назначили командовать этим батальоном. Направили нас на оборону старой Тираспольской крепости.

Сподручными у меня были — знакомец «Васика» и еще один китаец, Сен Фу-ян, именовавший себя капитаном китайской службы. Хороший был солдат. Он-то, собственно, и

командовал, а я так — «осуществлял верховное руководство». Сначала китайцы меня не понимали, я их тоже не понимал, и договориться было трудно. Станешь «Васике» толковать (он был переводчиком, ибо лучше других объяснялся... жестами), и получается форменная комедия.

Как полагается вообще умным воякам, мы, получив распоряжение занять крепость, двинулись туда в колонне, впереди которой на заамурских лошадях (с большую собаку каждая; злые, но умные лошади) ехал я, Сен Фу-ян и «Васика». Дорога в крепость местами шла по совершенно открытому месту, и румыны нас тщательно обстреливали. Тогда подавалась гортанная команда — и народ по-своему очень недурно применялся к местности...

Итак, первым умным делом, совершенным батальоном под моим руководством с помощью китайского «капитана», было движение в колонне под огнем по ничем не защищенной местности.

Второе — в крепости мы расквартировали свой штаб в пироксилиновом погребе с многоаршинными стенами (позже принуждены были выбраться, ибо ни один телефонист не желал тянуть туда провода). Нужно, правда, отметить, что все строения были сожжены.

Скоро мы освоились в крепости, стали привыкать. Наше расположение было очень неудобно: мы внизу, румыны выше. Мы на виду: чуть кого заметят, одиночку или группу,— сейчас огонь.

Посты наши стояли над берегом. Проверял я их довольно часто. Поедешь как-нибудь без «Васики», лошадь сдашь кому-нибудь на заставе, а сам пойдешь пешком. Ну, и беды не оберешься. Пробираешься с трудом. Часовой не узнает. Сперва наведет на тебя винтовку и орет благим матом: «Не хади»; потом узнает и расплывется: «Капитана, хади»... Осмотришь все, устанешь, возвращаешься к коню... Опять та же история: «Не хади», опять винтовка на изготовке — того и гляди пальнет... Хоть я был и «капитана», а трудно приходилось на первых порах.

Потом привыкали. Каждый знал, без хвастовства скажу — любил. Но забот с ними было много.

Простояли мы до самого муравьевского приказа. Отходили в арьергарде... Штаб, артиллерию и еще не помню что — в эшелонах двинули, а нас походиком. Мы прикрывали. Хорошо прикрывали. Китаец стоек, ничего не боится. Смерти не боится. Брата родного убьют в бою, а он и глазом не моргнет: подойдет, глаза ему прикроет — и все тут. Сядет возле трупа, в фуражке патроны, и будет спокойно выпускать патрон за патроном. Если знает китаец, что против него враг

(а наш тираспольский китаец знал это — много над ним румыны издевались), то плохо придется этому врагу. Китаец будет драться до последнего...

Я не помню, как называлась та маленькая станция не доходя Одессы, где мы встретились с немцами. Немцев было много, и они побили нас. Но дрались мы хорошо... Много потеряли, но на нужное время задержали противника...

Мы отошли и подсчитывали раненых, потери убитыми и в пулеметах. Убитых было много. Не досчитались и одного пулемета...

Через 12 верст, на отдыхе, ночью, наши пулеметчики притащили пулемет... Начальник пулемета был тяжело ранен. Двое других приволокли его и пулемет — не бросили...

В то время это было сильно... Тут, рядом, старые царские полки целые склады оставляли. Пулемет чуть не пятерку стоил, а то и дешевле. Пушку можно было достать за те же деньги. А они и товарища раненого, и оружия своего не бросили...

После этого дела батальон еще крепче стал. Сошлись мы с ними, сроднились...

Неприятность только одна получилась. Жалованья они по 50 рублей получали и на жалованье очень серьезно смотрели. Жизнь легко отдавали, а плати вовремя и корми хорошо. Так вот, приходят раз ко мне уполномоченные и говорят, что их «нанималось» 530 человек, и, значит, за всех я должен платить. Деньги, причитавшиеся убитым, они между собой поделят. (А в этом бою мы, пожалуй, человек 80 потеряли).

Долго я с ними толковал, убеждал, что неладно это, не по-нашему. Все же они свое получили. Другой довод привели: нам, говорят, в Китай семьям убитых посылать надо.

Пришлось первые месяцы платить, только потом отучили.

Много хорошего было у нас с ними в долгом многострадальном пути через всю Украину, весь Дон, на Воронежскую губернию. Большинство их героически погибло, но об этом после...

* *
*

Я почти ничего не сказал об основе отряда. О тех, благодаря которым уже тогда, в январе 1918 года, удалось сколотить довольно крепкий кулак тысяч в пятнадцать. И не только сколотить, но и сохранить в значительной своей части на протяжении всей дальнейшей гражданской войны.

Заамурцы. На Румынском фронте было несколько конных заамурских полков. Мне довелось близко знать 5-й и 6-й конные полки. 5-й был нашей твердокаменной основой,

Еще в Бессарабии 5-й конный полк был единственной твердой опорой большевиков. В один прекрасный день из него тайком ушли все офицеры, но полк от этого не только не распался, а крепко спаялся. Во главе сотен у него стояли старые унтера, то же было и в полку. Все они были наши, мужицкие командиры, которые позже выработались в прекрасных коммунаров, и многие — пожалуй, почти все — погибли в боях за рабоче-крестьянское дело. Из 30—40 командиров я знаю только двоих живых: Кокарева (да и тот дырявый — две пули прошли через легкое, возле сердца, искалечили человека, все болеет) да Медведева — пулеметчика, начальника команды, потом командира полка, бригады. Он и сейчас хорош, хоть и перебита рука.

Политические же организаторы этого славного полка погибли все. Погиб комиссар Ваня Рожков, храбрый, крепкий большевик. Погиб, когда вырос в большого, хорошего работника, уже под конец гражданской войны, под Мелитополем. Ногу снаряд оторвал, врача не приключилось вблизи, ну — и погиб... Последнее время Ваня Рожков командовал уже 2-й Блиновской дивизией, а до этого времени был политработником — комиссаром.

Погиб Милешин, секретарь нашего большевистского коллектива. Умней всех нас был и, как большевик, постарше. Очень мы его любили. Его зарубили казаки-красновцы.

Погибли Гуровой, помощник командира, Гожий... многие погибли. Не перечтешь добрых боевых товарищей, один за другим подымавшихся со взвода на эскадрон, с эскадрона на должность командира полка. Все они честно сражались за революцию и отдали ей свою жизнь.

* *
*

Еще один эпизод, ярко рисующий состояние части нашего отряда.

Наряду с очень большой подчас боеспособностью вольница и анархия царили в первые месяцы жизни наших частей. Поле для провокации было самое благодатное.

После боя, о котором я писал, с большим сильным отрядом я прибыл в штаб отряда, оставив свой батальон в нескольких верстах в деревне на отдыхе. Доложил я в штабе, как было дело. Забрался в вагон и не заметил, как уснул.

Разбудил меня какой-то говор, шум... Позже я не раз слышал этот шум, создающийся из перебойных выкриков, шум, производимый недовольной, спровоцированной толпой... Дело было просто: бессарабцам и приднестровцам неясно было,

куда они уходят, неясно было, почему они прекращают борьбу за свои деревни...

Я вышел на пути и увидел большую злобную толпу приднестровцев, подогревавшуюся с трибуны провокатором комбатом Черновым:

— И куда это, товарищи, мы идем, и как это нас обманули и оторвали от берегов наших? Кто это, товарищи, и за сколько они нас продали? Звесно хто: нас продал штаб, и идти нам надо спросить, за сколько продал, спросить нашими любыми штыками!

Тогда я мало соображал, как в таких случаях нужно поступать. Видел опасность делу, видел провокацию, был молод и горяч, пробрался к трибуне, вскочил на нее и, когда он окончил, я начал свое.

Смысл моих слов: «Да, верно, продают нас, но продает не штаб, который ведет нас от опасности, который ведет на организацию красных полков, на то, чтобы неизбежно потом бить врагов наших, а продают Черновы. Служат Черновы эти, сознательно или несознательно, помещику, румыну и немцу, разбивают наше единство, нашу силу...» Говорил, помнится, уверенно и горячо.

Подействовало. Только что все ревели: «Правильно... Пойдем штыками спросим», одобряли Чернова, а после моей речи кричали опять, одобряли уже меня. Разошлись в хорошем настроении.

Все как бы успокоилось. Но вот вызвал меня кто-то из Одессы к телеграфу по делу... Телеграф был далеко от вагонов, с версту... Не успел я окончить разговор, как распахнулась дверь... Показался Чернов, а за ним взвод, человек тридцать... Он только рукой ткнул:

— Вот он, взять его, «шпиона».

Я и слова не успел выговорить: схватили — и на улицу...

Ведут меня по путям. Смертельным боем бьют. Не только те, что ведут, а и те, что сотнями по путям слоняются. Подойдет, развернется справа да как двинет — клонишься в сторону, падаешь, а другой — слева. Так и припадаешь то на одну, то на другую сторону, а конвойные помогают прикладами. Припадешь от удара, а приклад как ухнет в спину, все в тебе ломается, а идешь...

Били. Кто рукой, кто прикладом. Вели на расстрел. И все довольны были.

— Вот он когда попался, голубчик, шпион!

Был у нас рабочий, большевик. Годунов. Исакием его звали (расстреляли его немцы в Екатеринославе). Он, как увидел, что ведут меня, бросился вперед, стал кричать:

— Товарищи! Кого же вы, своего же, да еще такого?!

Не подействовало. «Смазали» его прикладом, он и сошел с дороги. Сзади только слышался его крик.

Потом кинулся один командир спасать меня, Шмидт, крепкий большевик. Любили они его сильно, но и он ничего не мог сделать... Не так просто отнять у толпы человека, которого она хочет убить... Особенно трудно это было в феврале 1918 года.

И все же отняли. И довольно просто.

Вели меня мимо вагонов... Стоял там наш генкварм Левензон, а рядом с ним командир полка Харченко. Хорошие ребята. Сделали вид, что не узнают меня:

— Кого это вы, товарищи?

— Шпиона.

— Куда?

— На расстрел.

— Как же это так, на расстрел без допроса? Его допросить серьезно надо.

— Верно! Правильно! — загудел мой конвой.

Я не все понимал. Ввели в вагон и стали допрашивать. Только потом я понял, что спасли.

Вышел командир, сказал, что дело серьезное, так в минуточку кончать нельзя, из «шпиона» все надо высосать. И толпа разошлась.

Только тогда они комедию допроса бросили и — к Чернову:

— Как же это ты, скотина?

А он трус был. Когда за ним батальон, да разжечь его сумеет — герой, а в одиночку был труслив, предатель...

Так оно и обошлось...

Осип я от побоев. Долго грудь ныла. Два дня, пожалуй, пролежал...

Этот случай нехорошо и тяжело подействовал на некоторых. Не были они еще настоящими большевиками. «Как же это так,— говорили,— за «них» же страдаешь, от них же и побои терпи, смерть». Я, хотя и битый, понимал тогда, что мы идем к крепкой Красной Армии, что этот путь не гладкая дорожка, знал, что нам встретится еще немало опасностей и преград, которые нужно преодолеть. Так было везде, так было и у нас, с нашими приднестровцами.

* *
*

Мы подошли к Одессе. У нас был приказ от главнокомандующего Муравьева. Смысл его был таков:

«В тыл нам зашли немцы. В Киеве бой с украинской Радой. Связь с центром революции, Питером, утеряна. Приказы-

ваю доблестной Особой армии погрузиться в эшелоны и двинуться на Одессу — заставу, Вознесенск и далее на север. Всю артиллерию иметь погруженной на платформах в годном к бою состоянии. При проходе мимо Одессы из всей имеющейся артиллерии открыть огонь по буржуазной и аристократической части города, разрушив таковую и поддержав в этом деле наш доблестный, героический флот. Нерушимым оставить один прекрасный дворец пролетарского городского театра. Я в таком-то часу, такого-то дня отбуду из Одессы в Николаев. Муравьев».

У нас на плечах была голова, и мы прекрасно понимали, что это не борьба, что рядом с буржуем в подвале и на чердаках живет рабочий и бедняк... И понятно, что не только стрелять мы не собирались, но решили во что бы то ни стало помешать этому неправильному делу.

К Одессе в это время подходили походом заамурцы. Мы отправили к Муравьеву делегацию. Долго она с ним спорила. Требовала отмены приказа, особенно флоту. Мы-то и так не выполнили бы его. Спорила и добилась своего. Приказ Муравьев отменил, но делегатов наших увез. Без звонка, без свистка тихо снялся поезд и пошел на Николаев.

Расстрелял бы он, я думаю, этих дерзких делегатов, сознательных солдат революции, если бы они ему не доказали, что если они не вернутся — погибнуть армии. Никто не передаст ей приказа двигаться дальше, и немцы застигнут.

Остановил Муравьев на полустанке курьерский салонный поезд и отпустил наших делегатов, а они на лошадях, на дрезине добрались до нас.

Может быть, никому и неизвестно было, как мы спасли город Одессу от напрасного разрушения, от ненужных потерь...

* *
*

Дальше пошли мы на Березовку — Колосовку — Вознесенск.

На станциях грузили снаряды, сахар, хлеб и отправляли в далекий центр. Тогда уже понимали, что голодать там будут, что снаряды все при фронтах погибнут. Упорно грузили. Чуть тихая минутка — грузили и отправляли, специальных комендантов и заведующих погрузкой завели. Много отправили.

Встречали мы отряды разные. Дикие отряды. Они грабили, насильничали... Боролись мы с ними.

Подошли мы к Березовке, а немцы другими путями идут

нам наперерез. Мы с юга на северо-восток, а они с запада на восток. Мы идем, а они нам тылы режут.

Так пришли мы в Березовку. А в Колосовке (верст 10 от Березовки) немцы, и много. Расположились довольно спокойно и не знали, видимо, что мы тут, рядом.

Решили эшелоны продвигать, а сами ударить на них ночью. Собрали все, что возле штаба было, и моих китайцев в том числе, и решили ночью напасть.

Двинулись. Хотя и 10 верст, да ночь, и местность неизвестная.

Чуть шумели шаги. И слабо тарахтели пулеметные тележки. Пулеметы везли прямо на руках.

Долго шли, дыхание затаили, чтобы внезапно настичь. Разведка, шедшая впереди, донесла, что впереди горят костры и стоят эшелоны.

Немцы уже раньше считали, что серьезно воевать не с кем. Даже охранения всерьез не было...

Когда мы подошли вплотную к немецкому расположению, увидели костры. Усталые от больших переходов немцы спали. Установили пулеметы.

Вдруг из тыла по цепи пришло распоряжение — бесшумно отходить. Обидно было донельзя... Ведь тут рядом враг, враг, который топчет украинские поля, сажает на старое место помещика...

Однако свернулись в два счета, только зубами пощелкали, и быстро, местами бегом, стали отходить на Березовку.

Уже серело. Наступал рассвет. Снова стали видны не только фигуры, но и лица товарищей, утомленных бессонницей и ночным переходом.

Едва успели прийти на опустевшую станцию и сесть, уже под огнем немцев, преследовавших нас, в последний эшелон...

Теперь над этим случаем посмеяться можно. Если бы позже, например на польском фронте, мы получили такой приказ, то, конечно, выполнили бы его только после того, как уничтожили бы врага. А тогда не было еще знания, умения, решимости. Вернулись ни с чем.

Сохранилась у меня в памяти еще встреча с бронепоездом.

Все люди на поезде носили матросские фуражки с георгиевскими лентами и с какой-то странной надписью на них.

Отчаянный был поезд. По чьим-то распоряжениям он рвал пути и мосты, по которым должны были проходить немцы. И все выходило так, что, как только наши эшелоны возьмут со станции путевку, он по пути нашего движения дорогу взо-

рвет, а мы должны восстанавливать, отбиваться от наседавших немцев и замедленно передвигаться в поисках мостов.

Озлились мы на него сильно. Не один эшелон из-за этой «работы» бросить пришлось.

Встретились мы с бронепоездом на станции, и чуть было между своими боя не вышло. И не потому только, что он нам пути портил, а и потому, что командир его вдруг на одного нашего товарища, по национальности еврея, накинулся с грубым криком. Темный был человек... Хорошо, что мы за голову взялись и не стали из-за его глупости со своими драться.

Двигались мы, дрались, с родными своими отрядами встречались...

Встретились мы раз с полком, Ставропольским, кажется, назывался. Ночью заамурцы стрельбу услышали и на нее пошли... Было это в районе станции Долинской. Бой идет, винтовки залпами кроют, а кто с кем бьется — разобрать нельзя.

Под утро только разобрались, в чем дело. Оказалось, целый полк с фронта домой шел. В порядке шел. Знамя боевое несли. Полковник вел — хороший командир. Домой шли. Думали, чудаки, дойти до первого русского города, там по всем правилам расформироваться и — по домам. Ну, а по дороге им то и дело приходилось сталкиваться то с немцами, то с бандитами.

На этот раз у немцев отрядишко был небольшой и только нахальством брал, знал, что не было у нас в то время крепких, сколоченных полков. Ставропольский полк, однако, хорошо дрался, и сам, пожалуй, отбился бы. Ну, а с помощью заамурцев и совсем легко справился.

Побили немцев вместе. Потом познакомились и шли уже вместе до конца.

Так мы добрались до Екатеринослава.

Китайцы мои все таяли... Многих теряли, но по дороге набирали новых. Приводили опять раздетых и — в строй.

Зима была лютая, когда мы подошли к Екатеринославу. Заамурцев на их лошаденках прямо-таки заносило снегом.

Пришли к Екатеринославу, а там тоже война. Воюют большевики с анархистами. Стрельба в городе по всем улицам, половина домов продырявлена... Где восстание, где просто драка, а немцы не отстают, наседают.

Откровенно скажу, не понимали мы тогда всей этой обстановки, не уясняли себе: идет война с немцами или нет. Ежели идет, так почему мы одни деремся, а армии, фронта настоящего не видать? Сами мало видели, мало разбирались в деле и обижались на центр. Не помогал нам штаб подкреплением, все нам самим приходилось драться вдоль железной дороги. Ежели присылали какой-нибудь отряд из губернского

или уездного города — не воевал он долго. Или побьют его, или сам уедет...

Вот мы и решили отправить в Харьков к Антонову, главнокомандующему тогдашнему, делегацию. Делегация наша потребовала ответа: воюем или нет? Ежели воюем, так где армия? И сообщила, что все вконец из сил выбились, особенно заамурцы, ставропольцы и остальные, оставшиеся воевать от царских полков. Делегация заявила, что нам нужен отдых, резерв...

Антонов пояснил, что сейчас и не может быть никакого отдыха, что надо драться... Но потом учел, видно, что может пропасть хорошая, крепкая часть, и отдал приказ отправить на отдых в Мариуполь.

Поехали наши. А мне и нескольким другим товарищам приказано было остаться и из разных отрядов сколотить армию. Назвали ее, кажется, третьей.

Ну, мы и остались.

Много было отрядов, годных лишь до первого боя. Был, например, отряд — «четвертым мариупольским» звался, вооружен был до зубов, а в первом же бою побросал все оружие и отступил. Только его и видели.

Екатеринослав немцы заняли. А мы мосты обороняли... От нашего отряда оставили летучий бронепоезд, одну пушку, пулеметов пару...

Тут у меня обрываются воспоминания так же, как тогда оборвалось сознание. Шарахнул меня на мосту тяжелый снаряд. Шарахнул — и вывел из строя.

В санитарный поезд сдали. Хорошо, что в поезде порядок был, врач хороший и сестер двое. Они и отходили, а то обязательно помер бы.

Неделю лежал я в поезде. Сначала ничего не понимал, потом очнулся.

Когда санитарный поезд проходил через Луганск, где отряд наш стоял, пришли ко мне товарищи, пришли и батальонцы-китайцы... Охали они. Врач им, как я потом узнал, сказал, что дело мое безнадежно. Они попрощались со мной, забрали мои сапоги и все вещи, решив, что больше они мне не нужны.

Поезд дальше двинулся... Где он только не был! Был и в Рузаевке, и в Пензе, и во многих других пунктах, но нигде раненых и больных не принимали — всюду отвечали, что полно. Он и бродил по путям, сбрасывая то здесь, то там покойников, пока не повернули его на Москву... До станции Арапово (часов пятнадцать езды от Москвы) допустили, а там — стоп, ни вперед, ни назад. Там мы и простояли недели две, а то и больше.

Я только весной всерьез стал поправляться. В поезде я, наверное, умер бы, если бы не сестра. Жалко ей меня стало — выходила.

На Рузаевке впервые вышел я на солнышко погреться... На станции стояли эшелоны, украшенные зеленью и цветными бумажками. Эшелоны чехословаков. Вызывающе, нахально они вели себя. Паровозы захватывали, на станции распоряжались, свою администрацию назначали. У них было много эшелонов с имуществом и оружием. Потом они выступили там против Советов. Хорошо, что наш поезд ушел не на восток, а в Москву.

На станции Арапово нас всерьез задержали. Много товарищей мы там с поезда мертвыми сняли. А в других условиях они могли бы выжить... Да что поделаешь? Время было тяжелое. Порядка еще не было...

На этой станции я поправился так, что, хотя и с трудом, на своих ногах в Москву решил пробраться. Проводила меня команда, сестру в помощь до Москвы дали, и поехал.

В Москве, говорили, наши украинские эшелоны стоят. Пошел я их искать. На путях случайно наткнулся на наш штабной вагон. Узнал его по приметам... Проводник знакомый страшную историю рассказал. «Разбили,— говорит,— отряд наш до последнего человека, остатки небольшие пришли в Калач... Воронежским поезжай — там подробно узнаешь».

С трудом я в вагон забрался и поехал Калач искать. Смеялись надо мной, инвалидом: «Куда это ты, калечь, при полном оружии собрался?..»

Долго ехали, несколько дней. Добрался до станции Таловой, там своего коменданта встретил, и он меня в Калач направил.

Нашел я там наших, да не всех. Большинство погибло — казаки поубивали. И в том числе почти всех моих китайцев. Во время гражданской войны, если казак ловил китайца — обязательно убивал, да еще и издевался...

В Калаче я узнал подробности. В Луганск наших из Мариуполя перебросили. Постояли они там, а немец тут как тут. Много в Луганске отрядов было, и пошли они двумя дорогами. Один на Царицын (Ворошилов повел их), а наши на север, в Советскую Россию, через Дон.

Прошли через Луганск на Луганскую, на Миллерово, а там прямой дорожкой по степям донским через казацкие станицы на Калач — Богучар.

Тут с ними несчастье приключилось. Шли тремя колоннами, тут же и китайцы мои. Среднюю Борисевич вел, полковник, что раньше ставропольцами командовал. Справа, верстах в пятнадцати, шли заамурцы, а слева бессарабцы и все осталь-

ные. Груз по железной дороге шел. Немцы все нажимали. Народ устал, воевать не хотел, не мог. Заключен был с немцами мир...

Под нажимом немецкого кулака из Москвы отправили во все граничащие с Украиной пункты телеграммы о том, чтобы разоружать украинские отряды, проходящие через российскую границу.

Этот приказ и погубил нас. Предательски воспользовались им казаки и предложили нашей средней колонне разоружиться. Борисевич был человек дисциплинированный, отдал он распоряжение сдать оружие, а дальше двигаться так... Как только наши стали сдавать оружие, выскочили из деревни два эскадрона и стали рубить обезоруженных, остальных в плен брать. Китайцев почти всех порубили. Борисевич, было, кинулся спасать: «Как же так, по-честному уговорились, мы приказ выполнили, а вы...» Не дали и говорить, тут же его, честного солдата, к этому времени понявшего уже полностью смысл борьбы за Советы, зарубили.

Так предательски обошлись казаки с отрядом, долго дравшимся за рабочее дело. Остальные колонны не поддавались, оружия не сдали и после небольшого боя пошли на Богучар, миновав Дон...

Но этим дело не кончилось. Прислали казаки своих людей в Богучар, просят начальство выехать к ним, уладить будто какие-то недоразумения с солдатами. А сведений о гибели колонны у наших не было. Думали — спор о поставке продовольствия. Поехали. Поехал командующий Венедиктов, представитель суда Меерсон и еще кто-то. По приезде их сейчас же связали и отправили в Новочеркасск. А там повесили по военно-полевому суду как злостных большевиков. Так вторично «подковали» наших казаки станиц Вешенской, Мигулинской...

Разбитый, без командира и многих лучших товарищей, пришел отряд в Богучар — Калач и там остановился на отдых. А оттуда пошел на Воронеж через Лиски.

В Лисках такой случай был. Стояла там на узловой станции ликвидационная комиссия, ликвидировала остатки украинских армий. Ну, и нас ликвидировать хотела.

А мы, как только вышли, сейчас же все, что было способно к бою, на границах поставили: Заамурский 5-й полк на Евстратовку, три бронепоезда — на Валуйки, Алексеевку и Евстратовку, а тылы пошли в Воронеж.

Ликвидационная комиссия не пускает. Предлагает сдать деньги, оружие, имущество. Деньги и отчетность мы охотно сдали, а вот оружие никак не хотели. Никак упросить, уговорить не могли: сдавай — да и только. Приказ такой...

И до сих пор понять трудно, почему не хотели нас пустить в Воронеж и положить в основу какому-нибудь формированию.

Выручил нас случай. Тут же на станции комиссия хотела разоружить один из отрядов Сиверса. Звался он Загаринским и командовал им Загарин. У комиссии маленькая команда и комендант, а у Загарина тысяча бойцов. Вот он и разоружил комиссию, арестовал и продержал, покуда она не разрешила ему отправиться. А мы тоже потихоньку заодно отправились на Воронеж.

Прибыли на станцию — штабной эшелон и при нем полурота китайцев (они все в эшелоне шли, потому и выжили), пара эшелонов с остатками бессарабцев и пришедшие на ремонт два бронепоезда.

Вечером в штаб наш пришли товарищи из местного Совета и стали щупать, что за народ: бандиты или свои. Хорошее, видно, впечатление произвели, потому что они нам рассказали, что в городе готовится восстание против Советов, что восстанием заворачивает Курземский латышский полк, вернее — его офицеры, что в казармах ведется бешеная агитация против большевиков, против Совета.

Спросили — как мы? Надеемся ли на своих и поддержим ли Воронежский Совет? Мы, конечно, обещали сделать все, что в наших силах. Подготовили свои «остатки»... Сгрузили и броневые машины. Пушки броневиков направили на загородный район, на казармы курземцев... Подготовили все и поехали в их штаб.

Мы подъехали к штабу Курземского полка примерно в половине двенадцатого, т. е. за полчаса до предполагавшегося восстания. Не застав там никого, мы направились в казармы. Не успел экипаж и за ним конные тронуться, как сверху была брошена бомба, не причинившая, правда, никому вреда.

Задерживаться у штаба, выяснять, кто «пошутил», не было времени, ибо можно было упустить главное... Воронежские товарищи торопили.

Уже квартала за два до казарм нам стали попадаться одиночки и группы вооруженных. Они ждали только сигнала. Казарменный двор был полон самого разношерстного народа — тут были и солдаты, и просто подозрительные типы, подбивавшие на грязное дело.

Наш начальник штаба с командиром одного из бронепоездов приехал на тачанке, а мы, человека четыре, верхами. Мы остались внизу, а начальник штаба с командиром бронепоезда поднялся наверх, в помещение, где шло собрание представителей гарнизона, приглашенных провокаторами Собрание должно было решить, в какое именно время выступить.

Хорошо работали предатели. Оказалось, что помимо нас без нашего ведома в зале между другими «делегатами» было и по три представителя от наших частей: от бронепоездов, бронеотряда, заамурцев и даже от остатка китайцев... Большое казарменное помещение гудело. Шло обсуждение вопроса о том, как произвести выступление и разгром партийной организации, ЧК и Совета. Как всегда бывает в таких случаях, намечался и еврейский погром...

Нашего возницу окружили человек двадцать с расспросами — кого привез. К нам, одетым заамурцами, тоже приставали. Все мы были в зимних шинелях, с карабинами за плечами, при шашках, с заломленными папахами, на маленьких заамурских лошадках и походили на истых сибирских казаков, знавших большие и трудные переходы.

Возле казарм разъезжало несколько конных в гражданском платье. Это была какая-то местная охрана или самооборона. Один из них осторожно подъехал к нам и стал расспрашивать одного из нас, тов. Федоренко, кто мы и для чего прибыли. Товарищ Федоренко умышленно во весь голос, чтобы слышали окружающие курземцы, ответил, что мы заамурцы, что прибыли после боев, после тяжелых поражений и необычайных побед...

На вопрос, знаем ли мы, что сегодня курземцы хотят бить Совет, большевиков и евреев, Федоренко залихватски приплюснул папаху и еще громче заревел, что мы сражались, помирали из-за каждого аршина советской земли и не позволим против наших рабочих и солдатских Советов выступать. Он кричал, что нас, мол, тысячи, наши полки под боком и мы всех бунтовщиков «порубаем».

Этот крик подействовал на окружающих, и они начали втихомолку судачить о том, что мы, пожалуй, можем помешать...

В это время в зале разыгрывалась такая сцена: на председательском месте молодой офицер с растрепанными волосами, в солдатской шинели, с прислоненной к столу винтовкой всячески подделывался под «народ», толкая толпу на провокацию и предательство Советской власти... Представитель Совета, губернский комиссар, несколько раз пытался выступить, образумить, удержать от преступного шага, но как только он начинал говорить, поднимался крик и нельзя было вымолвить ни слова. Нашему начальнику штаба председатель тоже не хотел дать слова: боялся, что в сомнение народ введет.

Однако пришлось дать. Наши представители, человек сорок, потребовали. Они все встали, и от их имени выступил командир бронепоезда. «Мы,— заявил он,— столько-то поез-

дов, бронепоездов, батарей, рот и эскадронов, входили в Особую армию Румынского фронта и требуем, чтобы нашему начальнику было дано слово». Прибрехнул он здорово, эскадронов и рот прикинул для устрашения...

Дали слово нашему начальнику штаба, и стал он речь держать. «Особая армия,— говорил он,— пешком с берегов Дуная пришла, с румынами, немцами, бандитами, казаками и еще с многими дралась. Дралась, дороги трупами своих солдат-товарищей усеивала. Дрались, советскую землю и Советскую власть отстаивали. Пришли измученные, истомленные наконец в Советскую Россию и что здесь находим? Находим вас, тыловиков, отъевшихся, на провокацию поддавшихся и стоящих на границе непоправимого несчастья...»

В это время один наш конник вошел и нарочно, чтобы увидели все, какая у нас дисциплина, толпу растолкал, подошел к говорившему начальнику, шпорами звякнул и рявкнул: «А нам, товарищ начальник, как прикажете, ждать?» Начальник штаба, быстро смекнув, что тот хочет подействовать на толпу, сердито бросил ему: «Внизу ведь приказал ждать». Тот повернулся на каблуках, гаркнул «слушаюсь» и, звеня шпорами, пошел вниз на улицу...

А начштаба продолжал:

«У нас,— говорит,— части тут подле казарм ваших подведены, 12 пушек с бронепоездов на казармы наведены, броневые машины по углам расставлены, кавалерия под городом. И только вы, предатели, посмеете против власти нашей что сделать, мы вас вдребезги разделаем...»

Это все сильно подействовало на собравшихся. Не удалось предателям поднять их. Загудели: «Как же это, бой-война промеж своих солдат?..» И решили не выступать.

Так мы совершенно случайно помогли воронежским товарищам предупредить восстание. Офицеров на следующий день арестовали, суду предали. Рады были воронежцы, что мы прибыли вовремя, а то бы худо было...

* *
*

Так в 1918 г. начинала строиться организованная могучая Красная Армия. Через всякие трудности, через ряд отдельных поражений, через тысячи смертей лучших товарищей вышла Особая армия в Воронежский район. Ни румыны, ни немцы с их регулярными корпусами, ни предательство казачьих станиц на Дону не задержали движения революционно настроенных рабочих и крестьян Особой армии на север. И шли они на север не для того, чтобы разойтись по домам и зажить мирно, а для того, чтобы все силы, всю жизнь отдать на борьбу

против помещиков и фабрикантов. С большим опытом работы по организации красных частей вышли мы, бойцы Особой армии, с Румынского фронта и из похода Румыния — Воронеж. И с неиссякаемой энергией окунулись в большую работу по формированию красных частей и созданию на юге завесы против немцев и контрреволюционных казачьих формирований. Здесь, следовательно, по существу, и было начало организации доподлинных красноармейских полков.

«Летопись революции» (Харьков), 1928, № 2 (29), стр. 7—24.

СМЕРТЬ „СТАЛЬНОЙ ЧЕРЕПАХИ“

«Черепаха»...

Это стальное чудовище — бронированный поезд — вызвало чувство радости и восхищения у нас и чувство ужаса, содрогания у противника.

С именем «Стальной черепахи» связано много славных побед; она вписала не одну красную страницу в историю революционной борьбы. Не раз, внезапно появляясь, она засыпала противника из своих стальных башен «кровавыми гостинцами смерти» и выручала нас из тяжелого положения.

«Черепаха» прошла с нами всю Украину, принимала участие во многих кровавых боях и на Украине и на Дону. Мы привыкли к ней, как бы сроднились с ней и даже... полюбили ее, хотя этот бронепоезд и считался у нас несчастливым: на нем за время моего знакомства с ним погибло четыре командира. Но вот пришла печальная очередь и самой «Черепахи».

В злосчастный день ее гибели «Черепаха» стояла на отдыхе у Таловой. Наши части, тогда еще малочисленные, были растянуты жиденькой цепью верстах в пятнадцати южнее. Ничто не предвещало приближающейся грозы. «Черепаха» отдыхала... Ночью противник с двух сторон совершил прорыв. Утром «Черепаха» оказалась в западне: железнодорожный путь с обеих сторон был подорван. Отступить было некуда.

Наши части, тогда еще неустойчивые, отошли — «Черепаха» была предоставлена самой себе. Стальной герой пытается прорваться, но... нет пути — мостки взорваны, рельсы с обеих сторон разобраны.

Некуда отступить!

Противник следил за всеми действиями «Черепахи», и кто бы ни появлялся из-за стальных стен ее, тотчас же погибал, ибо оба конечных пункта, в которых был взорван путь, противник осыпал ураганным огнем.

«Черепаха» в течение нескольких часов металась, как бы ища выхода, но она со всех сторон была окружена врагами, а свои были далеко. Не надеясь более на помощь извне, не ожидая ниоткуда поддержки, она приготовилась к последней жестокой схватке — поединку.

Противник ликовал, предполагая, что бронепоезд, так долго и упорно сеявший в его рядах смерть, попался к нему в руки и вскоре обратит свои смертоносные орудия против нас...

Напрасно! «Черепаха» решила лучше погибнуть, чем сдаться противнику. Но перед гибелью она жестоко отомстила врагу за свою смерть. Из всех ее стальных башен в сторону

противника лился свинцовый дождь. Из темных дул орудий вместе со снопом огня с грохотом вырывались снаряды. Беспрерывно татакали пулеметы, жужжали, как пчелы, пули. Казалось, что сталь обезумела. Это безумство храбрых вселяло ужас в стан противника. Но вот пулеметные ленты приходят к концу, орудия перестают работать. Все тише такают пулеметы, все реже ухают пушки...

Противник приближается к «Черепахе». Вот к машинисту поезда на ходу врываются три белогвардейских офицера. Машинально он убивает одного из них, второго сталкивает, третьего хватает за горло, а свободной рукой, дав полный ход поезду, пускает его в тупик.

Крушение... Поезд погиб! Погибла с ним и вся прислуга. Ни один из этих героев, таких же стальных, как их мать — «Черепаха», не выжил, найдя могилу в стальных башнях бронепоезда. Они жили, сражались, побеждали в стальной «Черепахе». Они в ней и были похоронены.

«Звезда красноармейца» (газета 8-й армии), № 6, 11 января 1919 г. Напечатано под псевдонимом «Тирасполец».

Как рассказывал И. Э. Якир сыну Петру, описанный эпизод произошел во время отступления Тираспольского отряда. Исковерканные крушением части «Черепахи» спустя несколько месяцев были доставлены в Воронеж, где И. Э. Якир был членом РВС 8-й армии, и он написал этот очерк.

ИЗ ИСТОРИИ 45-й КРАСНОЗНАМЕННОЙ ДИВИЗИИ

1919 год был годом, когда Рабоче-Крестьянская Красная Армия имела уже немало организованных красноармейских частей. Ценой огромных жертв и усилий разрозненные малоорганизованные отряды сводились в красные полки и дивизии. Со всех сторон окруженная врагами, отбиваясь от них, страна Советов создает регулярную Красную Армию. На востоке и юго-востоке эта работа шла довольно быстро вперед, тогда как на юге еще сплошь и рядом встречались слабо сколоченные, подчас бандитствующие отряды, еще царила партизанщина, и лишь позднее уже началось формирование регулярных частей.

Мы коснемся здесь боевых операций, происходивших в 1919 г. на юге, особенно на юго-западе, в районе Одессы, Тирасполя, Бирзулы, Рыбницы.

45-я дивизия, действовавшая в этом районе, сформировалась из частей 3-й Украинской армии. Реорганизовавшись в боевые единицы, многочисленные полки и отряды дивизии приняли новый облик. Некоторых командиров пришлось деликатно исподволь обратить в красноармейскую веру. Была развернута большая воспитательная работа среди бойцов путем агитации, разъяснения, улучшения довольствия и снабжения. Были организованы заградительные отряды, трибунал, введена жестокая карательная политика за преступления и предательство. Все это проводил только-только начавший еще работать командный и партийный аппарат дивизии.

На этот организационный период дивизия волею гражданской войны получила очень небольшой срок. Уже через 2-3 недели после сформирования растянутые ниточкой на три сотни верст дивизионные полки стали раздираться многочисленными наступлениями врагов как с флангов, так и в центре.

На флангах против дивизии с севера действовал Петлюра, подкрепленный под Жмеринкой галицийскими корпусами, на юге, у Одессы,— флот союзников, грозивший с минуты на минуту высадкой белого десанта. В центре тревожили румыны. А весь тыл кипел бандитскими восстаниями украинских кулаков, немцев-колонистов и т. д.

С этого весьма тяжелого для дивизии периода и начинается ее боевая история. Но организовывалась она раньше, окончательно оформившись именно к этому периоду — к июлю 1919 г.

Я остановлюсь здесь вкратце лишь на трех моментах из жизни 45-й Краснознаменной дивизии.

Через месяц после организации дивизия была поставлена

в безвыходное положение. На Черноморском побережье, в районе Одессы, англо-французская эскадра помогла высадке белого десанта; за Днестром переправлялись на нашу сторону румыны и тревожили нас частыми мелкими ударами; на севере Петлюра и галичане; в тылу бандитские восстания, разрушенные мосты, нападения на склады, стычки с отдельными отрядами, убийства отдельных небольших групп товарищей, рисковавших пробираться в тыловую зону... И под конец новый «гость» — Махно, появившийся на главной тыловой магистрали (на узловой станции Помошной), еще остававшейся свободной и связывавшей нас с управлением Севера и армией, с его всеразлагающей вольной, бандитствующей армией. В это время Махно был в периоде своего расцвета, он только что значительно пополнился отдельными частями Крымской армии (позже 58-й дивизии), которая поддалась его агитации и влечению. Находившаяся в далеком тылу и окруженная со всех сторон наша дивизия была оторвана от какого бы то ни было руководства из центра. Киев был занят врагом. Почти одновременно к нему подошли армии Деникина с юго-востока и Петлюры с запада. Там замыкалось второе кольцо...

В этом тягчайшем положении 45-я дивизия должна была прорываться на север для соединения с частями Красной Армии. Отсутствие поддержки со стороны населения лежавших на пути местностей, наличие Махно, недостаточная крепость парторганизации и недисциплинированность командиров усугубляли и без того тяжелое положение.

Здесь начинается первый славный путь 45-й дивизии, входившей в состав Южной группы *, полный отваги и героизма, победных боев, вписавший прекрасные страницы в историю гражданской войны.

Перед ее командирами и красноармейцами-партизанами стояла сложная задача. Как быть? Стоит ли пробиваться на неведомый север для соединения с северными братьями, или оставаться здесь, на Украине, партизанить, отстаивать свои родные поля, свои хаты?

Если вспомнить, что к этому времени в нашу дивизию входили полки с названиями: Тилигуло-Березанский, Приднестровский, Плосковский, Балтский и т. д. и что командовали ими Панченко из Анатольевки, Колосников из Плоского и другие, т. е. если понять, что как красноармейский, так и командный состав происходил из приморских, приднестров-

---

* В состав Южной группы входили: 45-я дивизия (командир Гарькавый, комиссар Голубенко), 58-я дивизия (командир-комиссар Федько) и остатки частей 47-й дивизии (командир Логофет).

Реввоенсовет Южной группы: командующий войсками группы тов. Якир, члены Реввоенсовета — тт. Затонский и Ян Гамарник.

ских районов и Бессарабии, то станет ясным, что в решении этого вопроса был заложен ряд трудностей. Трудно было предположить в первую минуту, как поведут себя некоторые командиры-«вожаки», если будет отдан приказ двигаться на север.

Нужна была решимость, быстрота в действиях. Помимо огромной работы, развернутой нашей партийной организацией, помимо агитации пришлось прибегнуть к решительным репрессивным мерам. Для того чтобы каждый красноармеец отчетливо понял свою задачу и проникся волей к ее исполнению, была написана и широко распространена «Памятка бойцам Южной группы». Сильно она была написана, сейчас, пожалуй, так не напишешь. Живо и образно эта памятка звала к выдержке, испытаниям, к новым тяжелым боям, к движению на север. Памятка говорила о северных братьях, для соединения с которыми мы идем, о братьях, которые бьют и разобьют врагов наших и придут на выручку бойцам Южной группы. На очень и очень многих эта памятка оказала огромное решающее влияние — так много было в ней силы, так много в ней было убеждения в необходимости двигаться вперед, на север, к победам *. Приказ о движении, наряду с наградами героям, с увеличением жалованья красноармейцам, с улучшением довольствия бойцам Южной группы, говорил о другом: говорил о смерти для тех, кто предаст, колеблется и попытается изменить.

Таким образом, путем максимального напряжения нужное настроение было создано, и движение началось.

Оторвавшись от железной дороги в районе Бирзула — Балта, дивизия двигалась между двумя железнодорожными линиями, по наиболее, казалось бы, невероятному для противника маршруту. Это движение продолжалось двадцать с лишним суток — двадцать суток непрерывных, неизменно победных боев с деникинскими, петлюровскими, галицийскими частями и отрядами.

Мы пожертвовали всем железнодорожным подвижным составом, уничтожили большую часть дивизионного имущества и даже огнеприпасов. Оторвались от противника и сколоченной группой, компактным кулаком шли на север, легко ломая встречавшиеся нам по пути линейные кордоны противника.

Двигавшаяся группа не имела никакой связи с другими красными частями, у нас не было ни верного направления движения, ни определенных перспектив. После занятия Киева противником мы даже не представляли себе, где же к северу

* В варианте этих воспоминаний, напечатанном в «Правде» 12 декабря 1934 г. под названием «Боевые операции сорок пятой», И. Э. Якир указывал, что памятка была написана Я. Б. Гамарником.— *Ред.*

от Киева задержался красный фронт, где мы сумеем встретиться с нашими северными красными частями. Мы даже по радио не могли нащупать какой-нибудь красный штаб.

Тем не менее дивизия шла на север, шла почти безостановочно. Маленький привал, ночевка — и снова скачок верст в 30—40 на север. Потери наши были очень невелики; в то же время росла и крепла отвага, выдержка, готовность, если нужно будет, умереть в любой момент. Стремительность и неожиданность наших нападений вызывала растерянность и панику во всех частях противника, встречавшихся на нашем пути. Это бодрило и веселило наших бойцов, ибо каждый видел, что если твердо за руки взяться и сколоченную часть создать, то легко с противником можно будет справиться.

В этом переходе дивизию вел командир ее Илья Гарькавый и комиссар Николай Голубенко. Справа от 45-й дивизии в составе Южной группы двигались 58-я дивизия и остатки 47-й.

Через двадцать суток беспрерывного движения наша полевая радиостанция впервые приняла слабые, едва уловимые звуки, посланные такой же дивизионной «нашей радиостанцией».

До этого момента радиостанция 45-й дивизии развертывалась каждую ночь после тяжелого дневного перехода, и каждую ночь напролет измученные, уставшие радисты безуспешно звали своих, ловили вести от них. И не находила дивизия в воздухе никакого отклика: ей препятствовали все окружающие радиостанции противника и даже отдаленные мощные станции — румынские и другие...

Лишь на двадцать первый день движения дивизия при помощи радио нащупала едва слышные призывы такой же радиостанции, но полевая радиостанция не брала далеко, и поэтому не было слышно, нельзя было добиться толку... Новый сорокаверстный скачок на север — станция снова развернута, и та же близкая родная дивизионная станция отчетливо разговаривает с нами. Мы сговариваемся с прибывшим на свою радиостанцию старым боевым товарищем командиром 44-й дивизии тов. Дубовым. Дубовой указал нам направление на Житомир и сам двинулся нам навстречу.

Уверенно, бодро дивизия продолжала движение, и уже через двое суток мы столкнулись со своими. Радостной была эта встреча: восклицания, слезы, объятия встретившихся после перерыва старых друзей — бойцов 44-й и 45-й дивизий.

У переправы через р. Гуйва под самым Житомиром встретились коренастый, плотный, со свисающими запорожскими усами Гарькавый с высоким, мощным, бородатым Дубовым. Только крепко пожали друг другу руки, слез не было, но волнение было велико. Но на этом не кончилось это славное дело.

45-я дивизия и остальные части Южной группы легко и свободно передвигались по тылам противника.

В это время деникинская армия находилась под Орлом. Мы стали просить у главнокомандования разрешения Южной группе нанести удар на Киев, пройти через Днепр и двигаться в направлении на Пирятин — Полтаву, с тем чтобы подрезать наступление белых на Москву. Мы все твердо верили в то, что обязательно подрежем или же, в худшем случае, отвлечем наиболее подвижные части белых, их конницу, броневые части и тем самым ослабим удар на север... Не разрешили нам этого дела. Дважды разрешали, дважды запрещали и в конце концов приказали грузиться на Вязьму.

Мы стали грузиться 5—6 октября 1919 г. Всё же части 58-й и 44-й дивизий и конница Котовского захватили для примера Киев. 45-я дивизия им помогла в этом. Оказалось это дело очень нетрудным, ибо Деникину нечем было в тылу держаться. Даже и этот налет, на мой взгляд, имел по тому времени большое значение: он подбодрил бойцов Южного фронта, подорвав веру в силу Деникина.

Такое, вкратце, было первое боевое крещение 45-й дивизии, укрепившее в бойцах уверенность, силу и веру в победу рабочих и крестьян.

* *
*

По выходе из окружения дивизия была переброшена в резерв главнокомандующего к Вязьме. Отдохнув немного, она пополнила ряды свои, кое-как обмундировалась и после этого была брошена на фронт против Юденича под Питер. Поспела она туда уже к шапочному разбору, чуть-чуть успела помочь своей 3-й бригадой нашим частям под Ямбургом, а потом, за ненадобностью под Питером, была вновь переведена на Южный фронт. О том, как шли мы к Питеру, или, вернее, как отказывались отдельные части идти, следовало бы написать в более подробном воспоминании.

Нужно отметить, что отдельные наши части требовали отправки на Украину: «Отсылайте нас свои земли освобождать, а на Питер не хотим, там кошек и собак едят, нечего там нам делать». Так говорили бойцы спровоцированного Тилигуло-Березанского полка. Все же мы уговорили их. Поехали все дружно, с полным сознанием того, что нужно отстоять великий пролетарский Питер.

Однако нам, как я уже говорил, под Питером драться не пришлось, и мы погрузились на Украину. Здесь, на юге, снова длинные марши, частые столкновения, неизменное движение вперед, новая встреча с Махно, как и в первое время, но на этот раз уже без разложения в наших рядах. Наоборот,

дивизия, к этому времени уже вполне дисциплинированная и политически стойкая, сама «разлагала», вернее — оздоровляла махновские банды, отнимая у Махно полк за полком, и разоружала его отряды, которые не переходили на нашу сторону. Тут и тяжелые бои с крепкой группой деникинцев, которая до последнего момента сохраняла боеспособность и пробиралась от Одессы на Тирасполь и частью вдоль Днестра дальше на север (группа Мартынова и Бредова).

И мы снова победили на Днестре, снова дома, на берегах, с которых всего несколько месяцев назад мы начали почти в безнадежном положении свой отход на север. Сейчас прямо и не сообразишь, как это так случилось, что, когда мы возвратились на Украину, в боях с Деникиным нам так нарезали разграничительные линии для дивизии, что совершенно случайно повезло бойцам вернуться на свои старые места.

Тяжелый бой пришлось нам выдержать при самом подходе к Днестру. Я не буду в этой статье останавливаться на захвате Одессы, не буду здесь разрешать спор между командиром 41-й дивизии Осадчим и покойным Григорием Ивановичем Котовским. Уверен только, что не без героических действий конницы Котовского занята была Одесса. А из Одессы нашу западную разграничительную линию завернули на Тирасполь, и быстрыми аллюрами Григорий Иванович ушел по ней.

В то же время компактная группа белых тысяч в десять, ушедшая из Одессы на Ольвиополь — Маяки, двинулась на немецкие колонии Баден — Страсбург и вышла нам в тыл. Быстрыми действиями пехотных и кавалерийских частей нам удалось здесь, у Лимана, задержать движение этой группы наиболее отчаянных белогвардейцев. Они пытались перебраться на румынский берег. Румыны, боясь, что следом за ними ворвемся и мы, встретили их пулеметным огнем, убивали женщин, детей... Они вернулись и после короткого боя вынуждены были сдаться. Это были последние остатки армии Деникина на Правобережье.

Кадры нашей дивизии состояли из бессарабцев; только огромная выдержка могла заставить их остановиться, не двигаться дальше через прочный лед, в свои родные края. Пощелкали зубами, поглядели на свой берег, кавалеристы Котовского помаячили в своих красных шароварах по буграм и... ушли от Днестра. Двинулись в новый поход, на польский фронт.

Тяжело началась для нас борьба на польском фронте, мы не знали противника, и на первых порах он нас учил уму-разуму. Однако мы быстро с ним познакомились, и не так оказался «страшен черт, як його малюють».

* *
*

Из большого периода борьбы на польском фронте здесь отметим лишь то короткое время, которое 45-я дивизия действовала в составе 1-й Конной армии.

После поражения и тяжелого отхода с линии Буга, не успев оправиться, дивизия получила новое ответственное боевое задание. В составе группы фастовского направления совместно с 44-й дивизией и Днепровской флотилией мы должны были с максимальной активностью наступать от Цветково на Белую Церковь — Фастов — Киев. Дивизии были потрепаны, пополнения не было, а задача такая: «Рвитесь на Фастов, обманите противника, пусть думает, что здесь идет Конная армия, ведь не может он поверить в то, чтобы разбитые, только что отступавшие дивизии сумели сразу активно и решительно перейти в новое наступление». И, несмотря на потери, на пустые ряды, двинулись, ибо поход огромной всесокрушающей лавины конницы, идущей легко и уверенно на смерть, придал новые моральные силы, новую отвагу изнеможенным, ободранным бойцам дивизии.

Вскоре поляки были сбиты, и нам пришлось расстаться со своим боевым собратом — 44-й дивизией. Часто в течение гражданской войны мы воевали рядом с ней, и редко боевые товарищи так верят друг другу, как были уверены во взаимной поддержке и выручке 44-я и 45-я Краснознаменные дивизии. Знали на опыте — не подведет, и действительно никогда не подводили друг друга.

После занятия Белой Церкви и Фастова дивизия была включена в состав Конной армии; теперь ей пришлось поспевать за конницей, не отставать от конных дивизий, двигаться на Броды, затем в Галицию ко Львову. Это движение происходило с огромным подъемом, который поддерживался соседством доблестной нашей красной конницы. Этот подъем царил в рядах бойцов вплоть до самого Львова.

Один из ярких эпизодов: за Кременцом, за топкой Иквой-рекой, возле Бужьей горы (Божья гора) еще в старую войну много русских и германских дивизий легло на кольцеобразных укреплениях, тянувшихся десятком линий вокруг горы.

Конница подвижна; бывало, нажмет противник на соседа, на конную дивизию... ей иначе нельзя — она снимется и уйдет. Так и здесь было. Нажал в районе Радзивиллов противник, и наш конный сосед отскочил — оголил наш пехотный фланг; а нашему брату — пехоте быстро взад-вперед мотаться невозможно. Вот и оказались мы во временном окружении: на юге гора, занятая противником, к северу — железная дорога, по ней бронепоезда противника ходят, сзади Иква, а соседи

конники исчезли. Мы-то знаем, что исчезли они ненадолго, что соберутся, оправятся и сейчас же на выручку нам, но противник не ждет, бьет. Положение тяжелое. Однако выдержки было много; могучий порыв — скопом навалились на гору, сбросили оттуда поляков, и дивизия уже на Бужьей горе.

Двое суток отсиживались мы на этой горе за проволокой, отбиваясь от наседавших поляков; на третьи сутки на нас начали наступать большие конные массы. Мы ведем огонь и вдруг замечаем, что кое-где у конницы развеваются красные знамена. Оказалось, что свои, — выручили.

Сначала некоторая злоба, понятная горечь, скорбь о погибших от наших пуль товарищах. Потом незабываемый момент, когда Буденный, построив Конную армию, перед строем пропустил небольшую, потрепанную, худо одетую, но крепкую стрелковую дивизию. Могучее «ура», шапки в воздухе и общий крик: «Пусть здравствует наша красная «пешка!», раздавались в воздухе.

В этом возгласе чувствовался подлинный восторг от совместной боевой работы. Несколько пренебрежительное слово «пешка» не могло ослабить силу и значение огромного подъема. И так до Львова, в котором мы не были, но который мы видели из Винников, находящихся от него в шести верстах.

* *
*

Все до сих пор написанное — только незначительные, неполные отрывки из жизни 45-й дивизии. Нет в этой статье того, что должно было бы оживить ее — нет людей. Ни тех людей, которые командовали, вели, воспитывали и сплачивали красноармейские ряды полков, ни тех, кто составляли ее многотысячный красноармейский организм.

45-я дивизия за жизнь свою недолгую дважды сменила всех своих полковых руководителей, они погибали в упорных боях с врагами революции. О них нужно особо писать, ибо все они, начиная с наиболее выдающегося, Григория Котовского, через помощников его Ульриха, Няги, до пехотных командиров полков Попы, Старого, Скляр-Коваля, Криворучко и многих прочих погибших бойцов были героями гражданской войны.

Только ли красивое и хорошее было в истории 45-й дивизии? Ясно, что нет. Были и недочеты. Была временами слабость дисциплины, некоторый анархизм, отскоки — все это было, особенно в первый период войны. Но, оглядываясь на весь путь, пройденный дивизией, приходишь к твердому убеждению, что благодарность рабочего класса — почетное Крас-

ное знамя Центрального Исполнительного Комитета — было получено дивизией по заслугам *.

Весь период гражданской войны 45-я дивизия верно служила рабочему классу, верно служила революции. Жертвы, которые она принесла в лице лучших своих командиров и бойцов — яркое доказательство этой верности. Славное и героическое прошлое дивизии — лучший залог ее славного боевого будущего.

«Летопись революции» (Харьков), 1928, № 2 (29), стр. 25—32.

---

* Почетными революционными Красными знаменами 45-я и 58-я дивизии были награждены за героический поход в составе Южной группы с юга на север на соединение с частями 12-й армии, о чем И. Э. Якир говорит в начале этих воспоминаний (стр. 88—90). Об этом награждении было объявлено в приказе Реввоенсовета Республики № 295 от 1 ноября 1919 г. (сб. документов «Боевые подвиги частей Красной Армии. 1918—1922 гг.». М., Воениздат, 1957, стр. 21). Однако в этом приказе ошибочно указано, будто Южная группа двигалась «от берегов Буга — Днестра до Черного моря».— *Ред.*

ТАК БОРОЛИСЬ И УМИРАЛИ ОНИ

ПОПА — КОМАНДИР 399-го ПОЛКА

Тов. По́па, крестьянин, бывший офицер старой армии, очень небольшого чина, к нам пришел сразу после февраля. Оставшись в Бессарабии после оккупации ее румынами, тов. Попа, по указанию партии, был одним из организаторов Хотинского восстания. Восстание было румынами подавлено, и Попа с одной из групп своих партизан бежал на наш берег.

Впервые Попу я увидел в 1919 году. Молодой, жизнерадостный, огромной физической силы, он обладал и большой силой воли и огромной выдержкой. Полк, которым командовал Попа, в результате боев и тифа беспрерывно уменьшался. Отсутствие пополнений довело его до 39 штыков... Вот какой войсковой единицей командовал тогда Попа. Но он упрашивал не снимать, не перемещать его в другой полк, ибо он сжился, сроднился со своим немногочисленным полком, и каждый из оставшихся красноармейцев представлял собой сознательного, выдержанного солдата, почти на 100% коммуниста.

С этой маленькой группкой т. Попа творил высокой храбрости дела.

СКАЗКИ О 399-м ПОЛКУ И ЕГО КОМАНДИРЕ

У нас в дивизии передавались смешные сказки о Попе и его молодцах.

Командир бригады, давая приказ, указывал район для 399-го полка, но при проверке расположения бригады никак нельзя было найти полк на своем месте. В результате поисков тов. Попу или его помощника находили на колокольне церкви наблюдающими местность, а местонахождение ребят, ввиду их малочисленности, мог указать только один Попа. Зато каждый из красноармейцев Попы стоил пятерых. У нас в дивизии подшучивали над Попой:

— Поглядите, непобедимый полк проехал на двух тачанках.

Или:

— Попа со своим полком пошел в местечко мороженое есть.

ПОЛК ТОВ. ПОПЫ ПОПОЛНЯЕТСЯ

Перед наступлением на белополяков дивизия получила пополнение, и в первую очередь получил его Попа. В 399-й полк был влит целиком коммунистический добровольческий отряд,

прибывший из Ростова-на-Дону, человек 200, и батальон казанского пополнения такой же примерно численности. Трудно себе представить радость Попы и всего командного состава. Все в полку ликовало.

Недолго пришлось простоять полку. Звали его в бой, и неудержимо было его порывистое движение на запад.

Первой серьезной преградой был укрепленный район линии реки Случь. При подходе к Случи тов. Попа был со своим полком в резерве.

Приказ дан определенный: форсировать Случь, взять Ново-Мирополь и продолжать наступление. Бригада долго билась, несла большие потери, но на берегу Случи — проволока, за ней — река, топкая, непроходимая, а дальше — грозная, хорошо пристрелявшаяся артиллерия противника и много пулеметов.

Паны поддерживали беспрерывный огонь. К ночи ввели в бой 399-й полк, уже называвшийся Коммунистическим. Полк был умело подведен Попой к линии боя и пошел в атаку на ново-миропольские укрепления. Быстрыми, упругими прыжками приблизились цепи к проволоке. Огонь противника метче, сильнее и заставил бойцов залечь под проволокой.

«ЦЕПЬ, ЗА МНОЙ!..»

Полк залег. Потери увеличивались, необходимо было быстро решить задачу.

Попа вскочил... Цепь за ним... Подбежав к проволоке, Попа схватил ее руками и начал рвать: сорвал первую линию, затем и вторую. Непрочно паны заколачивали, не думали, что подвернется под руку Попы.

Паны открыли убийственный огонь. Группа храбрецов, находившаяся впереди, была взята на мушку и упала. Цепь опешила, замерла, но, заметив противника, бегущего к командиру, встала, двинулась.

...Мощное «ура» разнеслось по всему району. Укрепления были пройдены, зажженный противником мост потушен, и Случь — за нами.

НЕТ ПОПЫ С НАМИ

Ново-Мирополь занят... Но Попы, героя-командира, нет с нами. Попа получил до 10 пуль в ноги, в живот и шею и в полумертвом состоянии увезен панами. Захваченный нами польский врач говорил о безнадежности его состояния и о последних героических минутах жизни Попы. Ни единого стона

не издал титан-командир. Ни единого ответа не получили паны на свои вопросы.

Попу нужно вспоминать на каждом празднике Красной Армии. Вспоминая о подобных ему, мы расскажем молодым красноармейцам, как дралась Рабоче-Крестьянская Красная Армия и как умирали ее сыны.

ЖЕЛЕЗНЫЙ КОМАНДИР ВАНЯ БАЗАРНЫЙ

Жизнь Вани Базарного и его дела на долгое время сохранятся в нашей памяти. Долго мы будем вспоминать и учить молодых бойцов армии, рассказывая о нем. У него была железная воля, которой поражались все. В то же время он был лучшим товарищем, любимым учителем.

При отходе Южной группы в 1919 г. Базарный командовал главными силами центральной колонны 45-й дивизии. Эти силы были созданы исключительно железной организаторской волей и крепкой рукой тов. Базарного. В бою часть под командованием Базарного не боится противника, не боится огня снарядов, пуль.

Десяток раз видел я роту, батальон в цепи под огнем, и впереди — невозмутимый, спокойный, со своей трубкой в зубах, тов. Базарный. Дивизионная школа, начальником которой был тов. Базарный, благодаря его умению и опыту, выпускала младших командиров, таких же бесстрашных, таких же честных солдат Красной Армии, как и их начальник. Эти молодые революционеры-энтузиасты умирали сотнями, всегда, везде памятуя своего Базарного, ведя себя так, как подобает красному солдату. В самые тяжелые минуты, в самых опасных положениях в бой вводился Базарный с его воспитанниками, и всякий раз усилия противника разбивались о его выдержку и непоколебимое спокойствие.

Так было и в Южном переходе, и до него, и затем в боях на деникинском и польском фронтах.

БАЗАРНЫЙ И ЕГО ШКОЛА ПОД ЖМЕРИНКОЙ

Вспоминается Жмеринка. Вправо и влево от нее противник — изменившие галицийские бригады. Поляки перешли по всему фронту в наступление. Одна из колонн ворвалась в Жмеринку. Я карьером лечу в школу. Там все готово. Базарный, как всегда спокойный, выводит роты. Здесь же, в местечке, развертывает их. С лучшей, 1-й ротой — молодой военком (бывший курсант, перенявший все лучшие качества своего начальника).

Белополяки не ожидали сопротивления. Казалось, все у нас находится в состоянии неудержимой паники...

Удар Базарного был выдержан, спокоен и ужасен. Противник понес огромные потери, показал спину, и по этой спине его уже «погладили» котовцы. Жмеринка за нами.

«ЖЕЛЕЗНЫЕ РЕБЯТА» В ГАЛИЦИИ

Тяжелые были у нас бои в Галиции. Бои с превосходившим нас противником, имевшим проволоку и окопы.

Эскадрильи аэропланов бомбили нас целые дни. Части таяли. Умирали командиры. Нужно было охранять каждую пядь земли. Чувствовалась усталость, отсутствие былой крепости. Как всегда, в такие минуты затребовали из тыла наших «железных ребят» с их начальником Базарным.

Самый ответственный участок, Дубе — Кадлубиска, был дан школе.

БАЗАРНЫЙ НИКОГДА НЕ ОТСТУПАЕТ

На третий день, после ураганной огневой подготовки, паны бросили огромные силы на крепко оборонявшихся и переходивших в контратаки курсантов.

Большие потери понесли молодые герои и отошли...

Базарный никогда не отходил и, имея приказ обороняться до последнего, с группой пулеметчиков не ушел.

Встретил панов, подошедших вплотную, огнем, нанес им большие потери и вместе со своими героями умер...

Через трое суток мы отбили место смерти тов. Базарного и нашли обезображенный труп родного Вани.

Похоронили Ваню Базарного на высокой «Божьей горе» * и прикрыли таким же крепким, как он, таким же непоколебимым обломком гранитной скалы...

Может быть, паны вновь нарушили покой героя-солдата...

Для нас Ваня Базарный останется примером и образцом навсегда.

«История 45-й Краснознаменной стрелковой дивизии». Киев, Политотдел дивизии, 1929, стр. 234—236.

---

* Близ Кременца.

Рейнгольд Иосифович
БЕРЗИН
(1888—1939)

Сын рабочего, в детстве пастух, потом рабочий. В 1905 г. вступил в Латышскую социал-демократическую партию. В 1911 г. был арестован за распространение нелегальной литературы и заключен в тюрьму. В 1914 г. мобилизован в армию, через два года окончил Псковскую школу прапорщиков и был отправлен на фронт.

В начале гражданской войны — член Военно-революционного комитета старого Западного фронта и командующий Северными отрядами по ликвидации Ставки в Могилеве, комиссар при начальнике штаба Верховного главнокомандующего. В начале 1918 г. назначается главкомом Западного фронта по борьбе с контрреволюцией, командует 2-й революционной армией при взятии Киева. После заключения Брестского мира назначается военным комиссаром Средне-Сибирского военного округа, организует борьбу с белочехами на самарском и миасском участках. В связи с угрозой Уралу вступает в командование Северо-Урало-Сибирским фронтом в Екатеринбурге, а затем 3-й армией. В июле 1919 г. — член РВС Западного фронта участвует в обороне Петрограда от войск Юденича. С декабря 1919 г. — член РВС Южного, потом Юго-Западного фронтов. В 1923—1924 гг. — член РВС Туркестанского фронта, руководит борьбой с басмачеством.

ЭТАПЫ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ КРАСНОЙ АРМИИ

Уже два года как существует Рабоче-Крестьянская Красная Армия, дитя, рожденное великой революцией, окрепшее и выросшее во время самой ожесточенной борьбы российского пролетариата. Это армия классовая, армия, борющаяся за власть Советов — власть рабочих и крестьян, за диктатуру пролетариата. Красная Армия не только за эти два года создана, но в течение этих двух лет борьбы независимо от степени своей готовности и организованности вынесла на своих плечах все тяжести гражданской войны, мужественно отражая врагов Советской Республики на всех фронтах. Красная Армия научилась побеждать, Красная Армия побеждает, и близок тот час, когда ни одного врага больше не будет на территории Советской России.

Но не теперь еще время петь хвалебные песни, не теперь строить триумфальные ворота для победителей. Нет. Наша борьба еще далеко не закончена, не разбит еще враг, и мы не имеем возможности все силы страны направить на мирную творческую, созидательную работу новой Советской России. Враг еще не уничтожен. Мы должны неутомимо работать над усилением боевой мощи Красной Армии. Думать теперь, что для Красной Армии уже сделали все, думать, что Красная Армия уже достигла в смысле организации и боеспособности кульминационного пункта, было бы величайшей ошибкой с нашей стороны. Как раз в настоящий момент должно четко и резко подчеркнуть, что Красная Армия все еще находится в стадии развития и идет по пути своего усовершенствования. Недалек тот час, когда Советская Россия будет иметь первоклассную армию, построенную согласно требованиям военной науки и техники, и главное — армию классовую, армию сознательного пролетариата, которая ясно и отчетливо знает, за что она борется, какие задачи и цели преследует, что она несет пролетариату всего мира.

Это — преимущество русской Красной Армии перед армиями всего мира.

Мы стремимся к милиционной системе вооруженных сил Советской Республики. Милиционная система наших вооруженных сил несомненно сменит теперешнюю Красную Армию после того, как свершится перелом в мировых отношениях, когда будет дана возможность рабочим возвратиться к своим станкам, крестьянам к плугам. Пока это только идея, перспектива будущего. Но к осуществлению этой идеи в жизни мы уже, в частности, теперь приступили, поскольку «Всевобуч» проводит предварительную работу по всеобщему обучению

народа военному делу на местах. Но для всего этого требуется время. Теперь мы еще ведем ожесточенную борьбу с классовыми врагами, и все наши усилия направляются к созданию боеспособности Красной Армии. Она не только разобьет врагов, но под ее защитой нам будет дана возможность осуществить в действительности заветные мечты рабочего класса.

Но перед нами встает вопрос: в чем же именно должна заключаться работа по усовершенствованию Красной Армии? Чем она еще страдает по существу как армия в полном смысле этого слова? Чтобы ответить на эти вопросы, мы должны остановиться хоть в кратких чертах на историческом ходе вещей в деле строительства Красной Армии, на периоде ее младенчества и определить, в какой именно стадии своего развития находится она в настоящее время.

Как я уже сказал, Красная Армия — это дитя революции. Мы, коммунисты, никогда не стояли за регулярную армию, и создание таковой ничуть не входило в наши задачи. Мы вместе с царизмом безжалостно уничтожали бывшую царскую армию — тот оплот, на который опирались эксплуататоры. Мы, не боясь германского наступления, непоколебимо и твердо приступили к демобилизации старой армии, зная, что тем самым Советская власть развяжет себе руки, освободится от лишней и опасной вооруженной силы. Но в то же время мы выдвинули на арену борьбы передовые сознательные массы — фабричных рабочих в виде славной Красной Гвардии.

Эту силу мы готовили еще до Октябрьской революции, но нельзя сказать, чтобы в этом деле был какой-либо определенный выработанный план или система. Нет. Здесь главным образом помогло нам революционное чутье, мы как-то предугадали, что всю тяжесть первых дней переворота и защиту Советской власти несомненно придется вынести передовым рабочим массам Питера и Москвы. Правда, мы имели кое-какой опыт действий Красной Гвардии, красных боевых дружин революции 1905 года. Не имею под рукой фактических данных о начале формирования первых красногвардейских отрядов, но знаю, что еще при Керенском группа во главе с тов. Еремеевым в апреле 1917 г. приступила к выработке плана организации Красной Гвардии в Питере, а через пару месяцев число красногвардейцев уже достигло нескольких тысяч, причем лучшие красногвардейские отряды считались Выборгского, Нарвского и Невского районов, тех районов, где самые рабочие массы были более сознательны. От этих районов организация красногвардейских отрядов распространилась на все остальные районы Петрограда, все увеличивая свой численный состав. Правительство Керенского и Цере-

тели, которое опиралось на старую царскую армию, не могло не видеть, что в Питере созревает грозная для соглашателей враждебная сила, с которой рано или поздно придется иметь дело. Тогдашний соглашательский Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов всеми мерами старался тормозить создание Красной Гвардии и в закрытом заседании питерского Совета в июне министр Церетели в категорической форме просил Совет разоружить рабочих, убеждая, что это чрезвычайно опасно для самого коалиционного правительства. Церетели не ошибся — Красная Гвардия для коалиционного правительства была первый буревестник. Когда наступили знаменитые июньские дни, Красная Гвардия насчитывала в своих рядах более 10 тыс. вооруженных рабочих, которые предполагали выступить в июньских демонстрациях — быть на первом смотру.

Но этот смотр был отложен после июльских дней, когда началось повсеместное преследование; большевиков объявили контрреволюционерами, травили всеми силами и средствами; началось преследование и разгром Красной Гвардии, разоружение рабочих, обыски на фабриках и заводах и т. д. Но убить красногвардейскую организацию не могли. Ее штабы перешли в подполье и продолжали свою работу с прежней интенсивностью. Но как ни странно, все-таки та же Красная Гвардия, преследуемая коалиционным правительством, оказала последнему свою услугу в дни корниловского выступления в августе 1917 года.

В эти грозные дни тот самый Петроградский Совет, который был против вооружения рабочих, против создания Красной Гвардии, теперь, стоя на краю гибели, разрешил вооружить рабочих.

И первые красногвардейские отряды в количестве 600 человек мужчин и женщин прибыли из Шлиссельбурга, вооруженные с головы до ног, со всеми боевыми припасами. Но питерский Совет их не принял; их должен был принять штаб Красной Гвардии Выборгского района. И шлиссельбуржцы ринулись в первый бой на защиту красного Питера. Прошло с тех пор два года, и во время последнего наступления генерала Юденича на Петроград шлиссельбуржцы снова дали отряд в 600 человек на защиту Петрограда. Корниловские дни показали даже соглашателям, что за силы кроются в Красной Гвардии, и после этих дней по всему Питеру началось формирование красных рабочих батальонов. В сентябре были уже поставлены регулярные занятия с красногвардейцами на 79 фабриках и заводах. В это время с чрезвычайной энергией и самоотверженностью среди Красной Гвардии работала военная организация партии большевиков. Она знала, что

близок тот момент, когда власть Временного правительства рухнет, как карточный домик, и у власти станет сам пролетариат. Но к этому надо было готовиться. Большевики прекрасно знали, что соглашатели не уступят власть без сопротивления и что возможны кровавые столкновения. Поэтому, начиная с июня и кончая Октябрьским переворотом, большевики работали, как кроты, во флоте и среди рабочих, усиленно организуя Красную Гвардию. Чувствовался колоссальный недостаток оружия, но и здесь нашли выход. Так, например, исполком Петроградского Совета в революционном порядке приказал выдать из Сестрорецкого оружейного завода 5000 винтовок для Красной Гвардии, и его требование было точно исполнено. Когда 10 октября на секретном заседании ЦК партии большевиков был решен положительно вопрос о вооруженном восстании и создании Военно-революционного комитета для проведения в жизнь плана восстания, закипела еще усиленнее работа, и к 20 октября весь питерский гарнизон был наготове. Везде в частях были свои комиссары, ждали только сигнала к выступлению.

К этому времени Красная Гвардия в Питере насчитывала 10—15 тыс. вооруженных рабочих, готовых лечь костьми за Советскую власть. В ночь на 22 октября начались приготовления к перевороту и захвату власти.

Военно-революционный комитет объявил все распоряжения штаба Петроградского военного округа недействительными, и из Выборга и Кронштадта были вызваны моряки. В тот же день из войсковых частей, охранявших старый Центральный исполнительный комитет, была вызвана Красная Гвардия, которая заняла все посты. 14 октября Красная Гвардия и моряки сосредоточились в разных местах для занятия опорных пунктов, а 25 октября уже произошло занятие всех правительственных учреждений при помощи Красной Гвардии. При взятии Зимнего дворца, при всех боях с юнкерами самое активное участие принимала Красная Гвардия. Как только правительство Керенского пало, было отдано распоряжение выступить на позиции под Питером, где Керенский сосредоточил свои войска против восставших рабочих и солдат. И без малейшего ропота, с великим энтузиазмом потянулись на позиции сотни тысяч рабочих, и первые заняли позиции части Красной Гвардии. Керенский был разбит. После занятия Гатчины и ареста генерала Краснова красноармейские части вернулись в Питер и стали гарнизоном первой красной советской столицы.

Я нарочно остановился на исторической роли Красной Гвардии при октябрьском перевороте в Питере и хочу подчеркнуть, что Красная Гвардия в эти великие исторические

дни явилась краеугольным камнем вооруженной силы и основой будущей Красной Армии Советской Республики. Но Питер — это еще не вся Россия. Питер играл первую скрипку, давал толчок всему, но борьба началась и шла везде и всюду. В остальных местах Красная Гвардия далеко еще не была организована, даже Москва далеко отстала в этом смысле, но события развивались с такой быстротой, что вести борьбу при помощи Красной Гвардии было бы просто неумением использовать другие средства борьбы.

Но какие еще тогда были у нас средства? Старая армия? Она находилась в предсмертной агонии. Еще за год до революции, в начале 1916 г., число дезертиров из старой армии исчислялось более, чем в полмиллиона солдат. Революция же вышибла самый фундамент из-под ее ног. Старая армия потеряла свою внутреннюю, хотя бы и палочную, спайку, и началось ее разложение по существу *.

Старая армия для новой борьбы совершенно была непригодна. Серые солдатские массы, просидевшие четыре года в окопах, требовали только одного — мира, чтобы вернуться домой. Полки, стоявшие на позиции, таяли с каждым днем еще до официального приказа о демобилизации. Для всех фронтовых работников было более чем ясно, что умер на-

---

* Не могу не привести интересную и характерную выдержку П. Розенталя о роли Волынского полка в Февральскую революцию.

«Настало утро 27-го февраля,— пишет П. Розенталь.— Снова выстроилась учебная команда волынцев. За ночь перелом совершился. Решение назрело и было выполнено. Когда явился ненавистный ротный, он увидел мрачные лица, горящие глаза. Неожиданное громовое «ура» прорезало воздух, а младший унтер-офицер Марков крикнул: «Мы больше не будем стрелять».

Командир кинулся было к нему, но увидел, что погиб.

Марков вскинул винтовку на изготовку. Командир отбежал. Кирпичников отступил от него на шаг вправо, к рядам. Командир остался один перед фронтом. Сразу стихло. Никто не шелохнулся, только винтовки стиснули в руках. 400 пар глаз следили за нервно бегающим вдоль фронта командиром, и общее напряжение вылилось в одном диком вопле.

— Уходи, уходи, мы не хотим тебя видеть.

Точно сотни тяжелых орудий открыли сплошную пальбу, такой грохот стоял в коридоре. Командир побледнел, как-то весь съежился и быстро выбежал вон. На дворе догнала его чья-то меткая пуля.

Тимофей Кирпичников принял команду.

Если бы у нас был свой Талейран, то, узнав об этом событии, он бы сказал, взглянув на часы: «Отметьте, господа, что 27 февраля 1917 года в 9 часов 20 минут утра династия Романовых перестала царствовать в России».

Но мы, военные, разбирая по существу этот эпизод, уверенно говорим: 27 февраля 1917 года в 9 час. 20 мин. утра перестала существовать и старая царская армия. Рухнуло все то, что строилось веками — дисциплина, подчинение, порядок и т. д.

веки царский режим, а вместе с ним умерла и старая армия. И если еще эта армия продолжала формально существовать, занимать окопы, то только благодаря влиянию большевиков, благодаря тем же самым комитетам, которым верили солдаты.

Попытка правительства Керенского бросить эту разложенную армию в бой 18 июня — была не что иное, как последний, жестокий удар, усиливший разложение, которое и дошло до конца. Правы были мы, когда еще на Всероссийском съезде Советов 4 июня 1917 г. говорили гг. эсерам и меньшевикам: «Если хотите армию погубить, если хотите нанести ей смертельный удар, бросайте ее в наступление».

Мы предсказывали, так как прекрасно знали действительное состояние настроения полков, занимающих позиции, и только идиоты могли решиться гнать в наступление эту армию.

Это сделало правительство Керенского и Дана 18 июня и принесло медвежью услугу армии, а потом заявило, что, мол, большевики виноваты, они «развратили армию» своими партийными ячейками, которые завелись в полках.

Я должен констатировать факт, что самые образцовые и стойкие части, оставшиеся на позиции до самой демобилизации, были те части, где сильные партийные ячейки большевиков фактически держали их в своих руках. Но как только после первых переговоров о мире в Бресте последовал приказ о демобилизации более старых годов, никакие силы не смогли бы удержать солдат на позиции. «Война кончена — хоть мир еще и не заключен. Мы больше с немцами воевать не будем», — как один, говорили солдаты и стремились домой. Думать в эту минуту о какой-либо священной войне с этой армией значило бы обманывать самих себя.

В этом мы убедились на деле, когда начали наступление немцы. Они шли вперед без удержу, и ни одна из регулярных частей не оказывала противодействия, кроме тех небольших отрядов внутреннего фронта, которые были сорганизованы для борьбы с поляками, гайдамаками и внутренними врагами Советской России. Я был свидетелем того, как спешно, без оглядки эвакуировались все старые штабы вплоть до штаба Западного фронта, вплоть до Ставки, бросая на произвол судьбы войска.

Кто же в этот тяжелый момент остался на позиции, кто организовал отпор немецкому наступлению? Наши революционные штабы, имевшие несколько сотен верных солдат, несколько сотен питерских красногвардейцев и матросские отряды. Здесь громадную роль сыграли молодая питерская и московская Красная Гвардия, отряды которой прибыли на

тогдашний Западный фронт. Появление простых, коренастых, кое-как одетых, но с ног до головы вооруженных и воодушевленных борьбой красногвардейцев произвело громадное впечатление и вместе с тем влияние на солдатские массы. Мужество и героизм красногвардейцев многих заставили задуматься над тем, что происходит, забыть хоть на время свои шкурные интересы и еще раз взяться за оружие. Несмотря на это, старые полки таяли, и вскоре на позиции против немцев и поляков остались одни только красногвардейцы и два старых полка с несколькими батареями (говорю о Западном фронте: о Новоладожском и Пошехонском полках, в частности о 60-м Сибирском). Новоладожский полк, прибывший с Северного фронта, был силен своей партийной организацией и оставался таковым до демобилизации (демобилизовался в конце марта 1918 года и, кажется, самым последним).

Я должен особенно подчеркнуть значение петроградской Красной Гвардии на Западном фронте. В начале января из Питера прибыл первый батальон Красной Гвардии, потом и второй батальон под командой даровитого командира-рабочего, ныне командира красного Генштаба, тов. В. Павлова, всего около 1000 человек. Оба красногвардейских батальона вошли в состав 1-го Минского революционного отряда, впоследствии 2-й армии Юго-Восточного фронта. Заняв район Мозырь—Коростень—Жлобин, красногвардейские отряды выдержали с величайшим мужеством и настойчивостью нажим польских легионеров и затем польско-немецкое наступление. Даже такие части, как 1-й Усть-Двинский латышский стрелковый полк, самовольно снимались с позиции и прибывали в Гомель.

Только после долгих переговоров удалось вернуть часть латышей, которые совместно с моряками заняли своевременно намеченную линию Гомель—Жлобин.

Красногвардейские отряды оставались на позиции, и только тогда, когда был отдан приказ об оставлении Гомеля, который обстреливался с двух сторон артиллерийским и шрапнельным огнем, в Новозыбков прибыли остатки отряда Красной Гвардии тов. Павлова. Осталось в живых только 14—20 человек. Остальные были убиты или ранены. Вокруг этих 20 человек красногвардейцев, моряков и новоладожцев снова сгруппировались новые отряды из рабочих и крестьян и вступили в бой с немцами и поляками под Оршей — Гомелем — Бахмачем — Конотопом и т. д. Не могу не отметить мужество Красной Гвардии, особенно в боях под ст. Круты и при первом взятии Киева в январе 1918 года. Но надо сказать, что, несмотря на всю доблесть и геройство Красной Гвардии, она была несостоятельна в своей организации, и мы

вынуждены были взяться за организацию регулярной Красной Армии. Красная Гвардия, как первая попытка создания армии по мобилизационной системе, сошла на время со сцены, уступив место теперешней Красной Армии. Но и на Красную Армию в начале смотрели, как на «фундамент для замены постоянной армии всенародным вооружением», а «в ближайшем будущем Красная Армия должна была послужить поддержкой для грядущей социалистической революции в Европе» (декрет Совнаркома от 15 января 1918 г.).

Тот же декрет указывает, на каких основаниях организуется новая армия, подчеркивает ее классовый характер. Мало того, в начале были приняты еще такие предосторожности, как рекомендация коммунистов, партийных и общественных организаций, даже круговая порука для лиц, желающих вступить в ряды Красной Армии. Восьмой съезд РКП в марте 1919 г. это еще раз более подробно подчеркнул: «В эпоху разложения империализма и разрастающейся гражданской войны невозможно ни сохранение старой армии, ни построение новой на так называемой внеклассовой или общенациональной основе. Красная Армия, как орудие пролетарской диктатуры, должна по необходимости иметь открыто-классовый характер, т. е. формироваться исключительно из пролетариата и близких ему полупролетарских слоев крестьянства. Лишь в связи с уничтожением классов подобная классовая армия превратится во всенародную социалистическую милицию».

Значит, Красная Армия основана на вооружении пролетариата и деревенской бедноты и разоружении буржуазии.

Вот основные принципы существования регулярной армии при власти пролетариата. Создания регулярной миллионной армии при всех условиях, в каких мы находились два года тому назад, еще не знает история. В этом отношении Советская Россия показала всему миру, какие огромные силы кроются в пролетариате. Для создания в дни ожесточенной борьбы правильно организованной, боеспособной армии требовалось:

1) непоколебимая воля и настойчивость руководителей нашей военной политики,
2) строго выдержанная система,
3) уменье учесть условия и использовать все средства,
4) дальновидность при организации военной силы.

Двухлетняя практика показала, что наша военная политика выдержала блестящим образом свой экзамен, и это вынуждены признать наши противники.

Рассматривая этапы развития Красной Армии, мы должны, во-первых, учесть тяжелые условия, при которых она

строилась; в первое время мы абсолютно не имели своего военного аппарата, который мог бы планомерно приступить к организационной работе. Старые военные аппараты, как Ставка, Особое совещание по обороне, Военный совет, Главный штаб и Генеральный штаб, для этой работы абсолютно были непригодны. Октябрьская революция со своими лозунгами, идеями и борьбой выбила их из колеи. Официальное распоряжение об их упразднении только поставило могильный камень на могилы. Декретом от 15 января 1918 г. о создании Красной Армии была утверждена Особая Всероссийская коллегия, единственный вспомогательный орган Народному комиссариату по военным делам в деле создания Красной Армии. Но это все только была первая подготовка нового аппарата, который должен был не только там оформиться, но и давать руководящие указания. События чередовались столь быстро, что на местах не могли ждать указаний центра, надо было действовать, кто как умел и понимал, так как германцы и поляки почти по всему Западному и Северному фронтам повели наступление, угрожая самому Петрограду.

Военно-революционный комитет Ставки, потом Цекодарф * со своим полевым штабом работали, пока армия еще сидела на старых позициях; но как только началось немецкое наступление, они потеряли всякую связь с фронтом и войсковыми единицами. Глубоко неправы те, которые говорят, что старые штабы фронтов руководили операциями против немцев; может быть, штаб Северного фронта, но штаб Западного фронта, вылетев в Смоленск, остался без войск, ему подчиненных, и начал приказывать частям и отрядам, выдвинутым на борьбу с поляками, Петлюрой и Калединым (Орша—Жлобин—Коростень—Бахмач и далее в районе Украины), находившимся под командованием тов. Антонова и непосредственно подчиненным полевому штабу Ставки, где в то время работали тт. Тер-Арутюнянц, Турчан, Вацетис (бывший главком) и другие.

Мне в то время тов. Крыленко было приказано командовать всеми силами, оперирующими против польских легионов, но штаб Западного фронта с этим мириться не мог и дошел до того, что приказал арестовать начальника оршанской группы войск тов. Ефимова за неподчинение ему. Дело дошло до Наркомвоена, полевой штаб Ставки добился освобождения тов. Ефимова, и руководство в районе Западного фронта осталось за полевым штабом Ставки до создания Западной завесы. После эвакуации полевого штаба Ставки из Могилева в Москву руководство в районе Орша—Бахмач—

* Центральный комитет действующей армии и флота.— *Ред.*

Конотоп—Путивль—Льгов было поручено полевым штабом Ставки мне, и штаб Западного фронта по борьбе с контрреволюцией перешел в Брянск, где в то время работал тов. Вацетис, организуя Военно-революционный комитет. Отсюда пришлось руководить всеми операциями в названном районе вплоть до заключения мира с немцами. Все время имели связь с главнокомандующим всеми силами Украины, к которому потом перешла 3-я армия в районе Путивль—Льгов. Никакого другого оперативного центра до образования Высшего военного совета (4 марта 1918 года) мы не имели и никаких указаний получить не могли. Под влиянием немецкого наступления части старой армии бросали позиции, эвакуировались в тыл, по дороге продавая все казенное имущество, лошадей, пулеметы, винтовки и деля полковые суммы между собой. Приходилось организовывать оборону и в то же время разоружать дезорганизованные части старой армии, эвакуировать колоссальные склады Западного фронта в Гомеле. Приведу некоторые цифры: из Гомеля было отправлено в Петроград 300 тыс. винтовок и 200 пулеметов, а в Москву — 267 тыс. винтовок, 187 пулеметов; вывезено 3 миллиона коробок консервов. Эвакуированы из Режицы артиллерийские склады. На Крюковском заводе находилось 25 миллионов пудов сахару, но не было денег, чтобы уплатить рабочим за работу, не было подвижного состава, чтобы вывезти, и сахар пришлось оставить.

Грузили все под охраной, даже на горячих паровозах пришлось держать часовых, так как бригады разбегались. Гомельский Совет эвакуировался за две недели до сдачи Гомеля в Самару, сдав письменно власть городской думе. Буржуазия с ликованием ждала немцев вместе с русским офицерством и по взятии немцами города осыпала их цветами и устраивала вместе с ними расправу над советскими и партийными работниками. Вот в какой атмосфере пришлось работать по организации отрядов — будущей основы полков, дивизий регулярной армии. Количество людей в отрядах достигало от 200 до 600 человек. Основой для отрядов были положены группы красногвардейцев, моряков и добровольцев по рекомендации комитетов. Работали все не покладая рук, и как только отряд был более или менее оформлен, снабжен всем необходимым, его немедленно отправляли на позиции, где объединяли, сколачивали, давали названия полкам, батареям и эскадронам. Но были и курьезы. В Новозыбкове был сформирован из старых солдат отряд в 700 человек, которому было приказано отправиться на позиции под Добрушем, где шли бои с немцами.

Отряд спокойно погрузился в поданный состав, но при-

бывшая в это время с позиции санитарная летучка с ранеными повлияла на настроение отряда, так как солдаты узнали о потерях, понесенных в последних боях. Среди отряда началось брожение, что наконец выразилось в открытом отказе отправиться на позиции. Мы с командующим 1-й армией тов. Степановым и еще несколькими товарищами отправились к отряду разъяснить тяжелое положение на позициях и необходимость немедленно отправиться. После кратких речей отряд вынес резолюцию: «Исполнить приказ». Но не успели мы прийти на станцию, как в комнату телеграфа хлынула вооруженная, враждебно настроенная толпа — человек 150 — и, угрожая оружием, потребовала отправить весь эшелон в Брянск, причем к паровозу были приставлены часовые, чтобы не отправить эшелон на позиции. Для меня было ясно, что вступить еще раз в переговоры с этой вооруженной толпой значило показать колебание и вызвать кровавые стычки. Не обращая никакого внимания на толпу, я позвал адъютанта и твердо приказал: позовите мне командира бронепоезда имени Ленина тов. Голинского и начальника отряда.

Через несколько минут явились оба.

— Что прикажете?

— Поставьте бронепоезд на первом пути против эшелона, стоящего на пятом пути; приказываю открыть пулеметные люки, пулеметчики на местах. Если через 15 минут эшелон не отправится на позиции, приказываю открыть по эшелону пулеметный огонь из бронепоезда.

— Слушаюсь.

— Командир отряда, вы слышали приказ? Вам даю десять минут сроку. Вы лично головой отвечаете за отправку отряда и за занятие указанных в приказе позиций. Поняли?

— Так точно.

— Теперь шесть часов десять минут. Можете идти.

— Слушаюсь. Будет исполнено.

Сделав по-офицерски поворот, оба командира вышли. Это подействовало. Через несколько минут раздались тревожные гудки бронепоезда, ставшего на указанном пути. Моментально куда-то исчезла вся героическая толпа, так грозно требовавшая отправки в Брянск, и ровно через пятнадцать минут эшелон вышел на позиции. Из эшелона дезертировало человек 150, которые остались на станции и отправились в город грабить. Их разоружили и посадили в тюрьму новоладожцы, а через два дня все дезертиры сами попросились отправить их на позиции, дав обещание драться, что честно и исполнили.

После занятия немцами Могилева и Жлобина одна группа во главе с тов. Григорьевым, ныне начальником

дивизии, отступала по шоссе на Мстиславль, другая из Рогачева на Чернигов. Штаб группы прибыл в Рославль. Кадры групп были надежные и имели до 2500 человек. Я отдал приказ назвать группу 2-й армией и занять фронт от Горки (50 верст юго-восточнее Орши) — Чаусы — Чериков до Чечерска (50 верст севернее Гомеля) включительно, т. е. 150 верст по фронту. 1-я армия во главе с тов. Степановым (потом командовал полковник Здарновский) — штаб в Новозыбкове — занимала фронт от Чечерска — Добруш—Буда—Сновская—Сосницы — река Сена — 200 верст. Далее 3-я армия: Королевец—Конотоп—Белополье (штаб — хутор Михайловский). До этого, еще в районе ст. Круты, немцам дали бой отступающие из Киева части чехословацкого корпуса, но после первого же боя чехи самовольно снялись с позиции, обнажили фронт и с песнями уехали в глубь России. Те самые чехословаки, которые в мае восстали против Советской власти, якобы желая драться с немцами; но когда представилась эта возможность, они позорно удрали.

На этом 800-верстном протяжении по фронту действовали отряды, всего около 6 тыс. человек, несколько батарей, один бронепоезд и несколько броневиков. Отряды не были сначала связаны между собой, но этого мы скоро добились. С главными группами и морским отрядом была установлена телеграфная связь. Отряды заняли определенные пункты по фронту, пополняя сами себя добровольцами.

Отношение деревенских жителей было для нас самым благоприятным. Деревенская беднота прекрасно понимала или, лучше сказать, чуяла, что несет им германский империализм. И целые деревни сами добровольно вооружались для борьбы с немцами. Даже в занятых немцами районах продолжали существовать нелегальные Советы. Новый гомельский Совет, эвакуированный из Гомеля, продолжал работу в ближайших уездах. Мы это настроение учли и использовали для организации отрядов. Из Брянска, Рославля и Новозыбкова в район фронтовой полосы были двинуты все лучшие имеющиеся в нашем распоряжении партийные и политические силы группами по 5—6 человек. Этим группам было придано несколько бывших офицеров или унтер-офицеров и несколько товарищей из военных, могущих занять высшие командные должности. Каждая группа снабжалась небольшими суммами денег, 300—400 винтовками, патронами и седлами. Погрузив все на крестьянскую подводу, группы отправлялись в путь. Всем начальникам групп были даны подробные указания, как держать себя, куда посылать сведения о ходе работы. Такая постановка дела дала блестящие результаты при тогдашних условиях; вооружение деревенской бедноты

можно назвать приемом своеобразным, но другого элемента в этом районе мы не имели. Рабочие немногих заводов, как то: клинцовские, шостенские и бежицкие находились в лапах меньшевиков и до последней минуты были враждебно настроены. Но это не пугало фронтовых работников. При таком способе работы быстро удалось создать определенный фронт при условии усиления известным количеством штыков и сабель.

Нельзя не отметить те колоссальные услуги Москвы, которые она оказала в эти тяжелые для фронта дни. Командующий войсками Московского военного округа очень чутко относился к тогдашнему Западному фронту. Я не знал его лично, даже никогда его не видал, но знал, что во главе войск Москвы стоит наш товарищ, и в силу крайней необходимости я установил с ним сначала связь чисто информационного характера, которая потом стала регулярной, и оперативный отдел Московского военного округа, потом перешедший в ведение Высшего военного совета, одно время был для нас руководящим оперативным органом. И надо сказать, что почти все мои просьбы были исполнены. В критические минуты Западный фронт от штаба МВО всегда получал поддержку. Не один хороший отряд был прислан из Москвы, вокруг которых, как и вокруг первых питерских красногвардейцев, группировались деревенские добровольцы. На фронте зрела наша новая военная сила.

Московская Красная Гвардия далеко еще не была сорганизована в дни Октябрьского переворота, но зато Москва в дни немецкого наступления дала на фронт свои лучшие силы и спасла прифронтовой район от немецкого вторжения. При помощи московских сил нам удалось на Западном фронте и Украине организовать опору, и все главные узлы и города немцы вынуждены были брать с боем. В этом и заключается заслуга московского пролетариата.

С созданием Высшего военного совета многое в оперативном отношении упорядочилось. Хотя и Высший военный совет грозно критиковал наши оперативные действия на фронте, указав, что мы не знаем даже азбуки стратегии и тактики, но это простительно, так как сам Совет только что сформировался и совершенно не знал тех сил и условий, в которых нам пришлось работать на фронте. Мы не растерялись, мы вступили в бой с регулярными частями немцев и польскими легионами, не считая, сколько сил у нас и у них, а спрашивая, где они и каким образом препятствовать их продвижению вперед. Это мы могли сделать потому, что не были старыми чиновниками, рутинерами, для которых все требовалось по закону, по форме, по всем правилам военной науки, по

всем правилам тактики и стратегии; мы были революционерами, знающими, что время не терпит, что события слишком грозны, что надо уметь работать имеющимися силами и средствами, веря и зная, что новые законы и формы выкует сама жизнь.

Этот период создания вооруженной силы можно назвать первой ступенью развития добровольчества и отрядной системы Красной Армии, но далеко нельзя назвать периодом партизанщины. Как я уже сказал, на местах тоже формировались и вербовались солдаты для отрядов и отрядиков, но на фронте их сразу начали сливать в определенные боевые единицы со строгим подразделением на роты, полки и дивизии, и когда вступили в силу так называемые завесы обороны, то почти на всем Западном фронте были уже более или менее определенные и оформленные войсковые единицы. Кстати, должен указать, что глубоко неправы те, которые говорят, что в этот период как будто к нашей борьбе на фронте не привлекались офицеры старой царской армии. Я как раз, наоборот, подтверждаю, что они принимали самое деятельное участие с первых же дней переворота. Так, 2-й армией Западного фронта командовал первое время партийный товарищ Степанов, а начальником штаба его был полковник Здарновский, который потом стал командующим, а начальником штаба генерал Шерпантье. У меня начальником штаба одно время был штабс-капитан Андреев, потом полковник Волобуев, а во всем штабе фронта работало 56 строевых офицеров, так как штабные офицеры сидели в старом штабе фронта, сперва в Смоленске, а потом в Ржеве и именно занимались бумажной тактикой и стратегией, может быть и другими делами; я точно о их деятельности не знаю. Почти во всех частях на фронте во главе стояли бывшие офицеры и унтер-офицеры. И должен сказать, что за весь этот период не было ни одного случая измены со стороны офицерства; наоборот, имеются следующие интересные факты, свидетельствующие о добросовестности бывших офицеров, принявших участие с самого начала в нашей работе: незадолго до заключения мира с немцами полковник Здарновский просил у меня разрешения отправиться к своей жене в Ригу, обещая вернуться. Это разрешение я дал, как равно и указания о сборе необходимых сведений о силах и действиях немцев. Приблизительно в начале мая полковник Здарновский вернулся и привез очень ценные военные данные. Он снова поступил на службу, сам сформировал полк, сам еще в июне командовал полком на украинском фронте. Другой характерный пример: поручик 10-го полка Малий, который, заболев чахоткой, уехал в Крым, попал в руки белых, вырвался оттуда и снова продолжает

служить в Красной Армии. Почти все офицеры тогдашнего периода, работавшие у меня, еще и в данный момент честно служат и занимают более или менее ответственные посты в Красной Армии; многие из них пали, как герои, на полях брани.

Но несмотря на все это, я еще вначале твердил, что при отрядной системе, когда нет армии как таковой, нельзя поручить всю работу только офицерству, а необходимо, чтобы во главе стояли партийные товарищи. Тогда старым офицерам несравненно легче работать и привыкать к новым условиям гражданской войны. Но как только мы дело будем иметь с регулярной армией, офицерство будет на своих местах под тем или иным контролем и по существу это так и есть. Что же было делать старому строевому офицеру, когда на местах еще никаких военно-административных аппаратов не существовало? Кое-где были неоформленные военные отделы при Советах, сами не знающие своих функций и обязанностей, и нам пришлось и воевать, и формировать, и мобилизовать, быть оператором, администратором, организатором, оратором и судьей — работать и без положений и инструкций. Все это далеко было не по плечу старому офицеру, на которого еще в то время смотрели, как на заядлого контрреволюционера — и не без достаточных на то оснований.

Создание завес обороны со специалистом военруком и двумя политическими комиссарами во главе было попыткой, и притом удачной, разрешения этого вопроса. Этим было положено начало теперешнему институту военных комиссаров. Комиссары не являлись в армии новостью, они были при штабах армий и фронтов еще при правительстве Керенского, но тогда они далеко не имели того значения, какое мы придали теперь. Тогда на правительственного комиссара солдаты смотрели, как на врага, а теперь он стал защитником интересов трудящихся и другом солдат; тогда комиссары были для защиты контрреволюции, теперь для борьбы с контрреволюцией... После создания этой исторической тройки — военрука и двух комиссаров в завесах на фронте, 8 апреля последовал декрет об организации по этому же образцу волостных, уездных и губернских комиссариатов по военным делам с упразднением военных отделов при совдепах, с подчинением военных комиссариатов в иерархическом порядке одному руководящему центру — Народному комиссариату по военным делам. Эта мера в нашем военном деле была столь существенна, что ее можно считать основой работы по созданию Красной Армии, мерой, положившей предел добровольчеству и отрядной системе. Вполне понятно, что без работы военно-административных органов на местах мы не могли бы произвести учета лю-

дей, лошадей и разного военного имущества, не могли бы производить необходимые при дальнейшем развитии Красной Армии мобилизации, формирование новых боевых организаций и давать необходимые пополнения для действующих частей; не могли бы наладить наш военно-хозяйственный аппарат. Но эта мера появилась сравнительно поздно, почти четыре месяца спустя после опубликования декрета о создании Красной Армии.

Брестский мир, продиктованный нам империалистами, был подписан без его пересмотра и получена «передышка». Но для всех было ясно, что мира не будет и быть не может и что мы должны всецело использовать эту «передышку» для создания Красной Армии, направить всю нашу энергию на организационную и созидательную работу. На очереди дня в военном деле стал вопрос об организации управления новой армией. Замечательно ясно и определенно подчеркнул эту задачу товарищ Ленин. Он говорит:

«На очередь выдвигается теперь, как очередная и составляющая своеобразие переживаемого момента, третья задача — организовать *управление* Россией. Разумеется, эта задача ставилась и решалась нами на другой же день после 25 октября 1917 года, но до сих пор, пока сопротивление эксплуататоров принимало еще форму открытой гражданской войны, до сих пор задача управления *не могла* стать *главной, центральной.*

Теперь она стала таковой. Мы, партия большевиков, Россию *убедили.* Мы Россию *отвоевали* — у богатых для бедных, у эксплуататоров для трудящихся. Мы должны теперь Россией *управлять.* И все своеобразие переживаемого момента, вся трудность состоит в том, чтобы понять *особенности перехода* от главной задачи убеждения народа и военного подавления эксплуататоров к главной задаче *управления.*

Первый раз в мировой истории социалистическая партия успела закончить, в главных чертах, дело завоевания власти и подавления эксплуататоров, успела *подойти вплотную* к задаче *управления.* Надо, чтобы мы оказались достойными выполнителями этой труднейшей (и благодарнейшей) задачи социалистического переворота. Надо *подумать,* что для успешного управления необходимо, *кроме* уменья убедить, уменья победить в гражданской войне, уменье *практически организовать.* Это — самая трудная задача, ибо дело идет об организации по-новому самых глубоких, экономических, основ жизни десятков и десятков миллионов людей. И это — самая благодарная задача, ибо лишь *после* ее решения (в главных и основных чертах) можно будет сказать, что Россия *стала* не только советской, но и социалистической республикой» *.

Это товарищ Ленин говорил в общегосударственном масштабе, но все это по существу относилось и к нашему военному делу. Подавить, разрушить — задача тяжелая, но еще тяжелее задача — организовать на обломках старого новые жизнеспособные аппараты. В военном деле к этой работе

---

* В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 214. — *Ред.*

были призваны все декретом о создании военных комиссариатов. Но надо сказать, что на местах далеко не учли всю важность и спешность проведения в жизнь этого декрета и продолжали жить по-своему, смотря на вещи со своей местной колокольни. Это особенно замечалось в более отдаленных от центра местностях, особенно на Урале и в Сибири. Поэтому ЦИК отдает следующее циркулярное распоряжение:

«Всем Губернским, Уездным и Волостным Советам Рабочих, Крестьянских и Казачьих Депутатов

Центральный Исполнительный Комитет предписал Народному Комиссариату по Военным Делам приложить все силы к созданию крепкой, строго организованной и внутренне сплоченной Красной Армии, способной отстоять Советскую Республику от внешних и внутренних врагов. Создание вооруженной силы требует в качестве первого условия наличности хорошего налаженного аппарата военного управления на местах. Декретом 8-го апреля центральная Советская власть предписала всем губернским, уездным и волостным советам создать на местах губернские, уездные и волостные комиссариаты по военным делам в составе трех членов при непременном участии одного военного специалиста. Между тем до настоящего времени большинство советов не провело в жизнь указанного декрета. Во многих местах существуют бесформенные военные отделы, до сих пор не введенные в рамки военных комиссариатов. Немало и таких мест, где задачи местного военного управления не выведены из советских органов общего управления.

При этих условиях работа над формированием Красной Армии по единому плану абсолютно невыполнима. Настоящим распоряжением вменяется в обязанность председателям местных советов и председателям местных военных отделов, где таковые имеются, провести в жизнь в недельный срок, считая с момента получения настоящей телеграммы, декрет 8-го апреля об организации местных военных комиссариатов. Всякое промедление будет рассматриваться как прямое неисполнение декрета Советской власти, и непосредственная ответственность за такое неисполнение возлагается на председателей ответственных губернских, уездных и волостных советов.

Все ежедневные органы печати на территории всей Российской Советской Республики обязуются в трех последовательных номерах на первой странице напечатать настоящее предписание. Председатель ЦИК Я. Свердлов, Председатель СНК Ульянов (Ленин)».

В предписании именно подчеркивается, что при условии невыделения военных комиссариатов и отделов — органов местного военного управления — *абсолютно невыполнима работа формирования Красной Армии по единому плану.*

Предписание дает недельный срок, под личную ответственность председателей Советов, создать военные комиссариаты. Такая спешность вполне понятна. На востоке оперируют банды Семенова и Дутова, в мае мы должны иметь дело с восставшим чехословацким корпусом (40—47 тыс.), а между тем, чтобы сразу расправиться с этим восстанием, мы далеко не были в военном отношении подготовлены, не имели

достаточно организованных сил; и пришлось вести борьбу с чехословаками и организовывать Красную Армию одновременно. Но одно надо сказать, что чехословацкое выступление и дальнейшее наступление на Советскую Россию сделало колоссальный сдвиг в смысле организации Красной Армии. Развита была неимоверная работа и достигнуты колоссальные результаты.

Восточный фронт фактически является первым нашим фронтом, где в первую очередь военная организация была поставлена на должную высоту, построена по требованиям военной науки.

Чехословацкий мятеж ускорил первый этап развития нашей Красной Армии, и мы, следуя требованиям жизни, отказались от добровольчества и перешли к принудительной системе комплектования армии — к мобилизации.

Как я уже говорил выше, назначение Муравьева главнокомандующим являлось для многих фронтовых работников неожиданным и непонятным, но революция полна неожиданностей, борьба диктовала свое, а потому опасения скоро стушевались, оставив сомнения только в глубине души, которые однако усиливались рассказами о жизни штаба Восточного фронта. Арест начальника контрразведки фронта Файермана и его агентов заставил еще более насторожиться и отнестись к новым распоряжениям и назначениям с большой осторожностью.

Первое, что бросалось в глаза, это установление чрезвычайно высоких окладов сотрудникам полевого управления, в три раза превышавших оклады в армиях и округах. Далее, барская жизнь и разгулы производили на побывавших в штабе фронта армейских товарищей угнетающее впечатление, не говоря уже о впечатлении, оставляемом сотрудниками штаба фронта. Помню, как приехавший из Казани товарищ с горькой усмешкой говорил: «Так можно скоро и армию и государство прокомандовать. Все, что я там видел, напомнило мне русские штабы во время японской войны с громадными штатами сестер и коров».

Однако, все эти толки и мнения были скоро забыты. Низы лучше думают о верхах, чем они есть на самом деле. Картина всегда издали кажется лучше, чем она бывает фактически.

Но события оправдали сомнения. 6 июля, после того как 5-м Всероссийским съездом была отвергнута левоэсеровская позиция, левые эсеры начали действовать. Сигналом восстания послужило убийство Мирбаха и арест членов ВЧК Дзержинского, Лациса и председателя Московского Совета Смидовича. Левые эсеры пытались захватить власть в руки, рассылая од-

новременно телеграммы, что большевики «свергнуты». Все телеграммы были задержаны, на телеграфе и радио установлен строжайший контроль и приняты все меры, чтобы происшедшее не проникло в армию и не ослабило борьбу с чехами. Уральские левые эсеры не проявили активности и не сочувствовали московским авантюристам.

Штаб Восточного фронта тоже отозвался на московские события, и 9 июля 1918 г. из Казани была получена телеграмма Муравьева, объявленная в приказе № 34 по Северо-урало-сибирскому фронту. Привожу целиком § 5 приказа:

«Объявляется для сведения копия телеграммы Главнокомандующего Муравьева от 9 июля с. г. за № 398. Объявите войскам наших армий, что пусть они не обращают внимания на события, которые произошли в Москве. Всем приказываю, начиная от командира и кончая рядовыми солдатами-революционерами, независимо от политических убеждений продолжать беспощадную борьбу с чехословацким контрреволюционным движением, закрепляя власть Советов, и тем исполните свой революционный долг перед рабочим и крестьянским правительством, которое возложило на всех нас ответственную задачу окончательно восстановить торжество революции и Советской власти и раз навсегда покончить со всеми авантюристическими выступлениями, которые заранее обречены на гибель и будут беспощадно уничтожаться. Вперед, уже победа близка, и мы снова водрузим наше знамя на костях наших врагов!»

По войскам Северо-урало-сибирского фронта (3-й армии) отдается 8 июля следующий приказ:

«Враг у ворот. Империалисты железным кольцом окружают отечество мировой революции — Советскую Республику. На помощь наемникам иностранного капитала встает черная сотня, агенты помещиков и капиталистов, реакционное офицерство и все темные силы старого мира. В этот тяжелый ответственный для истинных революционеров момент столкновения между советскими фракциями, несущими ответственное бремя революционной работы, которые могут вылиться в форму вооруженной схватки, будет на радость буржуазии и врагов наших и на погибель рабочим и крестьянам и отвлечет вооруженные советские силы от прямой боевой задачи — борьбы с чехословаками, белогвардейцами и черносотенными бандами на фронте.

Штаб фронта категорически заявляет, что никаких вооруженных столкновений между советскими фракциями, стоящими на защите рабоче-крестьянской революции, он не допустит, как и не допустит никаких попыток к нарушению революционного порядка в тылу всех тех войск разных партий, которые одинаково проливают кровь в отчаянной борьбе с врагом Советской власти.

Все рабочие, все трудовое крестьянство должно объединиться вокруг знамени социальной революции, которой угрожает смертельная опасность. Мы уверены, что каждый воин, как на фронте, так и в тылу, исполнит до конца свой великий долг — защиту Российской Федеративной Республики. И горе тому, кто осмелится нарушить установленный военный порядок на фронте и в тылу.

Смелей вперед, в бой с врагом!»

11 июля получены две телеграммы об измене Муравьева. Приведу здесь приказ № 45, где они были объявлены:

«Объявляю войскам Северо-урало-сибирского фронта две телеграммы об измене бывшего главнокомандующего Восточным фронтом Муравьева:

«Всем, всем, всем. Москва. 11 июля 6 часов. Бывший главнокомандующий против чехословаков левый социалист-революционер Муравьев подкуплен англо-французским империализмом. Муравьев сбежал из штаба Революционного военного совета в Симбирск и отдал всем войскам приказ повернуть против немцев, которые будто бы взяли Оршу и наступают на нас. А приказ Муравьева имеет своей предательской целью открыть Петроград и Москву и всю Советскую Россию для наступления чехословаков и белогвардейцев. Измена Муравьева своевременно раскрыта Революционным советом и все войска, действующие против чехословаков, верны Советской власти

Сим объявляется по войскам, по Советам и всем гражданам Советской Республики: 1) немцы нигде на нас не наступают, а на немецком фронте все спокойно, 2) всякие призывы к наступлению на немецком фронте являются провокацией и должны караться расстрелом на месте, 3) бывший главнокомандующий на чехословацком фронте левый эсер М. Муравьев объявляется изменником и врагом народа, всякий честный гражданин обязан его застрелить на месте, 4) все приказы по войскам, действующим против чехословаков, будут впредь до нового распоряжения подписываться Мехоношиным и Благонравовым. Председатель Совета Народных Комиссаров Ульянов-Ленин...»

«Всем, всем, всем. Главнокомандующий армией, воюющей против чехословаков, Муравьев прибыл в Симбирск, оцепив Совет, объявил о своем объявлении войны Германии, потребовал поддержки Совдепа. Совдеп, ознакомившись с действиями Муравьева, распорядившегося снять войска и двинуть на Вятку, Саратов, Балашов, даже Москву через Пензу, единодушно отказал ему в поддержке, после чего Муравьев тут же застрелился *, все его войска по приказанию командарма Тухачевского, командвойск Иванова возвращены на прежние места для продолжения наступления на прежние позиции чехословацких банд. Войска, охранявшие Муравьева, беспрекословно подчинились Совету, сознав особое свое заблуждение, кровопролития не было. Наступило успокоение. Работают единодушно коммунисты с левыми эсерами, не принимавшими участия в авантюре Муравьева».

Доблестные войска Северо-урало-сибирского фронта! Совершена черная тяжелая измена Российской Советской Федеративной Республике.

Помните, что и бывший Верховный главнокомандующий генерал Корнилов тоже изменил Великой Русской Революции, и в то время, когда немцы повели наступление на Ригу и Петроград, Корнилов направил контрреволюционные войска на Красный Петроград — колыбель Русской Революции.

Это сделал царский генерал — вождь контрреволюционных сил. Но бывший главнокомандующий Муравьев, который любил говорить, что он

* На самом деле Муравьев не застрелился, а был убит в затеянной им перестрелке во время его ареста в перерыве заседания Симбирского губисполкома. Обстоятельства его убийства освещены И. М. Варейкисом, являвшимся тогда председателем Симбирского губкома РКП(б) и заместителем председателя губисполкома, в воспоминаниях «Убийство Муравьева» (сб. «1918 год на родине Ленина». Куйбышевское издательство, 1936, стр. 163—169), а также в статье Б. Н. Чистова и Н. П. Зверева «Подвиг коммунистов» (сб. «Незабываемое». Воспоминания. М., Воениздат, 1961, стр. 24—66). — *Ред.*

партийный человек — левый социалист-революционер, облеченный полнотою власти Советом Народных Комиссаров, совершил двойную измену: как Главнокомандующий советскими войсками, в руках которого было доверено столько жизней рабочих и крестьян; как революционер, нарушивший верность Российской Советской Республике и оказавший поддержку англо-французским империалистам, белогвардейцам и всем врагам Советской Республики, открывая фронт для врагов.

Советские войска Восточного фронта остались верны своему революционному долгу, не снялись с позиций и продолжали сражаться с врагом. Муравьев, видя, что все кончено, кончена его авантюра, сам приговорил себя к смертной казни за тяжелое преступление перед пролетариатом. Он застрелился в присутствии исполнительного комитета Симбирского Совдепа, на глазах своих солдат. Товарищи солдаты, комиссары и начальники войск Северо-урало-сибирского фронта! Мы переживаем трудные минуты в борьбе с ненавистными врагами Советской Республики. Боевая жизнь крепко нас спаяла в железные ряды. Войска Северо-урало-сибирского фронта до сих пор честно с великим героизмом исполняли свой священный долг перед рабоче-крестьянским правительством Советской Федеративной Республики.

Дайте клятву под красными знаменами, что вы и в будущем будете непоколебимы и стойки в тяжелой борьбе со всеми врагами Советской Республики и до конца исполните свой долг. Заявляю, что я железной рукой буду карать тех, кто думает посягнуть на Рабоче-Крестьянское Правительство Советской Федеративной Республики.

Единый революционный фронт! Беспощадная борьба с чехословаками, белогвардейцами и всеми, кто поднимет меч восстания против власти рабочих и крестьян.

Всякие авантюры будут преследоваться беспощадно. Приказ передавать телеграфно и прочесть во всех полках, ротах, командах, батареях и эскадронах».

13-го июля Аралов передал следующую телеграмму за № 02008:

«Декретом Совнаркома генштаба * тов. Вацетис назначен главнокомандующим фронтом, тов. Данишевский назначен членом Революционного военного совета. До приезда тов. Вацетиса командование сохраняется в таком виде, как оно установлено тов. Мехоношиным».

Не стану разбираться в этих исторических днях штаба Восточного фронта, скажу только, что все произошло так быстро и неожиданно, что никто не успел опомниться и разобраться в событиях. Но происшедшее в Казани оставило у низших штабов угнетающее впечатление. Всем казалось, что хотя Муравьев сошел со сцены, но состав штаба остался старый.

Нового главкома Вацетиса знали по старой войне; кроме того, он с первых дней принимал деятельное участие в утверждении Советской власти, работая с начала гражданской вой-

* С упразднением чинов (воинских званий), присваивавшихся в старой армии, в Красной Армии сохранялось однако обозначение принадлежности военных специалистов к Генеральному штабу. Отсюда — сочетания, как «Генштаба Вацетис», «Генерального штаба Майгур» (см. стр. 126).— *Ред.*

ны в полевом штабе Ставки, а потом стал начальником Латышской дивизии и принимал активное участие в подавлении левоэсеровского мятежа в Москве, чем на деле доказал свою преданность Советской власти.

Но штаб был по-прежнему в сфере подозрения.

Я не видел штаба при Муравьеве, но видел его через несколько дней по приезде в Казань Вацетиса. Я нарочно поинтересовался штабом фронта, ознакомился с работой всех его отделов; в заключение мог вынести только одно: людей много, но толку от них мало. В штабе шла не работа, а потеха. О благонадежности нечего было и говорить. Я тогда же сказал Вацетису:

— У вас штаб черный, как смола, а сидят в нем белогвардейцы или неспособные люди. Далеко с таким штабом не уйдете.

— К сожалению,— ответил Вацетис,— но штаб сформирован не мной, а я не успел еще произвести основательную чистку. Да и работников у меня нет. Дайте мне их.

Главнокомандующий был прав. С таким штабом нельзя было поставить дело управления молодой Красной Армией на должную высоту.

Вацетис взял приехавших со мной из Екатеринбурга двух бывших офицеров генштаба тт. Майгура и Артынова, причем первый сразу занял пост начальника штаба. Нашим партийным товарищам штабная служба в то время была чужда и далека, они не могли вникнуть в ее тайники, так что нет ничего удивительного, если тот же самый казанский штаб при сдаче города открыл винтовочный и пулеметный огонь по своему же главнокомандующему, дравшемуся, в силу создавшихся условий, во главе латышских стрелков на улицах Казани.

Не удивительно, что вчерашние штабные служащие надели сегодня белые повязки и вместе с чехами пошли против красных.

Что же осталось после сдачи Казани от этого первого полевого штаба Восточного фронта? Ничего... Главком Вацетис с адъютантом и несколькими солдатами на пароходе приехали в Пермь. Начальник штаба фронта Майгур остался для работы в Свияжске. Член реввоенсовета Данишевский очутился в Вятке.

Помню еще один эпизод из этого периода. В Перми я получил приказ Наркомвоена отправить в Свияжск три аэроплана для перевозки ответственных лиц. Когда я пересмотрел весь список аэропланов и летчиков, то пришел к заключению, что не имею морального права отправлять кого бы то ни было, т. к. не было никакой гарантии, что аэропланы не перенесут Наркомвоена или Вацетиса в стан противника. У нас

уже было шесть случаев такого «перенесения» на сторону врага. Приказ остался невыполненным. Так, после двухкратной измены, кончил свое существование «первый высший орган управления войсками на Восточном фронте».

Но как ни печально кончил свое существование первый полевой штаб, идея необходимости оперативного руководящего органа на фронте осталась непоколебима. На развалинах умершего штаба вырос новый штаб Восточного фронта, сумевший взять дело в руки и достичь победы.

После создания Реввоенсовета Восточного фронта надо было сделать следующий логичный шаг. Жизнь диктовала безотлагательно создать мощный, авторитетный, законодательный и оперативный орган для действующих армий.

Эта необходимость тем более становилась очевидной, что внешний фронт разрастался. Советская Россия находилась в кольце врагов; на севере, юге и западе вырастали новые фронты. Вся страна должна была взяться за оружие.

2 сентября 1918 года Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов объявил следующее постановление:

«Лицом к лицу с империалистическими хищниками, стремящимися задушить Советскую республику и растерзать ее труп на части, лицом к лицу с поднявшей желтое знамя измены российской буржуазией, предающей рабочую и крестьянскую страну шакалам иностранного империализма, Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов постановляет: Советская республика превращается в военный лагерь. Во главе всех фронтов и всех военных учреждений Республики ставится Революционный военный совет с одним главнокомандующим.

Все силы и средства Социалистической Республики ставятся в распоряжение священного дела вооруженной борьбы против насильников.

Все граждане независимо от занятий и возраста должны беспрекословно выполнять те обязанности по обороне страны, какие будут на них возложены Советской властью.

Поддержанная всем трудовым населением страны Рабочая и Крестьянская Красная Армия раздавит и отбросит империалистических хищников, попирающих почву Советской Республики.

Всероссийский ЦИК постановляет настоящее свое решение довести до самых широких рабочих и крестьянских масс, обязав все сельские, волостные и городские Советы, все советские учреждения вывесить его на видных местах...»

Главнокомандующим всеми фронтами этим же постановлением был назначен тов. Вацетис. 7 сентября он отдал в Арзамасе приказ:

«Постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета я назначен Главнокомандующим всеми вооруженными силами Республики. 7 сего сентября я вступил в должность.

Главнокомандующий Вацетис.

Революционный Военный Совет: Кобозев, Данишевский, Смирнов».

Последствия и значение этого постановления в борьбе с врагами Советской власти — колоссальны. Возникновение Революционного военного совета Республики с одним главнокомандующим всеми вооруженными силами имело значение как в деле строительства Красной Армии, так и в смысле организации победы над врагами. До этого времени в центре всеми операциями ведал, но не управлял, оперод Наркомвоена, теперь упразднявшийся за влитием его в РВС Республики. Другими отраслями ведали разные центральные управления, как-то: управление делами Наркомвоен, Всероссийский главный штаб, Военно-законодательный совет, Центральное управление снабжения. Главное военно-хозяйственное управление и Всероссийское бюро военных комиссаров, не имевшие горизонтальной связи и одного плана работы. От этого страдало дело на местах, где было еще тяжелее работать, не зная куда, к кому и в каком порядке обращаться. Не было выработано и плана формирования боевых единиц Красной Армии в общереспубликанском масштабе.

Говорить об узости плана, выработанного Высшим военным советом, не приходится, так как он совершенно не соответствовал требованиям времени и не мог удовлетворить никого, кто только видел, что Советской России предстояла борьба не на жизнь, а на смерть.

Организация дела вооружения и формирования сил Республики быстро подвигалась вперед. К 15 мая 1919 г. эту работу можно было считать в основных чертах законченной...

Не могу не остановиться на первом приказе нового главнокомандующего, в котором, с одной стороны, звучит его программная речь, а с другой — подчеркивается отношение к делу нижестоящих начальников. Приведу этот приказ целиком:

«Приказ

всем вооруженным силам Российской Республики
7-го сентября 1918 года. Гор. Арзамас. № 1

По постановлению Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета я принял командование над всеми вооруженными силами Российской Республики, обещая приложить все усилия на защиту от окружающих ее со всех сторон врагов. Всякий понимает, что я взял на себя трудную задачу, и я сам также сознаю, что эта задача крайне трудная и сложная. Но в то же время я верю и надеюсь, что при помощи всей Рабоче-Крестьянской Красной Армии и всех истинно-революционных сил страны мне удастся честно и добросовестно выполнить эту задачу, сокрушив обнаглевшего врага, и прочно закрепить права бедняка и рабочего. Ныне все сознали, что казавшееся в мае месяце выступление чехословаков ничтожным теперь разгорелось огромным пожаром восстания различных контрреволюционеров и окружило нашу страну тесным кольцом многочисленных отрядов белогвардейцев и изменников. Как голодные шакалы, эти отряды набрасываются на нас со всех сторон, и борьба с ними, постепенно разрастаясь, превратилась в борьбу не на жизнь, а на смерть,

ибо кто-нибудь из нас должен погибнуть. Или мы, или они. Я твердо верю, что выйдем победителями мы, ибо мы боремся за святую идею — за право бедного ближнего, за справедливость на земле, и эта справедливость должна восторжествовать над рабством и эксплуатацией. Но, нося в себе эту твердую веру, я не могу, к глубокому огорчению, того же сказать про своих ближних помощников, которым поручено руководство войсковыми соединениями, даны ответственные посты. Не говорю про всех, но некоторые из них не прониклись еще сознанием той великой идеи, за которую сейчас проливает свою кровь каждый искренний революционер, любящий своего ближнего. Некоторые вместо того, чтобы ободрить вверенные им войска, вселить в них веру в правоту нашего дела и с этой верой двигать их к победе, сами страдают малодушием и теряют присутствие духа в трудный момент. Сплошь и рядом стали встречаться в телеграммах выражения: «слагаю с себя ответственность за последствия», «не отвечаю» и другие подобные фразы. Бывают случаи угрозы сложить с себя ответственность в такой обстановке, когда эту ответственность не́ на кого возложить или когда сложение этой ответственности влечет за собой полный развал дела и непоправимый вред. Разбирая несколько раз обстановку, побудившую некоторых лиц написать подобные фразы, я приходил к печальному заключению, что вовсе не обстановка виновата в этом, а малодушие. И теперь, принимая командование всеми вооруженными силами Российской Республики, я невольно должен обратить внимание всего состава нашей Красной Армии на это печальное явление, на появление у некоторых малодушия и растерянности и в то же время обратиться ко всем начальникам и подчиненным со следующими словами:

Не время, не место такому пагубному явлению в наших рядах. Вспомните, за какое великое дело мы бьемся и какие лозунги несем на наших знаменах. Вспомните старый гнет и те потоки слез и крови, которые были пролиты бедным людом, и пусть при мысли об этом ваше малодушие исчезнет и вместо него зародится в сердце жестокая ненависть к врагам класса бедноты. Пусть те великие идеи, из-за которых льется ныне кровь искреннего революционера, поднимут упавший ваш дух и вселят в вас твердую веру в нашу победу. Отбросьте растерянность, возьмите в руки вверенные вам войска, вдохните в их ряды революционный дух, бросайтесь с ними на врага с твердым решением победить его, и победа будет на нашей стороне. Помните, что революция возвышает только храбрых и достойных, малодушных безжалостно уничтожает, как ненужную вещь. Да не случится же такого унижения в наших рядах, ибо ему нет места в рядах революционной армии. Солдаты Красной Армии! Вы сражаетесь и побеждаете для себя и для трудового народа. Ваша победа пронесется по всей земле очищающим пламенем. По всем углам мировой гнили ваша победа внесет радость в хижину бедняков и трепет в богатые дома дармоедов. Трудовой народ получит лишнее доказательство, что он сила на земле и что его обижали и обездоливали и светом, и теплом, и науками только потому, что он не был организован. Он был обезоружен захватившей власть кучкой помещиков, бюрократов и спекулянтов. Трудовой народ многочисленнее всех прочих классов. Трудового народа у нас почти 100 миллионов и вы, солдаты Красной Армии, вашей победой бросите согревающий луч солнца свободы в эту стомиллионную армию труда. Если же вы окажетесь недостаточно храбрыми, если вы будете плохо подготовлены к бою, восторжествует враг. Подумайте, что принесет трудовому народу ваше поражение. После вашего поражения трудовой народ не сохранит ни одного из приобретений революции. Он потеряет свободу и снова будет рабом богачей и спекулянтов. Он будет снова разрознен, одинок и беден, и у него останутся только глаза для горьких слез о потерянной свободе. Все члены Красной Армии должны проникнуться сознанием великой идеи настоящей борьбы и в ближайшие же дни двинуться

дружно к блестящим победам на историческую славу нашей, хотя и молодой, но крепкой революционным духом Советской Республики. И пусть эти победы еще более укрепят ее дух и дадут силы и возможность здравствовать и процветать многие годы.

Главнокомандующий всеми вооруженными силами Российской Республики генерального штаба

Вацетис.

Члены Революционного Военного Совета:

Данишевский

Смирнов.

Начальник штаба Генерального штаба

Майгур».

Конечно, в приказе далеко не упомянуты все дефекты нашего командования, но Реввоенсовет Республики самыми крутыми мерами искоренил расхлябанность и неорганизованность, научил всех ценить и знать значение боевого приказа и неуклонно соблюдать установленные порядки.

Наша молодая Красная Армия встала на ноги, как могучий богатырь, и пошла вперед твердым уверенным шагом, преодолевая на пути все препятствия.

Число членов Реввоенсовета Республики не было указано точно, так что одно время, если не ошибаюсь, в него входило до десяти членов. Работали фактически, однако, председатель, главком и один-два члена. Конечно, такое положение дела ничем не вызывалось. В полном своем составе Реввоенсовет Республики ни разу не собирался, в чем также не было надобности.

В прошлом году многочисленный состав Реввоенсовета Республики был упразднен с оставлением только его фактических работников.

30 ноября 1918 года последовало постановление ВЦИК об учреждении верховного органа военного управления — Совета рабоче-крестьянской обороны под председательством председателя Совета Народных Комиссаров товарища Ленина. Этот орган решает окончательно вопросы, касающиеся обороны Республики. Его созданием завершена основная работа по управлению вооруженными силами снизу доверху, причем соблюдены строгая система и однообразие. Создание Совета обороны Республики вызвано было не теоретическими соображениями, а той же жизненной необходимостью. С 11 сентября в Республике существовало три фронта — Северный, Восточный и Южный. Был и так называемый Западный район обороны, впоследствии Западный фронт. Из них почти окончательно определились в смысле организации Восточный и отчасти Южный фронты. Все остальные находились еще в зародыше, но они прошли свой путь уже несравненно легче, руководствуясь опытом.

Им не пришлось уже брести ощупью, искать новые формы, выдумывать положения, а только дополнять, изменять и совершенствовать созданные аппараты. Эта работа продолжается и посейчас как на фронтах, так и в центре. Наш военный аппарат совершенствуется и кристаллизуется, хотя, конечно, есть и теперь дефекты. Многие учреждения стали тяжеловесны, потеряли свою гибкость, эластичность и революционную творческую силу, но все это с течением времени исчезнет и сгладится. Река жизни течет безостановочно, углубляя и очищая свое русло. Мы начали строить Красную Армию с низов и закончили верхами, в течение двух кратких лет — мгновений времени — достигнув неоценимых результатов. Мы выковали свою армию на наковальне войны.

Мы победили 3/4 своих врагов. Разбиты банды Колчака и Юденича, сломлен Деникин и та же участь ждет польских панов, осмелившихся напасть на Советскую Республику.

Нельзя обойти молчанием вопрос о создании 3 мая 1918 г. Всероссийского Главного штаба взамен Всероссийской коллегии по формированию Красной Армии. Ход событий и сама работа показала, что вся тяжесть работы заключается не только в формировании частей Красной Армии и подготовке их для боя, но еще главным образом в создании на местах военно-административных органов, которые должны были произвести учет людей, лошадей и всего военного имущества и заботиться об их охране и т. д. Существующие до сих пор военные отделы при исполкомах с этой работой не могли справиться, не могли иметь единства действий и строгого централизма. Все это должен был взять на себя Всероссийский Главный штаб со своими военно-административными аппаратами: окружными, губернскими, уездными и волостными военкоматами — органами чисто военными и независимыми от местных гражданских органов. И должен сказать, что в течение двух лет в военно-административной области произведена колоссальная работа. Конечно, в этом направлении было меньше творчества, меньше коснулась рука революционера-реформатора, а больше всего занимались копированием старого. Многое уже, как в самом Всероглавштабе, так и в округах и т. д. отжило свой век и требует реформы. Как на один из отживших атрибутов могу указать на мертвые окружные совещания, пользующиеся решающим голосом и голосующие за каждый пустяк, за старую пулеметную ленту, за поломанную винтовку. Несколько раз мне пришлось присутствовать на этих совещаниях, и должен сказать, что это бесцельная трата времени, лишний тормоз в самой работе. Это скорее напоминает заседание коллегии сенаторов, нежели военную работу. Мог бы привести целый ряд организационных дефектов помимо Всеро-

главштаба, но не здесь этому место, и я уверен, что жизнь коснется этого и скоро будут внесены существенные коррективы. И чем скорее, тем лучше для дальнейшего развития Красной Армии и нашего военного дела.

Не буду здесь касаться всех разных Главных управлений и учреждений военного ведомства и тех путей, по которым они шли, и тех этапов развития, которых они достигли. Они тесно связаны с основными руководящими военными органами и всецело зависят от них. Но и в них много бюрократизма, канцелярщины, которые тормозят правое дело. Все они укладываются так или иначе в общей схеме военного механизма. Зато чрезвычайно почти до последнего времени, даже и теперь, организационно запутан вопрос снабжения Красной Армии со всеми снабженческими аппаратами. Насколько везде параллелизм и двойственность подчинения уже устранены, настолько в снабжении этот вопрос чрезвычайно запутан. С одной стороны начальник снабжения армии, с другой Чусоснабарм. С одной стороны за все несет и должен нести ответственность Реввоенсовет и начснаб, с другой, говорят — это не ваше дело. И сколько было на этом основании на местах неприятностей, трений, споров и всего, чего хотите. В одном и том же деле работают два громоздких аппарата начснабарма и Чусоснабарма, один подчинен командованию, другой нет. Каждый посвоему смотрит на дело, каждый по-своему оценивает нужды солдата,— один командующий фронтом, другой рядом, на правах командующего фронтом. Простому смертному трудно тут разобраться, кто прав, кто виноват, кто действительно должен командовать. Только недавно приказом РВСР внесено больше ясности и определенности в это дело. Но этого мало. Вопрос требует дальнейшего своего развития, требует коренной реорганизации Чусоснабарма и его аппарата. Двойственности и параллелизма в военном деле не должно быть. В военном деле должен быть один хозяин, а не много. Не доверяете — можно убрать. Доверяете — дайте задачу, но дайте и права и возможность задачу исполнить. Без этого работать нельзя. Этот вопрос в нашей военной печати должен быть рассмотрен и законодательным путем все недостатки устранены. Это ближайшая практическая задача. Конечно, чрезвычайными уполномоченными по снабжению Красной Армии сделано очень много.

Они помогли учесть то интендантское обмундирование, обувь и обоз, которые в том или ином виде находились, разбросанными по разным ведомствам, и обратить на нужды армии, но все же это временная мера, а по существу за Чусоснабармом должны сохраниться только заготовительные функции по заданиям РВС Республики. К этому должен быть приспособлен его аппарат. От этого будет и ясность, и определенность,

и существенный выигрыш для организации скорейшей победы над врагами пролетариата. В смысле снабжения продовольствием и соответствующими аппаратами вопрос обстоит с военной точки зрения несравненно лучше и в своем дальнейшем развитии наверно будут устранены и существующие еще дефекты. Наркомпрод в этом отношении более правильно понял военную работу и сумел согласовать свои аппараты с аппаратами военного ведомства — создать единство в работе. Но и здесь в одно время было чрезвычайно много трений и недоразумений. Но нет огня без дыма. И в этом направлении мы должны были пройти долгий тернистый путь искания, пока, хотя и в общих чертах, были поставлены вехи для дальнейшей работы.

Понятно, что все разные трения и недоразумения, а также и своеобразные организационные методы в деле военного снабжения возникают не из злой воли, не с целью властвовать, а главным образом из-за недостатка материальных ресурсов для снабжения Красной Армии, из-за недостаточной организованности заготовительных аппаратов и т. д. Старая империалистическая война исчерпала все ресурсы страны, бесшабашное хозяйничанье разрушило и транспорт и промышленные предприятия. Голод и нужда повсюду и везде. Все нуждаются в одинаковой мере, и здесь действительно надо уметь учесть все, чтобы правильно использовать имеющиеся и заготовляемые средства. Но несомненно одно, что и из этого положения мы выйдем победителями. Хозяйственная жизнь страны, хотя и медленно, оживает, входит в свою колею и вместе с тем все прочнее и мощнее становится наша Красная Армия, давая нам новые победы над врагами. Но борьба далеко еще не закончена, и вместе с тем не закончено и само строительство Красной Армии и ее усовершенствования во всех отношениях.

Мы все знаем, что на место Красной Армии станет милиционная армия, но увлекаться теперь преждевременно, и это может чрезвычайно вредно отразиться на нашей военной мощи. И, по-моему, совершенно неуместны и неосновательны нападки на наших военных товарищей со стороны ярых и горячих защитников милиционной системы в соответствующей печати. Правильно, что многие военные к милиционной системе относятся с большой осторожностью и даже недоверием, но этим ничуть еще не сказано, что они враги новой системы, совсем нет. Я помню, что почти такое же отношение военных было и к переходу действующих армий или частей на трудовую работу. И здесь была также сдержанность и осторожность. И здесь ставился вопрос: не развалятся ли части, не потеряют ли они свою боеспособность, спайку и дисциплину? Эти вопросы вызваны были не тем, что не желали помочь побороть

хозяйственную разруху страны, но тем, что не миновала еще опасность нападения врага извне, не закончена была еще наша борьба на фронте. И эта осторожность, как теперь доказывает польское наступление, была своевременна и уместна. Красноармейские части, привлеченные к трудовому процессу, сохранили свою специфическую военную организацию, сохранили свои аппараты, а вместе с тем и свою боевую дисциплину и спайку. И как только настал момент, трудполки снова взялись за винтовки и пулеметы и шли снова в бой. По словам военного командования, боеспособность трудполков ничуть не пала, а даже, наоборот, повысилась. Знания красноармейцев еще более кристаллизовались от соприкосновения за время работы с фабричными рабочими, они видели все невзгоды их, видели улучшение хозяйственной жизни и еще резче поняли, что польское наступление принесет вред только рабочим и крестьянам и что наступление врага должно быть ликвидировано и враг должен быть разбит наголову. Ни на минуту не сомневаюсь в том, что милиционная армия будет следующим этапом в строительстве нашей военной силы. Это логичный ход вещей, это можно считать за аксиому. Весь вопрос только во времени, которое определяется ходом событий международного масштаба. Всякий натиск внешних врагов усилит и усовершенствует нашу Красную Армию, но вместе с тем он должен усилить и всю подготовительную работу по переходу к милиционной системе. Эта подготовительная работа фактически началась почти одновременно с созданием Красной Армии. Основы милиционной системы по существу в Советской Республике были положены следующим декретом от 22 апреля 1918 г.

Декрет об обязательном обучении военному искусству,

принятый в заседании Всероссийского Центрального Исполнительного комитета Совета рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов от 22 апреля 1918 г.

Социализм имеет одной из своих основных задач освобождение человечества от бремени милитаризма и от варварства и кровавых столкновений между народами. Целью социализма является всеобщее разоружение, вечный мир и братское сотрудничество всех народов, населяющих землю.

Эта цель будет осуществлена, когда во всех могущественных капиталистических странах власть перейдет в руки рабочего класса, который вырвет из рук эксплуататоров средства производства, передаст их в общее пользование всех трудящихся и установит коммунистический строй, как незыблемую основу солидарности всего человечества.

В настоящее время государственная власть принадлежит рабочему классу только в России. Во всех остальных странах у власти стоит империалистическая буржуазия. Ее политика направлена на подавление коммунистической революции и закабаление всех слабых народов. Российская

Советская Республика, окруженная со всех сторон врагами, должна создать свою могущественную армию, под защитой которой будут совершаться коммунистические преобразования общественного строя страны.

Рабочее и Крестьянское правительство республики ставит своею непосредственной задачей привлечение всех граждан ко всеобщей трудовой и воинской повинности. Эта работа наталкивается на упорное сопротивление буржуазии, которая не хочет отказаться от своих экономических привилегий и путем заговоров, восстаний и предательских сделок с чужеземными империалистами пытается вернуть себе государственную власть.

Вооружать буржуазию значило бы вносить непрерывную междоусобицу внутри армии и тем парализовать ее силу в борьбе против внешних врагов. Паразитические и эксплуататорские элементы общества, которые не хотят принимать на себя равных с другими обязанностей и прав, не могут быть допущены ко владению оружием. Рабочее и Крестьянское правительство изыщет пути к тому, чтобы возложить на буржуазию, в той или другой форме, часть бремени по защите Республики, которую преступления имущих классов ввергли в тягчайшее испытание и бедствие. Но обучение военному делу и вооружение народа в ближайшую переходную эпоху будут распространены только на рабочих и не эксплуатирующих чужого труда крестьян.

Граждане в возрасте от 18 до 40 лет, прошедшие курс обязательного военного обучения, будут взяты на учет, как военнообязанные. По первому призыву Рабочего и Крестьянского правительства они обязаны будут стать под ружье и пополнить кадры Красной Армии, состоящие из наиболее преданных и самоотверженных борцов за свободу и независимость Российской Советской Республики и за международную социалистическую революцию.

1. Обязательному обучению подлежат граждане Российской Советской Федеративной Республики в возрасте:

1) школьном, низшая ступень которого определяется Народным комиссариатом просвещения, 2) подготовительном от 16 до 18 лет и 3) призывном от 18 до 40 лет.

Гражданки обучаются, по их соглашению, на общих основаниях.

Примечание. Лица, религиозные убеждения которых не допускают применения оружия, привлекаются к обучению лишь обязанностям, не связанным с употреблением оружия.

2. Обучение подготовительного и призывного возрастов возлагается на Народный комиссариат по военным делам; школьного — на Народный комиссариат просвещения при ближайшем участии Народного комиссариата по военным делам.

3. К обучению привлекаются рабочие, работающие на заводах, на фабриках, в мастерских, экономиях, деревнях, и крестьяне, не эксплуатирующие чужого труда.

4. Организацией обязательного обучения военному делу на местах должны ведать военные комиссариаты (окружные, губернские, уездные и волостные).

5. Обучающиеся не получают никакого вознаграждения за время, посвященное обязательному обучению; обучение должно быть организовано так, чтобы по возможности не отрывать призываемых в период обучения от их постоянной нормальной работы.

6. Обучение должно производиться непрерывно в течение восьми недель, не менее двенадцати часов в неделю. Срок обучения специальных родов войск и порядок повторных призывов будет определен особым положением.

7. Лица, проходившие раньше обучение в рядах регулярных армий, могут быть освобождаемы от обучения их после производства или соответствующего испытания, в чем им на общем основании должны быть выданы соответствующие удостоверения, как лицам, прошедшим курс обязательного обучения.

8. Обучение должно производиться подготовленными инструкторами по утвержденной Народным комиссариатом по военным делам программе.

9. Уклоняющиеся от обязательного обучения и небрежно относящиеся к исполнению своих обязанностей по всеобщему обучению привлекаются к ответственности.

Председатель Центрального
Исполнительного Комитета

Я. Свердлов.

Секретарь В. Аванесов *.

Я нарочно привел полностью весь декрет и подчеркиваю его значение и в данный момент, так как мы в течение этого короткого периода времени, в силу условий, в силу того, что мы были все время заняты борьбой с внешним врагом, строительству Красной Армии не могли достаточно уделить времени и сил для организации всеобщего военного обучения. Но этим не сказано, что перед нами не стоит та задача, которая поставлена декретом. Именно теперь она более важна, чем когда-либо, и не только потому, что мы вплотную подошли к вражеским силам западноевропейских капиталистических стран, но и потому, что всеобщее обучение фактически должно подготовить всю работу по переходу к милиционной армии. Чрезвычайно характерным и в принципе правильным является приказ по Петроградскому военному округу еще от 31 октября 1918 г. за № 20:

«Всеобщее обучение трудящихся военному делу — залог победы рабочего класса. Только вооруженные кадры рабочих смогут удержать власть в своих руках. Красная Армия — этот авангард вооруженных — выполняет сейчас великую задачу. Красная Армия сдерживает натиск мирового империализма, бешеные атаки черного интернационала до тех пор, пока главные силы, пока пролетарии всех стран не развернутся в боевой порядок, не приведут себя в боевую готовность. Но для выполнения этой неслыханной в истории человечества задачи Красной Армии необходима могучая поддержка, могучая опора, могучие резервы. Эти многочисленные резервы, готовые ей прийти на помощь, на смену, дает всеобщее обучение трудящихся военному делу. Постепенно, шаг за шагом, день за днем, не отрываясь от родного дела, производительного труда, революционного строительства, труженики начинают все крепче и крепче, все увереннее держать винтовки в своих мозолистых руках, день за днем их

* Декреты Советской власти. Т. 2. М., Госполитиздат, 1959, стр. 151—153.— *Ред.*

познания увеличиваются и, наконец, они готовы с своими братьями слиться в одну общую семью вооруженного народа. Мы отдаем все наши силы и знания Красной Армии, отдавши всю нашу революционную энергию и мощь ее резервам — всеобщему военному обучению...

Петроградский окружной военный
комиссар Позерн.

Военный руководитель Кирьянов».

И надо сказать, что Петроград и в этом отношении пошел в первых рядах и на деле показал то, что твердил на словах. В течение двухлетней борьбы Петроград беспрерывно выделял новых и новых бойцов на все фронты. И не только один полк Всевобуча теперь борется на нашем фронте, где он влился в основные части Красной Армии и стал настоящим полком ее. Не один только инструктор Всевобуча занимает в рядах Красной Армии командные посты — нет, их много. К моменту выступления Колчака Всевобуч мобилизовал почти весь свой годный к строю инструкторский состав и дал на фронт свыше трех дивизий московских рабочих, две бригады питерских рабочих, 7 развернутых полков Поволжья, 25 полков других губерний и в районе Западного фронта 5 полков — итого 61 полк. Это — солидная сила, брошенная на фронт и ускорившая нашу победу на Восточном фронте. В своей работе Всевобуч встречает много независимых от него препятствий, да и путь этот новый, ведущий по неизведанной области и потому, естественно, есть много ошибок, много неудач, но тем не менее результаты двухлетней работы чувствительны. Теперь мы имеем не только один терполк, а много, и впервые эти полки организованы Московским горвоенкомом 23 мая 1918 г., который поручил каждому району, фабрике формировать рабочие роты, батальоны и полки, т. е. практически, по-военному оформить пункт 3 декрета. Этот шаг был переходом от многословия к делу, теории — к практике, и он дал первые результаты, дальнейший импульс к практическому разрешению чрезвычайно сложной задачи. Одно чрезвычайно ценно — это уделение особого внимания со стороны Всевобуча вопросу о допризывной подготовке школьного и подготовительного возрастов. Это не только физически необходимо для юношества, но благодаря этому уже с молодости гражданин Советской Республики начинает серьезно относиться к вопросам обороны страны, приучает военное дело приблизить к своему труду, к своей повседневной жизни. Вместе с тем казарменное обучение военному делу отойдет в область предания и теперешние казармы будут пригодны для проверочных сборов или высших военно-политических школ. Конечно, теперь трудно даже в общих чертах все предвидеть и предсказать, но сама практика

покажет наши ошибки и осуществит на деле милиционную армию. Труд, просвещение и военное дело должны быть тесно связаны между собой, составлять одно неделимое целое. К этому мы идем независимо от всех условий. Наша борьба на внешнем фронте может отсрочить демобилизацию Красной Армии, но она не может уничтожить идею создания милиционной армии. Это дальнейший этап нашего военного строительства.

На одно я только должен указать — это на оторванность теперешних работников Всевобуча от Красной Армии и недостаточное использование опыта Красной Армии во всех отношениях. В течение двух лет в деле формирования и обучения Красной Армии мы имеем колоссальный опыт, даже выработались новые методы и т. д. Все это должно быть учтено, использовано и теперь же между Красной Армией и Всевобучем должна быть установлена более тесная связь во всех отношениях. Это принесет всемерно пользу в работе Всевобуча, кристаллизует методы работы. При создании милиционной армии мы должны раз навсегда помнить, что милиционная армия ничуть не является импровизированной армией. Нет, на создание милиционной армии мы должны смотреть как на великое дело пролетариата, требующее колоссального труда, гениальности, времени и настойчивой долгой упорной подготовки и работы, которая будет осуществлена при напряжении всех сил страны, но зато и для страны она принесет чрезвычайно много выгод. Должны и наши военные товарищи из Красной Армии больше на это обратить внимание, а не жить только своею жизнью, и нельзя думать, что до милиционной армии еще далеко. Но одно, что требуется — это твердая прилежная воля в деле милиционной армии.

Военное дело требует определенности и ясности, только тогда оно живет, только тогда можно ожидать положительных результатов. Опыт строительства Красной Армии показал, что, несмотря на все бури, крики и шум, поднятые по поводу нашей военной политики, по поводу привлечения военных специалистов в Красную Армию и т. д., руководство военного ведомства осталось право. Оно железной рукой провело намеченную военную политику, не боясь угроз, что снова «ожидает разрушенный Карфаген», не боясь измен бывших офицеров и т. д. Если же и были ошибки и недостатки, то это совершенно незаметно в общем ходе событий; ведь не ошибается только тот, кто ничего не делает. Победы Красной Армии на всех фронтах — лучшее доказательство правильности военной политики. Кончая этот краткий очерк об этапах нашего военного строительства, я должен извиниться перед читателем, что много важного пропущено, а на многом второстепенном я останавливался более подробно. Это происходило потому, что я не имею доста-

точно материалов и еще меньше имею времени. Тем не менее, хотелось зафиксировать то, что сделано с таким тяжелым трудом при невероятно тяжелых условиях работы. Но достигнутыми результатами мы можем гордиться перед всем миром. Достигнутое заставляет нас еще усиленнее работать, еще увереннее идти вперед по намеченному пути, зная, что он приведет нас к победе, зная, что Красная Армия превратится в вооруженный коммунистический народ — классовую милиционную армию. Теперь же мы должны, с одной стороны, продолжать совершенствовать нашу армию, а с другой — усиленно работать по всеобщему военному обучению. Борьба еще не закончена, победа над врагами еще не достигнута, и для организации этой победы теперь мы должны отдать все свои силы, всю свою энергию. Только тогда мы осуществим в действительности великие заветы великой пролетарской революции.

Харьков, 20 июня 1920 г.

«Революционный фронт» (Харьков), 1920, № 2, 5, 6. Работа была переиздана в том же году в Харькове отдельной брошюрой под тем же названием.

Владимир Николаевич
ЕГОРЬЕВ
(1869—1948)

Родился в Москве в семье дворянина. В 1900 г. окончил академию генерального штаба и в следующем году — ее дополнительный курс. Во время первой мировой войны в чине генерал-майора командовал 39-м корпусом. Временным правительством произведен в генерал-лейтенанты и назначен командующим Особой (13-й) армией.

В январе 1918 г. перешел на сторону Советской власти и являлся последовательно главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта, начальником штаба Западного фронта, главкомом Западного фронта. С 14 марта 1918 г.— военный руководитель Западной завесы, затем выполняет ряд важных поручений главнокомандования Красной Армии на Украине и в Белоруссии. С июля по октябрь 1919 г.— командующий Южным фронтом. В 1920 г.— военный эксперт в переговорах Советского правительства с правительствами Финляндии и Польши, затем состоит для особо важных поручений при Главнокомандующем вооруженными силами РСФСР, одновременно редактирует журнал «Военная мысль и революция».

С 1926 года последовательно занимал ряд руководящих постов в высших военно-учебных заведениях и вел преподавательскую работу.

ИЗ ЖИЗНИ ЗАПАДНОЙ ЗАВЕСЫ

КАК ВОЗНИКЛА ЗАВЕСА

Исстрадавшаяся в нудном двухлетнем сидении в одних и тех же окопах, окончательно утратившая веру в какую бы то ни было победу и задумавшая крепкую думу «о земле и воле», старая русская армия к зиме 1917 г. потеряла боеспособность и при первом же наступлении германцев широкой волной покатилась назад, в родные деревни, открыв пути на Петроград и Москву. Ее место на линии Нарва — Днепр заняли разнообразные революционные отряды, сформированные рабочими и крестьянскими организациями, номинально подчиненные фронтовым командованиям, но в значительно большей степени выполнявшие частные задачи по указаниям местных органов.

Для характеристики порядка управления этими отрядами достаточно сказать, что на Западном фронте одновременно было три главкома (Берзин, Мясников и Ефимов), часто резко препиравшиеся по прямым проводам (один был в Брянске, второй — в Смоленске и третий — в Орше), несмотря на отличные между собой товарищеские отношения. Между тем подписанный 3 марта Брестский мир не давал никакой уверенности в своей прочности, да и германцы, остановившись на линии Нарва — Могилев, продолжали наступать в направлениях на Брянск и Курск.

Такое положение не могло быть долго терпимо, и потому сначала на петроградском направлении, а 19 марта и на московском фронтовые командования были ликвидированы, а из расположенных на фронте отрядов были образованы два участка завесы: северный и западный.

В ЧЕМ БЫЛА ИДЕЯ ЗАВЕСЫ

Конечно, в настоящем их виде расположенные на границе отряды не смогли бы дать надлежащего отпора германцам, если бы последние нашли нужным нарушить мир. Но никакой другой армии у правительства не было, да и запасы оружия и снаряжения разбросались по всей необъятной молодой Советской республике.

На организацию обороны центра революции — Москвы — надо было время, и это время думалось выиграть тем, что главное сопротивление было намечено в направлении Москвы — примерно на линии Тверь — Ржев — Вязьма — Сухиничи — Горбачево, километрах в 250 от фронта. Задержку же на-

ступающего противника предполагалось возложить на отряды, стоявшие на самом фронте.

На основании этой мысли Западная завеса состояла: 1) из 7 отрядов так называемого Московского района (Тверской, Ржевский, Вяземский, Калужский, Тульский, Рязанский и Московский), имевших задачей дать решительный отпор противнику на путях к Москве; 2) из 6 первоначально, а с 8 апреля из 7 отрядов первой линии (Невельский, Витебский, Оршанский, Смоленский, Рославльский, Брянский и Курский), имевших задачей задерживать противника в том же направлении.

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО УПРАВЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ ЗАВЕСОЙ

Организация управления завесой была построена так. Во главе завесы Московского района и каждого отряда стоял так называемый военный руководитель, назначенный правительством из специалистов военного дела и единолично ответственный за военное руководство операциями. При военном руководителе состояли два политических (затем названные «военными») комиссара, ответственных перед правительством за выполнение войсками приказов военного руководителя и его политическую лояльность.

Военруком Западной завесы был назначен бывший начальник штаба Западного фронта Егорьев, а комиссарами при нем И. М. Арефьев, впоследствии замененный А. И. Вайманом, и А. М. Пыжев. Военруком Московского района — К. К. Байов, а комиссарами сначала М. Степанов и Термосов, а затем Ю. Саблин и М. Н. Тухачевский. Передовыми отрядами руководили: Невельским (бывшим тов. Седякина) — С. С. Каменев (впоследствии главком) и комиссар Ахманов (Гиршфельд); Витебским (бывшим Кафиева, а с 21 марта Тризны) — Н. С. Елизаров; Оршанским, пережившим до завесы целый ряд командований и по назначению, и по выборам, и в виде совета или коллегии,— Жданов и комиссары Богданов и А. Горшков, замененный Бурле; Рославльским (бывшим Угрюмова) — Ерофеев, вследствие ряда недоразумений арестованный и с дороги бежавший, комиссары Угрюмов и последовательно Лапса, Богданов, Каменский и Лебедев; Брянским, возглавлявшимся Берзиным и Афанасием Ремневым,— П. П. Сытин, впоследствии командующий Южным фронтом, и комиссары Анисимов и Виноградов; Курским — Слувис, Глаголев и комиссары Бурле, Быч (честно погибший при приведении в порядок одного полка) и Вишневецкий.

Что касается Смоленского отряда, то он играл роль объединяющего действия Витебского, Оршанского и Рославльского отрядов по защите Смоленского узла. Военруком его был

А. А. Свечин, ныне профессор Военной академии РККА, а комиссарами Алибегов и Селезнев. После назначения Свечина начальником Всероссийского главного штаба его заменил С. С. Каменев, которого после назначения его командующим Восточным фронтом сменил помощник его А. Н. Де-Лазари.

Назначение на высшие командные должности, хотя бы под скромным названием военруков, только что выведенных из обихода генералов и полковников старой армии, было понято на местах не сразу. Войска, а еще больше их выборные начальники, были явно недовольны, местные гражданские власти, имевшие свои военные отделы и свои отряды, кое-где будировали и задирались до того, что квартирьеры штаба завесы вернулись из Калуги с предупреждением, что лучше совсем туда не показываться, и военруку пришлось лично улаживать этот вопрос с «командующим войсками Калужской республики».

ОРГАНИЗАЦИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ И ФОРМИРОВАНИЯ

Задачи, ставшие перед завесой, были по тому времени нелегки и многообразны. Первой задачей завесы было — придать фронтовым революционным отрядам сколько-нибудь регулярную организацию. Состав же отрядов был самый разнообразный. Часть их прибыла уже сформированными из Петрограда и Москвы, как, например, Ревельский сводный отряд Кутузова и 3-й батальон Петроградской Красной гвардии Мильонщикова, впоследствии целиком отправленные на Восточный фронт; часть представляла собой каким-то чудом сохранившиеся остатки старой армии, переименованные в соответствующие части различных отрядов Западной завесы. Но главная масса состояла из местных формирований, гражданских беженцев, не подлежащих демобилизации солдат старой армии призыва 1916 и 1917 гг. и т. п. Все эти отряды носили самые разнообразные названия, иногда очень оригинальные, как например, «Особая армия Ремнева», переименованная впоследствии в Особый отряд, «полк имени Ленина», отправленный впоследствии в Баку, «Курский партизан-учащихся полк» и т. д. Внутренняя организация и численность были также весьма разнообразны, начиная от 50—60 человек и до 500—600; от одного рода войск и до соединения всех родов вместе (отряд Азарха — одна из лучших частей завесы, впоследствии был развернут в бригаду и отправлен на Восточный фронт). В батареях было по 1—2 орудия, а 3-я Оршанская батарея, переименованная впоследствии во 2-й батальон 1-й Орловской дивизии, была вооружена винтовками, так как не имела ни одного орудия. В таком же положении был и поль-

ский артиллерийский дивизион, переименованный в 4-й батальон Витебской группы.

Количество мелких отрядов было огромно. На одном только Рославльском направлении, обнимавшем фронт около 100 км, было 30 различных частей с общей численностью в 5249 чел., причем одному начальнику подчинялось до 12 разных отрядов. Трудность управления усугублялась еще тем, что, невзирая на то, что, как правило, начальники были выборные, их не всегда слушались, и тем, что среди них, да и в их штабах, почти не было военных специалистов. Крайне показательно в этом отношении постановление Оршанских отрядов, упразднивших должность командующего и передавших всю власть особому совету. Но так как в составе совета не оказалось ни одного военного специалиста, то должности начальника штаба и начоперода никем не заместили, «ибо не могли найти человека, который мог бы руководить операциями». Приказы подписывал «секретарь», а «утверждал» военный комиссар оперативного отдела, которым долго был И. М. Гайлис, много поработавший для укрепления Западной завесы. В Витебске оказалось сразу три командующих, назначенных тремя разными главкозапами, шла разноголосица и даже взаимные угрозы арестом.

Нравственный элемент, т. е. боевые и гражданские качества отрядов, был весьма разнообразен. Особенно разложены были отряды Ремнева, расстрелянного вскоре за бандитизм и неповиновение центральной власти. Ряд героев-командиров, как Беретти, Врублевский, Румянцев, Степанов, Пшерадский, погибли, борясь за революционную дисциплину в этих отрядах, другие, как Гетманцев, были счастливее и сумели обратить свои части в боеспособные.

Работа по реорганизации началась с того, что существующие отряды укреплялись путем сведения в роты и батальоны с соответствующим добавлением других родов войск, а 20 июня было приказано создать в завесе 13 дивизий, каждую в составе 2 бригад по 2 полка, 1—4 эскадронов конного полка, артиллерийской бригады, мортирного артиллерийского дивизиона, инженерного батальона и соответствующих тыловых учреждений *. Так как оперативное положение Рославльского отряда,

---

* Дивизии: 1-я Витебская с центром формирования в Невеле, 1-я Смоленская — в Витебске, 1-я Могилевская — в Орше, 1-я Орловская — в Рославле, 2-я Смоленская — в Смоленске, 2-я Орловская — в Брянске, 1-я Курская — в Курске, 3-я Московская — в Твери, 2-я Тверская — в Ржеве, 2-я Московская — в Вязьме, 1-я Калужская — в Калуге, 1-я Тульская — в Туле и 1-я Рязанская — в Рязани; в самой Москве формировались 2 дивизии — Ефремова и Климова, которые, впрочем, в состав завесы не были включены.

совпадавшее с прямым, как стрела, шоссе Могилев — Москва и удаленное от железных дорог, требовало наличия на этом направлении преимущественно конной части с броневиками, то неоднократно поднимался вопрос о сформировании для завесы крупной конной части, но осуществить эту мысль не удалось.

Из специальных войск службу в завесе несли: 12-й истребительный (Невель) и авиационные отряды 1-го и 50-го корпусов (Смоленск), 1-го сибирского корпуса (Курск), 22-го корпуса и 11-й армии (Брянск). Были еще некоторые броневые части.

Комплектование новых дивизий шло путем призыва добровольцев, причем призыв был возложен сначала на военные отделы местных советов, а затем на губернские и уездные военные комиссариаты. На службу принимались по подписке и по круговой поруке. Жалованье бойцу полагалось сначала 50 руб. одинокому и 150 руб. семейному, а с 15 июня оба оклада были увеличены на 100 руб. С 10 июня, кроме подписки и вместо поручительства, стали требовать красноармейскую присягу.

Комплектование шло очень медленно и с большими трениями. Помехой служили следующие обстоятельства:

1. Сосредоточение вопросов формирования в руках органов, не подчиненных командованию завесой. Военные отделы советов, а затем губернские и уездные военные комиссары имели в это время собственные отряды для борьбы с контрреволюцией и местных нужд, а потому давали людей скупо и часто без достаточной проверки их нравственных качеств. Наряду с очень хорошими пополнениями * в завесу прибывали и очень слабые в отношении дисциплины элементы, которые частично приходилось отправлять даже назад. Особенно тяжелое впечатление произвело на фронт прибытие во 2-ю Орловскую дивизию московского отряда Цибульки, называвшегося «ангелами смерти», разбежавшегося уже в пути, произведшего ряд дебошей при получении оперативной задачи и, в конце концов, к общему удовольствию, уехавшего назад.

2. Местный патриотизм, проявлявшийся преимущественно крестьянскими партизанскими отрядами, не желавшими уходить с особенно важных для них направлений.

Особенно остро этот вопрос стоял в 1-й Орловской дивизии, где местное население, ввиду постоянных нападений поляков и текинцев и вполне основательных опасений, что и восточная часть Могилевской губ. может быть оккупирована польскими помещиками, дралось в буквальном смысле за свои поля и

---

* Например, 21-й Замоскворецкий революционный полк.

жилища. Командование завесой изворачивалось всеми способами *, начиная от убеждения Советов и кончая расформированием особенно неповинующихся частей, но успех достигался медленно и с трениями **.

Укомплектование командирским составом шло двумя путями: через Советы и военкоматы в общем порядке и личными приглашениями военруков. В общем порядке бывшие офицеры записывались в особых аттестационных комиссиях, затем фамилии их печатались в местных органах, и гражданам предоставлялось право заявить отвод, при отсутствии коего происходило назначение на должность. Рязанский исполком проявил инициативу: постановил принимать на должности взводных командиров только бывших унтер-офицеров, а не офицеров, что должно было побудить последних к занятию более соответствующих их квалификации должностей. А то случались такие курьезы, как занятие должности взводного командира артиллерийского парка бывшим генерал-майором, командиром артиллерийской бригады (во 2-й Московской дивизии).

Но добровольцев из действительных спецов было мало. Главная масса бывших офицеров поступала очень нерешительно и стремилась преимущественно в штабы. Во многих штабах случалось, что бывшие командиры полков занимали места писарей и курьеров, командиры рот — конных ординарцев и помощников журналистов, а врачи — фельдшеров, хотя в передовых частях был хронический недостаток врачей.

В оправдание некоторых из них, желавших честно работать, надо сказать, что ведь это была эпоха наибольшего недоверия к старому офицерству. Например, даже меня, как военного руководителя Западной завесы, имевшего большой

---

* Даже личный конвой военного руководителя Западной завесы, состоявший из его бывших сослуживцев по 12-му Астраханскому полку, был целиком отправлен на фронт и послужил кадром для развертывания 6-го полка 2-й Орловской дивизии.

** Примеры: письмо военного руководителя Западной завесы к командующему войсками Калужской губ. 14 апр. № 484: «....В основание своей обороноспособности» завеса «в данный момент ставит... глубокое содействие местных организаций...»; его телеграмма начальникам революционных отрядов 1 апреля № 138: «Спасение республики прежде всего зависит от единства управления, сознательного подчинения. Всякие пререкания, торгования, взаимные жалобы — общая гибель» и его предписание начдивам 7 апреля № 1870/145: «...Правительство находит нужным иметь настоящую армию, а военные специалисты знают, что качество в 3 раза ценнее количества». Особенно приходилось возиться в этом отношении с частями Курской дивизии, где дошло до убийства военкома (Быч) и ранения комбрига (Слувис),— потребовалось содействие даже члена коллегии наркомвоенмора Подвойского. Правда, дезорганизация 3-го полка в Льгове была подготовлена анархистами.

правительственный мандат, крыли и исполком Калужской губернии, и облискомзап, и многие другие.

Войсковая масса по многим причинам также не везде отнеслась сочувственно к замене выборного начала присылкой командиров из центра. На фронте было несколько случаев ареста командиров и комиссаров без всяких оснований, и их приходилось выручать вооруженным способом *.

При этих условиях делается понятным, что к концу существования Западной завесы даже высшие должности оставались вакантными, и, например, к 11 августа четыре дивизии были без штатных начальников, не было комбригов и 65% работников генерального штаба. Значительно лучше пошло дело после назначения в полки военных комиссаров.

Но, с другой стороны, были части, которые уже осознали, что без знающего комсостава они могут быть только пушечным мясом. В этом отношении показателен прием войсками 1-й бригады 2-й Орловской дивизии нового комбрига Дьякова (ныне помощника начальника учебного отдела КУВКС) **, которого приняли весьма тепло.

СНАБЖЕНИЕ И ПРОДОВОЛЬСТВИЕ

Первоначально предполагалось, что штабы отрядов будут только оперативными органами. Все вопросы снабжения должны были лежать на местных советских и военных учреждениях. С переформированием отрядов в дивизии им придавали известный тыл, но снабжение по-прежнему шло через округа.

При условии, что во всех предметах имущества был страшный недостаток, лошадей в стране было очень мало, продовольственные запасы были централизованы, формирование и жизнь завесы встречали крайние трудности. Имущество находилось в распоряжении округов и отдельных центральных ведомств, которые в первую голову использовали его частью для местных нужд, с июня — и для формирования отрядов, отправляемых на Восточный и Южный фронты, а в завесу давали его с большими трениями и весьма неохотно.

Тяжелее же всего, понятно, стоял вопрос с продовольствием. Местные советы совсем не справлялись с ним. Даже штаб завесы, расположенный в Калуге, голодал ***, в отря-

* Между прочим, чуть-чуть не сожгли коменданта штаба Богданова (впоследствии начальника броневых сил РККА).

** Курсы усовершенствования высшего командного состава.

*** Приказ завесе № 85 от 8 июня: «...Принимая во внимание, что сотрудники штаба совершенно не получают хлеба по неимению его в запасах штаба и города...»

дах же и дивизиях дело доходило до таких явлений, которые грозили срывом и без того с трудом наладившейся дисциплины. Штабы дивизий занялись меновой торговлей *, штаб завесы разрешил покупку продовольствия и фуража «по вольным ценам при содействии местных властей» и, наконец, — да простят ему все, перед кем он виноват, военный руководитель Западной завесы лично поехал на... «мешочничество». Не обманывая себя в том, что он делает, он купил в Воронеже 38 вагонов муки, пробирался окольными путями в Калугу, но, увы, привел только 3 вагона... Прочее пришлось сдать Москве...

В этом вопросе облегчением было постановление крестьянских обществ Курской губ. о поставке продовольствия ближайшим войсковым частям по твердым ценам.

Особенно плохо обстояло дело в кавалерии. Там, помимо материальной части, требовались лошади. Цена на них стояла очень высокая, но и по этой цене покупать приходилось с трудом, так как население, только что перешедшее к мирному строительству, само сильно в них нуждалось. Произведенные в июле инспекторские смотры кавалерии дали весьма неважные результаты. Так, в конном полку Курской дивизии на 244 строевые лошади было всего 126 седел с веревочными оголовьями, а лошадей от бескормицы пасли по межам крестьянских полей; в конном полку 1-й Орловской дивизии на 680 бойцов было всего 216 лошадей и 66 шашек.

ПОДНЯТИЕ БОЕСПОСОБНОСТИ

Отряды первичной формации, т. е. те, которые оказались в завесе после первого же движения германцев с Минского фронта, отличались высокой революционностью и дрались с большой стойкостью. Партизанские командиры местами старались поднять и дисциплину. За убийство по мотивам грабежа назначалась смертная казнь, в приказах начальника Оршанских отрядов Гайлиса еще в апреле требуется «гражданская вежливость, ибо отсутствие ее ложится пятном на Красную Армию», и предлагается «всем товарищам», не повинующимся товарищеской дисциплине, «покинуть ряды революционных войск».

Отряды последующих формирований в общем были значительно слабее. Особенно хромало чисто военное обучение. Пришлось вести двойную работу: одну — по линии культур-

* Приказ завесе № 230 от 31 августа: «...В одной из дивизий променяли соль на скот...»

но-просветительной, другую — по линии строевой, до боевой стрельбы в мишени включительно.

Для поднятия квалификации младшего комсостава были учреждены повторительные курсы. Для поддержания дисциплины 10 июня введена присяга, затем учреждены суды: ротные — из трех красноармейцев и полковые — из трех командиров («инструкторов», как тогда говорилось) и трех красноармейцев. Все эти суды возникли в порядке частной инициативы и долго не были санкционированы центральной властью, но дело свое они сделали, так как идея их удовлетворяла революционное правосознание самих войсковых масс.

Один вопрос военного обучения стоял особенно остро — это боязнь обхода флангов. Отряды, кроме Рославльского, где железной дороги не было, естественно, тянулись к своим магистралям. При малейшей попытке противника к обходу, а таких случаев, особенно в Брянском и Курском районах, было много, отряды садились в «свои» вагоны и откатывались на следующую станцию. А между тем, эта тактика, конечно, была совершенно неудовлетворительной, да и центр требовал освобождения составов, нужных ему для внутреннего фронта и стеснявших нормальное движение и в районе самой завесы.

Приказы помогали мало. Приходилось прибегать к фокусам: под предлогом смены и т. п. части уводились в сторону от станции, а в это время вагоны убирались. Не обходилось без трений, но другого способа не было.

СЛУЖБА НА ДЕМАРКАЦИОННОЙ ЛИНИИ

С 8 марта началось постепенное оформление Брестского мира в виде установления демаркационной линии. Первоначально она проводилась по частным соглашениям местных командований, иногда даже без карт (Кафиевым — на Невельском направлении). Станция Орша была разделена пополам, а питание паровозов водой сохранено общее. Часовые здесь в конце концов так привыкли друг к другу, что от скуки поочередно катались на одном и том же велосипеде.

Границы Украины и РСФСР не были к этому времени определены, и немцы долго и с большими спорами продвигались, куда хотели, со стороны Гомеля, Конотопа и Харькова. Только к середине мая удалось установить более или менее точные границы.

На большей части демаркационной линии во все время жизни завесы происходили беспрерывные пограничные столк-

новения с кровавыми исходами и с бесконечными жалобами с обеих сторон. Причин к этому было много.

Со стороны завесы, прежде всего, в этом вопросе было не столько военного элемента, сколько местного, экономического. Беженцы из ближайших местностей и крестьяне на границе демаркационной линии не могли, понятно, смотреть равнодушно ни на немецкое хозяйничание рядом, ни на польские жестокости по отношению к их оставшимся по ту сторону родичам. Они на свой риск и страх формировали отрядики, уничтожали пограничные знаки и подстреливали врагов.

На правом фланге завесы, где даже в войсках было много левых эсеров *, велась, особенно сейчас же после убийства графа Мирбаха, соответственная пропаганда, находившая почву в обильных слухах (и фактах), говоривших об особой жестокости немцев **. На левом фланге, в Курском районе, работали анархисты и украинские шовинисты, находившие себе поддержку в украинских беженцах и повстанцах, особенно многочисленных здесь. Наконец, германцы не упускали из виду и чисто военных мотивов и, где могли, с предлогами и без них препятствовали нам в улучшении нашего оборонительного положения ***.

Между тем общие условия требовали пунктуальнейшего соблюдения нами неприкосновенности нейтральной полосы, и вопрос этот наладился более или менее лишь с учреждением 31 августа на демаркационной линии особых пограничных смешанных комиссий на станциях Унеча, Зерново, Колонтаевка, Лохинская и Беленихино. Для восстановления истины необходимо все-таки сказать, что, несмотря на совершенно различные условия для той и другой стороны в пограничном вопросе, количество взаимных жалоб было почти одинаково.

Так, к 14 июня зарегистрировано 13 русских протестов и 11 германских, причем два из них говорили о каких-то уведенных коровах какого-то помещика Василевского...

Не обходилось и без курьезов. Однажды украинские повстанцы уволокли в Судже у немцев целую 6-орудийную батарею. Возвратить ее во что бы то ни стало было необходимо, но революционные войска этого участка относились

---

* Например, в бывшей Витебской группе.

** Например, в начале июля немцы сожгли две деревни за невзнос 250 тыс. руб. контрибуции и нахождение в ней будто бы 6 красноармейцев.

*** Когда мы начали снимать ненужную нам, но могущую иметь большое значение для немцев в случае их дальнейшего продвижения к Москве железную дорогу от Орши на Горки, они выдвинули к железнодорожному мосту 6 броневиков. Пришлось мост взорвать.

к возвращению весьма неодобрительно. Пришлось затащить пушки и передки в товарные вагоны и, не останавливаясь на головной станции, пропустить поезд под выстрелами своих солдат до середины нейтральной полосы. Лошади же исчезли бесследно.

Другим вопросом демаркационной линии была таможенная служба. Войска на границе несли не только военную охрану, но и контрольную службу по пропуску мирных проезжающих, особенно в Орше, где железнодорожное движение не прекращалось. Приходилось заниматься конфискацией недозволенных к вывозу предметов и т. д. Кое-где появились «самозванные посты, неизвестно, к каким частям принадлежащие, кем выставленные и появлявшиеся самым неожиданным образом». Для упорядочения этого вопроса штаб завесы предложил установить фискальную охрану границы особыми частями, не из войск фронта, что, однако, было сделано только к 12 августа.

ОПЕРАТИВНАЯ СЛУЖБА

Указанные условия организации, формирования, снабжения и быта войск завесы достаточно ярки, чтобы оправдать основную идею ее оперативного руководства. Оно шло по двум направлениям. С одной стороны, войска завесы обязывались к организованному ведению обороны для выигрыша времени на своих направлениях, а с другой — район обороны должен был быть подготовлен к малой войне на сообщениях неприятеля.

Первая задача достигалась следующими способами:

1) На основных направлениях для отхода должен был быть заготовлен ряд узлов сопротивления;

2) Бо́льшая часть сил должна быть в маневренных резервах, достаточно удаленных от первых линий и назначаемых преимущественно для действий на фланги неприятеля и противодействия его обходам;

3) Не требовалось никакого общего, непосильного в данных условиях, фронта;

4) Пути отхода, особенно железнодорожные, подлежали разрушению.

К оборудованию узлов сопротивления приступили горячо. Но сейчас же дело натолкнулось на два препятствия. Во-первых, не было достаточных кредитов, а еще в большей степени не хватало рабочих рук. А во-вторых, крестьяне во

многих местах относились весьма несочувственно к обращению полей в окопы, как бы примитивны они ни были.

На подготовку путей к разрушению было обращено также очень большое внимание, но и в этом вопросе практически многого достичь не удалось. При том порядке несения караульной службы, с которым никак не могли справиться, заблаговременная подготовка сооружений к взрыву могла быть использована предприимчивым противником в свою пользу.

По крайней мере известно, что мост у Унечи взорвался «от грозы», и его пришлось чинить.

Подготовка ко второй, не менее важной и целесообразной задаче, опиравшейся на исторический опыт как раз в этой местности и при аналогичных условиях (поход Наполеона в 1812 г.), началась еще до завесы в порядке службы Западного фронта под личным руководством бывшего начальника штаба и его главного помощника в этом вопросе матроса Перепелицына.

Организация партизанских отрядов пошла довольно успешно (особенно в Невельском отряде); был выработан план их действий; составлена инструкция для этих действий; но по существу эта организация подрывала дело завесы, так как последняя комплектовалась из тех же самых источников и нуждалась в тех же самых предметах вооружения и снаряжения.

Поэтому в половине мая от организации партизанских отрядов пришлось отказаться окончательно.

Что касается организации крестьянского восстания, также имевшего под собой историческую почву, то и здесь началась кое-какая работа, документом коей осталась «Памятка крестьянина, рабочего и солдата, оставшихся в местности, занятой неприятелем», составленная в штабе завесы. Работу эту пришлось прекратить по указаниям центра, в связи с тем, что к 26 июля «острый кризис на Западном фронте миновал, а на Восточном приобретал первенствующее значение».

ОТПРАВКА ЧАСТЕЙ НА ВОСТОЧНЫЙ И ДРУГИЕ ФРОНТЫ

Оперативное положение завесы, конечно, никогда нельзя было назвать устойчивым. Возможность перехода германцев в наступление никогда не исключалась. Но со второй половины мая положение на фронте, если не считать пограничных инцидентов, было «без перемен». Силы немцев также

были немногочисленны *. Между тем армии Восточного фронта нуждались в усилении. И Западной завесе пришлось принять очень большое участие в этом усилении.

Началось оно первоначально совершенно неорганизованным путем. С чехословацкого фронта присылали по телеграфу призывы ехать на Урал; приезжали на свой риск и страх отдельные агитаторы, к этому же призывал правительственный комиссар по формированиям Кудинский. Все просили людей, оружия, имущества.

А завеса еще сама только становилась на ноги... Но по миновании острого кризиса, т. е. когда окончательно выяснилось, что германцы отказались от мысли всякого вмешательства в русскую революцию **, Западной завесе пришлось приступить уже к организованной посылке подкреплений на другие фронты.

Правда, эта посылка первоначально шла путем выдергивания с фронта завесы отдельных частей, причем наряды так запутались и по наименованиям частей, и по предназначениям, что к 23 июля штаб завесы чуть было не потерял всякий учет их. Но затем посылка пошла уже планомерно. Не считая отдельных отрядов произвольной организации, разновременно из завесы было отправлено на другие фронты — на Восточный, в Вологду, в Баку, на Урал и даже в Туркестан — не менее 13 полков, 3 батальонов, 2 конных полков и 5 батарей.

Вместо отправляемых частей сейчас же формировались кадры новых. 11 августа было приказано снять с завесы «все боеспособное» и оставить лишь кордон для несения пограничной службы. В сентябре германцы начали отход на линию Барановичских позиций, и завеса, фактически, перестала существовать. В ноябре она была окончательно расформирована, и остатки ее частично отправлены на Восточный фронт (1-я Смоленская, 1-я Могилевская и 1-я Орловская дивизии), частично переданы в подчинение Московскому и Орловскому военным округам (2-я Тверская, 2-я Московская, 1-я Калужская, 2-я Орловская и 1-я Курская дивизии), а 1-я Витебская и 2-я Смоленская сведены и переименованы в 17-ю стрелко-

---

* К 13 июня противник имел на фронте и в ближайших резервах на полоцком, витебском, оршанском, рославльском и брянском направлениях, где у нас было по одной дивизии, также по одной ландверной дивизии и лишь против Курска, где мы имели одну дивизию, — четыре дивизии и в промежутке между курским и брянским направлениями, где у нас были только мелкие части, — 3-ю кавдивизию. Могилевский фронт занимали одно время поляки корпуса Довбор-Мусницкого.

** Были сведения о том, что они требовали пропуска в Петроград двухтысячного отряда, а в Москву — батальона.

вую дивизию и приняли первое участие в последующих военных действиях на вновь образованном Западном фронте, именовавшемся Западным районом обороны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Свою армию Советская Россия строила заново...» Так гласил приказ РВСР от 5 февраля 1923 г., в пятилетний юбилей Красной Армии. Много трудностей было на пути этого строительства, много было их и на частном пути организации и жизни Западного участка отрядов завесы *, со включением Московского района. Родившись из многочисленных разнообразных по форме, составу и назначению революционных отрядов, мало, а местами и совсем необъединенных общим командованием, завеса пережила все муки планомерного регуляторства, хватила голода и материальных недостатков, защищала, как могла и умела, каждый метр социалистического отечества, справилась с пропагандой левых эсеров и анархистов и ушла со страниц истории лишь отправленная на другие революционные фронты.

«Гражданская война 1918—1921». В трех томах. Под общей редакцией А. С. Бубнова, С. С. Каменева и Р. П. Эйдемана. Т. 1. М., Изд-во «Военный вестник», 1928, стр. 231—245

* Официальное название Западной завесы.

Владимир Петрович
ЗАТОНСКИЙ
(1888—1940)

В революционном движении участвует с 1905 г., за что дважды исключался из университета и несколько раз арестовывался. Окончив университет в 1912 г., преподавал физику и заведовал химической лабораторией в Политехническом институте. Во время Февральской революции вступил в киевскую организацию большевиков и вскоре был выбран членом Киевского комитета партии. После Октябрьской революции, в которой принимал активное участие, — председатель Киевского комитета РСДРП(б). С образованием первого советского правительства Украины был избран народным секретарем (наркомом) просвещения. Затем — представитель Украины в СНК РСФСР. В марте 1918 г. избран председателем ЦИК Украины.

В 1919—1920 гг., во время гражданской войны на Украине, являлся членом РВС 12, 13, 14-й армий Южного фронта, а также председателем Ревкома Восточной Галиции. В марте 1921 г. участвовал в подавлении Кронштадтского мятежа и был награжден орденом Красного Знамени. В 1923 г. вновь назначается наркомом просвещения Украины. В 1924—1926 г. на военной работе, затем секретарь ЦК КП(б)У.

С 1933 г. — член президиума ЦКК ВКП(б) и нарком Рабоче-крестьянской инспекции УССР. Был членом Президиума ЦИК СССР и Всеукраинского ЦИК всех созывов.

НА ЗАРЕ КРАСНОЙ АРМИИ

Я случайно оказался свидетелем зарождения не Красной Армии еще, а первого декрета о ней. Было это в Питере, в Смольном, в Совнаркоме РСФСР, где я присутствовал как представитель Украины. Я лично не принимал участия в разработке и подготовке этого декрета. Этот момент зарождения Красной Армии я запомнил по другой причине, — по тому, как проявил себя в этом деле В. И. Ленин.

Порядки тогда были особенные. Советская власть только что возникла и еще не восторжествовала во всей России. Бурная стихия революции чувствовалась во всем и во всех. Комиссариаты помещались в отдельных комнатах Смольного, все дела вершились в кабинете Ильича или в Совнаркоме. Никаких малых совнаркомов и прочих предварительных комиссий, фильтрующих декреты и постановления, не было. Дела возникали и утверждались тут же, на общих больших заседаниях и непосредственно с третьего этажа, из «Красной комнаты» (зал заседаний Совнаркома), направлялись вниз, в первый этаж, на телеграф для распространения — всем, всем, всем.

Как зародилась мысль о необходимости преобразования Красной гвардии в Красную Армию и какие стадии развития она прошла до ее появления в Совнаркоме — я не знаю, но в Совнарком она была внесена коллегией Наркомвоена в совершенно сыром виде. Раза два, кажется, декрет о создании Красной Армии обсуждался, но принят не был, так как, по существу, никто, не исключая Военки, не знал, как приступить к этому серьезному делу. Смелые и решительные в области вопросов политических и даже экономических, здесь все терялись.

За это дело взялся тогда сам Ильич. Он заявил, что не закроет собрания, пока этот декрет не будет принят, вооружился пером и начал тут же выправлять декрет, вычеркивать целые параграфы, изменяя редакцию, внося существенные изменения. Эта работа заняла, вероятно, около часа времени (точно по часам не следил, но непосредственное ощущение было таково, что промаялись долго; обычно декреты проходили гораздо быстрее).

Наконец декрет был готов и принят единогласно (кажется, даже без голосования).

Порядок подписи декретов был тогда следующий: перед отправлением на телеграф декреты подписывались председателем Совнаркома, тем наркомом, который вносил проект, еще тремя наркомами (безразлично, какими) и наконец

Бонч-Бруевичем (управделами) и Горбуновым (секретарем).

Когда декрет подписали Дыбенко, Крыленко и Подвойский, Ильич сказал: «Передайте-ка на тот конец стола, пусть и Затонский подпишет, на всякий случай, чтобы Украина потом не отпиралась». Таким образом под декретом среди прочих подписей оказалась и моя.

В этом маленьком эпизоде сказалась характерная черта Владимира Ильича, умевшего наряду с большими вопросами огромной важности предусматривать и всякую мелочь. Никому другому и в голову не пришло бы еще в январе 1918 г. иметь «на всякий случай» в виду единство вооруженных сил Советской России и Советской Украины.

«Гражданская война 1918—1921». В трех томах. Под общей редакцией А. С. Бубнова, С. С. Каменева и Р. П. Эйдемана. Т. 1. М., Изд-во «Военный вестник», 1928, стр. 1—3

ВОДОВОРОТ

(Из прошлого)

Я не собираюсь писать историю. Для этого нужно время и материалы, какие можно кое-где разыскать по архивам, нужен целый ряд условий объективного и субъективного характера. Просто постараюсь вызвать в памяти и передать, не мудрствуя лукаво, какой-нибудь эпизод из столь недавнего (если считать по календарным годам) и столь далекого (по богатству пережитого) прошлого.

ПАРТИЗАНЩИНА

Весна 1919 года. Петлюра разгромлен усилиями организованного пролетариата и примкнувшего к революции крестьянства. Нам чрезвычайно легко далась эта победа. Мы начали наступление в конце 1918 года двумя повстанческими дивизиями, первая на Киевском, вторая на Харьковском участке. Докатились с невероятной быстротой до Черного моря на юге и Галиции — на западе, впитывая по пути десятки тысяч партизан — повстанцев.

Я помню работу наших штабов периода наступления. Что где делается — не разберешь. От частей по неделям нет сведений. Известно, что идут к югу или юго-западу. Рассчитываешь, к примеру, что, двигаясь со скоростью 40 верст в сутки (это факт — части летели как на крыльях, передвигаясь преимущественно на тачанках и подводах), такой-то полк должен быть в Кременчуге. Вдруг телеграмма из Елисаветграда за подписью «атаман Григорьев». Содержание: «Поймал кота, жму к Знаменке, жду ваших распоряжений, куда идти дальше».

Атаман Григорьев как будто в списках наших командиров не числится, а как раз наоборот командует одной из петлюровских частей. Почему он адресует телеграмму командующему Украинской армией тов. Антонову и о каком коте идет речь — непонятно.

Через день — новая телеграмма оттуда же · «Котик кусается»... Еще несколько часов — телеграмма из Знаменки: «Отрубил коту хвост, решил идти к грекам в Николаев».

Только после прибытия действительно нашего полка в Знаменку вся эта кабалистика расшифровывается. Оказывается, атаман Григорьев перешел на нашу сторону и ударил в тыл другому петлюровскому атаману — Котику (это фамилия такая), оставшемуся верным Петлюре. В первом

столкновении потерпел неудачу (Котик кусается), но затем одолел и захватил обозы (отрубил хвост), после чего действительно ударил на Николаев и с горсточкой таких же, как сам, отчаянных партизан, разбил греков, высадивших там свой десант, численностью, раз в сто по меньшей мере больше всего григорьевского воинства.

Мы были вынесены стихией, притом стихией крестьянской, весьма сочувствовавшей большевизму, но весьма подозрительно, чтобы не сказать больше, относившейся к коммунизму.

Крестьянин-партизан с энтузиазмом воспринимал наши боевые лозунги периода разрушения старого строя, видел в нас желанных союзников в его борьбе с помещиком. Но, одолев последнего, желал он одного — чтоб все чуждое ему, наносное (городское) оставило его в покое, ибо он желал быть хозяином на своей земле, которую он исключительно, как ему казалось, собственными усилиями, отвоевал у своего врага.

До мировой революции, до исторической миссии пролетариата, до всей сложности классовой борьбы в городе и деревне, вооруженному, сознавшему свою силу, но столь же темному, как и до переворота, крестьянину-собственнику не было дела. Он видел одно. Большевики говорят: «Бей помещика, бери его землю, вооружайся»... Коммунисты поют: «Давай для государства хлеб, подчиняйся дисциплине» (несколько позже: «Сдавай оружие»). Диалектика менее всего соответствует мужицкому способу мышления, и не мудрено, что разворошенная сплошь, вооруженная и организованная на свой манер (отряды) стихия обернулась против нас с такой же почти силой, как только что поднималась против гетмана или неудачника Петлюры.

Крестьянская масса в то время еще не успела расслоиться, бедняк (даже батрак) еще целиком находился в плену старых собственнических, типично мужицких настроений и сплошь да рядом выступал против коммунистов.

Многие детали этого взрыва крестьянской массы против коммунистов требуют подробного исследования и освещения, как например: движение атамана Зеленого на юге Киевщины, движение, в котором принимали участие преимущественно беднейшие элементы села...

Как бы там ни было, весной 1919 года вся Украина клокотала и бурлила. То там, то сям вспыхивали крестьянские восстания, каждое село имело свой отряд, оборонявший стратегические подступы к своей деревенской республике, а подчас выступавший в поход против соседнего городка или местечка.

Нередко можно было найти вполне организованные волости (например, Большая и Малая Половецкая, Киевской губ.), выставлявшие в случае нужды целые полки с пулеметами и даже артиллерией.

По железным дорогам движение поддерживалось преимущественно бронепоездами. Атаманы, только что перешедшие на сторону Советской власти, как Григорьев и десятки ему подобных, или даже старые советские вожаки, выступавшие под большевистским флагом при гетмане (Коцур, Гребенка и т. п.) один за другим поднимали бунт против Советской власти или, вернее, против коммунистов (понятно, не обходилось дело и без «жидов», которых резали по всякому случаю).

Атаманы восставали то потому, что их стесняла всякая дисциплина, а им хотелось бесшабашной вольницы, то потому, что они были сознательными нашими врагами, часто действовавшими по указке петлюровского подполья. Иногда атаманы, долго и честно работавшие с Советской властью, шли, поддаваясь стихии, шли нехотя и нерешительно, с оглядкой.

Во всем была презанятная смесь революционности, авантюризма, беспросветной темноты, самого дикого мракобесия, беззаветной отваги и трусливой жадности... Все стороны крестьянской души, веками забитой, темной, неожиданно проснувшейся, вечно колеблющейся, и революционной и реакционной в одно и то же время, страшной в своей жестокости и, в конце концов, детски наивной и детски беспомощной — отразились в судорожных корчах мужицкой Украины.

Наше положение было довольно сложное. Выручала лишь организованность партии, выручал инстинкт пролетария, который хоть подчас и «волынил» из-за недостачи питания и из-за прочих жизненных тягот, но в конечном счете все же предпочитал Советскую власть возвращению гетмана. Выручала неорганизованность крестьянской массы да отчасти тот авторитет, который мы, как большевики, все же имели в ее глазах.

По существу, любой наш полк в то время мог поднять против нас восстание и подчас не всегда было понятно, почему та или иная часть борется на нашей стороне, а не против нас? Так, например, Махно оказал безусловно нам поддержку в борьбе против Григорьева (нет ничего невероятного, что Григорьев поддержал бы нас против Махно, если бы тот выступил раньше).

Тот же Григорьев, уже замыслив восстание, уже фактически начав его переброской своих полков в сторону Кремен-

чуга, принимал командующего украинскими армиями тов. Антонова и дал ему спокойно уехать, не рискнувши или не догадавшись захватить в плен или пристрелить его. Ясное сознание, чтó и во имя чего надо делать, решительность — были целиком на нашей стороне, и только потому мы победили. Победили не только силой оружия, но и морально, заставив признать наше превосходство и необходимость нашего руководства; более того, мы нашли внутри самого кресгьянства силы, на которые смогла опереться пролетарская революция (комнезамы).

...Тов. Антонов вернулся от Григорьева и делает доклад в Совнаркоме. По его мнению, опасения, что Григорьев восстанет, преувеличены. Приходит телеграмма Григорьева, как будто подтверждающая оптимизм главкома.

Однако следующая весть — бои под Кременчугом.

У Григорьева тысяч шестнадцать организованной армии *. Какую позицию займет Махно, никто не может сказать. Какую воинскую часть (все такие же, партизанские, и у всех почти командир полка — по существу батько) можно двинуть без риска, что она перейдет на сторону повстанцев?

Часа в четыре ночи меня будят... Собираемся... Бубнов, Косиор, кажется Ворошилов, не помню кто еще из наркомов, сообщают, что один из полков, снятый с петлюровско-польского фронта (номера не помню сейчас, восьмой, кажется), направленный против Григорьева, по дороге уже разгромил ЧК в Бердичеве, Казатине и Фастове, и в данный момент в Фастове же обсуждает вопрос, двинуться ли ему дальше на юг, через Белую Церковь, Бобринскую на Григорьева или завернуть раньше в Киев и разделаться там с «Чекой» и «коммунией».

В Киеве ничего надежного нет, что можно было бы двинуть против этого полка. Остается использовать доводы разума и силу красноречия. Предлагают мне ехать в Фастов, по крайней мере, задержать полк разговорами, пока здесь хоть что-нибудь сорганизуют для встречи, если не удастся уговорить полк идти по прямому назначению. Еще в темноте отправляюсь на вокзал. Сажусь в вагон. Мощный паровоз тащит за собой мою служебную трехоску, которая болтается, как собачий хвост, и грозит слететь с рельсов на поворотах. Самочувствие довольно-таки скверное. К рассвету въезжаю

* Численность войск, которыми располагал Григорьев, здесь несколько преувеличена. Из 13 тыс. человек, имевшихся у него, одна бригада осталась верной Советской власти. Много бойцов и командиров бежали от него и из других бригад. (См. В. А. Антонов-Овсеенко «Записки о гражданской войне», т. 4, М., Воениздат, 1933, стр. 131, 261).— *Ред.*

на ст. Фастов. Я да проводник вагона, который ничего не знает.

Несмотря на ранний час, станция кишмя кишит солдатами в самых разнообразных одеяниях — вплоть до котелка на голове у какого-нибудь босого парня с обрезанной для легкости винтовкой. Мой поезд уже заметили и обратили внимание. Бросаются к вагону. Слышны возгласы: «Комиссар приехал». Тон, нельзя сказать, чтобы очень радушный. Энтузиазма по случаю приезда члена правительства не видно. У большинства винтовки в руках.

Выхожу... Вдруг какой-то молодой парень в старой немецкой фуражке с радостной физиономией бросается ко мне и обеими руками хватает меня за руку: «А, товарищ Затонский... а помните, как мы с вами в Глухове встречались?»

Я, понятно, не помню, но от этого не менее рад его встретить здесь, в Фастове. Он сейчас же представляет меня солдатской массе, сообщает, что я тот самый Затонский, который помогал партизанам в нейтральной зоне. Лед сломан. Я уже не комиссар, а свой человек.

Вызываю командира полка и предлагаю немедленно собрать ребят в каком-нибудь помещении (под открытым небом мешал моросивший дождик), чтобы можно было потолковать. Через десять минут уже начинается митинг в каком-то летнем театре, здесь же у станции. ЧК действительно разгромлена. Недалеко от вокзала валяется труп одного из расстрелянных. Настроение полка вполне определенное (определенное именно в своей расплывчатости, путанице понятий в этих крестьянских головах). Они, понятно, за Советскую власть, все большевики, немного коммуны боятся, но в общем не особенно активно против нее настроены. В полку есть и коммунисты, такие же партизаны, как и все остальные. К ним отношение великолепное — они свои. Командир полка, вместе с тем атаман, организовавший его, но, как это ни странно (на деле это часто встречалось), не он полком командует, а полк им. Вернее, он, командир, целиком во власти той стихии, какая его окружает и от которой он еще не отпочковался. Он по уровню своего развития недостаточно выделяется из общей массы, и настроения окружающего крестьянства имеют слишком большое влияние на него. Он отнюдь не контрреволюционер и даже старался удерживать полк от эксцессов, принимал меры, чтобы полк отправился против Григорьева. Это он, компоолка, донес в Киев, что его полк не благополучен. Но если бы полк пошел на Киев, он бы отправился с ним (как тот цыган, что, по народному сказанию, за компанию повесился).

Митинговал больше часу. Привел всевозможные, кажется, доводы за Советскую власть и против бандита Григорьева. В общем соглашались, но чувствовалось что-то недоговоренное. Удалось вызвать на разговор. Засыпали вопросами — все больше насчет коммуны. Правда ли, что будут сгонять со своих хозяйств, забирать все в общий котел? Правда ли, что собираются забирать весь собранный крестьянином хлеб?

От моих разъяснений повеселели...

Удалось под конец раскачать публику, посыпались шутки, пошли вопросы даже насчет того, как в других странах. С большим самоудовлетворением послушали, что они первые во всем мире выгнали своих панов, что на них смотрят с упованием рабочие всего света, что их боится мировой капитал. Под конец с большим подъемом спели Интернационал (не обошлось и без «Заповита», конечно) и дали торжественную клятву идти на Григорьева и даже не трогать ЧК по дороге.

И обещание сдержали.

На обратном пути спал до самого Киева как убитый. В Киеве до моего возвращения не спали.

Это вовсе не какой-нибудь исключительный случай. Подобных историй было десятки. В самом Киеве происходили восстания полков — такие же бестолковые. Я взял фастовский случай только потому, что в его ликвидации пришлось мне лично принять исключительное участие.

С Григорьевым кое-как справились, но положение было грозное. Нужно было принять решительные меры против той партизанщины, какая разъедала Красную Армию. Верховному командованию РСФСР казалось, что здесь, на Украине, недостаточно обращают на это внимание и ведут недостаточно твердую линию. Товарищ Антонов был отозван, украинские армии (всего их было 3) расформированы; из них создали на Правобережьи — 12-ю и на Левобережьи — 14-ю, еще ближе к Дону из бывшей Кожевниковской группы — 13-ю армию. Командующим 12 армией, штаб которой находился в Киеве, был назначен генштаба Семенов, как потом выяснилось, получивший не только определенную директиву насчет большого нажима в смысле превращения армии в регулярную, но и инструкции относительно взаимоотношений с украинским центром, в смысле большей независимости от последнего. Но очень скоро выяснилось, что дело не в каком-нибудь уклоне со стороны нашего центра, а в объективной обстановке. Не вина наша в том, а беда. Командарм Семенов с членом Реввоенсовета тов. Араловым потребовали установления более тесной связи с нами (ЦК КПУ и Совнаркомом Украины). Было признано необходимым, чтобы кто-

нибудь из Совнаркома вошел в Реввоенсовет. Я получил назначение в 12-ю армию. Одновременно тов. Бубнов был направлен в 14-ю, а Пятаков — в 13-ю.

АТАМАН ГРЕБЕНКА

И было отчего командарму Семенову требовать с нашей стороны поддержки. Дня через три после объявления по армии о моем вступлении в число членов Реввоенсовета меня срочно вызывают в штаб (я одновременно был тогда еще и наркомпросом). Оказывается, командир кавалерийского полка Гребенка не желает говорить по проводу ни с кем, кроме Затонского. Гребенка — не просто комполка. Это тот самый Гребенка, который в 1918 году при гетманщине организовал в Тараще грандиозное восстание, охватившее несколько уездов. Немцы вынуждены были бросить против него три дивизии и лишь после полуторамесячной борьбы заставили его покинуть таращанские дебри. И вот с отрядами своими, с конницей, пехотой, пулеметами и даже артиллерией, Гребенка совершает знаменитый рейд из Киевской губернии через Днепр, всю Полтавщину, часть Черниговщины и приходит в Курскую губернию. Сам Гребенка, правда, до границы РСФСР не дошел. Он с небольшой группой отделился на Полтавщине и остался продолжать мелкую партизанскую работу на Украине. Главные же силы прибыли в Курск под командой его помощника Баляса. Этот отряд лег в основу знаменитого в истории Советской Украины Таращанского полка 1-й Украинской, впоследствии 44-й Киевской дивизии.

Так вот этот самый Гребенка, когда мы навалились в 1919 году на Украину, успел сорганизовать конный полк, который в описываемый момент находился на западном участке. Вел себя полк несколько странно, от боев с поляками почему-то уклонялся и имел тяготение продвинуться в свою Киевщину, вернее, в Таращу, так как главный контингент полка были опять-таки таращанские повстанцы.

Командир полка — старый известный партизан, сам полк свой сорганизовавший и сам его содержавший, так как, понятно, все решительно, вплоть до вооружения не доставалось в порядке армейского снабжения. Он добился всего исключительно собственными силами. Такой командир полка, естественно, не имел особенного стимула подчиняться высшему начальству и вел себя довольно независимо. При всем желании ввести регулярные порядки, командарм не имел ни-

каких реальных сил заставить какого-нибудь Гребенку подчиниться себе и приходилось опять-таки прибегать пока что больше к методу увещания до той поры, пока обстоятельства не позволили взять всех Гребенок за шиворот и поставить их на надлежащее место.

Так вот подхожу к аппарату: «Я — Затонский». В ответ: «А чи правда, что вы Затонский?» Отвечаю: «Правда». «Я — Гребенка, чтобы удостовериться, прошу ответить, как я был одет, когда мы с вами встречались в последний раз в Глухове?».

Отвечаю: «В синей бекеше».

«Теперь я верю, что вы Затонский. Я получил приказ за подписью какого-то генштаба Семенова с предписанием отправиться в район Полтавщины на деникинский фронт, чи виконувати цей приказ чи ни».

Я, понятно, отвечаю, что приказ правильный и т. п. и что впредь всегда нужно выполнять приказы тов. Семенова, который является командующим армией. Гребенка соглашается, но с оговоркой, что под приказом должна быть и моя подпись.

Маленькая подробность: командарм Семенов стоит тут же у аппарата, слушает непонятную украинскую речь (весь разговор шел по-украински, я только привел его в переводе). Когда дело дошло до «виконувати» (выполнять), тов. Семенов решил, что это имеет отношение к коннице и спрашивает: «Что это у него с конским составом происходит?»

История с Гребенкой на этом не окончилась. Несмотря на обещания, он приказ выполнил не до конца. Взял направление на Полтавщину, но, дойдя до Таращи, там застрял, и мы, случайно тоже (между прочим, характеристика связи), от Белоцерковского исполкома узнали, что гребенковцы уже четыре дня сидят в Тараще и ведут себя более, чем подозрительно.

Было решено, что я лично поеду к ним, произведу смотр частей и окажу воздействие в смысле направления полка против белых.

14-го июля 1919 года около 5 часов я приехал на автомобиле в Таращу. Подъезжаю к штабу. Какая-то странная картина: на захолустной, обычно пустынной улице маленького городишка огромное оживление. Толпа крестьян стремится проникнуть в штаб. Я минут пять не мог протиснуться внутрь. Все галдели и толковали о каких-то «квитках». К моему изумлению я узнал, что квитки — это ордера на получение спирта из местного винного склада и что в штабе происходит выдача этих ордеров окрестному населению.

Гребенка, видимо, был смущен моим появлением, и на мой вопрос, что это значит, он объяснил, что средств он ниоткуда не получает (это было верно) и, отправляясь в далекий поход, он рассчитывал в Тараще подкрепиться, перековать лошадей, добыть нужное обмундирование, снаряжение, отчасти фураж и единственным средством, по его мнению, было купить все необходимое у крестьян в обмен на спирт. Это было не совсем так. Спирт, по-видимому, давался не только при товарообмене, а по более сложной системе. Совершенно ясно было, что в обмен на спирт Гребенка старается приобрести, главным образом, популярность среди таращанских «дядьков».

Я приказал немедленно приостановить выдачу спирта, что было исполнено. Как раз в этот момент кто-то сообщил, что в местечке начался погром. Я приказал Гребенке ехать вместе со мной на место. Мы сели в мой автомобиль и поехали в центр города. Настоящего погрома еще не было, но несколько лавочек с мелкой галантереей было разбито, и толпа жадно разбирала валявшиеся в пыли пуговицы, катушки ниток и прочую дребедень. Кругом было много гребенковцев, не принимавших активного участия в грабеже, но смотревших на сие весьма благосклонно.

Достаточно было Гребенке вытянуть кого-то хлыстом по спине и цыкнуть, как все шарахнулись от нас, бравые кавалеристы немедленно подтянулись, и погром был прекращен в четверть секунды. Оттуда поехали на винный склад: его только что по приказу Гребенки закрыли, и громадная толпа, особенно счастливцы, имевшие квитки в руках, старались продавить массивные дубовые ворота, искренне негодуя на внезапную и непонятную отмену выдачи драгоценного спирта. Особенно памятна мне одна древняя старушонка, которая бросилась к Гребенке и стала убеждать его, что уж кому-кому, а ей он должен выдать обещанную четверть, она ж его вынянчила, она его еще вот каким помнит (жест, показывающий, что Гребенка был ростом не выше аршина).

Но достаточно было Гребенке твердо и властно заявить, что выдача прекращена и что он не допустит разгрома склада, как толпа успокоилась и, хотя с ворчанием, но мирно стала расходиться. Видно было, что Гребенке верят и что он здесь действительно хозяин.

Любопытнее всего то, что он вовсе не имел характерной для большинства партизанских атаманов силы характера. Это — вовсе не железный характер, каким можно было бы его вообразить, а, наоборот, весьма неказистый по внешнему виду и нерешительный по внутреннему содержанию человек.

Я никак, ни тогда, ни после, не мог понять тайны его действительно огромного влияния и популярности. Возможно, что нерешительность его в те минуты, когда мне приходилось с ним встречаться, объяснялась невыдержанностью его политической линии, неясностью желаний, обычной и понятной неопределенностью крестьянских настроений. Возможно, что в борьбе с определенными безусловными врагами крестьянства, какими являлись на Украине немцы и гетман, он становился иным. Но когда ему приходилось вести игру против Советской власти, он, по существу, был беспомощен и жалок, и чувствовалось, что опять-таки не столько он руководит стихией, сколько эта последняя им. Может быть, потому именно он и выдвинулся, что был великолепным выразителем всех противоречий крестьянской души.

Вернувшись в штаб, я разнес Гребенку за его спиртную политику и потребовал немедленного вывода частей из Таращи. Гребенка извинялся и обещал все выполнить.

Было условлено, что на следующий день, часов в десять, бригада соберется на площади за городом, будет устроен парад, затем я ее поздравлю с походом против Деникина, и Гребенка, не давая возможности никому рта открыть, тут же объявит приказ о выступлении с таким расчетом, чтобы к вечеру уже выйти из города. Между прочим, забыл упомянуть, что мы считали отряд Гребенки полком, а оказалось, что он уже успел развернуться в бригаду и Гребенка просил санкционировать совершившийся факт.

Вечером Гребенка куда-то исчез из штаба. Со мной оставался Баляс — его помощник — и еще один из штабных работников, кажется, в чине помощника начальника штаба (между прочим, тот самый, который писал «квитки» на спирт; забыл, как его фамилия). Вот он-то, когда Баляс куда-то вышел, успел мне передать, что дело в общем неладно, что полк настроен против существующей Советской власти (против «коммунии»), что Гребенка еще колеблется, но что «все может случиться». При Гребенке и комиссар был, как полагается, коммунист, и больше того — рабочий откуда-то из Иваново-Вознесенска, кажется, по фамилии Иванов — человек чрезвычайно бесхарактерный, неэнергичный. Он был влюблен в Гребенку, ничего не понимал, что творилось вокруг него, но верил Гребенке настолько, что в случае восстания остался бы с ним.

Выехал я в Таращу не один, со мной был тов. Кокошко и еще один паренек — Зеленский. Тов. Кокошко я взял для подкрепления партийных сил Таращи, а Зеленского в качестве политработника, предполагая его оставить в полку. Я даже распорядился, чтобы ему был выдан соответствующий

мандат. Поздно вечером пришел ко мне в штаб Кокошко и сообщил, что ему удалось разыскать секретаря укома, который передал, что, по его сведениям, все данные за то, что Гребенка выступит против Советской власти.

Наутро, как было условлено, поехал на смотр: Гребенка показал товар лицом.

Полторы тысячи великолепно вооруженных, отлично одетых, хотя не по форме, кавалеристов, около 100 пулеметов на тачанках, лошади — звери, 16 орудий тоже с великолепной упряжкой.

Встретили меня честь честью. Когда полагается, «ура» кричали, затем продефилировали перед нами конница на галопе, артиллерия вскачь,— любо смотреть: затем все построились в каре, и я, взобравшись на какой-то плетень, обратился к ним с речью. Говорить дали, но чувствовалась скрытая враждебность. По окончании речи даже «ура» кричали. Все же я ожидал, что Гребенка выполнит свое обещание и даст условленный приказ. Вместо этого он предоставляет слово какому-то типу весьма подозрительной наружности (позже выяснилось, что говоривший был деникинский офицер, служивший в полку в качестве рядового). Он начинает речь с того, что-де только что вернулся из отпуска из Черниговщины, куда он ездил будто бы проведать родных, и дома застал такую картину: отец арестован, сидит в ЧК, сестру увели, куда — неизвестно, было два брата, один расстрелян, другой в лесу скрывается, дома все разгромили, последнюю корову увели, одна старая мать на развалинах осталась, почти ослепла от горя, и все это, понятно, «жиды-коммунисты» сделали за то, что его семья не хотела в коммунисты идти. Выводов он не делал, но этого и не требовалось. Возгласы, раздававшиеся со всех сторон, свидетельствовали о том, что ребята не прочь немедленно же расправиться с этой «жидовской коммуной». Выступило еще три или четыре оратора с речами все в том же стиле. Последний требовал прямо объявить поход на Киев, разделаться с правительством и только уже после этого поставить вопрос о деникинском фронте.

Гребенка слушал, кусая губы, бледный, стараясь не смотреть в мою сторону. Я подошел к нему и спросил, что это значит. Он и тут ответил, что просто вышла ошибка и что он не думал, что будут так резко выступать. «Вот видите, какое настроение ребят, как нужно изменить все порядки, которые установлены вами, коммунистами».

Я потребовал, чтобы он немедленно прекратил безобразные выступления и объявил условленный приказ. Гребенка

действительно выступил вперед и объявил поход... на Киев. Партизаны встретили это известие с энтузиазмом.

Была довольно жуткая минута. Я ждал, что нас с тов. Кокошко — тот тоже зачем-то пришел на смотр и стоял возле меня — тут же разорвут. Но этого почему-то не случилось. Сейчас же был дан приказ строиться. Бригада в полном порядке, как полагается, снова развернулась и двинулась шагом в город. На нас просто не обращали внимания. Я поручил тов. Кокошко немедленно идти к партийным товарищам и принять меры, чтобы как-нибудь известить Белую Церковь, откуда уже можно передать в Киев о случившемся. Сам же решил ехать в штаб. Скрыться мне было все равно невозможно: слишком меня знали и общее настроение кругом было вполне определенное. Кроме того, приходилось соблюдать приличие: не гоже было члену Реввоенсовета перед этими головорезами — партизанами обнаружить признаки страха. По дороге в штаб никто не остановил моего автомобиля. Вскоре верхом приехал Гребенка. Я заявил ему, что он играет весьма опасную игру, которая может кончиться плохо прежде всего для него самого, упомянул, что у Григорьева было свыше 16 тысяч бойцов и, однако, мы с ним справились.

Гребенка уклонялся от разговоров на эту тему и вместо этого предложил идти обедать. Делать было нечего — пошли обедать. Я только успел еще сказать приехавшему со мной Зеленскому, чтобы он немедленно, каким угодно путем, хотя бы пешком, постарался добраться до Белой Церкви и передал с ним несколько слов товарищам в Киев.

За обедом собралось большое общество — весь командный состав, представители местного общества: бывший судебный следователь, в квартире которого помещался штаб, бывший мировой судья, отец протоиерей. Между прочим, помню, хозяин квартиры подсчитывал, сколько раз Таращa переходила из рук в руки и, по его подсчету, выходило, что до этого дня, до 15 июля 1919 года, в Тараще власть сменялась 27 раз. Кто-то вспомнил, что в этот день мои именины (Владимира). Должен сказать, что в отношении ко мне не было ничего искусственного и натянутого, как-то все было типично по-обывательски мирно, добродушно и весело. Очевидно, ориентировались на Гребенку, который вел себя по отношению ко мне, как радушный хозяин, встречающий почетного гостя.

Помню, мороженое несколько запоздало, обедающие разошлись, и сладкое подавали нам кому куда. Я устроился в саду, куда мне принес порцию тов. Баляс, заявивший, что он сделает все возможное для ликвидации неприятного проис-

шествия, и думает, что ему еще удастся спасти положение.

Вскоре подошел и Гребенка. Он тоже заявил мне: «Не думайте, что я контрреволюционер, но вы видите настроение хлопцев. Я постараюсь избежать лишних жертв». Что он подразумевал под этим, не знаю. Я еще предупредил его насчет того, что он рискует головой, и заявил, что мне здесь больше нечего оставаться и я намерен немедленно уехать обратно. Спрашиваю его, накормлены ли шоферы, а у самого-то мысль, что вряд ли меня отсюда выпустят.

Гребенка вдруг заявляет, что не советовал бы мне уезжать (ну, думаю, начинается). Однако, тон у Гребенки какой-то подкупающий, искренний. Он говорит: «Скажу прямо: на вас готовится засада. Если вы поедете, вас по дороге перехватят и убьют, а я бы не хотел, чтобы это произошло. Вы меня, правда, считаете контрреволюционером и изменником, но я вас глубоко уважаю как человека, с которым встречался в прежнее время в общей борьбе с гетманом, кроме того — вы мой гость, вы после всего происшедшего вернулись ко мне в штаб, и я считаю долгом чести вас безопасно доставить в Киев. Я предлагаю вам сейчас отправиться на лошадях окольными путями в сопровождении трех верных хлопцев».

Видно было, что он говорит искренно, но я все же не особенно рассчитывал на верность хлопцев и решил: погибать — так погибать, попробую проскочить на автомобиле, тем более, что и машину было жалко оставлять. Тогда Гребенка выдвинул другой проект. Он предложил отправить в Белую Церковь грузовик, которому все равно нужно было туда ехать. На грузовик он обещал посадить небольшую команду, которая конвоировала бы меня до Белой Церкви. На этом и порешили.

Но тут выяснилось, что с моей машиной что-то неладное. Нужен был какой-то маленький ремонт, а пока там возились, уже стало близиться к закату. Выехали в сумерки. Еще в городе грузовик остановился. С полчаса возились над его починкой. Еще проехали версты две, грузовик опять испортился, а уже было темно. Я приказал своим шоферам не дожидаться грузовика, и мы поехали в темноте.

Подъехали вполне благополучно. Около самой Белой Церкви нагнали тов. Зеленского. Он первым делом спросил меня, не встречал ли я по дороге в лесу недалеко от Таращи команду гребенковцев — человек 15 с пулеметами. Они его, говорит, остановили и потребовали документы. На счастье, у него был мандат, подписанный военкомом полка тов. Ивановым, и его, как своего, отпустили. Между прочим, спраши-

вали, не видал ли он меня в Тараще и стоит ли там еще у штаба мой автомобиль.

Позже выяснилось, что действительно это была засада на меня. Но, прождавши до ночи, они решили, что я задержан в Тараще, и ушли лесными тропинками обратно.

В Белой Церкви я разыскал партийных товарищей, поручил им вести тщательное наблюдение за Таращей и условился о шифре сообщений. На утро я уже был в Киеве.

Против Гребенковской кавалерии мы были совершенно бессильны. Все силы были брошены уже частью на деникинский и частью на петлюровский фронты. В то время Деникин уже подходил к Полтаве, а с петлюровцами киевские курсанты вели отчаянные бои под Жмеринкой.

Гребенке ничего по существу не стоило взять столицу Советской Украины, к которой он мог подойти в три — четыре перехода.

Вечером тревожное заседание Совнаркома.

Вдруг звонок, разыскивают по телефону Затонского — кто-то вызывает из Таращи к прямому проводу на телеграф губвоенкома.

Пока я пришел, провод пропал. Телеграфисты ищут, щупают час — другой, наконец, появляется Тараща. Еле-еле слышно, кто-то все время вмешивается в разговор, как обычно в таких случаях. С трудом разбираю: «У аппарата Баляс». Спрашивает, выполнять ли прежний приказ или будут новые распоряжения.

Ничего непонятно, из обрывков фраз выходит, что там произошла какая-то кутерьма, кто-то кого-то застрелил, командует бригадой уже Баляс, который тут же просит не винить Гребенку. Тут уже совершенно не поймешь.

Приказываю нащупать Белую Церковь и вызвать секретаря тамошнего укома. Только к утру удается этого добиться.

Удостоверяюсь при помощи шифра, что это действительно Белая Церковь. Сообщают, что «взаправду в Тараще произошел новый переворот. Подробностей пока не знаем, но известно, что полк ночью снялся и вышел из города, но не по направлению к Белой Церкви. Куда — неизвестно».

Только на другой день из Белой Церкви уже были получены более подробные сведения. Оказалось, в полку был целый ряд деникинских офицеров во главе с неким Катхе, который при развертывании бригады получил командование вторым полком (первым командовал Баляс). Также оказался деникинцем тот бывший следователь, который угощал нас мороженым. Они вели работу в полку, не открывая своего лица, а возбуждая лишь ненависть к «коммуне». Когда

же Гребенка выступил открыто и объявил при мне поход на Киев, деникинцы решили на радостях, вероятно, что теперь можно действовать во всю, и на собрании командного состава, открывшемся через полчаса после моего отъезда, Катхе прямо предложил разгромить Советскую власть и идти к деникинцам.

Это наглое выступление белогвардейцев так возмутило крестьян, какими оставались по существу большинство командиров партизан, что Катхе тут же был застрелен, вместе с ним было зарублено еще двенадцать деникинцев, в том числе следователь и отец протоиерей, бывший на обеде.

Гребенка растерялся, расплакался и заявил, что он введен в заблуждение и что он готов исправить свою ошибку. Его только арестовали, но и то больше для того, чтобы доказать лояльность по отношению к нам, так как тут же постановили ходатайствовать, чтобы не только была прощена его вина, но чтобы ему вернули командование, ибо это необходимо «из стратегических соображений» (точная формулировка просьбы).

Раньше, чем мог придти ответ от штаба, Гребенка фактически вступил в командование бригадой. Мы с ним связались, когда он уже выдержал пару боев с Деникиным: гребенковцы честно дрались, сам Гребенка был ранен и лечился в армейском госпитале. Его по выздоровлении все же арестовали и отправили в Москву в ВЧК. Он был потом расстрелян (слишком он был неустойчив, и имелись сведения, что его снова окружила подозрительная публика). Баляс тоже погиб в 1920 году, погиб славной смертью: его часть возмутилась, но он, умудренный опытом Таращи, остался верен Советской власти и был убит на своем посту.

В КОЛЬЦЕ

Прошло немного времени после гребенковской истории. Положение становилось все грознее. В Киев приехал председатель Реввоенсовета РСФСР. На совещании Реввоенсовета с его участием выяснялась безнадежная картина: 13-я армия, разбитая, бежит, бросая оружие; 14-я сильно потрепана, почти небоеспособна. Деникинцы уже подходят к Харькову, и нет надежд на его спасение.

Ставится вопрос, не пора ли самим очистить Правобережье, чтобы не оказаться отрезанными и зажатыми между белыми и петлюровцами. Военное командование считает невозможным удержать Правобережье, особенно Одесский район. Мы с товарищем Араловым тоже присоединяемся к

этому мнению. Тов. Егоров (будущий командующий Южным фронтом, приехавший из Царицына, еще больной, с перевязанной после ранения рукой) молчал, не считая себя, по-видимому, достаточно компетентным или не желая противоречить председателю Реввоенсовета, категорически требовавшему удержать Одессу во что бы то ни стало *.

Пришлось выслушать несколько довольно ядовитых замечаний последнего насчет нашей нерешительности и неуверенности. Было решено, по его настоянию, что один из членов Реввоенсовета 12-й армии поедет немедленно в Одессу, чтобы там организовать сопротивление и на месте назначить командующего одесской группой. В том районе стояла 45-я дивизия

* Вопрос об удержании юга Украины рассматривался Политбюро ЦК РКП(б) и Главным командованием Красной Армии. 7 августа 1919 г. Главком С. С. Каменев, член РВСР С. И. Гусев и начальник штаба РВСР П. П. Лебедев в директиве командующим 12-й и 14-й армиями указывали: «...Оставление Одессы и всего юга Украины с планомерным отводом трех дивизий на линию Рейментаровка—Жмеринка не соответствует общей обстановке Южного фронта, т. к. такой отход совершенно развяжет руки противнику, оперирующему в районе южнее Кременчуга, и он не замедлит использовать освободившиеся части для противодействия нашему подготовляющемуся главному удару. Мысль о возможности сохранить части при большом отходе без давления противника и к тому же через районы восстаний следует вовсе откинуть... Южным дивизиям не грозит непосредственная опасность быть отрезанными, и они должны начать отход лишь тогда, когда эта опасность назреет в полной мере, и притом должны отходить лишь под натиском противника, оказывая сопротивление» («Из истории гражданской войны». Сборник документов и материалов в трех томах. Т. 2. М., Изд-во «Советская Россия», 1961, стр. 510) 9 августа 1919 г. В. И. Ленин от имени Политбюро ЦК партии телеграфировал председателю РВСР: «Политбюро Цека просит сообщить всем ответственным работникам директиву Цека: обороняться до последней возможности, отстаивая Одессу и Киев, их связь и связь их с нами до последней капли крови. Это вопрос о судьбе всей революции. Помните, что наша помощь недалека» (В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 35, стр. 352).

18 августа 1919 г. из 45, 47 и 58-й стрелковых дивизий была создана Южная группа войск 12-й армии (командующий группой — И. Э. Якир, члены РВС группы: Я. Б. Гамарник, Л. И. Картвелишвили, В. П. Затонский). Этой группе было приказано воспрепятствовать соединению деникинцев и петлюровцев в районе Умани и Елисаветграда, а если этого не удастся сделать, то вести борьбу в тылу противника, объединяя вокруг себя трудящиеся массы южных районов Украины. Боевые действия группы должны были способствовать успеху контрнаступления Южного фронта, начатого в середине августа 1919 г. Ставя Южной группе задачу нанесения удара во фланг и тыл противнику (на Винницу — Житомир и на Помошную — Знаменку — ст. Мироновку), Главком С. С. Каменев 25 августа 1919 г. указывал: «При успешных действиях частей этой группы ее задача должна быть расширена до очищения всего района средней Украины от петлюровских и деникинских банд и удержания его в своих руках до подхода подкреплений («Из истории гражданской войны», т. 2, стр. 515). — *Ред.*

под командой Якира и были части 58 дивизии, вышедшие из Крыма с начдивом Федько.

В Киеве не могли решить, кому поручить командование объединенными силами. Для нас с Араловым было совершенно ясно, что предприятие это безнадежное и что ехать приходится почти на верную гибель. Тов. Аралов выдвинул свою кандидатуру, но я настоял на том, что ехать нужно именно мне. Дело в том, что в Киеве у нас положение было очень скверное. Требовалась огромная работа по сколачиванию хоть каких-нибудь сил. Товарищ Аралов, бывший военный, имел гораздо больший опыт в этом деле, я же больше годился тогда на роль «главного уговаривающего» в сношениях со всевозможными партизанами и просто бандитами.

Экстренно был снаряжен бронепоезд, и я на следующий же день выехал через Фастов и Бобринскую на Одессу. По дороге уже выяснилось, что в бронепоезде, понятно, «соломенном», сколоченном из угольных площадок, действует лишь переднее орудие, в заднем замок не работает. Вообще бронепоезд никуда не годился и рассчитывать на него было нечего. Ехали, больше полагаясь на удачу.

До Помошной добрались благополучно, дальше двигаться нельзя было, так как Вознесенский мост был подорван, а исправить его предполагали не раньше чем через неделю.

Ехал я вместе с тов. Голубенко. Он был тогда военкомдивом 45-й, приезжал с докладом в Киев и старался пробраться обратно в дивизию. Тов. Голубенко нужно было из Помошной проехать на Голту — Бирзулу. В Помошной разыскали какой-то бронепоезд, еще хуже моего, и тов. Голубенко отправился с небольшой командой по указанной линии.

Пробраться ему не удалось, его команда была почти вся перебита, и он должен был вернуться в Помошную.

К тому времени меня вызвали в Елисаветград. Там было неладно: деникинцы уже заняли Знаменку и начальник Елисаветградского боевого участка тов. Шамов чувствовал себя не весело. Помню, приехали на станцию Елисаветград в сумерки. Я пошел в штаб, помещавшийся в вагоне.

Только что начальник участка начал мне делать доклад и едва успел сообщить, что в Елисаветграде все обстоит благополучно, как на вокзале началась перестрелка. Я бросился к своему бронепоезду, чтобы собрать свою команду. Творилось что-то невообразимое, в чем дело — нельзя было понять. Только кругом все трещало. Чтобы ориентироваться и иметь возможность действовать единственной пушкой бронепоезда, нужно было выехать за станцию на мост — в версте от вокзала. Но оказалось, что машиниста уже на паровозе нет — он немедленно улетучился. Стали искать машиниста, поймали

какого-то типа в одежде, измазанной маслом; под дулом наведенного на него револьвера он согласился вывести бронепоезд, хотя только что клялся и божился, что никакого понятия о паровозе не имеет.

Я послал одного из своих курсантов с машинистом на паровоз (паровоз был еще на парах), и поезд тронулся задним ходом. Я уже на ходу вскочил к себе в вагон, но в тот же момент поезд получил толчок, что-то сзади треснуло. Оказалось, уже успели перевести стрелку и наша задняя броневая площадка врезалась в эшелон командующего участка. Двигаться назад нельзя было.

Отцепили заднюю площадку и решили продвинуться вперед по направлению к Знаменке, но в это время оттуда влетел на станцию поезд. Это был, как оказалось, отправленный в сторону Знаменки на разведку броневик. Он врезался в бок нашего броневика. Теперь уже ни взад ни вперед. Все это под обстрелом. Стрельба со стороны завода Эльворти, стреляют также из окон вокзала. Мы с тов. Шамовым решаем собрать в кулак свои силы и удержаться на товарной станции до утра, с тем, чтобы на рассвете, если возможно, отбить город. По всем данным, это еще не деникинцы, а местные повстанцы.

Тут же на товарной станции стоит готовый к отправлению эшелон; туда грузили еще раньше елисаветградские ценности и грузилась местная власть. Распоряжаемся как можно скорее этот эшелон отправить, тем более что его пассажиры только мешают нам, создавая панику.

Мы не рассчитали лишь одного, что на отправляющийся эшелон сядет, вернее облепит его, бросая оружие, почти все наше воинство.

Когда эшелон ушел, оказалось, что с нами почти никого не осталось. Все же достали пулеметы (стащили даже пулеметы с задней площадки нашего бронепоезда, в то время, как паровоз и передняя площадка были уже захвачены бандитами) и стали отстреливаться со стороны товарной станции.

Неразбериха была изрядная.

В это время получены были известия,— верные или неверные, трудно было установить,— что деникинцы начали наступление из Знаменки и уже находятся в 15 верстах от Елисаветграда.

Нам оставаться там было нечего. Мы решили поджечь вагоны с фуражом и продовольствием, оставшиеся на товарной станции, чтобы они не попали белым, и начали отходить.

Шло нас немного,— не осталось и сотни человек. Шли ночью по шпалам. Кругом в окрестных селах слышны были

свистки, вероятно, условные сигналы. Иногда откуда-то издалека по нас стреляли. Кое-где попадались по дороге свежие трупы — очевидно, тех товарищей, которые решили до общего отступления бежать в одиночку и попадали под нож бандитов.

Утром на полях (как раз было время жатвы) можно было видеть крестьян: с оружием, с винтовками выходили косить хлеб. Смотрели на нас волком, но тронуть не решались, так как шли мы кучей.

Шли пешком до станции Плетеный Ташлык. Отправленный нами елисаветградский эшелон ушел оттуда в такой панике, что по дороге все разбежались. На эшелон позабирали и телеграфные аппараты со станции и только с Ново-Украинки, благодаря тому, что телеграфист был петлюровец, спрятавший аппарат, удалось связаться с Помошной и вызвать оттуда паровоз и пару вагонов. Когда приехали в Помошную, там уже было почти пусто. Бежавшие из Елисаветграда довезли панику до Помошной. Мы еще захватили какой-то поезд, не успевший отойти. Оставалось прицепиться к нему. Состав был так длинен и тяжел, что на некоторых подъемах поезд останавливался и начинал ползти обратно.

Тем не менее благополучно добрались до Бобринской.

Только в Бобринской удалось задержать бежавшую толпу. Попытались организовать там сопротивление. Я там застал уполномоченного на это дело из Киева тов. Давтьяна. Собрали мы несколько военных, в том числе и тов. Голубенко, и стали сортировать публику и формировать части. В районе Цыбулевки между нами и деникинцами находился Коцур, бывший комполка, ушедший потом вместе с полком с фронта и засевший в Чигиринских лесах в районе Фундуклеевки — Цыбулевки. При приближении белых Коцур вел себя по отношению к нам лояльно и предложил установить связь, так сказать, единый фронт. И действительно, Коцур сдерживал деникинцев довольно удачно. Без этого буфера нам бы в Бобринской не долго продержаться. Впоследствии белые взяли Бобринскую, обойдя Коцура со стороны Черкасс.

Из Бобринской я связался с Киевом и потребовал, чтобы выслали подкрепление и новый бронепоезд, на котором можно было бы все-таки пробраться в Одессу, хотя положение Одессы стало уже совсем безнадежным.

Дня через три, примерно, пришло сразу два бронепоезда: один тяжелый с дальнобойными орудиями, другой — полегче, соломенный. На поездах — десант из курсантов человек в 50, какой-то уфимской роты человек 70; во главе отряда командир, некий Огинский, по партийности анархист, а по существу — горький пьяница.

Я сразу же послал в Киев соответствующий протест, но получил ответ, что лучшего не нашли и предлагают мне, если у меня есть лучшие, самому произвести смену. Лучших и в Бобринской не было, пришлось довериться.

Поехали. Откатили от Бобринской верст десять. Слышен взрыв сзади, остановились, послали разведку. Говорят — мост взорван. Значит, назад ходу нет.

Едем дальше. У станции Ардабаш машинист первого поезда заметил, что на рельсах кто-то копошится вдали. Дал остановку. Поезд с большим трудом остановился саженях в полутора от снятых рельсов. Удалось поймать злоумышленников. Оказались три железнодорожника, захваченные с «орудием» производства — гаечными ключами и т. д. Сознались, что посланы Махно, который находится на станции Ардабаш. Пока мы подъехали туда, Махно перекочевал на Помошную. Между нами и Помошной разбитый поезд — это ехало из Одессы «бессарабское правительство». Его спустили под откос, часть перебили и лишь малая часть спаслась, укрывшись в соседних местечках. Поезд загромоздил пути. Установлено было, что легче провести обходный путь, чем стаскивать разбитые вагоны.

Три дня шла работа. Кругом в степи маячат махновские всадники; откуда-то из-за бугра время от времени бухает единственное махновское орудие.

Потом узнали, что это пушка действовала без ударника. Выстрелы производились каким-то гвоздем. Вероятно, оттого меткость была не блестящая, хотя шрапнели разрывались довольно близко от места работ и нашей артиллерии приходилось приводить махновскую пушчонку в молчание.

Наконец путь восстановлен. Чуть головной поезд соломенного броневика продвинулся вперед — заметил идущий навстречу паровоз. То махновцами из Помошной был пущен паровоз: рассчитывали произвести крушение.

В начале пытались сбить паровоз снарядами, потом стали громоздить на рельсы обломки шпал и камня в надежде, что паровоз соскочит. Одновременно дали задний ход броневику.

Свалить паровоз с рельсов не удалось. Он налетел на переднюю площадку нашего броневика, но, благодаря тому, что тот уже шел задним ходом, удар был смягчен, и дело кончилось тем, что площадка и махновский паровоз соскочили с рельсов. Бронепоезд же остался невредим.

Опять повозились часов шесть над опрокинувшимся паровозом, пока удалось совсем свалить его в сторону, и уже без пересадки двинулись на Помошную. Вместо эстафеты с извещением о прибытии послали туда пару шестидюймовок. Это произвело надлежащее впечатление. Один из снарядов, выпу-

щенный на расстоянии 18 верст, попал прямо в станцию. Махновцы очистили Помошную. Бой был несколько правее ее, там, между прочим, едва не погиб тов. Голубенко, у которого заскочило что-то в его «Люське» (пулемет Льюиса), и он каким-то чудом спасся, потеряв, правда, пулемет. На Помошную вскочили с шиком и с большим треском всех орудий, пулеметов и бомбометов, бывших в соломенном броневике. Больше всего пострадали стекла на вокзале. Махновцы отступили в село Песчаные Броды, родину жены Махно.

В Помошной ориентировались. Оказалось, что Вознесенский мост все еще непроходим, но что его чинит экспедиция, высланная из Одессы, и мы решили ждать в Помошной ее подхода. Пока что совершили экспедицию в Песчаные Броды, зашли в махновский штаб, находившийся в школе, пощупали учителя, оказалось — петлюровец, нашли кое-какие интересные документы. Как раз брат учителя был секретарем местного ревкома, так и звался — «Революционный комитет селения Песчаные Броды». В протоколах этого комитета нашли обращение к батьке Махно. Ревком Песчаных Бродов жаловался на крестьян соседнего села и искал у батьки справедливости. А обида была вот в чем: по инициативе ревкома Песчаных Бродов было организовано крушение советского эшелона, который вез кое-какое обмундирование и вооружение, но банда песчанобродовцев, производившая операцию, была застигнута превосходившими силами крестьян соседнего села, которые, смяв песчанобродовцев, перехватили у них законную добычу.

Резолюция батьки была: «Нехорошо честным партизанам ссориться, а делать нужно по справедливости; в оружии нуждаются и те и другие одинаково, поэтому нужно установить количество добычи и распределить пропорционально населению обоих сел».

На следующий день вдруг кто-то кроет по станции, рвутся шрапнели, благо на высоком разрыве. Как будто не махновцы: они вряд ли развили бы такой сильный огонь. Видно, что стреляют не меньше чем из двух орудий сразу. По всей видимости, это идет одесская экспедиция, решившая на всякий случай обстрелять станцию.

Посылаем верховых, устанавливаем связь. Так и есть, то подошла одесская экспедиция под начальством тов. Княгницкого. Мы его оставили в Помошной, а сами двинулись дальше на юг. Судьба этой экспедиции была печальная: махновцам удалось их захватить врасплох и разгромить совершенно. Мы об этом узнали позже.

Едем на юг: саботаж всюду невозможный. В Вознесенске, например, стояли пять часов. Наконец после третьего звонка выясняется, что смазчики еще не осмотрели поезд и по-

этому отправить его нельзя. Идем искать смазчиков. Находим троих из них тут же на вокзале, один сваливает вину на другого и говорит: «Не моя очередь». Пришлось одного из них расстрелять тут же, но, видно, не судьба ему была помереть: пуля, пробившая щеку, вышла в затылок, но прошла лишь под кожей. Остался жив.

В наши задачи не входило обязательно убить его. Оставили его. Говорят, потом выздоровел, рана легкой оказалась. Зато поезд шел дальше без сучка без задоринки. На всех станциях уже встречали нас начальники. Смазчики почти на ходу проверяли колеса и т. д. и отправляли дальше, чтобы не задерживались.

Так ехали до ст. Сербки.

Там получили телеграмму из Одессы: «Дальше бронепоезда пусть не идут, выезжайте сами на паровозе»; подписи: Якир и Ян*. Трудно объяснить, в чем дело. Говорят: «Сами выезжаем навстречу». Я решил тоже ехать с одним вагоном. Встретились на одной из бесчисленных «Одесса», не то Сортировочной, не то что-то в этом роде. Слышна была стрельба, на станции рвались снаряды. То, оказывается, белые как раз в этот день высаживали десант, и часть города была уже занята ими. Морские батареи в результате измены командного состава повернули орудия на город вместо того, чтобы обстрелять десант. Спасти Одессу было невозможно. Станция была под обстрелом, и одесские товарищи именно поэтому и настаивали, чтобы мы броневиков сюда не везли.

ОТСТУПЛЕНИЕ ЮЖНОЙ ГРУППЫ

После высадки союзниками десанта в Одессе в августе 1919 г. стало ясно, что Юга нам не удержать. Все красные части, за исключением 45-й дивизии, были совершенно деморализованы. Непосредственной связи между Якиром (начдив-45) и Федько (начдив-58) не было. Я поехал к Якиру. Штаб 45-й дивизии был перенесен в Бирзулу. Там на совещании, в котором принимали участие Якир, Гарькавый, Ян, Голубенко, Гринштейн, адмирал Немитц и я, мне пришлось против очевидности отстаивать приказ председателя Реввоенсовета — удержать Юг во что бы то ни стало, но сделать ничего нельзя было, я и сам это понимал.

На 45-ю дивизию нажимали свежие подкрепления, полученные Петлюрой из Галиции. Кругом все кишело повстанцами петлюровского же толка. Части дивизии еле отбивали

* Я. Б. Гамарник. — *Ред.*

натиск превосходных сил неприятеля в районе станции Крыжополь. Натиск был тем более силен, что петлюровцам было известно о том, что мы везли с собой одесские ценности, эвакуированные из Одессы специальным уполномоченным наркомфина тов. Вассинасом. Не скажу точно, действительно ли с нами были какие-нибудь особые ценности, но слухов и разговоров об этом было много. У захваченных петлюровцев мы находили приказы о баснословных богатствах, вывезенных большевиками, о том, что необходимо их во что бы то ни стало отбить.

Не блестяще обстояли дела у нас и с патронами. Мой отряд из двух бронепоездов и груза патронов, с которым я пробивался в Одессу, остался на линии Одесса — Вознесенск. К тому времени Помошная была захвачена Махно. Мы сидели в Бирзуле у провода и всячески пытались связаться с кем бы то ни было, на восток от нас, пользуясь сетью земских проводов. Вот удалось уговорить телеграфиста какого-нибудь захолустного местечка установить связь со следующим местечком. Нацепили таким образом три — четыре пролета, наконец, натыкаемся на какого-нибудь телеграфиста петлюровского или махновского толка, который в ответ на предложение связать нас дальше отвечает руганью и начинает издеваться.

На третий или четвертый день таких бесплодных попыток наконец удалось получить ответ: «Только что были части 58-й дивизии, полчаса тому назад выступили». Я не помню точно, с какой станции и какой именно телеграфист это ответил: хотя его следовало бы отметить. Мы предложили ему немедленно послать кого-нибудь вдогонку частям, и он это выполнил. Разыскал какую-то сельскую власть, снарядил подводу, и часа через два мы вдруг получили первое известие от Федько. Узнали, что патроны, привезенные из Киева, он получил, хотя отряд Огинского разбит вдребезги под Вознесенском и бронепоезда пришлось взорвать. Мы условились, что будем отходить на линию Голта — Балта; Федько пообещал из Голты приехать к нам. На третий, кажется, день Федько действительно приехал; мы тогда все еще стояли в Бирзуле. От него мы узнали, что у него положение гораздо хуже, чем это можно было предполагать. Если 45-й дивизии грозило быть раздавленной превосходными галицийскими силами, то 58-я стояла накануне окончательного развала. Главный ее состав — тавричане, поддавшись агитации Махно, не хотели покидать свои хаты и уходить на север; отнюдь не собираясь покориться белым генералам, они рассчитывали вести с ними партизанскую борьбу, предпочитая это отступлению в далекие, неведомые им края. В Николаеве они чуть не подняли бунт, команды броневиков перешли к Махно; кава-

лерия, дошедшая с Федько до Помошной, повернула к Махно. В дивизии оставалось лишь 6 пеших полков, и то совершенно ненадежных.

Я решил выехать к этим частям вместе с Федько. Выехали ночью, наутро были в Голте. Туда были вызваны все комполки и комбриги. Мы устроили так называемое совещание командного состава.

Спрашиваем о надежности полков.

Один за другим выступают командиры и на ломаном русско-украинском диалекте заявляют: «Мой полк буде драться с белыми и с кем угодно».— «А с Махно?» — «Ни, с Махно не буде, сами думают, как бы к Махно уйти». Наконец, пятый по счету комполка сразу заявляет по-украински: «Мий полк буде битися з Махном»... Интересуюсь, в чем дело, неужели это исключительно дисциплинированная часть. Следует откровенный ответ: «Та ни, мои хлопцы уси з Верблюжки, так воны на Махно злостяться». Чтобы понять смысл этой великолепной реплики, нужно знать, что Верблюжка — огромное село Александрийского уезда, родина и основная база Григорьева. Когда Григорьев выступил против нас, Махно его не поддержал, видя в нем, очевидно, конкурента, и больше того, постарался ликвидировать его, просто говоря, застрелил. Так вот этот полк, состоящий из верблюжцев и по настроению григорьевский, не мог забыть Махно его предательства.

Делать было нечего; оставалось использовать этот момент и выставить против махновцев симпатизировавший Григорьеву полк.

Махно был вполне уверен, что ему удастся нас ликвидировать. Его прельщали не столько живые силы, остатки 58-й дивизии, сколько вооружение и главным образом артиллерия. Мы каждый день получали от Махно телеграммы и даже телефонограммы. Однажды мне лично пришлось объясняться с ним по телефону. Он обещал «жидов и комиссаров» перерезать, а остальных готов был принять в формируемую им армию для защиты завоеваний революции от белых; вообще, говорил очень в высоком «штиле», странно совмещая революционно-анархистские термины с жаргоном «Союза русского народа».

Откровенно говоря, мы далеко не были убеждены в том, что Махно не удадутся его замыслы: не было уверенности, что нас свои же не перережут или не поведут к Махно. Наши красноармейцы все время переходили к нему в одиночку и группами. Кавалерия, недавно наша, а теперь уже махновская, маячила на горизонте, подбивая ребят идти на вольную жизнь к батьке. Но нужно сказать, что григорьевцы не выдали и действительно оказали махновцам вооруженное сопро-

тивление, когда мы поставили их на правый фланг нашего расположения. Благодаря им нам удалось оторваться от Махно.

Я забыл упомянуть, что еще в Бирзуле мы потеряли всякую связь с внешним миром. Помню, в конце августа мы получили радио из Киева за подписью предсовнаркома. Почему-то известия о военных успехах и блестящих победах в один и тот же день под Броварами и под Бояркой (Бровары в 20 верстах от Киева на восток, Боярка в 25 верстах на запад) были подписаны не командармом Семеновым, а председателем Совнаркома. Радио было составлено в очень бодрых, почти бравурных тонах, но мы, получив его, решили, что, очевидно, оно будет последним. Так и случилось: на следующий день Киев был сдан.

Наконец, мы получили от комгруппы тов. Якира приказ о выступлении на север. Ребята шли крайне неохотно. Наши ряды заметно таяли в течение первых трех — четырех дней, но большинство все же шло, подчиняясь не столько дисциплине, сколько чувству товарищества. Только через неделю мы вздохнули более или менее свободно. Те, кто не отстал, не ушел к Махно в первые дни, стали втягиваться в поход, уже почувствовалась цель впереди. Стало бодрее и легче идти. Махновцы отстали.

Интересную картину представляли мы тогда. Наш обоз растягивался верст на 20—25 в глубину. В нем находились и громадные волы из имения Фальцфейна «Аскания Нова», верблюды и английские мулы и бесчисленное количество детей и баб на возах.

На волах тащили и бронемашины, чтобы не тратить бензина и не портить моторов. Наши ребята в самых разнообразных одеяниях. Первые дни наши колонны были больше похожи на какой-нибудь колоссальный цыганский табор, чем на армию.

Но вот буквально на наших глазах картина стала меняться. Изменилось отношение к командному и даже комиссарскому составу, появилась спайка.

Вот маленькая иллюстрация. Я бродил ночью на остановке между возами. Кругом горят костры,— варят ужин. У одного костра греется человек 10—12, слышу разговор, спокойный, уверенный, не в порядке дискуссии; какой-то матрос заявляет: «Я тебе скажу — без дисциплины нельзя, без нее пропадем. Куда нам податься? Вот ежели мне скажут: это будет начальник, так я скажу — слушайся его; оно, понятно, лучше, если это будет голова, а не дышло, но все равно без начальника и без дисциплины пропадем!..» И это не было индивидуальное мнение данного «братишки» (все поголовно

продолжали еще звать себя не товарищами, а по-махновски, братишками), оно выражало общее настроение. Как-то все подтянулись, и без труда, без всякого нажима, удалось ввести эту массу в рамки почти настоящей военной дисциплины. Я говорю «почти», так как все же она была несколько своеобразной.

Через две недели наша дивизия была неузнаваема: никаких разговоров о ненадежности уже не могло быть. Все чувствовали себя поразительно бодро. Теперь уже никакие враги не были страшны. Мы были уверены в том, что проберемся и выйдем к своим. В это время и 45-я дивизия окончательно собралась в кулак. В нескольких боях она отбила у галичан охоту покушаться на одесские драгоценности.

С нами была походная станция. Мы ее раскладывали аккуратно каждый вечер и всю ночь жадно ловили электрические волны, но со своими не удавалось связаться. А тут стали получать сигналы как будто от 44-й дивизии, как будто по нашему адресу. Нужно было удостовериться, что это не провокация белых или петлюровцев.

Начались переговоры по радио. Якир спросил: «Кто говорит?» получает ответ: «Дубовой». Тогда, чтобы убедиться, что это не подделка, посылаем в пространство вопрос: «Как имя жены деда?» Ответ получаем быстрый и правильный...

Дедом в Царицыне, где были и Якир и Дубовой, звали Ворошилова, и, кроме Дубового, вряд ли кто мог сразу догадаться, о каком деде спрашивают и как у дедовой жены имя.

Дубовой сообщил нам, что группа его двигается на Житомир, и предлагал нам держать путь туда же.

17 сентября части 45-й дивизии завязали бой с петлюровским гарнизоном Житомира и ворвались в город с юга в то время, когда с севера входили части 44-й дивизии; 58-я дивизия в тот же день заняла Радомысль.

Таким образом, мы не только вышли из мешка, но привели с собой две крепкие спаянные боевые дивизии, около 12 тыс. штыков, готовых на что угодно.

Первое, что нас поразило, это довольно унылое настроение в штабе армии и выше; Деникин в это время подходил к Орлу, и положение, как казалось, было довольно скверным. Когда я предложил штабу 12-й армии двинуть нашу Южную группу на Киев, укрепиться там и пуститься дальше в глубь Полтавщины, к этому предложению отнеслись, как к безумной, невыполнимой утопии. Только после долгих переговоров, после личной поездки в Новозыбков в штаб 12-й армии, переговоров с Западным фронтом удалось получить разрешение ударить на Киев, и то не всеми силами.

В конце концов и это было сорвано: в последний момент, когда мы уже вышли на Ирпень (в 20 верстах от Киева), получили приказ о снятии 45-й дивизии на Питерский фронт. Так не был тогда использован сильный кулак, какой представляла собой наша Южная группа; а ведь части рвались в бой и готовы были даже пройтись по деникинским тылам. Из большого удара по деникинскому флангу и тылу в конце концов получился полупартизанский налет на Киев силой около трех полков (и двух тысяч не было в общем). Но даже и с этими ничтожными силами удалось захватить Киев и удержать его в течение двух дней.

Этот налет произвел огромный политический эффект и нанес изрядный, главным образом, моральный удар деникинщине. Мы только позже узнали, что одновременно с захватом нами Киева партизаны заняли и сравнительно долго удерживали Полтаву. Махно в это время громил Александровск; Екатеринослав, по донесениям, захваченным у Киевского губернатора, был отрезан повстанцами от внешнего мира.

У белых все рассыпалось, и удар всем кулаком Южной группы, а не ничтожной частью ее безусловно значительно ускорил бы разгром противника.

Мы, непосредственные участники, не знали тогда всех этих фактов, но чувствовали, пройдя по части деникинского тыла, что враг уже не страшен, чувствовали свою силу. Это было всеобщим настроением сверху донизу. Наши «братишки», вчерашние махновцы, чуть не плакали, получив приказ остановиться под Киевом. Помню, эта нерешительность штаба армии и фронта сильно омрачила у прорвавшейся с Черноморья Южной группы радость долгожданного соединения со своими.

«Армия и революция». Харьков, Военно-редакционный совет Украинского военного округа, 1923, № 1—2, стр. 9—26.
Печаталось также в сб. «Октябрьская революция. Первое пятилетие», Харьков, ГИЗ Украины, 1922, стр. 517—535.

Виталий Маркович
ПРИМАКОВ
(1897—1937)

Родился в дер. Шуманы, Черниговской губ., в семье сельского учителя. С 1912 г., учась в Черниговской гимназии, участвовал в работе молодежной революционной организации. В январе 1914 г. вступил в партию большевиков и руководил рабочими кружками, а затем вел революционную работу среди солдат черниговского гарнизона. В феврале 1915 г. за агитацию против войны осужден на вечную ссылку в Сибирь.

После Февральской революции 1917 г. вернулся в Чернигов. Работал в Киевском большевистском комитете, по поручению которого в августе 1917 г. поступил рядовым в полк, расквартированный в Чернигове, и был избран солдатами делегатом на 2-й Всероссийский съезд Советов. На съезде избран во ВЦИК. Участвовал в штурме Зимнего дворца.

Президиум ВЦИК командировал Примакова на Украину. В Харькове он организовал конный полк Червонного казачества. Командовал полком, бригадой, дивизией, а с ноября 1920 г. корпусом Червонного казачества.

В 1924—1925 гг.— начальник Высшей кавалерийской школы в Ленинграде. В последующем занимал должности: командира 1-го и 13-го Уральского стрелковых корпусов, военного атташе в Японии и Афганистане, заместителя командующего Северо-Кавказским и Ленинградским военными округами.

БОРЬБА ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ НА УКРАИНЕ

1. ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Положение борющихся сил к октябрю 1917 г. на Украине значительно разнилось от Центральной России. В то время как противоречия классовых интересов в Центральной России, а особенно в промышленных центрах, были совершенно отчетливы и обострены до последней степени, украинский пролетариат и, главным образом, украинская деревня были охвачены шовинистическим угаром. Классовые противоречия затушевывались националистическими стремлениями украинской городской и сельской буржуазии, требовавшей содружества классов во имя «возрождения нации». Украина — страна преимущественно крестьянская и зажиточная. В деревне был силен середняк, поддерживавший «куркуля», попа и украинца-интеллигента. Представители украинской «помиркованной» демократической интеллигенции, широкой волной хлынувшие в первые дни революции в украинские социалистические партии, верно служили своей «родной буржуазии», тесно связав свое будущее с «возрождением нации» по националистическо-буржуазной программе.

Промышленный пролетариат, хотя и быстро ориентировался в действительном положении дел, но не был достаточно силен и связан с деревней, для того чтобы вести ее за собой; он мог вести на поводу украинскую государственность, лишь сам ведомый мощным братом — пролетариатом Центральной России.

Поэтому Октябрь на Украине запоздал. В то время как пролетариат Центральной России взял власть в свои руки, Украина только начинала готовиться к борьбе за власть. В развитии этой борьбы главную роль играли две организующие силы: украинская Центральная рада и Советы рабочих и крестьянских депутатов. Украинская Центральная рада была создана в мае 1917 г. в качестве органа, объединяющего работу различных украинских организаций, из представителей этих организаций и социалистических партий.

Фактически Центральная рада была главным штабом националистов. В ней богато были представлены украинский кулак и «демократичный» интеллигент и чрезвычайно слабо — деревенская беднота и пролетариат. Сила ее была в ее тесной связи с кулацким селом, где еще не проснулась беднота и безраздельно царили поп и кулак. В распоряжении Центральной рады была вооруженная сила из украинизированных солдат — фронтовиков, сведенных в украинские полки с гром-

кими историческими названиями: «Дорошенко», «Богдана Хмельницкого», «Сагайдачного» и т. д.— и расположенных гарнизонами в Киеве, Харькове и других центрах Украины.

В противовес Центральной раде выступали с первых дней революции повсеместно на Украине созданные Советы солдатских, рабочих и крестьянских депутатов. Советы повсеместно создавали Красную гвардию, вооружая пролетариат. Кроме того, на стороне Советов был ряд полков и, особенно, технических войск — из них наиболее крупную роль сыграли 3-й авиапарк в Киеве и гвардейский Украинский полк имени атамана Орлика в Екатеринославе.

Кроме этих двух главных сил, Центральной рады и Советов, национально-буржуазно-социалистического блока и революционного пролетариата, вступивших на арену и готовившихся к борьбе, оставалась еще третья сила — остатки керенщины, с которой нужно было справиться в первую очередь.

В ноябре, когда сведения об Октябрьской революции были получены в Киеве и других центрах Украины, киевский пролетариат взялся за оружие.

В течение нескольких дней на улице города шли бои. В самом начале борьбы юнкера арестовали членов комитета партии и Совета — Бош и других.

Бои начались нападением полка чехословаков на 3-й авиапарк. Авиапарк был расположен на Печерске, на валах старых укреплений. Авиаторы мужественно отражали наступление крепкого, отлично вооруженного полка. С обеих сторон работали десятки пулеметов. Над городом поднялся аэроплан, который дал сигнал к наступлению рабочих; по этому сигналу выступила Красная гвардия. Юнкера, ожидавшие восстания, покрыли город сетью баррикад. На Никольской и Московской улицах соорудили до 20 баррикад.

На долю Красной гвардии выпала активная роль штурма этих баррикад.

Отряды Красной гвардии подходили к баррикадам и домам, в которых засели юнкера, вдоль улиц и дворами, перебираясь через заборы или проходя сквозь дома, и выбивали белых из укрепленных пунктов и засад ружейным огнем и ручными гранатами.

Отряды Красного Креста из женщин-работниц перевязывали раненых.

На четвертый день борьбы тяжелый артиллерийский дивизион, стоявший в Слободке за Днепром и распропагандированный коммунистами, получил приказ парткомитета выступить и открыть огонь по юнкерским школам. Его выступление решило бой.

В исходе четвертого дня юнкера положили оружие. С керенщиной было покончено.

В этой борьбе Центральная рада играла роль наблюдающего третьего. Когда же борьба кончилась победой восставших, на сцену выступили украинские полки, заняли все государственные учреждения, и Центральная рада захватила власть в свои руки.

Так кончился октябрь в столице Украины — власть перешла в руки национально-буржуазной демократии.

Измученные рабочие массы не нашли в себе силы и энергии сразу справиться с этим новым врагом, сохранившим все свои силы и во всеоружии вышедшим на арену борьбы.

В остальных центрах Украины власть без особой борьбы перешла к Центральной раде. Захватив власть в свои руки, Центральная рада стала творить свое право «возрождения нации». Это возрождение началось с пропуска донских казачьих полков на Дон, к генералу Каледину. На Дону собиралась вся отечественная контрреволюция. Руководимые своими генералами, донцы подняли восстание против Советской власти. Пропуск донских казаков был враждебным актом против Советской России. Одновременно Центральная рада отказала в пропуске отрядов Красной гвардии, шедших на Дон против Каледина. Эти неприязненные действия национально-буржуазного правительства вынудили Советскую республику 20 декабря 1917 г. предъявить ультиматум Центральной раде. В середине декабря первые отряды красногвардейцев прибыли к Белгороду, продвигаясь на Харьков. В боях у Белгорода Красная гвардия Москвы и Петрограда, шедшая на Дон против Каледина, разбила ударные батальоны Керенского. В этой первой своей стадии гражданская война была привязана к железной дороге и крупным центрам. Громадные расстояния нашей Республики требовали быстрой переброски вооруженных сил, поэтому вооруженные силы были привязаны к железной дороге, к эшелонам. Незначительное число вооруженных сил не требовало большого плацдарма для развертывания, поэтому бои происходили непосредственно у эшелонов, преследование велось в эшелонах, равно как и отступление. Борьба велась за крупные центры — меньше чем губернские города или узловые станции никто не брал,— это тоже привязывало к железной дороге. Большую роль в этой первой стадии гражданской войны играли бронепоезда; их значение естественно вытекает из прикрепленности войск к железной дороге. Обе стороны, не имея в достаточном числе хорошо оборудованных бронепоездов, импровизировали их, причем эта импровизация обычно сводилась к установке на платформах орудий и пулеметов и укрытию бортов мешками

с песком, рельсами, шпалами и т. д. Фактически это были не бронепоезда, а подвижные, слабо защищенные и, принимая во внимание необученность прислуги, безвредные подвижные батареи. Их главное качество заключалось в том, что тяжелый грохот орудий, удар снаряда и трескотня пулемета действовали психологически на красногвардейца, непривычного к войне.

Тактика боя была примерно такова: впереди шел бронепоезд, за ним — эшелоны. Бронепоезд, подходя к станции, или вступал в бой с бронепоездом противника, или с короткой дистанции обстреливал станцию. За ним подходили эшелоны, выскакивали красногвардейцы и шли в наступление, развернувшись в одну или две цепи. Резервов не было, но и противник не умел маневрировать, действовал точно таким же образом, почему редко бывали случаи флангового удара или удара в тыл. Обыкновенно, постреляв некоторое время, одна из сторон отступала до следующей станции или сразу до узлового пункта (или города).

Первый период гражданской войны отличается: примерами героизма отдельных красногвардейцев — чаще всего личный пример увлекал в наступление; большой бестолковостью сражения и небольшим числом потерь.

Разбив у Белгорода ударников, красногвардейцы двинулись к Харькову. Общим наступлением руководил тов. Антонов-Овсеенко. К этому времени харьковский пролетариат захватил власть в свои руки. В Харькове остановился штаб тов. Антонова-Овсеенко, который из этого центра руководил ударом Красной гвардии на Лозовую и на Дон.

17 декабря Центральная рада созвала в Киеве Всеукраинский съезд советов. Главной целью созыва съезда было получить подтверждение полного доверия Центральной раде, поэтому Центральная рада сделала все возможное для подтасовки съезда и фактически превратила его в кулацкий съезд. Мандатная комиссия, пораженная такой чрезмерно очевидной подтасовкой, протестовала, но с нею обошлись самым бесцеремонным образом, и съезд был задушен кулаками. В результате работ съезда его сильное меньшинство — сторонники власти Советов — ушли со съезда и уехали в Харьков, где образовали Рабоче-Крестьянское правительство — Народный секретариат, во главе которого встали: Затонский, Бош, Коцюбинский и Ауссем *.

---

* Первый Всеукраинский съезд Советов, о котором здесь идет речь, состоялся в Харькове 11—12 (24—25) декабря 1917 г. Созывался он по инициативе большевистских организаций Украины: решение о созыве его, принятое большевистской фракцией исполнительного комитета Киевского Совета рабочих депутатов, было поддержано 3 ноября 1917 г. на объеди-

К этому времени в распоряжении этого правительства была только территория, входившая в Харьковскую губернию.

Но уже в конце декабря красногвардейские отряды харьковских рабочих подходили через Лозовую к Екатеринославу.

Перед приходом красногвардейцев екатеринославский пролетариат поднял восстание.

На рассвете 21 декабря рабочие захватили броневик, принадлежавший Центральной раде, и увезли его на Брянский завод, рабочие которого все были вооружены. Затем, собравшись по гудку к Брянскому заводу, красногвардейцы повели наступление на петлюровцев (так назывались сторонники Центральной рады по имени военного министра Рады — Петлюры), засевших в почтамте. Три дня шли бои, закончившиеся победой рабочих. К концу боев к городу подошли отряды Красной гвардии, оказавшие помощь в окончательной очистке города от петлюровцев.

Перед Народным секретариатом, опиравшимся на Красную гвардию Харькова и Екатеринослава, с первого дня существования встал вопрос о создании вооруженной силы.

Я уже упоминал выше, что в истории гражданской войны на Украине большую роль играл национальный вопрос.

Правительство Центральной рады — генеральный секретариат — создало крупную национальную вооруженную силу. Ряд полков и отрядов «вильного козацтва» был в его распоряжении. Формируя наступательную армию, Центральная

ненном заседании Исполкома Советов рабочих и солдатских депутатов Киева, 10 ноября — на пленарном заседании Харьковского городского Совета рабочих депутатов, 24 ноября — исполкомом Совета рабочих и солдатских депутатов Юго-Западного края, который предложил всем Советам принять участие в подготовке съезда, наметил повестку дня, создал организационное бюро по созыву съезда Советов, и многими другими Советами, собраниями и митингами трудящихся. Инициатива большевиков Украины по созыву съезда была поддержана ЦК РСДРП(б) и СНК РСФСР.

Центральная рада, наоборот, прибегала к жестокому террору, чтобы не допустить созыва съезда Советов.

I Всеукраинский съезд Советов от имени украинского народа приветствовал победу Великой Октябрьской социалистической революции, одобрил внутреннюю и внешнюю политику Коммунистической партии и Совета Народных Комиссаров РСФСР, принял решение о создании Украинского Советского государства, объявил Центральную раду вне закона. В избранный съездом ЦИК Советов Украины вошло 35 большевиков и 6 представителей левых эсеров, «левых» украинских эсдеков и меньшевиков-интернационалистов.

17 декабря 1917 г. ЦИК сообщил о создании первого Советского правительства Украины — Народного Секретариата, в состав которого вошли Е. Б. Бош, В. П. Затонский, Ф. А. Сергеев (Артем), Н. А. Скрыпник и другие. (См. «Очерки истории Коммунистической партии Украины», Киев, Госполитиздат УССР, 1961, стр. 201—209.) — *Ред.*

рада широко эксплуатировала в своих интересах распространенное в народных массах Украины представление о стародавних гетманах, о славном войске запорожском и вольном украинском казачестве как о защитниках народной свободы. По селам создавались отряды «вильного козацьтва», в которые шла не только кулацкая молодежь, но и деревенская беднота, обманутая лозунгом защиты возрождающейся нации от «насильников», увлекаемая романтикой борьбы и песнями бандуристов.

В ответ на эту работу Центральной рады Народный секретариат приступил к созданию своей вооруженной силы. В Харькове и Екатеринославе были созданы крупные отряды Красной гвардии. Особым постановлением Народный секретариат декретировал создание по селам отрядов червонного казачества в противовес «вильному козацьтву». В самом Харькове был сформирован 1-й полк Червонного казачества, который в дальнейшем должен был объединять разрозненные отряды червонного казачества в мощную регулярную армию. 27 декабря в гор. Харькове был обезоружен стоявший там 2-й запасный полк петлюровской ориентации и 28 декабря 1917 г. вместо него был сформирован 1-й полк Червонного казачества, командиром которого был назначен член ЦИКУ тов. Примаков.

4 января первые украинские части по распоряжению Антонова-Овсеенко выступили на Полтаву. Группа состояла из Московского, Харьковского и Люботинского отрядов и 1-го куреня 1-го полка Червонного казачества; при группе был бронепоезд. Каждый отряд был силой до тысячи штыков. Командовал группой Муравьев.

Отряды в эшелонах отправились на Полтаву. Впереди шел бронепоезд, за ним червонные казаки, затем остальные отряды. Курень (батальон) червонного казачества был в голове, как национальная красная часть.

Подойдя к Полтаве, бронепоезд открыл огонь по станции, обратив в бегство неприятельский бронепоезд, и ворвался на станцию. За ним подошел эшелон червонных казаков, которые, оставив по два человека на вагон, быстро выгрузились и цепями пошли на город, катя с собой четыре пулемета Максима. Противник встретил редким ружейным огнем наши цепи, которые быстро подошли к городу. Начался уличный бой. Атаман куреня выделил одну сотню занять почтамт и телефонную станцию, одну сотню занять Виленское военное училище и одну сотню (в сотнях было по 250 человек) для очищения города. Залпы вдоль улиц заставляли врага сдаваться или бежать, и к ночи город был очищен. Немедленно был созван Совет, который и объявил себя властью.

В Полтаве немедленно был сформирован пеший курень и конный полк червонного казачества (последний в составе конной и конно-пулеметной сотни).

По занятии Полтавы Муравьев выделил часть войска на Кременчуг, который и был взят через несколько дней. В течение недели взявшие Полтаву и Кременчуг войска формировались. Главнокомандующий тов. Антонов-Овсеенко готовил удар на столицу Центральной рады — Киев.

Для этого удара в Полтаве собрана была большая группа, названная армией, под командой Муравьева. В состав группы входили: люботинский, харьковский и полтавский отряды, конный полк червонного казачества, ряд мелких отрядов (ахтырский, сумский и другие) и 11-й сибирский стрелковый полк. При армии было три бронепоезда — один настоящий и два импровизированных — и несколько орудий. В двадцатых числах января эта армия двинулась на Киев; ее продвижение задержал взорванный у ст. Березань железнодорожный мост.

12 января киевский пролетариат поднял восстание против Центральной рады. До 5 тыс. рабочих взялись за оружие и потребовали: «Власть Советам!» Против них стоял 30 000-ный гарнизон. Восставшие в первые же дни заняли ряд опорных пунктов, которые дали им возможность фактически владеть значительной частью города. Связь между этими пунктами поддерживалась работницами и подростками. На сторону восставших перешел полк Сагайдачного. Завязались жестокие уличные бои. Пленных не брали — захваченные на баррикадах расстреливались. Оборона баррикад отличалась чрезвычайным упорством. Каждую баррикаду, каждый дом петлюровцы брали штурмом. Сначала баррикада расстреливалась артиллерией, затем подходила броневая машина и наконец солдаты. В то время как противник располагал несколькими дивизионами артиллерии, десятком бронемашин,— у восставших было только несколько орудий. Тем не менее рабочие сражались с бешеным упорством. Сдав одну баррикаду, они уходили проходными дворами за другую, и так день за днем в течение одиннадцати суток. Все теснее и теснее сжималось кольцо петлюровцев, наконец восставшие были прижаты к цитадели восстания — героическому арсеналу. Арсенал держался до 22 января; с мужеством отчаяния защищали они эту последнюю крепость. Наконец арсенал пал, когда наши шрапнели из-за Днепра рвались над Киевом. Защитники его были истреблены рассвирепевшим врагом.

23 января армия Муравьева подошла к Киеву с востока и начала штурм города. Привезенные из Полтавы несколько легких орудий и перешедшая на нашу сторону тяжелая и

легкая артиллерия дарницкого полигона открыли по городу огонь. В бомбардировке участвовало до 30 легких и 10 тяжелых орудий. Противник, имевший мощную артиллерию и прекрасные наблюдательные пункты на горах и колокольнях монастырей, энергично отвечал. Наши бронепоезда били по ст. Киев. В первые дни бомбардировки с обеих сторон участвовало до 80 орудий. Пехота начала штурм Киева через мосты и по льду замерзшей р. Днепр, но вдоль берега Днепра стояло до 300 пулеметов, и атака по льду была невозможна. Все же красногвардейцы харьковских и полтавских отрядов заняли Труханов остров и другие важные подступы к городу. Отряд конницы — дивизион червонных казаков — по льду выше Киева переправился в Пуща-Водицу и занял предместье Куреневку. Весть об этом быстро проникла в город, и остатки Красной гвардии снова взялись за оружие. На Подоле — рабочая часть города — завязались баррикадные бои. Червонные казаки проникли на Подол и спешенными взводами приняли участие в баррикадной борьбе, одновременно они сделали налет на другое предместье — Сырец, где захватили и уничтожили 12 аэропланов. Поддерживаемое червонными казаками восстание снова разрослось и, соединенное с атакой армии Муравьева, дало нам победу. В конце января Киев был взят.

Немедленно в Киев переехал Народный секретариат. В Киеве было организовано несколько отрядов Красной гвардии и две конные сотни червонного казачества.

Муравьев с несколькими отрядами направился в Одессу.

В это время Центральная рада находилась в Житомире. Видя полное крушение своего влияния в народных массах, это «национально-демократическое» правительство изменило своему народу и отдало дело «возрождения нации» в руки немецких жандармов.

9 февраля правительство Центральной рады — генеральный секретариат — заключило договор с императорской Германией, согласно которому немцы давали свои войска для борьбы с большевиками и получали продукты Украины — хлеб и сырье.

Полумиллионная австро-германская оккупационная армия хлынула на Украину. Изголодавшиеся, измученные на фронтах солдаты охотно шли на военную прогулку в эту богатую, цветущую страну, «на подножный корм». Остатки русской армии, не бросившие фронта, и отряды красногвардейцев пытались остановить эту мощную волну; в бешеном порыве они защищали свою молодую Республику, порой совершая чудеса храбрости, но остановить тяжкий шаг полков Вильгельма они были не в силах.

Метод ведения борьбы остался тот же — численность войск была ничтожна, чтобы перейти к полевой войне, да и отряды, не спаянные и не объединенные общим руководством, трудно было увести из эшелонов. Бои по-прежнему шли вдоль железных дорог; упорно оборонялись только пролетарские центры да узловые станции. Особым упорством отличались бои в гор. Николаеве, где часть червонногвардейцев забаррикадировалась на паровой мельнице и после отчаянной и долгой обороны сгорела в подожженном здании мельницы, не сдаваясь и стреляя из пламени. 2 марта немецкие войска выбили отряды Киквидзе и червонных казаков из Киева и заняли Киев. Народный секретариат переехал в Харьков.

Первый серьезный отпор оккупационная армия получила на линии узловых станций Бахмач — Ромодан — Лозовая, где группировались крупные отряды Красной гвардии. Бои на этих узлах длились более недели и стоили обеим сторонам крупных потерь. В конце концов немцы крупными силами обошли эти узлы, и красногвардейские отряды отступили.

Червонный казачий полк с несколькими отрядами отступил на ст. Ромодан, но ст. Ромодан была взята немцами, и эти отряды, выгрузившись на ст. Гадяч, походным порядком отступали на Харьков. Это была единственная часть, отходившая походным порядком в тот период войны. При отрядах, сгруппировавшихся вокруг червонного казачества, были ответственные товарищи: Бош, Голубенко и другие, командовал отрядом Примаков. В пути издавалась газета «К оружию» и производилась некоторая политработа, заключавшаяся в митингах, устраиваемых в больших селах, лежавших на пути марша.

Под Харьковом отряды Красной гвардии попытались дать последний отпор врагу, но после полуторадневного боя на участке Люботин — Пересочная отошли в Донецкий бассейн. В этом бою отряды впервые в массе были высажены из вагонов, и вагоны были брошены на несколько верст назад; это была первая попытка полевого боя, закончившаяся неудачей — неспаянные и недисциплинированные части, привыкшие к отступлению на путях Киев — Харьков, отступили к эшелонам и уехали в Донецкий бассейн. В этом бою, ведя свой отряд в атаку, убит старый партийный товарищ, солдат гвардии Волынского полка Чудновский. Когда оккупационная армия вошла в Крым и подходила к Таганрогу, черноморские моряки по приказу правительства утопили флот, чтобы он не достался немцам. Несколько десятков судов были погребены на дне Новороссийского рейда — могилы Черноморского флота. Этот геройский поступок сопровождался самоубийством многих моряков, не переживших гибели Красного флота.

На путях к Таганрогу, в Донецком бассейне, оккупационная армия была на некоторое время задержана отрядами шахтеров, но и это сопротивление было сломлено. Немцы подошли к Таганрогу. Народный секретариат, оставшись без территории, уехал в Москву. Часть отрядов была послана на Дон бороться с белогвардейцами. Остатки Красной гвардии встретили немцев под Таганрогом — в их числе и сформированный в Таганроге полк тов. Каски. После двухдневного боя эти отряды были разбиты, тов. Каска убит, и немцы вступили в Таганрог. В конце апреля вся Украина была оккупирована. Революция была задушена сапогом прусского жандарма.

2. ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА

Отступление Красной гвардии было похоже на «великий исход». До 100 тыс. красногвардейцев, многие с семьями, покинули Украину. Несколько десятков тысяч рассеялись по селам, хуторам, лесам и оврагам Украины.

Сотни партийных работников были оставлены для подпольной работы, для организации революционных сил, для подготовки восстания. Лозунгом их было: «Революция задушена — да здравствует революция!» Тяжкий военный гнет, насилия оккупационных войск, бесцеремонное хозяйничанье немецких лейтенантов, наглость гайдамаков, кровавая месть помещиков, измена Центральной рады, открытый грабеж страны только разжигали народную ненависть.

Правительство Центральной рады называлось правительством Центральной зрады *.

Центральная рада оказалась игрушкой генералов. Сначала они церемонились с ней и соблюдали внешний декорум приличий, затем перестали церемониться; наконец, когда революционная фразеология Центральной рады надоела фельдмаршалу Эйхгорну, когда Рада стала делать робкие попытки остановить грабеж Украины, немцы ее разогнали.

28 апреля 1918 г. в зал заседаний Центральной рады вошла рота солдат под командой немецкого лейтенанта, и Центральная рада была разогнана. После некоторой инсценировки переворота — это было нужно для Европы — германские генералы выдвинули на сцену фигуру бесталанного русского генерала Скоропадского, который и объявил себя гетманом Украины. Этот гетман (жалкая карикатура — Made in Deutschland — на стародавних воинов-гетманов), с одной стороны, не мешал немцам и генералам грабить богатства Украины, с другой — проводил твердую линию борьбы с ре-

---

* Рада — Совет. Зрада — измена.

волюцией, возвращая землю помещикам, посылая в села карательные экспедиции и тем самым разжигая огонь революции.

Назначение гетмана и его внутренняя политика были маслом, подлитым в пожар революции. Украина закипела в огне восстаний. По селам тайно организовывались партизанские отряды и уходили в леса. Очень часто в леса и овраги уходили и крестьяне с семьями, угоняли с собой скот и бросали хозяйство на произвол судьбы, спасаясь от насилий реквизиционных и карательных отрядов. Партизаны нападали на небольшие немецкие отряды и убивали отдельных немецких солдат, спускали под откос эшелоны, вырезали и выжигали помещиков и кулаков, поддерживавших гетмана, и особенно жестоко расправлялись с карательными и реквизиционными отрядами. В деревне началось расслоение по классовой линии; были деревни, на одном конце которых кутили гайдамаки, а на другом хлебом-солью встречали партизан.

Рабоче-крестьянское правительство, переехавшее в Москву, отлично учитывало положение.

ЦК КП(б)У выделил «девятку» для руководства и организации восстания. Из «девятки» выделили «пятерку», или «головной повстанческий штаб»; часть «пятерки» работала непосредственно на Украине, а ядро переехало в Курск, разослав сотни агентов на Украину для организации повстанческих отрядов и связи с уже существующими. Так как большинство партизанских отрядов было организовано коммунистами, то в задачу повстанческого штаба вошло связать эти отряды с партией, чтобы впоследствии иметь надежную армию.

Кроме того, головной повстанческий штаб использовал часть отступивших из Украины красногвардейцев для создания кадров регулярных частей. Эти кадры были расположены в нейтральной зоне*, собирали к себе бегущих с Украины повстанцев и контрабандой переправляли на Украину оружие.

Например, поставленный в гор. Почеп, возле нейтральной зоны, 1-й Червонный казачий полк в течение июня и июля переправил контрабандой на Украину 1700 винтовок, 22 тяжелых пулемета и 1500 ручных гранат. В возах с горшками, сеном, дровами это оружие было доставлено в Полтавскую и Черниговскую губернии и вооружило партизанские отряды. В июне головной повстанческий штаб уже имел на учете в Полтавщине крупный отряд тов. Шмидта, в Черниговщине — Крапивянского и много мелких отрядов. Эти отряды

* По миру между Украиной и Россией с обеих сторон границы на 20—30 верст тянулась нейтральная зона, в которую не имели доступа ни войска РСФСР, ни войска Центральной рады.

целой сетью покрывали Украину. Их активные действия скоро заставили немцев чувствовать себя, как в Африке: в одиночку немец не мог выйти из казармы — он пропадал без следа; часто целые отряды не возвращались в свои части, и никто не мог сказать, куда они девались, пока где-нибудь в овраге не находили их трупов.

Но главная задача заключалась не в партизанских действиях, а в организации восстания.

Поэтому ревкомы, организованные почти повсеместно, удерживали партизан от активных действий и вели организационную работу, вооружая и связывая отдельные группы повстанцев.

Одновременно с работой головного повстанческого штаба и остатки Центральной рады под руководством Петлюры и Винниченко организовали повстанческую работу на Правобережной Украине. Обиженные немецкими генералами, которые очень невежливо обошлись с ними 28 апреля, они приступили к формированию партизанских отрядов и провозгласили восстание против гетмана. Их главной опорой был 1-й полк «сичовых стрильцов», стоявший в Белой Церкви и целиком выступивший против Скоропадского. В это время лозунг «Власть Советам» стал так популярен в массах, что даже правительство Петлюры вынуждено было воспользоваться, хотя и очень урезанными, лозунгами «трудовых рад» (трудовых советов), в которых было место кулаку и попу.

В июле месяце повстанческое движение чрезвычайно усилилось. Ревкомам трудно стало сдерживать ненависть организованных масс и удерживать от нападений. Отдельные отряды все чаще и чаще вступали в бои с немцами. Обычно эти отряды группировались в лесах. Где-нибудь в малодоступном хуторе помещался штаб отряда с ядром из надежных людей. Прочие партизаны обычно находились в ближайшей деревне и собирались для набега. Тактика партизан сводилась к внезапности удара и быстроте ухода.

Обыкновенно штаб отряда от крестьян получал сведения о том или ином немецком отряде или карательной гайдамацкой экспедиции. Сведения эти были всегда точны и давались непрерывно. Быстро собрав отряд, атаман отряда подходил незаметно к немцам, внезапно нападал, уничтожал их и так же быстро уходил в свой лес.

Однажды атаман Шмидт напал на немецкий отряд, но был отбит и преследуем немцами. От разведчиков он узнал, что навстречу ему идет другой немецкий отряд. Поддерживая огневую связь с преследующим противником, он к вечеру достиг небольшого леса, где и засел, отражая преследующих немцев. С другой стороны к нему подошел шедший навстречу

немецкий отряд. Завязав с ним бой, Шмидт незаметно увел свой отряд перелесками в сторону, и немцы до рассвета дрались друг с другом. Такие приемы часто применялись партизанами: они не только наводили вражеские отряды друг на друга, но и через сеть шпионов, сообщая отрядам противоположные сведения, заставляли гайдамаков атаковать немцев, а немцев — атаковать гайдамаков, уверяя и тех и других, что впереди — банда.

Повстанческое движение ширилось. Учитывая его быстрый рост и слабость гетманщины, власть которой проявлялась только там, где были немецкие гарнизоны, головной повстанческий комитет на 7 августа назначил восстание.

7 августа по этому призыву в Черниговщине выступили отряды Крапивянского, в Полтавщине — Шмидта, в нейтральной зоне — червонные казаки, Боженко и Шульженко.

Крапивянский с несколькими тысячами повстанцев выходит из Нежинских лесов и наступает на гор. Нежин. Город был взят им, но немцы, засев на станции, отбивали атаки повстанцев, пока из Киева в эшелонах не подошли подкрепления; Крапивянский был отбит и вынужден был уйти обратно в лес, откуда он фактически управлял всем Нежинским уездом. Шмидт поднял восстание на Полтавщине и захватил Прилукский, Пирятинский и Лохвицкий уезды и нанес несколько поражений немцам и гайдамакам. На Екатеринославщине действовал то в контакте с нашими ревкомами, то самостоятельно отряд Махно, знаменитого впоследствии «короля партизан».

В нейтральной зоне атаман Шульженко сделал набег на ст. Коренево и ночным налетом уничтожил там до 200 немцев при поддержке восставших крестьян. Червонные казаки захватили под гор. Новгород-Северским пароход, шедший из Чернигова, и, напав ночью совместно с отрядом атамана Черняка на с. Воробьевка, вырезали там немецкий батальон.

Атаман Боженко напал на ст. Ямоль, но был отбит.

Войска нейтральной зоны быстро росли в числе. Со всех сторон туда стягивались отдельные повстанцы и целые отряды. В начале сентября туда прибыл большой Таращанский отряд, который пробился через все Левобережье, организовавшись на Правобережной Украине, и пришел в нейтральную зону. Из этого отряда развернут Таращанский полк, впоследствии развернувшийся в славную Таращанскую бригаду. Волна восстаний перекатывалась по Украине.

Но немцы на эту волну ответили волной репрессий. Они сожгли все села, где были уничтожены их отряды. Села Воробьевка и Шептаки, м. Смячь сгорели дотла, подожженные драгунами. Отряды Крапивянского были окружены в лесах,

и Крапивянский со штабом, распустив отряды, бежал в нейтральную зону. Отряды Шмидта были жестоко преследуемы.

Постепенно остатки этих отрядов стянулись в нейтральную зону, где из них сформированы 1-я и 2-я дивизии; 1-я в составе 1-го Богунского, 2-го Таращанского, 3-го Новгород-Северского полков и 1-го кавалерийского полка — начдива Крапивянского; 2-я дивизия в составе 5-го Глуховского, 6-го Корочанского и 7-го Суджанского полков и переброшенного во 2-ю дивизию 1-го Червонного казачьего полка под командой начдива тов. Ауссема. 1-я дивизия стояла на черниговском направлении; скоро в ней Крапивянского сменил командир Богунского полка тов. Щорс. Работа партизан остановила волну карательных экспедиций, вывоз хлеба в Германию, разогнала администрацию и помещиков.

2-я дивизия стояла на харьковском направлении. Обе дивизии имели в полках по 2—3 тыс. штыков. Общая сила повстанческой армии, как именовали себя эти дивизии, была 15 тыс. штыков и тысяча сабель при большом числе пулеметов, но почти совершенно без артиллерии; только в полку Червонного казачества была конная батарея тов. Зюка, и во 2-й дивизии — одна пешая батарея.

Дивизии непрерывно обучались. Обучение в виду неприятеля, в готовности к большому походу, в нападениях на неприятельские отряды, при наличии большого революционного подъема масс дало хорошие результаты.

Крупным недостатком дивизий было большое наличие в их обозах женщин — жен партизан, бежавших из Украины,— которые дурно действовали на войска.

Но в общем повстанческая армия Советской Украины была в достаточной степени боеспособна. В то же время немецкие части, оккупировавшие Украину, быстро разлагались. Пропаганда партийных ячеек, организация в немецкой армии ячеек «Спартак», наводнение немецкой армии нашей литературой открыли немецким солдатам глаза на истинное положение дел. Они перестали себя чувствовать освободителями и стали понимать, что по отношению к украинскому народу они играют роль жандармов.

Наконец 9 ноября грянул гром германской революции. Оккупационная армия быстро теряла свою боеспособность. На Правобережье петлюровцы подошли к Киеву и 14 декабря взяли его. На Левобережье в начале декабря петлюровский атаман Балбачан взял Харьков. Гетман был свергнут и бежал. Украина кипела в огне восстаний. Главнейшие центры — Киев и Харьков — были в руках петлюровской директории.

Ряд мелких городов был захвачен красными партизанами. Страна была во власти атаманов.

В конце декабря повстанческая армия начала наступление на Украину под общим командованием назначенного снова главнокомандующим тов. Антонова-Овсеенко.

3. ОСВОБОЖДЕНИЕ УКРАИНЫ

27 декабря в гор. Екатеринославе вспыхнуло восстание. В центре восстания стоял Брянский завод. Войдя в соглашение с Махно и с повстанцами Новомосковского уезда, повстанцы заняли Екатеринослав. Эта операция, разработанная ревкомом, в первой своей части была выполнена чрезвычайно удачно.

Несколько человек повстанцев в рабочих костюмах, с узелками, в которых были ручные гранаты, перешли Екатеринославский железнодорожный мост и забросали гранатами заставу, стоявшую с той стороны моста. Вслед за этим повстанцы быстро перешли мост и после короткой перестрелки заняли часть города и вокзал. Петлюровский офицер Мартыненко с 16 орудиями перешел на сторону повстанцев. Эти 16 орудий были установлены возле вокзала, и повстанцы открыли огонь по городу и петлюровскому штабу. Город был взят. Но уже ночью махновцы принялись грабить город и магазины. Грабежи продолжались до утра. Утром же, когда махновцы хозяйничали в городе, к городу подошел большой отряд полковника Самокиша, который и выбил партизан, не успевших организовать сопротивление. Екатеринослав был снова на время занят петлюровцами.

Начатое повстанческой армией наступление велось успешно.

6-й советский полк атамана Киселя в боях у ст. Казачья-Лопань разбил отряды атамана Балбачана. Бой этот положил начало нашим крупным победам на харьковском направлении. Корпус Балбачана, двигавшийся глубокой балкой к слободе Казачья-Лопань, попал в засаду, устроенную атаманом Киселем. Пехота Киселя засела по обеим сторонам балки и открыла по петлюровцам убийственный перекрестный огонь. Потеряв до 400 человек убитыми, Балбачан быстро отступил на Харьков, но, встреченный ударом восставших рабочих, ушел на ст. Люботин.

3 января в Харьков без боя вступил 1-й Червонный казачий и 5-й советский полки. По занятии Харькова эти полки выступили на м. Люботин.

6-й полк задержался у м. Грайворон, 5-й полк наступал с бронепоездом на м. Люботин, где были сосредоточены все силы Балбачана, с востока. Завязался упорный стрелковый бой. В это время 1-й Червонный казачий полк обошел Любо-

тин с севера и 8 января утром в конном строю атаковал его с севера-запада. Петлюровцам было нанесено крупное поражение, Балбачан бежал на гор. Валки, оставив 18 паровозов, 300 вагонов и много военных трофеев.

Одновременно со взятием Харькова 1-я дивизия подошла к Чернигову, и после боев с группой полковника Рогульского Чернигов был взят. От Чернигова 1-я дивизия двинулась на Киев, преодолевая сопротивление атаманов Ангела и Сушко.

В этот период гражданская война отличалась от эшелонного периода. Войска по-прежнему действовали вдоль железной дороги и борьба шла за крупные центры, но войска уже передвигаются не в вагонах, а на подводах и, как мы видим на примере Люботинского боя, умеют делать небольшие марш-маневры. Пехота почти весь поход совершает на подводах, и только штабы дивизий движутся по железной дороге.

По взятии Люботина в Харькове была организована новая группа из добровольцев рабочих и крестьян Харьковщины и Донбасса, которая под командой тов. Дыбенко двинулась на Екатеринослав.

10 января 2-я дивизия от Люботина двинулась на Полтаву.

1-я дивизия подходила к Киеву.

Немецкие гарнизоны без сопротивления пропускали повстанческую армию, сдавая ей излишки оружия, а часто и все оружие, и спешно эвакуировались в Германию. В немецких частях были образованы Советы солдатских депутатов, которые и вели переговоры с повстанческой армией.

По пути победного марша повстанческой армии тысячи партизан вливались в ее полки или формировали новые части. Повстанческие дивизии выросли в огромную силу — в полках было по 1000—1500 штыков при мощных пулеметных командах. Единственной слабостью было отсутствие артиллерии, к формированию которой и было приступлено в спешном порядке.

Тактика этой пехотной массы и планы командования были чрезвычайно примитивны.

Борьба велась только за города; промежуточные села и мелкие уездные города сами устраивали у себя Советскую власть и вооруженной помощи от армии не требовали.

Командование армии давало дивизии направление на губернский город, командование дивизии давало полкам направление на уездные города, а одному-двум полкам — на губернский город, и наступление начиналось.

Сближаясь с противником, командир полка развертывал полк в две-три цепи, имея батальон в резерве, и командовал: «Цепь, вперед!» Ротные командиры повторяли команду, и цепь шла вперед. «Вперед!» — это была единственная команда, которую все знали твердо и подавали уверенно. 19 января 2-й дивизией была взята Полтава, в конце января 1-я дивизия взяла Киев, 2-я дивизия — Кременчуг, и Дыбенко — Екатеринослав и Донбасс.

Из этих операций наиболее интересно взят Кременчуг. 5, 7 и 1-й полки подошли к Кременчугу. 5-й полк высадился у ст. Поток и, вместо того чтобы атаковать город, обошел его по льду Днепра и занял посад Крюков, в тылу петлюровцев. Отступивший противник нарвался на 5-й пехотный полк, потерял до 100 человек от губительного огня 300 пулеметов 5-го полка и бежал в Александрию. В этой операции налицо красивый маневр, давший нам полную победу: пехотный полк, действуя по-кавалерийски, окружает противника и уничтожает его.

К концу января относятся и значительные реформы в повстанческой армии.

Дивизии были организованы по типу русских штабов, улучшено качество сотрудников штаба. Некоторые командиры полков отстранены от командования за бандитизм. В полках введен институт комиссаров, в дивизиях организованы политотделы. Самостийные командиры полков были устранены или расстреляны. Упразднено наименование «атаман полка» и введено название «командир полка». Лучшие полки развернуты в бригады: 1-й Богунский полк — в Богунскую бригаду, 2-й Таращанский — в Таращанскую бригаду, 3-й Новгород-Северский и Нежинский полки сведены в 3-ю бригаду. Во 2-й дивизии 5-й полк развернут в бригаду. Конница увеличена до 6 сотен (эскадронов) в полках: в двух конных полках, бывших в составе армии,— 1-м Червонном казачьем и 1-м кавалерийском — насчитывается по 1200 сабель. При пехотных дивизиях формируются дивизионы артиллерии. Проводя эти переформирования, повстанческая армия останавливается на линии р. Днепр и здесь формируется в течение всего февраля.

На линии Днепра повстанческая армия вошла в соприкосновение с атаманами Григорьевым, Махно и другими. Перед правительством встала задача уберечь армию от широкого заражения махновщиной и григорьевщиной, и эта задача целиком легла на молодой политсостав армии. Политсостав вел и агитационную борьбу, и работу ЧК, не только воспитывая войска, но и расстреливая наиболее злостных атаманов, — эта тяжелая работа с честью была выполнена молодым политсоставом.

4. БОРЬБА ЗА ПРАВОБЕРЕЖНУЮ УКРАИНУ

Главный центр борьбы за Правобережную Украину перешел в северную часть — Подолию и Волынь, где группировались главные силы петлюровцев и находилось правительство. В связи с этим на Подолию и Волынь были направлены 1-я и 2-я дивизии (2-й дивизией к этому времени командовал тов. Ленговский, начальником штаба был Барабаш, очень талантливый офицер сербской службы). На юге действовали дивизия Дыбенко и атаман Григорьев.

Атаман Григорьев по приказу Петлюры на юге, в Херсонщине, поднял восстание против гетмана. Затем, с приходом повстанческой советской армии, он изменил Петлюре и перешел на сторону Советов, с тем чтобы впоследствии изменить Советам. В то время он имел в своем распоряжении до 20 тыс. партизан — правда, не организованных в одно целое, не сплоченных в воинскую часть, действовавших отрядами.

Во время переговоров он сумел убедить харьковское правительство в своей силе и влиянии, значительно преувеличив то и другое, получил отпущение грехов и звание начдива. Его отряды названы были «дивизией атамана Григорьева», посланы на Одессу, которая была взята им.

В то время когда на юге действовали Дыбенко и Григорьев, на севере Правобережья петлюровцы, оправившись за месяц нашего отдыха, перешли в наступление. Крупные отряды петлюровцев от Гайсина продвигались к Киеву. Банды петлюровцев появились возле Белой Церкви.

Главнокомандующий тов. Антонов-Овсеенко решил произвести операцию следующим образом: 1-я дивизия должна была через Бердичев бить на Шепетовку и Винницу, а 2-я дивизия — от Кременчуга нанести фланговый удар в направлении Винницы.

Вся конница — 1-й Червонный казачий полк и 1-й кавалерийский полк, числом 2 тыс. сабель, сосредоточены были при 1-й дивизии, в районе ст. Ходоров, откуда перешли в Бердичев. В первых числах марта 2-я дивизия в районе станций Бобринская и Цветково нанесла фланговый удар наступавшей на Киев группе противника, разбила эту группу, очистила от петлюровских банд весь юг Киевщины и двинулась к Виннице. 1-я дивизия повела наступление на Винницу — Жмеринку. Эта операция уже задумана была и выполнена ими довольно сложно для тех времен: 1-я дивизия от Бердичева и Казатина ударила на Винницу, взяла Винницу и наступала на ст. Жмеринка. Конница — 1-й кавалерийский полк и 1-й Червонный казачий полк — по двум параллельным дорогам

вышла на сообщения противника и отрезала ему отступление.

1-й кавалерийский полк Гребенко шел по маршруту Бердичев — Литин — Жмеринка, 1-й Червонный казачий полк — по маршруту Бердичев — Летичев — Деражня в одном переходе к западу.

1-й кавалерийский полк у м. Литин встретил отступающий от Винницы черноморский корпус петлюровцев (до 4 тыс. штыков), врасплох атаковал их, взял обозы и артиллерию и много пленных. Остатки корпуса отошли на Летичев, где были вторично атакованы 1-м Червонным казачьим полком и изрублены.

Конница спустилась на магистраль Жмеринка — Проскуров, взорвала ее, отрезав несколько эшелонов противника, и расположилась: 1-й кавалерийский полк в м. Бар, 1-й Червонный казачий полк в м. Деражня.

Наступила распутица. Обе стороны отдыхали: красные заняли последнюю столицу директории — Винницу, Петлюра устраивает новую столицу в Проскурове. Весеннее бездорожье препятствовало развитию широких операций.

В конце марта Петлюра, сосредоточив крупные силы у м. Шепетовка, нанес удар 1-й дивизии вдоль железнодорожной линии Шепетовка — Бердичев и начал бой за обладание Бердичевом. 1-я дивизия отступила.

Для ликвидации этого прорыва противника, грозившего Киеву, главнокомандующий тов. Антонов-Овсеенко бросил 2-ю дивизию на фланг противника в направлении Винница — Хмельник — Полонное. Одновременно конница, сведенная в бригаду, под командой Крючковского была послана в обход, в тыл противнику, на Шепетовку. 2-я дивизия двинулась: 5-й и 4-й Миргородский полки и 8-й полк во фланг, в направлении Проскурова. В течение марта 7-й полк и 18-й Чигиринский взяли Проскуров и продвинулись к Гусятину и Волочиску под командой тов. Бочкина, человека исключительной храбрости (впоследствии убит). В операции на Шепетовку — выход трех сильных пехотных полков на фланг противника вынудил его отойти к м. Полонное. Конница, сосредоточенная в районе м. Деражня, вышла в тыл противнику, захватила атакой м. Староконстантинов, уничтожила у м. Кузьмин херсонскую стрелковую дивизию атамана Луценко и ударила на Шепетовку, захватив гор. Изяславль, в котором был захвачен штаб «железного» корпуса противника и громадные склады.

Этот комбинированный удар пехотой и конницей по флангу и тылу вынудил противника к немедленному отступлению от Бердичева сначала к Полонному, а затем к Шепетовке.

В этой операции на Украине в первый раз применен был

конный рейд, давший отличные результаты. Должен отметить, что рейд этот был неумело организован, конница делала по 30—40 верст в сутки, полки часто уходили друг от друга на полперехода и переход — успех его следует объяснить слабостью тыла противника,— но все же он на многое открыл глаза и в дальнейшем неоднократно был применяем на Украине.

В первых числах апреля 2-я дивизия сосредоточилась у м. Шепетовка. Противник собрал в Шепетовке последние свои силы — до 10 тыс. штыков, укрепив подступы к Шепетовскому узлу, и приготовился к упорной обороне. Опираясь на четыре железнодорожные линии, на которых было до шести бронепоездов, имея в своем распоряжении две шоссейные дороги, по которым действовало два бронеавтомобиля, противник оказал нашим частям упорное сопротивление. Около двух недель шли упорные бои за обладание Шепетовкой.

2-я дивизия охватила Шепетовку с юга, востока и северо-востока; конные полки охватили ее с юго-запада. Но противник укрепил за Шепетовкой второй пункт — Славуту, наладив бронепоездами непрерывное наблюдение за железнодорожной линией Шепетовка — Славута, и отбивал все атаки 2-й дивизии.

В разгар боев 14-й Миргородский полк, недавно сформированный, перешел на сторону петлюровцев и повел наступление на соседний 5-й полк. Командир полка коммунист Піявка застрелился.

Противник воспользовался этой изменой, ворвался в прорыв бронепоездами и полком «сичовых стрильцов» и вынудил 2-ю дивизию отступить к м. Полонное. На второй день он превосходными силами атаковал наши конные полки. Впереди наступал 14-й Миргородский полк. 1-й Червонный казачий полк принял их на 12 снятых с тачанок пулеметов и открыл убийственный огонь с дистанции 600 шагов. Миргородский полк был наказан за измену — он потерял до 300 убитыми, но все же части отступили от Шепетовки.

Отдохнув несколько дней и приведя в порядок расстроенные полки, начдив-2 снова повел наступление на м. Шепетовка. Конница была послана в рейд Остров-Волынский — ст. Кривин, 1 мая захватила Остров-Волынский, и этот рейд снова вынудил противника отступить к ст. Кривин. В распоряжении директории оставалось каких-нибудь 30 верст территории. Петлюровские солдаты шутили над своим правительством: «В вагоне — директория, под вагоном — территория».

Петлюровщина доживала последние дни. 1-я дивизия не менее удачно действовала в направлении Новоград-Волынского. В это время новый враг встал перед Республикой —

с юга надвигалась армия Деникина, внутри страны хозяйничали бандитские шайки и поднял восстание атаман Григорьев.

Повстанческая армия, пройдя всю Украину в чрезвычайно короткий срок,— дивизии, выступившие из Харькова в начале января, к концу апреля были под Шепетовкой — оставила неукрепленным и не очищенным от агентов петлюровщины свой тыл. Органы ЧК в то время работали очень слабо, и агентуре противника мы не могли в селах противопоставить свою агентуру. Влияние коммунистической партии в селе не окрепло и не пустило глубоких корней. Село было лишено газеты, волновалось самыми нелепыми слухами и представляло отличную арену для авантюристов, агентов петлюровщины и провокаторов. Кулацкое население не было лишено своей силы — это представляло хорошую почву для атаманов, организовавших шайки и терроризовавших всю страну. Атаман Григорьев поднял восстание против Советской власти. Его банды захватили юг Киевщины, Полтавщины и район севернее Херсонщины. Это восстание сразу создало много атаманов разных банд. По Киевщине прокатилась волна погромов. До 50 еврейских местечек было вырезано бандитами Зеленым, Ангелом, Соколовским и другими, до 2 тыс. домов и еврейских лавок разграблено и сожжено. Ряд полков был снят с фронта и брошен на подавление восстания Григорьева и ловлю атаманов. Около месяца они ловили и уничтожали его банды, пока наконец сам атаман Григорьев, не поладив с приехавшим к нему на совещание атаманом Махно, был убит последним. После смерти Григорьева последние остатки его банд были выловлены. В стране стало наступать относительное успокоение, но на сцену пришел новый враг — генерал Деникин.

Об эпохе, которую я пытался разобрать в настоящем очерке, в печати почти нет материалов. Участники первых двух украинских походов до сих пор мало писали об этом периоде.

Заканчивая настоящий короткий и поневоле далеко не полный очерк, я надеюсь, что герои гражданской войны на Украине — солдаты прежних 1-й и 2-й, ныне 44-й и 46-й дивизий — дополнят его и исправят допущенные мною из-за отсутствия материалов неточности.

Сб. «Пять лет Красной Армии». М., Высший военный редакционный совет, 1923, стр. 171—195.

ПУТЬ НЕУВЯДАЕМОЙ СЛАВЫ

В декабре 1917 г. Центральный Комитет Коммунистической партии Украины поручил мне организовать червонное казачество в противовес контрреволюционному «вильному козачеству» петлюровской Центральной рады.

Первой боевой школой червонного казачества был 1918 г. Наступление на Киев, борьба против Петлюры и немецкой оккупации, организация вооруженного восстания против немцев и гетманской гайдамачины — вот наше первоначальное обучение. Его основой были партизанские действия. Нападения на поезда и штабы, взрывы мостов были типичными боевыми операциями того времени. И немецкое командование вместе с гетманом «высоко оценило» нашу работу. За наши головы была назначена награда. Последняя цена, объявленная за мою голову, достигла 150 или 200 тыс. немецких марок.

Из кого же формировались основные кадры наших бойцов в 1918 г.? Кто шел в ряды червонного казачества? Украинские коммунисты, организаторы отрядов; крестьяне, разоренные гайдамаками; люди, поротые шомполами, которые принесли в партизанский отряд свою непримиримую ненависть и обиду.

Одним из моих ближайших помощников в ту пору был тов. А. В. Багинский — киевский большевик, рабочий-печатник, сыну которого гайдамаки выжгли глаза. Багинский был ранен восемнадцать раз за три года гражданской войны.

В июне 1919 г. червонное казачество было переброшено с Правобережной Украины на Южный фронт для защиты Донецкого бассейна против Деникина.

— Мы посылаем на Южный фронт нашу лучшую часть — червонное казачество,— телеграфировал главнокомандующий Украины Реввоенсовету Республики.

В Донбасс червонные казаки пришли уже сложившейся крепкой частью, с сильными боевыми традициями, хотя и с порядочным остатком партизанского духа.

Во время боев в Донбассе впереди неизменно была сотня тов. Потапенко. Уроженец Барвенковской волости, кузнец, большевик, отбывший 10 лет каторги в Орловском централе за восстание в 1905 г., Потапенко был широко известен в своем краю. В первые же дни боев к нему пришли 60 человек молодежи. Это Барвенковская волость прислала своему «Потапу» пополнение для борьбы с Деникиным.

Вынужденное отступление из Донбасса и Полтавщины не ослабило, а усилило ряды червонных казаков. Из каждого села с нами уходил актив сельсовета, уходила партийная

ячейка, уходили комсомольцы. На кулацких и помещичьих конях они догоняли наш обоз, получали винтовки и в первом же бою старались добыть настоящее седло: нужда в седлах была еще больше, чем нужда в оружии.

Вся эта свежая масса была неопытна в бою. Но боевой революционный дух перекрывал эту неопытность. Новое пополнение быстро училось военному искусству у старых бойцов и, в свою очередь, усиливало партийные ячейки сотен, партийный актив червонного казачества. Одновременно наши ряды пополнялись мелкими местными отрядами конников и конной милиции.

В боях под Черниговом окрепла наша партийная организация. Наш комиссар Е. И. Петровский вместе с тов. Самусем, который привел с собой большую группу черниговских комсомольцев, укрепили полковые ячейки и провели большую организационную работу. Вместе со штабом червонного казачества, состоявшим на 80 процентов из коммунистов, они развернули успешную борьбу с пережитками партизанщины. Под Орел червонное казачество шло сплоченной, сильной боевой частью.

Стремительное движение офицерских дивизий корпуса генерала Кутепова к Орлу создавало непосредственную угрозу главному арсеналу революции — Туле и угрожало самой Москве.

Под Орлом была сосредоточена ударная группа из героической Латышской дивизии, бригады Павлова и червонного казачества (конная группа Примакова). Основной задачей ударной группы было освободить Орел и в полевом сражении разбить офицерские дивизии, которые двигались на Москву.

Ленин так оценил орловское сражение:

«Никогда не было еще таких кровопролитных, ожесточенных боев, как под Орлом, где неприятель бросает самые лучшие полки, так называемые «корниловские», где треть состоит из офицеров наиболее контрреволюционных, наиболее обученных, самых бешеных в своей ненависти к рабочим и крестьянам, защищающих прямое восстановление своей собственной помещичьей власти. Вот почему мы имеем основание думать, что теперь приближается решающий момент на Южном фронте» (Ленин. Соч., том XXIV, стр. 498).

Когда корниловцы были отброшены от Орла и развернулось сражение под Кромами, латышские стрелки прорвали фронт дроздовской дивизии и по смелому плану Реввоенсовета армии, во главе которого стояли Орджоникидзе и Уборевич, червонное казачество двинулось в рейд — в глубокий тыл корниловцев. В течение трех дней мы громили тылы офицерского корпуса. Во время рейда мы выдавали себя за по-

терпевших поражение шкуровцев, и это усиливало панику в тылу:

— Сам Шкуро разбит и бежит на Кубань, а части его бунтуют и громят тыл офицерских дивизий!

Под Понырями ко мне привели двух пленных офицеров. Я выдал себя за «самого Шкуро» и наорал на них:

— Родина гибнет, а вы дезертируете с фронта! Почему вы в тылу?

Перепуганные офицеры клялись, что они не дезертиры, а связисты и посланы в дроздовскую дивизию для связи:

— Вы можете проверить правильность наших показаний, ваше превосходительство! Запросите наши штабы, ваше превосходительство, они вам подтвердят!

— Какие адреса ваших штабов?

Пленные офицеры тут же дали подробные адреса и... только тогда узнали, что находятся в руках червонных казаков.

После разгрома корниловцев, через неделю, в страшный буран мы вторично прорвали фронт и совершили второй рейд — на Льгов. В трехдневном бою были разгромлены тыл и живая сила дроздовской офицерской дивизии. Мы захватили около 30 орудий, бронепоезда и около 2 тыс. пленных. Этот рейд был полной неожиданностью для белых и вошел в историю их воспоминаний как «снежный рейд».

После Орловского сражения и рейдов на Поныри, Фатеж и Льгов началось преследование отступающих деникинцев. Конный корпус Буденного шел от Воронежа в обход Харькова с востока. Наша конная группа, развернутая в 8-ю конную дивизию червонного казачества, прорвалась возле Богодухова и с тыла захватила Харьков.

Гололедица остановила движение обозов и связала действия войск, — тысячи повозок были брошены отступающими белыми. Их тыл, разрушаемый партизанскими отрядами крестьян, разъедаемый махновщиной, трещал по всем швам. Преследуя по пятам отступающий офицерский корпус, червонные казаки ночью захватили ст. Гришино, на границе Донбасса. Многотысячный митинг, собранный шахтерами, встречал нашу конницу. Сотни добровольцев присоединились к красным полкам и пошли добивать врага. Преследование окончилось у Азовского моря. Остатки белой армии откатились в Крым и под командованием барона Врангеля засели за Перекопским валом.

«Правда», № 332, 3 декабря 1934 г.

ТРИ РЕЙДА

Осенью 1919 г. Добровольческая армия, представлявшая собой наиболее серьезную силу войск Деникина, имела в своей ударной части офицерский корпус генерала Кутепова, состоявший из знаменитых «цветных» (носивших на рукаве цветной шеврон) офицерских дивизий — корниловской, дроздовской, марковской и алексеевской. Офицерский корпус наступал на направлении Орел — Москва.

Одной из труднейших задач частей Южного фронта была задача в полевом бою сломить и разбить эти лучшие офицерские части, отлично вооруженные и окрыленные наступательным порывом. Эта задача была возложена на ударную группу, сформированную из Латышской дивизии, конной группы червонного казачества Примакова и пластунской бригады Павлова.

12 октября ударная группа двинулась на Кромы, и Орловское сражение началось. Всю вторую половину октября, в осенних дождях и туманах, на мокрых полях шли упорные бои ударной группы, ядром которой была доблестная Латышская дивизия, против корниловской и дроздовской офицерских дивизий. Корниловцы были отброшены от Орла, бои развернулись на линии гор. Кромы, который несколько раз переходил из рук в руки.

Несмотря на большие потери ударной группы, дух войск все же был очень высок: за нашей спиной была Москва; сотни коммунистов, мобилизованных партийными организациями Москвы и Петрограда, влились в наши ряды и принесли с собой революционный энтузиазм пролетарских масс столицы.

Затяжной характер боев в районе Кромы был следствием не только значительного превосходства в силах со стороны белых и их удачных тактических маневров, но в известной мере и следствием некоторых недостатков в действиях нашей ударной группы. Обнаружив эти недостатки, Реввоенсовет фронта сумел своевременно выправить их. Он дал указания РВС 14-й армии, которому подчинялась ударная группа, собрать разрозненные силы этой группы воедино и использовать их для истребления лучших полков Деникина.

Исходя из этих указаний, Реввоенсовет армии решил прорвать фронт офицерского корпуса и бросить в прорыв конную группу Примакова, состоявшую из бригады червонного казачества, латышского конного полка и кубанского конного полка. В ночь на 3 ноября 1-я и 3-я латышские стрелковые бригады под общим командованием тов. Стуцка прорвали

фронт у сел Чернь — Чернодье, и наша конница, получившая название 8-й конной дивизии червонного казачества, ворвалась в прорыв и пошла в тыл корниловской офицерской дивизии. Наступил первый зазимок — выпал снежок, земля обледенела, дул сильный встречный восточный ветер. Весь день, громя тылы и артиллерийские обозы, разрушая связь и работу тыла офицерского корпуса, с ежечасными стычками и боями против резервных частей дроздовцев и корниловцев мы шли к цели удара — ст. Поныри. Гул взрыва моста на р. Свапа по Курскому шоссе дал знать латышам, что наша конница достигла глубокого тыла и действует успешно. 5 ноября червонные казаки под командой Григорьева и Потапенко взяли и разрушили ст. Поныри, латышский кавалерийский полк взорвал ст. Возы, а кубанцы захватили г. Фатеж и освободили там из тюрьмы 400 пленных и политзаключенных. Из них был сформирован батальон, вооруженный захваченным оружием, и весь отряд собрался в с. Ольховатка на отдых после двух дней боев.

На следующий день мы повели наступление на север, нанося удар по непосредственному тылу и живой силе корниловцев. У с. Сабуровка пять батальонов корниловских офицеров были окружены нами и подошедшими с севера латышскими стрелками. Здесь, на огромном Сабуровском поле, общая победа закрепила боевое братство червонных казаков и латышских стрелков.

Фронт был отброшен от гор. Кромы на линию гор. Фатеж.

Начался снежный буран. Пользуясь им, 14 ноября мы вторично прорвали фронт и под прикрытием снежной пурги пошли в рейд в тыл дроздовской офицерской дивизии, к Льговскому железнодорожному узлу. Этот район весь изрезан оврагами, полевые дороги очень плохи, нам все время приходилось вытаскивать на веревках наши орудия из оврагов.

Но все же к поздней ночи мы вышли к селам Ольшанка и Мармыжи возле Льгова. Дроздовцы не ждали нашего удара: по их мнению, в такую погоду нельзя было воевать. Офицеры развлекались в своих обозах: в с. Ольшанка Григорьев захватил без боя пулеметную команду и батарею самурского офицерского полка — офицеры пьянствовали в поповском доме.

Утром 15 ноября был взят Льгов и захвачен бронепоезд «На Москву», тут же переименованный в «Червонный казак». 16 ноября была разбита дроздовская дивизия, взято в бою 27 орудий и 2500 пленных.

В результате действий ударной группы лучшие дивизии — корниловская и дроздовская — были разбиты в полевых боях и откатывались к Харькову. На плечах у них шли латышские

стрелки, в тылах действовали червонные казаки, на глубоком фланге наступал конный корпус Буденного, разгромивший конницу Мамонтова и Шкуро. На фронте Белгород — Богодухов генерал Кутепов успел восстановить фронт, но мы прорвали его возле Богодухова и, сделав глубокий рейд по тылам, вышли в тыл Харькову.

«Красная звезда», № 268, 20 ноября 1934 г.

„ЧЕРВОНЦЫ“

НАЧАЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ

Штаб червонной казачьей дивизии стоял в Перво-Константиновке, в доме попа. Поповское хозяйство было вконец разорено поборами и белых и красных войск, непрерывными военными постоями, во время которых был съеден последний клок сена и зарезаны были последние поросята и куры.

Военный постой тянулся в Перво-Константиновке непрерывно с января по май 1920 года. Он начался с отхода белых армий и длился все месяцы первых боев под Перекопом, за которым был заперт барон Врангель. В ободранных, грязных комнатах поповского дома уныло бродили три поповны и их постоянные гости — сельский учитель и сельские учительницы.

Начались теплые апрельские дни, и штаб, который особняком стоял в двух крайних комнатах, наполовину перекочевал в поповский сад, под зазеленевшие деревья, на согретую весенним солнцем первую зелень.

Три поповны сидели на широкой деревянной кровати. Одна что-то шила, другая штопала. Все вместе скучно разговаривали о том, что кончается картошка, что совсем нет хлеба и что надо будет снова просить в штабе немного муки.

Шедшая рядом с монотонной деревенской жизнью кипучая жизнь и работа штаба, постоянный гром орудий, стоявших здесь же в деревне, в садах, постоянный грохот разрывающихся ответных неприятельских снарядов, летевших из-за Сивашей, от далекого Перекопа, — все это шло стороной, мимо жизни поповен, и только пугало их бешеным бегом, лихорадочным напряжением, постоянной опасностью военных дней. Им было и любопытно наблюдать жизнь штаба, и было весело отвечать на шутки и заигрывания молодых командиров из штаба, и было страшно — постоянно было страшно от этой атмосферы ран, смерти и грохота снарядов. Но об этом страшном лучше было молчать, говорить было страшнее.

Разговоры на кровати были о картошке, о муке, о том, что нечего стряпать сегодня на обед, о том, что в штабе, кажется, тоже нечего стряпать, так как повар штаба дивизии, рыжий татарин Алей, матерно ругался на крыльце с каптенармусом, а потом бегал по соседним дворам, искал хоть луку, чтобы приправить картофельный суп без мяса.

Через сад к дому подошел учитель-старичок и, постучав в окошко, с некоторым испугом и растерянностью спросил у девушек:

— А не видели ли вы комиссара дивизии?

Было видно по тому, как он оглядывался на лежащих в глубине сада казаков, что вопрос он задает ненужный, только для того, чтобы оправиться, чтобы прийти в себя, потому что комиссар дивизии был в штабе рядом, в соседней комнате, и учитель знал это не хуже, чем сестры-поповны. Но старику было страшно идти в штаб через двор, на котором лошади и люди, страшно было разговаривать с часовым, и он, вызванный в штаб по какому-то делу, оттягивал время ненужными вопросами. Сестры-поповны понимали эго, они переглянулись, пожали плечами, вздохнули, и одна из них ответила:

— Да ведь вы же знаете, Семеныч, что комиссар дивизии в гостиной.

Семеныч достал из кармана кусок газетной бумаги и кисет с зеленой, ядовито пахнущей махоркой-самосадкой, вздохнул и молча стал крутить цигарку, а когда скрутил, зажег, пыхнул несколько раз густым вонючим дымом, тогда только поправил шляпу и снова спросил у сестер:

— А не знаете случайно, зачем я нужен комиссару дивизии?

Сестры ничего не ответили на вопрос, вполне бессмысленный, и только меньшая ответила на главное, что звучало в вопросе старика учителя:

— Да вы не бойтесь, Семеныч, комиссар дивизии — он очень молодой и очень добрый человек. Вы прямо пройдите через двор и спросите у дежурного комиссара дивизии. Это они, наверное, что-нибудь хотят в вашей школе сделать.

Семеныч вздохнул, еще раз поправил шляпу и пошел вдоль под окнами на большой двор, полный людей и лошадей, полный живой, деловой суетни и шума деловых разговоров.

Комиссар дивизии лежал на полу, на бурке, брошенной поверх охапки соломы. Рядом на бурках и шинелях лежало несколько человек политотдела дивизии. Все они спали после трудной ночи. Большой стол был придвинут к стене; на столе были брошены военные карты, стояла пишущая машинка и молодой парень возле стола, дежурный политработник, расписывал какие-то плакаты черными и красными чернилами, макая в них свернутую бумажную палочку.

Когда Семеныч вошел в комнату, дежурный обернулся к нему и, не вставая с табурета, коротко спросил:

— Вам что, дядько?

Семеныч, которому обидно стало, что его приняли за просителя, переступил с ноги на ногу, одернул рубашку, снял шляпу и сказал:

— Я здешний учитель. Меня вызвали к комиссару дивизии.

Дежурный подошел к спящему комиссару, несколько раз потянул его за ногу, потряс за плечо и, когда тот проснулся, сказал:

— К вам пришли, товарищ комиссар.

Комиссар дивизии встал с бурки, и Семеныч увидел молодое лицо, типично студенческое, обросшее первой бородкой, увидел добродушные серые глаза, увидел, что на одной заспанной щеке резко отпечатался след бурки и щека эта много румяней другой. Все это ободрило Семеныча, он шагнул уверенней на середину комнаты и сказал:

— Я здешний сельский учитель. Вы звали меня?

Комиссар дивизии подошел к нему, пожал руку и добродушно с растяжкой сказал:

— Извините меня, что я встречаю вас спросонок, пойдем поговорим.

Они сели на углу стола, и комиссар предложил учителю организовать при школе, которая пустовала и не работала, вечернюю школу для взрослых — для казаков, находящихся в резерве полков.

— Состав людей,— сказал он,— у вас будет несколько текучий, и вам придется создать группы в каждом полку с тем, что группы эти будете вы обучать каждую особо, но у нас очень большая тяга к учению среди казаков, и казаки хотят, чтобы в свободное время с ними занимались. Вот мы вас и просим организовать преподавание в школе грамоты, первых четырех действий арифметики и начальных сведений по географии.

Семеныч был огорошен и молчал; и комиссар дивизии, желая дать ему время понять, в чем дело, еще и еще раз переповторил предложение, пока наконец Семеныч заторопился, оборвал разговор, сказал:

— Да я со всем удовольствием. Да только это очень удивительно, товарищ комиссар, как же это будут ваши люди учиться грамоте, когда все из пушек стреляют? Однако вы меня извините, только это может в самом деле для ваших людей не удивительно, а мне вот, старику, удивительно было вас слушать. А так, конечно, мы школу организуем, вот только позвольте мне для помощи прихватить местных учителей и учительниц и, может быть, ваших хозяек.

И комиссар дивизии поручил Семенычу разработать подробный план с инструктором политотдела и с ним окончательно договориться, кто и как будет налаживать школу, кто и за что в этой новой работе за какую деталь будет отвечать.

Школа неграмотных была открыта в селе Перво-Константиновке и, вместо предположенной сначала только вечерней

работы, школа стала работать с утра и до вечера, подряд весь день с небольшими перерывами на обед.

Первое занятие в школе старик Семеныч провел несколько растерянно. Его смущала усатая и бородатая аудитория, собравшаяся в школьном здании. Восемьдесят человек казаков, учившихся в первой смене (всех смен было четыре), густо набились в школьном зале, заполнив все скамейки, подоконники, а те, кому окончательно не хватило места, уселись на полу.

Семеныч вошел в зал в сопровождении инструктора политотдела дивизии Виктора Горшкова, тощего паренька, длинношеего и синеглазого. Дежурный казак скомандовал «Смирно», аудитория, грохнув оружием, встала. Семеныч совсем было растерялся, однако оглянулся на Горшкова — не ему ли, не Горшкову ли эта воинская почесть,— но Горшков задержался в дверях, легонько подтолкнул Семеныча вперед, шепнул на ухо:

— Это вам, товарищ учитель, вы теперь для них старший.

Семеныч подошел к кафедре, Горшков прошел следом за ним и махнул рукой казакам. Те сели по местам, поудобней устроились. С полминуты длилась возня, затем школа затихла, и Семеныч начал свой первый урок грамоты.

Аудитория вела себя очень тихо. Усачи казаки разговаривали шепотком, и только иногда глухо брякали винтовки, поставленные между ног, да гремели об пол шашки, задетые ногой соседа или самим, шумно вздохнувшим после одоления какой-нибудь буквы казаком.

Семеныч расставил большие картонные буквы, намалеванные каждая отдельно черной тушью на кусках картона, и привычно составил из них легчайшее слово «мама». Он укрепил буквы, одновременно объясняя, что какая буква значит, показывая эту букву, чтоб ее запомнили, и, когда уже слово было готово, вдруг понял, что это слово как будто не самое подходящее для усатой и бородатой аудитории, каждый в которой давно уже или вовсе потерял мать или много лет ее не видел. От этой мысли Семеныч сбился и, продолжая, однако, объяснять буквы и порядок образования слогов и слов, лихорадочно думал о том, как же быть дальше, какие слова должны быть первые для этой вот аудитории — те ли, что написаны были в старом букваре: «мама», «папа», «баба», или нужно искать иные слова. И, пока мысль вертелась вокруг этого, в голове уже складывался набор коротких слов, нужных и подходящих для бородатой аудитории и годных для первого урока.

После «мамы» он написал: «воля», «земля», «пан» и, найдя верную дорожку, уже уверенно пошел по ней, по-

чувствовав большее внимание, почувствовав, что овладевает аудиторией, и стал выравнивать урок, стал выходить из смущения.

Через час смена ушла, и Горшков, который оставался до конца смены, позвал Семеныча в политотдел дивизии выпить чайку, пока соберется вторая смена.

Так прошел весь день Семеныча. До вечера он занимался с сменяющимися группами казаков, в перерывах ходил в политотдел дивизии, пил там чай, обедал с политотдельцами. От того же Горшкова он узнал, что его зачислили на все виды довольствия при политотделе. И незаметно для себя, к концу дня окончательно усталый, все-таки остался в политотделе помогать корректору править завтрашний номер дивизионной газеты.

Совсем поздно Семеныч пошел к себе, и по дороге, в саду, его окликнули поповны-сестры, сидевшие на той же постели и сумерничавшие. Все три они высунулись в окошко, одна повалилась на другую. Все три наперебой спросили:

— Ну что?

— Как урок?

— Кто учился?

И Семеныч, усталый, вполне удовлетворенный днем, свернул свою цигарку из самосадки, затянулся вонючим дымом и сказал:

— Знаете, всякие у меня ученики были, таких не бывало. С оружием, при винтовках, а тишина такая, что слыхать муху, и коли уж который из них кашлянет, так все на него цыкают, чтоб не мешал.

СИМФЕРОПОЛЬЦЫ

Дивизион разведчиков ночью вышел в сторожевое охранение. Впереди Перво-Константиновки, на линии хутора Преображенки, стояла дежурная бригада, которая занимала фронт от Черного моря до Сивашей и наблюдала Перекопский вал. Каждые три дня дежурная бригада менялась на этой позиции, и на смену ей из резерва выдвигалась свежая. В эту ночь на усиление бригады был послан дивизион разведчиков, которые должны были нести сторожевое охранение.

Разведчики расположились на хуторе Преображенка в старом парке имения баронов Фальцфейнов, богатейших помещиков Юга. Конные заставы выдвинулись в ночную тьму на три километра к востоку от Преображенки, в сторону Перекопского вала; от конных застав густая сеть дозоров подошла почти к самому Перекопу и сотней глаз наблюдала весь участок от Черного моря до Сивашей.

В два часа ночи от головного дозора прискакал казак на заставу и доложил начальнику:

— Кто-то тихо идет от Перекопа. Командир дозора думает, что идет пехота.

И начальник заставы, не поднимая тревоги, тотчас же послал связного к командиру дежурной сотни и второго связного к командиру разведчиков с донесением, что идет неприятель, что в ночной темноте идет пехота.

Начальник заставы был из старых унтер-офицеров, крепкий, здоровый парень, видавший виды. Послав предупреждение, он вместе со связным сам выехал к дозору. Начальник дозора встретил его у дороги на коне, шепотком доложил:

— Слышно, кто-то идет от Перекопа.

Всадники замолкли, насторожились и услыхали, как со стороны города надвигается тихий и четкий топот, как будто идет большое стадо или человечья толпа, и в топоте чуть слышен гул движущихся повозок.

— Чуешь? — спросил дозорный.

— Чую,— отвечал начальник заставы.

— Это не иначе наступает пехота,— сказал дежурный.

— Нет,— ответил начальник заставы. — Когда бы это было наступление, так уже у нас была бы перестрелка с ихней разведкой, а это идет колонна, и однако колонна эта нас не боится, потому что разведки нету. Это что-то другое.

Тихонько он передал поводья коня дозорному, а сам слез наземь, отошел в темноту навстречу нарастающему глухому шуму, лег на землю, плотно положил на землю ладонь, раздвинул пальцы и прижался к ним ухом — и сразу топот стал гораздо отчетливее, как будто он был рядом, и гул стал явственней, и стало слышно, что этот гул производят колеса, стучащие по земле и чем-то закутанные. Он еще полежал и послушал и наконец быстро вскочил, полный сознания, что происходит что-то недоброе, но не понимал, что же собственно происходит. Он молча сел на коня, приказал дозорным следовать за собой, и дозор поехал шагом навстречу таинственному шуму.

Отъехали сотню шагов, и впереди замаячила большая толпа, быстро идущая по дороге от города. Начальник дозора окликнул идущих густым, энергичным возгласом часового:

— Стой! Кто идет?

Из темноты в ответ донеслись приглушенные, сдержанные голоса:

— Свои... Мы свои, товарищи... мы перебежчики... Мы Симферопольский полк, идем на вашу сторону.

Дозор остановился, и начальник заставы опять крикнул в темноту:

— Пускай один из вас идет вперед и объяснит, в чем дело.

И от толпы идущих подбежали один за другим двое и наперебой стали говорить, что они, Симферопольский пехотный полк, решили перейти на сторону красных, потому что не хотят воевать против всей Расеи, потому что не хотят защищать панский Крым, и идут они на сторону красных всем полком, взяли с собой орудия, захватили с собой полковую батарею, а чтобы батарея не громыхала колесами, обвязали колеса соломой.

Все еще не совсем доверяя, все еще опасаясь измены, начальник заставы, приказав перебежавшему полку построиться и идти в колонне, послал на заставу приказ, чтобы выскочили вперед пулеметные тачанки, чтобы пулеметы направили на колонну и чтобы так, под пулеметами, вели ее в глубину своего расположения. Затем, послав донесение начальнику разведки, сам с дозором поскакал вперед, к Перекопу, посмотреть, что делается с той стороны, в конце колонны.

Колонна прошла мимо, торопясь, почти бегом. Быстро прогромыхали орудия, и зарядные ящики прошли мимо в ночной темноте плохо заметными силуэтами.

За колонной пусто, ночная голая степь, справа и слева свои дозоры, заставы. Уже в глубине степи затих гул ушедшей колонны Симферопольского полка, когда стал нарастать быстро и тревожно новый гул, идущий от Перекопского вала,— легкий топот быстро идущей кавалерии.

«Не иначе как погоня за симферопольцами»,— подумал начальник заставы и, остановившись с тремя казаками, послал двух связных карьером скакать к хутору Преображенке, к начальнику разведчиков, чтобы скорей шел на выручку прикрыть перебежавшую пехоту, потому что в погоню за ушедшими идет врангелевская кавалерия, а сам слева направо стянул к себе дозоры и сгруппировал на дороге десяток казаков. Казаки изготовили винтовки, и, когда в ночной тьме смутно завиднелся конный разъезд, шедший на рысях по дороге, навстречу ему грянули залпы собравшегося к начальнику заставы разъезда и заработал пулемет Льюиса, подвезенный льюисистами от заставы.

В глухой черной ночи красными струйками вспыхивали огни выстрелов. Выстрелы сыпались широким фронтом от Перекопского вала. Дозор, отстреливаясь, медленно отходил на заставу, которая поддерживала его огнем полусотни винтовок и двух тяжелых пулеметов.

Преследователи остановились.

Ночью завязался бессмысленный огневой бой, бой, во

время которого стрельбу направляют по звукам, на шорох, на шум, когда стреляют большими шквалами огня, между которыми наступает мертвая тишина. И в эти промежутки тяжелой тишины пулеметчики прислушиваются, нет ли где еще шороха, и, если что-нибудь им кажется подозрительным, они снова наводят пулеметы, и снова лента за лентой, залп за залпом, снопы пуль пронизывают ночную темноту.

До рассвета шла перестрелка в заставах и дозорах с наседавшей кавалерией противника, и только на рассвете врангелевская кавалерия ушла обратно за Перекопский вал.

Командир дивизии спал в поповском доме на полу на соломе, когда раздался телефонный звонок. Дежурный адъютант взял трубку, поднес к уху, не вставая с черной бурки, сказал:

— Слушаю.

— Из Преображенки начальник сторожевого охранения просит командира дивизии.

— Сейчас разбужу...

Адъютант растолкал командира дивизии и доложил вполголоса, чтобы не будить остальных:

— Звонят из охранения. Там у них какая-то тревога.

Тревога и ночные звонки стали настолько привычны, что командир дивизии давно перестал ругаться, когда в разгар сна звонок будил его и заставлял встряхиваться. Давно уже привычным стало постоянное нервное напряжение, в котором всегда работает командир боевой части. И на этот раз, полупроснувшись, он прижал рычажок телефонной трубки и буркнул:

— Слушаю.

Далекий и плохо слышный голос командира разведчиков произнес:

— Это товарищ командир дивизии?

— Ну да, это я. Слушаю.

— Товарищ начдив, говорит командир разведчиков Глот.

— Слушаю, слушаю.

— Товарищ начдив, застава донесла, что на нашу сторону перешел Симферопольский полк противника с офицерским составом и артиллерией. Я его сейчас принимаю в Преображенке.

— Что ты там врешь?

— Не вру, товарищ командир дивизии, перешел Симферопольский полк.

Пауза в несколько секунд — и командир дивизии голосом, который совершенно перестал быть сонным, прокричал:

— Глот, ты проверь, нет ли измены, и, хотя они идут колонной, приготовь все пулеметы, смотри.

— Слушаю, я понимаю, товарищ начдив.

— Ну смотри, Сережка, не прозевай, тут может быть большая провокация.

— Есть! Не прозеваю. Пулеметную команду уже приготовили.

— Ладно! Я сейчас же еду к тебе.

Командир дивизии вскочил, положил телефонную трубку, крикнул на весь штаб:

— Вставайте, ребята! Вставайте!

Лежащий рядом начальник штаба что-то пробормотал спросонок. Командир дивизии схватил его за ногу, вытянул на середину комнаты. Тот быстро вскочил:

— Ты чего толкаешься? Что случилось?

Но командир дивизии уже будил и ставил на ноги всех остальных. Одновременно было приказано командиру дежурной части, чтобы две дежурные сотни построились возле штаба дивизии, и адъютант звонил по телефону в первую бригаду, чтобы бригада изготовилась и поседлала коней. В штабе поднялась веселая деловая суматоха.

Политотдел в полном составе вместе с особым отделом сел на коней сопровождать командира дивизии. Сопровождаемые двумя дежурными сотнями, они отправились навстречу колонне Симферопольского полка, идущей в сторону Преображенки. Идя рысью, за селом командир дивизии услыхал пулеметную стрельбу возле Преображенки. На ходу буркнул штабу:

— Там похоже начинается ночной бой.

И прибавил ходу. Фыркая, кони несли широким галопом по степной дороге штаб дивизии и скакавшие за ним конные сотни к Преображенке на помощь разведчикам.

Уже по эту сторону Преображенки штаб дивизии встретился с колонной Симферопольского полка. Тут же на ходу опросив колонну, командир дивизии оцепил ее двумя своими сотнями, повернул к Перво-Константиновке и приказал идти на окраину села — ждать там его приезда,— а сам поскакал сначала в Преображенку, выяснить у разведчиков, чем же кончилась ночная стрельба и что, собственно говоря, произошло ночью.

Симферопольцы подошли к Перво-Константиновке уже на восходе солнца. Их встретили в огородах на окраине села, скомандовали составить ружья в козлы и привезли походную кухню с кипятком и завтраком. Вслед за кухней подъехали подводы с хлебом. Перебежчики сели пить чай.

Пока подошла запоздавшая подвода с сахаром, обступившие перебежчиков казаки стоявших в резерве полков стали доставать свой сахар:

— Бери, братва, пей!

— Как в Крыму насчет сахару?

Это были пробные вопросы, наводящие на разговор,— как там у вас, у неприятелей. И тысячная толпа, разбившись на небольшие кучки, завела быстрый разговор из вопросов и ответов, с одной стороны, про Крым, с другой стороны, про Россию.

Отдельные политработники и особисты вмешались в большую толпу солдат, разговаривали с ними, выясняли причину, по которой полк решил перейти на сторону Красной Армии. Большинство солдат сходилось на том, что не за кого воевать, что Крым полон помещиков, полон бар, что офицеры бьют по морде, и в тылу один обман, и что правда там, где Россия, где Москва, где Красная Армия.

Офицеры, перешедшие с полком, сначала пугливо прятались, так как не знали, какова будет их судьба, но когда солдат назвал командира одной из рот и когда с этим командиром просто и уважительно заговорил сотрудник штаба, тогда и остальные офицеры назвали себя и вмешались в общий полковой митинг, в общие разговоры.

Примерно через час после завтрака по дороге от Преображенки прискакала кавалькада в десять — пятнадцать всадников. Это возвратился командир дивизии со своим штабом. Он уже был информирован о событиях ночи и о причинах перехода полка. От кавалькады отделился всадник и карьером поскакал к полку. Кто-то из находившихся в полку командиров подал команду: «Смирно!» Всадник был адъютант командира дивизии. Он быстро нашел старшего в Симферопольском полку офицера и передал ему приказание временно принять команду и скомандовать полку построиться, так как командир дивизии будет говорить с полком. Огромная толпа в тысячу с лишним человек, стоявшая беспорядочно, замерла при звуке команды, быстро построилась и ко времени приезда командира дивизии уже представляла собою стройную колонну из шестнадцати рот, стоявших сомкнуто и ожидавших, что им скажут.

Командир дивизии подъехал вместе с комиссаром дивизии. Они поочередно говорили с полком и приветствовали симферопольцев как бойцов, пришедших на службу в Красную Армию. Они объявили полку, что полк сохранит свое имя и в целом, как полк, отправился в тыл, в Мелитополь, в распоряжение командующего армией, что, понятно, там будет произведена демобилизация всех тех, кто не захочет больше служить и кто подлежит освобождению от службы в Красной Армии. Комиссар дивизии говорил о задачах революции, о советских законах насчет земли, насчет фабрик

и заводов, и говорил он в этот день с необычайным для него подъемом, потому что эти люди, пришедшие оттуда, со стороны врага, слушали его с таким ненасытным вниманием, с каким уже давно никто его не слушал,— с вниманием, которое впитывало каждое слово, сказанное о судьбе крестьянина и о судьбе рабочего на территории великой Советской страны.

В полдень митинг окончился. Полк был построен, и колонна симферопольцев отправилась на север, в Мелитополь, в распоряжение командарма для того, чтобы разделить жизнь, судьбу, удачи и неудачи Красной Армии и Советской страны.

САМУСЬ

Звонок из Волочиска, из штаба первой бригады, позвал адъютанта командира дивизии.

— Слушает адъютант.

— Товарищ адъютант, на переправе ранили командира бригады...

— Где на переправе?

— Около мостика.

— Сейчас доложу командиру дивизии.

Адъютант отнял трубку телефона, закричал встревоженно:

— Товарищ командир, слышишь? Командира первой бригады ранили, доносят из Волочиска.

Командир дивизии вскочил и выругался:

— Черт возьми! Тяжело ранили?

— Сейчас спрошу. Волочиск! Первая бригада?

— Первая.

— Слушайте, тяжело ранили командира бригады?

— Не знаю, говорят, в руку или в ногу.

— Он не знает, товарищ командир, в руку или в ногу.

— Ну ладно, я поскачу на переправу, а ты оставайся здесь.

Адъютант остался на командном пункте наблюдать за положением боя, а командир дивизии, спустившись к гребле, взял лошадь у ординарца и с одним из адъютантов и ординарцем поскакал на переправу.

Они обогнули широким галопом поле, обстреливаемое трехдюймовой артиллерией, и приблизились к школе.

Навстречу в тачанке ехал лежа командир бригады, он был без сознания, лицо его было бледно, испачкано грязью и кровью. Его поддерживали двое казаков.

— Куда ранен? — на ходу спросил командир дивизии,

— В ногу.

— Везите в штаб дивизии, да смотрите — осторожно, чтобы не растрясти.

— Не растрясем!

Командир дивизии в карьер поскакал в район переправы.

Район переправы обстреливали пушками «Канэ». Снаряды ложились методически один за другим в районе моста, и командир дивизии, бросив свою лошадь ординарцу, пошел пешком, ложась на землю, когда приближался снаряд, и переждав, перебежал к переправе. Он увидел груду лошадей и людей, лежащих друг на друге в беспорядке, и брошенный на землю флажок командира бригады.

Весь район переправы был изрыт шестидюймовыми снарядами. В груде людей и лошадей, неподвижно лежащих, раздался стон. Командир дивизии бросился туда и увидел, что начальник штаба бригады, Данила Самусь, лежит среди лошадей на краю воронки, образованной шестидюймовым снарядом.

Его лицо было бледно, одна рука оторвана, и в крови была нога. Но глаза открыты. Он стонал.

Данила Самусь — комсомолец, организатор черниговского комсомола. Весь 18-й год он руководил подпольной комсомольской организацией. Во время гетманщины на Украине он был захвачен петлюровцами и приговорен к расстрелу. Ночью его отвели к Днепру на расстрел и поставили к стене. Взвод дал залп, и Самусь был брошен под стену. На рассвете он пришел в себя. На теле у него было одиннадцать ран, и ни одной смертельной. Он уполз от стены и, истекая кровью, приполз к одному из своих товарищей. Свой партийный подпольный доктор лечил раны Самуся; неустанный уход товарищей поставил его на ноги, и в 19-м году он пришел в червонное казачество.

Он сделал весь поход против Деникина, он завоевал уважение дивизии храбростью и спокойным, веселым характером.

Теперь он лежал на краю воронки от разрыва шестидюймового снаряда, изорванный осколками.

Командир дивизии подбежал к нему, поднял его голову. Самусь поглядел на него, глаза его были ясны. Он спокойно, очень тихим голосом спросил:

— А Григорьева тоже убили?

— Нет, Данила, Григорьев ранен, и его уже отвезли на перевязочный пункт. Сейчас я пришлю тачанку за тобой, вот только немного уменьшится обстрел, и тебя во всяком случае отвезем на перевязочный пункт.

— Нет, меня не нужно.

Очевидно, сознание смерти было совершенно ясно у Самуся. Он уже считал себя убитым, и командир дивизии, который положил его голову к себе на колени, понял, что Самусь прав.

У него была оторвана рука, оторвана левая нога, совсем перебита осколком другая нога, его грудь и живот были разорваны осколками. Он доживал последние минуты, и, очевидно, его нервная система была поражена до такой степени, что он уже не чувствовал боли.

Шипенье новых снарядов в воздухе стало слышней, и командир дивизии, взяв Самуся на руки, собрав его истерзанное тело и прижав его к груди, вместе с ним спрыгнул в воронку. Снаряд разорвался рядом. Он прижался к стенке воронки. Рядом разорвался второй снаряд. Землей засыпало воронку. Отряхнувшись от земли и высвободив засыпанные ноги, командир дивизии взглянул на Самуся, думая, что тот умер. Но Самусь был жив, он только с трудом говорил и все больше терял силы.

Кровь лилась непрерывно из его ноги и из ран на груди и на животе, глаза стали постепенно угасать, и губы приняли тот землисто-белый оттенок, который означает скорую смерть.

Командир дивизии спросил:

— Может быть, кому-нибудь что-нибудь передать нужно?

— Нет у меня никого. Передай хлопцам, чтобы скорей шли за Збруч, отомстили за меня.

Он еще был жив, но не мог говорить. Командир дивизии сидел с ним на дне воронки, прижав его истерзанное тело и пробитую голову к груди. Глаза стали совсем неподвижны. Тогда он закрыл ему веки, положил его на дно воронки. Оторванная рука лежала в стороне среди лошадей. Командир дивизии положил ее на тело и побежал от моста к ординарцу. Он послал ординарца в первый полк, чтобы первый полк скакал к мосту на переправу поддержать атаку второго полка, а сам перебежал к мосту, лег в одну из воронок и наблюдал движение цепи второго полка.

Второй полк поднимался на гору. Перестрелка на фланге поляков становилась все энергичнее и энергичнее, когда сзади раздался топот и в конце улицы показалась идущая по трое на рысях колонна первого полка.

Командир дивизии выскочил из воронки. Сквозь дымы снарядов, сквозь частые взрывы карьером, справа по одному неслись всадники первого полка на мост, на переправу. И вместе с этими всадниками, рвущимися в атаку сквозь огонь, стоял на краю воронки всегда спокойный командир дивизии и орал:

— Ура!

ПЕСНЯ

Колонна шла на Пасечно — Антоновцы — Фельдштин, заходя в тыл Проскурову, выходя на линию штаба шестой польской армии и ее базы снабжения.

Солнце взошло над холмами, небо было сине, безоблачно. Уже к семи часам утра стал чувствоваться жар. Но полки, отоспавшиеся, с нерастраченным зарядом энергии, шли весело. Собранные в кулак, полк у полка на хвосте, они физически чувствовали свою мощь, каждый всадник видел — «вот сколько нас», «вот какая мы могучая колонна, могучая конница».

И когда огромная колонна переваливала через балку, те, кто въезжал в свою очередь на вершину перевала, могли разом видеть голову и хвост шести конных полков. Полки шли с песнями, с бубнами. Во втором полку песенники выехали вперед и построились по шесть за бунчуком; справа и слева от бунчужных стали казаки с бубнами, а вперед выехали двое запевал — высокий тенор и другой тенор, подголосок.

Запевалы эти, известные во всем полку молодые, веселые казаки, стали как-то строже лицами. Они ехали вслед за командиром полка, в нескольких шагах. И командир полка Потапенко оглянулся на запевал, на выехавших вперед шесть шестерок песенников. Его рыжий ус дрогнул в улыбке, а затем лицо стало строгим и серьезным, и строгими и серьезными стали лица запевал.

Потапенко кивнул головой — можно начинать. Запевалы переглянулись и вполголоса поговорили насчет песни; потом оглянулись на песенников, кивнули им и откинулись в седле, развернув шире плечи, опустив поводья на кованную серебром и выложенную костью луку казачьего седла.

Высоким сильным тенором запевала начал старую песню, которую в полках переделали на свой лад и пели как марш и которую любили во всех сотнях:

Гей, нумо, хлопци, до зброи,
На герць погуляты...

В этом месте вступил тенор-подголосок, и, высокий и звонкий, он подхватил, и оба вместе запели медленно конец первой фразы:

Славу здобуваты...

И всей силой в тридцать шесть голосов подхватили песенники припев:

Гей, чи пан, чи пропав,
Двичи не вмираты!
Гей, нумо, хлопци, до зброи...

Первый раз песенники сами спели весь припев, а второй раз, когда надо было его повторить, вступил весь полк, и припев был подхвачен огромным хором в триста — четыреста молодых сильных глоток.

И снова тишина на секунду спустилась над полком, и снова затянули запев запевалы:

Гукнемо
Из рушниц
Та дамо гарматы!
Блыснемо шаблями...

И песня пошла всем ладом, поддержанная всем полком.

Как будто в лад песне шли кони, и качались, плыли в воздухе за полковым знаменем хвосты бунчуков.

Все так же со строгим лицом ехал впереди Потапенко, и во главе колонны ехал молча штаб дивизии, слушая песню. В песне была и разрядка приподнятого настроения рейда и показатель духа полка — боевого и веселого.

Когда кончилась старая песня, когда отзвучал последний стих:

Нам поможе вся голота
По усьому свиту
Волю здобуваты!
Гей, чи пан, чи пропав,
Двичи не вмираты...

переглянулись между собой запевалы, повернулись к ним, встряхнув бубнами, казаки, ехавшие по бокам бунчужного, и бунчужный тряхнул бунчуком.

Бубны глухо загудели под переборами пальцев, загудели в ритм, в лад под плясовую, и в лад взмахнул бунчуком бунчужный, гремя серебряными тарелками и бубенцами. Все веселей и веселей под пальцами и рукоятками нагаек шел на бубнах плясовой перебор, все громче гудели, гремели и звенели тарелочками и тарелками бубны, когда запевалы, толкнув один другого локтем, разом подняли веселый, высокий и частый напев плясовой. И уже после первых слов подхватили песенники, а за ними полк, и плясовая с высвистом, с гиком, под громкий рокот бубнов закружилась над полками,— и казалось, кони пошли бойчее, и самые сонные и не выспавшиеся после ночной стражи казаки окончательно проснулись и пришли в себя.

С гиком, с посвистом, с веселой песней прошли полки через село Пасечно и стали спускаться к селу Антоновцы.

Плясовая кончилась, и только глухо гудели бубны, да иногда встряхивал бунчуком бунчужный, да разговаривали запевалы, как будто бубны и серебряные бубенчики бунчужного и запевалы сговаривались потихоньку насчет новой

песни и в глухом рокоте бубнов был спор: какую же новую песню начать?

Голоса отдыхали, пока рокотали бубны, когда далеко впереди, возле штаба дивизии, оркестр вдруг грянул на медных трубах «Яблочко». И веселое «Яблочко» загремело над зелеными садами, все шесть оркестров вступили за головным полком, варьируя песню на разные лады, перебрасываясь удалым мотивом, который в одних полках звучал по-донски, в других по-одесски, в третьих по-киевски,— в каждом похоже и в каждом на свой лад, с какой-нибудь веселой загогулиной в конце или в середине мотива.

ВАРЕНЬЕ

Командиры сидели в доме попа и пили чай. Штаб размещался по всему дому. Вестовые с конями стояли во дворе и кормили коней из рук сеном. Суетливый поп, тощий и маленький, носился по дому, таскал мед к чаю, распоряжался по своему нехитрому поповскому хозяйству.

Село было под сильным артиллерийским обстрелом со стороны Галича. У Галича вел демонстративное наступление дивизион разведчиков. Бригады свертывались в колонны и шли по дороге к деревне Свистельники.

Командиры пили чай, разглядывали карту, обсуждали, каким путем лучше выйти к своим, ждали, что предстоит тяжелая полоса боев в тылу противника, что дни наступают трудные. Но разговоры носили обычный деловой характер. Как всегда, чисто выбритый командир первой бригады Григорьев сосредоточенно сосал мед, помалкивал, пошучивал, если разрыв снаряда ложился близко, пугал попа, что вот, гляди, поп, дом тебе разнесет и все стекла выбьет, где ты, поп, стекло достанешь?

Поп кланялся, хихикал, подкладывал мед, отмалчивался. Видно было, что он крепко трусит. Все чаще поглядывал в вишневый сад, в открытое окошко. Нужно думать, в саду у него был погреб, где он рассчитывал отсидеться.

Очень высокий и статный командир второй бригады вел разговор с командиром третьей бригады насчет дорог, насчет фуража, подсчитывал бегло, сколько у него осталось патронов и выстрелов на батарее. Двое других командиров сидели отдельно, в углу. Они где-то раздобыли банку с вареньем, ели его ложками прямо из банки и шутливо спорили, если кому-нибудь доставалось больше ягод.

В это время артиллерийский огонь стал ближе, снаряды стали ложиться возле поповского дома. Во дворе завозились ординарцы. Они спешно выводили лошадей. Но командиры

бригад продолжали пить чай со спокойствием людей, привыкших не только к огню, но еще более привыкших к тому, что на них смотрят, к тому, что они пример, к тому, что по их поведению равняются, и к тому, что не только сейчас нельзя бояться, а, наоборот, нужно показать некоторое щегольство и подчеркивать равнодушие к возможной опасности.

Командир первой бригады Григорьев подошел к самовару, стал наливать себе чай. Поп стоял за его плечами. Григорьев спрашивал у попа, нет ли еще варенья. Поп отнекивался, и видно было, что нарастающая артиллерийская гроза заставляла его трусить до того, что ему уже говорить стало трудно.

Внезапный свист снаряда раздался возле дома и за ним грохочущий взрыв, от которого вылетели стекла. Кто-то шарахнулся в сенях, кто-то кому-то наступил на шпору, шпора сломалась и впилась в ногу одному из ординарцев. Ординарец неестественно спокойным басом спросил:

— Кажись, меня ранило?

Григорьев с щеголеватым спокойствием опять подвинулся к попу и огляделся: попа не было. Громко и удивленно он спросил:

— А где поп?

Остальные были заняты каждый своим делом, на попа внимания не обратили, подняли голову, сказали:

— А черт его знает, где твой поп.

Григорьев меланхолично поставил стакан чаю на стол, решил поискать попа,— может быть, удастся раздобыть варенья. Шагнул к окну, тронул разбитое стекло, сказал: «А близко легла граната»,— и выглянул. Под самым окном стояли кусты, заросшие крапивой. Поп сидел прямо под окном в крапиве, вжав в рясу голову, накрытую сверху шляпенкой. Григорьев удивленно рассматривал его несколько секунд, а потом нагнулся через окошко, потрогал попа за голову руками, снял с него шапку. Поп еще ниже втиснул голову между колен. Тогда Григорьев участливо спросил:

— Что, батя, здорово обожглись в крапиве?

Поп помолчал, потом постепенно стал выпрямляться, повернул худое лицо с тощей козлиной бородкой, пролепетал:

— Нет, знаете, крапива не очень, только я думал, что дом упал.

В комнате начался хохот. Григорьев снова нагнулся, нахлобучил на голову попа шляпенку, сказал:

— Ступайте, батя, лучше в погреб, тащите варенье, тогда я вас совсем отпущу в погреб отсиживаться.

— В-в погребе не опасно, вы думаете?

— Чего же? Если погреб крепкий, можно отсидеться,

Поп окончательно выпрямился, но свист новой гранаты заставил его мгновенно присесть. Граната разорвалась несколько дальше. И Григорьев спокойным, понукающим тоном еще раз сказал:

— Да бросьте, батя, сидеть в крапиве. Катись скорее в погреб и тащи варенье.

Поп встал и напрямик через крапиву, раздвигая ее руками и, видимо, не чувствуя ожогов, прошел сквозь вишневый садик сначала шагом, потом мелкой рысью к погребу, который действительно земляным курганом возвышался в конце садика.

Григорьев отошел к самовару, потер руки, подумал, сказал: «Нет, придется к нему в погреб вестового послать, тонка у попа кишка, не придет он обратно с вареньем»,— и крикнул вестового. Через несколько минут вестовой притащил из погреба две банки варенья. Чаепитие продолжалось.

А еще через полчаса штаб дивизии и командиры бригад догоняли полки.

«ТАНЬКИ»

Дивизия червонных казаков была вызвана из села Каланчак в Преображенку, куда прибыли на рысях к вечеру 13 апреля. На ночь дивизия стала бивуаком в степи за Преображенкой. Разложили в степной балке костры, в землю вбили колышки, у колышков сделали коновязь, и на коновязях ночевали все шесть конных полков, а казаки спали завернувшись в шинели, в бурки, в полушубки, возле костров, скупо горевших, разложенных из кизяка да из дров, уворованных в селе Адамань.

Штаб дивизии спал тоже на бурках в самом хуторе Преображенке на земле, под стеной парка. Ординарцы штаба жгли костры из сушняка, собранного в парке. Костры были небольшие, так как большое пламя вызвало бы огонь неприятельской артиллерии. Костры плохо горели, а ночь была холодная, и холодно было спать под бурками в ночном тумане.

Впереди хутора Преображенки лежали в окопах пехотные заставы, а еще дальше, впереди пехотных застав, были высланы конные разъезды, которые вели разведку почти до Перекопа.

Ночь прошла спокойно, в обычной редкой ночной перестрелке. Еще не занялось утро и густой туман висел над степью, когда к хутору прискакал казак с донесением, что из-за Перекопа выходят какие-то части противника.

Медленно наступал рассвет, легкий утренний ветерок рвал туман, свертывал его в огромные серые клубки, катил

эти серые клубки к северу, на Сиваши, на гнилые, соленые болота. Степь светлела. Стало видно на двести — триста шагов в предрассветной мгле, когда прискакал новый дозор и приказал, чтобы его проводили к командиру дивизии. Командир дивизии спал около костра, завернувшись в бурку и глубоко надвинув папаху. Он уснул поздно. Дежурный адъютант не хотел его будить, и, только когда дозор доложил дежурному: «Разбудить беспременно надо, потому что из-за вала идеть не пехота, а идуть таньки», только тогда адъютант, дремавший возле костра, вскочил на ноги и переспросил казака:

— Что ты говоришь? Какие таньки?

— Которые бронированные, товарищ командир, вместо колес у них ленты, и на каждой пушка.

Адъютант не стал дослушивать объяснений, бегом побежал к командиру дивизии, потряс его за плечо:

— Товарищ командир, надо вставать!

— Что такое? — спросонок буркнул командир.

— Вставайте, товарищ командир,— танки.

Командир дивизии вскочил, сел на бурку, поправил папаху, поглядел недоверчиво на адъютанта и глухо спросил:

— Ты что врешь? Какие танки?

Но по лицу адъютанта видно было, что что-то случилось, что надо вставать, и, не дожидаясь ответа, командир уже оправлял на себе оружие, проверил, застегнута ли кобура, передвинул шашку на поясе, повторил вопрос:

— Где? Какие танки?

Адъютант доложил:

— Товарищ командир, приехали казаки из разведки и доложили, что из-за Перекопа вышли танки противника.

— Буди весь штаб! — приказал командир дивизии, и адъютант начал подряд будить штабных, спавших на бурках возле костра, а командир дивизии уже разыскал вестового, растолкал его, и, пока вестовой подтягивал подпруги седла и поправлял уздечку арабской лошадки, он тут же сам допросил дозорных, где танки, сколько их и как далеко они от Преображенки. Через несколько минут штаб был готов, и командир дивизии со штабом поскакал галопом в степь к Перекопу, галопом перешел через хутор и остановился возле мельницы за хутором, недалеко от ограды кладбища.

Из серого, разорванного морским ветром тумана, гремя мощными гусеницами, ревя мотором, лез танк. Он был один, но где-то справа и слева от него в тумане ревели другие моторы, и лязг и грохот шел по всему фронту.

Танк был большой, высокий, на нем в кузове башни торчало орудие, и с боков в полубашнях видны были пулеметы.

Штаб дивизии остановился возле мельницы. Танк шел прямо на кладбище, когда командир дивизии обернулся к штабным и, почему-то говоря вполголоса, приказал адъютантам:

— Скачи к дивизии, поднять по тревоге полки, привести их в боевой порядок. Начальник разведки, ты лётом скачи к латышам в штаб латышской дивизии, скажи, что идут танки и, вероятно, за танками идет пехота.

В это время справа и слева в тумане поднялась оружейная трескотня, глухо раздались первые ружейные выстрелы и слабо стали видны отдельные группы пехотинцев, беспорядочно бежавших к Преображенке и бросивших окопы, в которые они были поставлены на ночь.

Послав своих адъютантов с поручениями, командир дивизии отъехал за мельницу и устроился за ней, наблюдая танки. Он в первый раз встретился лицом к лицу с танками, раньше он только слышал о них и об их боевых качествах. Он знал, что танк не быстроходен, медленней коня, но он в первый раз наблюдал танк в действии, и он остановился за мельницей, пренебрегая опасностью и жадно всматриваясь в грохочущую и ревущую боевую машину.

Он запомнил движение гусениц, вращение башен и восхищенно вскрикнул, когда увидел, как танк мимоходом задел кладбищенскую ограду, сложенную из песчаника, и разломал эту ограду.

— Вот, сволочь, здоровенная!

Он так увлекся наблюдением, что не заметил, как до танка осталось не более трехсот метров. В это время пулеметчики-танкисты, вероятно, заметили группу всадников, стоявших за мельницей, и танк ударил по мельнице и штабу дивизии из двух пулеметов.

Пули запели и защелкали по мельничной обшивке. Командир дивизии, осадив лошадь, повернулся и ускакал к хутору, за выступ парка, и оттуда к своему штабу, который он оставил за парковой стеной.

Он ехал широкой рысью, глубоко задумавшись, и, когда уже подъезжал к штабу, кивнул рукой одному из адъютантов и подтвердил приказ:

— Скакать, проверить, изготовились ли к бою полки, и приказать, чтобы батареи были выкачены вперед и поставлены перед фронтом конных полков!

Адъютант пригнулся к луке седла и карьером ускакал в степь, которая с каждой минутой становилась светлей и давала возможность видеть все дальше и дальше.

Штаб дивизии подъехал к штабу пехотной бригады, который был устроен у ограды парка в уцелевшем от снарядов домике дворника.

Командир бригады сидел босиком на пороге избушки. Он уже отправил свой штаб к полкам и приказал полкам собраться возле солончакового болота Куразис, но сам оставался на месте, так как до него еще не дошло ощущение остроты и близости опасности.

Командир дивизии подъехал к нему, оглядел его спокойную фигуру. Под пристальным взглядом тому стало немножко неловко, он передернул босыми ногами и поправил на носу очки.

— Ты получил извещение насчет танков? — спросил командир дивизии.

— Да.

— Так ты же чего копаешься?

— А разве танк, что?

— Да танк не что, а вот через пять минут танк будет у тебя на шее, а может быть и раньше.

— Да разве танки близко?

И он стал быстро обуваться, а командир дивизии подробно рассказал ему, как выглядит танк, какое на нем вооружение, какая у него скорость, и посоветовал, чтобы пехота собралась возле солончакового болота Куразис, потому что в крайнем случае можно уйти в болото, а танк в болото не пойдет.

Комбриг пошел к болоту, но, когда он отошел от дворницкой избушки и оглянулся, он увидел, что танк уже въехал на улицу хутора и, грохоча гусеницами, с густым ревом мотора несется прямо к нему, к избушке дворника.

Тогда командир дивизии рысью подъехал к нему. Комбриг ухватился за луку седла, и они вдвоем, сговариваясь о том, как лучше остановить наступление противника, бегом отправились в сторону болота Куразис, возле которого собралась пехота и становились на позиции пушки.

Простившись с комбригом, командир дивизии подъехал к полкам, по которым уже пронеслось известие, что идут танки, что танки вот-вот появятся и что хутор Преображенку пришлось оставить. Командир дивизии галопом подскакал к полкам, остановился перед крайним полком и кратко объяснил казакам:

— Ребята, не робеть, помните, что танк идет четыре версты в час, значит, кавалеристам танк не страшен. Приготовьте бронебойные пули: от каждого полка надо выбрать джигитов, которые проскочат мимо танков и остановят пехоту Врангеля.

Это было сказано перед каждым полком. В каждом полку пошли разговоры, что танк идет четыре версты в час, так что от него можно и пешему уйти, не только конному.

От каждого полка выскочили вперед джигиты для того, чтобы поближе, вплотную пощупать танк, поглядеть, как с ним можно справиться.

Джигитам был назначен сбор на правом фланге дивизии, над ними старшим был назначен командир второго полка, спокойный, хозяйственный командир Потапенко. Он выехал перед фронтом, поправил усы и шапку и хрипловато закричал:

— Хлопцы, эта танка идет три версты в час, а по хорошей дороге четыре, дак нам на тую танку начхать, потому что последний коняка пойдет скорее, чем танка. Но, однако, за танкой идет пехота ихняя, так мы тую пехоту должны повернуть назад. А чтоб теперь вы знали, что кто из вас повернет без команды, так я сам застрелю. Поняли?

Строй отвечал ему шутками и смехом. Настроение росло.

Джигиты были на все готовы. Им спешно раздавали бронебойные патроны, потому что именно они первые должны были сцепиться с танками и дать им настоящий отпор, а также проверить, что такое танк и чего он стоит в бою.

План боя против танков был принят следующий: решено было между танками и идущей за ними пехотой бросить кавалерию с пулеметами. Задача конных отрядов была — занять парк Преображенки, укрепиться в нем и пулеметами остановить движение врангелевской пехоты. Танки же, которые не могли проникнуть в парк, состоящий из больших и густо разросшихся деревьев, должны были быть разбиты огнем конной артиллерии.

Потапенко, старый большевик, осужденный в 1907 году на каторжные работы за вооруженное восстание в Горловке и отбывавший каторгу в Орловском каторжном централе, Потапенко, спокойный человек и крепкий хозяин у себя в полку, поправил рыжие усы, приподнявши их кверху, поправил шапку и повел за собой джигитов. Отряд в двести всадников при ручных гранатах и двадцати ручных пулеметак Льюиса карьером прошел, рассыпавшись лавою мимо танков, к парку.

В парке лошади были укрыты в обширном замке Фальцфейнов. Их ввели в разрушенные залы сквозь проломы в стенах замка и там укрыли от пуль. Пулеметчики быстро заняли восточную и южную окраины парка и устроились со своими пулеметами за каменным цоколем решетки, окружавшей парк.

Пехота врангелевская еще не дошла до парка, она подхо-

дила густыми цепями к кладбищу, которое находилось примерно в четырехстах метрах от парка. Пулеметчики имели время устроиться, оглядеться и изготовиться к бою. Потапенко прошел несколько раз вдоль их позиций, проверил, как они устроились, и, только когда убедился, что все готовы к бою, он отдал приказ командирам сотен открыть пулеметный огонь, когда пехота подойдет на двести шагов. И пулеметчики, крепко взятые в руки командирами, поняли расчет боя, изготовились, приготовили запасные «тарелки» к пулеметам и приникли к каменной стенке.

Потапенко же собрал полусотню вооруженных гранатами казаков, взял с ними несколько льюисистов, и они перебежали через парк к улице, по которой шли танки.

Головной танк уже прошел улицу и вышел в степь. Второй танк шел по улице, а третий, невидимый за стенами дома, далеко к северо-востоку — было слышно — рычал мотором и гусеницами.

Группа казаков с пулеметчиком Калиниченко, который слыл в полку за бестолкового, но азартного казака и хорошего пулеметчика, перебежала через улицу и укрылась за дальней каменной стеной фальцфейновских конюшен. А около полусотни казаков залегли в парке вдоль улицы, по которой шел танк.

Потапенко яростным голосом кричал:

— Ребята, не горячитесь, сукины дети! Не кидайте по одной гранате, вяжите мотузками по три, по две гранаты вместе и разом кидайте под танк!

Некоторые казаки послушались команды, улеглись под деревьями и стали связывать по две, по три гранаты в один пучок, отрывая для этого ленты от патронташей. Другие сгоряча стали метать гранаты навстречу танку, который с ревом подползал по улице. Танк был на расстоянии не больше сотни шагов. Его чудовищное стальное угловатое тело покачивалось и громыхало, огромные гусеницы стлали под это тело непрерывное железное полотно, могучий мотор ревел в стальном корпусе, и угрожающе шевелились пулеметы и пушка. Своими точными, бесшумными, смертельно-опасными движениями они напоминали, что там, внутри, в железном чреве, раскачиваясь и трясясь на кожаных сидениях, прильнув к узким щелям в стальной броне, зорко всматриваются вражеские танкисты, готовые открыть огонь.

Первые гранаты полетели навстречу танку и разорвались с большими недолетами. В ответ по парку хлынули стальные струи пулеметного огня танка, но и грохот выстрелов и грохот взрывов перекрыл голос командира полка, который заорал на казаков:

— Не смей бросать гранат, сволочи! Подожди, пока подойдет на двадцать шагов!

Одна, две гранаты все же были брошены еще, и затем казаки угомонились. Но, когда танк поравнялся с лежавшей в засаде полусотней, когда его гусеницы оказались на расстоянии двадцати — тридцати шагов, тогда гранаты снова полетели на танк и под танк. Они падали впереди и сзади и у бортов машины, но танк шел неуязвимый, все так же рыча мотором и визжа гусеницами. Шевелились пулеметы, повинуясь точным механизмам, и струя пулеметного огня хлестнула по парку. Тогда загремели винтовки в упор на двадцать шагов и трещали, пока танк не прошел мимо, невредимый, ответив из своих пулеметов.

Сноп ругательств поднялся в парке и изумленные крики:

— Мать твою в танка!..

— Не берет сукина сына, хошь ты его на два шага стреляй!

Калиниченко, который изготовил к бою свой пулемет за кирпичной стенкой сарая, видел, как метали гранаты. В азарте он высунул голову из-за прикрытия и смотрел, как танк прошел сквозь полосу разрывов. Ошеломленный, он взялся за пулемет, руки его яростно вздрагивали, неуязвимость танка ему, пулеметчику, знавшему всю мощь своей машины, неуязвимость танка была ему как личное оскорбление, как тяжелая обида. Он выждал танк на себя, наметил узкие щели наблюдателей и в упор пустил «тарелку» по этим щелям.

Танк, огромный, вооруженный четырьмя пулеметами и пушкой, прошел мимо невредимый и даже не ответил на его пулеметный огонь, так как все внимание танкистов было приковано к парку, откуда летели ручные гранаты. Тогда Калиниченко бросил пулемет на землю, яростно заматерился, вырвал из мешка ручную гранату и, не слушая возгласов второго номера и его изумленного крика: «Куда ты, скаженный?!» — кинулся к танку и подошел к нему вплотную. Пользуясь мертвой зоной, которую образует в пяти шагах от танка система устройства его пулеметов, он шел рядом с машиной, у всех на виду, взлохмаченный, с растерзанным воротом, который он разорвал на себе, когда задохнулся от ярости после безуспешной стрельбы,— шел рядом с танком, стуча о стальную броню головкой своей ручной гранаты, яростно матерился и орал на весь хутор:

— Открывай, сволочь, дверку, я тебе брошу, я тебе брошу бонбу в твой танк!

Джигиты прекратили стрельбу. Потапенко выглянул из-за деревьев и скрылся. Пулеметы танка шевелились, опускаясь вниз до последнего предела, но Калиниченко шел вне поля

зрения пулеметчиков, вне поворота пулеметов, шел рядом, продолжая стучать в броню и материться. Он заметил, какое впечатление произвел на полк, на казаков, на всех своих товарищей. Он ярко почувствовал всю необычайную эффектность положения и захотел сделать все, что можно. Примерившись на ходу рукой, он ухватился за ребро орудийного спонсона и прыгнул вверх на танк. Левое колено уперлось в ребро, но он потерял равновесие и, хватаясь правой рукой за кожух пулемета, уронил свою гранату на землю. Граната взорвалась под его ногами, взрыв сбросил его с танка, его правая нога была растерзана осколками,— и, упавши в пыль на широкий след, оставленный танком, он извивался от боли среди пыльной улицы и истерически ругался вслед уходившей машине. Из-за сарая к нему кинулись казаки, его подхватили и унесли от мести танкистов, от пуль, которые они могли послать раненому.

Его унесли за угол каменного сарая, положили на землю, сорвали с его шашки индивидуальный пакет и забинтовали раненую ногу. Затем второй его номер положил его в сарай, дал ему воды из фляжки и взял пулемет, чтобы бежать в бой.

Калиниченко, уже успокоившись, хриплым голосом попросил:

— Погоди, Сашка, дай махры, а то скучно будет лежать, пока вы там стрелять будете!

Второй номер вернулся, дал ему махорки, дал бумагу, сказал:

— Полежи, я вернусь сразу.

И выбежал из сарая.

Лежа на земле, свертывая папироску, Калиниченко услыхал, как из-за угла сарая заработал пулемет. Калиниченко не причинил никакого вреда танку, но то, что он шел с ним рядом, стучал по танку бомбой, кричал «открой, я тебе брошу» — это показало казакам, что танк не так страшен, что с танком можно бороться, и казачье радио, которое неизвестно как передается, но действует молниеносно, уже долетело до дальних полков, стоящих в лощине, в степи, и танк еще не вышел из хутора, а уже в конных полках знали, как Калиниченко «щупал таньку» и что танк ничего ему сделать не мог. Стали говорить, что танк вроде быка безрогого, только заборы ломает.

Эта новость и другие, принесенные от джигитов из сада, все больше и больше ободряли полки, и, когда танки вошли в степь и двинулись на позиции артиллерии, их встретили спокойно, без паники.

Конные батареи построили полукругом. Расчет был простой — при таком построении, в случае движения танка на

одну из батарей, другая батарея будет в состоянии вести огонь на борт танка, который представляет собой и более слабое место в танке и более крупную цель.

2-я батарея стояла без прикрытия, прямо в степи, на расстоянии версты от Преображенки. Танк шел прямо на нее, и на батарее немного нервничали и ворчали насчет того, что вот их поставили одних, без прикрытия, а танк — вот он наползает.

Командир дивизии подъехал к батарее, слез с коня и отправил своего вестового с лошадью к батарейным лошадям. Артиллеристы бросили говорить насчет прикрытия, было неловко и совестно говорить об этом при командире дивизии.

Похлопывая нагайкой о голенище сапог, командир дивизии подошел к батарейцам, поздоровался, затем отошел в сторону, вынул бинокль, поглядел на танк. Танк был виден отчетливо. Он шел на батарею, и его лобовая пушка открыла огонь и дала несколько перелетов через батарею.

Командир дивизии оглянул артиллеристов, стоявших возле орудия, оглянулся на командира батареи и вслух спросил:

— Что, слабит гайка?

Командир батареи ответил смущенно и сердито:

— Да что вы, товарищ командир, да чего его бояться!

И вопрос и ответ сказаны были громко, вся батарея их слыхала. Тогда командир дивизии оглянул батарею еще раз и сказал:

— Ну, коли не слабит, так наводите хорошо да приготовьтесь дать сдачи!

И командир батареи побежал к орудию, оттолкнул наводчика и сам стал наводить. А командир дивизии сел на землю и спокойно стал разуваться. Он разул оба сапога, медленно перетряхнул портянки, медленно переобулся, все это на глазах у батареи, которая совершенно стала успокаиваться.

Не вставая, прилегши на бок, командир дивизии закурил папироску и лишь после всего этого окликнул командира батареи:

— Ну что? Навел?

И командир батареи, из унтер-офицеров, из кряжистых крепких воронежских плотников, оторвался от панорамной трубы и доложил отчетливо и весело:

— Так точно, навел, товарищ командир.

— Ну навел, так держи! Подпусти еще малость да проверь наводку у всех орудий.

И, возвысив голос, командир крикнул все так же небрежно, как будто подшучивая, лежа на земле:

— Ну, ребята, кто попадет в танку, тому от меня фунт хо-

рошего табаку. А сейчас авансом подходи от орудия по номеру и бери на орудие папиросы.

Он выкинул из широкого кармана шинели несколько пачек папирос, перебросил их подбежавшим номерам, и номера бегом, подшучивая, разбежались обратно к орудиям. У орудий стали закуривать.

А танк, ревя, шел прямо на батарею, и его орудия все время вели частый огонь, на этот раз с большими недолетами. Когда до танка оставалось не больше тысячи шагов, командир дивизии снова окликнул командира батареи, так что слыхали у всех орудий:

— Ну что? Выкурили?

И хотя не все еще докурили, хотя у многих папиросы были еще зажжены, но по тону вопроса, по тому, как командир сам швырнул в сторону свою недокуренную папиросу, все поняли: вот она, подошла минута, которую все ждали, когда нужно остановить танк. Командир батареи проверил прицел и подал звонкую, отрывистую команду:

— Батарея, огонь!

— Первый!

Первое орудие блеснуло молнией выстрела, его длинное стальное тело рванулось назад, остановилось и накатилось обратно.

— Второй!

— Третий!

— Четвертый!

Молнии выстрелов вспыхивали одна за другой, их длинные зелено-желтые языки протягивались к танку. Дымы разрывов окутали танк, легли рядом с танком. Прицел был верен, и батарея открыла беглый огонь.

В это время из хутора вышел второй танк, двинувшись несколько в стороне от первого. Тогда с правого фланга следивший за боем второй батареи командир первой батареи, молодой, очень горячий парень, подал команду:

— Передки на батарею!

И когда лошади карьером подошли к орудиям, он приказал трем орудиям оставаться на месте, одно орудие взял на передки и галопом двинулся навстречу танку. Орудие неслось по степи с лязгом и грохотом, ездовые гикали на лошадей, конная прислуга, пригнувшись к седлам, скакала рядом. В пятистах шагах от танка орудие повернулось кругом, передок был снят и быстро отошел в сторону. Орудие изготовилось к бою. Командир батареи навел орудие. Сгоряча он не довернул, и его первая граната, на которую он так рассчитывал, разорвалась не далее чем в ста шагах перед стволом его собственного орудия. Тогда, также загорячившись, он решил,

что это стреляет танк и что этот разрыв — недолет от танка. Он вызвал передок свистком и карьером стал уходить. Но командир сотни Никулин, который, увидев маневр батареи, со взводом казаков кинулся прикрыть орудие, понял, что произошло. Он карьером нагнал орудие, заорал:

— Стой! Ты куда бежишь?

Когда командир батареи на скаку ответил: «Танк пристрелялся!», он крикнул:

— Вернись, дурак, это был твой снаряд, а не танка!

Командир батареи понял, в чем дело. Полный стыда и бешенства, он снова повернул орудие, снялся с передка и открыл огонь по танку.

На головном танке скрестился огонь первой и второй батарей. Танк вертелся в дыму разрывов, потом остановился, и его пулеметы перестали отвечать. Танк стоял на месте, к нему полным ходом шел второй танк, а из головного танка выбрасывали какие-то цветные сигналы в тыл, ко второму танку. Тогда батареи снова открыли огонь, снова танк застлало дымом разрывов, но танки уже сошлись вместе, сцепились, и второй танк увлек подбитую машину. Танки медленно уходили на Преображенку. Вслед им, прибавляя прицел, громыхали все три батареи.

ФОКУС

В первых числах сентября, форсировав реку Свирж, червонные казаки повели наступление от Княгинницы на село Вержбица, которое занимали около восемнадцати эскадронов улан.

Как и всегда, уланы дрались пешком, окопавшись на подступах к селу Вержбица. Сквозь косую сетку дождя плохо просматривались подступы к селу, а за селом была замечена четырехорудийная батарея противника, которая била по второй бригаде. Вторая бригада в пешем строю наступала на Вержбицы. Второй полк первой бригады цепями двигался по обеим сторонам шоссе. Но цепи наши залегли под артиллерийским огнем. Противник стал закапываться в землю. Местами перешли к обороне. Даже просто ходить по размокшей холодной земле под дождем было неприятно, а бежать по ней перебежками под стонущим свистом пуль, зарываться в землю, прятать голову в мокрые ямки было совсем противно.

Наступление шло все более и более вяло.

Пулеметный и артиллерийский огонь противника все учащался. Цепь подвигалась все медленнее.

Командир второго полка, старый политкаторжанин, участник Горловского восстания Потапенко ходил по цепи спокой-

но, покручивал седеющий ус, покрикивал на пулеметчиков, чтобы не отставали от цепи.

Он был похож на человека, который занят делом по хозяйству у себя на дворе. Весь вид у него был хозяйственный. Бой для него, казалось, был таким же делом, каким для крестьянина в страдную пору бывает уборка сена, каким рабочему в гуле, в грохоте, в свисте машин казалось его дело у скрежещущего, ноющего и визжащего станка.

И эта простая деловитость, это полное спокойствие под огнем действовали на казаков не только ободряюще, но заражали их той же деловитостью.

При взгляде на Потапенко казалось, что все дело в том, чтобы споро и ладно сделать порученное тебе дело, дотащить пулемет до пригорка, удобно его окопать, укрыться шинелькой от дождя, заложить ленту, спокойно навести, поправить позицию пулеметных номеров, заставить и их настроиться поделовому — и потом уже, не торопясь, стараясь действовать спокойно, выбрать подходящую цель и огневым нападением срезать эту цель.

И когда дело удавалось, когда рассыпались от неприятельского пулемета, взятого под огонь, польские уланы, когда тыкались лицом в землю и не поднимались больше фигуры пулеметчиков, у пулеметной команды второго полка, слышавшей спокойный голос Потапенко: «Вот это молодцы, хлопцы, вот это попали», возникало такое же ощущение, какое обычно возникает у человека, если он правильно, толково сделает порученное ему дело.

Частые удары гранат ложились среди цепи второго полка. Уланская батарея перенесла огонь со второй бригады по цепям казаков Потапенко. Гранаты ложились в цепь, с грохотом выкидывали вверх густые, тяжелые в дожде, но быстро тающие в столбах черного дыма осколки и фонтаны мокрой земли. В цепи стонали раненые.

И так же деловито Потапенко покрикивал:

— Эй, хлопцы, там во втором взводе у вас кого-то, кажись, зацепило. Донесите на бурках до тачанки да отдайте хвершалу!

Все это входило в систему дела и было частью деловой работы.

Хлопцы брали раненого и доносили его на перевязку. Это мало действовало на психику. Это было необходимой частью в большом, сложном деле, которое развертывалось на поле.

Потапенко шел вместе с цепью, изредка ругался, иногда во весь голос матерился, но матерился он на тех пулеметчиков, которые не быстро и не расторопно таскали ленты, которые были плохими работниками в этом большом и сложном

боевом хозяйстве полка. И второй полк быстрее других частей продвигался к селу и, наконец, взял под пулеметный огонь вишневые сады, на опушке которых группировались уланы.

В это время на бугре, сзади Потапенко, появился штаб дивизии и командир первого конного полка. Оглядев конную группу, которая выехала к дорожному кресту, а затем спешилась и отправила лошадей назад за бугор, Потапенко почувствовал еще более отчетливое ощущение хозяйственности: старший хозяин приехал поглядеть, все ли в порядке и как идет дело.

На бугре, у креста, в штабе дивизии произошел короткий разговор, как решить бой. До батареи противника по шоссе было около трех километров. Батарея была довольно хорошо видна. И штаб дивизии приказал первой батарее, бывшей в первом полку, стать на позицию и подготовиться открыть огонь по артиллерии противника. Первому полку было приказано идти по лощинке справа, в обхват, и ударить по батарее, а взводу второй батареи одновременно с первой батареей открыть огонь по коноводам уланов, которые с большой массой лошадей были замечены недалеко от батареи.

С батареей, для того чтобы ее нельзя было увести, намечено было сыграть фокус. Из первого полка был вызван пулеметчик, известный всему полку своей лихостью. Командир полка в присутствии командира дивизии приказал ему сделать вид, что он со своим пулеметом перебегает на сторону поляков. Его тачанка должна была карьером пройти на батарею по шоссе. Вслед ей полувзвод первого полка должен был открыть в воздух огонь, а подойдя к батарее, тачанка должна была повернуться и взять под пулеметный огонь батарейную прислугу.

Дело было рискованное. Но скуластый сероглазый пулеметчик с веселым и задорным лицом ухмыльнулся, сказал не по-служебному:

— Ладно, товарищ командир, я их нагрею.

В тачанку к нему был еще дан пулеметчик с ручным пулеметом Льюиса. И когда полк вышел к батарее и был от нее примерно в двух километрах, тачанка сорвалась с холма и карьером понеслась по шоссе к противнику.

Вслед ей затрещали беспорядочные выстрелы. В погоню кинулось несколько всадников. Но пулеметчик нахлестывал лошадей, всадники не догнали, и поляки, которые сначала встретили тачанку выстрелами, прекратили стрельбу и стали ждать, что же будет дальше.

Им казалось, что одна повозка, которая летела к ним во весь опор, во всяком случае не может быть опасна для целой батареи, стоящей на позиции

Тачанка подлетела к батарее на четыреста шагов, пулеметчик придержал коня, заорал ездовому не своим голосом:

— Поворачивай, Дмитро, тачанку, повернись на скаку!

Взмыленные кони остановились. Льюисист на ходу выскочил из тачанки и лег на землю, и два пулемета взяли в работу батарею.

Прислуга на батарее заметалась, часть кинулась за щиты, укрываясь от пуль, несколько человек из прикрытия бросились прочь от батареи за бугор, ошеломленные внезапным огневым шквалом.

А из ложбины с гиком и ревом уже шел в атаку первый полк. Мокрая земля летела из-под копыт черными брызгами. И через минуту на остановившуюся батарею ворвались атакующие всадники. После короткой рубки с батареей было кончено. Батарея замолкла, и полк рассыпался по полю, повернул частью на коноводов уланского полка, частью вслед артиллерийским лошадям, на которых ездовые уходили в карьер от батареи на запад.

По всему полю поднялся рев. Второй полк и вторая бригада вскочили, без толку бежали по полю к спешенным частям противника, кричали:

— Коноводы, коней!

Бешенство атаки передалось всем наступающим. Труба вызывала коноводов. И через несколько минут диким табуном к спешенным всадникам подлетели их кони. Полки вскочили на коней. Общая конная атака кончила бой далеким преследованием. За день было захвачено до трехсот пятидесяти коней и пятнадцать пулеметов.

«Альманах с Маяковским». М., Изд-во «Советская литература», 1934, стр. 195—236.

СМЕРТЬЮ ГЕРОЕВ

1918 год... Кровавый и грозный год гнева и мести. Грандиозная трагедия разыгралась на украинском театре гражданской войны. Германские полчища, призванные Петлюрой, залили Украину. Сапог прусского жандарма задушил Украинскую республику, нагайка гайдамака свистела над крестьянином, мстя за пережитые дни страха перед гневом народным. В лесах, в оврагах появились отряды мстителей — партизан. Их борьба, жестокая, кровавая, требовала могучих натур, гигантской силы и выносливости.

Память рисует мне три силуэта бойцов этой эпохи, тех, кого уже нет.

Ганжа. Гигант рабочий. Энергичное лицо, полное неукротимой энергии и дикой силы. Эта буйная сила — наследие предков-запорожцев — так странно сочеталась с дивным серебристым голосом, певшим «сумные» украинские песни в темные ночи в лесу над Десной. Сильный, злой и веселый. Безумно храбрый в бою, способный на подвиг и умевший после боя приласкать ребенка, спеть ему колыбельную песню в сумерках крестьянской хаты.

Коропец. Сотник 1-й сотни. Унтер-офицер, крестьянин Полтавской губернии, Лохвицкого уезда. Среднего роста, с большими черными усами, задумчивыми черными глазами, степенный, молчаливый; осторожен, рассудителен, холодно-бешен в бою.

Чуприна. Взводный командир 1-й сотни. Бывший артист какой-то украинской бродячей труппы. Нежная фигура, прекрасные, нежные девичьи глаза. Прозвище «Маруся», душа женщины и храбрость молодого львенка. Все они пали в один день, в светлый солнечный день, на поле Славы, от ружейных пуль и штыковых ударов в бою с немецкими солдатами под Воробьевкой.

Пуля пробила высокий лоб Ганжи. Восемь пуль пронзили Коропца. Рядом с цветком, продетым в петличку, чернела штыковая, смертельная рана на груди у «Маруси».

Казацкой горячей кровью покрылось Воробьевское поле... Много пролетарской крови пролито в степях Украины. Из этой крови выросли красные маки — цветы Свободы. Пожар восстания охватил Украину, сжег трон гетмана и окрасил в алые цвета знамена германских солдат. Они унесли этот цвет к себе на родину.

Спите с миром, товарищи!

Окропленные вашей кровью знамена мы пронесем через весь мир.

«Из ваших костей поднимется мститель кровавый». Этот мститель — Красный Воин закончит начатую нами борьбу.

Красная Армия победным маршем дошла до старых границ и вышла на поля Галиции. Даром ничто не дается — ценой крови покупалась победа. На пороге Галиции, в бою на реке Збруч легло много казачьих голов. В числе других при форсировании реки Збруч убит и Д. Самусь — организатор Коммунистического союза молодежи в Чернигове, революционер, вынесший на своих плечах тяжесть гетманского подполья, и солдат революционной армии.

Во время нелегальной работы в гетманском подполье в Киеве т. Самусь был арестован и приговорен к расстрелу. Взвод юнкеров отвел его к стене. Залп... Самусь упал, и юнкера ушли, уверенные в точности своих выстрелов. Но плохо стреляли гетманские юнкера. Ночной холод привел в себя брошенного у стены и пронзенного более чем полдюжиной пуль Самуся. Он уполз от стены, нашел убежище у своего товарища по подпольной работе и оправился от ран.

Героическая борьба республики с Деникиным потребовала всех коммунистов в ряды армии. Самусь вступил в ряды Червонного казачества, выдвинулся как способный, дельный работник, неутомимый, хладнокровный, мужественный и был назначен помощником командира бригады. Работал в полевом штабе дивизии. С червонными казаками Самусь совершил победный марш, полный лишений и битв, от Орла до Крыма, все время находясь на передовой линии. С ними же он перешел на польский фронт... В пламени боя, под огнем десятков орудий бригада пробует перейти Збруч.

Самусь и комбриг Григорьев подъехали к речке. Переправа обстреливается тяжелыми орудиями. Гулкий стон орудийного боя Грохот взрывающихся снарядов. В дыму, в предсмертных судорогах корчится на земле 6 казацких коней. Убито два казака, ранен Григорьев, смертельно ранен Самусь. До 20 ран на теле Самуся. Льется кровь. Смертельная бледность легла на лицо, но он еще в сознании. Глубокий, последний взгляд... «Может, что скажешь, Данило?» «Прощай. Передай хлопцам — вперед. Пусть заплатят за меня». И умер. А мы пошли вперед. Мы отомстили. Мы перешли Збруч и дошли до Карпат, до стен Львова. На Шумлянской горе мы справили поминки по Даниле — там легло до 1000 поляков под ударами наших сабель. Так умер комсомолец Самусь.

Скиньте шапки перед его памятью. И пусть наш смертельный час будет так же красив, как эта смерть на поле битвы.

При атаке десанта, высаженного генералом Врангелем у Перекопа, вражеским снарядом убит тов. Гончаренко, командир 5-го Червоннoказачьего полка. Унтер-офицер, крестья-

нин, совершенный образец красного кавалериста, превосходный наездник, спокойный, сдержанный в бою, до дерзости храбрый в атаке, он, как и подобает казаку, нашел в атаке смерть. Прекрасна жизнь, ушедшая на борьбу за свободу, прекрасна смерть, принятая в бою.

Командир 4-го полка тов. Новиков. Силач и красавец, он пользовался заслуженной репутацией «бешеного». Так прозвали его всадники Морозова за его атаки у Перекопа. Это прозвище за ним осталось и в полку. Буйная натура не давала ему сидеть сложа руки и в дни отдыха. В такие дни он выезжал на аванпосты и под выстрелами неприятельских пикетов разгуливал на виду у врага, покуривая трубку, или рубился с каким-нибудь удальцом-джигитом.

Он убит в атаке, прорвавшись с горстью всадников через две линии пехоты в центр села, занятого штабом полка Познанских стрелков, пытаясь атаковать в лоб пулеметы противника. Его полк повторил атаку, чтобы отбить тело любимого командира. Эта атака дала нам победу, а телу Новикова почетное погребение. Пусть смерть его учит, как надо умирать.

Убит в атаке... Умер смертью героя... Бесконечно приходится повторять слова, но нет иных слов, когда вспоминаешь о смерти героев. Молодой, избалованный жизнью, сын богача тов. Глот волонтером вступил в ряды червонцев и в этих рядах нашел смерть. Выйдя во фланг врагу, он решился на безумное дело — с двумя сотнями атаковал три батальона готовой к бою пехоты.

Победа всегда венчает безумство храбрых — эта атака принесла Глоту орден Красного Знамени, победу и смерть. Тяжело раненный в бою с бандой, на смертном одре тов. Коротчаев, командир 4-го полка, был награжден Орденом Красного Знамени и умер с ясной улыбкой, зная о победе и веря в конечное торжество своего дела.

В атаке убит военком 1-го полка тов. Кулик, суровый к себе и другим, с суровой, закаленной жизнью душой.

Его прощальный жест в сторону Махно решил судьбу махновщины. Ураганом пошел в атаку против банды 1-й Червонноказачий полк, и тысячная банда была разгромлена атакой небольшой железной горсти всадников, решивших победить или погибнуть.

«Кровь за кровь» — этот беспощадный закон воскрес в наш бурный век. Много червонных казаков легло в боях за свободу. Их подвиги дали им вечное бессмертие. Память о них будет жить в веках.

Сб. «Червонное казачество. 1918—1923». Харьков, 1923, стр. 160—162.

„СМЕЛОСТЬ ГОРОДА БЕРЕТ“

Як на Стрый ми йшли
Поляки тікали,
А дівчата галичанки
Нам квітки давали.
(«Яблочко» 1-й дивизии).

Это было в сентябре 1920 года. Дивизия зашла в рейд к Карпатам, глубоко в тыл противника. Несколько дней в постоянном окружении сражались червонцы. Взяты гг. Бобрка, Миколаюв, Ходорув, Жидачув. Очередь дошла до г. Стрыя.

В ясный, солнечный день перешли червонцы р. Днестр. На западе показались в тумане мощные великаны — Карпатские горы.

При виде этих великанов, надвинувших на лоб косматые шапки — тучи, бросили казаки папахи вверх и такое грянули «ура», что, верно, за Карпатами, в Венгрии, было слышно. Затрубили хоры трубачей, понеслись над Днестром победные марши и звонкие казачьи песни, а полки идут за полками прямо на запад — к Карпатам.

Во встречных селах по-праздничному одетый народ бросает яблоки веселым всадникам, девчата в ярких галицких одеждах протягивают цветы казакам. А казаки смотрят орлами, усы покручивают да коней поглаживают, охорашивают, папахи на затылок сдвигают. К вечеру подошла дивизия к Стрыю.

3, 5 и 6-й полки под командой комбрига т. Демичева назначены атаковать г. Стрый. Стрый с юга прикрыт десятками горных речек, которые быстро текут одна рядом с другой, через них переброшены мосты к городу. По ту сторону мостов залегла пехота — до тысячи штыков при пулеметах. Трудно взять ее — речки непроходимы в конном строю, а мосты вдоль обстреливаются пулеметами. Комбриг-3 Демичев спешил около шести сотен, и они завязали огневой бой с противником. Солнце село за Карпатами. Бой затягивается. Наша артиллерия бьет по бронепоезду противника, который вяло отвечает. Сумерки спускаются. Тень от Карпат легла на Стрыйскую долину.

Неожиданно энергичная команда всколыхнула стоящих в конном строю шести сотен. Тов. Демичев приказал в конном строю в колонне атаковать г. Стрый через мосты. Решение было безумно: мосты обстреливались пулеметами и пехотой противника, но город нужно было взять.

Дивизион в карьер пронесся через мосты, за ним на не-

большой дистанции поскакал полк. Мосты загудели от топота кованых копыт.

Беспорядочно часто затрещали винтовки пехоты навстречу атакующим, строчили пулеметы, но с каждой секундой ближе атакующая колонна, как гром, гудят мосты — и дрожат руки пехотинцев, без толку стреляют винтовки. Дрогнула пехота, бежит, а головной дивизион, потерявший до 70 всадников на мосту, яростно рубит бегущих, давит конями, как ураган несется к станции.

Подоспел полк, развернулся с бешеным гиком, ударил — и все ложится на его пути. Взмыленные кони храпят и рвутся — темный инстинкт передает им ярость всадников, гонит их вперед и вперед.

Смелость города берет!

Стрый взят, станция разрушена, взорван узел. До трехсот вагонов с военным имуществом и оружием достались казакам.

Сделав свое дело, ушли червонцы. Величаво стоят Карпаты. Много битв видали они — и звонкое горное эхо от вершины к вершине передает весть о новой битве, о грязных всадниках, пошедших на безумное дело и доблестно выполнивших его.

«Смелость города берет!» — кричит горное эхо.

— Смелость города берет,— повторяют червонцы.

Сб. «Червонное казачество. 1918—1923», Харьков, 1923, стр. 292—293. (Напечатано под псевдонимом «Старый казак».)

Андрей Сергеевич
БУБНОВ
(1883—1940)

Большевик с 1903 г. Вел подпольную революционную работу в партийных организациях Москвы, Шуи, Иваново-Вознесенска, Петербурга, Самары, Саратова. Участник IV (Стокгольмского) и V (Лондонского) съездов РСДРП. На VI (Пражской) конференции был избран кандидатом в члены ЦК партии. Царской охранкой арестовывался 13 раз и просидел в тюрьмах в общей сложности свыше 4 лет. Перед самой революцией был выслан в Туруханский край. После свержения царизма возвращается в Москву, работает членом Областного бюро РСДРП(б) Центрально-промышленной области, на VI съезде партии избирается в ЦК. В октябре 1917 г.— член Политбюро и Партийного военно-революционного центра по руководству вооруженным восстанием.

С марта 1919 г. работал на Украине, входил в состав Украинского рабоче-крестьянского правительства и ЦК КП(б)У. В 1919 г. назначается членом РВС Украинского фронта, потом членом РВС 14-й армии, участвовал в ликвидации Кронштадтского мятежа. В 1921—1922 гг.— член РВС Северо-Кавказского военного округа. В 1922—1923 гг.— заведующий Агитпропом ЦК РКП(б). С начала 1924 г.— начальник Политического управления РККА и член РВС СССР. В 1925 г.— секретарь ЦК партии. С 1929 г.— нарком просвещения РСФСР.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПАРТИЗАНСКОГО ШТАБА

Во второй половине августа 1918 г. в гор. Нежине и почти во всех селах и деревнях Нежинского уезда время от времени расклеивались объявления, подписанные германской районной комендатурой. В начале этих объявлений «майор Гот» доводил до всеобщего сведения, что такого-то числа «в городе Нежине по обычаям войны расстреляны в качестве бандитов» такие-то крестьяне таких-то деревень или сел, а в конце объявлений неизменно стояло: «За поимку предводителя банд Крапивянского назначена награда» — и указывался размер этой награды.

Товарищ Крапивянский, на подлом языке германской разбойничьей комендатуры именовавшийся «предводителем банд», в течение более чем двух месяцев стоял во главе военного штаба района Черниговской и части Полтавской губерний. Работа этого партизанского штаба представляет собой типичнейшую картину условий и методов партизанской работы, ознакомиться с которыми — значит получить общее представление о характере партизанской работы на Украине вообще в течение июня — сентября 1918 г.

В район деятельности Черниговского штаба входили уезды Нежинский, Козелецкий, Остерский, Черниговский, Городнянский, Конотопский и Борзенский. Непосредственная связь у штаба имелась с Прилукским уездом, постоянная «разведка для связи» велась в направлении Золотоноша — Черкассы. Центром являлся Нежинский уезд, а точнее, район м. Веркеевка, лесисто-болотистые места, так называемые Смолянки, и направление по р. Остру, от Нежина до Мрина и далее до Козар. Границы этого района, в котором главным образом и развертывались боевые партизанские действия, можно наметить следующим образом: в Черниговском направлении (северо-запад) — Салтыкова Девица, в Прилукском направлении (юго-восток) — Мокеевка (30 км южнее Володьковой Девицы), в Нежинском направлении (восток) — Заньки, Веркеевка и Нежин и в Козелецком направлении (запад) — Державновка, Носовка.

Кроме районного штаба, который постоянно менял свое местопребывание, в указанном районе действовали еще четыре местных штаба (в Веркеевке, Мыльниках, в хут. Каблукове и Носовке). Деятельность центрального штаба началась в половине июня, и всю ее можно разбить на три периода: первый (с половины июня до половины июля) — широкая организационная работа, работа по налаживанию повстанческого аппарата, формированию отрядов, учету оружия и

проч.; второй (с половины июля по начало августа) — массовый террор партизан против представителей гетманской власти, «державной варты», офицерских карательных отрядов, постепенный переход к открытым вооруженным схваткам и третий (первая половина августа) — период открытой вооруженной борьбы против германо-гетманских войск.

В приказе № 1 (от 19 июня) уполномоченный по организации центрального военного штаба Черниговской части Полтавской губернии прежде всего обращался ко всем военно-революционным организациям района со следующим предложением:

«Властью, мне данной Советским правительством Украины, как организатору и руководителю по созданию центрального военного штаба на территории Черниговской и части Полтавской губерний, предлагаю всем военно-революционным организациям, стоящим на платформе Советской власти на Украине, войти в тесный контакт со мной. Прислать по два делегата от каждого уезда для связи при штабе района. Делегатам дать точные данные: а) о количестве имеющегося в распоряжении организации оружия и снаряжения, б) о денежных средствах, в) о количестве повстанцев, готовых по первому зову выступить и г) чего недостает».

Далее в приказе дается ряд практических организационных указаний:

«Каждый уезд губернии должен иметь свою военно-революционную организацию. Собирать вокруг этой организации надежные силы, на которые необходимо нужно будет опереться при взятии власти в свои руки. Каждая уездная организация должна мобилизовать свои силы, чтобы к определенному времени выступить всем районам организованно и одновременно».

«Каждая уездная организация должна создать уездный штаб (примерно, как штаб полка военного времени), т. е. каждая организация волости, мобилизовав свои силы, должна дать роту военного времени, а уезд — полк военного времени. Название — по месту существования».

Здесь же имеется указание на «необходимость создать строгую дисциплину, что, подчеркивается в приказе, крайне необходимо при нашей нелегальной работе».

До половины июля штаб выпустил еще три приказа (25 июня — № 2, 2 июля — № 3 и 9 июля — № 4). Все они продолжают развивать план военно-организационной работы, конкретизируя и детализируя общие указания приказа № 1. С развитием практической работы в приказах ставятся и разрешаются вопросы о формировании отрядов, обучении их, о способах установления строгой дисциплины — «товарище-

ской спайки», о полном учете всех военных материалов, о командном составе и, наконец, о производстве мобилизаций.

Приказы постоянно напоминают всем военно-революционным организациям о необходимости «строгой дисциплины», «поддержания дисциплины», «поднятия дисциплины» и проч. Наряду с постановкой перед военными органами задачи формирования «войсковых частей», «летучих отрядов», «обозов и хозяйственных учреждений» рекомендуется производство мобилизаций. При этом подчеркивается, что необходимо «число повстанцев соразмерять с количеством средств».

С отрядами должны производиться занятия: «Все повстанцы должны быть обучены умению обращаться с оружием и стрельбе из винтовок, пулеметов и револьверов, и особенно умению обращаться с ручными гранатами, с которыми придется иметь дело» (приказ № 4). Кроме того, к повстанцам предъявляются еще следующие требования: «Повстанцы,— читаем мы в § 7 приказа № 4,— должны разбираться во всякой обстановке боя», для чего рекомендуется им изучение условий и приемов боя «в лесу, в городе» и проч.

Неоднократно приказы останавливаются на «строгом учете», «полном учете» и т. д. «наличия всех имеющихся в нашем распоряжении средств». При этом «всем организациям и командному составу» предлагается «вести сильную, строгую экономию при распределении всех средств, памятуя, что мы ими не богаты и достать их трудно, что относится к боевым припасам в особенности» (приказ № 2).

Большое внимание уделялось в приказах вопросу о командном составе. Приказ № 2 «вменяет в обязанность» всем военно-революционным организациям уезда «контроль, чтобы в ротах, батальонах и полку был всегда на своем месте авторитетный командный состав в достаточном количестве и вполне соответствующий своему назначению», а в приказе № 4 уже прямо предписывается всем военно-революционным организациям «выбрать командный состав», «поставить в известность и представить списки или устные доклады о командном составе». Лица командного состава, «не соответствующие своему назначению», согласно приказу № 3 могут быть смещаемы уездной военно-революционной организацией. И, наконец, тот же приказ № 2 весьма определенно декретирует: «Всякая распущенность командного состава, его халатность, небрежное отношение к делу, к военному хозяйству, обзаведение разными приживалками женского пола при нем будут жестоко караться, и все это также подлежит контролю уездных и волостных военно-революционных организаций». Все цитированные указания из приказов Черниговского штаба намечают общие контуры того военно-организационного плана, ко-

торый и осуществлялся революционными организациями Нежинского уезда и прилежащих к нему районов в течение времени с половины июня до половины июля.

Во главе всей этой работы стоял, как я уже и отмечал, центральный районный военный штаб, основной частью которого была группа из пяти товарищей (все — бывшие офицеры). Штаб находился в теснейшей связи с Нежинским уездным ревкомом. В результате дружной организационной работы «не было деревни, где не имелось бы ревкома».

17 июня был созван Нежинский уездный селянский съезд в составе 22 человек от волостей уезда. Этот съезд в своей резолюции, между прочим, отмечал, что «везде идет энергичная работа по организации повстанческих сил», «везде люди в уезде организованы или организуются, только недостача в оружии, а в некоторых случаях и в средствах, мешает быть готовыми». Два постановления свидетельствуют о тесной совместной работе военного штаба и военно-революционных организаций уезда: первое — по вопросу о том, какую волость признать за центр, съезд постановляет: «Признать за центр место, где находится центральный военный штаб», и второе — «Придерживаться приказа центрального военного штаба района в отношении дисциплины и подчиненности низших организаций высшим». Таким образом, военный штаб в своей работе мог опереться на широкую сеть политических организаций, а эти последние, в которых влияние нашей партии было чрезвычайно велико, могли оказывать организованное воздействие на основную линию деятельности штаба.

Вся работа штаба по формированию отрядов, созданию ополчения, учету оружия и снаряжения, организации снабжения повстанцев продовольствием и проч. велась через уездную сеть военно-революционных организаций. Благодаря совместным усилиям штабов и ревкомов и удалось добиться серьезных результатов в основной части района деятельности центрального штаба — организовать довольно сильную повстанческую группу отрядов. В Нежинском уезде на учет было взято более 5 тыс. крестьян и рабочих. Кроме этого, до тысячи повстанцев было сведено в отряды и вооружено. Артиллерии у этой повстанческой группы не было — были винтовки, три пулемета и гранаты, в патронах ощущался большой недостаток. Командный состав состоял из 14 офицеров (кроме 5 в центральном штабе) и до 200 унтер-офицеров. Общее число повстанцев (более 6 тыс. чел.) представляло собой значительную группу. Количество мужского населения в этом районе достигало 200 тыс.; из них группа от 18 до 35 лет составляла тысяч до сорока, т. е. штабу удалось мобилизовать свыше 1/5 этой группы мужского населения, причем следует отме-

тить, что это отношение значительно повысится, если из общей группы 18—35-летних выкинуть буржуазные и кулацкие элементы.

Повторяю, штабу удалось создать крупную массу повстанцев, и силу этой массы ослабляло, и ослабляло, конечно, очень значительно, плохое вооружение: артиллерии не было, пулеметов было недостаточно, военные припасы вообще отсутствовали, трехлинейных винтовочных патронов было мало. Но события нарастали своим чередом, движение развертывалось, и со второй половины июля штаб перешел к активным партизанским действиям. К этому периоду относится приказ № 5, изданный 15 июля. Он чрезвычайно рельефно отражает то обстоятельство, что нарастание стихии, рост организованных сил и возрастание сплоченности их в районе неизбежно направляло деятельность военного штаба в русло организации активных боевых выступлений. Первые же параграфы приказа говорят о том, что штаб, тесно связанный с рабоче-крестьянской массой района и организациями этой массы, подошел вплотную к задаче подготовки «выступления». § 1 приказывает всем военно-революционным организациям «немедленно прислать в центральный штаб командиров частей и надежных инструкторов с целью учесть всю обстановку для принятия определенного решения». § 2 напоминает организациям о срочной необходимости «поспешить присылкой делегатов для связи». «Чем скорее,— говорится здесь,— мы свяжем наши организации, тем одновременнее и организованнее можем уловить удобный для нас момент выступления. Связь должна быть постоянно». Далее, в следующих параграфах приказа идет речь о командном составе, о создании «могучей силы, вполне достаточной для успешной борьбы с врагом»; указывается на крайнюю необходимость доставить сведения «о состоянии организации», предлагается «принять все возможные меры, чтобы наше выступление на местах не выливалось в поголовное избиение, а также в погромы» и т. д.

«С врагами народа,— говорится в § 5,— мы должны жестоко расправиться, но всюду должен нами руководить разум, всюду мы должны учитывать обстановку, считаться со всеми фактами». Упоминая о «грабежах и разбоях отдельных личностей», уполномоченный по организации центрального штаба района говорит: «Я строго приказываю всем организациям и командному составу района жестоко расправляться с преступными элементами и ничего не иметь с ними общего».

В предпоследнем параграфе приказа даются некоторые указания о действиях «при выступлении», а последний параграф призывает все революционные организации «строго придерживаться программы нашей партии (большевиков-комму-

нистов)» и предостерегает от попыток соглашения с буржуазией и соглашательскими партиями: «Их не должно быть, так как это преступно и безумно и никогда не даст хороших результатов».

В то же время, т. е. в половине июля, точнее, 17 июля, был подготовлен приказ № 6, призывавший к выступлению и требовавший начать его.

«Приказываю,— читаем мы в первых же строках,— всем военно-революционным организациям района выступить на защиту прав народа. Час выступления настал. К нам поступают сведения, что всюду на Украине происходят восстания, что всюду идет борьба за Советскую власть и уже начинают раздаваться упреки, что мы в своем районе сидим и спокойно смотрим на героическую борьбу наших братьев. Упреки эти преждевременны. Мы выжидаем удобный момент и все это время вели организацию по собиранию повстанческих сил. Момент настал. И я призываю все население Черниговской и части Полтавской губерний встать, как один, на защиту своих прав».

Заканчивается приказ лозунгами: «Да здравствует Советская власть на Украине! Да здравствует Социалистическая Федеративная Российская Советская Республика! Да здравствует социализм!»

Но в июле приказ этот не был издан: выступление «с целью взять власть в свои руки» было признано преждевременным. Всю свою энергию и лучшие свои вооруженные кадры штаб направил на организацию массового террора.

В двадцатых числах июля начались действия против активных контрреволюционеров, представителей гетманской власти, доносчиков, шпионов и проч. в Веркеевке, Носовке, Володьковой Девице и других селах. Все намечаемые лица похищались и доставлялись в штаб. Эти действия привели к тому, что на ноги была поставлена вся «державная варта», все повитовые власти, все гетманские ищейки. Их усилиями главнейшие военно-революционные органы (штабы, ревкомы) были раскрыты. Начались облавы, для чего в уезды были вызваны карательные офицерские отряды, немецкие части и проч. Штабам приходилось затрачивать массу усилий, обнаруживать колоссальную изворотливость, чтобы не попасться в лапы гетманских жандармов. И для того чтобы не дать возможности раздробить повстанческие силы, чтобы не дать полицейскими налетами, арестами и т. д. нанести им серьезный удар, штаб принужден был перейти в наступление — начать действительно массовый террор против гетманских властей и «державной варты».

В последних числах июля повстанцами один за другим

были произведены три нападения: на Носовку, где было уничтожено более 30 человек (пристав, урядники, милиция 2-го стана, офицеры из местного карательного отряда и проч.); на Дроздовку, где были убиты шесть полицейских, и на Веркеевку, где количество убитых равнялось 113, и в числе их находились офицеры карательного отряда, «кадеты» из отрядов, составившихся из сыновей помещиков и кулаков, стражники и пристав. Крестьянская беднота, с сжатыми кулаками переносившая издевательства и насилия гетманщины, удесятерила размах массового террора — в громадном количестве сел и деревень началось поголовное истребление всех агентов гетманской власти, и в течение очень краткого времени Нежинский уезд был очищен от больших и малых насильников. Немедленно крестьянская масса начала восстанавливать свои органы власти. Первыми мерами этих советских властей были меры в отношении уборки хлеба, правильного распределения его, мобилизации населения и проч. Такое положение не могло быть устойчивым. Ясно было, что в уезд будут брошены для наведения «порядка» немецкие войска, с ними надо было принять и выдержать бой.

Таким образом, непрерывно усиливавшийся массовый террор неизбежно должен был перейти в открытое вооруженное столкновение между повстанцами и немецкими отрядами.

Германские войска были двинуты в Нежинский уезд из Киева, Чернигова, Бахмача и Сосницкого уезда. Широкое развитие партизанского движения в Нежинском районе вынудило немецкие силы рассыпаться по всему уезду. Районный штаб находился в это время в лесах около с. Мыльники. Немецкое командование, решив устроить облаву на штаб и находившийся при нем отряд, заняло своими частями Мыльники, Колесники, Плоское, Мрин, Носовку, Володькову Девицу и Синяки. Штаб с повстанческим отрядом удачным ударом на Мыльники уничтожил штаб противника и заставил все немецкие силы стянуться к Нежину. И снова уезд оказался без вооруженной силы, на которую могли бы опереться гетманские власти. В это время, приблизительно 5—6 августа, штабом было объявлено, что приказ № 6 входит в силу. Почти вслед за этим был выпущен приказ № 7, в котором рабочие и крестьяне призывались восстановить на местах органы Советской власти, встать под ружье, взять на учет весь хлеб, а немецким солдатам предлагалось «во избежание поголовного истребления» положить оружие *.

---

* На сессии ЦИК Советов Украины, состоявшейся в Таганроге 18 апреля 1918 г., было создано Бюро для руководства повстанческой борьбой в тылу австро-германских оккупантов. В состав его входили представители большевиков (А. С. Бубнов, В. П. Затонский, Н. А. Скрыпник и др.),

Крестьянская беднота Веркеевки, Носовки и других сел района опять «начала действовать»; в Веркеевке, например, было немедленно мобилизовано до тысячи крестьян, взяли хлеб (до 3 тыс. копен) из имения Терещенко и проч. Немецкие отряды снова расползлись по уезду. В Нежине осталось не более 600 немецких штыков. С 7 на 8 августа районный штаб предпринял нападение на гор. Нежин. Веркеевскому отряду (300 вооруженных и 500 невооруженных) была дана задача не терять связи с «немцем» и «держать его» в этом месте. К Нежину были двинуты два отряда: первый — на ст. Нежин (100 вооруженных и 50 невооруженных) и второй — на предместье Авдеевку (200 вооруженных и 400 невооруженных). Отряд Нежинской военно-революционной организации должен был действовать внутри города (250 вооруженных). Оба первых отряда должны были занять южную половину города. Данные им боевые задачи они выполнили, но выступление повстанцев в самом Нежине запоздало; поэтому оба отряда штаба, израсходовав патроны, вынуждены были отступить к Мыльникам. С этого момента повстанцы лишь обороняются, так как в погоню за отрядами была брошена значительная сила в 2 тыс. штыков.

левых эсеров и украинских социал-демократов. Бюро провело большую подпольную работу по организации повстанческого движения.

Но среди руководящих работников КП(б)У не было единства взглядов на перспективы этого движения. «Левые» коммунисты, среди которых были А. С. Бубнов и Г. Л. Пятаков, преувеличивая внутренние революционные силы крестьянства и недооценивая решающего значения укрепления Советской власти в России для победы революции на Украине, допускали серьезные тактические ошибки: стремились поднять всеобщее вооруженное восстание, когда для него еще не созрели условия. «Правые» наоборот, не понимали необходимости организации решительной борьбы.

Летом 1918 г. в ряде губерний Украины произошли восстания крестьян против германских захватчиков. Особенно крупное из них было организовано Черниговским губкомом КП(б)У и губревкомом в начале августа под непосредственным руководством партизанского штаба, возглавляемого Н. Г. Крапивянским. С. И. Аралов рассказывает, как горячо сочувствовал украинским повстанцам В. И. Ленин (Сб. воспоминаний «Незабываемое», М., Воениздат, 1961, стр. 13—14). Однако Центральный военно-революционный комитет и ЦК КП(б)У, переоценив эти успехи, по инициативе Г. Пятакова и А. Бубнова издали приказ о начале всеобщего вооруженного восстания на Украине. Для этого не было объективных условий: Советская Россия, связанная условиями Брестского мира, не могла прийти на помощь восстанию на Украине; восстание не было подготовлено организационно и технически. Партийные организации не смогли выполнить приказ. Пленум ЦК КП(б)У, состоявшийся 8—9 сентября в Орле, признал приказ о всеобщем восстании преждевременным, а потому ошибочным, и поставил задачи по развертыванию партизанской борьбы и работы среди австро-германских войск. (См. об этом: «Очерки истории Коммунистической партии Украины». Киев, Госполитиздат УССР, 1961, стр. 236—251.) — — *Ред.*

Штаб немедленно же распустил оба отряда, оставив при себе группу в 50 надежнейших партизан, и решил пробиться с ними в Козарские леса. При выполнении этого плана между Мрином и Носовкой отряд попал под сильный пулеметный и ружейный огонь, натиска не мог выдержать и отступил в лесисто-болотистую местность р. Остер, просидев в тростниках полтора дня.

10—11 августа штаб, распустив свой небольшой отряд, решил перебраться к повстанцам, находившимся в Веркеевских лесах в количестве 300 вооруженных с двумя пулеметами. Это ему удалось выполнить. Но положение Веркеевского отряда было чрезвычайно тяжелым, так как Веркеевка была окружена немецкими отрядами, расположившимися в самой Веркеевке, Заньках, Кошелевке, Дремайловке, Вересочи, Дроздовке, Орловке, Переходовке, Стодолах, Кукшине и хут. Вруб. Повстанцы решили «переждать облаву» в Веркеевских лесах, но во время отдыха в лесу, приблизительно 13—14 августа, немцы неожиданно напали на отряд и отбили обоз. Серьезные партизанские действия после этого стали невозможными, и штаб объявил отряд распущенным. Сам он тоже принужден был временно уйти из пределов этого района.

История Черниговского штаба и организованной им партизанщины чрезвычайно поучительна. Языком фактов она говорит о том, как постепенно задача открытого вооруженного выступления выдвигалась ходом развития партизанской борьбы. После внимательного рассмотрения всех этапов этой героической борьбы ясно, что все решения районного штаба находились в строжайшем соответствии с объективной обстановкой. Штаб не измышлял своих приказов, они диктовались ему развитием массового движения. Массовый террор в условиях назревшего восстания неизбежно должен был перейти в открытую вооруженную схватку между восставшими и главнейшими силами противника, т. е. немецкими империалистическими отрядами. Такова неумолимая логика нарастающего движения. Мне остается лишь очень коротко остановиться на событиях, развернувшихся в Нежинском районе после того, как партизаны были разбиты.

Половина августа и начало сентября для рабочих и крестьян этого района были нестерпимо тяжелым временем. Белый террор, террор гетманских ищеек, кулаков, офицерских отрядов, остервенелых банд кулацких и помещичьих сынков обнаружил всю степень невероятной злобы насильников против восставших масс трудового народа. Было расстреляно свыше 150 крестьян за участие в партизанской борьбе. Семейства повстанцев, их жены, дети буквально вырезывались. Применялись невероятные надругательства, на которые спо-

собен лишь разбойник-империалист и злобствующий, остервенелый кулак. Так, в с. Володькова Девица сожжен был двор отца тов. Крапивянского. Приговоренных к расстрелу приводили на это пепелище, после надругательств и пыток убивали и здесь же закапывали. Товарищ Лука Кожуховский был четвертован, братья Шевченко убиты после истязаний.

Но ни тяжелая борьба, ни зверская расправа не сломили революционной воли масс, их твердого стремления продолжать до конца борьбу с империалистами и гетманщиной. По словам всех оставшихся в живых партизан Нежинского района, настроение крестьянских масс остается революционным и доныне.

«Гражданская война 1918—1921». В трех томах. Под общей редакцией А. С. Бубнова, С. С. Каменева и Р. П. Эйдемана. Т. 1, М., Изд-во «Военный вестник», 1928, стр. 35—45. (Автор обозначен: «А. Б.»; в первоначальной публикации — журнал «Армия и революция», Харьков, Военно-редакционный совет Украинского военного округа, № 1—2, 1923, стр. 50—59 — автор указан: «А. Бубнов».)

Иоаким Иоакимович
ВАЦЕТИС
(1873—1938)

Родился в Латвии в семье батрака. В 1909 г. окончил академию генерального штаба. Участвовал в первой мировой войне и закончил ее в должности командира 5-го латышского Земгальского полка. Последний чин в старой армии — полковник.

Во время Октябрьской революции вместе с латышскими стрелками перешел на сторону Советской власти. В феврале 1918 г. руководил боевыми действиями против контрреволюционного польского корпуса генерала Довбор-Мусницкого. В начале июля по поручению В. И. Ленина руководил советскими войсками при ликвидации мятежа левых эсеров в Москве. С 10 июля 1918 г. — командующий Восточным фронтом, с сентября 1918 по июль 1919 г.— Главнокомандующий вооруженными силами РСФСР.

С августа 1919 по 1921 г. Вацетис состоял для особо важных поручений при Реввоенсовете Республики. С 1922 г. — старший руководитель по истории войн в Военной академии РККА.

Автор ряда военно-научных работ.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ЛЕВЫХ ЭСЕРОВ В МОСКВЕ

Утром 6 июля 1918 г. в Москве было все спокойно. Не было особых признаков тех больших событий, которые разыгрались после полудня.

Около 4 час. дня левыми эсерами был убит германский посол граф Мирбах. Затем заранее сосредоточенные левыми эсерами в Трехсвятительском переулке вооруженные части заняли помещение ВЧК, арестовали и заперли в погребе Дзержинского, его помощника Лациса и председателя Московского Совета Смидовича. Только в этот момент выяснилась серьезность создавшегося положения.

Во главе восстания оказались эсеры Александрович и Прошьян. Первый состоял помощником председателя ВЧК, а второй — членом Высшей военной коллегии.

Из Трехсвятительского переулка, где в особняке Морозова поместился штаб повстанцев и левоэсеровское «правительство», части мятежников стали продвигаться к Кремлю, захватывая близлежащие улицы и площади.

Первые известия о левоэсеровском восстании. 6 июля пополудни я находился в помещении технической редакции на Садово-Кудринской. Около 5 час. адъютант сообщил мне из штаба дивизии по телефону, что меня разыскивает Подвойский. В это же время к подъезду подъехал автомобиль. Из него вышел секретарь Подвойского и, зайдя в комнату, в которой находился также Антонов-Овсеенко, предложил мне немедленно поехать с ним в Александровское училище. На мой вопрос, кто меня вызывает и по какой причине, я получил уклончивый ответ.

Наш автомобиль поминутно останавливали на улице вооруженные патрули, разъезжавшие на вооруженных грузовиках и проверявшие удостоверения личности. При одной такой остановке я узнал, что ищут автомобиль, на котором скрылись убийцы германского посла графа Мирбаха.

Наш автомобиль остановился у подъезда того флигеля, в котором ныне находится Высший военный трибунал.

Без пропуска и без исполнения прочих строгих формальностей меня привели в боковую комнату, в которой находились Подвойский и комвойск округа. У стены, подальше от окна, стоял массивный деревянный стол, на котором был разложен план гор. Москвы и ее окрестностей.

Я спросил Подвойского, с которым был знаком, в чем дело. На мой вопрос ответил с удивлением комвойск:

— Как, вы не знаете, что в городе восстание и положение очень серьезное?

Дальше взял слово Подвойский и сказал мне голосом, не терпящим возражений:

— Вы нам составьте план ночной атаки; мы атакуем в 4 часа утра.

Я задал вопрос:

— А на какие войска вы рассчитываете?

Мне ответили:

— Главным образом на полки Латышской дивизии; прочие войска малонадежны.

Задаю вопрос:

— А где войска левых эсеров?

Подвойский указал на плане Трехсвятительский переулок.

Во время нашего разговора поступали донесения от каких-то людей, непрестанно входивших в комнату и выходивших. Сообщались разные сведения и предположения. Было ясно, что организованной работы еще нет.

Для командования войсками мной было предложено вызвать командира 1-й бригады Латышской дивизии Дудина.

Я стал знакомиться с положением дела. Сведения об эсерах были весьма недостаточные. Подвойский и комвойск говорили, что повстанцы заняли Трехсвятительский переулок и там укрепляются, что заставы их приближаются к Кремлю и расположены по р. Яузе. На основании таких кратких сведений пришлось приступить к составлению плана действий. Прежде всего, надо было крепко держать в своих руках Кремль, затем необходимо было укрепиться в городе так, чтобы не дать возможности присоединившимся к повстанцам массам распространиться по городу. Для этого я полагал необходимым занять все важные в тактическом отношении площади и перекрестки. Войсками же занять исходные положения: у храма Христа Спасителя, на Страстной площади и в Покровских казармах. Прибывшему комбригу Дудину были даны в этом духе первые распоряжения; кроме того, я поручил ему объехать все латышские полки и расположить их следующим образом: 1-й полк с батареей — у храма Христа Спасителя (у нас, кстати, были сведения, что левые эсеры, помимо Кремля, наметили себе также овладение зданием Наркомвоена в Лесном переулке), 3-й полк при двух орудиях оставить на месте, 2-й полк немедленно вызвать из лагерей и направить на Страстную площадь, а 9-й полк оставить в Кремле.

Состояние Московского гарнизона. Войска Московского гарнизона Подвойский и штаб округа разделили на три категории. Первая категория — войска, безусловно преданные большевистской партии. Вторая категория — войска,

объявившие нейтралитет. Третья категория — войска, которые перейдут на сторону противника.

К первой категории были отнесены латышские стрелки и формирующийся при Латышской дивизии образцовый полк, курсанты пехотной инструкторской школы (80 человек) и курсанты двух артиллерийских школ, при четырех орудиях.

Был ли левоэсеровский заговор неожиданностью? О том, что в Москве что-то неладное, мы догадывались. Недели за три до восстания мной, как начальником Латышской дивизии, было замечено, что какая-то властная рука старается очистить Москву от латышских частей, направляя их в разные провинциальные города якобы для восстановления Советской власти. Ордера на отправку латышских частей присылались на мое имя и исходили от помощника председателя ВЧК Александровича.

До тех пор пока таковые ордера требовали отправки сравнительно небольших частей, особенного внимания они к себе не привлекали, но дней за десять до восстания я получил ордер от Александровича: отправить немедленно один батальон 1-го полка в Нижний Новгород, в распоряжение исполкома. Распоряжение это мной было выполнено, но из Нижнего командир батальона донес, что местным исполкомом прибытие латышских стрелков было встречено с удивлением. Положение Советской власти там считалось прочным, и о присылке латышских стрелков никто не просил. Аналогичное донесение было получено от командира одного батальона 2-го полка, посланного таким же образом на юг.

Такие факты вызывали подозрения. Александрович хотел и меня выпроводить из Москвы, поместив мою фамилию в список сотрудников штаба Муравьева, отправлявшегося 16 июня на Восточный фронт. Но я запротестовал, и мне удалось остаться на должности начальника Латышской дивизии.

Как ни хитро левые эсеры вели свои подготовительные работы, но такой грубый способ удаления из Москвы воинских частей уже тогда заставил меня быть начеку. Собрав все документальные данные, говорившие в пользу моих подозрений, я обратился к комиссарам дивизии Петерсону и Дозиту и высказал свое мнение о том, что высылка латышских стрелков из Москвы делается, несомненно, с определенной политической целью и в дальнейшем является совершенно недопустимой. Товарищ Петерсон немало был удивлен моими соображениями, но, видимо, принял мой доклад к сведению. Дня через два он сообщил, что мои предположения оправдались и что ни один латышский стрелок больше не должен быть отправлен из Москвы.

Позднее выяснилась справедливость и своевременность опасений: товарищ председателя ВЧК эсер Александрович, стоявший во главе заговора, исподволь проводил высылку латышских стрелков из Москвы, по-видимому, с той целью, чтобы к моменту восстания левых эсеров большевики оказались лишенными воинских частей.

В отношении времени момент для восстания был выбран удачно. Свое восстание левые эсеры назначили как раз накануне Ивана Купалы, когда латыши привыкли устраивать за городом традиционные народные гулянья. Так же и в этот день, 6 июля, латышские стрелки уехали за город и казармы оказались пустыми. Возвратившийся командир 1-й бригады Дудин заявил нам, что в казармах почти никого нет и что собрать полки он не может. Таким образом, пришлось отказаться от ночной атаки и перенести наступательные действия на 7 июля.

Мое назначение руководителем операции по подавлению левоэсеровского мятежа. К вечеру левые эсеры захватили почтамт и стали рассылать в провинцию свои воззвания, в которых говорилось о захвате ими власти и о свержении большевиков.

Резиденцией левых эсеров сделался морозовский особняк в Трехсвятительском переулке.

Было получено сообщение, что квартировавший в Покровских казармах полк Московского гарнизона перешел на сторону левых эсеров. Наше положение сделалось опасным во всех отношениях.

Доклад комбрига Дудина еще более усугубил наше положение. От предложенного ему командования он отказался, ссылаясь на свою неопытность для руководства действиями в столь большом городе, как Москва.

Подвойский и комвойск своего кандидата не имели. Как начальник дивизии, я должен был принять непосредственное руководство уличными боями. Принимая во внимание это, я заявил, что так как будут действовать главным образом полки вверенной мне дивизии, то долг требует от меня взять командование в свои руки. Это заявление было передано в Кремль. И в результате переговоров командование было поручено мне.

Для уяснения обстановки, в которой приходилось тогда действовать, привожу краткий перечень расположения Латышской дивизии:

а) 1-й полк — один батальон и четыре пулемета в Москве, один батальон в Нижнем Новгороде;

б) 2-й — один батальон на Ходынке в лагерях, другой разбросан поротно и пополуротно по городам юга России;

в) 3-й — только что прибыл с юга и производил требуемую Брестским договором демобилизацию;

г) 4-й — на Восточном фронте против чехословаков;

д) 5-й — в Бологое;

е) 6-й — в Петрограде и у Торошино;

ж) 7-й — в Великих Луках и Петрограде;

з) 8-й — в Вологде;

и) 9-й — в Кремле;

к) артиллерия: один легкий дивизион и восемь 6-дюймовых тракторных орудий — в Москве;

л) инженерный батальон — в Москве; авиационное отделение — в Люберцах; дивизионная конница — в Павловском Посаде.

Кроме того, я располагал еще формируемым в Москве образцовым полком, насчитывавшим в своем составе около 300—400 человек.

План действий. Вечером наш оперативный штаб был перенесен в здание штаба округа.

Наше положение было тяжелое: у нас не было налицо войск. Сведения о действиях левых эсеров были неполные и не отличались ясностью. Дозоры доносили, что строятся баррикады, перекапываются улицы, выставляются проволочные заграждения. Левоэсеровские отряды оттеснили большевистские войска за р. Яузу, и казалось, что они подготовляют штурм Кремля. Передавали также, что у левых эсеров образовалось свое правительство и составлено министерство.

Вечером обстановка сложилась весьма благоприятно для левых эсеров, и если бы они повели решительную атаку на Кремль, то его едва ли удалось бы удержать.

В этом последнем случае было решено перенести резиденцию правительства в артиллерийские казармы на Ходынке. Такая предусмотрительность была вполне уместна, так как у нас не было войск для контратаки. На боеготовность 9-го латышского полка, занимавшего Кремль, мы не возлагали особенно больших надежд. Для упорной обороны Кремля он едва ли был пригоден.

9-й латышский полк был сформирован в ноябре 1917 г. из людей всех латышских полков и предназначался для охраны Смольного. В состав Латышской дивизии был включен после длинных переговоров, так как состав полка считал для себя нежелательным обратиться в обыкновенную войсковую часть. Присвоив себе наименование «Коммунистический полк», стрелки слышать не хотели о том, что им дано название «9-й латышский стрелковый полк». Занятия в полку не производились. Полком управлял полковой комитет, в состав которого входил и командир полка. Фактическим хозяином полка являлся председатель полкового комитета, который власти начальника дивизии над собой не признавал.

Итак, от ликвидации левоэсеровского мятежа ночной контратакой пришлось отказаться по той простой причине, что собрать для этого войска было невозможно. Наступление пришлось отложить на 7 июля.

Был намечен такой план действий:

1) организовать разведку, чтобы к утру иметь точные сведения о действиях левых эсеров и сочувствующих им войсковых частей;

2) к утру оттеснить части левых эсеров к Трехсвятительскому переулку и заставить их перейти к обороне;

3) наступление начать утром 7 июля.

Вместе с тт. Подвойским и Данишевским в закрытом автомобиле мы объехали часть города, бывшую в наших руках. Наши войска еще не успели занять назначенные им места.

Обстановка около полуночи. Положение в городе и в Ходынском лагере, где был расположен Московский гарнизон, постепенно выяснилось, и к полуночи оно в общих чертах было таково:

Положение большевистских сил. Налицо были следующие войсковые части:

1) одна пехотная школа курсантов (80 человек), занимала здание Военной коллегии — Лесной переулок, д. № 1;

2) 9-й латышский стрелковый полк — в Кремле;

3) на Арбатской площади — отряд коменданта гор. Москвы;

4) на Девичьем поле собирался батальон 1-го латышского стрелкового полка;

5) 2-й латышский полк с двумя артиллерийскими школами курсантов, при 4-х орудиях, был на пути из Ходынского лагеря.

Положение левых эсеров. Войска левых эсеров были в сборе в Трехсвятительском переулке. По имевшимся сведениям, они предполагали начать наступление 7 июля.

Основное ядро составлял батальон матроса Попова и отряд черноморских матросов.

Вечером на сторону левых эсеров перешел полк Венглинского, квартировавший в Покровских казармах.

Всего в распоряжении левых эсеров, считая и полк Венглинского, было около 2500 бойцов, при 8 орудиях, 4 бронемашинах, и около 60 пулеметов.

Позиция гарнизона гор. Москвы. По имевшимся сведениям, левые эсеры 6 июля бросили в Ходынский лагерь своих агитаторов, которые захватили влияние над войсками и склонили их объявить нейтралитет, что означало: не оказывать помощи большевикам, стоявшим за сохранение мира с Германией.

Численность гарнизона, находившегося на Ходынке в лагерях, доходила приблизительно до 20—25 тыс. человек.

Положение в городе. Мятеж был налицо. Восставшие против власти большевиков имели в своем распоряжении вооруженную силу, которая уже добилась кое-какого успеха. Какие части города успели захватить левые эсеры, чтó делают различные контрреволюционные организации — на такие вопросы дать точный ответ было трудно.

Нам было известно, что во главе восстания стояли Александрович и Прошьян, которые хорошо знали настроение и расположение частей Московского гарнизона. Вечером Прошьян в сопровождении отряда преданных ему войск захватил центральную телеграфную станцию, и левые эсеры стали рассылать свои воззвания по другим городам, призывая к свержению власти большевиков и объявлению войны Германии. В захваченных типографиях изготовлялись прокламации к населению Москвы и к солдатам, в которых объявлялось, что левые эсеры стоят за советскую войну с Германией, за уничтожение Брест-Литовского договора.

Из состава 9-го латышского стрелкового полка были высланы две роты на центральную телеграфную станцию, чтобы очистить здание от левых эсеров. Но названные роты действовали крайне неискусно, были захвачены в плен, обезоружены и отведены в Трехсвятительский переулок; часть солдат была оставлена заложниками, а остальные отпущены в Кремль.

Покровские казармы вследствие измены полка Венглинского тоже оказались в руках восставших.

Движение публики в городе прекратилось. На улицах были лишь войска.

Свидание с тов. Лениным. В первом часу тов. Данишевский передал, что тов. Ленин вызывает меня в Кремль для доклада о положении в городе.

Проезжая вместе с тов. Данишевским в закрытом автомобиле по Лесному переулку мимо здания Наркомвоен, мы увидели, что к храму Христа Спасителя уже подошли некоторые части 1-го латышского стрелкового полка.

По-видимому, в Кремле нас ждали, так как везде были заготовлены пропуска и нигде никаких остановок не было. Наш автомобиль подъехал к зданию Совнаркома. Нас провели в зал заседаний Совнаркома и просили подождать. Данишевский прошел к Ленину, который был у себя.

В довольно обширном помещении, в котором я очутился, было почти темно, где-то в углу горела небольшая электрическая лампочка, окна были занавешены. Обстановка напо-

минала мне прифронтовую полосу на театре военных действий. Войдя в зал, я остановился шагах в пяти от дверей.

Через несколько минут дверь на противоположной стороне зала отворилась и вошел тов. Ленин. Он подошел ко мне быстрыми шагами и спросил вполголоса:

— Товарищ, выдержим до утра?

Задав этот вопрос, Ленин продолжал смотреть на меня в упор.

Я понял, что Ленин ждал от меня ответа категорического и что всякий другой разговор был бы излишним. Но дать ответ на такой вопрос, какой поставил мне Ленин, я не был готов.

Под упорным взглядом Ильича я сформулировал ответ, который сводился к следующему: обстановка еще не выяснена, положение в городе осложняется, атаки в 4 часа 7 июля быть не может, так как наши войска не могут быть собраны, а потому прошу тов. Ленина дать мне два часа времени, в течение которого объеду город, соберу нужные сведения и в 2 часа 7 июля дам совершенно точный ответ на поставленный им вопрос. С этим тов. Ленин согласился и, сказав: «Я вас буду ждать»,— ушел таким же быстрым шагом, как вошел.

Мне хорошо врезалась в память наружность Ленина, быть может потому, что в такой обстановке мы встретились впервые. Помню также, что Ленин был в своем обыкновенном рабочем костюме, темно-коричневого цвета.

Положение к 2 часам 7 июля. К этому времени наше положение значительно окрепло: у храма Христа Спасителя собрался 1-й латышский стрелковый полк с артиллерией и образцовый полк. На Страстную площадь прибыл 2-й латышский стрелковый полк, при двух артиллерийских школах курсантов, с 4 орудиями.

Во всяком случае, мы имели четыре группы войск: 1) у храма Христа Спасителя, 2) в Кремле, 3) на Страстной площади и 4) на Арбатской площади. Мы уже вышли из того тяжелого положения, в котором были 6 июля вечером.

Сведения о действиях левых эсеров были крайне скудные и сбивчивые, никто не мог дать более или менее определенных данных о группировке их сил. Точными были лишь данные о том, что их штаб расположен в особняке Морозова. Все-таки одно весьма веское обстоятельство было налицо, а именно: левоэсеровские вожди пропустили момент для решительных действий, и без больших жертв они уже не могли победить в городе, так как мы были готовы дать отпор.

В общем и целом к двум часам 7 июля у меня создалось впечатление, что мы победим, если утром перейдем в реши-

тельное наступление всеми силами, собранными в течение ночи.

О настроении рабочей массы сведений собрать мне не удалось.

Вторичное свидание с тов. Лениным. Вторичное свидание с тов. Лениным состоялось, как было условлено, в 2 часа ночи 7 июля. Со мной был тов. Подвойский. Встреча происходила на прежнем месте.

Я ожидал появления тов. Ленина, стоя у того же кресла, где стоял в первый раз. Товарищ Ленин вышел из той же двери и таким же быстрым шагом подошел ко мне. Я сделал несколько шагов навстречу ему и отрапортовал: «Не позже 12 часов 7 июля мы будем победителями в Москве».

Ленин взял обеими руками мою руку, крепко-крепко пожал ее и сказал: «Спасибо, товарищ. Вы меня очень обрадовали». Затем, пригласив меня садиться, он сам сел рядом и предложил мне рассказать ему, что происходит в городе, в каком положении наши войска и что делается у левых эсеров.

Я рассказал все, что было известно, как о противнике, так и о наших войсках. Товарищ Ленин задавал различные вопросы, касающиеся настроения Московского гарнизона и латышских стрелков, особенно интересовался, не ведется ли среди последних эсеровской агитации. На все вопросы я дал совершенно определенный ответ, чем, по-видимому, тов. Ленин остался вполне доволен. Я изложил ему также намечавшийся план действий.

Наша беседа длилась минут двадцать. Окончив свой доклад и видя, что тов. Ленин не задает более вопросов, я встал и просил разрешения уехать. Владимир Ильич еще раз выразил свою благодарность и вышел вместе со мной в секретарскую комнату, где мы и распрощались. В секретарской кипела работа.

План операции. Из изложенного видно, что я выдал два весьма ответственных векселя. Первый вексель выдал правительству, взяв на свою ответственность командование войсками, а второй — обещанием Ленину ликвидировать левоэсеровский мятеж не позднее полудня 7 июля. Оба эти векселя вытекали из создавшегося чрезвычайного положения и сильно обязывали.

В основную идею операции были положены два главных соображения:

1) организовать концентрическое наступление на расположение противника, которое завершить штурмом;

2) одновременно со штурмом произвести артиллерийским

огнем разгром штаба и резиденции левоэсеровского правительства.

Начало наступления было назначено на 5 час. утра.

План наступления был выработан следующий:

3-му латышскому стрелковому полку с двумя орудиями вести наступление со стороны Таганки на Яузский мост и далее на Яузский бульвар.

1-й полк с двумя орудиями поведет наступление по Варварке, Б. Ивановскому и Б. Трехсвятительскому переулкам.

2-му латышскому полку с двумя орудиями, наступая по Чистопрудному бульвару, занять Покровские казармы и отсюда развивать дальнейшее наступление.

9-й полк, обороняя Кремль, должен был в то же время частью своих сил действовать в сторону Ильинки и Покровки.

К 10 часам утра положение полков должно было быть следующее: 3-й полк должен был занять Подколокольное и Воронцово поле, 1-й полк должен был быть на Малой Ивановке и в Колпачном переулке, 2-й полк должен был занять Покровские казармы. Образцовый полк действовал между 1-м и 3-м полками. Комбриг Дудин руководил действиями вверенной ему бригады. Артиллерия была распределена по полкам.

Для выполнения второй задачи, т. е. разгрома левоэсеровского штаба и резиденции левоэсеровского правительства, была назначена в распоряжение комбрига Дудина особая батарея, которая должна была подвести свои орудия на руках возможно ближе к особняку Морозова и разгромить его огнем в упор.

В моем резерве на Девичьем поле оставались: инженерный батальон Латышской дивизии и два тракторных 6-дюймовых орудия.

Ожидалось прибытие латышского кавалерийского полка из Павловского Посада.

События 7 июля. Сведения о действиях левоэсеровского командования поступали с большими перебоями.

Прокламации левых эсеров были разбросаны во всех казармах латышских стрелков и расклеены на улицах, ведущих к Трехсвятительскому переулку.

Здесь и там происходила редкая стрельба. Артиллерия обеих сторон молчала. Ночью нам удалось захватить одну неприятельскую бронемашину. Отличить своего от противника было очень трудно, так как обе стороны были одеты в обмундирование старой армии. Исключение составляли матросские отряды левых эсеров, которые были в своей мор-

ской форме. Но матросы пока не показывались; они вели агитацию и составляли главный резерв.

Утром явилась в штаб Латышской стрелковой дивизии (Знаменка, 10) матросская делегация от главарей левых эсеров. Матросы обратились к адъютанту дивизии и просили вступить в переговоры с Трехсвятительским переулком. Дивизионный адъютант спросил меня по телефону, как поступить с делегацией. Я сказал, чтобы он попросил матросов удалиться.

Около 7—8 час. утра послышалась артиллерийская стрельба из Трехсвятительского переулка по Кремлю. Снаряды попадали в Малый дворец. Огонь велся из полевых орудий гранатой и шрапнелью. Это был самый безобидный огонь. Но я опасался, что левые эсеры откроют по Кремлю огонь зажигательными снарядами, что могло бы создать большую опасность для центра города.

С наших батарей последовал запрос о разрешении открыть огонь по Трехсвятительскому переулку. Одна батарея стояла у храма Христа Спасителя, другая — на Страстной площади. Я отдал распоряжение не открывать огня до моего приезда на батареи.

Сначала я направился на батарею, расположенную у храма Христа Спасителя. Там стояли два орудия. Обслуживали орудия курсанты: кадровых командиров не было. Курсанты подготовляли орудия для стрельбы по карте. Орудия были наведены на Трехсвятительский переулок; направление и расстояние, вычисленные по карте, были определены неправильно. После тщательной проверки оказалось, что снаряды ударили бы в воспитательный дом. Этой батарее было запрещено стрелять. Что же касается батареи, расположенной на Страстной площади, то тут случилось неразрешимое для того времени препятствие, а именно: стрелять пришлось бы по угломеру и уровню, а с этими атрибутами артиллерийской техники курсанты были мало знакомы. Да и смысла не было стрелять, не имея определенных целей. В результате такой стрельбы, какую могли дать наши батареи, могли возникнуть многочисленные пожары в центре города. Имея в виду эти последние соображения, я распорядился открывать артиллерийский огонь только на близкие расстояния и прямой наводкой.

Наступление большевистских войск. Утром 7 июля был густой туман, покрывший город серой непроницаемой завесой. Видеть вперед можно было шагов на 15—20, а отличить своих от противника было совершенно невозможно. Наши войска теснили противника по всему фронту и к 9 час. утра сошлись вплотную. На всем фронте завязалась

ружейная и пулеметная перестрелка. Время от времени левоэсеровские батареи бросали снаряды по различным направлениям.

Москва превратилась в боевое поле. Публика, невзирая на праздничный день, на улицу не выходила.

У нас была прочная телефонная связь с комбригом Дудиным. Согласно данным ему указаниям наступление должно было вестись с полной энергией, с тем чтобы к 10 час. достичь указанного рубежа.

Наше продвижение вперед шло хотя медленно, но планомерно. К 10 час. 2-й латышский полк занял часть Покровских казарм.

Труднее было положение на фронте 1-го и образцового полков, которым пришлось действовать по узким переулкам и под пулеметным огнем. Левоэсеровские отряды разместились в окопах и за баррикадами, на крышах и на балконах. Комбриг Дудин сообщил мне, что сопротивление левых эсеров принимает очень упорный характер и что у противника много пулеметов, расставленных на крышах и балконах. 1-й латышский стрелковый и образцовый полки временно приостановили наступление и начали закрепляться, занимая прилегающие дома и приспособляя к обороне заборы и площади.

Комбриг Дудин находил наше положение крайне тяжелым и сомневался в возможности открытого штурма. 1-й латышский полк попал под пулеметный огонь и понес значительные потери убитыми и ранеными. Образцовый полк сражался хорошо, но тоже нес потери. Что же касается 3-го латышского стрелкового полка, то там произошел какой-то перебой. Этот полк за несколько дней перед этим прибыл с Северного Кавказа, с корниловского фронта, понес большие потери и был крайне утомлен.

Надо отметить, что на корниловском фронте 3-й латышский полк сражался вместе с теми матросскими отрядами, которые очутились в лагере левых эсеров. Были сведения, что часть стрелков подпала под влияние матросской агитации. С утра в этом полку работали члены исполнительного комитета латышских стрелков. Но в наступивший критический момент 3-го латышского полка на фронте еще не было, пришлось считать его в глубоком резерве. Он выступил несколько позднее.

Для довершения решительного удара был выработан такой план.

1) Ввиду тяжелого положения нашей пехоты и сильного пулеметного огня противника ввести в дело артиллерию, стреляя с близких дистанций прямой наводкой.

2) Всеми силами стараться подтолкнуть пехоту вперед.

3) В том случае, если нам не удастся введенными в бой силами разбить левых эсеров, было решено ввести в дело, под моим личным руководством, главный резерв: два шестидюймовых тракторных орудия, инженерный батальон и конницу.

Часам к одиннадцати к нам присоединилось какое-то авиационное отделение и просило разрешения бомбить Трехсвятительский переулок. Разрешения дано не было. В Кремле с нетерпением ждали развязки. Оттуда шли запросы ко мне и к тов. Муралову. Немецкое посольство также заинтересовалось положением наших дел и стало время от времени делать нам запросы через секретариат Наркомвоен.

Мною было принято определенное решение: в 12 час. стать во главе главного резерва, вломиться в центр расположения левых эсеров и разогнать их огнем тяжелой артиллерии. Этот способ борьбы был сопряжен с большими разрушениями домов и пожарами. Но мы не теряли надежды, что нам удастся справиться с левоэсеровским мятежом более «гуманными» средствами.

Действия батареи командира латышского артиллерийского дивизиона тов. Берзина. Товарищ Берзин послал вперед двухорудийную батарею, стараясь продвинуть орудия возможно ближе к особняку Морозова. Одно орудие, а именно то, которым командовал стрелок Буберг, удалось продвинуть к особняку Морозова шагов на 300.

Ровно в 11 час. 30 мин. комбриг Дудин сообщил мне об этом по телефону и просил разрешения открыть огонь.

Наступил решительный момент. Орудие Буберга было наведено прямо в окна морозовского особняка... Дальнейшее промедление было недопустимо, ибо пулеметным огнем с крыши особняка Морозова могла быть истреблена вся орудийная прислуга, и тогда пришлось бы пустить в дело тяжелую артиллерию.

Сообразив все это, я взял телефон и продиктовал комбригу Дудину приказ: «Огонь и атака!»

Надо сказать, что в это время происходила артиллерийская стрельба и на других боевых участках, но она особого значения не имела.

Как выяснилось после ликвидации мятежа, в то время когда Берзин открыл огонь, в особняке происходило заседание левых эсеров. Первый снаряд разорвался в комнате рядом с заседанием. Второй снаряд тоже. Следующие выстрелы картечью были произведены по крышам и балконам. Оглушительные разрывы гранат произвели ошеломляющее действие на участников заседания; они бросились на улицу и,

спасаясь от картечи, разбежались в разные стороны. За главарями побежали и их войска.

Дальнейший ход действий и ликвидация восстания. Вслед за этим 1-й латышский полк двинулся вперед, захватил помещение ВЧК и освободил сидевших в погребе тт. Дзержинского, Лациса и Смидовича.

Оказалось, что левые эсеры бежали с такой поспешностью, что забыли снять своих часовых. По другой версии, они хотели найти новое помещение для штаба и «правительства», но появление латышей заставило их поспешно удалиться.

Ровно в 12 час. комбриг Дудин донес мне по телефону, что левые эсеры бегут, о чем мною было сообщено по телефону же тов. Ленину.

Комбригу Дудину было приказано организовать преследование.

Около 14 час. весь район, занятый левыми эсерами, был в наших руках. Все войска, бывшие под нашей командой, собрались около здания ВЧК. Туда же приехал и тов. Ленин.

Около 15 час. я получил доклад от комбрига Дудина, что преследование организовать ему не удалось, так как войска заявляют, что они очень устали. Кто-то предложил двинуть для преследования 9-й латышский стрелковый полк, который все время оставался в Кремле.

Мы с тов. Подвойским отправились пешком в Кремль. Лично я не был уверен, что наша миссия увенчается успехом, так как мне было хорошо известно внутреннее состояние этого полка. Командира полка разыскали не скоро. Но от него никаких распоряжений мы не добились. Он ссылался на то, что полком ведает председатель полкового комитета. Пошли за председателем полкового комитета, которого удалось разыскать при содействии коменданта Кремля.

Я изложил цель нашего посещения и просил нарядить в наше распоряжение один батальон. Председатель полкового комитета ответил, что он не уполномочен на такие распоряжения, и сказал, что соберет полковой комитет и предложит решение вопроса на его усмотрение. Товарищ Подвойский покачал головой и, по-видимому, начинал терять терпение. Несмотря на свое высокое положение в военном ведомстве (тов. Подвойский состоял членом Большой военной коллегии и являлся одним из народных комиссаров по военным делам), тов. Подвойский в данном случае оказывался слабее полкового комитета.

Мы стояли во дворе и ожидали решения. Наконец появился председатель полкового комитета и сообщил, что полковой комитет решил не давать стрелков для преследования,

так как 9-й полк составляет гарнизон Кремля и не имеет права ослаблять его оборону. Товарищ Подвойский вышел из терпения и категорически указал председателю полкового комитета: «Товарищ, полковые комитеты давно упразднены, пришлите командира полка».

Командир полка получил от Подвойского приказ немедленно выделить не менее одной роты и прислать к нему. Через полчаса командир полка привел один дозор в составе около двадцати человек, который и был направлен к Сокольникам.

Для преследования был отправлен инженерный батальон на грузовиках.

После разгрома в Трехсвятительском переулке левоэсеровские войска покинули Москву и направились в сторону Ярославля.

После ликвидации восстания Народным комиссаром по военным и морским делам был издан следующий приказ о расследовании поведения войск Московского гарнизона:

«Наряду с частями, безукоризненно исполнявшими свой революционный долг во время мятежа левых эсеров, в составе Московского гарнизона оказались недостойные группы, которые либо примыкали к мятежникам, либо ослаблялись внутренними раздорами.

Для расследования поведения всех частей Московского гарнизона, для установления порочных элементов в его среде с целью примерного их наказания учреждается комиссия в следующем составе: председатель — М. С. Кедров, члены — Данишевский, Аросев».

Выступление левых эсеров в Москве 6 июля было сигналом для штурма против Советской власти. По этому сигналу поднялись восстания в Москве, Ярославле, Ленинграде, на Волге, на Урале.

По этому сигналу поднял мятеж главнокомандующий Восточным фронтом Муравьев и повернул против Москвы фронт всей заволжской контрреволюции.

Но пролетарская революция обладала достаточными силами. Она разгромила мятежников и уничтожила контрреволюцию.

Журнал «Война и революция», 1927, № 10—11, стр. 95—108.

Михаил Сергеевич
КЕДРОВ
(1878—1941)

В революционном движении — с 1899 г. Член Коммунистической партии с 1901 г. До 1905 г. работал в Нижегородской, Ярославской и Симферопольской социал-демократических организациях. В начале 1905 г. участвовал в организации снабжения оружием московских боевых дружин. С октября 1905 г.— член Костромского большевистского комитета и один из организаторов рабочей боевой дружины. После поражения декабрьского вооруженного восстания работал на нелегальном положении в Тверской и Петербургской большевистских организациях. Неоднократно арестовывался, около 4 лет просидел в тюрьмах, был в ссылке и эмиграции.

Февральская революция застала Кедрова на Кавказском фронте. В марте — апреле 1917 г.— председатель Шериф-Ханэсского Совета рабочих и солдатских депутатов. С мая — в Петрограде, член Военной организации при ЦК РСДРП(б). С ноября 1917 г. работал в Народном комиссариате по военным делам комиссаром по демобилизации армии, затем — командующий Северо-Восточным фронтом, уполномоченный ЦК партии по Южному и Западному фронтам.

С 1919 г.— на руководящей работе в ВЧК, НКВД и Военной прокуратуре Верховного Суда СССР.

ЗА СОВЕТСКИЙ СЕВЕР

ПЛАН «СОЮЗНИКОВ»

Паровоз с единственным нашим вагоном бешено мчался в Москву. Ни раньше, ни позже не приходилось ездить с такой головокружительной быстротой. На одной из станций поезд был пущен по неправильному пути. Только благодаря находчивости дежурного по станции не произошло катастрофы.

Остановки имели место лишь по техническим надобностям. Дольше всего пришлось задержаться в Вологде для заслушивания доклада тов. Геккера и начальника военного контроля, которому поручено использовать недавно полученные сведения нашей контрразведки.

Сведения, собранные на Мурмане в последних числах июля, разоблачали замыслы «союзников», которые строились ими в связи с интервенцией. В отношении Архангельска можно было уже определенно сказать, что их расчеты оправдались. Что же касается Вологды, то преграда, встреченная ими на пути из Архангельска в Вологду, и своевременное раскрытие их карт расстроили их расчеты.

Приведем выдержки из интересного донесения разведчика: «...Предполагается отрезать Архангельск от Вологды в ближайшие дни. Имеется контрразведывательное бюро французов. Главное гнездо находится в консульствах. Про Архангельск — они думают взять его голыми руками, контрразведка у них поставлена хорошо, и они следят за каждым нашим шагом и предполагают, что мы от них не уйдем. На выступление внутри Архангельска они мало надеются, а на Вологду возлагают большие надежды. В Архангельске есть радио *, но где — неизвестно, можно заключить по тому, что на Мурмане сведения получаются исправно».

План «союзников»: «Во что бы то ни стало занять Вологду для соединения с чехословаками. В Вологде идет формирование славяно-британского легиона и сбор денег для нужд оккупации; цель легиона — в то время когда будет прервано сообщение с Архангельском, выступить в самой Вологде, подготовив взрывы, захват оружия и террористические акты над стоящими у власти, а также всячески мешать отступлению советских войск как от Архангельска, так и от Вятки».

---

* Радио находилось на иностранном пароходе «Эгба», привезшем муку и стоявшем на Двине против Соборной площади. В последние дни до оккупации радио по распоряжению архангельских властей было снято

В приложении к донесению дается список лиц (с подробным описанием примет), работающих в Вологде на оккупантов. Таковыми являются «заведующий эвакопунктом полковник Фусс, а также доктор Лебедев, главврач 168-го или 166-го госпиталя, около вокзала. У Фусса живет на квартире его родственник, фамилия неизвестна: лет около 40, ходит в штатском, среднего роста, с усами; он состоит главным руководителем формирования легиона. За деньгами из Кандалакши (Мурман) выехали 27—28 июля в Вологду через Архангельск два лица: один из них — английский консул в г. Кеми Тикстон; одет был в полосатый бархатный костюм английского фасона, роста — выше среднего, волосы — стриженые, телосложение — не очень худой, усы светлые, нос большой, горбатый; другой — Юровский, лет 22—23, маленького роста, на лице веснушки; цвет волос рыжеватый, волосы вьющиеся».

Эти сведения не дали конкретных результатов по причине никудышной работы военного контроля.

Надо сказать, что в действительности план «союзников» был значительно шире, чем объединение Северного и Сибирского фронтов. Основная задача заключалась, после занятия Вологды, в свержении центрального рабоче-крестьянского правительства силами англо-французских интервентов и российских белогвардейцев.

Несмотря на то что наступление интервентов было остановлено в первые же дни и на железнодорожном направлении, и на Северной Двине, представители иностранных миссий в Москве все же не теряли надежды на осуществление своих первоначальных планов.

Уже 14 августа английский представитель Локкарт, действовавший в согласии с французским консулом Гренаром и американским генеральным консулом Пулем (Pool), пустил в ход обычное орудие империалистов — золото, рассчитывая подкупить им командиров латышских частей, квартировавших в Москве. Номер не прошел. Больше того, командир 1-го дивизиона Латышской стрелковой бригады тов. Берзин разоблачил неслыханную по своему бесстыдству и цинизму затею высокопоставленных негодяев.

Тов. Берзин сообщил «о плане уничтожения рабоче-крестьянского правительства, разработанном одним из французских генералов»; в этот план его посвятил агент Локкарта, лейтенант английской службы Сидней Рэйли *.

Согласно этому плану два латышских полка должны были быть отправлены в гор. Вологду, где они, перейдя на сторону

* Взято из «Дела Локкарта и других».

«союзников», помогли бы их продвижению из Архангельска и захвату Северной области.

Чтобы обезопасить латышские войсковые части после занятия ими Вологды от удара Красной Армии со стороны Петрограда, а попутно чтобы обречь Петроград на голодную смерть, агенты Локкарта и Гренара получили задание взорвать железнодорожные мосты через р. Волхов близ Званки и около Череповца *.

Оставшиеся в Москве латышские части одновременно с захватом Вологды должны были арестовать пленарное заседание Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета вместе с Председателем Совета Народных Комиссаров В. И. Лениным... Одновременно предполагалось захватить Государственный банк, центральную телефонную станцию и телеграф. После этого намечался созыв всех бывших офицеров, из коих должны были сорганизоваться отряды «для водворения и поддержки порядка», а равно для конвоирования арестованных большевиков в Архангельск **, где подготовлялись для приема почетных гостей помещения на Мудьюге и Иоканьге.

Интересный доклад представил тов. Геккер ***:

Осадное положение проводится с неумолимой твердостью. В течение дня по городу ходят патрули. С наступлением темноты весь город погружается в мертвый сон. Хождение по улицам без соответствующих пропусков запрещено. С 8 час. вечера запрещено держать свет в окнах под угрозой стрельбы по освещенным окнам.

В подтверждение серьезности угрозы в нескольких подобных случаях действительно были произведены выстрелы, правда, не в окна, а около окон в воздух. Этого было достаточно, чтобы ужасная весть разнеслась по городишку и послужила к исчезновению в городе света.

С наступлением вечернего времени телефонная станция также прекращала работу; оставались в действии только военные телефоны. На время осадного положения приостановлены были всякие звоны и трезвоны в колокола.

Большого труда стоило выселить из Вологды остатки иностранных миссий, всеми средствами оттягивавших свой выезд.

---

* Заключение следственной комиссии при ВЦИК по делу Локкарта и других; см. также письмо Рене Маршана к президенту Французской республики («Известия ВЦИК» 24 сентября 1918 г., № 207).

** О стоимости английского предприятия можно судить по тому, что один только тов. Берзин получил от Локкарта с целью подкупа 200 тыс. руб. Эти деньги тов. Берзин представил в ВЧК.

*** При личной беседе с А. И. Геккером в начале сентября 1925 г. удалось восстановить некоторые детали его доклада.

Лишь два дня назад удалось их наконец выпроводить. Большую распорядительность проявил в данном деле губвоенком тов. Медведев. В самый день отъезда важные господа заявили, что они лишены возможности выехать, так как у них нет прислуги, которая завязала бы их сундуки и чемоданы и отправила бы на вокзал.

Тов. Медведев сам принялся им помогать. Вязал, таскал чемоданы, подсаживал господ секретарей и их дам в автомобиль, с изысканной предупредительностью запирал вагоны, в которых они размещались. Одним словом, оказывал «друзьям народа» почет и уважение, лишь бы уехали поскорее.

Положение на Северной Двине продолжало оставаться неопределенным, хотя тов. Павлину Виноградову и удалось прекратить царившую там растерянность и организовать отпор врагу.

Тов. Геккер передал телеграмму-записку, полученную им от Павлина Виноградова 6 августа:

«Дорогой Анатолий Ильич! Утихомирив Шенкурск, узнал о падении Архангельска; с половиной своего отряда от Двинского Березника бросился в дальнюю разведку на архангельском направлении; команда перешла на пароход, идущий вверх; я остался с 10 человеками и спустился по Двине еще на 50 или 70 верст к северу... Дальше спуститься не имел возможности ввиду отказа судовой команды и дрянного пароходишка; на пути подстегивал все пароходы к ускоренному ходу и внес порядок в эвакуацию ценных военных грузов. Отправил в Шенкурск баржу продовольствия, оружия и патронов для другой половины моего отряда, оставленной мною в Шенкурске. Сейчас из Котласа выезжаю в Устюг вернуть этих трусов Архангельского губисполкома обратно в Котлас, где их место. Прошу Вас, придите к прямому проводу около 12 часов для личных переговоров, вызовите Устюг. Виноградов».

Из доклада тов. Геккера выяснилось, что необходима высылка подкреплений на Северную Двину и на Обозерскую. Между тем в распоряжении Геккера не оставалось больше никаких частей, кроме одного 8-го латышского полка, который снимать из Вологды было бы рискованно. Все, что можно было послать, уже отправлено на фронт. В ушедшем Вологодском советском полку приключилась скандальная история. Командир полка, боевой парень, в пути вместе с некоторыми другими командирами напился пьяным. Они все были арестованы комиссаром. Идет также волынка среди военморов.

Для улаживания возникших инцидентов тов. Геккер командировал в Котлас губвоенкома Медведева, назначив его комиссаром Котласского района.

ЗА ПОМОЩЬЮ К ИЛЬИЧУ

Утром следующего дня мы были уже в Москве и немедленно явились в Кремль.

Ильич встретил нас, сверх всякого ожидания, очень сурово. Но за его резкими, гневными словами чувствовалось доброе, товарищеское отношение.

— Как можно было оставлять в такое время фронт! — Ильич сильно жестикулировал и волновался: — Теперь все пропадом пойдет!

— Позвольте, Владимир Ильич... Позвольте сказать! Ничего не может случиться!..

Распекая нас, не хотел выслушивать никаких оправданий.

— Мало того что сами уехали, вон его еще с собой прихватили,— указывал он на Эйдука и, немного смягчаясь, добавил: — Оставили на фронте одних мальчишек... Что они натворят там?

— Да это же неверно, Владимир Ильич!

Захлебываясь, я одним залпом доложил, что на Обозерской организован штаб, что на самом фронте нам лично сейчас делать нечего, что намерены основаться в Вологде и решились потерять всего двое суток, чтобы сломить наблюдающийся саботаж и волокиту.

— Как это двое суток? — перебил меня тов. Ленин.— Когда вы выехали? Когда будете на месте?

Убедившись в правильности исчислений, Ильич добавил:

— Все-таки незачем было ехать, могли бы написать обо всем. Что же вам нужно?

— Вашей помощи к срочному получению всего того, в чем крайне нуждается новый фронт.

Прочитал по записке целый ряд требований.

Разговор происходил стоя в зале Совнаркома, у небольшого стола, в нескольких шагах от двери кабинета Ильича.

Владимир Ильич нагнулся к столу и написал записку приблизительно следующего содержания:

«Начальнику штаба Высшего военного совета М. Д. Бонч-Бруевичу.

Предлагаю (или предписываю) назначить 3 ответственных сотрудников для срочного выполнения всего затребованного для Архангельского фронта и указать 3 бывших генералов, которые будут расстреляны, если задание не будет выполнено».

— Непременно сегодня выезжайте,— внушительно сказал Ильич и затем на прощание добавил: — Если что надо будет — пишите!

С запиской Ильича я помчался в Высший военный совет и вручил записку по назначению.

Точно бомба взорвалась... Все забегало, засуетилось, заговорило, зашумело... Трещали звонки, отдавались приказания... К 12 час. ночи все должно быть доставлено на Ярославский вокзал и погружено в вагоны. Вопрос о Северо-Восточном фронте был также поставлен на повестку заседания Высшего военного совета, происходившего в этот же день.

К указанному мне времени я приехал в Совет. Заседание уже началось. Ввиду срочности моего выезда наш вопрос был поставлен первым.

Совет постановил образовать новый фронт, грубо наметив следующие его границы: на севере — линия огня; на западе — линия, идущая по восточной части Онежского озера, р. Вытегре до Белозерска и Череповца; на юге — железнодорожная линия Данилов — Буй — Галич — Котельнич — Вятка; на востоке — железнодорожная ветка Вятка — Котлас, затем р. Вычегда до верховьев и далее на восток до р. Печоры и Уральского хребта.

Более детальное определение границ фронта обещано было дать дополнительно. Фронт громадный, а боевые силы ничтожно малы. На всех участках они не достигали в начале августа и 2 тыс. штыков. В случае прорыва какого-либо участка не было возможности ликвидировать его ни посылкой подкреплений за отсутствием резервов, ни переброской с других участков, так как последнее, при скверных путях сообщения, потребовало бы целые недели *.

Затем встал вопрос о назначении командующего.

Председательствующий Э. М. Склянский обратился ко мне со своей обычной улыбочкой:

— Михаил Сергеевич! Мы собираемся назначить вас командующим фронтом. Как вы на это смотрите?

Я сказал, что не хотел бы принимать фронт. Правда, за последнюю неделю вера в свои силы у меня возросла, и я все более убеждался, что военному специалисту выполнять функции командующего будет еще труднее, чем мне.

Из дальнейшего разговора я понял, что вопрос о моем назначении согласован с тов. Лениным, и больше не возражал. Поддержка мне будет оказана.

Когда я собрался уходить, тов. Склянский задержал меня:

— Владимир Ильич поручил мне взять с вас подписку, что вы больше не будете выезжать в Москву без его разрешения.

---

* К 1 сентября численность армии возросла до 5 тыс., к октябрю 1918 г. общая численность вместе с тыловыми частями в Вологде и Вятке составляла 8107 штыков.

На его лице опять появилась улыбка.

— Выдумываете,— уверенно сказал я.

— Нет, самым серьезным образом говорю это,— подтвердил он еще раз.

Мне стало обидно. Выезд в Москву я считал безусловно необходимым. Не приехал бы — принес бы фронту больше ущерба.

Весь остаток дня меня грызла мысль, что я должен был так поступить в интересах фронта и что, очевидно, я не сумел достаточно убедительно обосновать мотивы моего выезда.

Указание Владимира Ильича принял к руководству, но подписки не дал.

В полночь мы были на Северном вокзале. В вагоне ожидали ответственные работники, а также «заложники» довольствующих управлений.

Сделали доклад. В вагон погружено далеко не все, что требовалось, но и то, что получено, несомненно поддержит дух и боеспособность нашей маленькой армии.

Проверив по списку доставленное и выразив благодарность за труды, мы двинулись в обратный путь.

С дороги я отправил Владимиру Ильичу письмо, в котором сообщал, что, несмотря на мощную его поддержку и на исключительную энергию и скорость, удалось получить только небольшую часть нужного и что если бы я не выехал, фронт не имел бы ничего. Польза моего приезда налицо, а потому напрасно Владимир Ильич сердился на меня,— упорствовал я.

Два дня спустя, 12 августа, Владимир Ильич ответил следующей телеграммой, отправленной секретно:

«Вологда. Губисполком. Кедрову.

Вред вашего отъезда доказан отсутствием руководителя в начале движения англичан по Двине. Теперь вы должны усиленно наверстывать упущенное, связаться с Котласом, послать туда летчиков немедленно и организовать защиту Котласа во что бы то ни стало. 677. Предсовнаркома Ленин».

Защита Котласа во что бы то ни стало,— но и тут, как всегда, Владимир Ильич предвидит худший исход и принимает особые меры, которые описаны ниже.

ОРГАНИЗАЦИЯ ФРОНТА

В первую же очередь по приезде в Вологду, где ожидало меня большинство сотрудников, были приняты меры к организации штаба и снабженческих органов.

Высший военный совет не ограничил меня никакими рам-

ками и указаниями в построении фронтовых учреждений, предоставив здесь полную свободу действий. Я использовал для фронта аппараты Ревизии и эвакуированного Беломорского округа. Надо сказать, что в то время никакого типа фронтового (и армейского) управления еще не существовало; приходилось и в этом отношении проявлять «свободное творчество».

Привожу приблизительную схему образованного полевого штаба и управлений.

Начальником штаба был назначен А. А. Самойло. Начальником оперативного управления — бывший генштабист Е. Шишковский, вскоре, однако, отстраненный от службы в связи со случайно обнаруженной компрометирующей его перепиской. Оперативным отделом ведал бывший офицер генштаба Лисовский, очень знающий специалист, получивший в августе назначение начальником штаба северо-двинского направления.

Начальниками снабжения были назначены: интендантского — тов. Калашников, артиллерийского — тов. Сидоров, инженерного — тов. Фраучи (Артузов), санитарного — тов. Бык, заместителем его — тов. Христофоров.

Начальником Оргмоба* до приезда тов. Наумова, взявшего на себя руководство этим управлением, состоял временно тов. Щербаков, помощником его — Сучков. Начальником политического (вернее, следственного) управления был тов. Эйдук, объединивший работу всех местных розыскных и следственных органов. В качестве следователей состояли — тт. Кацнельсон, Тубала, Плавнек, Балакирев и другие. Функции этого управления в 1919 г. поделили между собой Революционный военный трибунал и Особый отдел (в то время не существовавший). Правда, тогда имелся так называемый военный контроль, орган Оперода Наркомвоен**. В Вологде он возглавлялся каким-то греком, лицом весьма подозрительным и нахальным. Он отказывался передавать фронтовому начальству получаемые сведения и считал себя подчиненным только центру, куда не стеснялся посылать заведомо ложные сводки.

На обязанности военного контроля, помимо контрразведывательных функций, лежали выдача пропусков на выезд из города и контроль над всеми приезжающими и проезжающими через Вологду.

Контроль выполнялся крайне небрежно и вскоре был распределен между следственным управлением и инспекторской

* Организационно-мобилизационное управление.— *Ред.*

** Оперативный отдел Народного комиссариата по военным делам.— *Ред.*

частью при командующем, старшим инспектором которой состоял тов. Крутов.

Более подробно следует остановиться на упомянутом уже Оргмобе. В его компетенцию входили многочисленные и разнообразные вопросы: вся политическая работа в воинских частях; установление тесной связи с советскими органами прифронтовых районов, простиравшихся на тысячи верст; издание листовок для армии и для населения; организация тыла; перепись всего советского аппарата в шести губерниях и выяснение настроения в массах населения*. Около 20 августа была объявлена в ряде городов мобилизация буржуазии для окопных работ — выработка положения и контроль за проведением мобилизации также были возложены на Оргмоб.

В деле укрепления боевой мощи фронта громадную роль играла правильная работа транспорта; за все время пребывания штаба в Вологде железнодорожное движение ни на час не приостанавливалось. Здесь должна быть отмечена колоссальная энергия, проявленная двумя боевыми товарищами — Я. М. Руцким и Мироновым, возглавлявшими управление Северных железных дорог.

Вторая важная задача заключалась в установлении регулярной связи со всеми районами фронта, и прежде всего с двумя основными: с Архангельским и Северо-Двинским.

Два раза в день в определенные часы приходил в вагон тов. Самойло, державший под мышкой военные карты разных масштабов и папку с оперативными сводками.

— Ну как наше положение, Александр Александрович? — задаешь обычный вопрос.

— Да ничего, Михаил Сергеевич,— гудел он своим громким, но приятным басом.— Вот только с архангельского направления сведений за вчерашний день не поступало. Видимо, устойчиво. Иначе не молчали бы.

Передаю ему только что прибывшее экстренное сообщение от Ленговского.

Читает, сурово сдвинув брови. По мере того как приближается к концу, лицо его проясняется, в глазах искрится радость.

«На архангельском направлении после шестичасового боя части противника после неоднократных попыток перейти в наступление были отбиты и отошли назад точка Настроение

* Представление информационных сведений о настроении в крестьянстве настолько крепко вошло в обиход волисполкомов, что после освобождения Архангельска в 1920 г. возобновилось поступление сведений по анкетам 1918 г. в штаб командующего давным давно уже не существовавшего Северо-Восточного фронта.

войск участвовавших в бою прекрасное точка Положение на архангельском направлении прочное точка Потери наши выясняются № 412 Командир Беломор Ленговский Начштаба Проценко».

— Молодец Ленговский! — заключает чтение тов. Самойло.

Особенно памятны мне вечерние доклады, часто переходившие в задушевную беседу на одну и ту же тему: где и как лучше всего нанести удар наступающим хищникам.

Беседа под скрипящие звуки передвигавшихся взад и вперед поездных составов и под беспрерывную перекличку гудков затягивалась иной раз далеко за полночь.

Бывали и такие случаи, что казалось, отношения взаимного понимания и доверия вот-вот нарушатся. И здесь безупречная честность и искренность тов. Самойло проявлялась особенно ярко.

Помню, шли к нам из центра подкрепления. «Куда их направить?»

Тов. Самойло на момент задумался. Затем как топором отрубил:

— Не только не могу решить, но и отказываюсь дать какой-либо совет. Не знаю.

Я был поражен. Вспылил. Он — имевший и высшее военное образование, и богатый боевой стаж — не может решить такого пустякового вопроса! Сказал ему это прямо.

Заволновался и тов. Самойло:

— Поверьте, что в войне, которую мы в настоящее время ведем, и знания, приобретенные в академии, и весь опыт неприменимы. Сплошного фронта нет, армия ничтожная; случайная переброска неприятельских сил может резко изменить картину фронта. Что толку, если посоветую направить подкрепления на Двину, а через 2—3 дня окажется, что в связи с напором противника надо было послать в Обозерскую, или наоборот... Не могу, сами решайте.

Пришлось согласиться с тов. Самойло.

С каждым днем все ближе становился мне тов. Самойло, бывший генерал, бесповоротно и убежденно перешедший на сторону пролетарской власти.

В штабе хорошо чувствовался крепкий кулак начальника штаба, он установил образцовый порядок, быстроту и точность исполнения, очистил аппарат от политически неустойчивых и сомнительных элементов.

Рассказывали, что многие спецы ругали Самойло за глаза: сам, мол, тоже спец, а преследует своих же.

Белогвардейцы, которые не теряли еще надежды стать господами положения, в своих газетах писали: если рядовому

большевику еще можно простить его прегрешения перед Родиной, то для генерала, да еще такого, как Самойло, пощады быть не может. Повесить его, изменника!

С образованием штаба фронта штаб Вологодского района стал излишним. Командующий им тов. Геккер был назначен (приблизительно 15 августа) командующим Котласским районом, в который включен и Северо-Двинский участок. Тов. Геккер сменил тов. Медведева, работника исключительно энергичного, но слишком молодого и горячего, у которого возникли уже трения с местными товарищами. Тов. Медведев получил назначение на должность командующего Вятским тыловым районом.

ПАВЛИН ВИНОГРАДОВ

Дать картину происходивших на Северной Двине событий — значит описать день за днем работу товарища Павлина Виноградова, отдавшего неиссякаемый запас кипучей энергии и жизнь свою в борьбе на этом важнейшем участке фронта.

По сохранившимся материалам и свидетельству очевидцев, деятельность Виноградова в первые десять дней открытия фронта может быть восстановлена сравнительно полно.

С вечера 1 августа из Архангельска начали отправляться пароходы с эвакуированными губернскими учреждениями. Последний пароход с сотрудниками Чрезвычайной комиссии отбыл в 2 часа утра на 2 августа.

2 августа тов. П. Виноградов, «утихомирив Шенкурск», узнал о падении Архангельска, находясь в Березнике; с десятью человеками он спустился по Северной Двине в целях дальней разведки приблизительно на 50—70 верст и не встретил неприятеля.

3 августа Павлин повернул вверх по Двине и направился в Котлас вслед шедшему туда архангельскому каравану. «Подстегивал все пароходы к ускоренному ходу и вносил порядок в эвакуацию ценных военных грузов».

5 августа прибыл в Котлас и, не найдя там парохода Архангельского губисполкома «Преподобный Савватий», Павлин уезжает в Устюг «вернуть этих трусов Архангельского губисполкома обратно в Котлас, где им место».

В ночь на 7-е (1 час) принимает временно командование Котласским районом.

7 августа сформированные тов. Виноградовым в течение суток два отряда в 40 человек при 5 пулеметах и сводный отряд в 100 человек отправлены в район Двинского Березника в распоряжение временного командующего тов. Линде-

мана, которому подчинена и выделенная часть Шенкурского отряда тов. Падалки при 2 пулеметах и 1 орудии 37-миллиметрового калибра.

8 августа в 2 часа утра тов. Линдеман прибывает в Березник и согласно приказанию Виноградова идет в глубокую разведку до соприкосновения с противником.

В 19 час. тов. Виноградов отправил отряд в 50 человек, составленный из вологжан.

В 24 часа — еще один отряд в 60 человек, сформированный из членов Архангельского губисполкома и служащих советских учреждений.

9 августа тов. Линдеман, отправившийся в разведку на судах «Могучий», «Мурман», «Учредитель» и «Вельск», понес поражение от противника в районе Березника, после чего суда отступили.

Того же числа Виноградов на двух судах — «Светлана» и «Любимец» — выступил из Котласа в направлении Двинского Березника. В с. Красноборском он арестовал Х. Н. Манакова, но выполнить распоряжение Медведева о выставлении караулов во всех пунктах, где имелся военный телеграф, не смог, так как спешил к отряду на передовом участке. «Мои предчувствия оправдались»,— сообщает П. Виноградов.

10 августа (по-видимому, рано утром) тов. Павлин Виноградов встретил на расстоянии 130 верст от Березника пароходы «Учредитель» и «Вельск» с поспешно отступавшими отрядами тт. Капустина, Линдемана и моряков, от которых он и узнал о понесенном поражении, происшедшем при следующих обстоятельствах. Ввиду многочисленности неприятеля, у которого имелась артиллерия и гидропланы, а также большое количество пароходов, названные отряды отказались от боя и потребовали от товарища Линдемана возвращения их в Котлас. В распоряжении тов. Линдемана остались лишь 25 человек (членов и сотрудников Архангельской губернской Чрезвычайной комиссии и других примкнувших товарищей), с каковыми он отправился на пароходе «Могучий» в разведку. В разведке участвовали члены Архангельского губисполкома, помещавшиеся на другом пароходе — «Мурман».

Спускаясь вниз по реке, Виноградов встретил в 90 верстах от Березника пароход «Вельск», а верстах в 50 — «Могучий» и «Мурман».

Чтобы ясно представить себе, какие подготовительные меры к бою были приняты тов. Виноградовым и как велся первый в истории Севера речной бой между большевиками и англо-белогвардейцами, приведем описание, данное самим Павлином в докладе тов. Медведеву.

РЕЧНОЙ БОЙ*

«Мое прибытие с артиллерией и пулеметами, к несчастью негодными ввиду неимения к ним румынских патронов, очень ободрило отступавших. Кратко объяснив им цели своей поездки, я тотчас же приступил к сборке всех орудий, к набиванию пулеметных лент и т. п. Через три часа напряженная работа на сцепившихся посредине реки судах увенчалась успехом, и орудия были приведены в состояние боевой готовности.

Назначив командиром парохода «Могучий» тов. Линдемана, я на пароходе «Мурман» оставил общее командование за собой. Затем я вышел развернутым фронтом в составе трех судов: «Мурмана» — с тремя орудиями и четырьмя пулеметами, «Могучего» — с четырьмя орудиями (одно — шенкурского отряда) у рулей и «Любимца» — с одним пулеметом. Пароход «Учредитель» с отрядами латышей и вологодскими красноармейцами шел сзади в качестве санитарного и резерва. Выйдя на березницкое направление, в расстоянии 30—35 верст от Березника я встретил неприятельскую разведку, открывшую ожесточенную стрельбу из пулеметов. Я распорядился открыть огонь из носового орудия и, чередуя его, когда было можно, с огнем правого борта, выпустил 75 снарядов, чем принудил неприятельское судно выброситься на берег в 25 верстах от Березника. По моим расчетам, по нашим судам было выпущено не менее 2 тыс. патронов, к счастью, никого не убивших и не ранивших.

По осмотре парохода моим моторным катером на нем был найден пулемет системы Виккерс, две пулеметные ленты к нему, ящик консервов и прочее. Пароход назывался «Заря». Распорядившись, чтобы его судьбой озаботился «Могучий», я прошел вперед, нигде не встретив сопротивления. У устья Ваги я заметил подозрительные огни, но не мог обратить на них серьезного внимания, торопясь в Березник. Подойдя к Березнику, я обнаружил присутствие на его рейде пяти пароходов, стоявших под огнями и не открывавших огня. Идя самым малым ходом, с потушенными огнями, мне удалось подойти к ним на расстояние менее версты, после чего я пошел полным ходом, двигаясь прямо на большой белый пароход, приказав условным сигналом «Могучему» приблизиться ко мне и стать в кильватер. В расстоянии $^{3}/_{4}$ версты от берега я скомандовал носу и левому борту огонь по кораблям; вслед за тем послышался пулеметный огонь со стороны противника, на который я ответил ураганным огнем артиллерии.

«Могучий» после первого моего выстрела также открыл ураганный огонь, после чего я повернул судно, стреляя правым бортом и пулеметами и ожесточенной стрельбой пачками из винтовок. Пройдя вновь вдоль линии судов другим бортом, причем «Могучий» все время следовал за мной, повторяя мои движения, я опять повернул судно и стрелял левым бортом и носом, подвергая последовательному обстрелу все пять судов противника, приблизившись к ним на расстояние полверсты. Противник все время отвечал мне ураганным пулеметным огнем и сравнительно редко орудийными выстрелами. Подвергнув его обстрелу, я вновь повернул назад, идя на прежнем расстоянии, причем и «Могучий», и «Любимец» следовали снова за мной. После этого, снова повертывая, я заметил, что «Любимец» вышел из строя: оказалось, у него был тяжело ранен пулеметчик Ипатов (с завода «Новая экономия»), и управлять пулеметом было некому. На этот раз я шел малым ходом с намерением привлечь на себя огонь противника, так как «Могучий» шел почему-то медленнее обыкновенного: оказалось, у него сразу были ранены два лоцмана. Чтобы избавить его от замешательства, я подошел на расстояние 100 саженей к противнику, расстреливая его прямо в упор и осыпая ураганным пулеметным огнем.

---

* По докладу П. Виноградова.

В это время мне доложили, что правое орудие вышло из боя (левое вышло после пятого выстрела) от загорания; кроме того, у правого орудия был ранен один наводчик. Тогда я прибавил ходу и начал ураганный обстрел двумя кормовыми пулеметами, а затем, выровнявшись и став в кильватер «Могучему», я продолжал обстрел правым бортом из винтовок, приказав усилить огонь до последнего предела и сделав объектом прицела берег и деревню, откуда отчетливо была видна пулеметная пальба.

Пройдя версты три от Березника, я повернул обратно, так как «Могучий» не мог меня догнать. Видя, что он может сделаться жертвой противника, я на исходе второго часа борьбы решил пойти ему на помощь. Став носом к судам противника, я начал сближаться с ним, осыпал его градом снарядов из единственного действующего орудия и так подошел к противнику на расстояние 50 саженей, после чего начал отходить полным задним ходом. Но быстрота реки заставила меня отказаться от такого способа действия, и я принужден был развернуться под самым огнем противника. В этот момент почти стихший пулеметный огонь открылся в ужасающем объеме. В то же время «Могучий», будучи не в силах управляться при слабых силах двух лоцманов, вышел из строя и пошел прямо по реке вверх. Тогда я принял решение также выйти из боя, так как у меня к этому времени был ранен капитан парохода. Защищаясь кормовыми пулеметами, я быстро пошел за «Могучим».

Весь бой длился 2 часа 10 мин., причем за все это время я насчитал 50 орудийных выстрелов с их стороны. Потери противника от нашего ураганного огня неизмеримо велики. Я потерял тов. Виноградова *, секретаря Архангельской коммунистической партии, восемь ранеными и трех контуженными. Подробный список пришлю дополнительно. За все время боя военная команда вела себя образцово. Повиновение распоряжениям было полнейшее. Без команды не было сделано ни одного выстрела. Дисциплина была великолепная. Отряд, сформированный мною из членов губисполкома и служащих советских учреждений, действовал также удивительно хорошо. Четыре члена его — Андрей Попов, Эдуард Гурович, Шешигин и Щенников — все время находились на мостике наблюдателями и передатчиками моих распоряжений. Считаю необходимым отметить бесстрашную распорядительность командовавшего носом тов. Черкасова, секретаря губернского исполнительного комитета. Тов. Щенников был первым серьезно раненным.

Для того чтобы указать на степень силы пулеметного огня противника, сообщу вам сведения о числе попаданий в судно. В верхние пять кают попало более 50 пуль, в правую каюту попало 15 пуль; в нижнем кубрике попало в кормовую 15, в носовую — 12. Труба парохода была прострелена в 32 местах, а капитанский мостик — в 36. Кроме того, две пробоины от ядер. Малая убыль моего судна происходила благодаря исключительной дисциплинированности судовой команды. Тов. Линдеман, командир второго судна, донес, что и на пароходе «Могучий» было такое же отношение к делу, как и на моем судне.

В заключение укажу, что свою задачу — произвести глубокую разведку в архангельском направлении — я считаю выполненной.

Силы противника в районе Березника — 500—600 человек при двух орудиях и большом числе новых пулеметов. Фронтом командует полковник Андронов, в штабе которого есть несколько английских офицеров. Один из этих офицеров серьезно ранен во время последнего боя. Окопов на берегах еще нет, кроме заставных на обоих берегах Двины у устья Ваги, в 8 верстах от Березника. Все эти сведения сообщены мне одним из на-

* После смерти тов. Куликова — секретарь Архангельского городского комитета РКП(б).

ших разведчиков, попавшим в плен и убежавшим оттуда. Степени достоверности не могу определить; думаю, что они приблизительно верны.

Считаю, что я не проиграл сражения у Березника, невзирая на отход в 40 верст. Главный выигрыш его — в произведении морального эффекта, так как нападали мы в меньшем числе, но с безумной смелостью, организованно, планомерно, с силой стихии. Скажу больше: я теперь жалею, что не таранил их главного судна, так как можно было покончить все одним разом, но я боялся идти в последнюю атаку с одной пушкой при двух пулеметных лентах. Опыт настоящего сражения лично для меня очень ценен. Для того чтобы повторить это безумное нападение одного на трех-четырех, надо иметь превосходство не только в артиллерийском, но и в пулеметном огне.

Поэтому прошу как можно скорее выслать мне не менее 30 пулеметов с 300 лентами, а затем продовольствие, амуницию и хотя бы одну батарею 3-дюймовых пушек; но самое главное, что мне теперь необходимо, — это присылка вооруженной силы — не менее 200—300 человек, так как я для разведки чересчур силен, а для фронта очень слаб и высадить десант для наступления считаю безусловно рискованным.

В заключение доскажу о ходе операции: выйдя из сферы неприятельского пулеметного огня, я дал по нескольку очередей на обе стороны реки по месту предполагаемых застав и пошел тихим ходом, подняв пулеметы на отражение воздушной атаки и поставив боевые караулы. Без всяких приключений я добрался до выбросившегося на мель парохода «Заря», спустил на берег разведку и нашел еще три пулемета, много патронов, много обойм скорострелки с 15 пулеметными лентами, что нам очень пригодилось, а затем я остановился в 40 верстах от Березника, у Конецгорья, откуда сегодня произведу опять водную и сухопутную разведку. Если можно будет — буду наступать, но при изменяющемся от усталости настроении моряков, уже сегодня говоривших мне о своем решении вернуться в Вологду, боюсь, что это будет почти невозможно. Во всяком случае, сделаю все, что могу, а сегодня привожу в порядок орудия, пулеметы, ружья и т. д., а главное — хочу дать людям небольшой отдых. О дальнейших событиях буду уведомлять незамедлительно.

Помощник командующего Котласским районом

П. Виноградов».

Приведенный исторический документ свидетельствует о той громадной роли, которую сыграл Павлин Виноградов в первые полторы недели в деле обороны северо-двинского направления. Без преувеличения можно сказать, что Павлин спас положение на Двине.

Не было бы его — кто знает, как протекали бы события, и, возможно, бои велись бы уже за Котласом, где-нибудь в районе Вятки. Громадная его заслуга выразилась в том, что в минуту всеобщей растерянности он не только не потерялся, но имел мужество революционным путем объявить себя временным командующим Котласским районом и флотилией; официально считаясь беспартийным, он сумел подчинить себе весь состав Архангельского губисполкома и местные власти, заставить признать свой авторитет, установить железную дисциплину и, заражая личным примером, повести других в бой, организовав первый отпор врагу.

Но те же документы указывают и на некоторые слабые его стороны, и в первую очередь на его рискованную наступательную тактику, которая отвечала его смелой, мятежной натуре, но которая вовсе не отвечала моменту. Основная задача его заключалась в защите Котласа, а не в освобождении Архангельска.

Переоценивая фактор личной храбрости и самопожертвования, тов. Виноградов шел напролом, рисковал не только своей жизнью, но и теми ничтожными силами, которые составляли единственный боевой фонд во всем районе.

Тов. Виноградов именует произведенную операцию глубокой разведкой, но то была не только разведка. Вспомним его характерное заявление: «Я теперь жалею, что не таранил их главного судна, так как можно было покончить одним разом».

Но каковы были бы результаты даже от полного разгрома противника? Незначительные, так как о возврате Архангельска, разумеется, говорить не приходилось. Поражение же Виноградова могло бы привести к оставлению Котласа, а возможно, и к еще большей беде.

Имея перед собой горячего, рвущегося вперед энтузиаста, фронтовому командованию пришлось всячески охлаждать его пыл. Ему категорически запрещалось пускаться на какие бы то ни было рискованные операции. Но уверенности, что тов. Виноградов откажется от своей тактики, у нас не было.

Поэтому вопрос об обороне Котласа становился с каждым днем все более неотложным.

ОБОРОНА КОТЛАСА

10 августа был командирован из Вологды в Котлас тов. Ст. Попов «для принятия всех мер на случай возможного прорыва белогвардейцев на Котлас». Из доклада* Попова видно, что положение Котласа не признавалось особенно серьезным, но на всякий случай предпринимались кое-какие шаги: эвакуировались грузы и подготовлялось заграждение фарватера.

Выяснив положение, Попов выехал на фронт к Виноградову, где и участвовал в нескольких боях, о которых будет сказано впоследствии.

На приказ обратить сугубое внимание на оборону Котласа 12 августа и на поставленные вопросы поступило следующее донесение начальнику полевого штаба Самойло от командующего районом Медведева и начальника штаба Лисовского:

* Доклад Ст. Попова мне. Дата не проставлена.

«Карта — 10 верст. Для обороны Котласа выбрана позиция в районе Красноборска по рекам Уфтюге и Евде, с передовой позицией на реке Лябле (?) точка Дальнейшее сопротивление будет оказано на реках Христофановке, Васильевке и Летняя Уртомаш с соответствующими реками на правом берегу точка По организации подготовки позиции в районе Красноборска выдвинусь возможно дальше к северу до соприкосновения с противником, где буду задерживать его до последней возможности точка Для заграждения фарватера подготовлены баржи общей длиной 150 сажен, намечены по лоцманским картам и показаниям служащих флота пункты заграждения у Черевков, что на 40 верст ниже Красноборска и у Большой (?), что 15 верст ниже Красноборска точка.

Заграждение будет произведено по приходе Виноградова, если же он будет отходить под непосредственным напором противника — заграждение будет произведено, не ожидая прихода, так как для заграждения нужно время. Виноградов, высадившись, обеспечит заграждение от уничтожения точка Заграждение фарватера в тылу прорвавшегося противника считаю крайне затруднительным, скрыть суда невозможно, нужно оставить катера, и потребуется много времени и сил. Для эвакуации грузов образована советская перегрузочная комиссия, которой подчинены водный и железнодорожный транспорт; будет вывезено все, что не нужно для боевых действий. Привлечение к разведке населения затруднительно ввиду ненадежности его и наступивших полевых работ.

Присылка полуэскадрона необходима в Красноборск для наблюдения за левым берегом со стороны Ленговского; отряды желательно направить к устью Ваги. Связь буду поддерживать телеграфом по левому берегу Двины или через Устюг, Шенкурск * точка Аэропланы прошу направить в Котлас, где имеется аэродром, по выяснении возможности переведу их в Красноборск точка Подрывному поезду прежде прибытия в Котлас необходимо подготовить для взрыва мост на Лузе, взрыв пути Котлас (—Вятка) возможен (только) по прибытии поезда, ввиду отсутствия материала и подрывников. Виноградов ушел вниз по реке с отрядами общей численностью 250 человек, я иду с отрядом 742 матроса и 40 латышей и красноармейцев. Крайне необходима присылка артиллерии и пехоты, саперов, хотя от Виноградова, Вахрамеева (?) еще сведений не имею точка Очень нужны ручные гранаты. Большое количество затребованного продовольствия вызвано необходимостью снабжать служащих речного флота, лишившегося своей базы; без этой меры может остановиться судоходство. Деньги нужны судорабочим для расчета с заводом «Стюарт», заготовляющим материалы для окопов, для уплаты рабочим по рытью окопов, которые ввиду полевых работ требуют большей оплаты труда; принудительные работы только вызовут вражду населения...»

(Дальше упоминаются вопросы, которые не имеют прямого отношения к обороне Котласа, и запрашиваются многочисленные предметы, почему эта часть донесения опускается.)

Из приведенной ранее телеграммы тов. Ленина от 12 августа явствует, какое большое значение придавал Владимир Ильич обороне Котласа.

Но Ильич не ограничился только телеграммой. Спустя несколько дней (точно установить число не представляется возможным) прибыли в Вологду два удалых молодца «со специальным поручением от Ленина».

---

* Шенкурск 12 августа был уже занят белыми.

Они предъявили мне мандат за подписью Владимира Ильича и письмо. То были тт. Уралов и Ногтев, с которыми мне раньше не приходилось встречаться.

В письме Владимир Ильич рекомендует их как вполне надежных товарищей и указывает, для какой задачи они посылаются: принять подготовительные меры к взрыву котласских огнехранилищ в последнюю минуту, при вступлении неприятеля в Котлас *.

Ясно: история с Архангельском повториться в Котласе не должна.

Снабдив товарищей всем необходимым и ознакомив с последними оперативными сводками с Двины, направил их в Котлас (Красноборск) к тов. Медведеву.

К счастью, им не пришлось выполнить возложенное на них задание. Использованы они были на другом деле: на устройстве заграждения фарватера Северной Двины в районе Красноборска. Но и эта работа, правда, не по их вине, проходила далеко не гладко.

Помню, в одном из донесений штаба Котласского района сообщалось, что, несмотря на то что уже затоплено изрядное количество барж, фарватер остается вполне проходимым. Запрашивалось разрешение затопить еще большее число судов.

В объяснение такого странного явления приводилось исключительное обилие воды в настоящем навигационном году: в месте затопления судов уровень воды быстро поднимался, вода шла поверх судов и смывала заграждение.

Приняв во внимание, что для основательного и продолжительного заграждения пришлось бы пожертвовать всем деревянным флотом, дальнейшее затопление судов было приостановлено.

Кое-какое заграждение все же было устроено. Тов. Геккер, проходивший в первой половине сентября эти места, рассказывает, что его судно проводилось буксиром через довольно искусно устроенный канал **.

ВОЕННЫЕ НЕУДАЧИ И УСПЕХИ

Обратимся теперь к описанию боевых операций на архангельском направлении. Выделим только наиболее существенное.

---

* Письмо не сохранилось. Возможно, как исключительно конспиративное, было уничтожено.

** Н. Н. Кузьмин при встрече со мной указывал, что вообще никакого заграждения устроено не было и что он прекратил работы в самом начале. Тов Уралов утверждает, что это неверно, и указывает, что план устроенного заграждения был передан им через тов. Зуля Владимиру Ильичу.

На главном направлении, железнодорожном, положение в течение всего августа оставалось без перемен. Все попытки противника перейти в наступление оказывались безуспешными.

Здесь, как и на других участках, частям приходилось, за отсутствием резервов, неделями бессменно оставаться на позициях, в лесу, в болоте, под дождем. Несмотря на наступившие холода, многие красноармейцы носили лапти. Особенно надо подчеркнуть геройскую стойкость красноармейцев и красных моряков (отряд Антропова) в перенесении всех трудностей войны в гиблой тундре.

В направлении на Онегу нашими частями были взяты Тучмасово, где захвачен пароход, и Чекуево. Это положение оставалось затем надолго закрепленным. Вообще Онежский участок заметной роли не играл *.

Северо-Двинский участок Архангельского района в первый месяц являлся наиболее оживленным. Командовал частями тов. Вахрамеев.

На этом участке в первой половине августа в наших руках находился важный пункт — с. Селецкое.

15 августа внезапным наскоком противник, в отряде которого преобладали иностранцы, занял Селецкое. Поражение явилось результатом нашего разгильдяйства и беспечности.

И здесь повторилась та же история, как на железнодорожном и онежском направлениях после первых боев. В поспешном бегстве наши части откатились на 50 верст по тракту. Крупные села Межновское и Авдинское перешли в руки противника. До ст. Плесецкой оставалось меньше 30 верст.

Особенно досадна была потеря нашего броневика, сданного без боя и даже не приведенного в негодное состояние.

Неудача слишком нервно отразилась и на штабе ст. Обозерской. В секретной записке лично мне (в таких случаях сообщение по всем адресам не практиковалось) командир района Ленговский и начальник штаба Осадший 16 августа доносят: «Имеющимися резервами рассчитываю временно задержать противника пред Кочманским. Если немедленно не вышлите 500 человек пехоты, буду принужден отдать сегодня же приказ об оставлении Обозерской и эвакуации Емцы. Обход слишком глубок. Помощь нужна, чтобы сохранить треугольник Чекуево через Обозерскую, Селецкое и Плесецкое. Жду немедленного ответа подкреплении пехотой. Ленту прошу вырвать, взять с собой».

---

* Интерес к нему проявился только к концу гражданской войны, в 1919 г., в связи с вспыхнувшим в Онеге восстанием.

Что товарищи нервничали, показали дальнейшие события. Если и была возможность послать подкрепления, то, во всяком случае, не больше 150—200 штыков, да и те, насколько помнится, прибыли с опозданием.

Помню также, что тов. Ленговский в связи с неудачей испрашивал разрешения образовать чрезвычайный трибунал и настаивал на высшей мере наказания для Вахрамеева, который уже второй раз оказывается в таком позорном положении.

На создание трибунала было дано согласие, но против высшей меры наказания я возражал. Если вина Вахрамеева очень тяжела, то, по моему мнению, следовало передать все дело в Вологду.

Насколько помнится, приговор был вынесен сравнительно мягкий. Тов. Вахрамеев был переведен в рядовые красноармейцы и как будто остался в том же отряде *.

Но вернемся к описанному выше эпизоду.

Захватив с неожиданной легкостью Селецкое и другие пункты, противник торжествовал. «Большевики — это трусливый сброд, который бежит от первого выстрела»,— думалось ему. Он приступил к осуществлению операции, которая могла бы при удаче разгромить главные силы, действовавшие в районе Обозерской.

Между тем наш отступивший отряд, подкрепленный свежими силами, перешел в наступление. Было необходимо выровнять фронт.

Наступление шло почти в таком же оживленном темпе, в каком происходил недавний отход. Взяли Авдинское, взяли Межновское. Лихим ударом сбили противника в Селецком.

Селецкое — наше. Чуть ли не бóльшая радость: вновь отвоеван сданный на прошлой неделе голубчик-броневик!

Достигнутым успехом наши не удовлетворились и, преследуя бежавшего противника, заняли следующее селение Тегра, на реке того же названия, и авангард перешел реку. Отсюда вела лесная тропа на Обозерскую.

На этом самом месте в руки отряда попал конный фельдъегерь белых, везший срочные пакеты и не подозревавший, что местность уже находится в руках красных.

Содержание пакетов пришлось нам как нельзя кстати. То были донесения американскому полковнику **, который, как было установлено затем опросом местных жителей, дня за два до этого прошел по лесной тропе на Обозерскую.

---

* По другим сведениям, Вахрамеев был отстранен от командования и отправлен в тыл.

** К сожалению, забыта его фамилия.

Отряд, по приблизительному подсчету, исчислялся в 300—500 человек; за ним следовал внушительный обоз.

Оставив заслон на Тегре, наши главные силы были брошены в тыл противника. Штаб в Обозерской был своевременно предупрежден об опасности.

Американский полковник со своим отрядом оказался в мешке.

День за днем суживалась длина мешка. Окружающие болота мешали противнику выбраться из тундры иным путем, кроме как пробившись через наседавшие или с фронта, или с тыла части.

В целях спасти отчаянное положение американского отряда, попавшего в ловушку, начался натиск противника на Обозерскую со стороны Архангельска. Шестидюймовки громили станцию. Атака следовала за атакой.

После боя, длившегося 7 дней и на лесной тропе, и у Обозерской, отряд полковника был смят *.

Сб. «XV лет Красной Армии». Архангельск, 1933, стр. 85—108.

---

* То было 4 (или 5) сентября.

Николай Николаевич
КУЗЬМИН
(1883—1939)

Родился в Петрограде в рабочей семье. В 1901 г. окончил гимназию. В 1903 г. вступил в РСДРП(б) и примкнул к большевикам. Несколько раз сидел в тюрьме и отбывал ссылку.

В 1911 г. окончил математический факультет Петербургского университета и преподавал математику в средних учебных заведениях. Как член большевистской военной организации, принимал активное участие в Октябрьском вооруженном восстании. Был избран председателем Гатчинского Совета и членом Гатчинского комитета партии. Редактировал газеты «Солдатская правда» и «Деревенская беднота». В ноябре 1917 г. вступил в Красную гвардию и был назначен комиссаром штаба Юго-Западного фронта. С мая по сентябрь 1918 г.— член Реввоенсовета 6-й армии. С апреля 1919 до конца 1920 г. последовательно занимал должности члена РВС 3-й, 6-й армий и Балтийского флота, командующего 12-й армией. До 1923 г. находился на ответственной работе при РВС Республики и в Управлении военно-учебных заведений Красной Армии. В 1924 г. на политической работе в Военной академии РККА и Верховном Суде СССР. С 1925 по 1934 г.— член РВС и начальник политуправления Туркестанского фронта, начальник Главного управления военно-учебных заведений РККА, член РВС и начальник политуправления Сибирского военного округа.

Б О Р Ь Б А З А С Е В Е Р

В приказе Реввоенсовета СССР после окончания борьбы на Северном фронте 6-я северная армия была названа героической. И действительно, борьба Красной Армии на Северном фронте в 1918—1920 гг. являет собою исключительную страницу в истории Красной Армии, богатую примерами и героической борьбы, и энтузиазма, и упорной настойчивости, которые были продиктованы стремлением победить во что бы то ни стало.

УСЛОВИЯ БОРЬБЫ НА СЕВЕРЕ

В примерах войн, вообще говоря, не было таких, которые велись бы на 63-м градусе северной широты. В крае, занимающем по ширине более тысячи километров, прорезанном только двумя железными дорогами и несколькими удобными для движения исключительно летом реками, сплошь покрытом лесами и болотами, в крае чрезвычайно редко населенном, где деревня от деревни отстоит на 20—30 км, с суровой зимой и морозами, доходящими нередко до 40° по Реомюру,— рабочим и крестьянам пришлось вести войну, причем войну организованную, с прекрасно снаряженным и хорошо вооруженным врагом.

6-я красная армия вела борьбу в чрезвычайно тяжелых условиях. Она редко получала пополнения из центра и все должна была находить у себя на месте. С первых же дней своей борьбы ей пришлось столкнуться с английскими, американскими, французскими, польскими войсками и хорошо слаженными белогвардейскими формированиями. Войска врагов получали прекрасное обмундирование, очень хорошо кормились, в то время как частям Красной Армии на первых порах, до взятия Шенкурска, где были захвачены крупные запасы продовольствия, приходилось питаться «мясо-рыбой» и хлебным пайком в полтора фунта, наполовину с овсом.

Но именно то обстоятельство, что основой войск 6-й армии были отряды петроградских рабочих и что пришлось вести борьбу сразу же с хорошо организованным европейским врагом, заставило красноармейцев очень быстро подтянуться, дисциплинироваться, вытравить в себе партизанские навыки и замашки и стать крепкими, способными к большим переходам в любую погоду, в любое время года частями. Постоянные стычки с противником привели к тому, что месяца через три после начала борьбы наши части стали способны к гибкому и победоносному маневру, научились делать переходы

скрытно и скоро сбили спесь у противника, который стал значительно осторожнее, пытаясь поразить нас своим техническим превосходством.

Невольно приходят на память слова английского писателя Джерома Джерома, который в 1920 г. писал: «Большевики без паровозов, без вагонов швыряют свои армии каким-то немыслимым способом с юга на север, с востока на запад и, когда нужно, ухитряются на любом фронте подавить неприятеля своей численностью. Большевики, лишенные технических средств, обороняют свои границы лучше, чем немцы, к услугам которых была чудовищно развитая техника».

Эти слова больше всего подходят к борьбе на Северном фронте, где все переброски и сосредоточение войск приходилось делать по грунтовым дорогам, причем от войск требовалась такая точность, чтобы несколько отрядов, выйдя из разных, отстоящих на 300—400 км друг от друга мест в разное время и не имея между собой связи по фронту, пришли к определенному сроку в определенное место.

Это сильно поражало англичан и американцев, и не раз те или иные наши победы вызывали запросы в лондонском и вашингтонском парламентах.

Джером далее писал: «Надо сказать правду: мы своей идиотской политикой закалили русский народ, он никогда не был упрямым. Мы привили ему это драгоценное свойство, которого до сих пор не хватало славянской натуре,— настойчивость, железную выдержку, уменье стоять до конца, стиснув зубы...»

Действительно, враг, напавший на нас, заставил всех встрепенуться и напрячь все силы, чтобы изгнать его вон. Но все-таки разгадка всех тех событий периода гражданской войны, которые поразили как белогвардейских, так и иностранных генералов, которые удивили весь мир, заключается в том, что во главе всех действий стоял рабочий класс и его авангард — ленинская Коммунистическая партия.

Особенно это заметно на Севере, где кадром всех будущих формирований послужили петроградские рабочие, где во главе армий с первых дней встали посланные Петроградом работники его Совета, сумевшие быстро сработаться, дать возможность работать военным специалистам и сами учившиеся у них военному делу.

Петроградские рабочие Наумов, Орехов, Миничев, Богданов, Алешин и ряд других вместе с такими военными специалистами, как Петин, Самойло, Лисовский, смогли быстро организовать штаб, наладить в нем четкую работу, внушить доверие к нему и затем быстро спаять войска и направить

все их внимание на выработку маневренности, выносливости и решимости во что бы то ни стало победить врага.

Борьба на Севере началась осенью 1918 г. Англичане и американцы, после белогвардейских переворотов в Архангельске и Мурманске, «по призыву» населения, от имени которого с ними говорили народный социалист Чайковский, кадетские деятели, изменивший Советской власти генерал Мурузи и капитан 2 ранга Чаплин, высадили свои войска в Архангельске и Мурманске и распространились на юг по течению рек Северной Двины, ее притоку Ваге, по Онеге и вдоль железных дорог Мурманск — Петрозаводск и Архангельск — Вологда.

Наши небольшие, набранные из местного населения части не оказали сильного сопротивления и дали возможность противнику захватить такие важные пункты, как станция Обозерская, устье реки Ваги на Двине, село Труфаногорское на реке Пинеге и Медвежья гора на железной дороге Мурманск — Петрозаводск.

Основной целью наших противников было, двигаясь тремя колоннами, одной — от Мурманска и двумя — от Архангельска (первой на Вологду по железной дороге и второй — на Котлас по Северной Двине, а оттуда по железной дороге на Вятку), угрожать Петрограду и Москве и, кроме того, тылу 3-й армии, которая вела борьбу с Колчаком в районе Перми. Душой и вдохновителями всей борьбы были англичане. Распоряжался всем сначала генерал Пуль, а затем генерал-майор Айронсайд. В докладе английскому парламенту в 1920 г., в ст. 7-й, признаются громадные усилия, сделанные англичанами на Севере России, где английские силы со 150 моряками в апреле 1918 г. к моменту эвакуации возросли до 13 400 человек. В статье 19-й того же доклада говорится, что в Мурманске к 31 декабря 1918 г. было: англичан — 6850, французов — 731, итальянцев — 1251, сербов — 1220, белогвардейцев — 4441, а в Архангельске: англичан — 6200, французов — 1600, американцев — 5200 и белогвардейцев — около 3 тысяч.

Помимо хорошего обмундирования и прекрасных условий питания, эти войска имели по сравнению с нами блестящую технику, большое количество оружия, аэропланов и даже 3 танка, а для рек имелись канонерки. Мы же могли к этому периоду противопоставить 19-ю дивизию на мурманском направлении, численностью около 6 тыс. бойцов, и на всех направлениях к Архангельску — не более 9 тыс. бойцов. В смысле техники мы были слабы, и пришлось противопоставить сметку и сообразительность рабочих и крестьян, которые научились из различных небольших речных пароходов делать довольно мощные боевые суда. В отношении аэропланов дело

у нас обстояло очень плохо: имелось не больше 6—7 аппаратов, причем они были похожи скорее на то, что у нас впоследствии называлось «гробами».

Англичане прислали 2-й батальон 10-го Шотландского полка, 250-ю английскую пулеметную команду со школой, 17-й батальон Ливерпульского полка, Иоркский полк, Дургамский полк, канадскую артиллерию. Американцы прислали: 339-й американский пехотный полк, 310-ю роту инженеров и пулеметную команду. От французов был: 21-й маршевый батальон 1-го французского колониального полка. Отрядом чехословаков, который находился на реке Печоре, в селе Щугор, командовал князь Вяземский. Отряд этот принадлежал к колчаковской армии и, с одной стороны, обеспечивал ее от наших обходов, а с другой — поддерживал связь с Архангельском. В Архангельске был сформирован польский легион, командиром которого был французский капитан Жантиль. Итальянцы были представлены частями 67-го итальянского полка. Сербы, составлявшие отряд, были частями сербского корпуса, прибывшего из Одессы в Мурманск и Архангельск.

Английские и американские войска были сразу же выдвинуту на передовые позиции, а под их прикрытием стали организовываться 1-й Архангельский городской полк, 8-й народный полк, 3-й Мурманский стрелковый, 1-й отдельный Шенкурский батальон, 2-й отдельный Холмогорский батальон, 3-й отдельный Онежский, славяно-британский легион, русско-французский легион, несколько партизанских отрядов, Печорский отряд, мезенский гарнизон, кавалерийский полк.

Против этих сил, помимо местных отрядов, сформированных тов. Кедровым, были брошены из Петрограда составленные сплошь из питерских рабочих два «железных» батальона, рота Рождественского района, 3-й Петроградский полк, полк первого городского района и два отряда моряков, Юрьевский полк, Гатчинский батальон, Нарвский батальон, 7-й инженерный отряд. Кроме того, прибыл Рязанский батальон, во главе которого стоял рязанский рабочий тов. Куприянов.

Наши части на первых порах действовали смело и энергично: то тут, то там наносили удары противнику, но не особенно считались с руководством из центра. Вследствие этого успехи очень часто сводились на нет. В большинстве случаев даже маленькие операции первого периода все же задумывались, благодаря условиям местности, в довольно большом масштабе, почему требовали согласованных действий нескольких отрядов. Победные действия одного из отрядов, которые

должны были служить началом для всей операции, этим отрядом сразу же прерывались после первых успехов; отряд уходил на отдых, тем самым сводя на нет и свой успех, и всю операцию. Особенно отличались в этом отношении моряки. Как только организован был штаб 6-й армии, во главе которого был поставлен тов. Самойло, и Реввоенсовет, в котором председателем был тов. Гиттис, а членами Орехов и Кузьмин, решено было твердо взять в руки части, выбить партизанщину и начать вести согласованные операции на широком фронте. До этого у нас были командующий всеми вооруженными силами Архангельского района, командующий Котласским районом, командующий Вятским районом, командующий северо-западным участком Северного фронта и должен был появиться еще командующий северо-восточным участком Северного фронта.

Для того чтобы начать успешно действовать на боевом фронте, надо было, помимо устранения этой организационной неразберихи, еще укрепить тыл. Трудность заключалась в том, что незадолго до организации в Вологде армии со штабом оттуда выехали за два месяца до этого посольства союзников, которые сумели оставить достаточное количество шпионов, имевших связь с местными эсерами, в те времена укрепившими свое влияние на рабочих Вологодских мастерских. По плану Нуланса, разработанному Савинковым, линия железной дороги от Череповца до Галича насыщалась белогвардейскими офицерами, долженствующими поднять восстание под командой полковника Куриченко, с тем чтобы захватить штаб 6-й армии. Эта организация забрасывала удочку и в некоторые части армии, как, например, в 3-й Петроградский полк, большинство командного состава которого находилось в связи с белогвардейцами.

Пришлось все эти организации ликвидировать, произвести чистку в войсках и переломить настроение среди местного населения, не расположенного к большевикам. Во время борьбы с белогвардейцами и уничтожения всех тех пунктов, которые служили базами для переправки морских и сухопутных офицеров к англичанам в Архангельск, удалось раскрыть целый ряд организаций, базы которых находились в Петрограде и Москве и питались из английских источников.

Рядом суровых мер по отношению к пьяницам и злоупотреблявшим властью удалось показать, что партия и организуемая ею армия не потерпят в своих рядах никого, кто вольно или невольно грязнит наше знамя и забывает великие идеи, во имя которых велась борьба пролетариатом. Когда всем стало ясно, что руководящий состав армии и местных организаций твердо и решительно взял курс на укрепление

всего аппарата, что он жестоко и сурово подавляет контрреволюцию и не позволяет никому, как бы высоко он ни был поставлен, колебать дисциплину и твердый порядок, установленный революцией,— можно было приняться за уничтожение партизанщины и укрепить части. После всех этих мероприятий стало возможно спокойно и уверенно приступить к боевым действиям.

Приблизительно к сентябрю 1918 г. фронт проходил через северную часть Онежского озера, город Повенец, Кожозерский монастырь на озере Кожозеро, село Прилуцкое на реке Онеге, 441-й километр на железной дороге Архангельск — Вологда, с. Кадыш на р. Емца, притоке Северной Двины, дер. Березник и Усть-Паденская на р. Ваге, с. Троицкое на Северной Двине, с. Труфаногорское на р. Пинеге и далее по старинному Великому Северному пути на Березов, через Усть-Щугор на реке Печоре. Линия фронта занимала более тысячи километров. Но фронт, конечно, не был сплошным. Борьба велась по железным и грунтовым дорогам и по рекам. Между боевыми участками были промежутки по 40—70 и более километров, ничем не заполненные, так как это были или непроходимые лесные чащи, или такие же болотистые пространства, по которым и на которых ни мы, ни противник не располагались, посылая туда только небольшие разведывательные партии.

6-й армией был выброшен небольшой отряд под командой т. Мандельбаума, который должен был вести борьбу в районе Печоры и двигаться по направлению к Березову, чтобы отрезать архангельскому правительству всякую возможность сноситься с Колчаком. Этот отряд отличался большой подвижностью и чувствительностью. Предоставленный самому себе,— ибо он находился в тысячах километров от конечного пункта железной дороги Вятка — Котлас,— он довольно успешно действовал против местных кулаков и белогвардейцев, но при первом столкновении с отрядом князя Вяземского понес поражение, отскочил от него чуть ли не на 300 километров и стал обижать местное население. Отряд пришлось расформировать, начальника его отозвать и отправить в Москву, а туда послать более надежную и крепкую часть, которая должна была закрыть движение противнику вверх по Печоре.

На правом фланге фронта 6-й армии боевые действия обычно велись только зимой и летом, потому что весной и осенью вся местность между Вычегдой и истоками рек Пинеги, Мезени, Вакши, Печоры обращалась в сплошное непроходимое болото. Борьба велась отрядами, которые направлялись туда в начале лета и зимы, а в конце этих перио-

дов отводились обратно в район Северной Двины и в район Усть-Сысольска.

Боевые действия велись главным образом по Северной Двине, в районе Шенкурска и в районе железных дорог от Архангельска и Мурманска.

После того как англичане в августе с большими потерями и после больших напряженных боев заняли станцию Обозерскую, мы закрепились в районе Чекуево на реке Онеге, на 441-м километре, в районе Кадыш, по дороге с. Емецкое — ст. Плесецкая и в районе Тарасовское. После нескольких атак англичане, понеся большие потери и убедившись, что здесь с нами ничего не сделаешь, фронта не прорвать, сами начали укреплять свои позиции, а главный удар решили наносить вверх по Северной Двине, чтобы прорваться к Котласу и тем самым помочь Колчаку, захватившему Екатеринбург и сосредоточившему силы для атаки 3-й армии в районе Перми с целью ее захвата. Закрепившись на железной дороге и реке Ваге, на полдороге между Шенкурском и Бельском, командование 6-й армии главное внимание обратило на Северодвинский участок.

Англичане и американцы проявили большую активность. Они пустили канонерки по реке, по левому берегу действовал батальон 339-го американского пехотного полка, а по правому — 2-й батальон 10-го Шотландского полка с большим количеством артиллерии и самолетами. К этим основным частям были приданы, как вспомогательные, белогвардейские формирования, которые англичане первое время боялись пускать на передовую линию. Первые шаги англичан увенчались успехом. Они отбросили наши части и продвинулись от устья Ваги до с. Троицкого. В предвидении этого удара в Котласе нами стали организовываться средства для борьбы. Из Кронштадта были привезены 120-миллиметровые пушки, чтобы организовать плавучие батареи. Моряки, которые привезли эти орудия, обратились к местным инженерам с просьбой оказать содействие и помощь в смысле установки их на каких-нибудь пароходах.

Никто не хотел помочь, и смеялись над нами, указывая, что это невозможно сделать. Но выход был найден: матросы откопали где-то две железные баржи, так как ясно было, что ни на один из пароходов эти орудия поставить нельзя. Достали бревен, обтесали их, как балки, и из этих бревен сделали настил на дне барж, затем поставили столбы и устроили потолок, на котором лежала железная палуба, а на палубе сделали такой же настил, и, таким образом, в носовой и кормовой частях были поставлены 120-мм морские орудия. Таким образом, мы получили две плавучие батареи, до-

вольно мощные; каждой из них было придано по буксиру, при помощи которого они двигались по течению до 7 км в час и против течения — по 3 км.

Эти батареи, под руководством матроса-артиллериста т. Степанова, были доставлены в район боевых действий и в момент успешного движения англичан своим метким огнем внесли панику и помогли задержать наступление противника. Кроме того, на некоторых больших пароходах было поставлено по одному 75-мм орудию, а на буксирах были поставлены трехдюймовки. С такой «эскадрой» наши отступающие части, подкрепленные к тому же вновь прибывшим Железным батальоном, под командой унтер-офицера Волкова, и ротой Рождественского района, под командой булочника т. Фукса, закрепились, а затем перешли в наступление.

Душа и вдохновитель бойцов на Северной Двине, народный учитель Павлин Виноградов, в одном из боев был убит. Помогавший ему второй комиссар Беломорского округа тов. Макаров растерялся и был отозван нами, и на место организатора с началом обороны, а затем наступления был поставлен прославившийся впоследствии на Южном фронте тов. Уборевич, тогда бывший командиром батареи. Было решено все части, а именно: Вологодский полк, матросский экспедиционный отряд, Железный батальон, роты Рождественского района, Коммунистический батальон, составленный из зырян (почти не говоривших по-русски), и вооруженные речные суда, на которых действовали беломорские моряки,— назвать бригадой, командиром бригады назначить тов. Уборевича.

Обстановка была довольно трудная. Моряки после успешных действий были обескуражены отступлением и драться не хотели. Привыкшие к чистой палубе корабля, они отвратительно чувствовали себя, когда им приходилось бороться на суше, иногда по колено в грязи и на плохом пайке. Настроение всем портило то, что нигде не было курева, и в течение последней недели в некоторых частях курили коровий помет. В частях не было белья, трудно было наладить баню. Армейское снабжение, вовремя предупрежденное, прислало махорки, подбросило белья, и, таким образом, эти первые помехи были устранены.

Гораздо сложнее и труднее была обстановка в отношении командного состава. Офицерский состав, который довольно хорошо дрался на границах Финляндии, так как там были немцы, который еще более или менее уверенно шел в бой против черносотенных генералов,— на Северном фронте терял всякую уверенность, колебался и легко переходил к неприятелю. Офицерскому составу было трудно понять, как это он может идти в бой против союзников, с которыми, как

говорится, бок о бок дрался против немцев и которые сильно «помогали» нам по части орудий. И офицеры военного времени, и кадровые офицеры в начале борьбы еще не могли понять всей подлости союзников и не уяснили себе того, что те не помогать пришли нам против немцев, а начали самую гнусную интервенцию. Поэтому колебания были часты. Кроме того, среди беломорских моряков не было ни одного офицера, так как последние остались в Архангельске с англичанами. Штаб Беломорского округа тоже раздвоился, и одна часть его, во главе с Мурузи, осталась с англичанами, другая, в лице тт. Самойло, Лисовского, Петина, Огородникова, Шешковского, Яцко и других, работала с нами. Как офицеры генерального штаба, они работали в штабах больших соединений, и при их помощи, главным образом, удалось построить хорошо слаженные армейские и дивизионные аппараты. Их кропотливая и незаметная работа на пользу революции не была видна для широких армейских масс. Наоборот, те, кто убегал к противнику, были на виду, их поступок был известен, и потому среди красноармейской и матросской массы вспыхнуло недоверие к командному составу из бывших офицеров.

Это настроение еще усилилось, после того как из трех аэропланов, имевшихся в нашем распоряжении на этом участке, мы потеряли два. Один пропал без вести вместе с летчиками, другой на глазах красноармейцев, посланный в разведку, перелетел линию фронта и спустился в расположении противника. Вспыхнувшее недоверие вылилось в форму мести оставшимся: несколько командиров во время боя были убиты своими же.

Поэтому было решено командный состав из бывших офицеров, за редким исключением, снять и отправить в тыл, в район Великого Устюга, где формировался полк. Им было объяснено, что, оставаясь на фронте, они подвергаются опасности быть пристреленными, что представители Советской власти им доверяют и направляют их в Великий Устюг с тем, чтобы там они хорошо подготовили полк и в дальнейшем вместе с ним дрались в боях. На места командиров в боевой линии были поставлены бывшие унтер-офицеры и отличившиеся красноармейцы.

Члены Реввоенсовета тов. Уборевич и тов. Землячка (которая руководила там партийной организацией) объехали все части и, не устраивая собраний, а обходя по избам, в беседах с небольшими группами разъяснили общую обстановку, указали на задачу, которая стоит перед частями, расположенными на Северной Двине, и подготовляли, таким образом, наступление.

На первых шагах наступление развернулось не вполне удачно. Первая атака Железного батальона против Шотландского батальона вначале увенчалась успехом, но так как наши, упоенные победой, полезли в деревню кучей, не послав предварительно разведки, то попали под жестокий пулеметный обстрел, смешались и убежали, бросив пулемет. Только командир батальона тов. Волков и несколько красноармейцев не растерялись: подняли брошенный пулемет и, отстреливаясь, прикрыли отступление и спасли пулеметы, протащив их через болото.

На следующий день батальонам приказано было вновь наступать. В этом наступлении участвовал один из членов Реввоенсовета, который шел с передовыми цепями. Батальон загладил свою предыдущую небрежность. После жестокого боя он занял деревню Борецкую и затем еще пять — шесть деревень, уничтожив полностью английскую роту, шедшую на подкрепление и попавшую под пулеметный обстрел. Затем наступление на время захлебнулось перед дер. Городецкой, хорошо укрепленной и находившейся на высоте. На правом берегу намечено было наступление по фронту с обходом фланга. Но и тут произошла маленькая заминка, ибо обходящие роты потеряли связь, а небольшая группа под командой Хаджи-Мурата *, командира кавалерийской части,

* Личность Хаджи-Мурата очень интересна. Уроженец Кавказа, он был в Клондайке, работая золотоискателем. В империалистическую войну он вернулся в Россию и вступил в войска рядовым кавалеристом, дослужившись до урядника. В 1917 г. в составе войск генерала Крымова он наступал на Петроград и под влиянием агитаторов, посланных Гатчинским Советом, увел целый эскадрон. Первое время находился в районе Гатчины, затем его пришлось направить в Кронштадт, когда в сентябре Керенский и его ищейки пытались арестовать Хаджи-Мурата и его всадников.

После Октября он со своим отрядом в 30 всадников остался в Петрограде и работал в Московско-Заставском районе. Когда Реввоенсовет армии попросил у окружного военного комиссара тов. Позерна какую-нибудь кавалерийскую часть, то прибыл отряд Хаджи-Мурата в составе 20 сабель. Он много и успешно боролся с кавалеристами белых, которые тоже были из «дикой» дивизии.

Держать в узде Хаджи-Мурата было очень трудно, так как он был очень необузданным человеком. За работу в период нашего наступления на Двине в сентябре 1918 г. и в феврале 1919 г. под Шенкурском он был награжден орденом Красного Знамени. Блестяще работал он при наступлении на Архангельск в 1920 г., когда, будучи командиром эскадрона 54-й дивизии, он вел бой в конном и пешем строю около Средь-Махреньги и после первых атак отрезал доступ к Средь-Махреньге со стороны как Тарасовского, так и Северной Двины.

Как приходилось держать его в руках, рисует одно телеграфное распоряжение, посланное ему членом Реввоенсовета г. Архангельска. Хаджи-Мурат шел с эскадроном впереди 150-й бригады на Пинегу и, считая себя подчиненным начдиву, стал пререкаться с комбригом 150-й. Утихомирить его было трудно, а наказывать сурово не хотел начдив. Тогда член Реввоенсовета послал ему телеграмму: «Архангельск, 29/II—1920 г. Я знаю

вышла вовремя в тыл противника, но, не получая никаких сведений от основного отряда, не перешла в наступление.

Противник же, чувствуя, что хотя ожесточенные атаки и отбиты, но готовится что-то грозное, воспользовавшись темнотой, ушел. Таким образом, наши продвинулись наутро и по левому берегу, остановившись перед укреплениями с. Троицкого. Моряки, после того как произошла заминка в дальнейшем наступлении, были влиты в наступающие части. Затем было решено наступление вести следующим образом: всю ночь не давать покоя противнику, стреляя в него из орудий, которые находились на пароходах. Пароходам, на которых стояли орудия, было приказано в течение получаса каждому двигаться по реке, выпуская по одному снаряду через каждые десять минут по деревням, в которых расположен противник. Так действовать с 23 до 2 часов. В 2 часа всем пароходам и плавучим батареям открыть огонь одновременно и сразу, как бы перед ночной атакой. Так действовать в течение часа. Войскам же начать наступление в 5 часов утра. Противник не выдержал и к утру покинул все позиции. Таким образом, в пять дней боя англичане и американцы были отброшены на 50 км, и наши войска захватили 10 орудий, миллион патронов, тысячу снарядов, огромные запасы продовольствия и теплых вещей. Были захвачены походные американские мастерские. Через несколько времени Железный батальон показал, что он вполне выровнялся и стал хорошей боевой частью. После взятия Городецкой он закрепился на позициях впереди ее, и к нему прибыли пополнения. Стоявший во главе пополнения бывший офицер очень скоро связался с англичанами и указал им путь, как нужно наступать на тыл батальона.

Командир батальона расположил свою часть очень толково. Сами красноармейцы после первых боевых неудач стали гораздо бдительнее и осторожнее. Имея роту на передовых позициях, вторую на отдыхе, третью роту командир держал как резерв в 2—3 км к югу от Городецкого. Противник решил наступать. Демонстрируя незначительными частями на фронте, он довольно значительным отрядом вышел несколько южнее Городецкой. Командир батальона не растерялся и приказал роте, стоявшей на отдыхе, подкрепить роту, стоявшую на передовых позициях, и вместе с ней перейти

Хаджи-Мурата. Хаджи-Мурат знает меня. Хаджи-Мурат забыл дисциплину и порядок. Он осмеливается не исполнять приказаний комбрига. Победа вскружила голову Хаджи-Мурату. Прекратить всякие разговоры. Исполнять беспрекословно все, что приказывают. Никаких возражений, не то люди забудут, что был Хаджи-Мурат». Это повлияло лучше всяких наказаний, и он стал шелковым. За Архангельскую операцию Хаджи-Мурат был представлен ко второму ордену Красного Знамени.

в наступление, а роте, стоявшей в резерве, ударить во фланг и в тыл обходящих английских частей. Противник был смят и разбит. Мы захватили две деревни, в которых был расположен лазарет, взяли много пленных, медикаментов, но вынуждены были отступить, так как основные силы противника перешли вновь в наступление.

На этом дальнейшее наступление замерло, и наши части закрепились здесь так же, как на железной дороге.

Было решено, ввиду малого количества сил, не наступать на широком фронте, а демонстрируя на том или ином участке, наносить англичанам и американцам, по возможности, чувствительные удары в таких местах, которые дальше от железной дороги, так как там иностранные войска не чувствовали себя уверенными. Действий на Северной Двине в сентябре не было. В ноябре, в день первой годовщины Октябрьской революции, Реввоенсовет решил провести его с передовыми частями на боевом участке и ознаменовать этот день наступлением на противника. Удар было решено наносить в районе Кадыша, по дороге Плесецкая — Емецкое. Там был сосредоточен полк 1-го городского района и Рязанский батальон. Нашими частями в этом районе командовал тов. Филипповский.

Когда Реввоенсовет прибыл в расположение полка, то увидел, что общая подготовка наступления велась недостаточно толково. На главном направлении, которое было хорошо укреплено блокгаузами, действовал один батальон. Два батальона были направлены в обход по лесным тропинкам и, конечно, заблудились, и только счастливый случай помог им ночью во время переполоха не перестрелять друг друга. К моменту приезда Реввоенсовета было донесено, что посланные в обход части возвращаются, потеряв надежду найти противника, а голод и дождь мешают им искать его. Наутро было решено снова начать наступление, которое пришлось вести в очень трудных условиях. Наступающим пришлось идти по дороге, проложенной через болото. Наступающие шли по открытому месту, в то время как противник был расположен на пригорке, на опушке леса, около моста, по обеим сторонам которого в глубине леса были построены два блокгауза с тремя пулеметными гнездами каждый. Первая атака была отбита, и наши отошли, оставив на дороге пулеметы. Дело спасла находчивость пулеметчика тов. Хлебникова, который, потрясая кулаками и изрыгая ругательства по адресу англичан, несмотря на отчаянный огонь с их стороны, подбежал к пулеметам и... начал стрелять из одного из них. У него была прострелена фуражка и рукав шинели в двух местах, но сам он остался цел и невредим. Его подвиг произвел сильное впе-

чатление на наши части и поразил своей дерзостью англичан, которые на время прекратили стрельбу. Тогда наши перешли в наступление, воспользовавшись этой заминкой, захватили блокгаузы и затем на плечах отступающего противника ворвались в дер. Кадыш и заняли ее.

Мелкие стычки происходили во многих местах с переменным успехом и создавали в наших частях уверенность, показывая, что, несмотря на свою техническую слабость, мы можем бить англичан и американцев.

После того как войска натренировались в этих мелких стычках и столкновениях, после того как от отрядной системы перешли к полкам, бригадам и дивизиям и было налажено правильно функционирующее снабжение, можно было начать более сложные и серьезные операции.

6-я армия в те времена была подчинена Северному фронту, во главе которого стоял бывший генерал Парский. Последний, по распоряжению штаба главкома, приехал в армию с тем, чтобы понудить ее к решительному наступлению на Архангельск, указывая, что целесообразнее всего действовать по железной дороге со стороны Плесецкой. На месте ему указали, что такой метод в данном случае нецелесообразен, ибо на Плесецкую ведут несколько дорог, и если мы будем двигаться от Плесецкой, то будем наступать растопыренными пальцами, а быть сильными на всех четырех направлениях, ведущих к Плесецкой и от нее, мы не можем. Одержав успех на главном направлении — железнодорожном, мы можем получить удар или со стороны Чекуева, или со стороны Емецкого, или со стороны Тарасовского, и ввиду давления на тыл успех наш будет ликвидирован сам собой. Кроме того, направление вдоль железной дороги, самое близкое по расстоянию от Архангельска, противником укреплено чрезвычайно сильно и, представляя собой узкий коридор внутри лесного массива и болотистых пространств, негодно для маневра.

Было указано, что иногда более близкое расстояние на деле будет более далеким. Нам нужно, по мнению Реввоенсовета, наступать на одну точку, исходя из нескольких и предоставляя противнику гадать, на каком направлении наносится главный удар. Если посмотреть на очертание фронта, то оно представляло из себя в районе Шенкурска большой клин, врезавшийся в наше расположение. Поэтому начать нужно с того, чтобы уничтожить этот клин и сначала выровнять фронт, а затем, последовательно нанося удары в районе Северной Двины и Пинеги, действовать на ст. Обозерскую справа, а из района Чекуева слева, чтобы таким образом из района Больших Озерков и Емецкого грозить захватом Обо-

зерской и вынудить противника очистить хорошо укрепленную железнодорожную позицию.

Очертания фронта были таковы, что на Северной Двине мы стояли на 62,5° сев. широты, на ж. д.— 63,2°, а на реке Ваге позиции противника находились на 61,8° сев. широты. Вся территория от железной дороги до Ваги ниже линии фронта представляла лесистое и болотистое пространство, трудно проходимое и почти лишенное дорог. Имелись только две удобные для операций дороги: от станции Плесецкой через Кадыш к Емецкому на Северной Двине и от ст. Няндома к Шенкурску.

Если взять треугольник Тургасово (река Онега) — Кадыш (река Емца) — ст. Плесецкая, ограниченный р. Онегой и дорогой Плесецкая— Кадыш, то боевые действия можно вести здесь только по дорогам и по реке Онеге, и больше нигде. Чтобы подойти к с. Тарасовскому и Средь-Махреньге, в случае потери ст. Плесецкой, надо было бы двигаться от ст. Няндома на Шенкурск и от Шенкурска уже проселками идти к этим деревням.

К концу 1918 года мы закончили организационный период, и все наши части свели в одну 18-ю дивизию, во главе которой стоял тов. Уборевич. Две бригады этой дивизии находились на участке вблизи жел. дороги со штабом дивизии на ст. Плесецкой, а третья бригада, имея штаб в Красноборске, была разбросана своими полками на реках Ваге, Северной Двине, Пинеге, Мезени, Вакше, Печоре. Реввоенсовет армии, после совместного обсуждения с начдивом-18 Уборевичем и командиром 3-й бригады 18-й дивизии Лисовским, решил: закрепившись как следует в районе железной дороги и на Северной Двине, снять оттуда лишние части, без которых может обойтись оборона, свести их в отряды и ударить на Шенкурск.

ШЕНКУРСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

План операции был разработан следующий.

Первый отряд в составе трех батальонов — Нарвского, Гатчинского и Рязанского (около 900 штыков) — при двух 3-дюймовых и 4 горных орудиях и взводе кавалерии в 30 сабель, эскадрона Вологодской губЧК под командой тов. Раудмеца должен двинуться со ст. Няндома на Шенкурск.

Второй отряд в составе Железного батальона и 7-го инженерного отряда (около 600 штыков), при одной шестидюймовой, одной трехдюймовой и двух горных пушках, с 18 всадниками под командой тов. Солодухина должен был двинуться из Красноборска через Кодему также на Шенкурск.

Третий отряд, уже стоявший на Ваге, в составе морского экспедиционного отряда (300 штыков) и 161-го Северного полка (900 штыков), главным образом из крестьян Шенкурского уезда, при 6 тяжелых и 8 легких орудиях должен был взять позиции противника на р. Ваге и двинуться также на Шенкурск под командой тов. Филипповского.

Наконец, в момент, когда противник ввяжется в бой со всеми тремя отрядами, было приказано партизанскому отряду, выйдя из дер. Петропавловское на Северной Двине, занять с налету село Шеговары в 40 километрах к северу от Шенкурска.

Подготовка операции началась в декабре, с тем чтобы 12 января предназначенные для Шенкурской операции отряды двинулись по указанным направлениям и чтобы 25 января в 24 часа были заняты исходные позиции перед Шенкурском для общей его атаки, момент которой должно было назначить командование армии.

Со стороны Няндомы и со стороны Красноборска были посланы небольшие партизанские отряды из местных крестьян, до 150 человек каждый, которым была поставлена задача,— базируясь на село Никольское и на Кодему, беспокоить противника, подходя почти к самому Шенкурску, и служить завесой от противника, который, как мы знали от агентурной разведки, произвел рекогносцировку местности километров за 50 от Шенкурска к юго-западу и юго-востоку и вынес решение, что «тут не только пушек, но и кухонь не удастся провезти».

Эти отряды должны были одновременно служить завесой, за которой в населенные пункты свозилось продовольствие и фураж, теплые вещи, намечались пункты для лазаретов со всеми необходимыми медикаментами на случай обмораживания.

Артиллеристам была поставлена задача — приладить орудия на санный ход и научиться быстро ставить их на позиции. Было достигнуто, что в течение получаса 6 орудий левой и 3 орудия правой групп были готовы открыть стрельбу. Правый отряд, шедший по еще менее населенной местности, чем левый, и имевший шестидюймовую пушку, которую даже на санном ходу было трудно везти ввиду глубокого снежного покрова (глубина около полутора — двух аршин), приспособил особого типа снегорез, иногда употребляемый крестьянами Архангельской губернии. Был сооружен треугольник из досок и бревен, на дно которого были положены камни, впряжено 10 лошадей, и, таким образом, отряд двинулся за снегорезом уже по обмятой и очищенной от снега дороге. Правому отряду во время его похода пришлось три раза ночевать под

открытым небом, обогреваясь у костров при 30° (и более), мороза.

Противник, имевший в Шенкурске и на позиции южнее Шенкурска общую численность около 3000 штыков при 30 орудиях различного калибра, был уверен в своей силе *. Подступы к Шенкурску по р. Ваге защищались тремя укрепленными позициями, трудно атакуемыми благодаря их господствующему положению и прекрасному инженерному оборудованию. Сам Шенкурск, стоящий на правом берегу Ваги, был обнесен тремя рядами проволочного заграждения, 16 блокгаузами, от 3 до 5 пулеметных гнезд в каждом, и, помимо движущейся артиллерии, имел на берегу морское орудие 120-миллиметрового калибра на бетонной установке.

Имея такой гарнизон и прекрасно укрепленные позиции, противник чувствовал себя в безопасности и, кроме того, как уже указывалось выше, был убежден в непроходимости подступов.

В назначенный срок войска двинулись по намеченным направлениям, и Важский отряд, чтобы отвлечь внимание, начал атаку позиций противника в районе Усть-Паденской. Когда противник почувствовал в районе Кодемы и с. Никольского наши части, он выслал пластунский отряд и две роты Шенкурского батальона в направлении на Гарнянский погост, полк мобилизованных, как и две роты Шенкурского батальона,— в направлении на Кодему. Наши части повели наступление. На важском направлении в 20-х числах января велись пока безрезультатные, но ожесточенные атаки на укрепленные позиции противника.

Правый отряд встретил противника на полдороге между Кодемой и Шенкурском, закрепился перед фронтом врага Железным батальоном при двух легких орудиях, а 7-й инженерный отряд вместе с шестидюймовым орудием прошел в обход по лесным просекам и через сутки вышел во фланг противнику, обстреляв его из тяжелого орудия. Часть мобилизованных сдалась — 300 человек, а остальные отступили к дер. Сергиевской, у которой снова был произведен 22-го такой же маневр. 23-го наши вели бой у дер. Зехавка и 25-го заняли дер. Афанасьевскую. Противник отступил в Шенкурск. Левому отряду после боя накоротке по выходе из леса между Верхне-Паденским погостом и Гарнянским, удалось выбить противника из деревень Гарнянского общества

* Состав войск противника: батальон 339-го пехотного американского полка в составе четырех рот, по 240 штыков каждая, при 32 пулеметах и 36 автоматах, Шенкурский батальон из местных крестьян, шесть рот — 800 штыков, пластунский отряд в 85 чел. и полк, сформированный из мобилизованных — около 1200 штыков.

23 января. Продвигаясь с боем далее по направлению к Шенкурску, левый отряд 25-го вечером, в 20 часов, своими передовыми частями занял дер. Ивановскую, в 5 км от Шенкурска. Определившийся 23-го нажим наших частей на двух направлениях к Шенкурску помог Важскому отряду после упорного боя сбить противника на позициях Усть-Паденги и дальше, занять обе следующие укрепленные позиции после коротких боев и к вечеру 25-го занять дер. Скрыбинскую в 5 км от Шенкурска.

Таким образом, к 24 часам 25 января все три отряда заняли исходное положение для атаки на Шенкурск, успев подтянуть две трети своих сил и орудий.

25-го к вечеру партизанский отряд со стороны Петропавловского сделал налет на Шеговары и перерезал провода. Противник, имевший в Шенкурске до 20 орудий, не решился защищать Шенкурск и ночью отступил, так что в 6 часов утра разведка от всех трех отрядов нашла Шенкурск эвакуированным, и к 9 часам все три отряда вступили в город. В течение первого дня преследования противника не было, что дало ему возможность укрепиться в 60 км к северу от Шенкурска. Завязавшиеся через 5 дней бои впереди Кицки успеха не имели. Нам удалось ворваться в линию блокгаузов, выстроенных противником вниз по Ваге, и даже занять некоторые из них, но контратаками противник нас выгнал оттуда и удержался в Кицки, против которого нами были предприняты 5 атак, но все безрезультатно. Обстановка потребовала возврата частей на свои участки, и боевые действия в районе Шенкурска приостановились.

В период с 20 по 25 января боевые действия протекали при 37 градусах мороза. Чтобы сделать незаметным подход наших частей к позициям противника, ввиду отсутствия белых халатов атакующим отрядам было приказано снять полушубки, в которые все были одеты, и надеть на себя ватные штаны и ватные фуфайки, поверх которых надеть белые рубахи и кальсоны. Такая маскировка позволила подходить незамеченными на 50—20 шагов к позициям противника и неожиданно бросаться в атаку.

Сзади войск, в одном переходе от них, ехал казначей, который удовлетворял справедливые претензии населения. Особых недоразумений не могло произойти, так как заранее в населенные пункты было привезено продовольствие, мука была роздана крестьянам для выпечки хлеба, фураж был также запасен, и, таким образом, пришлось оплатить только подводы и отдельные случаи, когда та или иная войсковая часть, вернее, отдельные лица, нарушали интересы крестьян.

Таким образом, операция, тщательно продуманная и про-

веденная, а также хорошо подготовленная как в материальном, так и в политическом отношениях, имела успех. Противник был отброшен на 90 км. Захвачено 15 орудий, около 2 тысяч винтовок, 60 пулеметов, 5 тысяч снарядов, 3 миллиона патронов, обмундирование на 3000 человек, запас продовольствия в расчете на 5000 человек на 4 месяца.

Живая сила противника ушла, и операция, хотя и имевшая большой успех и большое значение для всего Северного фронта, заставившая также обеспокоиться правительства Англии и Франции (были запросы в парламентах об этом эпизоде), все же была не завершена, и результатов, на которые рассчитывал Реввоенсовет, т. е. выхода к Березнику, достигнуть не удалось.

Причинами этого были следующие обстоятельства: 1) Общее управление операцией находилось в руках армейского командования и производилось из Вологды. Постоянный провод имелся только у Важского отряда. Отряды, шедшие из Красноборска и с Няндомы, тянули за собой провод, и хотя могли говорить по телеграфу на аппарате Морзе, но связь часто прерывалась и окончательно порвалась, когда отряды были в 30 км от Шенкурска. 2) Все три командовавших отрядами начальника — один перед другим — стремились попасть в Шенкурск, и, несмотря на ряд указаний находившегося при левом отряде члена Реввоенсовета о том, что левому отряду надо двигаться основной массой не на Шенкурск, а по дороге: Гарнянский погост — Фоминская-Федьковская — Ямско-Горский погост — в тыл Шенкурска, начальник этого отряда тов. Раудмец направил туда роту Рязанского батальона, а остальными силами пошел на Шенкурск, выполняя приказ, данный ему 10 января. 3) Правый отряд Солодухина, занявший Афанасьевскую и поставивший на позиции свои орудия, утомленный трудными походами и тяжелыми боевыми действиями, пропустил, не атаковав и не обстреляв, противника, прошедшего в 3 км от него через деревню Васильевск. 4) Общая, после трудного 12-дневного похода в сильный мороз, усталость войск, живших до сего времени впроголодь в окопах, среди болот и лесов и попавших наконец в город, на хорошие хлеба, затрудняла их быстрое выдвижение.

Дальнейшее выдвижение было бы, впрочем, не столь затруднено, если бы не трения среди руководящего командного состава и если бы строевая подготовка частей была несколько лучше. В целом Шенкурская операция была удачна, но тактически она была не завершена, так как противник увел всю свою живую силу. Причина этого — недостаточная обученность войск и слабая подготовка командного состава. Через месяц эти войска, переброшенные обратно на свои участки,

сделали новый поход в не менее трудных условиях и опять побили противника.

Вскоре после Шенкурской операции было приказано из Вашингтона — не доводить американских войск до открытых военных действий, так как они-де назначаются исключительно для охраны складов продовольствия, посланного американским правительством населению северной России. Про Шенкурскую операцию в статье 21-й доклада английскому парламенту говорится: «Мощные атаки под хорошим руководством повели к очищению Шенкурска».

Шенкурская операция показала, что, несмотря на некоторые недочеты, войска наши умеют прекрасно маневрировать. Через несколько месяцев умелым маневром, не повторив шенкурских ошибок, наши части повели наступление на занятый противником район дер. Выставки и погоста Кицки и с боем продвинулись до р. Ваги и вниз по течению Северной Двины.

В марте был намечен удар на ст. Обозерскую, для чего главным командованием была подброшена бригада из Камышина. К сожалению, она была без теплого обмундирования: не было ни валенок, ни полушубков, а главное — командование торопило с наступлением, не давая возможности подождать прибытия теплых вещей. Членом Реввоенсовета была послана в Наркомвоен следующая телеграмма:

«Вологда, 13 марта. Не входя в обсуждение приказа главкома к 23 марта завершить операцию овладения Архангельском и удостоверяя, что принимаются все меры к исполнению приказа,— считаю долгом донести, что, даже без боев, для достижения намеченной цели понадобится больше времени, и, кроме того, еще не все части, предназначенные нам на усиление, прибыли, а некоторые прибудут не ранее 15 марта. Снова подтверждаю, что все меры и все силы будут напряжены к исполнению приказа. Докладываю, что по условиям всей обстановки завершить операцию к предписанному сроку не удастся».

Жесткий срок был отменен, но операция успеха не имела, так как пришедшие с юга части, попав в 20-градусные морозы, потеряли обмороженными более 500 человек. В этой операции интересно движение отряда из двух полков с батареей 42-линейных пушек, который двинулся на Большие Озерки по дороге, не имевшей на всем своем 60-километровом протяжении ни одного дома и очень мало мостов. Англичане считали эту дорогу лесной просекой и, хотя она шла километрах в 20 параллельно железной дороге, мало наблюдали за ней. Наши части незаметно прошли до дер. Большие Озерки, после однодневного боя захватили ее, предварительно пе-

ререзав провода, соединявшие Большие Озерки со ст. Обозерской. Утомленные трехсуточным переходом с ночлегами под открытым небом, части не могли сразу двинуться дальше. И здесь характерен маленький эпизод. На третий день после занятия Больших Озерков не хватило продовольствия; в то время как старый северный полк сидел довольно спокойно в ожидании его прибытия, вновь прибывший с юга полк начал митинговать, но, видя полное спокойствие и выдержку со стороны северян, прекратил свой митинг и успокоился.

Когда наступавшие полки отдохнули, то к моменту перехода их в наступление на Обозерскую англичане сумели на каждом километре, на протяжении 12 км, построить по 2 блокгауза и прекрасно укрепить дорогу. Двигаться не по дороге было нельзя: лежал глубокий, полутороаршинный снег, а кругом — густой лес. Время было весеннее, предстояла оттепель, ледяной покров мог не сегодня-завтра начать таять; надо было торопиться вывести людей и орудия обратно. По лесной тропе вправо от железной дороги был послан отряд в сто человек с ручными пулеметами, который вышел к востоку от ст. Обозерской в девяти километрах и захватил сторожевые посты. Англичане, думая, что наступление начинается с востока, главное внимание обратили на защиту ст. Обозерской с этой стороны, перейдя к пассивной обороне на западе. В два перехода войска были выведены из Больших Озерков, орудия спасены, в то время как два небольших отряда, по 100 человек каждый, беспокоили англичан на позициях с востока и запада от Обозерской.

Здесь был захвачен капеллан одного из английских полков, который был доставлен в штаб дивизии. Священник был очень взволнован и уверен, что его повесят. К его удивлению, по приказанию члена Реввоенсовета из Вологды, тов. Уборевич отпустил его на все четыре стороны. Когда он получил радостную весть о своем освобождении, то встал на колени, помолился богу и сказал: «Всегда буду молить бога за добрых большевиков».

Как потом выяснилось, его не долго продержали в Архангельске и, как вредного агитатора, отправили в Англию. Был еще характерный эпизод с взятым в плен английским капитаном Вильсоном. Этот офицер был также убежден, что его повесят, и первое знакомство его с красными войсками не особенно разубеждало в этом. Капитан Вильсон был радиотелеграфист и объезжал станции. Не зная, что Большие Озерки взяты, он въехал туда и попал в руки наших войск. Красноармейцы Камышинской бригады, не проникнутые традициями Северного фронта, сняли с него хорошее обмунди-

рование и нарядили в рваное красноармейское одеяние. Затем он был доставлен пешком в штаб дивизии и отсюда переправлен в штаб армии, где из запасов, захваченных в Шенкурске, ему выдали офицерское английское обмундирование, снабдили хорошим английским табаком, хорошо накормили английскими же продуктами и, допросив, отправили в Москву. Там уже находилось достаточное количество английских и американских пленных, которые жили на свободе, ходили по театрам и чувствовали себя прекрасно.

Вскоре после нашей неудавшейся операции у Больших Озерков английское командование потеряло уверенность в том, что войска будут действовать без отказа, особенно после того, как стало известно о безусловном запрещении со стороны американского правительства посылать американские войска на боевую линию. Было решено произвести обмен пленными. Первое предложение исходило от англичан. Член Реввоенсовета, находившийся в штабе 18-й дивизии, донес об этом в Вологду и Москву и до получения ответа вышел к английским парламентерам сообщить, что переговоры об обмене пленными он без указаний со стороны своего правительства вести не может. Одновременно им было передано старшему из парламентеров, американскому полковнику (для других были французский и английский капитаны), письмо генералу Айронсайду, в котором предлагалось прекратить боевые действия и, повесив царских генералов Марушевского, Миллера и капитана 2 ранга Чаплина, уйти восвояси. Получив это письмо, генерал Айронсайд прекратил всякие переговоры. Было решено все-таки продолжить эти переговоры, для чего отпустить в Архангельск на три дня, под честное слово, присланного для обмена из Москвы капитана Вильсона.

Некоторые возражали против целесообразности этого поступка, считая, что капитан Вильсон может многое рассказать. Но восторжествовало другое мнение, суть которого была в следующем. Русского языка капитан Вильсон не знает. Его убеждали в том, что мы звери, что мы уничтожаем английских офицеров. Он сам на себе испытал самое человеческое обращение с пленными. Это — первое. Ему говорили, что у нас поезда не ходят, железные дороги представляют собой что-то невероятное. Он ездил в поездах, в которых имеются международные вагоны, со скоростью 40 верст в час. Это — второе, что опровергает злостные слухи о нас. Он видел из окна вагона на вокзалах, на станциях, вообще всюду огромное количество мужчин и женщин, одетых в солдатские шинели. На деле это были мешочники, ездившие за продовольствием. Сопровождавшие его рассказывали ему, что вся стра-

на возмущена английской интервенцией и все население поступило в армию, чтобы гнать англичан. Это — третье. Находясь в Архангельске, он будет живым опровержением всех россказней про нас. Он сам охотно будет рассказывать о том, что дело обстоит далеко не так, как его рисуют белогвардейцы и высшее командование. Принятый Айронсайдом, он внесет маленькую капельку сомнения в душу этого матерого колониального волка. Подрыв уверенности офицерского состава в своем праве вести войну с нами будет значительно больше, а в среду солдат его прибытие, о котором будет им известно, безусловно внесет сильный разлад и посеет нежелание воевать. А так как одновременно с этим на разных участках без всякого требования обмена нами посылались по 2—3 рядовых бойца из пленных англичан или американцев, начиненных прокламациями и воззваниями, то можно было рассчитывать, что среди всего состава английских войск, кроме, может быть, генерала Айронсайда, появится решительное нежелание вести войну.

Капитан Вильсон через три дня, согласно обещанию, вернулся к нам и потом был отпущен вместе с американцами через Финляндию. Месяца через три началась эвакуация иностранных войск.

Придется пройти мимо целого ряда боевых эпизодов, в которых выявилась доблесть войск 6-й армии как в периоды удачных наших действий, так — что еще важнее — в период, когда нам наносились поражения, а противник имел успех. Особенно был трудный момент осенью 1919 г., когда противник, состоявший уже исключительно из русских белогвардейцев, под умелым руководством полковника генерального штаба Костанди, нанес нам поражение в районе железной дороги и захватил станцию Плесецкую, на что мы ответили захватом устья Ваги и продвижением вниз по Северной Двине до Березника. В это же время партизанские отряды противника под командой капитана Орлова потеснили наши части в верховьях рек Пинеги, Мезени, Печоры и захватили Яренск и Усть-Сысольск на реке Вычегде. Противник так обрадовался, что выпустил прокламацию-карту, в которой хвастался своими успехами, указав, что за время с 1 августа по 1 декабря 1919 г. он захватил 400 тыс. квадратных километров и что красные разбиты. Но этот успех в районе правого фланга нашей армии был довольно быстро и легко ликвидирован, а сам капитан Орлов был в одном из боев убит.

Наша армия готовилась к решительному наступлению на Архангельск и Мурманск. И в скором времени противник мог убедиться, насколько была преждевременной его радость. Он писал: «Красная армия распадается, 481-й и 483-й большеви-

стские полки разбежались по лесам...», а через два месяца эти самые полки, совершив зимой переход в тысячу километров из Усть-Сысольска в район Емецкого, били противника и вошли в Архангельск.

«Гражданская война 1918—1921». В трех томах. Под общей редакцией А. С. Бубнова, С. С. Каменева и Р. П. Эйдемана. Т. 1, М., изд-во «Военный вестник», 1928, стр. 205—230.

ПЕРВАЯ ГОДОВЩИНА НА ФРОНТЕ

Под натиском английских и американских войск, белогвардейских формирований красные части вынуждены были отойти от Архангельска и Мурманска и зарыться в окопы среди лесов и болот далекого Севера.

К первой годовщине Советской власти нас, питерских работников, стоявших во главе 6-й Северной армии, пригласили на Октябрьские торжества в Петроград. Но Реввоенсовет армии в составе тт. Гиттиса, Орехова и пишущего эти строки решил провести торжественные дни в войсках на наиболее активном боевом участке.

Таким участком оказался фронт Петроградского полка 1-го городского района на р. Емце, у деревеньки Кадыш. Участок этот находился в 70 верстах от ст. Плесецкая, по дороге Плесецкая — Емецкое.

Против наших войск на этом участке стояли части шотландского королевского полка и батальон 339-го американского пехотного полка. Наши части незадолго до этого отошли от дер. Кадыш, и противник занял подступы к ней.

На совещании в штабе дивизии было решено — в день годовщины перейти в наступление по дороге Плесецкая — Кадыш главными силами, пустив в обход рязанский батальон.

Для того чтобы попасть скорее на фронт, Реввоенсовет решил отправиться вниз по р. Емце на челноках, так как дорога, ввиду глубокой осени, была настолько плоха, что даже верхом можно было двигаться не быстрее восьми верст в час, лошадям приходилось идти по грязи, которая была выше колен.

По реке мы могли двигаться значительно быстрее. Река Емца очень порожистая, течет чрезвычайно быстро, и путь в 60 верст мы совершили по ней почти в шесть часов. Грести не приходилось, только проводнику надо было стоять на носу и отпихиваться шестом в опасных местах, чтобы не наскочить на мель или на камни. Мы выехали 6 ноября утром на трех челноках. К вечеру были в районе Кадыша, у деревеньки, в которой всего было три дома.

Красота природы и тишина северного леса настроили несколько поэтически нас, и я набросал на картоне от папиросной коробки небольшое стихотворение:

Задумчивы сосны и ели.
Местами круты берега.
И листья дерев облетели.
Задумчиво вьется река.

Местами, как зеркало, речка,
Местами бурливо шумит,
А кормчий наш, словно как свечка,
И лодка стрелою летит.

Кругом тишина, молчаливо,
Но вот зашумело вдали, —
То Емца по камням бурливо
Несется в жемчужной пыли.

Вот каркает ворон-вещатель,
Там стаями утки летят.
Мы знаем, что есть неприятель,
Но тайну деревья хранят.

Могучей зеленой толпою
Сгрудилися ели к реке,
Там мрачною, темной стеною
Они же стоят вдалеке.

Мы мчимся по заводи гладкой,
Проходим бурливой рекой,
Где камни столпилися грядкой
И пену уносит волной.

Кругом далеко нет селений,
Лишь лес, и река, и стога,
И, слушаясь братских велений,
Мы едем, чтоб встретить врага.

Врага мы встретили. В штабе полка мы ознакомились с планом операций, выработанным на месте, который оказался из рук вон плохим. Товарищу Гиттису пришлось объяснить начальнику участка, что в дивизии было решено несколько иначе вести подготовку к бою. Товарищи, вместо того чтобы собрать главные силы около дороги, оставили на главном направлении батальон, а три батальона пустили в обход по лесным тропинкам.

Конечно, обходящие колонны ничего не достигли, заблудились, постреляли ночью друг в друга, и к нашему приезду выяснилось, что они скоро вернутся.

На месте было решено послать ночью небольшие роты в обход и с двумя батальонами перейти в наступление по дороге. Противник выбрал чрезвычайно удобную позицию. На пригорке, имея впереди себя большое болото, через которое был построен мост, он по обеим сторонам дороги выстроил два блокгауза с трехъярусным накатом, с тремя пулеметными гнездами. Обстрел был у него прекрасен. Мы двигаться могли только по дороге и по мосту и бить в лоб, так как болото не позволяло маневрировать.

Перед наступлением вышло маленькое недоразумение, как это часто бывало в 1918 г. Приказ Реввоенсовета 6-й армии

говорил об увеличенном пайке, а на месте оказалось, что не только горячей пищи, но даже хлеба нам не удалось выдать наступающим частям. Конечно, красноармейцы начали поругиваться и идти в наступление особой охоты не выражали.

Товарищ Гиттис начал терпеливо внушать начальнику отряда, командиру полка и другим их обязанность с вечера заботиться о том, чтобы к утру была горячая пища для выступающих частей, и т. д. и т. п. Я же пошел к частям рассказать им о значении нашей первой годовщины и о том, что ее необходимо отпраздновать, разбив англичан и американцев, стоящих перед нами.

Настроение удалось поднять, и части перешли в наступление. Первая атака была отбита. Наши, добравшись до моста, вынуждены были под ураганным огнем противника отступить, оставив на дороге перед мостом пулеметы.

За это время были подвезены трехдюймовки и подошел второй батальон. Один из пулеметчиков, тов. Хлебников, видя, что красноармейцы неохотно переходят в наступление, выскочил вперед, подбежал к брошенным пулеметам, наладил один из них и, зверским образом ругаясь и грозя кулаком противнику, начал обстрел из пулемета. Противник вначале поразился его смелостью, а потом стал стрелять. Хлебникову пробило папаху, пробило рукав ватной фуфайки, что еще больше его раззадорило, и он, не обращая ни на что внимания и продолжая зверски ругаться, начал еще отчаяннее вести пулеметную стрельбу.

Смелый поступок Хлебникова, удачное попадание его пулемета, стрельба трехдюймовок ободрили красноармейцев, и батальон смелым броском пошел в наступление. Американцы и англичане не выдержали, бросили позицию, и часа через два мы уже были в дер. Кадыш, где захватили огневые припасы, а главное, довольно много вкусных вещей, которые привозили англичане и американцы.

Таким образом, мы смогли отпраздновать первую годовщину, имея белый хлеб, ветчину, варенье, от души благодаря английские и американские органы снабжения и поругивая свои.

Хлебников получил орден Красного Знамени.

«Красная звезда», № 258, 7 ноября 1926 г.

Роберт Петрович
ЭЙДЕМАН
(1895—1937)

В революционную борьбу включился в 1914 г., будучи студентом Лесного института в Петрограде. Принимал активное участие в Октябрьской революции и гражданской войне. Член Коммунистической партии с 1917 г.

В 1918 г. командовал отдельными отрядами советских войск, в 1919 г.— 16, 41 и 46-й стрелковыми дивизиями, участвовавшими в операциях против Деникина. В 1920 г. возглавляет 13-ю и 14-ю армии, затем войска Правобережной группы Юго-Западного фронта, действовавшие против Врангеля. В 1921 г. Эйдеман — заместитель командующего войсками Украины и Крыма, руководит разгромом Махно и других враждебных Советской власти банд на Украине. В 1924 г. — командующий войсками Сибирского военного округа. С 1925 по 1932 г. — начальник Военной академии имени М. В. Фрунзе, член Реввоенсовета СССР. С 1932 г. — председатель Центрального совета Осоавиахима.

Был главным редактором «Советской военной энциклопедии», длительное время редактировал журнал «Война и революция». Известен также как видный латышский писатель. Его перу принадлежит немало рассказов, очерков и повестей.

ОБ ОДНОМ НЕУДАВШЕМСЯ ПЛАНЕ ДЕНИКИНА

Марш Красной Армии от Орла до берегов Азовского и Черного морей нередко изображается как сплошное триумфальное продвижение, как продвижение без боев.

Очевидно, одной из наименее разработанных тем гражданской войны является Харьковская операция Красной Армии — операция по овладению Харьковом, так блестяще проведенная командованием Южного фронта.

Спросите коренного жителя Харькова о том, как — с боями или без боев — был взят Красной Армией 11 декабря Харьков, он искренне ответит:

— Я не слышал ни одного выстрела... Красные вошли в Харьков без боя.

Он прав. Красные вошли в Харьков действительно почти без единого выстрела. Непосредственно у самого Харькова боев не было. Значит, жители не могли слышать канонады. Не назовешь же шумом боя тот беспорядочный огонь, какой время от времени открывали отступавшие в панике обозники белых, или те выстрелы, какими аккомпанировала свои грабежи в городе отступавшая «грабьармия».

11 декабря разведка Красной Армии почти одновременно с трех сторон — с юго-запада, с запада и с севера — беспрепятственно вступила в брошенный белыми Харьков.

А вот до этого, до этих дней, на дальних подступах к Харькову, шли упорные бои. Они разыгрались неожиданно для нас и велись настойчиво, как последняя, решительная попытка деникинцев приостановить победное наступление Красной Армии.

Занятие нами Харькова означало крушение единого белого Юга. После Харькова деникинская армия неизбежно должна была разбиться на две группы, с каждым днем все больше и больше теряющие взаимодействие. Путь одной из них лежал на юго-восток — на Ростов, другой — в Крым и на Одессу.

Неизбежное крушение единого деникинского фронта объяснялось не только тем, что за Харьковом поток железных дорог разбивался на два расходящихся направления — на юго-запад и на юго-восток, но и широким разворотом антиденикинских восстаний к югу от Харькова. Екатеринославская губерния фактически находилась в руках повстанцев-крестьян.

Это всеобщее крестьянское восстание против Деникина было широко использовано политическим авантюристом Махно, нехотя ставшим временным помощником Красной Армии и революции в борьбе с помещичьей контрреволюцией

и интервенцией. Деникинская белогвардейщина оказалась бессильной в борьбе против крестьянской стихии. Именно это обстоятельство создало тот ореол непобедимости, каким в известный период было окружено имя Махно. Этот ореол непобедимости рассыпался немедленно, как только Махно встал на путь борьбы против Советов.

Обстановка заставляла Деникина принимать решительные меры для удержания Харькова. Малоподвижный Май-Маевский, опухший от пьянства, с треском снимается с должности командующего Добрармией. На его место Деникин выдвигает своего открытого противника и конкурента — генерала Врангеля. Перед лицом «красной опасности» наступает как бы примирение между Деникиным и Врангелем.

Врангель принимает свое назначение на должность командующего Добровольческой армией, рассматривая это как первый и решительный шаг к овладению всей полнотой власти.

План его: удержать Харьков, стать героем белогвардейского стана, а потом идти к власти. В худшем случае — отход с частями Добровольческой армии в Крым, самостоятельность, эмансипация от Деникина.

Защита Харькова была задумана белым командованием как большая и серьезная операция: отразить на дальних подступах к Харькову наступление красных, а затем от обороны перейти в наступление. Расчет строился на утомленность Красной Армии, на сильную растяжку ее тылов. Белым не могло не быть известно, что темпы восстановления железных дорог отставали от темпов продвижения Красной Армии. Железные дороги бездействовали. Боеприпасами Красная Армия снабжалась преимущественно за счет трофеев.

Деникинцы понимали, что оборона такого крупного промышленного центра, как Харьков, может быть успешно решена лишь в том случае, если она будет вынесена далеко вперед.

Начиная с 5 декабря наступающие на Харьков 14-я армия и правый фланг 13-й армии стали испытывать все возрастающее сопротивление белых.

В белой армии проводится большая организационная работа. В войска наспех вливаются пополнения, резко улучшается снабжение. Настроение войск искусственно приподнимается слухами о близкой помощи союзников.

5 декабря Красная Армия переходит линию р. Ворсклы уже со значительными боями. С 5 по 9 декабря развертываются упорные, изо дня в день возобновляющиеся бои. На отдельных участках войска Добровольческой армии переходят в контратаки. Наши потери резко возрастают.

Белое командование бросает на левый фланг 13-й армии (валуйское направление) конный корпус Мамонтова, несколько уже оправившийся и отдохнувший после поражения под Воронежем. Конному корпусу Мамонтова удается одержать временный успех на внутренних флангах 13-й и 8-й армий. Наша 12-я стрелковая дивизия (правый фланг 8-й армии) несет в этих боях значительные потери. Маневр белых в валуйском направлении сопровождается резким усилением сопротивления на подступах к Харькову.

Однако успех корпуса Мамонтова быстро ликвидируется. Стремясь выйти в тыл Красной Армии, корпус Мамонтова сам подвергается неожиданному и энергичному фланговому удару со стороны 1-й Конной армии красных (Ворошилов, Буденный). С этого момента начинается крушение «грандиозного» плана Деникина и Врангеля.

В те дни пишущий эти строки командовал 46-й дивизией, двигавшейся в центре 14-й армии в направлении Грайворон — Золочев — Мерефа, имея задачей обойти Харьков с запада.

Быстрое наступление дивизии сменилось методическим продвижением от рубежа к рубежу. Сопротивляемость белых усиливалась с каждым днем. Давала себя чувствовать и недостаточная организованность нашего, еще не освоенного нами тыла. Связь с командованием армии периодически терялась. Отступающие войска Деникина основательно разрушали не только железные дороги, но и постоянную сеть связи. Недоставало огнеприпасов. Обстановка ухудшалась еще тем, что сосед слева — Латышская дивизия,— встречая упорное сопротивление, продвигался медленнее нас. Латышей в свою очередь связывала Эстонская дивизия (левый фланг 13-й армии), наступавшая вдоль железной дороги Орел — Харьков.

Все это привело к тому, что 46-я дивизия вместе с действующей правее ее 41-й дивизией (Саблин) оказалась далеко выдвинутой вперед. Противник пускал в дело все средства. Среди жителей умышленно распространялись слухи о подходе к Харькову крупных сил и танков. Эти сведения проникали в свою очередь и в наши войска. Наш политический аппарат вел напряженную борьбу с подобными уловками противника.

Но были и слухи, заслуживавшие внимания. Например, о приходе частей генерала Шкуро. Впоследствии подтвердилось, что генерал Шкуро действительно должен был выгрузиться со своими войсками где-то в районе Харькова. Быстрое продвижение наших войск сорвало этот план.

Связь с командованием армии и соседями затруднялась еще диверсионной работой белых. В районе дивизии орудовал

какой-то ловкий и энергичный разведчик белых, которого нам так и не удалось раскрыть. Он буквально парализовал нашу работу по проволочной связи. Только-только восстановим связь с соседями и со штабом армии, как в сеть включается «беленький» (так его прозвали связисты), и в трубке слышны свист, улюлюканье, «боже, царя храни»... Начальник штаба дивизии Осадчий, горячий и несколько несдержанный человек, неистовствовал. Для него стало буквально традицией вести регулярные ночные переговоры с «беленьким», неизменно заканчивавшиеся обоюдной руганью.

Большое значение для нас в этот период имело то живое, непосредственное руководство, которое осуществляло командование 14-й армии (Уборевич, Орджоникидзе). Этим путем мы ориентировались в обстановке и получали ясные перспективы на случай потери связи.

Особо упорные бои на нашем участке развернулись 7—8 декабря в районе с. Лютовки. Это было лютое для нас место.

На 7-е мы назначили стоянку штаба в с. Лютовке. Вечером мы с комиссаром дивизии тов. Мехлисом пересекаем железную дорогу. Нас поражает странная тишина. Бой затих. Не слышно выстрелов. Не видно орудийных зарниц. Дорога пустая.

Переезжая с участка 3-й бригады на участок 2-й бригады, мы попали точно в пустое место... Странно! Днем на участке 2-й бригады в районе Лютовки шел упорный бой. Мы направляемся туда именно потому, что на участке 3-й и 1-й бригад обстановка сложилась заметно благоприятнее. Едем теперь на самый тяжелый участок.

Странно: тишина, пусто, ни одной повозки с ранеными.

Заходим в железнодорожную будку. Нас встречают явно пораженные люди.

— Кто вы?

— Мы — красные.

— Не может быть, — недоумевает будочник. — Красные отступили. Только что ушел на Харьков бронепоезд белых.

Что произошло на участке 2-й бригады? Не прорван ли в самом деле фронт? Но почему в таком случае отошел к югу бронепоезд белых?

Наконец мы наткнулись на нашу 2-ю бригаду. Она расположилась на северной окраине с. Лютовки. Южную окраину продолжали занимать белые.

В штабе бригады чувствовались усталость и нервозность. Командир бригады растерянно докладывал об огромных потерях, об утомлении людей, о свежих подкреплениях противника. Он предлагал приостановить наступление и закрепиться

здесь до выравнивания фронта. Его беспокоили выдвинутое положение бригады и всей дивизии, отсутствие связи с соседями.

— Противник готовит контрудар. Против нас действует полковник Туркул. Он появляется там, где намечается удар.

Нам с тов. Мехлисом пришлось зло обрушиться на этого человека, потерявшего общую перспективу в то время, как командующий армией спокойно и уверенно делает последний ход для окончательного разгрома противника.

Почему, однако, противник безмолвствует? Почему такая тишина на фронте? Может быть, противник отходит?

— Выслать сильные разведывательные отряды!

Мы тут же занялись организацией разведки. Через час-два выяснилось: противника нет. Он еще в сумерках с огромным количеством раненых отступил на юг.

Рано утром наступление возобновилось с прежней силой.

Правый фланг 14-й армии уже 7—8 декабря в результате глубокого обхода (в ночь с 7-го на 8-е 41-я дивизия заняла Богодухов) очутился в тылу «добровольцев», защищавших Харьков, отрезал главной их массе пути на Крым. Особенно быстро продвигалась вперед правофланговая 41-я дивизия. Откатывавшиеся перед ней дезорганизованные части конницы генерала Юзефовича не оказывали уже никакого сопротивления. Судьба Харькова была решена.

План Врангеля и Деникина рухнул. Он рухнул не потому, что был плохо задуман. С точки зрения формального военного искусства он был задуман неплохо, даже хорошо. Однако самый блестящий план оказывается бессильным тогда, когда у этого плана нет исполнителей, когда против него — народ.

«Правда», № 341, 12 декабря 1934 г.

КАХОВСКИЙ ПЛАЦДАРМ

О Каховке уже сложены песни.

Это не случайно.

Каховка вошла в историю гражданской войны как одна из наиболее ярких и сильных ее страниц.

Каховка — это начало крушения Врангеля и его планов.

Под Каховкой в августе 1920 г. был нанесен первый отрезвляющий удар окрыленному успехами Врангелю и его «русской армии».

В октябре 1920 г., когда армии Южного фронта под руководством М. В. Фрунзе перешли в решительное наступление на Врангеля, вновь на первый план выступает она, Каховка...

Отсюда, из-под Каховки, Красная Армия наносит Врангелю основной удар. Отсюда, из-под Каховки, развертывает свой удар 1-я Конная армия, сокрушительным смерчем пронесшаяся по тылам Врангеля и окружившая его главные силы.

Нет, не уйдет больше из истории и песен народа этот в прошлом тихий, неизвестный степной городок. Его обессмертили героические люди и героические дела.

* * *

Во второй половине июля обстановка на Южном (врангелевском) фронте сложилась чрезвычайно невыгодно для Красной Армии.

Вырвавшийся из крымской «бутылки» Врангель смело устремлялся на север и северо-восток. Попытки Красной Армии в начале июля перейти в общее наступление терпят почти катастрофическую неудачу.

Конный корпус Жлобы, наша основная ударная сила, в этих боях был наголову разбит офицерскими частями Врангеля, умело использовавшими броневые средства и авиацию.

Окрыленный этими успехами, Врангель прорывается к Донбассу и Александровску (Запорожье).

На стороне Врангеля огромное преимущество: действуя по внутренним операционным линиям, он то там, то здесь наносит короткие удары, особенно умело используя свой конный корпус Барбовича и офицерские части — дроздовцев и корниловцев.

Наши попытки «латать» растянувшийся фронт оказываются безуспешными. Они лишь подтверждают старую военную истину: тот, кто на войне попытается прикрывать все направления, ничего не прикроет и будет неизменно бит,

Левый фланг Врангеля упирался в реку Днепр. Его Врангель считал крепко обеспеченным.

Врангель знал: Днепр — это могущественная водная преграда, форсирование которой сопряжено с совершенно исключительным риском и огромными трудностями.

Дерзнет ли Красная Армия на серьезную операцию через Днепр? Врангелю была известна слабость инженерных и военно-технических средств противника. Он считал Красную Армию неспособной на такую операцию, как форсирование Днепра. По мнению врангелевцев, идти в бой, имея позади Днепр, могли только «люди, потерявшие головы» (определение Слащева).

И все же Красная Армия пошла через Днепр...

В конце июля командование Юго-Западного фронта принимает смелое решение: форсировать в районе Каховки Днепр и, нанеся Врангелю удар на Перекоп и Мелитополь, поставить его прорывавшиеся на север и северо-восток главные силы перед угрозой полного окружения и потери сообщений со своей базой — Крымом.

На войне успех могут обеспечить только смелые решения. Средние решения, продиктованные одной лишь осторожностью и стремлением страховать себя «на все случаи», неизбежно расплескивают силы и волю армии на мелкие дела. Настоящий полководец смело идет на сосредоточение сил в ударных группировках, не боясь на сознательно ослабленных участках временного «успеха» противника.

В районе Берислава сосредоточивается ударная группа в составе четырех дивизий — Латышской (начдив Стуцка), 52-й (начдив Германович), 15-й (начдив Солодухин) и вновь прибывшей с Восточного фронта 51-й дивизии (начдив Блюхер).

Латышская и 52-я дивизии малочисленны, но это прекрасные боевые части. Боевую славу несла с собой и 51-я дивизия, прекрасно показавшая себя в боях с Колчаком. Менее проверенной была 15-я дивизия, комплектовавшаяся в ближайшем тылу 13-й армии и состоявшая в основной своей массе из необстрелянных бойцов и командиров.

Все эти войска были объединены в Правобережную группу (Эйдеман, Мехлис).

Правобережная группа приступила к подготовке наступления. Основной удар должен был быть нанесен из-под Берислава на Большую и Малую Каховку. Здесь ширина Днепра была всего лишь около 400 метров. Здесь, на его левом берегу, не было почти никаких плавней и притоков, делающих Днепр на ряде участков буквально непроходимым. Наш правый берег, командуя над районом Каховки, огибал его

полукольцом. Это создавало благоприятные условия для артиллерийского обеспечения как самой переправы, так и первых действий наших войск на берегу противника.

Подготовка шла интенсивно.

Подвозились лодки, лес и материалы для моста. На берегу, в укрытых местах, вязались плоты.

В распоряжение командования группы был передан один понтонный батальон.

В результате систематического наблюдения, ведшегося нами с высокого правого берега Днепра, огневые позиции противника были устанавливаемы с достаточной точностью. Разведка, агентурная и боевая, подтверждала наличие на левом берегу второго пехотного корпуса генерала Слащева (13-я и 34-я пехотные дивизии, 3-я туземная кавалерийская дивизия и морской отряд), боевые качества которого не стояли на высоте, несмотря на личную шумливость и напыщенные приказы самого Слащева. Уступая противнику в кавалерии, мы лишь несколько превосходили его в пехоте и артиллерии, так как 51-я дивизия, наиболее многочисленная, находилась еще в пути. Наша артиллерия незадолго до начала наступления была усилена двумя дивизионами тяжелой артиллерии особого назначения (ТАОН) из резерва Главного командования.

2 августа части Врангеля заняли Александровск и Орехов. Обстановка на всем фронте 13-й армии складывалась крайне неблагоприятно.

Все это вынуждало Каховскую группу перейти в наступление, не дожидаясь подхода 51-й дивизии (ее головные части должны были прибывать 8—9 августа).

Форсирование Днепра было намечено в ночь на 7 августа. Главный удар на Малую и Большую Каховку наносился 52-й и Латышской дивизиями. 15-я дивизия должна была форсировать Днепр несколько южнее — в районе Корсунского монастыря — для нанесения удара на Перекоп. Под Херсоном действовала отдельная группа, имевшая задачу занять Алешки и наступать дальше, на Перекоп. Эта группа состояла из местных караульных войск и батальонов войск внутренней охраны и подчинялась командующему Правобережной группой.

Около часу ночи разведка и передовые части Латышской и 52-й дивизий приступили к форсированию Днепра.

Весь расчет строился на внезапности. Одна за другой бесшумно уходили лодки в темноту ночи. А ночь была настоящая южная, густая и бархатная...

Тишина... Все еще тишина... Почему так долго плывут лодки? Что это — плеск весла или сонной рыбы?..

Наконец на правом берегу затрещали выстрелы. Грянуло, пронеслось над сонным простором реки — «ура!». Значит, наши там. Значит, наши на том берегу. «Ура!»

Почти одновременно проснулись пулеметы белых. Белые были явно застигнуты врасплох. Струи пуль, свистя, проносились над нашими головами и ударялись в высокий обрыв, взрывая землю...

Дальнейшие события подтвердили полную неожиданность нашего наступления для белых. Как потом оказалось, расположенный в Каховке штаб Слащева в ночь на 7 августа пьянствовал и нашего наступления не ожидал.

К 12 часам наши войска занимали уже Большую и Малую Каховку. Противник вводил в дело резерв, оказывая упорное сопротивление.

В момент завязки боя за обладание левым берегом Днепра, в 5 час. 30 мин., инженерные части 52-й и Латышской дивизий под непосредственным руководством дивизионного инженера 5-й дивизии тов. Недзвецкого приступили к наводке моста. Несмотря на сильный ружейный и пулеметный огонь противника по реке, мост через два с половиной часа был наведен. В 8 час. 30 мин. по мосту эшелон за эшелоном двинулись главные силы 52-й и Латышской дивизий на левый берег. Сначала пехота и конница, а затем поэшелонно, не прекращая огня, и артиллерия.

Правобережная группа крепко обосновалась на левом берегу Днепра, обозначив тем самым серьезную угрозу тылу Врангеля и его сообщениям с основной базой — Крымом.

До 10 августа продолжалось усиленное наступление войск. 10 августа, обнаружив движение больших сил противника со стороны Александровска, части Правобережной группы приостанавливают наступление и 11-го начинают заблаговременный отход.

Оперативные сводки белых торжествуют: «Красные в панике, бегут к переправам».

Но красные отнюдь не бегут: они организованно, хотя и стремительно (для заблаговременной организации огня обороны), отходят своими главными силами на... заранее укрепленные позиции.

Да, да! За несколько дней в их тылу на огромном участке, закрывая с востока излучину Днепра в районе Большой Каховки, выросла укрепленная полоса, местами оплетенная проволокой. Эта полоса предмостных укреплений тянулась по линии Круглое — хутор Терны — Любимовка.

Работа шла в течение круглых суток.

— Невозможно в пять-шесть дней даже вчерне возвести

такую оборонительную полосу. Это безумие, — роптали военные инженеры, прошедшие школу старой армии.

Полоса будет!

13 августа ударная группа белых уже ввязалась в бой с охраняющими частями каховского плацдарма. 14 августа боевые действия развернулись вовсю...

Белые не верили в плацдарм, в его прочность. Они предвзято решили: красные отходят, ведя лишь арьергардные бои. Красных надо прижать к Днепру, уничтожить. Действовать медленно — это означало дать красным возможность уйти за Днепр. Стремительный же выход к переправам конницы Барбовича должен был привести к полной катастрофе и гибели ударной группировки красных.

Но белые ошиблись в одном, т. е. в основном: красные не уходили. Красные решили принять бой, имея позади Днепр. Красные решили отстоять плацдарм.

Мы видели, как конница Барбовича атаковала проволоку и окопы, как набегали и как стремительно уходили обратно ее волны, разбрасывая по степи темные пятна убитых лошадей и людей.

Мы видели, как впервые надломилась ударная сила Врангеля — конный корпус Барбовича, не знавший до этих пор серьезных испытаний.

Каховка была удержана.

Плацдарм выдержал первое наступление.

А дальше... Дальше боевые события развертывались с все большим перевесом в пользу красных.

Креп и мужал плацдарм. В конце августа он уже состоял из трех оборонительных линий: передовой, основной и резервной — около мостов.

Основная линия состояла из ряда окопов профиля «стоя со дна рва» и проволочной сети в три кола.

И когда 25 августа войска Правобережной группы вновь перешли в наступление и своими передовыми частями вскоре почти достигли Мелитополя и Перекопа, то даже самому Врангелю казалось (он об этом пишет в своих записках), что наступили кризисные дни для всего белого Юга.

Каховка сделала свое дело. Врангель потерял оперативную свободу. Отныне, имея в своем тылу красную Каховку, он уже не мог, как прежде, прорываться своими главными силами на север и северо-восток.

Его стратегическая мысль отныне в поисках выхода растерянно блуждала между Александровском и Каховкой. Его дальнейшие действия — это оборона.

Смелое, оперативное решение красного командования оправдало себя полностью.

Каховка — это изумительное сочетание выдержки, хладнокровия и спокойствия со страстной отвагой и героизмом отдельных людей и целых частей...

Где-то около Черненьки есть братская могила. В ней — бойцы целого полка Латышской дивизии. Они умерли так, как умирают герои.

Погиб смелый ударник гражданской войны питерский пролетарий Солодухин, начдив-15. Окруженный белыми, он сделал все, что мог сделать настоящий боец-революционер: он во главе кучки войск бросился в последнюю атаку.

Погиб храбрый командир латышского полка Лацис — большевик-пролетарий, перешедший с комиссарской работы на командную.

Сложили свои головы тысячи замечательных бойцов пролетарской революции, отстаивая Каховку как ворота для дальнейших побед Красной Армии.

Слава им, погибшим за дело рабочего класса!

«Правда», № 313, 14 ноября 1935 г.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Есть встречи, которые запоминаются.

«Идут технические войска... Здесь много нового... Все вполне современно, как где-либо в другом месте, или еще современней. Еще никогда не виданный, интереснейший материал для изучения военным атташе, которые стоят внизу, перед парадирующими войсками, рядом с Ворошиловым и могут все видеть, должны видеть».

Так в мае 1932 г. описывал первомайский парад Красной Армии корреспондент крупнейшей немецкой буржуазной газеты «Берлинер тагеблатт».

Может быть, корреспондент и прав. Может быть, в самом деле эта встреча с новой техникой в Красной Армии поразила военных атташе.

Мы не против таких отрезвляющих «встреч». Трудящиеся СССР ведут героическую борьбу за построение социализма. Они заинтересованы в прочном мире, в прочном, надежном обеспечении дела социализма.

Но в данном случае рассказ о другом. О другой «встрече». О первой встрече с танками.

Это было осенью 1920 г. под Каховкой. Есть такой степной городок на левом берегу Днепра. Был, вероятно, он всегда тихим, дремотным, более похожим на беспорядочно раскинувшееся степное село, чем на город. В августе 1920 г. этот степной городок вдруг оказался в центре величайших событий.

Это было время, когда Врангель, захватив Северную Таврию, настойчиво рвался на север и северо-восток, угрожая Донецкому бассейну. Его войска упорно продвигались вперед, тесня распылившиеся красноармейские части. На западе, от Херсона до Александровска (теперь Запорожья), тыл и фланг Врангеля прикрывались Днепром — мощной и труднопроходимой водной преградой. Да. Днепр считался надежным прикрытием. Во всяком случае, врангелевцы впоследствии признавались, что из-за Днепра они серьезной угрозы не ждали.

Оставив вдоль Днепра лишь части своего широко растянутого 2-го стрелкового корпуса (Слащев), «русская армия» Врангеля самонадеянно и дерзко прорывалась главными своими силами на север и северо-восток. К Донбассу! К Харькову!

Красная Армия мало уважала «законы» военного искус-

ства, которыми руководствовалось белое командование, оценивая неприступность Днепра.

Командующий Южным фронтом тов. Егоров принимает смелое оперативное решение: сосредоточить против Каховки, в районе Берислава, сильную ударную группу (Латышская, 51, 52 и 15-я стрелковые дивизии) с задачей форсирования Днепра и нанесения решительного удара на Перекоп и Мелитополь — для того, чтобы отрезать от Крыма и разгромить основные силы Врангеля, наступавшие на север и северо-восток.

Это смелое решение само по себе является одним из наиболее ярких примеров оперативного творчества Красной Армии в гражданской войне.

Так возникла Правобережная группа Красной Армии, форсировавшая в ночь с 6 на 7 августа Днепр.

Около Каховки завязываются упорные бои.

В первый же день форсирования Днепра командование Правобережной группы строит так называемый каховский плацдарм. День и ночь идет напряженная работа. Роются окопы первой линии. Строятся проволочные заграждения. Нехватка рабочей силы возмещается мобилизацией буржуазии Херсона и прилегающих районов. Член Реввоенсовета группы тов. Мехлис, еще не совсем оправившийся от недавнего ранения,— дни и ночи на участках. Организует и расставляет людей.

15 августа Правобережная группа под напором конного корпуса генерала Барбовича, снятого Врангелем с александровского направления, была принуждена отойти к Каховке. Здесь ее ожидал сюрприз — «чудо на Каховке»: подготовленная на протяжении 27 километров первая линия обороны плацдарма.

Этого сюрприза не ожидал и Барбович. Он надеялся на легкий разгром каховской группы красных, прижатой к Днепру. Барбович, победоносный до этих дней, просчитался. Мы видели, как неслись в атаку в расчете на легкую добычу его конные массы и как откатывались они обратно, в спаленную зноем бурую степь, рассыпаясь по ней черными пятнами павших лошадей и людей.

Отбросив войска корпуса Слащева и заслон Барбовича, Правобережная группа во второй половине августа вновь переходит в наступление. Ее части прорываются к Мелитополю и почти вплотную подходят к Перекопу. Передовые отряды и разведывательные части красных появляются в районе железной дороги Мелитополь — Сальково. Трещит хрупкое здание Врангеля. Врангель в своих воспоминаниях описывает, как в эти дни он в поезде с потушенными огнями,

с мыслями о том, что вот-вот красные войска прорвутся к Мелитополю, проскакивает ночью по железной дороге. Оперативная свобода Врангеля связана. Ее можно вернуть, лишь разгромив, уничтожив каховский плацдарм.

Против Правобережной группы бросается первый добровольческий корпус Кутепова (в его состав входят дроздовцы и марковцы — лучшие части Врангеля), снимаемый с главного направления. Центр тяжести событий уже не под Донбассом, а под Каховкой.

Снова Правобережная группа отходит на свою укрепленную полосу. Снова начинаются яростные атаки белых.

И вот тогда впервые появился слух о танках. О танках вдруг заговорили все. О танках заговорили летчики, заметившие под Чаплинкой с большой высоты движение каких-то черепаховидных огромных машин. О танках заговорили перебежчики. Врангель решил атаковать каховский плацдарм с помощью танков. Их любезно преподнесли ему французские империалисты.

Что такое танк? Во всех четырех наших дивизиях не было людей, имевших дело с танками. Мы знали одно: танк — это могущественная боевая машина, не знающая таких преград, как проволока, машина, легко переползающая через окопы, не боящаяся огня пулеметов и винтовок.

Что мы могли противопоставить танку? Меткий, рассчитанный артиллерийский огонь? Да, огонь был точно рассчитан. Плацдарм был разбит по секторам. По этим секторам артиллерия могла легко вести огонь даже в ночное время. Она могла метко бить по противнику.

Одно мы все же поняли твердо уже и тогда: танк — могущественное средство борьбы, но он один не способен захватить и удержать плацдарм. Надо лишь, чтобы пехота удержалась в окопах и, когда через окопы переползут танки, встретила бы огнем движущиеся вслед за танками войска противника. Танк сам по себе не страшен! Это понимание командиры и политработники должны были внушить каждому бойцу.

Не помню, был ли это конец августа или начало сентября, когда пришел вечер — непривычно сизый, непривычно тихий степной вечер, окончательно убедивший нас в предстоящей ночной танковой атаке. Плацдарм подготовился и ждал. Напряженно гудели в тот вечер телефоны, проверяя готовность отдельных участков, отдельных батарей. Артиллеристы проверяли и уточняли свои расчеты. Основная борьба с танками предстояла внутри самой укрепленной полосы, за спиной собственной пехоты. Выдержит ли она, останется ли

в окопах? Напряженно работал в эти часы наш неутомимый большевистский политический аппарат.

Ночные события развернулись с головокружительной быстротой. Не успели еще отчитаться разведчики о замеченных ими громадных переползающих в темноте машинах, как заговорила, прервав напряженную тишину, артиллерия. Через несколько минут она уже ревела исступленными глотками десятков пушек, перекрывая нервный лай насторожившихся пулеметов.

Танки! Танки ворвались в укрепленную полосу!

Где пехота? Держится ли она?

Рвется, теряется связь.

Все, что под рукой, брошено в бой.

Да, это была напряженная встреча! Только постепенно вырисовывалась, прояснялась картина боя. Танки бродили в глубине оборонительной полосы. Пехота, пропустив их через окопы, отражала атаки живой силы белых. Передняя линия на всех участках была в наших руках. А в ее тылу, там, где были резервы и артиллерия, в самой сердцевине плацдарма, клокотал, гремел сотнями взрывов бой.

Французские танки, тяжелые, солидные «Рикардо», оказалось, не были рады «встрече». На стальные чудовища с гранатами в руках бросались бойцы, их громила артиллерия. Два танка остались в нашем тылу. Другие, раненные, кряхтя, переползли обратно.

Танки оказались бессильными решить участь Каховки. Их, «почетных иностранных гостей», с прибытием которых связывалось столько надежд и чаяний, не сумел поддержать человек. Этот человек, в своей массе насильно мобилизованный Врангелем таврический крестьянин, оказался ненадежной опорой для помещичьей контрреволюции.

И когда наступило ясное степное утро, к разбитым двум танкам подползали наши бойцы, гладили еще горячими от ночного напряжения руками остывший металл. «Эх, даже танки не спасут тебя, беленький». «Нам бы вот таких машин!» Наши бойцы умели ценить технику. Они умели любить машину. Они отлично знали, как много, как дорого мы заплатили в ту героическую ночь за первые два танка, за свою отсталость, за первые уроки, преподанные этими неуклюжими солидно-медлительными «Рикардо».

Такова была «первая встреча».

Как далеко от этих тяжеловесных, неуклюжих танков-черепах, уже тогда устарелых «Рикардо», ушла вперед современная военная техника!

«Правда», № 53, 23 февраля 1933 г.

ПОЛКОВОДЕЦ И БОЕЦ РЕВОЛЮЦИИ

(Страничка воспоминаний о М. В. Фрунзе)

1921 год на Украине был годом трудным. Осколки контрреволюции в виде многочисленных бандитских отрядов всех цветов солнечного спектра — банды белых, черные знамена махновщины, желто-синие знамена петлюровщины и т. д. — продолжали вести борьбу против Советов, мешая их утверждению в деревне. Борьба осложнялась той усталостью, которая чувствовалась в рядах армии, проведшей гражданскую войну. Малая гражданская война требовала новых приемов борьбы. С ними не был знаком командный состав. Недостаточно гибким, недостаточно приспособленным для действий в малой войне оказался и сам аппарат управления. Бандитские отряды, подвижные, действующие партизанскими методами, изворотливо маневрировали среди наших тяжеловесных дивизий. Все это осложнялось происходившей в то время демобилизацией, вызванной переводом армий военного времени на мирные рельсы, и слабостью низового советского аппарата, особенно на селе.

К лету 1921 г. в борьбе намечается перелом. Новая экономическая политика закрепляет союз пролетариата с основной массой крестьянства, закрывает щель, в которую устремлялся политический бандитизм. Улучшаются методы борьбы. Сама борьба принимает более систематический, планомерный характер.

Этой борьбой руководит тов. Фрунзе, немало содействовавший выявлению и осмысливанию того нового и особенного, чего требует от армии малая война. В основу борьбы кладется внимательное изучение той базы, на которой вырастали бандитские отряды. Путем этого изучения выявлялся своеобразный, скрытый или замаскированный, тыл той или другой бандитской группировки, вне которого вооруженная сила банды становилась беспомощной и обреченной на гибель. Основное преимущество всякого партизана, в том числе и белобандитского, в том, что он знает местность и пользуется поддержкой тех или иных слоев населения. Но это же требование ограничивает, суживает район действий партизана.

План тов. Фрунзе сводился к прочному занятию постоянными гарнизонами отдельных районов или пунктов, являющихся основными базами бандитизма. Одновременно с действиями этих гарнизонов наши легкие отряды беспрерывно преследуют бандитов, уже лишенных баз и возможности обрастать за счет своих «милиционных» пополнений. Знание излюбленных маршрутов бандитских отрядов, раскрытие

своеобразного тыла бандитизма давали руководству возможность сочетать смелое, беспрерывное, энергичное преследование с действиями встречных заслонов, выдвигаемых на путях вероятного движения бандитского отряда.

Под воздействием нашей политики и военного руководства, осуществляемого тов. Фрунзе, бандитизм быстро пошел на убыль. Здесь мне хочется привести один эпизод из этого периода борьбы за освобождение украинской деревни. Эпизод этот характеризует М. В. Фрунзе не только как вождя, но и как исключительного по храбрости солдата революции.

В июне 1921 г. тов. Фрунзе выехал в Полтавскую губернию для личного руководства борьбой против банд Махно, вновь вторгшихся в пределы Полтавской губернии. Политическая обстановка требовала от командования исключительных мер по обеспечению нормального хода продразверстки в Полтавской губернии, игравшей в связи с наступавшим голодом громаднейшую роль в деле продовольственного снабжения не только Украины, но и всей страны. В этих условиях тов. Фрунзе нашел необходимым взять на себя руководство операцией.

В середине июня его поезд остановился на ст. Решетиловка. Пишущий эти строки в это время непосредственно объединял работу войск, действовавших против основного ядра Махно.

Утром 15 июня, получив в поезде Фрунзе все необходимые указания, руководитель операции со своим облегченным полевым штабом на машине отправился в войска. Станция Решетиловка находилась в нескольких верстах от села того же наименования — громадного населенного пункта, насчитывающего более 5 тыс. населения. По общей обстановке надо было предполагать, что Махно завернет в Решетиловку, как один из пунктов, наиболее часто им посещаемый. Однако, по предположениям руководителя операции, появление Махно ожидалось не ранее вечера. Такого рода соображения руководитель операции высказал и тов. Фрунзе.

Между тем расчеты эти оказались не совсем точными. Проезжая через село Решетиловку, руководитель операции уже едва не попал в руки заскочившему в село конному авангарду Махно. Только совершенно случайно обстреливаемой и атакованной машине удалось проскочить через село.

Верстах в семи за селом мы свернули в деревню, где, по словам встреченного нами милиционера, должен был находиться земский телефон. Подъезжаем к Совету. Как и следовало ожидать, Совет уже «эвакуировался». И лишь через некоторое время появился один из его членов, встретивший нас недоверчиво и с удивлением. После взаимного объясне-

ния недоверие исчезло. Снова устанавливаем телефон. Звоним в Решетиловку. Село Решетиловка охотно отвечает.

— Кто говорит?

— Председатель сельсовета (имярек).

— Ну как у вас в Решетиловке?

— Слава богу, все спокойно. Но вот, говорят, Махно подходит. Не стоит ли у вас что-нибудь из войск?

Бандитская хитрость примитивна. Нас не проведешь. Разговор скоро переходит в откровенную брань.

— Смазывай сапоги! — кричат из Решетиловки.— Мы захватили самого Фрунзе.

— Врете!

— Нет, не врем. Вот тут он сидит и слушает.

Разговор обрывается. Что это — правда или обман? Неужели правда? Мучительная тревога неизвестности...

Через несколько минут наша машина, рассекая липкую грязь степных дорог (шел мелкий, назойливый дождик), несется к войскам. Скорее, скорее... Часа через два войска почти без боя вошли в Решетиловку. И только там мы все вздохнули облегченно.

Я и мои товарищи были наказаны двумя-тремя часами жгучей тревоги за то, что могли поверить бандитской лжи о пленении Фрунзе. Разве тов. Фрунзе мог сдаться!

А дело было вот как. Товарищ Фрунзе действительно вслед за нами отправился верхом в сопровождении двух или трех товарищей. На окраине села, у кузнеца, тов. Фрунзе еще раз сверился, благополучно ли все в Решетиловке, в частности, проходила ли машина... Кузнец ответил утвердительно. Думаю, что он мог действительно не знать о появлении в селе бандитов.

На площади тов. Фрунзе с сопровождающими наскочил на группу кавалеристов человек в 30—40.

— Стой!

Товарищ Фрунзе с сопровождающими останавливается.

— Вы кто? — спрашивает Фрунзе.

Всадники мнутся. Наконец называют себя отрядом кавалерийской дивизии, вовсе не находившейся в районе Решетиловки.

Такой способ маскировки, когда бандиты выдавали себя за части Красной Армии, не представлял собой ничего нового. Товарищу Фрунзе стало ясно, что тут дело нечисто.

Один из бандитов целится в Фрунзе.

— Что вы делаете? — кричит кто-то из сопровождавших, еще не совсем уяснивший себе, в чем тут дело.— Это командующий войсками — тов. Фрунзе!

Бандитский отряд в беспорядке, внезапным вихрем устремляется вперед.

— В разные стороны! — командует Фрунзе.

За ним в погоню бросаются человек 10—15.

Несколько верст длится бешеная погоня. Но на стороне Фрунзе ряд преимуществ: прекрасный конь, еще не утомленный переходом, хладнокровие человека, привыкшего глядеть в глаза смерти, и спокойная рука стрелка. Время от времени он останавливается, стреляя. Стреляют и бандиты. Вслед за Фрунзе несутся их гиканье и пули. Несколькими пулями прострелен развевающийся на ветру плащ. Сам Фрунзе легко ранен в бок.

Но вот наступает критический момент. Один из бандитов, на хорошем коне, вплотную нагоняет Фрунзе. У бандита винтовка и шашка, у Фрунзе — маузер, и в маузере последние пули.

Товарищ Фрунзе приостанавливает коня, поворачивается лицом к противнику. Тот в порыве погони, беспорядочно стреляя, несется вперед.

У Фрунзе не только спокойное сердце и спокойная рука — у него верный, меткий глаз стрелка-охотника. Подпустив бандита буквально на несколько шагов, Фрунзе стреляет. Бандит, приподнявшись в стременах для удара, падает мешком. Еще один выстрел — и второй бандит, также зарвавшийся вперед, бросается в бегство.

В тот же день тов. Фрунзе спокойно рассказывал нам обо всем этом, как о совершенно обыденной вещи, легко иронизируя над своим положением и над бандитами, а еще несколько минут спустя спокойно отдавал очередные указания о дальнейшей борьбе.

Таков Михаил Васильевич Фрунзе — солдат революции.

Впоследствии кое-кто упрекал тов. Фрунзе в неосторожности. Состоялось даже, если не ошибаюсь, постановление Центрального Комитета нашей партии на Украине, упрекавшее Фрунзе в излишней боевой дерзости. Но надо с беспристрастием историка сказать, что приезд Фрунзе в район действий, его личный пример сыграли громаднейшую роль в создании перелома в настроении войск. Подтянулись войска, подтянулся командный состав. Самоотверженный пример Фрунзе действовал ободряюще, призывал равняться по нему. Под наблюдением и руководством Фрунзе подтянулся также советский аппарат.

Товарищ Фрунзе был по своей природе настоящим военным человеком. Он любил оружие, ухаживал сам за ним, прекрасно стрелял, прекрасно ездил верхом, заботился сам о своем коне. Любил строй и строевую выправку.

Сейчас много спорят о месте командира в бою.

Для Фрунзе этой проблемы не существовало. Массовик-революционер, он, как никто, понимал психологию масс и при определении своего места в бою наравне с соображениями оперативного порядка считался и с этой психологией. В тяжелые периоды усталости и колебаний — он был всегда среди войск, заражая их своей бодростью, теплотой своих лучистых глаз, личным примером самоотверженного бойца.

«Красная звезда», № 249, 30 октября 1927 г.

Витовт Казимирович
ПУТНА
(1893—1937)

Родился в Виленской губернии в семье бедного литовского крестьянина. Работая в Риге, включился в революционное движение и в 1913 г. был арестован. В начале первой мировой войны освобожден из тюрьмы и отправлен на фронт. В 1917 г. окончил школу прапорщиков и, служа в 12-й армии, вел революционную работу среди солдат своего полка. В феврале того же года вступил в партию большевиков. В апреле 1918 г. вместе с солдатами батальона, в котором служил, перешел в Красную Армию и был назначен военным комиссаром Витебского военного комиссариата.

С сентября 1918 по 1920 год — на Восточном фронте. Последовательно занимал должности военкома 1-й Смоленской дивизии, политкома 26-й Смоленской дивизии, командира 228-го Карельского полка, командира 2-й бригады 26-й стрелковой дивизии, начальника 27-й Омской стрелковой дивизии. Командовал той же дивизией на польском фронте и при подавлении Кронштадтского мятежа.

После гражданской войны был начальником и комиссаром 2-й Московской пехотной школы, инспектором РККА, начальником Управления военно-учебных заведений Красной Армии, командиром стрелкового корпуса, военным атташе в Японии, Финляндии. Германии, Великобритании.

ПЯТАЯ АРМИЯ В БОРЬБЕ ЗА УРАЛ И СИБИРЬ

Выступление чехословацкого корпуса против Советов в конце мая 1918 г., захватившего почти одновременно все крупные города по Сибирской дороге и в Приуралье, совершенное по плану и под влиянием «союзников», послужило сигналом всем внутренним контрреволюционным силам к свержению Советской власти. От Пензы до Иркутска озорничали чехи, к которым стали присоединяться разные белогвардейские банды и казачьи отряды. Незначительные красные отряды Сибири, Урала и Поволжья были быстро истреблены хорошо вооруженным, слаженным и обученным чехословацким корпусом, насчитывавшим от 40 до 50 тыс. бойцов. Только на Дальнем Востоке, в Забайкалье и у Хабаровска, части красных отрядов удалось не только оградить себя от истребления, но и долгое время поддерживать неустанную борьбу с белыми. Под защитой чехов в Омске образовалось временное сибирское правительство, а в Поволжье в Самаре меньшевики и эсеры воскресили учредилку под фирмой «комитета Учредительного собрания». Эти организации немедля стали формировать силы для борьбы с Советской властью. Чехословацкое командование, прикрывавшее контрреволюционную деятельность в Самаре и Омске, получило задание от Антанты образовать в Поволжье фронт, который, продвинутый через остаток Советской России, мог бы образовать новый противонемецкий фронт на востоке. По пути выполнения этого задания чехи и пошли, когда стали распространяться вверх по Волге. Малочисленные, слабо организованные и невооруженные, отряды Красной Армии тогда еще не могли оказать должного сопротивления чехам и белогвардейцам.

6 августа 1918 г. разрозненные остатки и без того слабых наших отрядов бежали на северо-запад из Казани, павшей под ударом чехов и белогвардейцев.

Бежали так, как бегут после поражения, кажущегося последним и непоправимым... Но небольшая кучка красных, упорно цепляясь за каждую складку местности, к тому же вначале не столь сильно преследуемая белыми, торжествовавшими свою победу в Казани, осела в предмостных окопах на левом берегу Волги и у Свияжска — на правом.

Осела с решимостью драться до конца. Или дать отпор белым, или погибнуть, хоть задержав темп их продвижения к сердцу советской земли — Москве.

Через пару дней после падения Казани к Свияжску потекли эшелоны подкреплений. К этому времени по всему

жидкому и прерывчатому фронту стали обнаруживаться попытки белых теснить нас дальше. Неруководимые, неорганизованные для планомерного взаимодействия, отдельные отряды решили драться... Дрались жестоко, свою тактическую неопытность расточительно возмещая мужеством, подчас лихостью, нередко кровью...

Напор белых усиливался. В их действиях чувствовалась большая планомерность. Это был период их предельных успехов на Волге. Они на протяжении от Хвалынска до Казани переправились на правый берег Волги и обнаруживали склонность распространяться дальше на запад. Угрожающее положение, создавшееся на Волге, заставило Советское правительство принять чрезвычайные меры защиты. В район Свияжска, на симбирское и сызранское направления, было переброшено множество красных отрядов из тыла и с других фронтов, был объявлен первый призыв в Красную Армию бывших унтер-офицеров, а затем и офицеров, усилен подвоз питания и огнеприпасов.

Наши силы, подпираемые эшелонами из тыла, росли, но разрозненные действия не давали эффекта. Для планомерного руководства действиями советских войск под Казанью 12 августа в час дня был образован Военный совет казанского участка Восточного фронта с объединением войск, действующих в двух группах по правому и левому берегам Волги, в одну армию, наименованную 5-й. С этого дня медленно, но неуклонно начинает налаживаться и организационное строительство и согласованность боевых действий 5-й армии.

Она крепнет; и когда белые затевают дьявольски наглый глубокий обход на станцию Тюрлема, перехватывают сообщения, 5-я армия, окруженная все сжимающимся кольцом белых, уже находит в себе силы и решимость драться со стойкостью, сломившей наступательный порыв белых.

Свияжск в мглистую осеннюю ночь, пронизываемый насквозь пулями белых, сумел отстоять себя от ударной группы белых, и с этой ночи боевая инициатива уже бесповоротно переходит от белых к нам.

10 сентября взята обратно Казань. Не легко 5-й армии далась эта первая победа. В болезненных муках вспышек паники, беспощадной кары за малодушие в ответственные минуты, в отчаянных атаках и свирепой обороне ковались спайка и стойкость 5-й армии, чтобы обеспечить ей закал, впоследствии сохранившийся на всем протяжении похода до берегов Тихого океана.

Объединенные силы чехов и белогвардейцев, потеряв Казань, не прекращают своих попыток прорваться на Москву.

Главные силы их группируются в районе Симбирск — Сызрань — Самара, видимо надеясь отсюда кратчайшим путем на Москву добиться развязки, но взятие Казани 5-й армией создало выгодное охватывающее положение для Красной Армии. Овладев Казанью, 5-я армия двумя группами: одной — левобережной, на Чистополь — Бугульму, другой — правобережной, переброшенной через Волгу на пароходах и высаженной у Старой Майны на Мелекесс — Бугульму, быстро шагает на восток, тем самым создавая угрозу южной самарской группе белых. Белые отходят, 3 октября оставляя Сызрань, 7-го — Самару. Овладев 16 октября Бугульмой, армия продолжает дальнейшее движение на восток. В этот период начинает уже сказываться отсутствие пополнений для поредевших в боях частей, неорганизованность подвоза огнеприпасов и других видов снабжения. Особенно острым стал вопрос с обмундированием. В результате уже полученного опыта мы убедились в преимуществах стройной организации войск, и на походе 5-я армия свои отряды и группы реорганизует в две стрелковые дивизии — 26-ю и 27-ю. В состав этих дивизий вошли: 26-й — 6-й Петроградский (рабочий), 1-й народный Владимирский, Новгородский из рабочих и крестьян Порховского уезда, Старо-Русский, сводный, имени областного исполкома Западной области (Облискомзапа), 1-й Казанский советский, а затем Карельский из рабочих Петрограда и Мало-Вишерский полки и несколько батарей, из которых помню лишь Ржевско-Новгородскую, Путиловскую, Смоленскую и Тверскую, и один эскадрон конницы мазовецких улан; 27-й — 1-й Невельский, составленный из добровольцев 35-й дивизии старой армии, Оршанский из двух местных красных партизанских отрядов, Минский революционный полк, созданный еще при существовании старой армии из политических заключенных в Минске (большевиков и сочувствующих), Брянский советский, Курский, Тверской, Волжский — соединенный из 1-го и 2-го Московских революционных полков (назвался Волжским потому, что около Симбирска на Волге на пароходах подвезли друг к другу оба Московских и объявили, что отныне будут одним полком,— стрелки решили зваться Волжским); Крестьянский (из гомельского крестьянского отряда) и 2-й Петроградский полки с батареями: Вяземской, Оршанской, Крестьянской, Ленинской и Гомельской, и 2-й Петроградский кавалерийский полк.

Этот период нашей реорганизации был сопряжен с ослаблением фронта армии, так как организационная работа требовала временного последовательного отвода из передовой линии бригад.

В начале ноября уже восточнее р. Ик, когда две бригады 26-й дивизии отводились, белые (корпус Каппеля и бригада поляков) обрушились на 27-ю дивизию и, нанеся ей сильный урон, потеснили от Кандры-Кулева к самой Бугульме, но ввод в дело организационно окрепших бригад 26-й дивизии и отряда ВЦИК, тогда находившегося еще в составе армии, первоначальный успех белых превратил в поражение. После этого началось наше безостановочное движение на Уфу — Бирск. Комитет Учредительного собрания после бесцеремонного обращения Колчака со всеми разновидностями эсеров и меньшевиков, входивших во временное сибирское правительство, переехавший из Самары в Уфу, перед своей неминуемой смертью сделал еще попытку приостановить наше продвижение к Уралу. В двадцатых числах декабря разгорелись довольно упорные и кровопролитные бои в районе Чишмы и севернее, но бои закончились полным успехом для нас, и в ночь на 31 декабря части 5-й армии уже без сопротивления со стороны деморализованных остатков учредиловской армии вступили в Уфу. Накануне этого комитет Учредительного собрания объявил себя распущенным, а остатки и до того мало слушавших комитет подлинно белогвардейских войск, оставаясь на фронте, перешли в безраздельное ведение «верховного правителя» адмирала Колчака. С этого времени укрывавшаяся до того за спиной чехов и учредилки черная реакция колчаковии предстала пред Красной Армией без всяких перегородок. Для усиления фронта Колчак кинул несколько новых дивизий, сформированных и обученных им под прикрытием чехов и войск учредиловки, боровшихся с нами в поволжских степях. Сдерживая 5-ю армию, наступавшую в направлении Уфа — Златоуст и теснимый на оренбургском направлении 1-й армией, Колчак в конце января предпринимает наступление против наших 2-й и 3-й армий в Пермском районе, стремясь захватить Ижевско-Воткинский район и бассейн Камы. До начала марта эта борьба длится с переменным успехом, но затем недостаток притока подкреплений на наш фронт приводит к резкому ослаблению частей, и они теряют упругость.

5-я, так же как и другие (2-я и 3-я) левофланговые армии Восточного фронта, ослабла численно и, наткнувшись в предгорьях Урала на свежие силы белых, запнулась в наступлении, а затем, после ряда безуспешных попыток проникнуть в глубь Урала в марте 1919 г., с активизацией белых, покатилась обратно к Волге.

Против наших армий Восточного фронта противником были сосредоточены более подготовленные, с опытным командным составом, лучше сорганизованные и превосходные

по численности силы в общем до 35 пехотных и 19 кавалерийских дивизий с боевым составом в 110 тыс. штыков, 40 тыс. сабель, 420 орудий и 1350 пулеметов. Все же силы Колчака к этому времени вместе с оккупационными войсками «союзных» держав насчитывали 290 тыс. штыков, 50 тыс. сабель, 600—700 орудий и 2000—2500 пулеметов. Сосредоточив значительный кулак в районе Дуван — Байки — Явгельдина, Колчак нанес удар в юго-западном направлении, смял и отбросил левый фланг нашей 5-й армии, создав угрозу выхода на тыловые пути сообщений нашей уфимской группы. Сделав отчаянную попытку противодействовать прорыву и охвату противника, наши 27-я и 26-я дивизии вынуждены были очистить район Уфа — Бирск. Развивая свой успех между флангами 5-й и 2-й соседних наших армий, Колчак вынудил к отходу армии Восточного фронта, за исключением крайнего правого фланга, удержавшего Оренбургский район.

Конец марта — начало апреля прошли в тяжелых неравных боях. Отступая, огрызались жестоко, но сил мало было. Буквально искромсанной белыми оказалась 27-я дивизия, несколько благополучнее отбивалась 26-я, но к концу апреля казалось,— вот-вот будем сброшены в Волгу.

Белым осталось два-три перехода до Волги. Партия бросила клич: «Все на Восток!» Рабоче-крестьянская масса поняла степень угрозы с Востока. Партия и профсоюзы послали значительные силы. Налаживающиеся внутренние формирования обеспечили свежий приток войск. Силы Восточного фронта, и 5-й армии в частности, росли не по дням, а по часам. На южном (правом) фланге Восточного фронта была сгруппирована главная масса сил в составе 1-й, 4-й и 5-й армий под общим руководством тов. Фрунзе. Эти силы предназначались для нанесения глубокого флангового удара нависавшему над водой колчаковскому фронту. Во главе 5-й армии встал новый РВС и командующий армией Михаил Николаевич Тухачевский.

Значительная часть командного и политического состава дивизий, изнуренного тяжелыми боями и лишениями, была заменена свежими, еще не истрепанными работниками. К середине апреля наступление колчаковских армий начинает постепенно замирать из-за усталости, недостатка свежих сил, неустройства тыла во вновь занятых районах, ранней в ту весну распутицы и разлива рек. Наш же фронт окреп. Приток сил ободрил полки. Наступательная способность вернулась в ряды войск, и 27 апреля пружина из сгустка людей, с одной стороны теснимых с фронта, подпираемых подкреплениями с тыла — с другой, по короткому слову «вперед!» разжалась со страшной силой. Мы выигрываем бой со свежим

корпусом Колчака на р. Самарке. Охватывающее в отношении к белым положение нашего правого фланга используется. В районе Бузулука сосредоточиваются значительные силы для нанесения удара с выходом в глубокий тыл колчаковских сил, оперирующих на самарском и симбирском направлениях.

Первые дни мая прошли в боях, не только вернувших нам инициативу, но и предрешивших откат колчаковцев за Урал. Поражения колчаковцев следуют с калейдоскопической быстротой. 4 мая нами занят Бугуруслан, 13-го — Бугульма, 17-го — Белебей. Белые, быстро откатываясь к р. Белой в надежде за ней искать опоры пошатнувшемуся фронту, делают настойчивые попытки овладеть Оренбургом, оставленным нами на попечение одних рабочих, которые с исключительной доблестью отбивают все атаки белых.

Хотя р. Белая и представляет серьезную естественную преграду, но белым не удалось закрепиться на ней. Части 5-й армии форсируют реку между Уфой и Бирском, у Топорнина, в первых числах июня, левофланговые части 1-й армии переходят Белую южнее Уфы и занимают город 9 июня. Мы опять подошли вплотную к р. Уфимке, а за ней уже громоздился Урал.

Урал в своих застывших заводах таил сильный сгусток революционных сил. Урал, столь упорно дравшийся за Советскую власть с чехами еще летом 1918 г., трепетно ждал нас. Мы шли пробуждать эти силы. Было опасение, что в пути вдоль железной дороги на Аша — Балашевскую — Златоуст Колчак сможет задержать нас в горных проходах. Был еще другой путь, так называемый Великий Сибирский тракт, через Байки на Дуван — Сатку. По тому и другому белые, несомненно, ожидали нашего движения. Для главного удара и скрытности его было избрано почти непроходимое направление вверх по р. Юрезани. Двухдневные бои за переправы через р. Уфимку, несмотря на сравнительно старательное укрепление белыми своего берега, закончились оттеснением белых от реки на всем ее протяжении и обеспечили переправу главных сил левого фланга 5-й армии на левый берег. На форсирование Урала 5-я армия шла тремя колоннами. Правой, наиболее слабой,— 3-я бригада 26-й дивизии и бригада конницы Каширина — вдоль железной дороги Уфа — Златоуст; средней — в составе 1-й и 2-й бригад 26-й дивизии с Петроградским кавалерийским полком — вверх по р. Юрезани с намерением войти в тыл аша-балашовской группе противника — корпусу Каппеля — выходом этой группы к станции Сулея; и левой — в составе 27-й стрелковой дивизии по тракту Байки — Дуван на Бердяуш. Наиболее трудная задача пред-

стояла средней колонне, но зато выполнение ее сулило дать наибольший боевой эффект. В авангарде этой колонны шел 228-й Карельский (питерских рабочих) полк. Кое-где бечевой, кое-где и руслом реки, без дорог, сквозь теснины, был осуществлен смелый по замыслу, тяжелый по выполнению, но успешный по результатам поход.

Колчак не ожидал, что мы сможем решиться на движение через этот труднодоступный для движения участок Урала. Выход нашего авангарда в район Нисибаш был настолько внезапным, что мы 12-ю дивизию Колчака, находившуюся будто бы в глубоком тылу, застали за шереножным обучением. Конечно, эту дивизию смяли, но степень угрозы, созданная этим нашим выходом, заставила Колчака бросить сюда крупные силы. В долине между реками Юрезанью и Ай разыгрались жаркие и тяжелые для нас ввиду численного превосходства белых бои. Бои у Нисибаша, Айлина, под Кигами, пожалуй, решили участь Урала. Мы осилили белых. Еще два тяжелых боя у Кувашей перед Златоустом и у Мияса — и 5-я армия вышла на просторы Западно-Сибирской равнины. Борьбу за Урал с красной стороны вели три армии: 5, 2 и 3-я. С выходом в Западную Сибирь осталось два главных направления в глубь Сибири: на Омск и на Тобольск, поэтому на фронте в дальнейшем остаются две армии: 5-я на омском и 3-я на тобольском направлениях. Колчаковская армия вновь пытается опрокинуть вторгшуюся в Сибирь Красную Армию. С 24 по 29 июля идут горячие бои за обладание Челябинском, исход которых решило вмешательство челябинских рабочих на стороне Красной Армии.

Разбитая под Челябинском белая армия отходит, слабо сдерживая нас на всем фронте, но приближающаяся угроза Омску заставляет Колчака лихорадочно готовиться к отпору на равнине между Тоболом и Ишимом, он в тылу у отходящих своих войск группирует все свои резервы. К концу августа 5-я армия заняла Курган и, перейдя Тобол, усиленная еще одной, 35-й стрелковой дивизией из состава бывшей 2-й армии, преследует белых дальше на восток, но противник, оторвавшись своими главными силами от преследующих частей Красной Армии, отвел их за р. Ишим, привел в порядок, пополнил и, усилив резервами из тыла, в начале сентября перешел в контрнаступление, нанеся весьма чувствительный урон нам в районе ст. Петухово, и кинул из степей с юга на тыл наших дивизий конный корпус. Несмотря на большую стойкость, проявленную дивизиями 5-й армии, насчитывавшими в общей сложности 10 тыс. бойцов, под давлением численного превосходства белых они стали отходить к Тоболу.

Отход сопровождался таким упорством в отражении атак белых, что 5-я армия в оборонительных боях за сентябрь 1919 г. взяла свыше 50 орудий у белых. К концу сентября обе борющиеся стороны ослабели настолько, что 5-я армия отошла на левый, западный, берег Тобола, с намерением привести в порядок измотанные неустанной и неравной борьбой в течение месяца войска, пополниться и отдохнуть, а белые, истратив всю свою наступательную способность, еле-еле дотянулись до Тобола, не в силах перешагнуть его. В половине октября красные войска, окрепнув, перешли в наступление и в семидневных боях уже окончательно и непоправимо разгромили колчаковцев. 2 ноября занят Петропавловск, а 14-го — Омск, столица колчаковии, — Омск, уже бессильный оказать сопротивление. С этого дня, несмотря на жестокие морозы, колчаковия тает. 3-я армия, действовавшая в направлении Тобольска, по овладении им уткнулась в непроходимые пространства болот севера срединной Сибири. Продолжать борьбу за Сибирь дальше на восток остается одна 5-я армия, усиленная из состава третьей — 30-й и 51-й стрелковыми дивизиями. Теперь перед 5-й армией наряду с боевыми задачами по ликвидации остатков колчаковской армии и вытеснению иностранных отрядов, раскиданных по Сибири, с задачами успокоения крестьянства, стали более сложные задачи советского строительства и борьбы с разыгравшейся до невероятных размеров эпидемией тифа на всем пространстве Сибири. Последние бои — Новониколаевск, взятый 13 декабря, Томск, Тайга с сотнями неподвижных эшелонов, десятками тысяч мечущихся в сыпняковом бреду людей, последние конвульсии сопротивления уже умирающей колчаковии у Красноярска и Иркутска — прошли для 5-й армии, как сон, в опьянении победой и в угаре охватывающей все эпидемии сыпняка. Эпидемия распространялась и в рядах армии, они таяли. Армия, пополняясь уже сибиряками, продолжает дальнейшее наступление на восток. Лихим скачком 27-я дивизия 28 декабря занимает Мариинск, обеспечивая за собой Судженский угольный район, 30-я дивизия 2 января берет Ачинск, 7-го — Красноярск, где сдаются остатки колчаковской армии.

В то время как 5-я армия двигается к Канску, красные партизаны, действовавшие в тылу у колчаковской армии и нанесшие ей немало вреда, после непродолжительного боя занимают последнюю резиденцию Колчака — Иркутск.

В феврале 1920 г. Колчак за свои преступления против Республики и трудящихся по приговору трибунала расстрелян.

7 марта в Иркутск вступили войска 5-й армии.

Дальше на Востоке царствовал Семенов. Приморьем владели японцы. После недолгой передышки 5-я армия помогает революционным отрядам Дальнего Востока освободиться от ига белогвардейцев. В течение 1921 и начале 1922 г. 5-я армия ведет операции по ликвидации банд Бакича и Унгерна, свою боевую деятельность вынося далеко за пределы Советской Сибири. После ликвидации этой угрозы спокойствию СССР на Востоке, благодаря содействию Народной армии Монголии по очищению своей страны от более мелких белых банд, 5-я армия все свое внимание сосредоточивает на восточном направлении и при активном содействии забайкальских и приамурских отрядов красных партизан вытесняет и белогвардейцев, и японцев из Приморья и 25 октября 1922 г. доносит алое знамя к берегам Тихого океана — занимает Владивосток.

Далекий, тяжелый путь борьбы пройден 5-й армией в борьбе за Поволжье, Урал, Сибирь и Забайкалье. На этом пути много тяжелых испытаний пережито в годы борьбы. Но неослабная настойчивость привела к конечной победе. Не только к воинской победе. 5-я армия, как ни одна другая, имела перед собой сложную задачу советского строительства на Урале и в Сибири. Она во все время борьбы, еще до Урала, была связана с нашей партией, томившейся в подполье Сибири. Армия, боевая работа которой была решающей в судьбе колчаковии, после победы облегчила партийное и советское строительство остатку истребленной Колчаком сибирской организации РКП(б). Ликвидацией Колчака 5-я армия с честью выполнила свой долг партийный, советский и воинский на Востоке, но на других окраинах еще висела неослабная угроза революции. Панская Польша предприняла поход в глубь Украины, Врангель, засевший в Крыму под защитой неприступного Перекопа, вылез и протянул свою грязную лапу к Донбассу,— части 5-й армии мчатся туда, и мы видим, как в трагических для нас боях на Буге, под Варшавой детище 5-й армии — 27-я Омская дивизия — проявляет в атаках стремительность, которая заставляет поляков ввести в дело против нее резервы армии и фронта, прорывает сильно укрепленную предмостную позицию и в трагические для нас минуты разгрома сохраняет способность драться, и подчас не без ощутительного для врага успеха; 30-я и 51-я дивизии, сражающиеся против Врангеля, своей доблестью вписывают лучшие страницы в историю борьбы с белыми на Юге и в решающие дни у Перекопа и Сиваша дают пример того, на что может быть способна пехота революции; затем беспримерный штурм Кронштадта — и дети 5-й армии опять там, они опять победили.

Части 5-й армии на других фронтах выделяются как ударные. В чем секрет их боевого закала?

Все качества 5-й армии и ее составных единиц обусловливались тем, что в качестве своей основы в тяжелые дни под Казанью 5-я армия впитала в себя наиболее революционную часть рабочих. В ее рядах слились для совместной борьбы рабочие всех промышленных районов. Три полка питерцев, два московских, полк брянских рабочих, владимирских, курских, казанских, минских и многих других — все это состояло из наиболее обкуренных, стойких, с опытом борьбы на баррикадах рабочих и затем, в тысячеверстных походах дополняя себя рабочими заводов Урала, Уфы и Челябинска, соединилось с тысячными массами крестьянства районов, наиболее истерзанных игом колчаковии.

В рядах 5-й армии приняли участие крестьянская беднота и батрачество Белоруссии в Невельском, Оршанском, Крестьянском (Гомельском) полках, в ее рядах дрались за Советы кустанайцы, акмолинцы, енисейцы и забайкальцы — эти упорные борцы за Советы даже в периоды свирепейших карательных экспедиций Колчака.

Кроме того, остовом 5-й армии была РКП(б). Ее членов в рядах армии в качестве бойцов был большой процент. Мне помнится, что в 27-й дивизии коммунистов было в среднем три с половиной тысячи. Разве могла быть не стойкой дивизия с таким числом членов партии?! Этим объясняются все качества армии, ее внутренняя спайка, революционная сознательность и стойкость в тяжелые минуты испытаний.

Сб. «Борьба за Урал и Сибирь». М. и Л., ГИЗ, 1926, стр. 7—18.

В ПЕРВЫЕ ДНИ

Девять лет. Какой короткий и одновременно какой долгий, долгий путь пройден нашим сегодняшним юбиляром — Красной Армией! Красочными мазками легендарных подвигов Красная гвардия начинает первые страницы летописи гражданской войны. Революция в опасности. На Советы, победившие в сердце страны, надвигаются со всех сторон офицерские, юнкерские и казачьи полчища — и гвардия рабочих кварталов, победительница на баррикадах Питера и Москвы, непривычная драться в открытом поле, мужественно выходит на просторы Юга тягаться с врагами революции.

В борьбе с Калединым, в стычках с немецкими оккупантами, гайдамацкими шайками и польскими легионерами Красная гвардия, уже впитавшая в себя и многочисленные массы беднейшего крестьянства, реорганизованная в рабоче-крестьянскую Красную Армию, делает первые шаги, первые мучительно тяжелые попытки драться в поле, оторвавшись от эшелона. Эти попытки, как попытки шагать впервые ставшего на ноги ребенка, не всегда удачны. Недостатки боевой выучки, плохая организация управления, отсутствие технических средств борьбы, неслаженность взаимных действий различных родов войск, неумение наладить службу тыла часто, слишком часто дают себя знать. Фронт слабо пружинит. Всякая трещина, всякая щель с невероятной быстротой разрастается в «прорыв». Стремительные в наступательном порыве отряды, к сожалению, еще стремительнее при откатах. Безумные атаки сменяются периодами кошмарных паник. Добытое неделями теряется в дни, ибо храбрость бойцов, командиров и комиссаров не всегда может возместить недостаток организации, вооружения и умения сочетать действия для того, что называется маневром.

А борьба разрасталась. Ширилась на юге и западе. Охватила восток. Чехословаки захватили Урал и Поволжье. Белогвардейцы скапливались в захваченной чехами Казани, скапливались, как быстро нарастающая гроза, чтобы последним ударом разразиться над зажатой в пределы Московии времен нашествия Батыя советской землей.

Напор белогвардейщины так быстро нарастал и свирепел, что казалось — вот-вот Москва окажется под угрозой осады. Казалось, что, если упругость красного фронта в ближайшие дни не усилится, очаги революции окажутся раздавленными белогвардейской стопой.

В эти, пожалуй, тягчайшие для нас дни (август 1918 г.) у маленького, сверкающего ослепительно белыми стенами

строений, сидящего, как на подносе — на холме, городка в смертельной схватке с врагом Красная Армия впервые обнаруживает стойкость, о которую разбивается блестящий по замыслу маневр белогвардейщины.

Это было в памятные для немногих оставшихся в живых дни героической защиты Свияжска.

В двадцатых числах августа 1918 г. сильный белый отряд, сформированный в Казани при активнейшем участии Савинкова и Фортунатова, под командой полковника Каппеля высадился на пристани Ташетка за флангом нашей правобережной группы войск, дравшейся на фронте от Нижнего до Верхнего Услона. Благодаря неналаженности у нас службы разведывания Каппелю удалось быстрым движением на д. Уланова и дальше на восток проскользнуть с отрядом в тыл нашей 5-й армии. Из района д. Уланова отряд Каппеля, расчленившись на два, предпринял удар вправо прямо на Свияжск и на восток на станцию Тюрлема.

Белогвардейцы рассчитывали ударом на Свияжск разгромить штаб армии, ударом на Тюрлему уничтожить наши тыловые запасы и перехватить путь отступления правобережной группы советских войск. Удар на Свияжск был обнаружен нами лишь тогда, когда на окраине городка уже защелкали пули.

Ворвавшиеся в город белогвардейцы были выбиты красноармейцами и работниками тыловых частей и учреждений правобережной группы и штаба армии. В рядах сражающихся на окраине Свияжска бок о бок с винтовкой в руках были все — от членов РВС армии до последнего переписчика хозяйственной команды. Бой кипел у юго-восточной окраины.

В это время другая часть отряда Каппеля ворвалась на ничем нами не прикрытую ст. Тюрлема, сожгла станционные сооружения и оттуда вдоль железной дороги пошла на Свияжск с запада.

Наш бронепоезд, пытавшийся преградить дорогу этой группе белых и не обеспеченный прикрытием пехоты, был быстро расстрелян белыми и замер, сорвавшись с рельсов на одном из поворотов пути.

Путь на Свияжск с запада был свободен. Еще не отгудело хриплое и озверелое «ура» на юго-восточной окраине Свияжска, как белые полезли на город и с запада.

Красные дрались так, как только могут драться люди, у которых путей к отступлению нет. Дрались, зная, что, пожалуй, решается участь большего, чем Свияжск. Дрались, не вызывая от Услонов, с фронта, ни одной части. Рассвирепевшие враги не раз сходились в штыки. В этой, как никогда еще тяжелой, обстановке, под глухое кряхтение вспарываемых

острием штыков разгоряченных врагов Красная Армия впервые обнаружила способность не только атаковать наскоком, но и упорствовать в обороне. Об это упорство сломилось это последнее наступление белых под Казанью. Остатки отряда Каппеля отхлынули. Только черный неподвижный остов обуглившихся площадок бронепоезда на путях к ст. Свияжск да многочисленные царапины на светленьких фасадах домов Свияжска говорили, что и здесь, по тылу 5-й красной армии, прокатился фронт.

В эти дни у Свияжска Красная Армия выдержала испытание на боевую зрелость. Отсюда начался ее великий путь борьбы и боевой славы.

«Военный вестник», 1927, № 7, стр. 37—38.

1. МИНСК

И везло же нам на врагов! Не успеешь одному произвести расчет, как новых пара вырастает...

Еще не затихли отзвуки залпа, проводившего в вечность новоявленного монарха восточной России — Колчака, как Польша напала на нас под лозунгом освобождения Украины, видите ли, «искони связанной с польской короной» через ясновельможных князей Вишневецких, дравших шкуру со всего Запорожья.

Весть об этом черной птицей примчалась на берега Енисея, к Байкалу...

Длинная вереница эшелонов, растянувшись на пять тысяч верст от Красноярска до Орши, мчалась на запад. «Даешь Варшаву!»

Первые капли дымящейся крови легли на иссушенную панским огнем почву Смолевич.

В предгорьях сребристокудрого Саяна далекой Сибири, закалившись и огрубев, волжцы, руководимые уральским кузнецом Вострецовым, в свои медвежьи объятия шутя взяли бригаду 2-й польской дивизии.

От этих объятий польская бригада чуть было не отдала дух пану богу.

Да и где же было уральскому кузнецу приобрести деликатные манеры для панского обхождения?!

На подступах к Минску бой был недолгий.

Первые встречи белопольских легионов со стрелками из Сибири для многих легионов были роковыми.

11 июля красные в Минске.

Холодная, беспристрастная проволока гудит в Сибирь словами телеграммы: «Шестого выгрузились, седьмого форсировали Березину, одиннадцатого взяли Минск».

В польской печати вопят, что из глубин дикой Монголии прибыли несметные большевистские орды и под их натиском доблестные войска белого орла вынуждены отходить на линию старых германских окопов.

Отходили... не мешкались, ибо каждая замешкавшаяся часть становилась добычей неотвязных омцев *.

---

* 27-й Омской стрелковой дивизии.

2. СЕРВЕЧЬ

Плавясь в июльском зное, тысячи пеших и конных, запружая все дороги, месят принеманские пески, стараясь скорей укрыться от красных за увитую проволокой тонкую Сервечь.

Многоголосым говором наполняя окрестность, польские легионы оседают в окопах старых германских позиций. Оседают, лелея надежду, что здесь предел продвижению красных.

На восточном берегу, меркнущем в сизой дымке тумана, ни звука, ни шороха...

Темно-зеленым пологом ночь окутала уставшую землю...

В предутренней дреме гулко захлопали выстрелы, быстро слившиеся с клекотом пулеметов и рокочущим, как будто катящимся «ур... ра... а... ааа...».

Опережая расчеты командования и ожидания поляков, омцы штурмуют укрепленную линию...

Сосредоточенный сгусток людей рванулся и разлился, выковыривая штыками упрямствующих в окопах поляков.

Позиции, которыми не могла овладеть царская армия в три года, армия революции перешагнула в одну ночь.

Громыхая обозами, все потянулось опять к Западу...

3. МОЛЧАДЬ

Разведчики Крестьянского полка врываются на ст. Молчадь. Барановичский узел еще в руках белополяков. Пыхтя и надрываясь, паровозы растаскивают эшелоны...

Со станции Барановичи сообщают на Молчадь: «Номером таким-то следует эшелон 5 уланского полка». Молчадь под диктовку старшего разведчика отвечает: «Путь готов. Давайте».

Сопя и покрякивая, подошел эшелон...

В кустах, вдоль полотна дороги, зорким прицелом отмеряя вагоны, присели пулеметы...

На паровозе очутились два крестьянца-разведчика.

На платформе резко, как выстрел, кольнула ухо уланов команда: «Сда... вай... ся!..»

В эшелоне, помимо всего хозяйства уланов, была сотня коней, пулеметы и группа офицеров... Она-то и ответила выстрелами...

— Сда... вай... ся! — вторично крикнул разведчик...

Выстрелы участились, и заговорил из вагона польский пулемет.

Хрустя обшивкой вагонов, невидимыми железными зубами прошелся по эшелону пулемет красных... Раз... другой... и притих эшелон.

Живые остатки эшелона, кроме двух удравших офицеров, сдались.

Крестьянцы обзавелись для своей конной разведки сотней рыжих коней с белой лысинкой, да и, кстати, среди прочего хозяйства — складом офицерского собрания.

4. СЛОНИМ

Подошли омцы к реке Шаре. Вот там, рукой подать, за рекой — Слоним...

В тишине летней ночи город тарахтит обозами, а брать не велено.

Слоним — в разграничительных линиях соседей... Было из штаба армии особое указание: не залезать...

Стоят курцы, брянцы, тверцы* и слушают, как поляки увозят, что могут...

Ждут час, два... десять — соседей нет... Не выдержали. К командиру дивизии: «Разрешите, мол...» — «Приказом фиксировать не могу, но и порыв войск заглушать не буду».

Через пять часов конный ординарец бригады скакал в штаб дивизии... Донесения не было, но в белом полотняном узелке вез завернутого гуся с надписью на свертке: «Признательный Слоним...» «... час ... июля 1920».

Впоследствии оказалось, что в бою у Слонима омцами взят 21 пулемет, много обозного и другого имущества...

«Красная звезда», № 44, 23 февраля 1924 г.

---

* Курский, Брянский и Тверской полки 27-й дивизии.

КРОНШТАДТ 16—18 марта 1921 г.

Кронштадтская история с ее сказочной ликвидацией была крупным триумфом Красной Армии и одновременно являлась трагическим эпизодом на фронте внутренней политической жизни Советской России. Кронштадтские события весны 1921 г. — это только один из наиболее болезненных эпизодов внешнего выражения того политического кризиса, который назрел к тому времени и который был превзойден правильным курсом, взятым съездом партии.

Я отнюдь не задаюсь целью детально проанализировать причины, вызвавшие к 1921 г. общеполитический кризис и частное его проявление в кронштадтских формах. Постараюсь изложить лишь в последовательном порядке то, что видел и знал, обращая главным образом внимание на военную сторону вопросов, и если обнаружение некоторых недочетов в деятельности наших войск и управлении послужит материалом для пытливой военной мысли Красной Армии, суммирующей в настоящее время прошлый опыт, то сочту свою задачу исполненной.

Напомним в общих чертах положение, создавшееся к началу 1921 г.

Наши враги в связи с создавшимся в России внутренним положением находят, что время для возобновления активной борьбы подошло, и, лишь изменяя приемы борьбы, пытаются взорвать Советскую власть изнутри. Строя расчеты главным образом на некотором недовольстве крестьянства и колебании части рабочих, они переходят к организации банд, разрушению путей сообщения, государственных и стратегических сооружений, вплоть до повстанческой партизанской борьбы. Под руководством социал-революционеров вспыхивает сильное повстанческое движение кулачества в Сибири, усиливается восстание в Тамбовской губернии, появляются крупные банды в Воронежской и Саратовской губерниях, не говоря уже о вечно мятущемся, неугомонном юге. В довершение всего 28-го февраля 1921 г. судовые команды дредноутов «Петропавловск» и «Севастополь» выносят ультимативную резолюцию, направленную против Советской власти и диктатуры пролетариата, которая 1 марта принимается подавляющим большинством кронштадтского гарнизона.

Основными требованиями указанной резолюции, помещенной в № 1 «Известий Временного ревкома Кронштадта» от 3 марта 1921 г., были:

1) перевыборы Советов путем тайной подачи голосов и при условии свободной предвыборной агитации;

2) свобода слова и печати для всех рабочих и крестьянских организаций, анархистов и левых социалистов;

3) свобода собраний всех профессиональных и крестьянских объединений;

4) упразднение политотделов;

5) созыв беспартийной конференции Петроградской губернии;

6) упразднение коммунистических боевых отрядов;

7) освобождение политических заключенных, принадлежащих к социалистическим партиям;

8) снять заградительные отряды;

9) предоставить крестьянам право свободного использования земли по их усмотрению;

10) полная свобода кустарного производства.

Ясно, к чему должно было повести удовлетворение этих умело облаченных в революционную форму требований. В кронштадтском восстании против Советов применяется новая тактика: опыт трехлетней борьбы с Советской Россией доказал контрреволюционным силам, что всякая попытка бороться с Советами, пользуясь лозунгами не только крайне правых групп, но и Учредительного собрания, обречена на неудачу. Советский строй получил свое фактическое признание, и с диктатурой пролетариата, осуществляемой через Советы, можно бороться, уже только выкинув лозунг «настоящей» Советской власти, *без коммунистов*,— лозунг «вольных Советов»...

Кронштадт — первоклассная морская крепость, усиленная могучей артиллерией стоящих в порту судов, защита подступов к Петрограду — оказался в руках врагов Советской России. Для ликвидации мятежа и возвращения столь важной для нас морской крепости вооруженных сил в Петроградском военном округе оказалось недостаточно. Высшая Советская власть путем переговоров с мятежным гарнизоном пыталась уладить вопрос бескровно, но, когда выяснилась полная невозможность образумить взбунтовавшихся, находившихся во власти контрреволюционных организаций, и отметились их попытки распространить свое влияние и на берег, было приступлено к сосредоточению войск для овладения крепостью. Для участия в этой операции была предназначена в числе других частей и 27-я Омская стрелковая дивизия, которой к этому времени командовал пишущий эти строки.

К началу кронштадтских событий 27-я Омская дивизия находилась в Гомельской губернии, где наряду с несением различных караульных нарядов некоторыми своими частями вела борьбу с бандитизмом. Части дивизии, в главной своей массе расквартированные по деревням, населенным не вполне

благожелательно настроенным к Советской власти крестьянством, находились в весьма тяжелых материальных и санитарных условиях, не говоря уже о совсем неблагоприятных условиях для ведения боевой подготовки в частях и политического просвещения. Так, при хроническом отсутствии жиров и приварка военнослужащие получали три четверти фунта хлеба в суточную дачу. Обуви недоставало на 75 процентов общего состава частей, что в связи с весенней погодой и распутицей особенно давало себя чувствовать; обмундирования же недоставало на 50 процентов состава.

И хотя в дивизии, с ее богатейшим боевым прошлым, в свое время удалось укрепить боевые традиции и воспитать революционно-боевой дух, тем не менее благодаря исключительному неблагополучию материального положения настроение войск в то время было подавленным. Дивизия, как старый аристократ, растративший все свои материальные средства, жила исключительно воспоминаниями о прошлом благополучии и славе. Из-за хронического недоедания красноармейцы физически были настолько истощены, что часы строевых занятий в частях вначале были сокращены до трех в сутки, а затем занятия с красноармейцами почти совсем замерли. Велась главным образом подготовка командного состава. Так, для старшего командного состава и военных комиссаров были организованы занятия в штабе 79-й бригады, находившемся в центре расположения дивизии, в гор. Новозыбкове. Присутствуя на этих занятиях в Новозыбкове в первых числах марта, я был несколько изумлен, когда мне передали, что меня вызывает к прямому телеграфному проводу для переговоров командующий армиями Западного фронта тов. Тухачевский. Дословно привести разговор возможности не имею, да это и не столь существенно, так как весь разговор ограничился предупреждением тов. Тухачевского, что в связи с некоторым неспокойствием на фронте и брожением в районе Петрограда дивизия может быть назначена для весьма ответственной задачи. На его вопрос, каковы мои соображения насчет настроения и состояния дивизии, которую, судя по прошлому, он считал одной из наиболее стойких и боеспособных, я изложил тяжелое положение, в котором она находилась, и заявил, что вследствие этого настроение ее, маневренная способность, как и общее состояние, значительно уступают состоянию дивизии в то время, когда она из Сибири прибыла на Западный фронт; при этом я указал конкретно на особенно острые нужды. Тем не менее я высказал свое мнение, что в какой угодно обстановке влияние старого кадра скажется и дивизия может быть привлечена к делу независимо от степени сложности и ответственности задач. На этом

разговор кончился. Воспользовавшись случаем сбора всего командного состава и комиссаров (до начальника отдельной части включительно), я сделал, соответственно предупреждению командующего армиями Западного фронта, предварительные указания и сам с начальником штаба поспешил в штаб дивизии (в Гомель) для более интенсивного проведения подготовительных работ.

Была произведена некоторая перегруппировка частей для подвода их ближе к пунктам возможной погрузки; со значительной затратой энергии и слов пришлось буквально выцарапать у снабжающих органов (управление снабжения 16-й армии) обозно-вещевое имущество; приходилось заботиться и об изыскании продовольственных запасов для обеспечения питания частей в пути, так как выяснилось, что управление продснабжения армии не удовлетворит полностью нашей потребности. Хорошо еще, что некоторые (за исключением Стародубского) уездные исполкомы в продовольственном вопросе отзывчиво шли навстречу и действительно оказали существенное облегчение частям.

Дивизия как бы проснулась — работа всюду кипела; но кипела работа и у врагов. По-видимому, зарубежному савинковскому бюро было известно, что 27-я дивизия намечается для действий против мятежников, и потому стал замечаться обильный наплыв в район расположения дивизии эсеровской агитационной литературы (листовок), издаваемой, по-видимому, где-то поблизости от границы. Эти листовки разные личности пытались распространять в деревнях, где квартировали войска, и в казармах в Гомеле. Однако литература успеха среди красноармейцев не имела. Так, патрули от 242-го Волжского и 235-го Невельского полков ежедневно лично мне доставляли целые нераспечатанные кипы этих листовок, подбиравшиеся ими по ночам во время патрулирования в районе казарм и, главным образом, железнодорожного поселка. В некоторых случаях этой литературы за ночь набиралось до нескольких пудов. Лозунги листовок были почти тождественны с кронштадтскими, если не считать, что часть листовок была явно погромного (против евреев) характера. Мной было сделано распоряжение листовки эти от красноармейцев не прятать, а политработникам в беседах оглашать их и тут же разъяснять, к чему все это направлено и в чьих интересах. При применении нами этого способа — там, где политработники были достаточно сильные и толковые, — настроение красноармейцев отнюдь не ухудшалось. Настроение же командного кадра и частей, состоявших целиком из старослужащих красноармейцев, не оставляло желать лучшего.

5 марта был получен приказ об отправке (с назначением ст. Лигово) лишь 79-й стрелковой бригады в распоряжение командующего 7-й армией, причем никаких указаний о характере предстоящей бригаде задачи не было. Мои неоднократные попытки получить разъяснения, для того чтобы знать, к чему готовить войска, были безрезультатны. Политическое управление Западного фронта молчало, и, провожая 79-ю бригаду, в напутственной записке командиру ее, тов. Хаханьяну, в 22 часа 7 марта мне пришлось писать: «Кроме лаконического указания, что дивизия в районе выгрузки поступает в распоряжение командарма тов. Тухачевского, никаких дополнительных разъяснений Штазапа, несмотря на мои запросы, не получал. Суть развертывающихся событий уясняю только из газет, столь запоздалых, что делиться с вами этим нет смысла». В этой же записке комбригу тов. Хаханьяну, как моему заместителю в районе развертывания дивизии, поручил доложить командарму-7, что дивизия выступает с наличием в обозе всего 50 парных повозок и 200 двуколок, причем «даже этот отпуск был сопряжен с неимоверно многословными переговорами (с начальником снабжения 16-й армии), что замедлило получение их со складов, и выдать частям при их следовании, очевидно, не успеем». Вместо необходимых 150 кухонь было получено 14, обуви вместо 15 тыс. пар получили 5800 и остальное в той же пропорции.

Мне неоднократно доводилось из состава разных армий и округов отбывать с частью на другой фронт, и приходится поражаться удивительной аналогии в отношении снабжающих органов к провожаемой части. Начальники снабжения армии, по-видимому, не всегда уясняют себе, в какой степени успешность выполнения дивизией государственной важности задачи зависит от них.

По окончании погрузки 79-й бригады (с приданным легким артиллерийским дивизионом) последовало распоряжение об отправке всей дивизии в следующей последовательности частей: 80-я стрелковая бригада, затем сводный тяжелый артиллерийский дивизион, полевой штаб дивизии (оперативное управление с отделом и частями связи и легкими аппаратами от всех отделов управления), кавалерийский полк, 81-я бригада и все остальные части и тыловые учреждения дивизии. Ввиду огромного некомплекта конского состава в частях артиллерии сделать подвижными и взять для операций удалось лишь по две батареи от легких артиллерийских дивизионов и из тяжелого и гаубичного дивизионов удалось только выделить сводный дивизион в составе одной тяжелой и одной гаубичной батареи; остальные же батареи легких, тяжелого и гаубичного дивизионов, сосредоточенные для удоб-

ства довольствования к станциям железных дорог, пришлось оставить в районе стоянки.

Отправлялись части, казалось, в благоприятном настроении; но из-за невероятно тяжелых условий переброски (чрезмерная плотность размещения в вагонах, антисанитарное состояние их, плохое обеспечение продовольствием и горячей пищей за недостатком походных кухонь), влияния контрреволюционной агитации, которой подвергались части на станциях в пути, ставшей исключительно интенсивной на самом побережье Финского залива, и, наконец, злостных слухов, распространяемых населением района расквартирования полков после выгрузки, это настроение значительно пало. Слухи самые невероятные обрушивались на встревоженный, восприимчивый мозг красноармейца.

Среди красноармейцев распространяли слухи, будто матросы восстали лишь потому, что они не могли стерпеть безобразий и беззаконий, даже с революционной точки зрения, чинимых местными кронштадтскими властями. Говорили, что Кронштадта теперь не взять никакими силами, так как лед вокруг острова и фортов уже разломан, что первая попытка овладеть крепостью, произведенная курсантскими частями, окончилась полным поражением этих частей, с большими жертвами. Последняя версия, раздутая до невероятных размеров, все же имела некоторое основание, так как первая слабая попытка овладеть Кронштадтом 8 марта действительно закончилась неуспехом.

Части 79-й стрелковой бригады, прибывшие на побережье раньше других, подверглись более продолжительному влиянию разлагающего действия всяких слухов и агитации, и уже 13 марта, при выступлении бригады из Лигово в Ораниенбаум, в 236-м Оршанском полку отметились признаки брожения в умах некоторой части красноармейцев.

Политическое управление Петроградского военного округа, исполнявшее функции политического отдела 7-й армии, обратило внимание на разъяснение происходящих событий красноармейцам прибывших уже частей, но работа велась недостаточно систематично, носила налетный характер и исчерпывающих результатов не давала. Слабый состав политруков в частях, ослабленный качественно благодаря состоявшемуся ранее изъятию лучшей части для работы в хозяйственных органах, не мог справиться со вставшей перед ним сложной задачей.

Было несравненно улучшено питание и материальное положение частей; так, наряду с выдачей приварка в полных нормах части были переведены на двухфунтовый паек хлеба. Эта мера, при положительных результатах, служила для зло-

стных провокаторов одним из аргументов агитации: пытались возмутить красноармейца, подчеркивая, что при надобности есть и по два фунта хлеба, а когда опасности не было, то три четверти фунта выдавали. Агитация агентуры мятежников росла, слухи ширились и ползли один другого невероятнее. То в прошлое неудачное наступление 10 тыс. курсантов погибло, то на средней части залива уже появилась поверх льда вода на аршин, то гарнизон Красной Горки (состоявший из прибрежных морских батарей) угрожает стрельбой по всем, кто попытается наступать на Кронштадт.

Старый состав бойцов ко всему этому относился поразительно стойко, но наиболее шкурнические элементы более поздних пополнений не выдержали этого напора провокации и дрогнули. 14 марта часть красноармейцев 235-го Невельского полка и 237-го Минского открыто отказалась выполнить приказ выступить для занятия участка по берегу. При шкурнических выкриках провокаторов: «Слыхано ли дело, чтобы пехота на флот ходила», «На лед не пойдем» и т. п. возбужденная толпа устремилась из Ораниенбаума в сторону Петергофа к 236-му Оршанскому полку, причем уже отметилось активное подстрекание красноармейцев отдельными лицами к возмущению. Принятыми командованием Южной группы мерами эта группа была разоружена. Командный состав и комиссары бригады и полков в этот день проявили, по моему мнению, непростительное слабоволие.

Таково было положение к вечеру 14 марта, когда на побережье прибыли и выгрузились части 80-й бригады и тяжелый артиллерийский дивизион.

Утром 15-го на станцию Новый Петергоф прибыл и штаб дивизии. Узнав о случившемся в 79-й бригаде со слов бывшего члена Революционного военного совета 16-й армии, я был поражен такой переменой настроения полков к худшему и счел долгом первым делом поговорить с разоруженными. По предложению тов. Ворошилова, исполнявшего обязанности военного комиссара Южной группы, разоруженные были выстроены в Ораниенбауме, причем первым с ними заговорил тов. Ворошилов, указавший на исключительную тяжесть их вины, и тут же заявил, что, при всем великодушии пролетарской власти, все же с них будет взыскано по законам военного времени, а с активных зачинщиков и явных подстрекателей — сугубо. Следующим говорил я. Жалкий и без того пришибленный вид разоруженных солдат усиливался еще тем, что при оборванности обмундирования красноармейцы были сильно истощены физически продолжительным хроническим недоеданием в прошлом. Я был взволнован и внутренне жалел их. Я знал, что, будь им своевре-

менно разъяснено дело, эксцесса не было бы. Несокрушимость силы Красной Армии ведь заключалась в том, что красноармеец всегда знал, с кем и за что он борется. Он привык знать, а в данном случае этого не было. Сославшись на боевое прошлое дивизии и указав, что подобного позорного эпизода еще не было в истории ни одной из ее составных частей, что на виду у неприятеля красноармейцы дивизии еще никогда не заводили подобных рассуждений как выражения недоверия своему командному и комиссарскому составу, заявил, что объят справедливым негодованием против опозоривших честь знамен, но, принимая во внимание, что масса состоит главным образом из крестьян и совершила проступок, побуждаемая минутным малодушием, как начальник, жалею их и сделаю все, чтобы желающим искупить свою вину предоставили к тому возможность, и, твердо заявив, что Кронштадт будет взят независимо от участия той или иной части, что 27-я дивизия пойдет на штурм, спросил, кто хочет идти в первых рядах ее. Все подняли руки, как один человек. После меня выступили тов. Дыбенко (начдив Сводной) и один перебежчик из Кронштадта.

Посоветовавшись с тов. Ворошиловым, распорядился вернуть всем оружие и при развертывании полков для штурма назначить их в головные колонны, заранее решив идти самому именно с этими полками. В следующие дни, т. е. 15 и 16 марта, совместно с военным комиссаром дивизии тов. Дрейцером объехал с целью выяснения настроения и беседовал со всеми прибывшими полками, причем признаки ненадежности отметились в одном из батальонов 239-го Курского полка. Но с прибытием в части значительного числа коммунистов (делегатов Всероссийского партийного съезда), приехавших на фронт по постановлению съезда, после их работы и наших бесед настроение частей упрочилось. Аналогичные эпизоды брожения еще ранее отмечались и в частях Сводной дивизии (отказ от наступления 8 марта), но были своевременно изжиты.

Намечавшийся командармом-7 первоначальный план использования дивизий Южной группы в связи с эпизодом в 79-й бригаде и запозданием прибытия эшелонов 31-й бригады был в корне изменен, 27-я дивизия с правого боевого участка группы переводилась на левый. Сводная же дивизия — с левого на правый.

Учитывая особенности местности — на побережье отсутствовали тыловые дороги в глубину на участках дивизий, а проходимая полоса дорог, идущих параллельно фронту, ограничивалась полосой прибрежных населенных пунктов,— вышеуказанную перегруппировку пришлось совершить, пользуясь

исключительно улицами селений, что повлекло за собой сильнейшее запружение улиц, с неизбежным скрещиванием и перемешиванием движущихся колонн и обозов. Конкретно задачи по занятию исходного положения, поставленные командующему Южной группой, сводились к следующему: Сводной дивизии к 2 час. 15 марта было приказано сосредоточиться в районе слобода Егерская — Мартышкино — Ораниенбаум — Троицкая, заняв сторожевым охранением участок Мартышкино — Кронштадтская колония (штаб дивизии в Троицкой); 79-й бригаде к 24 час. 15 марта сменить сторожевые части Сводной дивизии на участке Кронштадтская колония — Ижора (включительно), а к 21 часу 16-го сосредоточить остальные части бригады в районе Кукушкино — Болотино — М. Болотино — Колоколово (штаб бригады — Пеники), причем легкая артиллерия, приданная 79-й бригаде и Сводной дивизии, оставалась на прежних участках. 80-я бригада должна была составить резерв группы и сосредоточиться к 22 час. 15 марта в районе Тендузи — Ратулин — Б. Илики — Гандулово (штаб бригады в Тугозы). К началу 16 марта части выполнили этот приказ.

Прибывшему утром 15 марта штабу 27-й дивизии из-за чрезвычайной перегруженности войсками, тыловыми учреждениями и складами прибрежных поселков и крупных населенных пунктов штаб Южной группы не мог избрать и назначить подходящего пункта, и за двое суток, 15 и 16 марта, были назначены для стоянки последовательно следующие пункты: Тугузы, Б. Илики, Латики-Венки и, наконец, Ораниенбаум, но, по-видимому, по причинам предполагавшегося разобщения действий 79-й и 80-й бригад, объединить руководство их действиями мне не поручалось, а равно оставался не использованным в должной мере и штаб дивизии.

К началу операций (17 марта) лед на Финском заливе был еще настолько крепок, что мог выдержать движение пехоты, обозов и легкой артиллерии, и, таким образом, возможность подхода вплотную к фортам и ядру крепости со стороны осаждающего была вполне обеспечена. С другой стороны, окружающая крепость местность до побережья, по льду, была совершенно ровная, хорошо обозреваемая как днем, так и ночью, что при полном отсутствии местных предметов и мертвых пространств, за которые можно было бы зацепиться наступающему, сильно увеличивало обороноспособность крепости.

Оба побережья на ближайшем расстоянии от ядра крепости, удаленные: северное — на 8—12 верст и южное — на 6—8 верст, являются господствующими по отношению к крепости и острову и представляют пересеченную холмистую мест-

ность, покрытую лесами; вдоль побережий имеются железные дороги и достаточная сеть шоссейных и грунтовых дорог. В общем береговая местность для осаждающего являлась удобной в отношении сосредоточения частей, давала прекрасные оборонительные позиции для пехоты и артиллерии и служила хорошим исходным рубежом нападающим частям для штурма фортов и ядра крепости с юга и северо-востока.

Мятежники располагали в крепости следующими силами: 560-й стрелковый полк — около 1200 бойцов при 24 пулеметах, отряд с линейных кораблей — около 100 человек, проходящая команда — около тысячи человек, команды с охлажденных линейных кораблей — около 200 человек, морские курсы — 500 человек и другие мелкие части. Для активных действий насчитывалось около 5 тыс. отборных бойцов при общей численности гарнизона крепости Кронштадт около 12 тыс. человек (из них матросов около 10 тыс.). Общее число орудий всех калибров достигало 250, но, принимая во внимание: 1) что часть из них находилась на кораблях, которые были в охлажденном состоянии и потому бездействовали, 2) что не все пушки на дредноутах «Петропавловск» и «Севастополь» могли действовать из-за неподвижности судов и 3) что часть орудий была непригодна к стрельбе, — число действующих орудий, таким образом, можно было считать не более 50 процентов из общего числа, причем приходилось действовать на два фронта. Число действующих пулеметов достигало 50 процентов. Запасы снарядов, за исключением 12—10-дюймового калибра, были велики; запас винтовочных патронов был ограничен.

С довольствием дело обстояло хуже: выдавали по полтора фунта хлеба (суррогат) в день и банку консервов на три дня. Но благодаря тому что связь с Финляндией не была прервана, надежда на улучшение продовольственного вопроса не покидала мятежников. Общее моральное состояние, сильно понизившееся к началу боевых операций, все же было бодрым.

Несмотря на то что значение Кронштадта как морской крепости ввиду окружавшего его льда сильно умалялось, все же наличие в крепости солидных построек и закрытий обеспечивало гарнизону не только жизнь и боевую упругость, но гарантировало правильность функционирования управления, наблюдения и позволяло обороне быть спокойной за материальные средства ведения борьбы. Знание же впереди лежащей местности и подготовленность ее (пристрелянность в отношении артиллерийского огня с фортов крепости) при наличии большого количества средств поражения еще более усиливали неприступность крепости. Налаженная постоянная

агентурная разведка и наблюдение, полная осведомленность о действиях и намерениях осаждающего благодаря шпионажу избавляли гарнизон от напрасных тревог и беспокойства и тем сохраняли его боевую упругость.

Приближение весны, а следовательно, и ледохода вселяло надежды на полную неприступность крепости. Выигрыш необходимого на это времени являлся главной задачей обороняющегося. В общем обороняющийся находился в условиях довольно выгодных для активной обороны.

Как уже упоминалось, для действия против Кронштадта со стороны южного побережья Финского залива была создана Южная группа войск со штабом в Ораниенбауме.

Состав Южной группы: Сводная дивизия (32, 167 и 187-я бригады) и 27-я Омская стрелковая дивизия, которые сосредоточивались в новом районе под прикрытием полка особого назначения, несшего с приданными ему бронепоездами охрану всего южного побережья от Петрограда до устья.

Боевой состав действовавших под Кронштадтом частей дивизии к этому времени был таков. 79-я бригада: 3021 боец пехоты, 67 пулеметов, 12 трехдюймовых орудий; 80-я бригада — без трех пулеметных команд, переданных в Сводную дивизию: 2676 бойцов пехоты, 51 пулемет и 8 трехдюймовых орудий; сводный тяжелый дивизион: 2 42-линейных и 2 48-линейных орудия; 27-й кавалерийский полк: 300 сабель. Всего около 5700 бойцов пехоты, 300 сабель, 118 пулеметов и 24 орудия (81-я бригада и инженерный батальон дивизии участия не принимали, так как прибыли с запозданием; остальная часть тяжелой артиллерии осталась в районе Гомеля из-за неподвижности). Численность же Сводной дивизии была около 6 тыс. штыков. В общем в Южной группе, не считая береговой охраны и вспомогательных войск, действующие против мятежников пехотные силы достигали 10 тыс. штыков.

Снабжение сосредоточенных и подготовляемых войск было заботливое, в частности продовольственное — чрезмерно щедрое, если не сказать расточительное. Организация продовольственного снабжения была бессистемна и нерациональна, отдельные части имели возможность свою суточную потребность на один и тот же день получить по нескольку раз в разных складах.

Правда, в районе подготовки операции жизнь, казалось, бьет ключом, но для опытного глаза нетрудно было приметить, что значительная часть суеты и движения рождалась в результате недостатка расчета и распорядительности со стороны полевого управления Южной группы.

Так как мятежники могли строить все расчеты исключительно на выигрыше времени, командование 7-й армии торопилось с началом штурма. В ночь с 15 на 16 марта для выяснения степени готовности войск к наступлению и установления полного взаимодействия между артиллерией и пехотой командующим Южной группой тов. Седякиным было назначено военное совещание в составе старших пехотных артиллерийских и инженерных начальников (до комбригов включительно) и особенно авторитетных военных работников, как товарищи Бубнов, Ворошилов, Затонский и другие. Командующий группой, вкратце объяснив собравшимся цель совещания, предложил войсковым начальникам высказать соображения по двум следующим вопросам: 1) следует ли перед наступлением пехоты производить артиллерийскую подготовку и 2) когда начать атаку; причем высказывать было предложено почему-то, начиная со старших, а не с младших начальников. Первым высказал соображения начдив Сводной тов. Дыбенко, который категорически заявил свою уверенность в пехоте и отвергал надобность предварительной артиллерийской подготовки. Затем высказался я, заявив, что силы, средства и дееспособность нашей артиллерии мне неизвестны, почему и суждения по существу вопроса иметь не могу, и просил до ответа заслушать сообщение начальника артиллерии группы. Командующий группой согласился, и был заслушан доклад начальника артиллерии, который, к сожалению, оказался сам не совсем в курсе дела и явно обнаружил свое несоответствие столь ответственному назначению. При его неуверенном в правильности сообщаемых сведений докладе значительная часть войсковых начальников определенно негодовала. К концу доклада начальника артиллерии у всех создалось убеждение в недостаточности нашей артиллерии, несоответствии большей части калибров предстоящей задаче и вялой дееспособности ее, начиная с самого начальника.

В действительности же к началу операции на южном берегу Финского залива была сосредоточена довольно крупная по численности артиллерия: 31, 32, 79, 80, 167, 187-й легкие артиллерийские дивизионы, 187-й гаубичный, 27-й и 56-й сводные тяжелые дивизионы, тяжелый дивизион Детскосельских курсов, 1-й отдельный тяжелый дивизион Западного фронта, дивизионы ТАОН * литеры «Е», «С» и «М». Кроме того, на нашей стороне оставался форт Красная Горка, который был вооружен орудиями до 12-дюймовых включительно. На том же берегу были сосредоточены бронепоезда № 16, 20, 27, 83

* Тяжелая артиллерия особого назначения (резерв главного командования).— *Ред.*

и 203 и бронелетучки № 157 и 204; всего приблизительно насчитывалось: не менее 50 легких трехдюймовых орудий, 20 48-линейных гаубиц, 12 42-линейных пушек, 16 шестидюймовых гаубиц, 6 120-миллиметровых, 6 155-миллиметровых, 6 42-линейных пушек и 4 шестидюймовые гаубицы — всего около 120 орудий. Вся перечисленная артиллерия Южной группы была сосредоточена на небольшом сравнительно участке Мартышкино — Малая Ижора (приблизительно 9—10 верст по фронту и 3 версты в глубину). Такая крайняя скученность артиллерии обусловливалась, во-первых, удобством артиллерийских позиций на местности, богатой лесами, отдельными рощами, ложбинами, холмами и т. д.; во-вторых, наличием хороших путей сообщения (железная дорога, шоссейные и грунтовые дороги), что облегчало подвоз огнеприпасов, и, в-третьих, тем, что данный район являлся ближайшим к крепости, что давало возможность тяжелой дальнобойной артиллерии поражать все цели на острове Котлин и на фортах к югу от него, а легкой артиллерии — те же форты и угольную площадку. Вся артиллерия Южной группы была объединена под общим руководством начальника артиллерии группы с выделением всех тяжелых батарей в отдельную группу; 79-й и 80-й легкие артиллерийские дивизионы оставались в подчинении комбрига-79, а 31-й и 32-й легкие артиллерийские дивизионы — в подчинении начдива Сводной. Подготовка к операции велась тщательным образом: оборудовались артиллерийские позиции и наблюдательные посты, заготавливались огромные по тому времени запасы снарядов, произведена была пристрелка всей тяжелой артиллерии. Схема связи была такова: начальник тяжелой артиллерии Южной группы имел связь с командующим Южной группой; начальник двух групп легкой артиллерии имел связь с комбригом-79 и начдивом Сводной.

Кажущаяся мощность нашей артиллерийской группы умалялась почти полной непригодностью для предстоящего дела всей легкой артиллерии, неуверенностью управления огнем из-за ненадежности средств связи. Артиллерию мятежников (крепости) приходилось считать превосходной.

Было ясно, что наша артиллерия разрушение крепости и фортов произвести не сможет, как равно не сможет устранить и иные препятствия на пути пехоты. Производить артиллерийский обстрел крепости ради морального эффекта на гарнизон крепости также не было смысла, так как в случае ответа крепости после артиллерийской дуэли могло оказаться, что благодаря силе и меткости стрельбы крепости может последовать как раз моральное потрясение наших войск. Получив слово для соображений, я и высказался в этом духе, за-

явив, что, по моему мнению, обнаруживать предстоящее наше наступление заблаговременной артиллерийской атакой крепости не следует.

В этом же духе высказались командиры 32, 79, 80, 167 и 187-й бригад и артиллерийские начальники. Последнему слово было предоставлено инженеру тов. Смородинову, который, не разбив соображений большинства, категорически высказался за артиллерийскую подготовку, подкрепляя свои соображения пространными ссылками на германскую систему ускоренной атаки крепостей и иллюстрируя это эпизодами овладения бельгийскими крепостями Льеж и Намюр. Как мне тогда казалось, каждый из начальников, не отвергая принципиальной важности действия артиллерии при атаках крепости, в этом частном случае придерживался особого мнения, и тов. Смородинов, упустивший из виду разницу средств и способности немецкой осадной артиллерии с силами нашей, полагаю, не разубедил никого; но, как впоследствии оказалось, «артиллерийская бомбардировка» все же была назначена. В выступлении тов. Смородинова была и еще одна деталь, которой нельзя не коснуться. Самая продолжительная по времени речь инженера тов. Смородинова, как нам тогда всем казалось, была произнесена по заданию командования группы и заранее обдумана.

При обсуждении вопроса о надобности или ненадобности артиллерийской подготовки было возбуждено еще несколько мелких вопросов, из коих в памяти наиболее сохранился вопрос о связи между начальниками пехотных и артиллерийских боевых участков. Так, на совещании было решено, что помимо живой связи (ординарцами) и технической (телефонной) в качестве средства связи будет использована и сигнализация цветными ракетами.

Было точно установлено условное обозначение цветов ракет. Но к тому времени ни в частях, ни в снабжении Южной группы ракет не было, а предполагалось, что их изготовит один из питерских заводов. Как и следовало ожидать, к началу штурма ракеты нужных цветов не были изготовлены, и заблаговременное установление условных обозначений внесло лишь путаницу.

По вопросу о начале штурма мнения сильно разошлись. Кто считал нужным момент непосредственно атаки фортов и острова произвести еще затемно, кто — приурочить к рассвету, в конце концов пришли к заключению начать движение колонн так, чтобы атаку приурочить к 6 час. утра. Но опять-таки разошлись в мнениях по вопросу, из скольких верст движения в час строить расчет времени выступления колонн. Были мнения дать темп движения в час от полутора до шести

верст, причем за шесть верст высказывался я один, мотивируя это: а) необходимостью вообще придать быстрый темп движению, хотя бы мерами понуждения; б) тем, что ровная поверхность льда, покрытая незначительным слоем снега, давала возможность быстрого продвижения пехоты, а простор в полной мере обеспечивал устранение каких бы то ни было затруднений, свойственных движению пехоты по дорогам, и в) возможностью облегчить общепринятое снаряжение солдата тем, что не было необходимости красноармейцам носить на себе ни личных вещей, ни запасов продовольствия. Решено было для расчета принять движение — пять верст в час, но впоследствии в бою подтвердилось, по крайней мере в движении 79-й и 80-й бригад 27-й дивизии, что колонны, поторапливаемые комсоставом и в не меньшей мере артиллерийским огнем, превзошли мои ожидания в смысле быстроты.

С рассветом 16 марта я с военным комиссаром отправился в полки 80-й бригады для разъяснения событий и подготовки к выполнению предстоящей задачи. В этот день я окончательно убедился в прочности настроения полков 79-й и 80-й бригад. Из-за перегруженности станций Ораниенбаум, Старый Петергоф, Новый Петергоф и Лигово прибывающие эшелоны стрелковой и пулеметной дивизионных школ и кавалерийского полка были задержаны для разгрузки в Красном Селе, откуда походным порядком должны были прибыть на побережье. Прибытие их к началу наступления становилось маловероятным. Головные эшелоны 81-й бригады только начали достигать ст. Гатчина, как последовало распоряжение о задержании их выгрузки ввиду предстоящего назначения бригады для операций против банд, действующих в низовьях Волги.

В 12 час. 15 мин. командующий Южной группой отдал приказ к наступлению. Общий план 7-й армии сводился к тому, чтобы Южная группа (состав: Сводная дивизия, 32, 167, 187-я бригады, особый курсантский полк, 27-я Омская дивизия в составе 79-й и 80-й стрелковых бригад и артиллерия, перечисленная выше) ударом с восточной и южной сторон 17 марта овладела крепостью. Одновременно Северная группа (состоявшая исключительно из курсантских частей) должна была повести удар с Лисьего Носа на северо-восточную окраину острова Котлина для овладения фортами северного фарватера залива.

Во исполнение задачи Южной группы командующим последней в упомянутом выше приказе были поставлены следующие задачи:

1) Начальнику артиллерии в 14 час. 16 марта приступить к бомбардировке Кронштадта и продолжать ее до наступ-

ления темноты, израсходовав по целям половину имеющихся на батареях снарядов. В 2 часа 17 марта быть готовым, по световому сигналу или по телефону, огнем содействовать наступлению пехоты. Подтверждались условленные на совещании сигналы: красная ракета — открыть огонь, зеленая — прекратить. К вечеру по упомянутым уже мною причинам сигнал о прекращении огня был заменен трехцветной ракетой.

2) Начдиву Сводной выступить в 2 часа 17 марта из Мартышкино и, двигаясь в общем направлении на Петроградские ворота, к 6 час. атаковать гор. Кронштадт с юго-востока. Дальнейшее движение совершать двумя колоннами, вдоль северной и южной частей города, с целью занятия всей его восточной части. Комбригу 79-й стрелковой, спустившись на лед Кронштадтской колонии в 4 часа 17 мин., овладеть фортами южного фарватера залива, после чего захватить западную часть города.

3) Комбригу-80 к 2 час. 17 марта сосредоточить бригаду в районе Мартышкино, оставаясь в резерве группы.

Кроме того, в личной беседе командующий группой мне сказал, что, если 79-я бригада успешно справится с фортами и будет иметь успех на острове (т. е. в городе), для развития этого успеха немедленно будет кинута 80-я бригада, и тогда мне придется объединить руководство их действиями. Таким образом, пока бригады должны были действовать как отдельные, мне руководить было нечем, и мы с военным комиссаром решили идти с бригадами в качестве бойцов, дабы принести пользу хоть психологическим влиянием своего присутствия в боевой линии.

Внутренне с намеченным командующим группой планом я был несогласен, ибо считал, что главный удар наносить следовало не в лоб (на Петроградские ворота), а с юго-запада, на западную часть города, где концентрировалось все управление крепостью. Я считал, что если крепость, построенная главным образом для возможной борьбы с флотом, обращена была фронтом на запад, то не следует думать, что мятежники не успели приспособить ее для обороны против пехоты с востока, тем более что еще в период измены гарнизона Красной Горки, во время юденичевского похода на Питер, кое-какие работы в этом направлении были проделаны. Если же учесть, что все расчеты мятежников были построены на базировании на Финляндию, то действия на крепость обходом с юга и с северо-запада получали характер действий по коммуникационным линиям и в тыл, тем более что в западной части города были расположены штаб крепости, телефонная станция артиллерии, городская центральная телефонная станция, ревком,

центральная электрическая станция, склады и квартира генерала Козловского.

Считая, что удар левой колонны Южной группы должен был отразиться наиболее чувствительно, назначение в эту колонну трех полков, а в правую десять (плюс три в ближайшем резерве) считал нецелесообразным, но воинская дисциплина обязывала... и, кроме того, критический подход к распоряжениям, особенно в эти дни, был совершенно недопустим.

16 марта, с опозданием на 15 минут, наши батареи открыли редкий, методический огонь по крепости из тяжелых и легких орудий. Наблюдая в разное время и с разных пунктов стрельбу нашей артиллерии, я поражался исключительно плохой меткостью стрельбы. Несмотря на длительность общей подготовки операции, дававшей возможность заблаговременной и точной пристрелки, несмотря на хорошую видимость целей и значительное количество выпущенных снарядов, попадания были очень ограниченны. Мятежники в этот день проявили выдержку: почти до самого вечера крепость не ответила на нашу стрельбу ни одним выстрелом; но затем, открыв огонь из тяжелых орудий, в течение одного часа зажгли у нас несколько прибрежных селений, спасательную станцию на берегу и фуражный склад Южной группы. Петергоф и Ораниенбаум подверглись, правда, непродолжительному, но интенсивному обстрелу.

К ночи все затихло, только усиленная деятельность прожекторов крепости наводила на мысль, что наши намерения разгаданы. Но время близилось. С лихорадочной поспешностью заканчивалась подготовка частей, т. е. выдавались прибывшие с запозданием белые халаты, саночки для пулеметов и патронов, лестницы, шесты и т. п.

Принимая во внимание, что главный удар будет наноситься с юго-восточной стороны Сводной дивизии и что успех, повидимому, будет обеспечен в довольно короткое время, комбриг-79 тов. Хаханьян решил направить части бригады так, чтобы главные ее силы как можно быстрее достигли города, считая, что со взятием города, ядра крепости, форты сами падут. Для этого 236-му Оршанскому полку была дана задача — атаковать южные батареи № 1 и 2 и форт «Милютин». 237-му Минскому и 235-му Невельскому полкам, невзирая на действия 236-го полка, стремительно наступать на форт «Павел», откуда нанести удар по юго-западной (средней) части города (конец Александровской улицы) и захватить всю западную часть острова, до Соборной улицы включительно; легкой артиллерийской группе — поддерживать наступление 236-го полка, развив перед атакой ураганный огонь по батареям № 1 и 2 и форту «Милютин»; кроме того, одну бата-

рею подготовить для спуска на лед и следования за пехотными частями.

Управление частями должно было достигаться личным наблюдением за полем боя и посредством технической связи, для чего устанавливалась двухпроводная связь: Кронштадтская колония — спасательная станция. Из Кронштадтской колонии 236-й полк должен был тянуть провод за собой по мере продвижения к 237-му и 235-му полкам из спасательной станции, которая должна служить им исходным пунктом на лед. На спасательной станции находилась бригадная контрольная станция, откуда имелась связь с начальником легкой артиллерии, приданной бригаде, со штабом 27-й дивизии и со штабом Южной группы.

Пожар на спасательной станции не был еще ликвидирован; она догорала, освещая значительный участок побережья, тем не менее место спуска на лед 237-го и 235-го полков не представлялось возможным изменить, так как другого подходящего места на данном участке не имелось.

К 4 час. 17 марта я прибыл к назначенному месту спуска на лед, но полков еще не было: 237-й Минский и 235-й Невельский полки опоздали на пятнадцать минут, в течение которых, поджидая части, мне удалось детально осмотреть расположение станции, подыскать два места возможного спуска на лед, почему в целях наверстать время по прибытии комбрига-79 я ему и предложил спуск полков на лед произвести одновременно, что и было сделано.

В 4 часа 17 марта 236-й Оршанский полк спустился в районе Кронштадтская колония на лед. В 4 часа 15 мин. 237-й и 235-й полки одновременно начали спуск на лед в районе спасательной станции. С последними двумя полками следовали комбриг-79, военком и я с замвоенкома тов. Петровым. Ночь была не особенно темная, но на расстоянии 500 шагов движущиеся части не были видны. Настроение частей, идущих на штурм крепости, было напряженно бодрое. Шли легко, без шума.

Когда, уже будучи на льду, я встретил головную колонну 237-го Минского полка, я сказал несколько напутственных слов. По тому, как колонна, как бы подтолкнутая какой-то невидимой силой, быстро приобрела бо́льшую стройность и ускорила движение, я почувствовал, что мое присутствие все же не бессмысленно. Затем комбриг и мы с военкомом, следя за спуском, способствовали быстрому упорядочению и эшелонированию полковых колонн по льду, вытягивая и направляя их в направлении удара.

Для того чтобы удержать наиболее прочное управление красноармейцами в руках командного состава ночью, поль-

зуясь прикрытием темноты, было решено войска подводить к месту боя на возможно близкое расстояние в сомкнутых колоннах. И это было не напрасно, ибо даже с перестроениями сомкнутых, компактных порядков младший командный состав плохо справлялся. При всем этом необходимо признать, что спуск на лед и движение шло быстрым темпом и с достаточной стройностью.

Довольно продолжительное время мы двигались в тишине, незамеченные, и только монотонный шорох движущейся по льду массы обнаруживал движение. Красноармейцы поняли важность задачи; не раздавался никакой посторонний звук, а нужно признаться, что Красная Армия не особенно умела соблюдать осторожность. Когда колонны 237-го Минского и 235-го Невельского полков уже миновали линию южного форта № 1, обходя его восточнее, жуткую тишину нарушили два первых ружейных выстрела: то головные колонны 236-го Оршанского полка подошли вплотную к форту и были обнаружены наблюдателями. Это было ровно в 5 час. В следующую минуту все наши батареи и крепость открыли артиллерийский огонь. Одновременная стрельба более чем 300 орудий производила глубокое впечатление даже на бывалых, испытанных бойцов из среды командного состава, не говоря уже о красноармейцах. Стрельбы на участке Сводной дивизии еще не было слышно, а между тем еще задолго до этого (десять — пятнадцать минут) командующий группой передал по телефону, что части Сводной спустились на лед в 3 часа и будто подходят к самому городу. Но никакого боя на правом участке не было ни видно, ни слышно. Сообщение тов. Седякина мы истолковали как прием подбодрить и поторопить нас. Огонь крепости сосредоточивался на участке 79-й бригады, и 236-го полка в частности.

Лучи прожекторов, до того спокойно лизавшие ледяную поверхность, нервно забегали, а один из наиболее сильных взял под защиту своего света южные форты № 1 и 2 и замер.

Перед нами разыгралась картина красивого боя по своим внешним формам. Два ярких полукольца почти не потухающих выстрелов, грохот и треск рвущихся снарядов, визг их, сверлящих воздух, и вой отскакивающих от гладкой поверхности льда, вырастающие и рассыпающиеся столбы воды и льда от подводных взрывов, содрогание льда под ногами на общем фоне ночи — все это произвело неизгладимое впечатление. Все, вместе взятое, больше воодушевляло, чем удручало.

Когда к артиллерийской канонаде присоединилось рокотание пулеметов на фортах № 1 и 2, раздались и первые выстре-

лы на правом участке (Сводной дивизии). Дело же на нашем участке развертывалось в следующем порядке.

236-й полк двигался в направлении на форты, имея целью атаковать первым батальоном совместно с командой пеших разведчиков (последняя должна была демонстрировать с западной стороны форта) форт — батарею № 1; 2-й батальон должен был атаковать батарею № 2; 3-й батальон оставался в резерве и двигался на расстоянии около 600 шагов. Шагах в тысяче от фортов батальоны рассыпались в цепь и повели наступление. Как только батальоны приблизились на расстояние 800 шагов, пешая разведка произвела налет на форт № 1 с западной стороны. Противник сосредоточил ураганный огонь из пулеметов и орудий всех калибров по западной окраине форта. Батальоны не замедлили атаковать форт и взобрались на стены. Гарнизоны фортов забрались в казематы и оттуда вели усиленный ружейный и пулеметный огонь, причиняя батальонам большие потери. На поддержку им были даны: 1-му батальону 7-я рота, а 2-му — 9-я рота. 7-я рота, забросав гранатами противника, совместно с частями 1-го батальона взяла в плен 105 человек. 2-й батальон с 9-й ротой вел бои в течение трех часов, причем батальону пришлось временно сойти с форта, так как наша артиллерия продолжала обстреливать форт № 2, несмотря на то что была выпущена ракета о прекращении огня (между прочим, ракета оказалась белой вместо трехцветной, а ручные гранаты в большинстве не рвались).

Спустя около получаса после того как по телефону до нашей артиллерии дошло приказание прекратить огонь, 2-й батальон вновь атаковал форт и овладел им, захватив в плен 112 человек. Несмотря на то что полк в целом понес большие потери и был сильно расстроен, командир полка выделил сводный батальон (около 170 штыков) и приказал атаковать форт «Милютин». Однако для выполнения этой задачи силы были слишком недостаточны, тем более что было светло и противник буквально засыпал артиллерийским и пулеметным огнем окружающее форт пространство.

237-й полк двигался в голове, а за ним непосредственно — 235-й полк. Движение полков до форта «Павел» было совершенно незаметно для противника, и только в 200 шагах от форта разведка 237-го полка была обстреляна ружейно-пулеметным огнем. Главные силы полка в это время находились шагах в 600 от форта. Полк быстро принял боевой порядок, имея 2-й и 3-й батальоны первой линии (в цепи) и 1-й батальон — уступом слева. Стремительной атакой полк выбил противника и занял форт «Павел», причем часть гарнизона бежала на форт «Кроншлот». С занятием форта «Павел» 237-й полк и правее его два батальона 235-го полка разверну-

лись в боевой порядок и повели наступление на юго-западную часть крепости; по направлению к южному концу Александровской улицы; 3-й батальон 235-го полка был выставлен заслоном в сторону Каботажной гавани для обеспечения правого фланга. Невзирая на сильный пулеметный огонь с острова и со стен Каботажной гавани, полки прорвали ряд проволочных заграждений и, преодолев городской вал, ворвались в город. Завязались сильные уличные бои. 237-й полк, выполняя свою задачу, устремился по Александровской улице к Северному бульвару. 235-й полк вел бой в юго-западной части восточной окраины города (Цитадельская и Сайдашная улицы). Полки несли большие потери. Хотя бой на участке Сводной дивизии усиливался, тем не менее главное внимание противника было сосредоточено на нас. Возникло опасение, что части из-за убыли людей иссякнут и не смогут не только развивать успех, но и удержать занятое. По телефону обратился в штаб группы с просьбой передать командующему, что, по моему мнению, для развития успеха необходимо предоставление 80-й бригады, но получил ответ, что 80-я бригада брошена на участок Сводной дивизии, как равно и сообщение, что части Сводной дивизии со стороны Петроградских ворот также ворвались в город, но положение их неустойчивое, почему командующий требует действовать поэнергичнее. Ничего не оставалось делать, как смириться с этим. Но когда убитыми и ранеными выбыло до 90 процентов старшего командного состава (комбатов и комрот), руководство отдельными единицами в уличных боях было утеряно.

Связь подвижной телефонной станции 79-й бригады, находящейся при комбриге, с участками полков и штабов группы прекратилась, так как оба провода были разбиты снарядами. Восстановить их не было возможности, ибо телефонистов не стало из-за ранений. Был ранен командир 235-го Невельского полка тов. Терентьев. Мятежники на автомобилях подвезли свежий отряд матросов, который стал наседать со стороны Итальянского пруда. Выставленный заслон 235-го полка — 3-й батальон — был целиком уничтожен пулеметным и артиллерийским огнем. Противник начал обходить нас с юга. Полки, расстроенные большими потерями, дрогнули и начали около 8 час. отход, преследуемые бешеным артиллерийским огнем. Стала вырисовываться опасность тяжелого поражения бригады. Из-за бездействия телефонной связи управление затруднялось. Наряду с тяжелым положением правого фланга создалась угроза и левому, так как многократные атаки малочисленного отряда, оставшегося от 236-го Оршанского полка, на форт «Милютин» успеха не имели. Наблюдая эти атаки, восхищался геройством красноармейцев, но чувствовал, что

этот висевший на фланге форт представляет существенную угрозу 237-му полку. Придя к заключению, что отходящие, израненные (даже судя по количеству окровавленных халатов) полки двинуть назад не удастся, я предложил комбригу-79 отправиться к левому флангу, дабы просто способствовать более спокойному отходу 237-го Минского полка, указав, что занятые форты надлежит удержать во что бы то ни стало; сам, оставшись на правом участке бригады (участок 235-го Невельского полка), собрал остатки бригадной школы, двинул их в направлении Каботажной гавани для противодействия обходу противника и обеспечения правого фланга отходящих. Школа вела себя великолепно; облегчила участь невельцев, но в конце концов почти целиком была уничтожена. Никакие меры, предпринятые комбригом-79 и мной, не могли остановить окровавленных, разбросанных на большом пространстве красноармейцев (младшего комсостава не было). Отходили спокойно на спасательную станцию; оршанцы же, временно прекратив атаки форта «Милютин», удерживали за собой форты № 1 и 3. Невельцы и минцы были собраны в районе спасательной станции и Кронштадтской колонии и сведены в два батальона численностью в 300 человек каждый. Около 13 час. полки были сосредоточены в районе слободы Троицкая и поступили в резерв командующего группой.

После отхода полков к спасательной станции я возвратился на берег, явился к командующему группой; здесь я узнал, что Сводная дивизия с приданной ей 80-й бригадой ведет тяжелые бои у Петроградских ворот в городе, что положение наших войск непрочное, и получил категорическое приказание сейчас же отправиться уснуть до 22 час., в каковое время получу предписание отправиться для временной замены тов. Дыбенко, переутомленного боем. Пытался выполнить это приказание, но неудачно. Уснуть не удалось; да и можно ли было спать, когда моя бригада дралась в Кронштадте?!

Действия 80-й бригады протекали так: бригада была в резерве командующего группой и никакой определенной задачи к началу наступления не получила. В 5 час. 20 мин. комбриг-80 получил приказание следовать за Сводной дивизией. Тотчас же на лед из Мартышкино был двинут 238-й Брянский полк и непосредственно за ним — 239-й Курский и 240-й Тверской полки. Около 6 час. комбриг-80 получил сообщение, что части 79-й бригады ворвались в город. Это сообщение ускорило движение 238-го полка. В это время 32-я бригада Сводной дивизии, имевшая за собой 167-ю бригаду, успешно наступала на восточную часть города и, попав под сильный огонь форта № 4 (северная группа фортов), начала отходить, увлекая за собой 167-ю бригаду; удерживался лишь батальон

курсантов, ворвавшийся на Угольную площадку. Комбриг-80 получил приказание спешно оказать поддержку 32-й бригаде. 238-й полк, сам попавший в это время под сильный артиллерийский огонь, привел себя в порядок и продолжал стремительное движение вперед. Встретив в расстоянии около одной — полутора верст от Петроградских ворот беспорядочно отходившие части 32-й и 167-й бригад, полк пропустил их сквозь свои цепи и продолжал движение. Около 7 час. 15 мин. полк ворвался через Петроградские ворота в город и тотчас же начал очищать от засевших матросов северо-восточный угол и южное побережье города. В это время получено было приказание от помощника командующего Южной группой тов. Саблина сосредоточить всю бригаду у Петроградских ворот, что и было исполнено. Для выяснения обстановки и очищения ближайшего района от засевшего противника по приказанию тов. Саблина были выделены роты с пулеметами от 238-го и 239-го полков. Завязавшиеся упорные уличные бои постепенно втянули большую часть полков. Выбивая почти из каждого дома засевшего противника, 238-й полк сравнительно быстро продвинулся вдоль Петроградской и боковой улиц до линии Песочной улицы. Лишь один батальон 239-го полка встретил особенно упорное сопротивление со стороны противника, засевшего в морской следственной тюрьме, которую батальон занял лишь в 14 час.

Нужно заметить, что, несмотря на то что 80-я бригада была выведена вторично в резерв группы, два полка ее почти целиком были втянуты по частям в уличные бои; не получая определенной задачи для действия целой бригады, комбриг получал отдельные приказания — выделить роту или батальон для поддержки и выполнения отдельных задач (очистить дом, площадь и т. п.). Выдернутые из полков части не возвращались по выполнении задачи обратно, а в разные моменты передавались в подчинение других частей, в зависимости от участка. Успешное продвижение 238-го и частей 239-го полков не было своевременно использовано. Дело в том, что части Сводной дивизии, которые должны были продвинуться вдоль северной и южной окраины города, действовали разрозненно и вяло. Вообще с первого момента вступления в город должного управления частями не было. Каждый командир полка, батальона и роты действовал самостоятельно, но без общего плана, руководства и связи. В результате создалась сутолока, перемешивание частей, беспорядок, а в некоторых случаях и паника. Противник, видя нашу нерешительность и бессистемность наступления, обнаглел и небольшими, но организованными группами перешел в контрнаступление и потеснил части Сводной дивизии. Группа противника засела в здании машин-

ной школы, что в конце Петроградской улицы, взяла под губительный огонь всю названную улицу и тем нарушила связь между отдельными частями 80-й бригады, действовавшими по боковым к ней улицам, и оттеснила их на линию Чеботаревой улицы. Одновременно в тылу, в районе газового завода и военной гавани, вновь усилилось действие ружейно-пулеметного огня противника. Видя, что время уходит и весь добытый с большими потерями и напряжением успех может свестись на нет, комбриг-80 решил независимо от общего положения удерживаться в городе собственными средствами. Желая использовать время до наступления темноты, обратился к начдиву Сводной тов. Дыбенко, принявшему руководство действующими в городе частями от тов. Саблина, с просьбой вывести бригаду из номинального резерва и перейти в решительное наступление всеми полками. Около 15 час. комбриг получил разрешение перейти двумя полками (3-й полк должен был оставаться в резерве группы) в наступление, причем определенной полосы или района для действий не было указано. Комбриг-80, собрав части, поставил задачу: 239-му полку очистить полосу между Петроградской улицей (исключительно) и Северным бульваром и закрепиться на линии канала (Бочарная улица); 238-му полку — полосу между Петроградской и Наличной улицами (включительно) с выходом на одну линию с 239-м полком. Около 19 час. оба полка, сбивая наседавшего противника, перешли в решительное наступление, имея своими соседями небольшие группы из полков Сводной дивизии (остальная часть полков просто рассеялась по восточной окраине города). Несмотря на упорство противника, полки 80-й бригады к 20 час. очистили Песочную улицу, усиленно обстреливаемую продольным пулеметным огнем, выбили противника из здания машинной школы и к 22 час. достигли Бочарной улицы и указанного рубежа. Около этого времени приказом начдива Сводной два полка 80-й бригады были оттянуты в резерв, в район водокачки; 238-й полк занял Песочную улицу, имея сторожевое охранение на линии Бочарной улицы. Положение, таким образом, было восстановлено, но задача в целом — очищение всего города от противника — была выполнена наполовину. Должной связи между частями все же не было, благодаря чему около 22 час. произошло столкновение с первым сводным батальоном курсантов, наступавшим на Кронштадт из занятых им северных фортов, закончившееся, к счастью, одной перестрелкой, без жертв с обеих сторон.

В 12 час. 17 марта 27-й кавалерийский полк сосредоточился в Ораниенбауме и в 12 час. 30 мин. получил приказание от командующего Южной группой отправиться в Крон-

штадт и поступить в распоряжение начдива Сводной. В 13 час. кавалерийский полк выступил из Мартышкино, откуда спустился на лед. Следуя в колонне по одному на дистанции 100 шагов между всадниками и пройдя пять верст в северо-восточном направлении, полк повернул на Петроградскую пристань. Противник все время обстреливал его огнем тяжелой и легкой артиллерии, но без ущерба для полка. В 16 час. весь полк сосредоточился у Петроградской пристани. В это время теснимые контратакой противника части Сводной дивизии устремились на восточную окраину города и стали в беспорядке отходить. Получив от начдива Сводной приказание задержать бегущих, командир кавалерийского полка с помощью полутора эскадрона собрал в короткое время разбежавшихся по льду и спрятавшихся под мостами пристаней до 350 человек с 15 пулеметами, которые немедленно были введены в бой, воодушевленные красноармейцами кавалерийского полка.

В то время когда части 80-й бригады начали вторично теснить противника, начдив Сводной тов. Дыбенко, не будучи уверен в успехе нашего наступления, донес командующему группой, что держаться невозможно и что он допускает возможность оставления города. Это обстоятельство, по-видимому, побудило командующего группой двинуть два полка 79-й бригады (переведенные в это время в Мартышкино) в Кронштадт и назначить меня помощником начальника кронштадтской группы тов. Дыбенко с временным исполнением обязанностей начальника (предписание от 22 час. 17 марта № 541), причем начдив тов. Дыбенко и военком тов. Ворошилов отсылались в Ораниенбаум для отдыха.

В 23 часа 55 мин. я вместе с 235-м и 237-м полками и комбригом-79 выступил из Мартышкино. Около 2 час. 30 мин. 18 марта сосредоточились на восточной окраине города. В полевом штабе Сводной дивизии от тов. Дыбенко получил следующую ориентировку: за день 17 марта части Сводной дивизии (четыре бригады) очистили только восточную часть города до Бочарной улицы. Боевой участок должны были занимать три бригады: 32-я бригада — Бочарную улицу от Северного бульвара до Богоявленской (фактически этот участок занимался частями 80-й бригады); 187-я бригада — участок по той же улице между Петроградской и Петровской улицами; кто занимал средний участок и существовал ли он, тов. Дыбенко не было известно; 80-я бригада, фактически находившаяся в боевой линии, числилась в резерве. Получив эту ориентировку и сведения о состоянии частей Сводной дивизии, установив связь со всеми комбригами, для окончательного выполнения поставленной задачи по овладению всем

Кронштадтом и предупреждения возможных контратак со стороны противника отдал приказ с постановкой задач: 1) комбригу-79 — двумя полками немедленно сменить части 32-й бригады и в 7 час. 18 марта решительно атаковать противника, занимающего Флотские казармы, и, двигаясь в полосе, ограниченной с севера стеной и с юга улицами Екатерининская — Березовая — Высокая, очистить весь район и войти в связь с частями Северной группы, двигавшейся, по сообщению кавалерийского полка, на Кронштадт с северо-востока; 2) командиру 551-го полка с приданным ему одним батальоном курсантов Северной группы немедленно сменить части 80-й бригады и занять участок по Бочарной улице от Богоявленской (исключительно) до Петроградской улицы (включительно) и в 7 час. решительно атаковать противника и очистить район в полосе, ограниченной с севера улицами Екатерининской — Березовой — Высокой и с юга — Петроградской — Сайдашной; 3) комбригу-80 немедленно сменить части 187-й бригады на левом участке по Бочарной улице и в 7 час. решительно атаковать противника и очистить от него весь район, ограниченный с севера линией улиц Петроградская — Сайдашная и с юга южной окраиной острова Котлин, обратив особенное внимание на противника, засевшего на линейных кораблях «Севастополь» и «Петропавловск». 32-я и 187-я бригады после смены должны были сосредоточиться в районе Морского госпиталя и водокачки для приведения себя в порядок. К этому времени стрельба совершенно прекратилась и части вновь прибывшей 79-й бригады удалось обезоружить — не помню, какую школу, но до этого наиболее упорно защищавшуюся, и я вслед за подписанием приказа отправил донесение командующему, которое начиналось так: «Участь крепости фактически решена в нашу пользу,— осталась задача очистить остров».

Части немедленно приступили к выполнению приказа. В это время обнаружилось, что главари мятежников сбежали в Финляндию, и среди оставшихся начался разлад. С рассветом начали прибывать делегации от разных групп матросов, в том числе и от команды «Петропавловска», с заявлением, что они кладут оружие. К утру весь город и форты были в наших руках.

Временно мятежный, Кронштадт вновь стал революционным и советским, и лишь кровавые следы вчерашнего дня напоминали о предательской работе врагов Советской России.

Сб. «Пять лет Красной Армии». М., Высший военный редакционный совет, 1923, стр. 196—227.

Иван Панфилович
БЕЛОВ
(1893—1938)

Происходит из крестьян Череповецкого уезда, Петербургской губернии. Работая пильщиком, продолжал свое образование и выдержал экзамен на звание учителя. Участник первой мировой войны (унтер-офицер).

С 1917 г.— командир отряда Красной гвардии, затем начальник гарнизона и комендант г. Ташкента, главком Туркестанского фронта. Организатор обороны Ташкента во время эсеровско-белогвардейского мятежа, который ликвидировал благодаря своей исключительной находчивости и правильной оценке состояния противника. Будучи впоследствии командующим Бухарской группой войск, блестяще провел в 1920 г. операции против бухарского эмира.

После гражданской войны занимал должности помощника командующего войсками Московского военного округа, командующего войсками Северо-Кавказского военного округа, с 1931 г.— командующего войсками Ленинградского военного округа.

Член ВКП(б) с 1919 г.

Т У Р К Е С Т А Н

Крайне важно хоть в общих чертах осветить вооруженную борьбу Туркестана за Советскую власть. Туркестан находился в исключительных условиях: ему пришлось вести борьбу на театре, отрезанном от Советской России, ему приходилось не только создавать красные части и военные учреждения, но даже организовывать кустарное производство боеприпасов. Тем не менее пролетариат Туркестана победил!

1. БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ

12 сентября 1917 г. началась активная борьба за власть Советов в Туркестане. На громадном объединенном митинге рабочих и гарнизона гор. Ташкента был избран Революционный комитет с тов. И. О. Тоболиным во главе. Этот комитет краевой властью был арестован. Громадная толпа рабочих и солдат потребовала освобождения и избила командующего войсками генерала Черкеса и некоторых членов комитета Временного правительства в Туркестане.

13 сентября 1917 г. Керенский объявил Ташкентский гарнизон и рабочих бунтовщиками. Временное правительство дало генеральному комиссару Туркестанского края чрезвычайнейшие полномочия на право всеми способами вести борьбу с нарождающейся Советской властью.

В период с 12 сентября до 27 октября борьба ограничивалась забастовками и стачками.

Но 28 октября белогвардейские банды напали на 1-й Сибирский стрелковый полк. Полк бросил клич рабочим Среднеазиатских и Бородинских мастерских, и все они, как один человек, явились за получением оружия. Начался уличный бой. Рабочие влились в полк, в бою ими руководили старые, опытные солдаты-ветераны мировой войны, под общим руководством Революционного комитета. С 28 по 31 октября рабочие и солдаты 1-го Сибирского стрелкового полка бились в упорных, кровавых уличных боях с отборными белогвардейскими частями и победили их.

Переворот в Ташкенте был совершен и молчаливо признан всем краем. Скоро во всех городах стали организовываться Советы. А вслед за тем был созван краевой съезд. 15 ноября съезд избрал краевой орган власти — Совет Народных Комиссаров Туркестанского края.

2. ДУТОВ И КАЗАКИ

Вновь организованное правительство Туркестана ясно сознавало, что самое существование новой власти может быть укреплено и обеспечено только борьбой: перед ним во весь рост вставала сложная задача создания обороны края.

Спешно формируется военный комиссариат. Комиссариат берет на себя учет оружия, людских и конских ресурсов и приведение в порядок частей старой армии, расквартированных в Туркестанском крае (семь пехотных запасных полков, семь полевых батарей и гарнизон крепости Кушки). Создается штаб Красной гвардии, который спешно приступает к организации отрядов Красной гвардии. Ядро этих отрядов — главным образом железнодорожные рабочие. Все отлично понимают, что надо создавать военную силу как можно скорее, тем более что в Оренбурге в это время объявился атаман Дутов. 1 января стало известно, что Дутов перерезал железную дорогу и отрезал Туркестан от центра РСФСР.

Необходимо тотчас же начинать вооруженную борьбу и пробить образованную Дутовым пробку. Наспех из рабочих и солдат старой армии сколачивают несколько отрядов, которые под командой военного комиссара бросаются к Оренбургу.

После ряда боев в ночь на 21 января туркестанские отряды и центральные войска одновременно врываются в Оренбург. Связь с центром восстановлена, разбитый Дутов бежит на север, к Верхне-Уральску. Но почти в то же время обнаруживается новая угроза. Со стороны Каспийского моря двинуты атаманом Калединым в полном вооружении 11 эшелонов казаков. Им поставлена задача нанести неожиданный удар Туркестану.

Пришлось набирать силы для действия на другом направлении.

А казаки двигались с юга, не встречая на своем пути сопротивления. Они не задерживаясь прошли Ашхабад, Чарджуй и Коканд, разложившиеся гарнизоны которых даже не послали донесений о движении, и уже подходили к Самарканду. Когда правительство Туркестана узнало об опасности, навстречу калединским казакам спешно выехала делегация с задачей их задержать. В эту минуту правительство Туркестана не имело в своем распоряжении ни одного вооруженного солдата, и при делегации не было никакого отряда. Но все же с помощью рабочих и воинских частей гарнизона гор. Самарканда делегации удалось задержать движение казаков, хотя и не удалось отстоять Самарканда.

Это дало возможность накопить и сгруппировать силы.

Казаков дальше Тамерлановских ворот не пустили. 14 февраля у ст. Ростовцево, Среднеазиатской железной дороги, рабочие, солдаты 1-го Сибирского стрелкового полка и часть солдат 7-го Сибирского полка дают наступающим казакам жестокий отпор, доказывая свою стойкость и преданность революции.

События разворачиваются с лихорадочной быстротой. Туркестан вступил в полосу тяжелой, напряженной борьбы. Враг наступал со всех сторон! Враг находился в самом Туркестане!

3. ФЕРГАНСКАЯ АВАНТЮРА

Еще раньше в Фергане организовалось так называемое автономное правительство Туркестана, поставившее себе целью свержение Советской власти. Оно формирует войска и ведет пропаганду среди мусульман, а в конце января захватывает ряд городов Ферганской области, разгоняет и избивает сотрудников советских организаций, вынужденных группироваться на станциях железной дороги, прерывает железнодорожное сообщение, разбирая полотно, разрушая мосты.

С большими усилиями собрали и сформировали отряды и все, что смогли, бросили на ликвидацию этой авантюры. Красные отряды разбили части автономного правительства Туркестана, и положение, казалось, было восстановлено. Но не было сил для того, чтобы повести организационную работу по укреплению Советской власти в области. В городах удалось создать небольшие гарнизоны, вооружить всех рабочих и организовать Советы. Но в кишлаках муллы и баи провоцировали население, разжигая религиозный фанатизм. Вся Фергана покрылась широкой сетью басмаческих организаций. Басмачи в течение целых пяти лет вели долгую, упорную борьбу с Советской властью.

4. ОПЯТЬ ДУТОВ

Немного утихло в Фергане, как спровоцированное население Бухары и ее армия по молчаливому одобрению эмира принялись разрушать железную дорогу и избивать железнодорожных служащих. Часть сил, освободившихся в Фергане, пришлось перебросить в Бухару. Не успели ликвидировать бухарскую авантюру, как вновь появившийся старый знакомый, атаман Дутов, перехватил железную дорогу и прервал связь Туркестана с центрами до лета 1919 г. А в мае 1918 г. образовался новый, Семиреченский, фронт, отдаленный от Ташкента на сотни верст и связанный с ним только плохими грунтовыми дорогами.

Положение было очень тяжелое, и в первые пять месяцев существования Советской власти не было возможности приступить к какой бы то ни было планомерной работе по организации военной силы. Некогда и некому было об этом думать. Много затруднений представлял и Закаспийский фронт, где мы имели дело с англичанами. Командовал этим фронтом тов. Б. Н. Иванов. Все силы и помыслы были направлены на устранение вновь возникающих опасностей. Военная сила Туркестана создавалась исключительно коллективным творчеством в полном смысле этого слова. Все и вся, кто был на стороне Советской власти и мог носить оружие, независимо от занимаемой должности, принимали деятельное участие в вооруженной борьбе. Председатель Совета Народных Комиссаров принимал участие в боях как простой ординарец, так как в его распоряжении была самая лучшая лошадь.

5. КРАСНАЯ АРМИЯ

Уже в первые месяцы 1918 г. правительство Туркестана поставило себе задачей начать правильную организацию Красной Армии. Но из кого ее формировать? Коренное население Туркестана никогда на военной службе не служило. Чтобы призвать его и обучить, нужны инструкторы, учителя, а их в то время в крае не было. Призывать крестьян тоже было невозможно, так как крестьянство Туркестана было охвачено кулацким, враждебным Советской власти настроением. Поэтому кадр организуемых частей Красной Армии был составлен из солдат старой армии. Первыми отозвались члены союза георгиевских кавалеров, потом были составлены отряды интернационалистов (из военнопленных мировой войны).

Как трудно было формировать части, так же трудно было и создавать аппарат военного управления. Единственным верным способом обеспечить правильное питание боеприпасами было восстановление связи с центрами. Долго решали вопрос, куда нанести удар, чтобы добиться этой связи. Мнения разделились; были предложены два варианта энергичного наступления: одни предлагали наносить удар на оренбургском, менее угрожавшем непосредственно Туркестану, другие — на забайкальском — более опасном — направлении.

Недостаток боеприпасов вынудил окончательно остановиться на оренбургском варианте. Из имеющихся запасов отдали все, что могли, войсковой группе под командой тов. Зиновьева. Через две недели после отбытия последних частей этой группы положение Туркестана стало еще тяжелее, так как снова возникла забота о защите Туркестана на оренбург-

ском направлении. Первые месяцы надеялись на скорую поддержку, но с каждым днем надежды эти становились слабее. Наконец из Москвы по радио были получены неблагоприятные вести. Пришлось рассчитывать только на себя и держаться в крае собственными силами.

6. ОГНЕПРИПАСЫ

Самым больным вопросом был вопрос о ликвидации наступающего голода огнеприпасов. Как ни трудна и ни опасна без соответствующего оборудования подобная работа, но нашлись люди, решившие организовать изготовление и снаряжение боеприпасов кустарным способом. Гильзы имелись в достаточном количестве, порох, хоть и плохой, нашелся. Пули умудрились отливать, хотя и без оболочки, своим способом (медные). Стали приготовлять ружейные патроны и переснаряжать снаряды. Работа была очень опасная, много людей пострадало, но это не смущало никого. Работа кипела, и производство шло беспрерывно.

Так протянули до начала 1919 г., который принес с собой много новых тяжелых ударов.

7. ИЗМЕНА ОСИПОВА

Военный комиссар Туркестана Осипов (бывший офицер), убедивший всех, что он состоит в партии большевиков с 1913 г., оказался предателем. В ночь на 19 января он поднял восстание против Советской власти и попытался объявить военную диктатуру.

Ему удалось привлечь на свою сторону 2-й Сибирский стрелковый полк, к нему примкнуло много офицеров, часть учащейся молодежи и все те, кто в глубине души ненавидел Советскую власть. Казалось, все обещало ему удачу, он перебил почти всех видных деятелей Советской власти, на его стороне было громадное преимущество в силах. Четыре дня на улицах города шел кровавый бой.

Но могучая воля рабочих и оставшегося верным Советской власти гарнизона крепости вышла победительницей из этой жестокой и неравной борьбы. Банды восставших белогвардейцев были разбиты. Их ждала заслуженная жестокая кара. Большинство их было беспощадно уничтожено, только незначительной части удалось бежать в горы. Осипов скрылся из Ташкента с кучкой оставшихся ему верными приверженцев, которых он вскоре бросил и почти в одиночестве перебрался в Персию.

Авантюра Осипова была неожиданным изменнически-под-

лым ударом в спину Советской власти. Тяжело и болезненно отозвался этот удар. Погибли лучшие, наиболее способные работники партии: тт. Першин, Шумилов, Вотинцев и многие другие. Имена их навсегда останутся в сердцах тех, кто жил и работал в Туркестане. Очень немногие из видных партийных работников, и то только случайно, остались в живых.

8. ПОБЕДА

Восстание ликвидировано. Гнусный изменник трусливо бежал, но нанесенный им удар был настолько тяжел, что приходилось заново организовывать власть и восстанавливать положение. С большим трудом создали временный Военно-революционный совет, председателем которого был избран тов. Казаков. Был созван чрезвычайный съезд, избравший Туркестанский ЦИК и Совет Народных Комиссаров. На этом же съезде был избран Военно-революционный совет Туркестанской республики и главнокомандующий войсками. Было заново организовано военное управление — создан главный штаб, руководивший всей работой по обороне Туркестана до приезда тов. Фрунзе.

После январских событий 1919 г. и организации РВС Туркестанской республики дело обороны ее было в твердых руках, а 15 сентября Туркестанская группа соединилась у ст. Берчогур с частями тов. Орли. Связь с центром была восстановлена! Центр пришел на помощь Туркестану, и с прибытием воинских частей из центра положение Советской власти в Туркестане окончательно укрепилось.

Вспоминая через пять лет, как рабочие Туркестана боролись за Советскую власть, я остановился только на самых значительных и тяжелых минутах борьбы. Я только хотел показать, как самоотверженно боролась в этом громадном крае небольшая кучка пролетариев, одушевленных горячим желанием дать свободу трудящимся, и как ни разу, ни при каких испытаниях она не сдала своих позиций.

В страшной, непрерывной борьбе, окруженные со всех сторон врагами, поражаемые гнусными, предательскими ударами в спину, создавались сильные полки Красной Армии в Туркестане.

Вспоминая в шестую годовщину Красной Армии трудно прожитые дни в Туркестане, шлю искренний товарищеский привет всем бойцам Туркестана.

«Красная звезда», № 44, 23 февраля 1924 г.

Сергей Александрович
МЕЖЕНИНОВ
(1890—1937)

Родился в г. Кашире в дворянской семье. В 1916 г. окончил академию генерального штаба и киевскую школу летчиков-наблюдателей. Последний чин в старой армии — капитан, штаб-офицер для поручений при штабе армейского корпуса.

В Красной Армии — с августа 1918 г. Занимал должности: квартирмейстера (начальника оперативного отдела) Восточного фронта, начальника штаба 4-й армии, командующего 3-й армией. С марта 1919 до конца 1920 г. командовал 12-й армией Юго-Западного фронта и 15-й армией Западного фронта.

С 1921 по 1933 г. последовательно работал помощником инспектора РККА, начальником штаба Орловского военного округа, начальником штаба Западного фронта, начальником штаба Военно-воздушных сил Республики, начальником штаба Украинского военного округа, помощником начальника ВВС РККА, начальником штаба ВВС РККА.

С марта 1933 г. — заместитель начальника штаба РККА,

БОРЬБА ЗА КИЕВ В КОНЦЕ 1919 г.

Получив приказ немедленно отправиться в Новозыбков и там организовать командование, взяв в руки отошедшие из Киева красные части, мы приступили к его выполнению.

Прибыв на станцию Новозыбков, мы нашли там значительное оживление. Здесь находился штаб 12-й армии, еще не устроившийся, но имевший связь со штабом частей, отошедших из Киева на правобережье — к р. Тетереву и на левобережье — к Чернигову. Все перемешалось за время отхода. Обилие групп и группочек подтверждало это смешение отошедших частей. Войсковые части уже нашли кое-какое управление в виде штабов различных групп.

Недалеко от Чернигова, к северу, расположилась кавалерийская бригада Гребенки, сформировавшаяся в свое время из революционных бойцов Киевщины, Полтавщины и Черниговщины, организованных в отряды в нейтральной зоне между немцами и завесой из частей Красной гвардии, находившихся под Унечей. Эта бригада исколесила весь юго-западный район Украины и теперь волей судеб вернулась почти в свое исходное положение. Оторвавшись от остальных частей армии, она не избежала необходимости перейти на подножный корм местного населения.

По шоссе из Чернигова на Гомель, у местечка Репки, отмечен неизвестный партизанский отряд, изредка обстреливающий проезжающих. К западу от Чернигова отмечено присутствие красной венгерской кавалерийской дивизии. Во главе дивизии стоит интендант русской службы Добровольский. Дивизия расположилась на широких квартирах и широко применяла бесплатные фуражировки. Далее по р. Десне, Сожу и Днепру — отряды неизвестных партизан, обстреливающие и досматривающие караваны судов, тянущихся с эвакуируемыми грузами из Киева к пристаням Чернигова, Гомеля и Могилева. В устье реки Десны и вблизи возвышенностей Вышгорода, почти у самого Киева, задержались красные боевые речные флотилии, прикрывая эвакуацию и ежеминутно угрожая налетом на пристани Киева.

В лесах по долине р. Тетерева и Здвижа, лицом на восток — к Киеву, спиной на запад, стоят бойцы группы тт. Голяго и Павлова. Вот почти у самого Житомира — славная 44-я дивизия имени Щорса под командой тов. Дубового. Она ведет тяжелую борьбу с деникинцами в направлении на Фастов, с галичанами и петлюровцами — по направлению на юго-запад и чувствует с северо-запада булавочные уколы вновь нарождающегося врага — поляков.

По всем рекам, грунтовым и железным дорогам еще идут караваны судов, обозы и поезда с эвакуируемыми людьми и грузами. Все станции и пристани переполнены. Здесь и персонал эвакуируемых учреждений, и местные служащие, и рабочие, организовавшие воскресник помощи эвакуации; здесь и охрана железнодорожная, райсахара, райспирта, железкома, опродкома и т. д.

А враг не ограничился захватом Киева — он продолжал наседать и с юга и с запада. Надо было спешно остановить его. Радиотелеграф нервно выстукивал вести о том, что две красные дивизии, отрезанные в районе Одессы, еще идут на север. Вчера их слышала станция 44-й стрелковой дивизии. В районе отхода частей армии находится Украинское советское правительство. Надо спешить представиться ему. Оно — в Чернигове, в непосредственной близости к фронту. Оно пережило все вынужденные отходы последних месяцев и ясно представляет положение.

Член Реввоенсовета армии уже связался с РВС Гомельского укрепленного района, там можно получить машину и к середине следующего дня быть в Чернигове. И экстренный поезд спешит в Гомель. В темноте с трудом удается отыскать штаб укрепленного района. Бледные, усталые от бессонных ночей лица штабных работников. В комнате РВС тов. Кедров, являющийся душой всей работы, освещает коротко и сухо положение железнодорожного узла, нового формирования «крепостной» бригады, положение на польском фронте, фортификационных сооружений и т. д., а затем ставятся вопросы о намеченном подчинении и плане дальнейшей борьбы. Ясно одно: по железным дорогам в течение двух недель возить ничего нельзя вследствие загруженности станций, отсутствия паровозов и топлива. Только по линии Коростень — Калинковичи — Гомель можно, пользуясь «топливом с корня», т. е. непосредственной порубкой леса около железнодорожного полотна, кое-что провезти на Гомель.

Около полудня РВС армии уже в Чернигове. Короткий доклад правительству. Подробное знакомство с военным положением в штабе группы тов. Мартыненко: четкости в знании расположения своих частей и противника нет. Большое неудовольствие по адресу конной бригады Гребенки, которая «партизанит», и некоторое неудовольствие по адресу конной бригады червонных казаков тов. Примакова, которые все рвутся в рейд на дер. Веркеевку, связавшись там с партизанами Николы Крапивянского; в стремлении не терять времени они не хотят ждать общего наступления.

В маленькой комнатке полуразрушенного дома, под шепот местных жителей у замочной скважины, пришедших погля-

деть на самых «больших большевиков», собирается военное совещание расширенного заседания РВС армии. В комнате меньше десятка командиров. Главное внимание обращено на присутствие кавалеристов и броневиков, которым придется выступить первыми для прикрытия шоссе от Чернигова на Киев. Выясняется, что полученные только что сведения не позволяют рассчитывать на кавалеристов Гребенки, так как в полках обсуждалось и было принято решение «уходить в партизаны», а там и дальше — к Петлюре. Командование венгерской дивизии в лице Добровольского и его штаба сбежало, как передают, к деникинцам, и эскадроны дивизии остались без начальства. Из кавалерии только червонная бригада тов. Примакова и конный матросский полк тов. Можняка готовы к бою.

Быстро зреет решение. Выиграть время на организацию частей, дать им возможность отдохнуть и пополниться, затем ударить на Киев от Чернигова. Но прежде всего привести в порядок колеблющихся и кандидатов в изменники. На первых можно воздействовать убедительным словом, на вторых — немедленным ударом. Тов. Примаков ночью же должен обезоружить бригаду Гребенки, забрав лошадей и седла. В венгерскую дивизию посылаются политические работники и командиры. Броневикам приказано выступить по шоссе на юг от Чернигова. Недостающий бензин заменить спиртом с местного склада. Пехотным отрядам получить из местного отдела снабжения армии «мозаичную обувь». Так назывались ботинки с массой заплаток на верхах, несметным количеством латок на подметках и торчащих гвоздей внутри. Но и этой обуви, за недостатком, все были рады, только «индивидуальная пригонка» вынуждала подчас обладателя мозаичной пары ботинок одной ноги использовать, а другой, как недомерок, предлагать соседу.

Около 12 часов ночи автомобиль готов к отъезду по шоссе на Гомель, с тем чтобы оттуда поспешить на другой фланг армии — к Житомиру. Все наперебой уговаривают не ехать ночью, так как по шоссе грабежи и обстрелы. Необходимость требует немедленного отъезда. Смеясь, садившиеся в автомобиль говорили, что такие детины, как член РВС фронта тов. Берзин и член Реввоенсовета армии, справятся с любыми бандитами (оба ростом выше 2 аршин 12 вершков). Под смех не взяли даже винтовок, только начпродком армии тов. Зиновьев имел винтовку. Через полчаса машина с полными огнями неслась по направлению к с. Репки. Вдруг равномерный шум мотора пронизали отрывистые выстрелы, и справа от дороги промелькнули в кустах огоньки. Пули просвистели над головой. Все пригнулись и крикнули: «Туши огни». В этот

момент с другой стороны дороги послышался тот же треск выстрелов. Машина неслась с предельной скоростью. Барашки кольца, крепящего скат колеса на старом автомобиле «Паккард», не выдержали и лопнули; кольца заднего ската со звоном отлетели на шоссе, а обода с покрышками — в поле. Проехались на брюхе автомобиля. Чуть-чуть стукнулись затылками. Из зоны обстрела выскочили, но неожиданно оказались на мели: в темноте трудно найти покрышки и еще труднее — кольцо. Часть пассажиров с револьверами в руках направилась по шоссе к кустам, откуда раздавались выстрелы, остальные отыскивали колеса. Сероватая мгла скрыла в своей пелене «охотников за дорожной дичью», как говорили в те времена, и через три часа машина опять понеслась к Гомелю.

Здесь выяснилось, что конная бригада Гребенки разошлась «партизанить». Несколько человек этой бригады явились в штаб армии и заявили, что атаман Баляс готов вновь сформировать бригаду где-нибудь в Клинцах, что «хлопцы» разошлись, так как не верят Гребенке. Надо было спешить с подбором кадра командиров и политработников, которые помогли бы новоявленному командиру-атаману сформировать бригаду. Удачно наметили тов. Гринева, старого кавалериста, испытанного в боях и освоившегося со всякими неожиданностями при новых формированиях. Быстро составили воззвание к «славным бойцам» конной бригады и объявили, что все верные делу трудящихся должны собраться в Клинцах, где через несколько дней им сделает смотр РВС армии.

Смотр производился выстроенным в одну шеренгу эскадронам, которые растянулись на четыре версты (они не умели строиться иначе). Вообще понятие строя отсутствовало, все толкались, обменивались замечаниями; одни всадники скакали к строю, другие — от него. Бойцы смотрели на нас как на виновников всех несчастий, и в их ответах на приветствия проглядывало беспокойство и враждебность. Надо было быстрее переломить это настроение. Член РВС армии тов. Аралов в короткой, отрывистой и вразумительной речи разъяснил значение классовой борьбы с многочисленными врагами; подчеркнул важность неорганизованности их: Петлюра, например, готов подраться с деникинцами из-за Киева, и призывал к скорейшей организации для того, чтобы всыпать и тем и другим.

В массе слышны были толки о чьей-то измене, кое-где спрашивали: «Что, опять рубить лозу заставите?»

Обстановка требовала перехода к действиям, устраняющим неопределенность положения. Коротко — надо было командовать. Но как взять в руки массу, чтобы она приняла

новых командиров? Было решено, что тов. Баляс должен быть заменен теперь же тов. Гриневым. Вновь обращаясь к бойцам, тов. Аралов продолжал в таком роде:

— Вот вы прошли всю Украину, дрались в бесчисленных боях и через год вновь очутились в Клинцах, откуда и начинали дело освобождения трудящихся. Чем можно объяснить это? Силой врага? Нет, с врагом кучки, а с нами весь трудовой люд. Слабость внутри нас. Надо организоваться, надо выучиться владеть конем и оружием, тогда никакой враг не будет нам страшен. Давайте проверим, как мы владеем конем. Вот старый кавалерист, тов. Гринев, поведет вас в примерную атаку на кусты, что видны в тысяче шагов отсюда...

Гринев быстро прокричал какие-то слова команды, и лавина черных папах, красных башлыков с приподнятыми шашками рванулась вперед. Что-то стихийное чувствовалось в этом порыве, но трудности полевой езды для непривычных быстро сказались: уже есть спешившиеся; некоторые, прихрамывая, бегут за конем; кое-где остаются сидеть на месте. Учение закончено. Разбор.

— Вот, товарищи, вы сами убедились, что без выучки даже кусты трудно атаковать. Новый командир бригады, тов. Гринев, будет учить вас здесь неделю, а затем выступите на фронт. Тов. Баляс будет его помощником.

Ни одного звука протеста. Все деловито одергивают снаряжение.

— До скорого свидания, товарищи!

В ответ звучит дружественный крик:

— Счастливый путь...

Здесь же, в Клинцах, уже развернул свою работу тов. Звездов, неизменный начальник Управления по формированию. Но это название — «Управление» — не определяло той истинной роли, которую оно играло во всем деле подготовки и обеспечения побед. Тов. Звездов принимал пополнение из тыла, мобилизовал местные силы и средства, помогал местному производству, обеспечивал транспорт топливом и рабочей силой, боролся с шайками бандитов, охранял порядок в городах и т. д.

Самое важное: он был подвижен и точен в исполнении, как старый солдат. Заводской рабочий, прошедший трудную подпольную жизнь, бывший в боевых отрядах, видавший виды человек, он из трудного положения умел находить выход. Вот и теперь, получив босые роты пополнения, он уже «разместил заказ» местным ремесленникам на 100 пар обуви, уже наметил к пуску завод по выделке кож, заглянул на фабрику сукон и выяснил, что имеется для производства все,

кроме топлива, заготовкой которого занялись уже команды красноармейцев; на оборудованном стрельбище, гордости упраформа, учебные команды уже проходят учебную стрельбу.

Еще не закончена подготовительная организационная работа и накопление сил и средств для ответного удара врагу, еще много трудов предстоит в этом отношении. Но время не ждет, так как белые наступают со всех сторон. Две красные дивизии, подававшие о себе вести по радио с юга, прорвали фронт противника и соединились со своей армией в районе Фастова. Под общей командой тов. Якира 45-я и 58-я стрелковые дивизии, чувствуя слабость и зная о неукрепленности его тыла, настойчиво рвутся к атаке Киева с запада, считая, что достаточно небольшого нажима, чтобы разбить врага. Это настроение частей отмечалось на собрании высшего командного состава дивизий правобережной группы. Оно несколько поколебало решение относительно общего мощного удара под Черниговом, которое было связано с боями и в Брянском районе и на непосредственных путях к Москве от Орла. В конце сентября 1919 г. правобережная группа перешла в частное наступление для захвата Киева. Противник не ожидал солидного удара с этой стороны, и красным дивизиям удалось ворваться в город и захватить район Николаевского сквера, где было организовано сильное сопротивление засевшего противника. Несколько дней продолжалась борьба внутри города, бои за отдельные улицы и здания.

Быстрая подброска подкреплений исключалась, так как снято было все, что только возможно, даже в ущерб обеспечению этих боев со стороны Казатина и Житомира. Трудность положения заключалась в том, что пополнение патронов и некоторых видов снарядов могло производиться только за счет противника, так как подача их из тыла за недостатком была прекращена. После нескольких дней частям пришлось оставить город и отойти за р. Ирпень.

45-я дивизия, не успев отдохнуть, спешно была погружена в вагоны и отправлена на выручку Петрограда, над которым в это время нависла угроза со стороны армии Юденича. Прочие войска правобережной группы также грузились в поезда для отправки через ст. Коростень — Калинковичи — Гомель, где должны были разгрузиться и пешком двигаться в район Чернигова, который к этому времени уже был занят врагом. На всем правобережье против отрядов деникинцев, против «армий» Петлюры, галичан и отрядов поляков было оставлено 600 бойцов пехоты и несколько бронепоездов, а 30 тыс. бойцов пехоты, 2 тыс. бойцов кавалерии и до 180 орудий потянулось в район Чернигова для решительного боя не

только за самый город, но и за весь район Черниговщины и Нежинщины, как подступов к гор. Киеву.

Силы сосредоточились по р. Десне от Чернигова до Сосницы. Несколько дней гремела красная артиллерия под Черниговом. Упорные бои на всем участке р. Десны сломили противника, и он поспешно начал отходить на юг; красная конница бросилась на Бахмач. Захваченные пленные показывали, что в тылу у противника восстания; об этом же говорили и захватываемые в его штабах телеграммы, из которых было видно, что деникинцы повздорили из-за Киева с петлюровцами и ведут друг с другом бои. Все же фронтовые части белых под Черниговом не были дезорганизованы, но местами враг не только не оказывал нам сопротивления, но и переходил к нам целыми отрядами...

Припоминается случай, когда в одной деревне, около шоссе Чернигов — Козелец, один из красных полков, преследуя врага, расположился по квартирам, выставив легкие отряды охранения. РВС армии прибыл в этот полк для выдачи наград бойцам. В самый разгар мирной беседы за чашкой украинских щей вдруг со всех сторон поднялась ружейная, пулеметная и артиллерийская стрельба. В хате началась ужасная суматоха: крестьянки запихивали своих детей под печь и сами лезли туда же; крестьяне бранились и лезли на печь; командиры выскочили на улицу, где все невероятно перемешалось: кони неслись с повозками без управления, люди бежали по всем направлениям, бесцельно стреляя в воздух; только за одной из околиц успокаивающе тарахтел пулемет. Все бросились к нему, и образовался маленький отрядик для организации противодействия врагу. Через полчаса из тыла появился развернувшийся красный полк из резерва; деревня была вновь занята, и, успокоившись, шутили над своими же действиями во время паники. Оказалось, что только два пушечных броневика белых с эскадроном кавалерии прорвались в деревню.

Часто были боевые недоразумения при встрече отрядов с огромными крестьянскими обозами, тянувшимися из района Чернигова на юг и обратно: их принимали за военные обозы белых, и какой-нибудь красный кавалерист, развернувший свою часть для атаки без предварительной разведки, чувствовал себя сконфуженным, когда, доскакав до обоза, встречал растерянный вид и отборную ругань «дядьков». Возы, следовавшие с севера, в большинстве были нагружены глиняной посудой, которая предназначалась в обмен на соль где-то за Ромнами и Лубнами. Дядьки как следует не знали, где именно можно получить эту соль, и в своем движении руководствовались лишь указаниями погонщиков встречных обозов, шед-

ших с телегами, уже нагруженными солью. Часто приходилось сталкиваться с целыми таборами семейств беженцев из западных губерний былой империи, все распродавших, купивших лишь клячу и ободранную бричку и тянувшихся к свой родине в виде какой-нибудь халупы или кутка в помещичьей усадьбе.

Это были самые несчастные люди. Не понимая происходящей борьбы, не участвуя в ней, бежавшие от «фронта» еще империалистической войны, они оказываются здесь в положении, когда приходится отстаивать свою лошадь и бричку от попыток забрать их для грузов то белой, то Красной Армии. Они должны отбивать все попытки «зеленых» (дезертиров армий гражданской войны, скрывавшихся в лесах) отнять у них уцелевший скарб. Вот почему они живут и двигаются таборами, построенными по признакам отдельных уездов или сел. Особо громоздки эти скопления при переправах на речках. При встрече беженцы высказывают радость по поводу отступления белых и робкую опаску, не заберут ли красные их подводы. От них легче всего можно было узнать о расположении противника и о направлении его отхода.

Весь район жил и двигался, как муравейник. Одни воевали, другие меняли и торговали, третьи спасали свой скарб и стремились к неизвестной родине, четвертые спешили к родному очагу. Но в противовес этому оживленному движению в каждой хате можно было увидеть прикрепленного к лавке больного сыпным тифом. При постоях в деревнях хаты уже не занимались, хотя осенний холод и старался в них загнать.

Два месяца борьбы на пространстве от Чернигова до Днепра, и красные войска оказались вновь под стенами Киева, но уже с восточной стороны. Несмотря на декабрь, река еще не замерзла, но не было ни лодок, ни барж на левом берегу, хотя разведчики излазили все затоны, все ручейки. Впрочем, если бы даже и нашлись утлые суденышки, переправа на них была бы невозможна из-за «сала» и отдельных льдинок на реке. Мосты остались целы, но при подходе к ним от Печерской лавры откуда-то из глубины города начинает «крыть» артиллерия; у цепного моста изредка тарахтели пулеметы. Существовала только одна возможность переправы: ночью морозы крепчают, и есть надежда, что реку между островами затянет.

Было высмотрено наиболее надежное для такой переправы место; могущую мешать артиллерию предполагалось задушить своим огнем, но для этого надо было точно изучить расположение орудий. Наиболее удачной для этого была ночь, когда огонь выстрелов резко виден.

Красным артиллеристам удалось вызвать огонь противника. На следующую ночь в районе Дарницы установили 28 орудий, их основные направления намечались на скат бугра перед каменной стеной лавры. С водонапорной башни от Дарницы вся прибрежная местность была прекрасно видна. При первом крепком морозе под прикрытием орудий пехота ночью должна была двинуться вперед. В прибрежном домике рыбака помещались власти города с будущим комендантом города и кадром караулов для зданий и складов военного и общественного значения. Войска по захвату города должны были как можно быстрей выйти на западную его окраину, которая будет атаковываться со стороны ст. Бородянки находящейся на правобережье 58-й стрелковой дивизией. Подготовка закончилась, а для переправы возможности не было, атака вдоль мостов дала бы большие жертвы. В один из томительных вечеров ожидания старик крестьянин из района Осокорки явился в полк 44-й стрелковой дивизии и вызвался проводить по спершимся льдинам на правый берег Днепра. После короткой подготовки пехота начала движение по льдинам. Уже почти переправились на другой берег, как вспыхнули выстрелы с бронепоезда белых у мостов, загорелись вспышками выстрелов кустики ската у лавры. Красная артиллерия также начала работу...

Утром весь город был в руках красных. На станции были захвачены последние эшелоны эвакуирующихся. Вновь выдвинутые части преследовали противника; участвовавшие в ночных боях были собраны в здании бывшего кадетского корпуса, и после митинга, где разъяснялось красноармейцам их отношение к населению города, РВС армии устроил завтрак для славных бойцов богунцев и таращанцев. Эти полки, состоявшие из селян Черниговщины, Киевщины и Волыни, отличались особой стойкостью и революционной сознательностью. На них должна была лечь охрана города в первые дни после его занятия, пока не сформируются комендантские команды.

Жизнь в городе замерла. На продовольственных складах пусто. Все госпитали и больницы заполнены больными тифом. Водопроводы и освещение в порядке, но топлива и материалов нет. На станции оставлено три горящих паровоза и большое количество вагонов. Подвезти что-нибудь немедленно было нельзя из-за подорванных мостов на реках Днепре и Здвиже. Быстро сформировались команды для заготовки топлива в роще Святошино и на дачах, к нему прилегающих. Удалось реквизировать подобие масла для машин на водокачке. Кое-что было подброшено из продовольствия. В первую очередь оно направлялось больным по госпиталям, кото-

рые РВС пришлось объехать, чтобы выяснить положение, так как в одних персонал был болен, в других бежал к белым.

Вот Александровская больница. Все койки заняты, в коридорах и на площадках лестниц лежат больные. Оставшийся немногочисленный персонал жалуется, что некуда девать умерших, так как не успевают хоронить, а в морге скопилось до 2 тыс. трупов. Идем туда. Уже в дверях, под лохмотьями, наполненными вшами, лежат трупы детей и стариков, весь коридор заполнен ими. В главном зале с огромными стеклами до самого потолка вповалку лежат груды мертвых тел. Картина, от которой темнеет в глазах... Весь день рота саперов рыла общую могилу для трупов, а ночью их перевозили туда три трехтонных грузовика. Тяжелая работа, но красноармейцы молчат и, стиснув зубы, борются с очагом заразы.

В госпитале при эвакопункте, в непосредственной близости к вокзалу, в прихожей сестра предлагает надеть халаты. Внимательно осматриваем их и на каждом находим по нескольку вшей. Сестры смущены, но сейчас же объясняют, что халатов хватает лишь на одну смену дежурящего персонала, а мыть их некогда. На вопрос: «Где врачи?» — отвечают, что все больны и находятся во втором этаже. Нетопленное, сырое здание сплошь заполнено людьми с блестящими, лихорадочными глазами; здесь слышится бред, там — агонизирующий хрип. Перед нами надпись: «Палаты для медицинского состава» (оказывается, это врачи и сестры лежат под кожаными шубками и дрожат от холода и страха перед большевиками).

Быстрая проверка действительно больных показала, что ни одного с нормальной температурой нет. Поставить немедленно готовый «красный» персонал не было возможности. Мобилизовать оставшихся в городе врачей нельзя было без регистрации. Решили выделить врачей из полков, чтобы как-нибудь заполнить эту зияющую дыру; но прежде всего нужно было отопить этот «дом смерти», по ошибке называвшийся госпиталем, и накормить его обитателей. Опродкомарм * обещал дать диетпродукты, но под руками их еще нет. На первое время нашли выход: послать товарообменную экспедицию в ближайшие села на автомобилях (предмет обмена — керосин).

Дело началось с внеплановой операции. Да оно и не могло быть иначе, так как каждый план подразумевает какие-то наличные материальные ресурсы, а их мы не имели. Так или иначе через неделю жизнь в городе внешне уже вошла в рус-

* Комиссия по снабжению армии продовольствием.— *Ред.*

ло. Только по ночам кое-где слышна была стрельба, и носились слухи, что банда Струка ворвалась на Подол или бандит Ангел подходит к Святошину, а бандит Козыдуб обобрал обоз связи у дер. Ставище, и т. д.

Войска противников потянулись на юг и юго-запад от Киева. В преследовании захватывали пленных деникинских, петлюровских и галицийских частей. Поступили сведения, что отряды партизана Тютюника прорвались в район Цветково и напали на сахарный завод; часть этих отрядов будто уже перебралась в левобережье и разгромила вновь организованные ревкомы на Переяславщине и в Золотоноше; что рядом с Киевом, на ст. Бровары и Бобновцы, неизвестными бандитами совершено нападение на станцию и сахарный завод. Как после большого пожара на пепелище здесь и там вырываются огненные языки внезапно вспыхивающих головешек, так и в дни переломных периодов войны видны вспышки очагов борьбы. Но к январю, кроме этих последних вспышек борьбы в тылах, уже ясно стал вырисовываться новый фронт борьбы с нарастающим новым противником.

НОВЫЙ ВРАГ И НОВАЯ БОРЬБА ЗА КИЕВ

Ко времени занятия Киева мы формально не были в войне с поляками. Советское и польское правительства периодически вступали в переговоры (28 января 1920 г.). Советское правительство подтвердило признание независимости Польши и предлагало начать переговоры о мире, указав, что красные войска не будут переходить западнее линии р. Птичь, ст. Белокоровницы, м. Чуднов, м. Деражня и Бар. Но, несмотря на переговоры, уже в январе обозначилось стремление со стороны поляков захватить как можно больше территории. Они завязывали с нами ряд боев, стремясь оттеснить красные части к гор. Мозырю. Их продвижение обозначалось у гор. Овруча, и уже несколько раз они атаковывали Новоград-Волынский; обозначилось их продвижение и к гор. Бердичеву. В большинстве своих попыток поляки имели успех, так как красные части, втянутые в борьбу на юге с отходящими частями Петлюры и Деникина, не могли выставить против них значительные силы. Стали поступать сведения, что Петлюра заключает соглашение с поляками о совместных действиях против советских войск. Уже от Петлюры начали отбиваться кое-какие части и переходить на сторону красных. Так, бригада Волоха в районе Умани объявила себя Украинской Красной Армией и желала получить приказ для действий против Петлюры.

От галицийского командования прибыли депутаты для пе-

реговоров о заключении военного соглашения против поляков. Три галицийских корпуса к началу января группировались к югу от гор. Звенигородки. Эта армия возникла из остатков старой австро-венгерской армии и добровольческих формирований в 1918 г., после революции в Австрии, в период провозглашения Восточной Галицией своей независимости. Вскоре этой молодой армии пришлось вести борьбу с поляками, имевшими притязания на Восточную Галицию как на одну из своих областей. Война длилась до июля 1919 г., когда галицийская армия под натиском сформированной во Франции польской армии генерала Галлера принуждена была со своим правительством перейти на территорию Украины. Украинская директория втянула эту армию в борьбу и против белых и против красных. В момент захвата деникинцами Киева галицийская армия также подошла к нему, но капитулировала перед белыми и теперь отступала вместе с ними.

Все перипетии борьбы подготовили солдатскую массу к революции, и теперь она искала общих путей с красными. К концу февраля 1920 г. было заключено соглашение с этой армией, и тов. Порайко получил полномочия на проведение реорганизации и объединения командования в галицийских войсках, расположенных к югу от Звенигородки, с тем чтобы эти войска в ближайшее время выдвинулись фронтом на запад против поляков. Район правобережья еще не был организован в смысле гражданского управления. Волостные революционные комитеты не имели силы, на которую могли бы опереться.

Местное селянство в течение многих лет привыкло жить за счет войска. Царская армия здесь заготовляла продукты для войск Юго-Западного фронта, она же бросила здесь все свое имущество при стихийном оставлении фронта. Проходившие австрийцы тоже бросали свои обозы, гайдамаки оставили свое «майно», и, таким образом, среди некоторой части населения выработался тип паразита, живущего наживой и ждущего безвластия, которое всегда существует при отходе одной из армий и при выдвижении другой, с тем чтобы «тряхнуть» сахарные заводы, «подсчитать» кассу селянской рады и т. д. Это полуоседлые бандиты, которые с одинаковой готовностью примыкают ко всякому предприятию, где была хотя бы небольшая надежда поживиться чужим добром.

Когда при нашем преследовании деникинцев последними на ст. Фастов было брошено несколько составов с имуществом, не только окрестное селянство прибыло за «майном», но за сотни верст тянулись обозы за получением своей доли. При каждом захвате у противника сахарного завода прихо-

дилось выдерживать приступы окрестного селянства, прибывавшего за очередной дачей «цукру».

К этому оно было приучено различного рода комендантами петлюровских, галицийских и всякого рода атаманских войск. Сахар являлся если не звонкой, то во всяком случае блестящей разменной монетой. На местечковых базарах все расценивалось на «группки» сахару.

Деревня испытывала, как и везде, большую нужду в мануфактуре и керосине. Последний частично здесь заменялся растопленным салом, а в Волынской губернии и ранее применялось освещение из «калишек» (мелкие дрова) на таганце. По внешности район принимал Красную Армию приветливо, и только грабежи в глубоких тылах войск указывали на опасность дезорганизации некоторых районов. Самым ужасным было огромное скопление по селам больных сыпным тифом: в некоторых деревнях насчитывались только единицы здоровых. При поездке в район Жмеринка — Казатин — ст. Попельня можно было видеть разросшиеся в несколько раз кладбища. Медицинская помощь отсутствовала за неимением врачей. Две трети галицийской армии лежали по деревням больные тифом.

Красные части также были сильно ослаблены убылями в предшествовавших боях и, главным образом, убылью от тифа. Достаточно сказать, что в некоторых полках количество бойцов не превышало 50 человек.

Люди нерегулярно получали еду, лошади были до крайности истощены ввиду нехватки фуража, обувь выдавалась примитивного устройства: лапти, «мозаичные» ботинки и рядом с этим английские ботинки от времен империалистической войны — «по пуду весом», как говорили красноармейцы.

Несмотря на все это, в частях настроение было хорошее. Уже начали вливаться пополнения. Пешком от гор. Курска через Киев в район армии медленно продвигались резервы. От пленных польских солдат узнавали о все прибывающих к ним подкреплениях. Перебежчик 35-го Холмского полка, принятый в районе р. Припяти, показал, что скоро готовится наступление с целью захвата гор. Мозыря; старые солдаты (от 35 до 40 лет) заменены молодыми; что весной перейдут в наступление для восстановления Польши в ее исторических границах.

Наступления не пришлось долго ожидать. В течение 23 и 24 февраля поляки вели настойчивые бои на участке от Жлобина до р. Припяти; вели наступление и южнее, но здесь были отбиты, а в районе р. Припяти продвинулись до гор. Речицы на р. Днепре. При таких условиях существование какой-то условной границы, которую красные войска

не могли переходить, теряло смысл. На удар надо было ответить ударом. В марте малочисленные, но сильные духом части 58-й стрелковой дивизии и 17-я кавалерийская дивизия с танками, захваченными у белых под Ростовом, прибыли в Киевский район и нацелились для атаки поляков под Новоград-Волынским. От неожиданного появления танков со стороны красных и смелой атаки пехоты и конников 58, 7 и 17-й кавалерийских дивизий поляки смешались, бросили окопы и побежали. Наши части захватили несколько деревень на западном берегу р. Случ. Бой у Новоград-Волынского продолжался несколько дней, но значительного продвижения здесь не было. Пленные Ржешевского полка показали, что поляки сами готовились здесь к наступлению и что удар красных для них был неожиданным; от Ровно и Луцка к месту боя были подтянуты свежие дивизии.

Наступившая весенняя распутица прекратила крупные боевые столкновения. Изредка над нашим расположением появлялись польские аэропланы. К концу апреля 1920 г. стали поступать сведения о скоплении крупных польских сил у Новоград-Волынского. Спустившиеся в нашем расположении из-за остановившегося мотора польские летчики косвенно указывали на готовящееся польское наступление для захвата Киева.

Уже Конная армия Буденного двинулась походным порядком из района Ростова-на-Дону через всю Украину в Киевский район для его защиты, но прибытия ее скоро ожидать было нельзя — надо было организовать сопротивление наличными силами.

Ко второй половине апреля достаточно подсохло; усилилась летная деятельность авиации. Начиная с 17 апреля польские аэропланы сбрасывали прокламации на русском языке на ст. Коростень, в районе Житомира и Бердичева. Прокламации призывали к борьбе против большевиков. Наши самолеты отметили оживление в передвижении польских частей в районе Новоград-Волынского. В галицийских частях 2-й бригады отмечалось значительное оживление работы петлюровской организации. Все донесения указывали, что на эту бригаду полагаться нельзя. Член РВС тов. Затонский выехал в галицийские части для проверки поступающих сведений.

23 апреля 2-я галицийская бригада с оружием в руках выступила против Красной Армии. Для ликвидации этого выступления на юг от Бердичева двинулись из Житомира части 58-й стрелковой дивизии. Части галичан, расположенные в Киеве, были обезоружены. 24 апреля в непосредственной близости к фронту партизанами был взорван железнодорож-

ный мост на линии Коростень — Киев; телеграфные провода на шоссе Житомир — Киев перерезались бандитами. В такой обстановке между пятью и шестью часами утра 25 апреля поляки начали наступление главным образом вдоль шоссе от Новоград-Волынского на Житомир. Начальной целью своих действий они ставили: разъединить силы красных на две группы, окружить и уничтожить войска красных, отрезанные к северу от Житомира, а затем свободно двинуться на Киев.

Бои под Новоград-Волынским с нашей кавалерией были скоротечны, и поляки, погрузив на автомобили пехоту, начали свой марш на Житомир. Здесь они встретили сопротивление красных частей, организовавших оборону в непосредственной близости к городу. В ночь на 26 апреля поляки несколько раз переходили в атаку, но отбивались незначительной частью оставшихся полков 58-й стрелковой дивизии. Утром 26 апреля поляки заняли город. В районе к востоку от Коростеня им удалось лесами провести свою кавалерию в тыл красным частям, и они, взорвав железнодорожный мост, заняли ст. Малин. Красные части оказались в затруднительном положении: окруженные, они вынуждены были вести бой изолированно. Наши аэропланы, высланные 27 апреля, определили, что бои развиваются юго-восточнее и южнее Бердичева. В Киеве из мобилизованных рабочих арсенала и членов профсоюзов были сформированы отряды для помощи войскам, дерущимся на фронте (силы поляков были значительны; боями определились на киевском направлении до 5 дивизий пехоты и 2 дивизий кавалерии, в общей сложности 25—30 тыс. бойцов). Красные части в первый момент вместе с галичанами насчитывали в этом районе до 7500 бойцов.

Цель борьбы красных состояла теперь в том, чтобы выиграть время до подхода Конной армии и подкреплений с других фронтов и затем ударить по зарвавшемуся врагу. Как только окруженные части пробились и получили свободу действий, начался постепенный отход с рядом последовательных боев на р. Тетереве, р. Западной Двине, р. Ирпене, и, наконец, 6 мая красные части без боя оставили гор. Киев и отошли на левый берег р. Днепра. Мосты через р. Днепр были подорваны лишь в проезжей части, но фермы оставались на своем месте. В ночь на 9 мая полякам удалось прорваться по цепному мосту на левый берег Днепра. В этом районе завязались упорные бои, которые продолжались до середины мая, пока не подошла Конная армия Буденного к гор. Белой Церкви, а в район Киева не подошли подкрепления в виде конной Башкирской бригады и 25-й стрелковой дивизии.

Продвижению и успехам поляков отныне был положен окончательный предел. Из Киева поступали сведения, что там объявлена мобилизация для зачисления в петлюровскую армию, что начались раздоры между поляками и петлюровцами. Уже к концу мая Конная армия Буденного развернулась в Умани для прорыва поляков в этом районе и выхода на тылы их войск, стоявших под Киевом. Тем временем и севернее Киева готовились к переправе через Днепр Башкирская конная бригада и стрелковые красные части, которые должны были сбить польскую кавалерию с правого берега Днепра и быстро выдвинуться к железной дороге Киев — Коростень в районе ст. Тетерев и Бородянки, с тем чтобы не позволить полякам отходить на северо-запад от Киева. Переправа этих частей должна была быть поддержана речной флотилией, сосредоточенной у м. Лоева (около 160 км севернее Киева).

А непосредственно примыкавшая к Днепру и расположенная в районе юго-восточнее Белой Церкви группа тов. Якира уже завязала бои с польскими частями.

К концу мая поляки так оценивали положение:

«...Между тем положение изменилось. Стало известно, что Красная Армия получила приказ о начале наступательных действий. Перед фронтом нашей 2-й армии группировались значительные силы красных, между ними определился конный корпус Буденного в районе м. Звенигородки. На Днепре определены приготовления к переправе... Руководящей мыслью польского командования было удержать настоящий фронт таким образом, чтобы всякий натиск противника отбросить тотчас же сильной контратакой».

Противник, месяц тому назад наносивший удары, теперь уже думал только об их отбитии, но и это ему не удалось. Конная армия, прорвавшись в тыл противника в районе Бердичев — Житомир — Коростень, нарушила его управление и работу под Киевом; группа тов. Якира начала свое продвижение от Белой Церкви к северу по непосредственным тылам польских войск у Киева, а группа из 7-й и 25-й стрелковых дивизий и Башкирской бригады уже переправилась через р. Днепр у дер. Печки и устремилась наперерез железной дороге Киев — Коростень.

2 июня поляки повели наступление на левом берегу Днепра на восток от Киева, но это была лишь маскировка окончательного оставления Киева.

Все дни до 10 июня красные части «прощупывали» поляков наступлением отдельных отрядов. В ночь на 10 июня три полка 58-й стрелковой дивизии переправились через р. Днепр у дер. Осокорки, но затем под давлением поляков отошли

на левый берег Днепра, расположившись от железнодорожного моста до цепного. Поляки взорвали эти мосты. Цепной мост, представлявший редкостное сооружение и не тронутый во весь период гражданской войны ни одним из противников, превращен был ими в груду развалин из железа и стали.

11 июня Киев был занят красными войсками. В это же время на запад от него, в районе ст. Бородянки, польская армия жгла свои обозы, бросала пушки и автомобили, стремясь вырваться из кольца советских войск. Это ей удалось ценой больших потерь. Вся затея Польско-Украинской федерации была похоронена в этом неудачном походе на Киев.

«Гражданская война 1918—1921». В трех томах. Под общей редакцией А. С. Бубнова, С. С. Каменева и Р. П. Эйдемана. Т. 1. М., Изд-во «Военный вестник», 1928, стр. 275—294.

Епифан Иович
КОВТЮХ
(1890—1943)

На военной службе с 1911 г. Участвовал в первой мировой войне. Окончил школу прапорщиков. Последний чин в старой армии — штабс-капитан.

После Октябрьской революции служил в Красной гвардии, потом в Красной Армии. Участвовал в боях за Царицын, Ставрополь, Тихорецкую, Краснодар и на Таманском полуострове. Командовал авангардом Таманской армии при выходе ее из окружения, руководил десантом в операции против белогвардейских войск генерала Улагая.

Член Коммунистической партии с 1918 г.

После гражданской войны окончил Военную академию РККА, командовал дивизией и корпусом. С 1936 г. занимал должность армейского инспектора Белорусского военного округа.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ ЗА ЦАРИЦЫН

В период тяжелого положения на Южном фронте, когда противник приближался к гор. Орлу, а Мамонтов, совершая свой рейд, доходил до Козлова, угрожая центру Советской страны, я возвратился после своего выздоровления в Москву и сделал в РВСР подробный доклад о жизни и боевой деятельности Таманской армии.

В своем докладе я просил РВСР разрешить мне в срочном порядке вновь создать Таманскую армию путем объединения уцелевших таманских частей и выпуска воззвания к таманцам и кубанцам с призывом собраться из частей, тылов и госпиталей для нового формирования и похода на Кубань.

РВСР согласился с моим предложением и разрешил сформировать Таманскую дивизию, имея в виду с приближением ее к Кубани развернуть в армию, для чего и был дан соответствующий приказ.

Согласно приказу РВСР от 9 сентября 1919 г. за № 1431/286 для формирования дивизии передавалось:

1) имущество бывшего Донского кавалерийского корпуса, который в это время расформировывался;

2) таманские части (стрелковая бригада из 33-й дивизии, кавалерийский полк из бригады Жлобы и кавалерийский полк из 7-й кавалерийской дивизии);

3) знамена частей Таманской армии.

Этим же приказом РВСР разрешил выпустить воззвание к таманцам и кубанцам с призывом явиться на сборный пункт. Срок окончательного формирования дивизии был назначен в полтора месяца.

Так как после нашего отхода с Северного Кавказа большинство таманцев и кубанцев влились в части Южного фронта, местом формирования дивизии был выбран гор. Вольск, Саратовской губернии. Получив все указания от РВСР и необходимое имущество, я выехал из Москвы и 22 сентября прибыл в Вольск, где и приступил к выполнению возложенной на меня задачи.

Первой работой явилось подыскание достаточного количества помещений для размещения частей, штабов и учреждений. Необходимо было в срочном порядке отпечатать и разослать воззвания. Распространяемые по тылу Южного фронта воззвания проникли затем на другие фронты и в центр.

Таманцы и кубанцы, услышав призыв для сбора и похода на Кубань, быстро отозвались со всех концов РСФСР. Сначала они прибывали в гор. Вольск одиночным порядком, а потом партиями и командами.

Все прибывающие — как красноармейцы, так и командиры — были охвачены одним общим желанием: быстрее закончить формирование и отправиться на фронт, чтобы выполнить большую и ответственную задачу — идти в поход на Кубань и скорее освободить истекающие кровью семьи от кошмарного белого террора.

Некоторые из прибывших, успевшие побывать в тылу у белых, рассказывали о мучительной жизни оставшихся на Кубани семей красноармейцев. Они приводили примеры публичного повешения белыми карательными отрядами иногородних мужчин, женщин и детей; порки шомполами, насилий и открытого грабежа. Все эти сведения чрезвычайно действовали на таманцев и кубанцев и превращали их в железных бойцов, готовых драться до полной победы над всей контрреволюцией.

Большое значение имело и то, что каждый из таманцев ясно понимал, что совместно при их боевом опыте и старом закале в походах и боях они смогут скорее достигнуть желаемых результатов в борьбе с белой армией. Таким образом, имелась полная возможность сформировать из такого людского материала крепкую и боеспособную дивизию, если бы полностью был выполнен приказ РВСР о возврате таманских частей и имущества Донского кавалерийского корпуса. Но многие, кого это касалось, препятствовали и доносили в РВСР, что ни одной части с фронта они послать не могут, так как положение на фронтах тяжелое, а командующий запасной армией даже арестовал посланных мною за получением имущества Донского корпуса приемщиков и имущества не выдал. Формирование дивизии было нарушено. В установленный срок, при отсутствии намечавшихся таманских частей и имущества Донского корпуса, удалось собрать около 3 тыс. человек, из которых и была сформирована Таманская дивизия в составе двух пехотных бригад, артиллерийского дивизиона, кавалерийского дивизиона, штаба дивизии, политотдела дивизии и отдела снабжения. Части дивизии получили только самое необходимое имущество.

К концу ноября 1919 г. положение на Южном фронте ухудшилось. Решался вопрос о занятии гор. Царицына, так как он являлся стыком двух армий — 10-й и 11-й — и от занятия его зависело дальнейшее движение этих армий. Задача эта троекратно возлагалась на 28-ю дивизию, довольно сильную по численности и технике, но всякий раз она разрешалась без успеха и последний раз с большими для нее потерями. Кроме того, ряд причин вызывал необходимость подкрепления фронта свежими частями. Ввиду этого Таманская дивизия, не окончившая своего формирования, была срочно переброшена на фронт под Царицын в распоряжение командарма-11.

По прибытии в район с. Владимировки, где всей дивизии приказано было сосредоточиться, я получил приказ командарма-11 образовать из 48-й Таманской и 50-й стрелковой дивизий 50-ю Таманскую дивизию, коей после формирования поручалось взять гор. Царицын.

50-я стрелковая дивизия, действовавшая на правом берегу р. Волги, в конце октября 1919 г. после упорных боев оказалась прижатой противником к реке и, не имея достаточно переправ в своем тылу, понесла тяжелое поражение, потеряв всю дивизионную артиллерию, пулеметы, обоз и лучших бойцов, которые, защищаясь до последней возможности, погибли в р. Волге.

Уцелевшие части дивизии переправились на левый берег и постепенно, преследуемые противником, отходили на гор. Царев.

После такого поражения дивизия потеряла боеспособность и морально была потрясена, но часть людского состава сохранила. Таманская же дивизия была малочисленна, но надежна, хорошо сколочена и боеспособна. Из слияния этих двух дивизий получилась одна вполне боеспособная и достаточной численности 50-я Таманская дивизия в составе трех стрелковых и одной кавалерийской бригад, двух дивизионов легкой артиллерии и одной гаубичной батареи. Общая численность доходила до 10 тыс. штыков и сабель.

Прежде чем приступить к взятию гор. Царицына, необходимо было очистить от противника левый берег Волги. Эту задачу части дивизии выполнили к половине декабря.

Дальнейшее движение частей задержалось из-за отсутствия переправ на Волге.

В это время произошла смена командармов (вместо тов. Бутягина командование 11-й армией принял тов. Василенко). Новый командарм оставил задачу дивизии прежней, но две пехотные бригады приказал временно передать в черноярскую группу, действовавшую на правом берегу Волги.

Таким образом, для непосредственного выполнения поставленной задачи дивизия имела только две бригады (одна пехотная, а другая конная) общей численностью 2100 штыков, 700 сабель и 6 орудий (4 орудия 76-миллиметровых и 2 орудия 152-миллиметровых); этого, конечно, было недостаточно, принимая во внимание далеко превосходящий численностью царицынский гарнизон противника. Последний состоял из двух пехотных дивизий численностью до 7 тыс. человек и 16 орудий. Однако, несмотря на это, бригады заняли исходное положение: пехотная — хут. Букатин (ныне Красная Слобода), а кавалерийская — участок от хут. Букатина до хут. Пьяного. 1-я и 2-я бригады были переправлены на правый берег

р. Волги и поступили в подчинение командующего группой, заняв позицию у Райгорода. Здесь они получили задачу дальнейших действий совместно с 34-й стрелковой и 7-й кавалерийской дивизиями в направлении станции и колонии Сарепты (ныне гор. Красноармейск), всемерно содействуя войскам, предназначенным для взятия Царицына.

Части дивизии получили приказ немедленно установить наблюдение за рекой и при первой возможности перейти по льду и атаковать царицынскую позицию противника, а до того использовать время на тщательную подготовку к атаке и изучение местности, обратив особое внимание на позицию противника, которая легко наблюдалась невооруженным глазом.

Противник силою около трех пехотных и трех кавалерийских дивизий к 25 декабря был расположен в районах: ст. Котлубань (1-я Кавказская кавалерийская дивизия), Карповка (Кабардинская кавалерийская дивизия), Светлый Яр (1-я Кубанская кавалерийская дивизия), Райгород (Астраханская пехотная дивизия) и в Царицынском укрепленном районе (1-я Кавказская и гренадерская пехотная дивизии).

Общая численность частей противника достигала 17 800 штыков, 12 200 сабель и 214 орудий.

Наши части располагались: 10-я армия в составе шести пехотных и одной кавалерийской дивизии — на фронте Усть-Медведицкая — Качалинская — Дубровка.

11-я армия в составе двух пехотных и двух кавалерийских дивизий — на фронте хут. Букатин (что в 3 км восточнее Царицына) — хут. Пьяный — с. Старицкое — Черный Яр, и отдельный отряд двигался по берегу Каспийского моря на Кизляр.

Общая численность обеих армий — примерно 31 400 штыков, 5430 сабель и 160 орудий. В общем в штыках превосходство было на нашей стороне, в коннице и артиллерии — у противника.

Командующий Кавказским фронтом приказал армиям с 25 декабря перейти в наступление, имея целью разбить кавказскую армию и нанести удар правому флангу донской армии противника.

10-я армия должна была наносить главный удар противнику своим правым флангом в направлении Нижне-Чирской, а левым флангом ликвидировать противника в районе Качалинской и в случае ослабления его между Доном и Волгой перейти в общее наступление.

11-й армии было приказано всемерно содействовать наступлению 10-й армии, имея задачей занятием ст. Тунгута перехватить железную дорогу Царицын — Тихорецкая.

Командарм-11 отдал приказ левобережной группе (две бригады 50-й Таманской дивизии) взять Царицын, чернояр-

ской группе наступать на колонию Сарепту, а коннице занять ст. Тунгута.

30 декабря правофланговые части 20-й армии перешли в наступление и, не встречая сопротивления противника, заняли линию фронта Калачевско-Куртианский — Калмыково — Майорский — Осиповский — Набатов.

Черноярская группа (11-й армии) в результате упорных боев к 30 декабря вышла на линию Каменный Яр — Вязовка.

Левобережная группа (11-й армии) оставалась на месте, ожидая возможного перехода по льду через р. Волгу и ведя усиленную артиллерийскую подготовку.

Противник, испытывая сильный натиск правого фланга 10-й армии и ежедневный обстрел Царицына, намеревался разбить ударную группу 10-й армии и сосредоточил для этого в районе Котлубань всю 14-ю кавалерийскую дивизию и части 4-го кубанского корпуса.

После выяснения группировки противника командарм-10 отдал 1 января 1920 г. приказ об овладении царицынским укрепленным районом противника.

2 января дивизии 10-й армии после упорных боев вышли на линию фронта: 32-я — хут. Самохин, 20-я — Еруслановский — Голубинская, 39-я — Котлубань, 38-я — Грачи и Грачевский и 37-я — Рынок — Орловка.

Черноярская группа 2 января достигла линии Райгорода, но, встретив сильное сопротивление противника, продвинуться дальше не смогла. Левобережной группе, т. е. 3-й пехотной бригаде и кавалерийской бригаде 50-й Таманской дивизии, представилась возможность начать атаку гор. Царицына.

Обстановка, сложившаяся на фронте 10-й и 11-й армий ко 2 января, настоятельно требовала немедленного взятия гор. Царицына, так как, находясь в руках противника, город разъединял 10-ю и 11-ю армии и препятствовал их согласованному продвижению на юг. Со взятием города обе армии входили в тесную связь между собой.

Задачу захвата Царицына могла выполнить 10-я армия, находившаяся на более доступных подступах к городу. 11-й же армии взять Царицын было гораздо труднее, так как на правом ее фланге, т. е. против Царицына, не было достаточно сил, а город отделялся Волгой, через которую не имелось переправ. К тому же местность левого берега Волги (дельта Волги) затрудняла действия войск. Лесисто-болотистая и очень пересеченная реками, протоками и озерами, она не имела дорог, удобных для движения, за исключением одной грунтовой: Царев — Безродное — Букатин.

В отношении местности на стороне противника были зна-

чительные преимущества: во-первых, занятый им правый берег р. Волги, довольно возвышенный и обрывистый, доступен в тех местах, где проделаны проходы к воде; во-вторых, он обладал хорошими дорогами, а отсутствие болот и рек давало возможность его частям маневрировать, и, в-третьих, противник имел хороший обзор и обстрел, в то время как у нас этого преимущества не было.

Противник усиленно укреплял занятую им позицию частями гарнизона. Главное его внимание было обращено на участки севернее и западнее Царицына, где имелось несколько рядов окопов. На восточном участке была лишь одна линия окопов. Противник меньше всего ожидал наступления с левого берега Волги, и поэтому восточный участок его позиции был укреплен слабее других.

В общем, занятая противником с восточной стороны города позиция, несмотря на ее слабые укрепления, позволяла вести упорную и продолжительную оборону (при нашем наступлении с восточной стороны); единственным ее недостатком являлось то, что она не имела соответствующей глубины, и с потерей окопов вся оборона сводилась к уличным боям в городе. Кроме того, эту позицию нельзя было скрыть от местных жителей, через которых мы легко могли получать самые точные сведения как об укреплениях, так и о расположении частей противника.

Что касается позиции, занятой частями 50-й Таманской дивизии, которая являлась исходной линией для предстоящей атаки, то она имела ряд неудобств. Главным и трудноодолимым препятствием при переходе в наступление была Волга, которую при отсутствии переправ можно было форсировать лишь после того, как она покроется льдом. Были и некоторые выгоды у этой позиции: во-первых, кратчайшее расстояние к Царицыну; во-вторых, противник, прикрытый рекой Волгой, на этом участке меньше всего ожидал нашего наступления и, в-третьих, легко было организовать разведку благодаря близости города.

Разведка позиции противника производилась путем посылки разведчиков в самый город, из которого они подробно рассматривали как позицию, так и расположение на ней неприятельских войск. В течение двух дней поступили точные сведения о позиции и о численности войск, занимающих ее. Этого удалось достичь благодаря сочувствию нам местного населения.

Рабочие бывшего Французского металлургического завода, сочувствуя нашим войскам, пробирались в наше расположение сначала по нескольку человек, а затем и целыми партиями, принося ценные сведения о противнике. На обратном

пути рабочие брали с собой наших разведчиков, переодевали их на заводе, снабжали всем необходимым и провожали в город. Только этот способ разведки и был возможен в той обстановке. Он дал блестящие результаты и в значительной степени облегчил самую атаку. Других способов разведки применить не удалось: воздушная не производилась (не было разведывательных аппаратов), организовать конную не позволяла местность.

При тех скудных средствах, которые имелись тогда в частях Красной Армии, особых результатов в отношении артиллерийской подготовки достигнуть было невозможно. С момента занятия хут. Букатина артиллерия группы была подвезена к нему и, заняв соответствующую позицию, вела обстрел участка позиции противника, предназначенного для атаки. Кроме обстрела окопов, очень часто наша артиллерия вступала в успешное состязание с артиллерией противника; однако к моменту атаки ввиду превосходства противника в артиллерии мы принуждены были отказаться от состязания. Поэтому окончательной подготовки артиллерийским огнем участка атаки достигнуть не удалось и большинство окопов осталось неразрушенными.

Инженерная подготовка была очень слабой ввиду отсутствия специальных инженерных частей и имущества. Средствами полков из подручного материала были произведены следующие работы:

1) Так как атака могла начаться, когда Волга покроется первым льдом, для облегчения перехода из разобранных на хут. Букатине заборов были устроены перекладины в виде небольших мостов.

2) Для переправы артиллерии были устроены из бревен длинные полозья (в виде лыж), чтобы распределить при переправе тяжесть орудия на большую площадь слабого льда. Это был единственный способ переправить артиллерию, чтобы не оторвать ее от своей пехоты.

3) Так как разведка выяснила, что противник в наиболее доступных местах заложил фугасы, то для изоляции таковых собранным из полков специалистам, знающим подрывное дело, была дана задача взорвать фугасы до начала нашей атаки.

Что касается моральной подготовки войск, то в этом отношении большая работа была проделана с красноармейцами, поступившими в качестве пополнения из частей 50-й стрелковой дивизии, у которых еще не сгладились те потрясения, которые они испытали при переходе Волги без переправ. Некоторые из них были оставлены в обозе впредь до успеха атаки. Главная надежда в атаке возлагалась на старых таманцев, многое испытавших и закаленных в неодно-

кратных ночных боях во время 500-километрового похода в тылу у белых.

Очень большую помощь в смысле моральной подготовки частей оказали рабочие бывшего Французского завода, с которыми красноармейцы имели возможность лично беседовать. Рабочие сообщали, что противник собирается уходить из Царицына и при первом нашем наступлении покинет город. Эти сведения ободряюще действовали на красноармейцев, которые желали скорее перейти в наступление.

Таким образом, моральное состояние частей было крепкое и не внушало опасения или тревоги даже при неудачном исходе атаки.

Общая задача — атаковать противника — возлагалась на 3-ю Таманскую пехотную бригаду, состоявшую из трех полков (448, 449 и 450-го). Бригада для атаки была разделена на следующие части:

1) Главная атакующая колонна — 450-й полк; она должна была атаковать противника со стороны хут. Букатина, на участке от северной окраины города до большого собора.

2) Вспомогательная колонна — 449-й полк; как ранее переправившаяся через Волгу в районе дер. Рынок (в 20 километрах севернее Царицына) и находящаяся к моменту атаки в 8—10 километрах севернее Царицына, должна была атаковать противника с севера в стык северного и восточного участков позиции противника.

3) 448-й полк назначался для развития атаки, составляя резерв атакующих частей. Ему была поставлена задача — поддержать атаку на случай замедления штурмующих колонн, после чего, не входя в город, по правому берегу быстро выйти на южную окраину города и перехватить пути отхода противника.

Кавалерийская бригада получила задачу обеспечить левый фланг и тыл и при первой возможности перейти через Волгу у колонии Сарепта.

Артиллерии были поставлены задачи: борьба с артиллерией противника, разрушение окопов, уничтожение живых целей, борьба с воздушным флотом. В момент самой атаки артиллерия должна была открыть ураганный огонь по центру города и тем улицам, по которым возможно было движение частей на поддержку.

Атака рассчитывалась на внезапность, и поэтому начало ее было назначено после того, как Волга покроется льдом. Здесь возникал вопрос, не лучше ли было бы в главную атакующую колонну назначить 449-й полк, как ранее переправившийся на правый берег Волги. Эти выгоды были учтены, но так как движение этого полка обнаруживалось с первого же

момента, то терялась всякая возможность внезапности атаки, на чем был построен весь ее успех.

Таманцы и врангелевцы стояли лицом к лицу. Лишь быстрая Волга, покрытая у берегов тонкой коркой льда, разделяла их.

Каждый вечер, когда черная, непроницаемая завеса окутывала лагерь таманцев, с того берега доносились к нам шум города, ржание коней, звуки гармоник и отголоски кулацкой песни:

Ах Кубань ты, наша родина,
Вековой наш богатырь!

Маленькими мигающими огоньками освещался Царицын.

К утру 1 января ударил сильный мороз; плавающие по реке льдины сцеплялись друг с другом, накапливались в более узких местах реки. К полудню движение льда по реке прекратилось, а к вечеру начался сильный треск льда. Это мороз скреплял поверхность реки и готовил переход для наших не ожидаемых противником частей.

2 января мороз усилился, и можно было надеяться, что вечером одиночным разведчикам удастся перебраться на правый берег реки. Тщательная разведка реки, произведенная с наступлением темноты, установила переходы в более узких местах в направлении острова северо-восточнее города.

После разведки и отыскания путей я созвал командиров и комиссаров полков. В небольшой халупе с низким потолком, пробитым снарядом гаубицы, мы провели совещание.

В 6 часов вечера подписали приказ о штурме города. Выступать решили ровно в 11. Оставшиеся пять часов использовали для подготовки. Каждому полку дали точные указания.

Главной колонне (450-й полк), проложив несколько переходов (из приготовленных перекладин), перейти к обрыву правого берега реки путем накапливания сначала на острове, а затем у подножия обрыва, откуда броситься на берег, атаковать позицию противника на ранее указанном участке, ворваться в город и разбить части противника, не выпуская его из города.

Вспомогательной колонне (449-й полк) совершенно скрытно приблизиться к Французскому заводу, а в 23 часа одновременно с главной колонной атаковать противника в ранее указанном направлении, ворваться в город и быстрым движением по городу выйти на его южную окраину, уничтожая по пути части противника.

Резерву (448-й полк) сосредоточиться на острове и быть готовым для поддержки главной колонны, а при удачной ее атаке немедленно перейти на правый берег и выйти на южную окраину города, где отрезать пути отхода противнику.

Кавалерийской бригаде одновременно с атакой пехоты переправиться на правый берег, отрезать пути отхода противнику на юг, заняв станцию и колонию Сарепта, и восстановить связь с черноярской группой.

Противник, по-видимому, совершенно не ожидал нашей атаки. Его позиция по-прежнему занималась небольшими частями, а основная часть сил ввиду мороза располагалась в ближайших домах города. Поэтому же он не заметил нашего движения по реке и был застигнут врасплох.

До назначенного часа общего наступления части сделали необходимые передвижения и заняли исходное положение.

Ровно в 23 часа раздался орудийный выстрел.

«У-ух» — грохнула шестидюймовка. Это был сигнал. Колонны бойцов в запорошенных шинелях, слившиеся со снежным покровом реки, бросились в атаку с криком «ура».

— Быстро, быстро,— торопил я своих бойцов.— Ни секунды задержки... Бегом!

Вот и берег. С громким криком «ура» таманцы бросились в атаку, ворвались в окопы и, уничтожив слабые части противника, двинулись к городу.

На крики «ура» и артиллерийский огонь части противника выбежали из домов, и завязался ожесточенный уличный бой, переходящий в рукопашные схватки. Наше дальнейшее продвижение начало замедляться.

Неожиданно в разных местах города с потрясающей силой раздались взрывы.

Это противником были взорваны городская и железнодорожная водокачки, электрическая станция и мосты. Наши части, своевременно поставленные об этом в известность перебежчиками, особенного внимания на взрывы не обращали. Части же противника после взрыва начали отходить в глубь города, где, подвергаясь обстрелу нашей артиллерии, разбегались. Это позволило нашим частям преследовать отходящего противника.

В дальнейшем противник упорного сопротивления не оказывал и поспешно в беспорядке разбегался по улицам и дворам и далее за город.

К 5 час. обе колонны соединились и, очищая город, двинулись к южной окраине. Но к этому времени 448-й полк уже вышел на южную окраину и преградил путь отхода противнику на юг. К 1 часу 3 января город был очищен от противника, а к 6 час. пехотные полки заняли ст. Елшанку, южнее Царицына.

Кавалерийская бригада одновременно с общей атакой перешла в районе Сарепты на правый берег и перехватила железную дорогу Царицын — Тихорецкая, благодаря чему были

захвачены шедшие из Царицына около 60 эшелонов с войсками и имуществом.

Эта операция представляла поучительный пример ночной атаки почти неприступной позиции, дала хорошие результаты в виде большого количества пленных и трофеев. Наши 10-я и 11-я армии после взятия таманскими частями гор. Царицына установили тесную связь и двинулись вперед.

Противник, потеряв Царицын, почти безостановочно отступал за р. Маныч на протяжении 250 километров в глубину своего фронта, преследуемый нашими частями. При этом продолжительном отступлении его части окончательно деморализовались и потеряли боеспособность. Я хочу привести выдержку из письма, полученного мною от рядового красноармейца тов. Суровцева (ныне работающего председателем Гдовского горсовета):

«Дорогой товарищ командир Ковтюх! Я прочитал вашу статью в московской «Правде» от 2 января 1935 г. В вашей статье я прочитал, что главная надежда в атаке возлагалась на старых таманцев. Совершенно правильно, ибо старые таманцы себя закалили в боях на Северном Кавказе, в боях против контрреволюции, и еще больше нас закалило отступление с Северного Кавказа через пустыню астраханских песков... Тут мы несколько дней постояли, вернее ожидали, когда замерзнет Волга... И вы отдали приказ о переправе через Волгу... Этот момент я никогда не забуду. Когда командир полка тов. Иванов подал команду: «В порядке номеров эскадронов справа по одному, на дистанцию 30—40 шагов»,— я был во 2-м эскадроне 3-го взвода, и вот мы стали перебираться. Под ногами лед хрустел и слышно — под ногами колышется. Переправлялись в час ночи. Я недосмотрел и ввалился в полынью. Но спас меня конь, конь сразу остановился и зафыркал и стал тянуться назад. Но я держался за повод, как утопающий за соломинку. У меня руки замерзли, но я все-таки собрал все силы, вылез на поверхность льда. Меня пугало одно: я думал, не выдержит повод. Повод выдержал, и я очутился на поверхности льда. Я спасен боевым товарищем — конем. Переправились, подсушился. Всю ночь и до позднего вечера шел ожесточенный бой. Наш полк перерезал дорогу отходящему на Тихорецкую противнику. Противник начал пачками сдаваться. Несмотря на то что был холод и я не обсох как следует, все-таки, когда начался бой, стало жарко...

Так, тов. Ковтюх, читал ваши статьи и вспоминал героические бои; под твоим верным большевистским командованием мы везде разбивали белых. И если потребуется еще побить, я готов к вам всегда».

(Письмо от 6.1.35 г.).

В дальнейшем преследование развивалось следующим образом. Около 9 час. 3 января с северной стороны в гор. Царицын вошла 37-я дивизия 10-й армии, после чего была установлена связь между 10-й и 11-й армиями.

Части 50-й Таманской дивизии после короткой передышки, преследуя противника, двинулись по направлению к Сарепте. Противник, отойдя к ст. Бекетовка, занял возвышенности западнее этой станции и пытался задержать наше движение.

Коротким ударом части дивизии сбили противника с занятой позиции и отбросили его в западном направлении. К вечеру 4 января эти части дивизии соединились в Сарепте с остальными (1-й и 2-й бригадами).

Противник, потеряв Сарепту, окончательно оторвался от Волги и постепенно по всему фронту начал отступать на юг.

В колонии Сарепта по прямому проводу от командарма-11 получено было следующее распоряжение: «Ввиду того что противник разбит на всем фронте 11-й армией и поспешно отступает, приказываю вам собрать всю конницу 11-й армии, составить сводный кавалерийский корпус, с которым немедленно начать преследование отступающего противника, дабы не дать ему возможности остановиться и вновь закрепиться. Командование дивизией передать временно своему заместителю».

Во исполнение приказа командарма в дер. Цацы был собран кавалерийский корпус в составе Таманской кавалерийской бригады и 7-й кавалерийской дивизии со всеми ее тыловыми частями. 6 января корпус приступил к выполнению возложенной на него задачи.

Необходимо отметить, что 7-я кавалерийская дивизия состояла из кубанцев, таманцев и ставропольцев, которые рвались к себе на родину для освобождения своих семей и уничтожения врагов Советской власти. Полученными от разведки сведениями было установлено, что на фронте корпуса действуют 1-я астраханская гренадерская дивизия и кубанская кавалерийская дивизия под общим командованием генерала Бабиева. Этим дивизиям была поставлена задача во что бы то ни стало задержать наше продвижение до подхода подкреплений.

Ввиду того что от дер. Цацы в общем направлении по линии железной дороги Царицын — Тихорецкая на юг имелись два пути, части корпуса пришлось разделить на две колонны, поставив каждой из колонн отдельные задачи для осуществления общей задачи корпуса.

11 января к вечеру правая колонна подошла вплотную к дер. Аксай и пыталась овладеть этой деревней, но, встретив противника на заблаговременно приготовленной позиции, расположенной у самой деревни, получила сильный отпор и отошла на 5—7 километров в северном направлении.

В ночь на 12 января была подтянута левая колонна, имевшая задачей сделать глубокий обход правого фланга противника, расположенного у дер. Аксай, и нанести ему удар во фланг и тыл. Части правой колонны со своей стороны за ночь сделали соответствующие передвижения и утром 12 января перешли в наступление.

Противник упорно держался примерно до полудня. С той и другой стороны был целый ряд небольших конных атак, но эти атаки к решительным результатам не привели.

К полудню левая колонна совершила свое обходное движение и появилась с южной стороны, т. е. в тылу противника. Тогда тов. Савельев, боевой и лихой командир Таманской бригады, перешел со своей колонной в решительное наступление. Противник, чтобы не быть окончательно окруженным, вынужден был покинуть свою позицию и уходить в западном направлении, но группа его, настигнутая левой колонной, была частью взята в плен, частью изрублена.

После этой неудачной остановки противник, потеряв около 1/3 своего состава, очевидно, решил больше нигде не задерживаться и, оставляя по пути еще большее количество своего имущества, ушел за р. Маныч.

Части корпуса, несмотря на усталость, разбросанность и оторванность от своих тылов вследствие быстрого движения, шли днем и ночью с короткими остановками для отдыха, разбивая отходящие в беспорядке части противника, забирая пленных и обозы (последние за войсками не успевали двигаться ввиду большой грязи, образовавшейся от дождей). Таким образом, к концу января корпус, преследуя противника, достиг р. Маныч. В результате этого движения оказалось, что, несмотря на полное отсутствие артиллерийского и продовольственного снабжения, несмотря на оттепель и совершенно непригодные для движения частей (в особенности пехоты и обозов) дороги, конный корпус в течение двадцати дней с боями прошел около 270 километров (от дер. Цацы до р. Маныч) и на своем пути почти полностью уничтожил две неприятельские дивизии.

Достигнув р. Маныч, части 11-й армии с подходом пехотных дивизий должны были согласно новой директиве комфронта сделать соответствующую перегруппировку, так как армия в дальнейшем направлялась на Ставрополь и Тихорецкую. Вследствие этого кавалерийский корпус расформировался, и его части получили самостоятельные задачи. Мне было приказано вернуться к исполнению своих обязанностей начальника 50-й Таманской дивизии, находившейся в то время на р. Сал.

Дивизия вошла в подчинение командарма-10 и беспрепятственно двигалась в направлении станицы Великокняжеской (ныне Пролетарской).

«Оборона Царицына». Сб. статей и документов. Составили В. Алексеев и К. Нефедов. Сталинград, Краевое книгоиздательство, 1937, стр. 210—222.

Василий
Константинович
БЛЮХЕР
(1889—1938)

Член Коммунистической партии с 1916 г.

Родился в семье крестьянина-бедняка с. Барщинка, близ Рыбинска. В 1910 г. за призыв к забастовке на Мытищинском вагоностроительном заводе отбыл трехлетнее тюремное заключение. Участвовал в первой мировой войне рядовым и унтер-офицером. Уволенный из армии вследствие тяжелого ранения, работал на заводах в Сормове и Казани.

После Февральской революции вел революционную работу среди солдат самарского гарнизона. Командовал отрядами Красной гвардии в боях против войск генерала Дутова. Летом 1918 г. Южно-Уральская партизанская армия под командованием Блюхера совершила героический 40-дневный рейд в окружении белоказаков и соединилась с Красной Армией.

В 1919—1920 гг. командовал 51-й стрелковой дивизией в боях против войск Колчака и Врангеля. В 1921—1922 гг.— главнокомандующий, военный министр и председатель Военного совета Дальневосточной республики.

После гражданской войны — командир 1-го корпуса, начальник Ленинградского укрепленного района, помощник командующего войсками Украинского военного округа, командующий Особой Краснознаменной Дальневосточной армией.

ПОБЕДА ХРАБРЫХ

И, разогнав густые волны дыма,
Забрызганные кровью и в пыли,
По берегам широкошумным Крыма
Мы красные знамена пронесли.

Э. Багрицкий

Оголтелая белогвардейщина, недобитые остатки контрреволюционных армий Юга, Дона, Кубани образовали врангелевскую армию. Озверевшие остатки буржуазии и баронско-офицерского отребья укрылись в Крыму. Отсюда они грозили нашей юной республике. Врангелевщина выросла на преступной близорукости ренегата Троцкого, не умевшего оценить ее угрозы делу пролетарской революции.

Вооруженная мировой буржуазией, впитавшая десятки тысяч офицеров, насыщенная артиллерией, пулеметами, бронемашинами, танками и авиацией, располагавшая большими массами конницы, в том числе бронированной кавалерией, армия Врангеля в мае 1920 г. превратилась в грозную боевую силу контрреволюции. Врангель вылез из Крыма и своим движением через Таврию на север создал угрозу тылу Красной Армии, дравшейся против польских интервентов.

Только гениальным предвидением вождей нашей партии была устранена создавшаяся угроза. Владимир Ильич Ленин в записке от 15 марта 1920 г. на имя Склянского требует исправить «явно *допущенную* **ошибку** с Крымом (вовремя не двинули достаточных сил)» *.

Партия бросает силы на Юг. Из Сибири сюда перебрасываются две лучшие дивизии Восточного фронта — 51-я и 30-я, закаленные в боях за Урал. Формируются заново 6-я и 4-я армии. С Юго-Западного фронта идет овеянная славой 1-я Конная армия, руководимая тт. Ворошиловым и Буденным.

Во главе Южного фронта становится выдающийся полководец пролетарской революции М. В. Фрунзе. Товарищ Фрунзе составляет план разгрома Врангеля. План этот сводился к тому, чтобы окружить и уничтожить Врангеля в Северной Таврии, не дать ему возможности уйти в Крым через Перекопский и Чонгарский перешейки.

28 октября армии фронта перешли в наступление и нанесли Врангелю тяжелое поражение. 51-я дивизия подошла вплотную к Перекопу. Однако полного уничтожения Врангеля в Северной Таврии достигнуть не удалось. Врангелевцы частью сил сумели на Чонгарском перешейке прорубить себе дорогу и прорваться в Крым.

---

* В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 377.— *Ред.*

Войска фронта стали готовиться ко второй фазе операции — пробить дорогу в Крым и добить Врангеля...

Врангелю удалось захватить Северную Таврию, распространившись до полного захвата левого берега Днепра и на севере создавая реальную угрозу Криворожью и Донбассу. Врангель готовился к дальнейшему прыжку на северо-запад, цель которого сводилась к захвату Донбасса и соединению с армиями польской шляхты. Предвидя назревающую угрозу, подготовляемую Врангелем для войск, действующих против Польши, командование фронта решает нанести удар Врангелю от Берислава через Каховку на Мелитополь и Перекоп и со стороны Александровска на Мелитополь, если не для разгрома, то для обессиления живой силы Врангеля, действующей наступательно между Днепром и крымскими перешейками. С этой целью на правом фланге 13-й армии создается Правобережная группа под командованием тт. Эйдемана и Мехлиса, которой ставилась задача переправиться у Берислава в районе Каховки через Днепр и ударом в направлении Мелитополь — Перекоп нанести удар по тылу и базам армии Врангеля. Остальные части 13-й армии, составлявшие так называемую Левобережную группу, вместе со 2-й Конной армией должны были нанести удар от Александровска на Мелитополь.

Левобережной группе и 2-й Конной армии не удалось выполнить своей задачи, но Правобережная группа, переправившись через Днепр и разбив белый корпус Барбовича, прочно овладела районом Каховки, от которой вела прямая и кратчайшая дорога на Перекоп. В результате этого наступления только захват Каховки дал нам нужный успех в последующем обеспечении победы над Врангелем.

Каховка, находящаяся на кратчайшем пути к Крыму, не только сдерживала прорыв Врангеля к Криворожью и Донбассу, но и мешала соединению с войсками Польши. Эту занозу на живом своем теле Врангель отлично чувствовал, не раз пытался ее вырвать, расходуя на это лучшие свои части и технику, но безуспешно атакуя неоднократно Каховку с августа по октябрь. Все эти атаки успешно отбивались каховско-бериславской группой (командование которой было возложено на Блюхера). С этого же каховского плацдарма ударом в тыл по армии Врангеля на Мелитополь было остановлено его наступление в августе на Донбасс и Криворожье. В октябре, накануне решающих сражений, Врангель, решив помешать сосредоточению войск Южного фронта, наносит свой последний удар, ставший началом его поражения, переправляется у Кичкаса с задачей нанести удар на Апостолово — базу красного фронта, а также с целью удара по правому

берегу Днепра в тыл Каховки. Одновременно вторым корпусом Витковского, насыщенным лучшей техникой интервентов, наносит удар со стороны Дмитровка — Черненько на каховский плацдарм, который в те знаменательные дни защищался 51-й дивизией. Врангель был бит на пути к Апостолово, еще более серьезно был побит под Каховкой.

Это было началом конца Врангеля.

* * *

В эти незабываемые и славные дни по воле партии и правительства я командовал 51-й дивизией. Вместе с приданной конной бригадой Козленкова она составляла головную колонну 6-й армии и называлась нами перекопской группой. Этой группе тов. Фрунзе и командующий 6-й армией тов. Корк поставили задачи: наступать с каховского плацдарма в полосе тракта на Перекоп, разбить находившийся на этом направлении второй корпус генерала Витковского и овладеть Перекопом. Остальная масса войск 6-й армии была направлена на Серогозы и Агайман, на тыл войск Врангеля, находившихся в Северной Таврии.

Что представляли собой части 51-й стрелковой дивизии, на которую возлагалось почетное задание — штурмовать Перекопский вал?

Созданная в 1918 г. из мелких красногвардейских рабочих отрядов кизеловских копей, Мотовилихи и других заводов Урала, она с самого начала организации и до уничтожения врангелевщины являлась олицетворением пролетарской воли, настойчивости и отваги. Из разрозненных отрядов оформилась образцовая дивизия, проявившая в своей самоотверженности высокую боевую дисциплинированность. Эти качества обеспечили ей победы над лучшими частями Врангеля, состоявшими из вышколенных офицерских отрядов, оснащенных техникой. Дивизия до боев с Врангелем уже имела богатые боевые традиции, приобретенные ею в походах и боях против «сибирского правителя» — Колчака.

В период переброски на врангелевский фронт костяк дивизии составляли в основном уральские пролетарии. Рабочая прослойка достигла почти четверти состава дивизии. Остальная масса красноармейцев — сибирские крестьяне, часть из них — бывшие партизаны. Партийная организация имела 2765 членов и 1200 кандидатов, что составляло 12 процентов к общему составу дивизии и до 25 процентов ее боевого состава.

В ночь на 28 октября бойцы дивизии, долго ждавшие желанного наступления, поднялись с лозунгами: «Уничтожим

Врангеля!», «Даешь Крым!». 28 октября под Чаплинкой и Натальино был разбит корпус генерала Витковского, и полки перекопской группы ринулись к Перекопу. Выезжая 29-го из Чаплинки вместе с частями огневой ударной группы и 152-й бригадой, я видел ровную, раскинувшуюся во все стороны Перекопскую полосу степей Северной Таврии, понижающуюся к югу, где она, подернутая легкой волнистой рябью, доходит до вечно плещущегося Черного моря и грязного, болотного Сиваша.

Трудно найти в мире лучшую естественную крепость. Природа немало потрудилась над созданием непреодолимых препятствий, что заметил еще старик Клаузевиц. На севере Перекопского перешейка крымские ханы каторжным трудом плененной запорожской вольницы воздвигли гигантское сооружение — Турецкий вал, а перед ним — широчайший канал-ров, флангами упирающийся в Черное море и Сиваш. Вал, будто горный кряж, замкнул вход с севера всякому пешему и конному.

Исключительные природные препятствия были Врангелем усилены мощной, глубокой и сложной системой долговременных фортификационных сооружений, они делали Перекоп и Чонгар действительно неприступными. Укрепления были обеспечены массой тяжелой крепостной и береговой артиллерии, густой сетью пулеметов, укрывшихся в бетонных бойницах, и опутаны широкими проволочными заграждениями.

«Многое сделано, многое предстоит еще сделать, но Крым и отныне уже для врага неприступен»,— так оценивал укрепления Врангель после их личного осмотра 30 октября 1920 г.

На этих позициях развернулись заключительные аккорды беспощадной битвы с Врангелем. В темень уходили полки, дивизии, шаг за шагом приближаясь к Турецкому валу. Холодный, промозглый рассвет 30 октября застал на небольшом «прыщике», важно именуемом на картах «высота 9,3».

В тумане, заволакивающем подход к Турецкому валу, все клокотало и ревело. Прорываются сквозь туман огненные языки, сигнализирующие о залпах белых орудий, несущих тонны смертоносного металла. Они как бы иллюминировали тяжелую дорогу урало-сибирских храбрецов 51-й дивизии.

Степь около вала покрыта ротами полков 152-й бригады Боряева, Огневой ударной группы Ринка и смешанной отдельной кавалерийской частью под командованием Козленкова, за ночь голыми руками захвативших две линии укреплений и в бурном натиске докатившихся до рва перед Турецким валом. Тяжелые 8-дюймовые снаряды ложатся вокруг «9,3», поднимая высокие фонтаны земли, засыпающие людей и лошадей. Каждую минуту проносятся еле дышащие ординарцы, беспре-

рывно звонит телефон. Один сообщил радостную весть: «Шестая рота 456-го полка Рязанова ворвалась через Рогатки на вал. Другие полки переходят в новую атаку».

Но вскоре неудача постигла безумно смелую роту. Броневики белых отбросили ее от вала. Белые переходят в контратаки и врываются в Перекоп. 456-й полк, неся потери, дерется за каждый выступ, за каждое укрытие, но все больше отходит. Командир 1-го ударного полка, находившийся левее тракта, переходит в атаку на помощь 456-му полку и вместе с ним загоняет белых на вал.

Утро 31 октября застало бойцов 152-й бригады в 250—300 м от вала. Холодный день. Часть бойцов залегла в старые, оставшиеся от апрельских боев окопы. С высоты вала противнику отлично видны наши части, и он наносит им большие потери.

В ночь на 1 ноября Огневая бригада при поддержке 152-й бригады атакует восточную часть вала, но под сильным огнем противника залегает перед проволочным заграждением, неся большие потери. Было ясно, что усилиями только перекопской группы, без согласованного наступления других частей 6-й армии через Сиваш, взять Перекоп не удастся.

Поэтому в ночь на 2 ноября части группы были отведены на 7—8 км к северо-западу от вала, и лишь охранение, менявшееся каждую ночь, наблюдало за противником, мешая ему восстанавливать разрушенные заграждения. Группа вместе с другими частями 6-й армии вела деятельную подготовку к решительному штурму крымских перешейков.

Холода все усиливались. Ударили морозы. Раздетые, разутые части кутались во что попало. Сведения о наличии бродов на Сиваше подтверждались. Дул западный ветер. Поехали, проверили — действительно Сиваш пройти кое-где можно. За добрые две сотни верст находились базы нашего небогатого снабжения. Мобилизовал все подводы, которые медленно подвозили снаряды, патроны, ножницы, инструмент, продовольствие и фураж. Разоренная войной страна давала армии все, что могла, но этого было очень мало для подавления неприступных укреплений белых.

Накануне празднования третьей годовщины Великой пролетарской революции мы были готовы к штурму. К полю сражения подтягивались 15-я и 52-я дивизии. Вместе с 153-й бригадой и отдельной кавалерийской бригадой перекопской группы они намечались для нанесения удара через Сиваш на Литовский полустров, во фланг и тыл перекопской позиции. 152-я бригада и Огневая ударная готовились для лобовой атаки Турецкого вала.

М. В. Фрунзе приехал в штаб 51-й дивизии, расположен-

ной в Чаплинке, для личного руководства операциями. На защиту Перекопа Врангель сосредоточивал лучшие части.

В ночь с 7 на 8 ноября, когда страна праздновала третью годовщину Октября, 15-я, 52-я дивизии и 153-я и отдельная бригады 51-й дивизии в пронизывающем морозе, утопая в болотах Сиваша, расстреливаемые артиллерийским и пулеметным огнем, таща на себе пулеметы и орудия, двинулись в атаку Литовского полуострова.

Раненые падали в болото, и многие тонули. Красноармейцы, обморозившие руки, ноги, уши, легко раненные, редко уходили в тыл. Они шли к манящему впереди Литовскому полуострову. Наконец утром 8 ноября они добрались до окопов белых и, порвав проволоку, штыками выбили войска генерала Фостикова.

Под Турецким валом на артиллерийских позициях царило молчание. Густой туман покрыл Турецкий вал. Напряжение нарастало. С Литовского полуострова непрерывные запросы: «В чем дело?»

В девятом часу туман медленно рассеивается, и все наши 65 орудий открыли беглый огонь.

С Турецкого вала белые засыпали нас огнем. Семикилометровое пространство под валом и на валу превратилось в сплошное море воронок. Около 12 час. полки ударной и 152-й бригад с 453-м полком ринулись на штурм. Неся огромные потери, они все ближе и ближе подходили к Турецкому валу.

На Литовском полуострове белые бросают в контратаку 13-ю и 34-ю дивизии.

Около 18 час. вновь атакуем Турецкий вал. В первых рядах пехоты идут броневики. У самого рва, встретив неожиданно проволоку, пехота вновь остановилась. Целый день беспримерного сражения не принес еще победы, но цель была уже близка.

Около 200 орудий белых да 400 пулеметов поражали наши части, располагавшие только 90 орудиями *.

Ночью, около 24 час., меня вызвал к аппарату М. В. Фрунзе: «Сиваш заливает водой. Наши части на Литовском полуострове могут быть отрезаны. Захватите вал во что бы то ни стало».

Вновь бросаем изнуренные части на штурм, и около 3 час. 9 ноября неприступный Перекоп пал. На рассвете 9 ноября штаб переходит в Армянский Базар. Бой постепенно уходит к югу и разгорается на юшуньских позициях. Измученные штурмом, понесшие потери, части 51-й дивизии, без пищи и воды, с ограниченным запасом снарядов, шли для прорыва

* Данные о соотношении сил сторон см. в работе А. И. Корка (стр. 438—441).— *Ред.*

3-й и 4-й линий юшуньских позиций, оплетенных густыми сетями из колючей проволоки. На каждый километр самой узкой части фронта там приходилось до 40 орудий разных калибров и около сотни пулеметов.

На море крейсировал флот белых; огнем тяжелых орудий он засыпал все пространство, включительно до Армянска. Остановившись на хут. Булгаково, мы наблюдали грандиозную панораму еще не виданного по масштабу боя. Грохот артиллерийской канонады, свист и шипение снарядов в воздухе были так велики, словно мы натолкнулись на стену из жерл орудий и дул пулеметов.

У нас было в два-три раза меньше орудий, чем у врангелевцев, но артиллеристы не смущались подавляющим превосходством белой артиллерии. Они храбро тащили орудия в передовых частях и прямой наводкой разбивали бетонированные пулеметные гнезда. Бойцы, командиры и комиссары как бы не испытывали усталости. Вызываю Круглова — командира наиболее пострадавшей бригады — и приказываю вывести ее в резерв и сдать участок отдохнувшей Огневой бригаде Ринка. Круглов просит поддержать его, но не сменять. Ночью командующий 6-й армией тов. Корк выдвигает на участок, занимаемый 151-й бригадой тов. Хлебникова, Латышскую дивизию. Хлебников, его комиссар, начальник штаба, комполка просят сменить кого-нибудь другого, а они хотят атаковать и прорваться первыми.

Такое настроение являлось общим для всей дивизии.

В ночь на 11 ноября 151-я бригада захватывает почтовую станцию Юшунь. Все резервы 51-й дивизии бросили к Юшуни, и войска перекопской группы твердо стали на Крымский полуостров. Между тем белые вечером 10 ноября потеснили 15-ю и 52-ю дивизии и создали угрозу Армянску. 151-я бригада, отбив контратаку марковцев, при поддержке Латышской дивизии в 9 час. 11 ноября захватывает железнодорожную станцию Юшунь.

После успешных сражений с конницей ген. Барбовича последняя атака белых была отбита.

В 12 час. 11 ноября мы послали следующее радио: «Доблестные части 51-й дивизии в 9 час. прорвали последние юшуньские позиции белых и твердой ногой вступили в чистое поле Крыма. Противник в панике бежит».

В Крым двинулись 1-я и 2-я Конные армии. 15 ноября 51-я дивизия заняла Севастополь.

* * *

Если мы вышли победителями из решающих боев с Врангелем, то только потому, что на нашей стороне были беззавет-

ный героизм и самопожертвование рабочих и крестьян, организованных волей партии. На каждом шагу бойцы показывали примеры мужества и революционной сознательности.

Мне вспоминается бесконечное число случаев беспримерного героизма. Вот прорвана вторая линия юшуньских позиций. Одержана большая победа. Бойцы показали необычайное мужество и героизм. Все командиры — от отделенного до комбрига — проявили исключительную инициативу. Во время контратаки корниловцев отделенный командир Бондаренко, богатырь по природе, увлекая за собой бойцов своего отделения, вырвавшись вперед, проколол насквозь шедшего впереди офицера и бросил его на идущую сзади цепь. Громкое, уверенное «ура» — и дрогнули, попятились назад, побежали лучшие врангелевские части.

Контратаку противника на участке 456-го полка поддерживали бронепоезд и тяжелая батарея. Полк, неся большие потери, остановился. Герой Перекопа, ворвавшийся на вал еще 30 октября, командир 6-й роты тов. Иванов бросился в атаку на батарею. Картечь не остановила храбрецов, штыками перекололи артиллеристов и двинулись к бронепоезду. Под губительным огнем двенадцати пулеметов рота начала разбирать полотно железной дороги. Опасаясь быть отрезанным, бронепоезд отошел назад. Пять человек осталось от роты Иванова, но полк отбил контратаку врага и прочно занял вторую линию окопов.

В бою под Натальино 28 октября погиб легендарно храбрый командир 51-го кавалерийского полка тов. Юшкевич. В одной из деревень притаились офицерские роты. Товарищ Юшкевич, помогая 152-й бригаде, повел полк в атаку. Вместе с комиссаром тов. Елсуповым на разгоряченных конях ворвался Юшкевич в деревню.

— Сдавайтесь! Я обещаю вам пощаду!

Грянул залп. Юшкевича изрешетили 22 пули.

1 ноября мы решили отправить врангелевцам предложение о сдаче. Мы составили приказ белому перекопскому гарнизону, в котором говорилось:

«Солдаты и офицеры Перекопского гарнизона! Посмотрите вокруг себя и к себе в тыл: разве вы не видите, что ваша цель войны — «спасение и возрождение России» — превращается в закабаление ее союзниками и капиталистами?!

...Ведь вы же — в большинстве пролетарии, крестьяне, рабочие — не заинтересованы в бойне, хотите вновь жить спокойной жизнью. Если это так, предлагаю вам, солдаты и рядовое офицерство, немедленно составить революционный комитет и приступить к сдаче Перекопа... О принятии этих решений немедленно довести до моего сведения поднятием крас-

ного флага и высылкой парламентеров, которым идти безбоязненно».

Эта листовка была разбросана летчиками за Турецким валом и жадно подхватывалась врангелевскими солдатами. К вечеру на одном из участков фронта появился белый парламентер с условленным флагом. Нужно было в качестве парламентера от нас отправить человека, у которого хватило бы смелости пройти по открытому полю к Турецкому валу, все подступы к которому белые держали под убийственной огневой завесой. Это поручение я дал политруку 1-го ударного полка.

— А дойду ли я до белых? — спросил политрук.

Я ответил откровенно:

— Вряд ли. Скорее всего, вас убьют еще до вала. Беретесь ли вы за это поручение?

Он ответил, не думая ни минуты:

— Я буду считать это почетной боевой задачей.

Политруку удалось дойти до белого парламентера и передать ему приказ. Тот прочитал и ответил:

— Вопрос о сдаче я решать не уполномочен. Перекопа вам не взять!

Случай с парламентером — один из многих примеров презрения к смерти и мужества красных бойцов.

После боев на каховском плацдарме наши люди ринулись вперед с такой силой, что командование должно было сдерживать их. Под Натальино части дивизии натолкнулись на проволочные заграждения и организованную артиллерийскую завесу. Казалось, невозможно двинуться дальше. Но бойцы, даже не имея ножниц для резания колючей проволоки, ухитрялись, ползая по самой земле, просачиваться под проволочные заграждения.

На одном из полустанков белые подожгли оставленные ими поездные маршруты с патронами и снарядами. Я видел, как до предела уставшие красноармейцы сами, без всяких приказов, рискуя жизнью, бросались к взрывающимся составам и растаскивали вагоны, чтобы сохранить трофеи.

При выходе из с. Александровки 453-й полк увидел брошенную батарею — 4 орудия 52-й дивизии. Красноармейцы во главе с комиссаром полка Опариным бросаются к покинутым орудиям и вытаскивают их на себе. Ни наседающий противник, ни свист пуль и снарядов не останавливают бойцов. Они, уцепившись за орудия, мокрые, вытаскивают батарею из сферы огня, сдают подоспевшим артиллеристам, а сами вновь идут на поддержку оставшимся в цепи.

Смертельно раненный политрук 3-го эскадрона кавалерийского полка тов. Москалев Андрей, умирая, говорил:

— Товарищи, я умираю за идею пролетариата, завещаю вам быть честными и стойкими бойцами.

Командир роты коммунист Брызгалов, будучи ранен осколком в плечо, остался в строю, пока новый снаряд не сразил его.

Своим бесстрашием эти герои, а им нет числа, увлекали за собой массу красноармейцев, воспитывая в них беззаветную преданность делу революции.

Тогда, 15 лет назад, мы, нищие, раздетые, голодные, с небольшой оставленной царской Россией и на две трети разрушенной белогвардейцами промышленностью не в состоянии были снабдить нашу армию всеми необходимыми средствами военной техники и в большей мере побеждали храбростью, энтузиазмом, преданностью бойцов делу пролетарской революции. Мы пронесли знамя побед от Казани до Владивостока и от Орла до Севастополя, разгромив объединенную международную и русскую контрреволюцию.

Теперь, когда железной волей партии, усилиями рабочего класса и колхозного крестьянства мы превратились в металлическую, машиностроительную, колхозную, самую сильную страну мира, оснастили армию самой сильной, самой передовой техникой, мы можем спокойно смотреть в лицо будущему.

В годовщину перекопских боев преклоним головы перед могилой павших героев революции. Слава героям Перекопа!

С такой же настойчивостью, с таким же упорством, как передовые бойцы при штурме Перекопа и Чонгара брали эти неприступные крепости, будем готовиться к грядущим боям.

«Красная звезда», № 262, 14 ноября 1935 г. «Правда», № 313, 14 ноября 1935 г. (Сокращенный вариант под названием «Революционное мужество».)

Август Иванович
КОРК
(1887—1937)

Родился в семье бедного эстонского крестьянина. В 1908 г. окончил Чугуевское пехотное училище, в 1914 г. — академию генерального штаба. Участвовал в первой мировой войне. Последний чин в старой армии — подполковник.

С первых дней революции переходит на сторону восставшего народа. В 1918—1919 гг. — начальник штаба армии, затем начальник оперативного отдела штаба Западного фронта, командующий Эстляндской армией. При обороне Петрограда от войск Юденича — помощник командующего 7-й армией. На советско-польском фронте командовал 15-й армией, при разгроме Врангеля — 6-й армией.

После гражданской войны был помощником командующего вооруженными силами Украины и Крыма, командующим войсками Туркестанского фронта, Кавказской Краснознаменной армии, Западного, Ленинградского и Московского военных округов. С 1935 г. — начальник Военной академии имени М. В. Фрунзе.

ВЗЯТИЕ ПЕРЕКОПСКО-ЮШУНЬСКИХ ПОЗИЦИЙ ВОЙСКАМИ 6-й АРМИИ В НОЯБРЕ 1920 года

(Военно-исторический доклад, сделанный в Екатеринославской гарнизонной военно-научной аудитории 11 ноября 1921 г. на вечере, посвященном памяти героев, погибших при взятии перекопско-юшуньских позиций 7—11 ноября 1920 г.)

1. *Общая обстановка на Южном фронте к началу ноября* 1920 г. В последних операциях на Южном фронте, операциях осени прошлого года, можно усмотреть три самостоятельных операции.

Первая операция Южного фронта представляет собой ликвидацию попытки Врангеля перейти в наступление в районе Александровск — Ушкалка — Бабино и на каховском плацдарме. Эта попытка окончилась поражением для тех частей Врангеля, которые участвовали в этой операции. Одним из главных результатов этой операции явилось оставление Врангелем в наших руках на каховском плацдарме значительного количества технических средств борьбы — танков.

В двадцатых числах октября начинается вторая операция, которая сводилась к очищению Северной Таврии от армии Врангеля; идея этой операции — полное окружение армии Врангеля в целях ее уничтожения. Принимали участие в этой операции: 6-я армия, занимавшая участок от устья р. Днепра до Ново-Воронцовки, далее в районе Никополя была 2-я Конная армия, затем к востоку — 4-я и 13-я армии. С Юго-Западного фронта в это время двигалась 1-я Конная армия, которая к началу операции приблизилась к району Берислав — Каховка. Задача 6-й армии: наступать главными силами с каховского плацдарма на Перекоп, закупорить Перекопский перешеек, не давая проходить через него вооруженным силам Врангеля в Крым. 1-я Конная армия, нанеся от Берислава удар в общем направлении на Сальково, должна была закупорить Чонгарский перешеек, 2-я Конная, 4-я и 13-я армии, наступая концентрически, должны были уничтожить вооруженные силы Врангеля.

6-я армия, выполняя свою задачу, в два дня прошла расстояние от каховского плацдарма до Перекопа; начав наступление 28 октября утром, войска армии 29 октября вечером подошли к Перекопу. 1-я и 2-я Конные, 4-я и влитая в 4-ю 13-я армии подошли в район Чонгарского полуострова несколькими днями позже, причем для оказания содействия соседним армиям 6-й армией были высланы в этом же направлении Латышская и 52-я дивизии.

Вот та исходная обстановка, с которой начинается третья операция, операция прорыва перекопско-юшуньских или сивашских позиций и прорыв чонгарских позиций.

2. *Задача 6-й армии в начале ноября.* В эту третью операцию на 6-ю армию ложилась задача прикрыть побережье от Днепровского лимана до Перекопского залива, не давая противнику возможности высадить десант; прорвать укрепленные позиции на Перекопском перешейке и продолжать наступление в Крым. В соответствии с этой основной задачей был разработан план действий, который изложу ниже, а для того чтобы план был яснее понят, я очерчу в кратких чертах характер местности и позиции противника.

3. *Краткое описание района боевых действий и позиций противника.* Район Перекопского перешейка представляет собой открытую, безлесную, степную равнину; южнее Армянска район покрыт целым рядом соленых озер, и при солончаковой почве нет колодцев с пресной водой. Никаких складок местности и подступов к северу от Перекопа не имелось, равно как и в полосе местности от Перекопа до юшуньских позиций. Только к северо-западу от Перекопского залива имелись небольшие складки местности, в которых могли быть выбраны артиллерийские позиции.

Позиции противника можно разделить на три группы: главная позиция, так называемый Турецкий вал, далее целый ряд позиций, так называемых юшуньских, наконец, к востоку так называемая сивашская позиция, которая была расположена по южному берегу Сиваша. Турецкий вал представляет собой сильное укрепление, которое пересекает перешеек, имея общее протяжение около девяти верст.

Турецкий вал состоит из насыпи вышиной около трех саженей, причем ширина основания четыре-пять саженей. Перед этим валом имеется большой ров, глубиной четыре-пять саженей и шириной по верху пятнадцать-восемнадцать саженей. Этот вал был укреплен следующим образом: на гребне вала были построены стрелковые окопы, пулеметные гнезда, блиндажи. Под валом имелись лисьи норы, т. е. укрытия для людей, имелись погреба для артиллерийских снарядов и патронов и, кроме того, местами тяжелые блиндажи. На дне этого рва были заложены фугасы. На наружной отлогости рва имелись проволочные заграждения в три ряда кольев; впереди рва — два ряда проволочных заграждений от четырех до шести рядов кольев, местами встречались пакеты Фельда. Вот что представлял собой Турецкий вал — основная позиция противника. Дальше, юшуньские позиции, состояли из нескольких линий окопов (местами четыре линии, местами три), причем впереди этих окопов были прерывчатые

линии проволочных заграждений. Кроме юшуньской позиции имелись позиции сивашские на Литовском, или Чувашском, полуострове и далее по южному берегу Сиваша.

Если сравнить в фортификационном отношении силу этих позиций, то ясно, что наибольшую силу представляет собой Турецкий вал; сила юшуньских позиций заключалась в их глубине; на Литовском полуострове позиции довольно слабы.

На укрепление Литовского полуострова не было обращено внимания, по-видимому, потому, что не было учтено одно из обстоятельств, а именно: Сиваш, или так называемое Гнилое море, имеет то отличительное свойство, что вода при восточных и юго-восточных ветрах из Азовского моря сильно прибывает. Летом 1920 г., а также и осенью восточные и юго-восточные ветры почти отсутствовали. Кроме того, лето 1920 г., а равно и осень отличались чрезвычайной сухостью. Результатом этого явилось то, что северо-западная часть Сиваша (примерно от линии село Ивановка до северо-восточной окраины Литовского полуострова) оказалась сухой, вода ушла к юго-востоку. И вот это обстоятельство при возведении укреплений не было в достаточной степени учтено. Это обстоятельство не было также известно нашим высшим штабам и нашему высшему командованию; правда, некоторые войсковые части, которые весной 1920 г. участвовали в операциях на перекопском направлении, знали это, но вследствие недостаточной налаженности работы штабов, вследствие перемены командования, к сожалению, эти сведения не были своевременно учтены при разработке общего плана операции. Более или менее определенные сведения о состоянии Сиваша стали поступать после 29 октября, т. е. после того как наши войска подошли к Перекопу.

Вот та краткая оценка позиций и местности, которую приходится предпослать изложению боевых действий.

4. *Силы сторон и их группировка.* Далее вопрос о вооруженных силах и их группировке. Рассмотрим силы противника. Первыми отступили из Северной Таврии под натиском 6-й армии на Перекопский перешеек части 2-го корпуса — 13-я и 34-я дивизии. Эти силы располагались так: 13-я дивизия на Турецком валу и 34-я дивизия — на Литовско-Чувашском полуострове. После отхода врангелевских войск на Перекопский перешеек и Чонгарский полуостров Врангель совершил перегруппировку: он перебросил на Перекопский перешеек части 1-го и 3-го корпусов: корниловскую, дроздовскую и марковскую дивизии. К началу наших боев в район Перекопа между Сивашем и оз. Красным прибыли также конный корпус генерала Барбовича и некоторые вновь сформированные части. В общей сложности у Врангеля имелось на

Перекопском перешейке до 13 с половиной тыс. бойцов пехоты, до 6 тыс. бойцов кавалерии, около 750 пулеметов, 180 орудий, из которых 12 шестидюймовых и 4 восьмидюймовых, и 48 броневиков. Что касается прочих технических средств, то я уже упомянул, что танки почти все были оставлены на каховском плацдарме. Состав и численность каждого из корпусов указаны в приведенной ниже таблице № 1.

Таблица 1

Силы генерала Врангеля перед фронтом 6-й армии 7—11 ноября 1920 г.

Наименование частей	Бойцы пехоты	Бойцы кавалерии	Пулеметы	Орудия	Танки	Броневики	Самолеты
1-й армейский корпус (корниловская, дроздовская и 1-я кубанская кавалерийская дивизии)	4960	1460	242	71	—	28	—
2-й армейский корпус (13-я и 34-я дивизии и приданные части)	3230	370	179	36	—	—	—
марковская дивизия (3-го корпуса)	750	150	96	21	—	—	—
15-я пехотная дивизия (4-го корпуса)	2600	—	—	24	—	—	—
2-я кубанская бр. (ген. Фостиков)	1500	—	20	4	—	—	—
1-й конный корпус (ген. Барбович)	600	3990	228	24	—	20	—
Итого . . .	13 640	5970	765	180	?	48	?

В ожидании нашего наступления Врангель совершил перегруппировку: на Турецком валу вместо 13-й дивизии, как малобоеспособной, была поставлена дроздовская дивизия и вместо 34-й дивизии на Литовском полуострове были расположены 1-й лабинский и 2-й кубанский полки кубанской бригады генерала Фостикова. 13-я и 34-я дивизии были сняты с позиций, сосредоточены у северной оконечности оз. Красного и подготовлены к переброске в район чонгарских позиций. Вот та перегруппировка, которая была произведена Врангелем.

Наши силы. Общая численность наших сил: 34 833 бойца пехоты, 4352 бойца кавалерии, 965 пулеметов, 165 орудий, 3 танка, 14 броневиков и 7 самолетов. Из этого числа 6191 боец пехоты, 511 бойцов кавалерии, 58 пулеметов и

24 орудия (1-я стрелковая дивизия) участия в наступлении не принимали. Более подробные данные о численности наших частей приведены в таблице № 2.

Таблица 2

Силы 6-й армии к 7 ноября 1920 г.

Наименование частей	Бойцы пехоты	Бойцы кавалерии	Пулеметы	Орудия	Танки	Броневики	Самолеты	Примечание
1-я стрелковая дивизия	6191	511	58	24	—	—	—	[1] С Огневой бригадой [2] При нем же 7-я кавалерийская дивизия [3] Из них: 3 дм. — 131 42 лин. — 4 48 лин. — 11 6 дм. — 11 120 м/м — 5 Разн. — 3 [4] Участия в операции не принимали
15-я стрелковая дивизия	9028	573	147	27	—	—	—	
51-я стрелковая дивизия[1]	8830	796	326	44	—	—	—	
52-я стрелковая дивизия	4471	452	112	28	—	—	—	
Латышская стрелковая дивизия	5513	577	85	23	—	—	—	
Отдельная кавалерийская бригада	—	743	26	8	—	—	—	
Отряд Каретника[2]	1000	700	191	6	—	—	—	
„Таон“	—	—	—	5	—	—	—	
Бронегруппа	—	—	—	—	3	14	—	
Авиагруппа	—	—	—	—	—	—	7	
Итого	34 833	4352	965	165[3]	3[4]	14	7	

1-я стрелковая дивизия имела задачей охрану северного побережья Черного моря от Днестровского лимана до Перекопского залива. 51-я дивизия с Огневой бригадой и отдельной кавалерийской бригадой составляли в начале операции так называемую ударную группу, которая была сохранена и располагалась в районе Перво-Константиновка — Перекоп. Латышская дивизия участвовала во второй операции совместно с 1-й Конной армией и по очищении Северной Таврии была повернута к Перекопскому перешейку, но оставлена в армейском резерве в районе Марьяновка — Волковский — Аскания-Нова. 52-я дивизия (наступала совместно с 1-й и 2-й Конными армиями) повернула в сторону Перекопского перешейка на Владимировку, наконец, 15-я дивизия, которая большого участия в операции по очищению Северной Таврии не принимала, направилась на Ивановку — Строгановку. Вот в общих чертах группировка.

Если сопоставить силы сторон, то бросается в глаза сразу же значительное наше численное превосходство над Врангелем; пехотой мы превосходили более чем в два раза, конницы у Врангеля было больше, но здесь нужно учитывать наличие 1-й и 2-й Конных армий, которые могли быть переброшены в любой момент на Перекопский перешеек с целью форсирования его и продвижения в Крым. Что касается артиллерии, то в общей сложности у противника как будто имелось превосходство, но его артиллерия была чрезвычайно разбросана, имелось большое количество артиллерии на южном побережье Сиваша. Если мы сопоставим количество артиллерии на ударных направлениях, то превосходство в артиллерии было безусловно на нашей стороне.

Итак, сравнивая численность сторон, следует признать, что громадное превосходство было на нашей стороне.

Следует упомянуть, что 2-я Конная армия после 5 ноября была в оперативном отношении подчинена командованию 6-й армии, однако это распоряжение 8 ноября по настоянию командарма 2-й Конной было отменено, и в разгар операции 2-я Конная армия действовала самостоятельно. Характерно также нахождение во временном подчинении командующего 6-й армией так называемого отряда Каретника, который представлял собой часть повстанческой армии Махно. Численность этого отряда была невелика, но вся сила отряда заключалась в наличии пулеметного полка, который, несомненно, мог иметь большое значение в этой операции. И события показали, что этот пулеметный полк сыграл свою роль.

5. *План операции 6-й армии.* Переходя к плану операции, укажу, что высшее командование, не зная условий местности, считало, что придется вести борьбу на Перекопском перешейке методами позиционной борьбы. Я упомянул уже, что северо-западная часть Сиваша была сухая, и она была проходима для всех родов войск. Совершенно ясно, что когда эти обстоятельства выяснились, то у командарма-6 не могло быть другого решения, как нанесение главного удара в наиболее слабом месте противника — через Сиваш и Литовский полуостров на Армянск. Этот план был утвержден командующим Южным фронтом.

6. *Подготовка операции.* Подготовка операции свелась прежде всего к перегруппировке сил. Те дивизии, которые шли с 1-й и 2-й Конными армиями на Сальково, были повернуты в сторону Перекопского перешейка, и группировка сил и постановка задач для нанесения главного удара были произведены следующим образом: 51-я дивизия хотя и была оставлена против Турецкого вала, но командующим армией было приказано начальнику 51-й дивизии нанести удар на

Турецкий вал только двумя бригадами, а остальные силы, т. е. две стрелковые бригады и кавалерийскую бригаду, бросить через Сиваш в обход правого фланга противника, занимавшего Перекопский перешеек. 52-я и 15-я дивизии имели задачей нанести из района Владимировка — Строгановка — Ивановка удар через Сиваш и Литовский полуостров на Армянск с целью выхода в тыл противнику. Латышская дивизия была оставлена в армейском резерве в районе Марьяновка — Волковский — Аскания-Нова. Вот та группировка, которая была создана для нанесения удара противнику через Сиваш.

Далее подготовка к операции заключалась в установке батарей. Я уже указал на неблагоприятные условия местности в районе к северу от Перекопа: степная равнина без складок, где можно было бы расположить артиллерию; потому и артиллерийская группа, которая должна была участвовать в нанесении удара по Турецкому валу, располагалась на северо-западном побережье Перекопского залива. Правда, этой артиллерии приходилось стрелять почти на пределе, но по условиям местности другого выхода не могло быть. Здесь были расположены все тяжелые батареи, в том числе и так называемая батарея «Таон», на которую высшее командование возлагало большие надежды. Центр решил направить 6-й армии 8 тяжелых дивизионов особого назначения. Но вследствие трудных транспортных условий, вследствие запоздания этого решения сюда фактически успел прибыть и был использован только один дивизион, 5 120-миллиметровых пушек. Остальные дивизионы к началу операции находились в пути. Для усиления тяжелой артиллерии 51-й дивизии ей были приданы тяжелые и гаубичные дивизионы 15-й и 52-й дивизий. Многие из артиллеристов, приступив к подготовке операции, естественно, вспомнили условия позиционной войны, и немедленно началось производство всевозможных расчетов о потребном числе огнестрельных припасов, делались расчеты количества снарядов, потребных чуть ли не на каждый квадратный аршин, как в империалистическую войну. Артиллеристы не хотели учитывать той общей идеи операции, которая сводилась к маневру, артиллеристы не считались с тем, что для того чтобы уничтожить все искусственные препятствия и разрушить позиции противника, артиллерии было слишком мало, а, главное, местность не допускала целесообразно расположить эту артиллерию. Нужно заметить, говоря о запасах артиллерийских снарядов, что огнестрельных припасов у нас было достаточно, но они находились далеко, главным образом на ст. Снегиревка и у Берислава *. Имея

* Снегиревка от Перекопа в 145 верстах, Берислав — в 80 верстах,

в виду отсутствие транспортных средств, конечно, нельзя было рассчитывать на своевременную доставку артиллерийских припасов. Как результат — некоторый упадок настроения у старшего командного состава 51-й дивизии перед операцией, когда начались разговоры о недостатке снарядов и необходимости подвоза.

Что касается инженерной подготовки, то следует подчеркнуть, что командование частей, находившихся перед Перекопским перешейком, придавало ей чрезвычайно большое значение. Поступали непрерывные требования об отпуске ножниц для резки проволоки, об отпуске пироксилиновых шашек, дымовых шашек и т. д. Конечно, наши скудные средства не могли обеспечить никакой инженерной подготовки, и нужно признать, что это обстоятельство до некоторой степени понизило энергию того командования, которое руководило операцией по взятию Турецкого вала.

Вопрос о рекогносцировках приобрел чрезвычайно важное значение, так как, повторяю, высшие штабы не были в достаточной мере осведомлены об условиях местности и о состоянии Сиваша. Рекогносцировки местности и позиций противника производились с 1 по 7 ноября, вследствие недостатка авиационных средств в штабе армии не имелось точных данных о местонахождении неприятельских батарей и не было возможности сфотографировать неприятельские позиции *.

7. *Начало боевых действий.* Отношение махновцев к Красной Армии не было достаточно ясно, и оставление отряда Каретника в нашем тылу казалось несколько нецелесообразным, поэтому командующий войсками фронта поставил задачу — отряд Каретника выдвинуть вперед. Раз выяснилось, что Сиваш проходи́м, то представилась возможность выбросить этот отряд вперед для занятия в качестве плацдарма Литовского полуострова. Эта задача была дана 5 ноября командармом-6 в с. Ново-Николаевке, где стоял отряд, лично начальнику отряда Каретнику, который должен был ее выполнить в ночь с 5-го на 6-е, так как 7 ноября предполагалось перейти в общее наступление. Отряд Каретника двинулся через Сиваш, но, не доходя до Литовского полуострова, вернулся, и начальник отряда донес, что местность настолько болотиста, что о прохождении Сиваша говорить не приходится. 6-го числа была произведена новая рекогносцировка, которая показала, что доклад начальника отряда был ложный, так как Сиваш был вполне проходим.

---

* Произведенная одна аэрофотосъемка не дала результатов вследствие плохого качества пленок.

Общее наступление предполагалось начать утром 7 ноября вследствие того, что рекогносцировки не были вполне закончены, а главное потому, что прибытие 52-й дивизии несколько задержалось: вследствие ее глубокого движения на юго-восток в сторону Чонгара дивизия прибыла в с. Владимировку лишь поздно вечером 6 ноября. Естественно, бросить утомленную дивизию для выполнения такой серьезной задачи казалось нецелесообразным. Однако, с другой стороны, имелись обстоятельства, которые, безусловно, заставляли торопиться с началом операции. Всем, конечно, ясно, что потеря нами каждого дня могла быть полезной только противнику: противник имел бы возможность улучшить свои позиции и занять более устойчивое положение. Кроме того, ветер переменил направление — с вечера 6 ноября подул восточный ветер; стали поступать тревожные сведения, что вода начинает заполнять Сиваш. Это тоже заставило торопиться с началом операции. Ясно, что прохождение такой открытой равнины на протяжении десяти верст не могло быть осуществлено днем без значительных потерь, поэтому казалось более целесообразным нанести удар ночью. Командармом-6 было решено начать наступление 52-й и 15-й дивизиями, в том числе и отрядом Каретника, вечером 7 ноября, а именно в 22 часа. 51-я дивизия против Турецкого вала должна была начать действовать с рассветом 8-го; вместе с тем части 51-й дивизии, назначенные для обхода Турецкого вала с востока, должны были начать наступление одновременно с частями 52-й и 15-й дивизий, т. е. в 22 часа 7 ноября. В общем, не было и не требовалось одновременности начала наступления частей 51-й дивизии, так как участки имели разный характер и уже опыт показал, что действия ночью против Турецкого вала при наличии прожекторов у противника не могут сулить хорошего результата.

Итак, боевые действия начались в ночь с 7 на 8 ноября.

8. *Боевые действия 8 и 9 ноября.* Обзор боевых действий я начну с правого фланга. 51-я дивизия не могла приступить к артиллерийской подготовке: 8 ноября с рассветом был сильный туман, и артиллерия, естественно, открыть огня не могла. Туман стал рассеиваться около 10 час. утра, с 10 час. и началась артиллерийская подготовка, которая длилась около четырех часов. Примерно к двум час. дня артиллерийская подготовка была закончена. Под прикрытием артиллерийского огня наши пехотные части — 152-я и Огневая бригады — подошли к проволочным заграждениям противника и приступили к резке проволоки, что местами было выполнено удачно. Войска перешли в первую атаку в 14 час. Вследствие сосредоточенного огня противника (пулеметного, орудийного, ружей-

ного и бомбометного) полки 152-й и Огневой бригад отхлынули назад. Возобновилась артиллерийская подготовка, и части 51-й дивизии повторили атаку в 18 час., но опять неудачно: сильным огнем противника войска с большими потерями были отброшены назад.

Что делалось левее?

Начальник 51-й дивизии в ночь с 7 на 8 ноября направил 153-ю бригаду в обход правого фланга (Турецкого вала) противника. К рассвету 153-я бригада прорвала позицию противника севернее Караджанай, но противник перешел в контратаку, и части 153-й бригады отошли назад. Подчеркиваю, что наступала только 153-я бригада, а между тем начальник дивизии получил задачу нанести удар не менее чем двумя стрелковыми бригадами и кавалерийской бригадой.

52-я и 15-я дивизии начали наступление в 22 часа 7 ноября и около 2 час. ночи подошли к северной оконечности Литовского, или Чувашского, полуострова. У 52-й дивизии в голове шла 154-я бригада, а у 15-й — 45-я бригада. 154-я бригада встретила сопротивление противника, замешкалась, и только к 7 час. утра ей удалось прорвать позицию противника и выйти на Литовский полуостров. 45-я бригада в 2 часа ночи 8-го прорвала позицию противника и двинулась дальше, в глубь Литовского полуострова.

Части 52-й и 15-й дивизий продолжали наступление; примерно к 8 час. утра части 15-й дивизии достигли д. Чуваш. 52-я дивизия несколько отстала от 15-й дивизии. Около полудня бронемашины противника, поддержанные пехотой, перешли в контратаку, и части 52-й дивизии осадили несколько назад. Броневики вышли в тыл 15-й дивизии, которая начала несколько осаживать, но при помощи подоспевших резервов 52-й и 15-й дивизий перешли в контратаку, отбросили противника и к 14 час. вытеснили все силы противника с Литовского полуострова. Далее начдив-52 повернул 154-ю бригаду на помощь 152-й бригаде 51-й дивизии, а остальными силами продолжал двигаться на юг. 15-я дивизия, продолжая наступление, вышла к первой линии позиций противника, но вследствие сильного огня противника успеха не достигла и, задержавшись перед первой линией противника, выдержала несколько неприятельских контратак; эти контратаки местами увенчались для противника успехом, но подоспевшие резервы 15-й дивизии восстанавливали положение.

К 18 час. 8 ноября обстановка сложилась в следующем виде: части 51-й дивизии от Турецкого вала были отброшены после второй атаки; части 15-й и 52-й дивизий решительного успеха не достигли, так как противник все время переходил в контратаки. Но вместе с тем командарм получил от началь-

ника 15-й дивизии непроверенные сведения, что наблюдается движение противника от Армянска в южном направлении. Эти сведения казались вполне правдоподобными, так как выход двух стрелковых дивизий во фланг и тыл силам противника, занимавшим Турецкий вал, создал критическое положение для этих частей противника. Командующим армией был отдан приказ 51-й дивизии немедленно возобновить штурм Турецкого вала, атакуя вал двумя бригадами, а остальные силы бросить на Караджанай, Армянск. 52-й дивизии нанести удар противнику в направлении на Армянск. 15-й дивизии продолжать наступление с целью овладения позицией между Сивашем и оз. Красным. Кроме того, 51-й дивизии была дана задача: после овладения Турецким валом продолжать безостановочное наступление в целях овладения на плечах противника юшуньскими позициями, а 52-я дивизия по выполнении задачи в Армянском районе должна была повернуть на юго-восток для совместного наступления с 15-й дивизией.

Между прочим, вода в Сиваше стала прибывать, и к ночи уже создалась угроза для 15-й и 52-й дивизий быть отрезанными от своего тыла, но силами инженерных частей 15-й дивизии и местного населения на Сиваше был устроен небольшой вал, и благодаря этому дальнейшая прибыль воды прекратилась.

Задачи, данные командующим армией вечером 8 ноября, дивизиями не были в точности исполнены.

Начальник 51-й дивизии, вернее командиры бригад, вследствие чрезмерного переутомления своих частей сразу не перешли в наступление, и оно возобновилось только около 2 час. ночи. Части 152-й и Огневой бригад перешли в наступление на Турецкий вал около 2 час. ночи, и хотя поступили донесения, что противник оказывает сильное сопротивление, но по тем данным, которые поступали в дальнейшем, выяснилось, что в это время противник начал полное отступление, оставив на Турецком валу арьергард. Турецкий вал был взят без особых потерь. Части 51-й дивизии, наносившие удар в обход фланга Турецкого вала, также запоздали, и окончилось тем, что противник безнаказанно ушел.

Части 51-й дивизии подошли примерно к 8 час. 30 мин. утра к Армянску, в то время когда в Армянске оставался только незначительный арьергард.

52-я дивизия вследствие чрезмерного переутомления возобновила наступление только утром 9-го и прибыла к Армянску позже частей 51-й дивизии (к 10 час. утра). 15-я дивизия продолжала выполнять задачу, причем противник пере-

ходил в контратаки, но безуспешно. Утром начались упорные бои.

15-я дивизия имела задачей овладеть во что бы то ни стало неприятельской позицией, а противник, подтянув свежие части, в том числе и конницу Барбовича, оказывал сильное сопротивление. Около 15 час. на перешейке между Сивашем и Безымянным озером перешла в наступление конница Барбовича, 15-я дивизия левым флангом стала отходить. Тут оказал поддержку отряд Каретника, который быстро развернулся и встретил конницу противника убийственным пулеметным огнем. Конница Барбовича бросилась назад. Благодаря помощи, оказанной отрядом Каретника (пулеметным полком), левый фланг 15-й дивизии был быстро приведен в порядок.

К вечеру 9 ноября 51-я дивизия, продолжая наступление в южном направлении, подошла к первой линии юшуньских позиций.

52-я дивизия от Армянска повернула на юго-восток и подошла к левому флангу 15-й дивизии.

15-я дивизия находилась перед позицией противника.

В таком положении застала наши части ночь с 8-го на 9-е.

В общем, подводя итоги действиям 8 и 9 ноября, следует признать, что задача по овладению главной позицией противника была выполнена достаточно успешно и быстро; правда, если бы со стороны частных начальников и даже со стороны некоторых старших начальников не было бы допущено шероховатостей в исполнении приказов, то, быть может, задача была бы выполнена еще быстрее.

9. *Прорыв юшуньских позиций 10 и 11 ноября.* Группировка сил противника: на участке от Каркинитского залива до оз. Красное занимали позицию войска 1-го армейского корпуса, марковская дивизия; на участке между оз. Красное и Сивашем — части 2-го армейского корпуса (13-я и 34-я дивизии), конный корпус Барбовича, 15-я пехотная дивизия и бригада Фостикова. Противник имел задачу упорно оборонять юшуньские позиции; в частности, в боевом приказе генерал Барбович указывал: «Ни одного шага быть назад не может; это недопустимо по общей обстановке; мы должны умирать, но не отступать». Противнику было совершенно ясно, что в случае потери юшуньских позиций все будет проиграно.

В прорыве юшуньских позиций принимали участие те же 51, 52 и 15-я дивизии; кроме того, 10 ноября была двинута на боевой участок Латышская дивизия. Командарм, учитывая полное отсутствие пресной воды в полосе перед юшуньскими позициями, а также отсутствие жилых помещений

(стояли сильные морозы), поставил дивизиям задачу во что бы то ни стало, невзирая на потери, пройти все юшуньские позиции в одни сутки. Выдвижение Латышской дивизии на боевой участок несколько откладывалось, так как 9 ноября и в первую половину дня 10 ноября не миновала еще опасность удара противника из района перешейка между оз. Красное и Сиваш в северо-западном направлении для ликвидации нашего наступления, а Латышская дивизия являлась последним армейским резервом, при посредстве которого можно было бы противодействовать контрнаступлению противника.

51-я дивизия имела задачей прорвать позиции противника на участке между Каркинитским заливом и оз. Красным. 10 ноября до рассвета войска приступили к работе. 151-й бригадой были проделаны проходы в проволочных заграждениях. На рассвете части бросились в атаку и заняли первую укрепленную линию, отбросив противника на вторую линию. Дальнейшее наступление 151-й бригады было приостановлено убийственным огнем противника, который обстреливал бригаду не только с суши, но также с моря; в Каркинитском заливе появилось до двадцати вооруженных судов. Одновременно с 151-й бригадой, левее ее, наступали 152-я и Огневая бригады, овладевшие также первой укрепленной линией.

Около 15 час. 151-я и 152-я бригады перешли в атаку на вторую линию, прорвали проволочные заграждения и ворвались в окопы, захватив 100 пленных, 15 пулеметов, 2 тракторных орудия и другие трофеи. Противник отступил на третью линию. Огневая бригада в это время наступала по перешейку между озерами Старое и Красное. Части 51-й дивизии, продолжая преследование противника, к полуночи прошли третью укрепленную линию и вышли в район почтовой станции Юшунь.

52-я дивизия, имея задачей наступать вдоль восточного берега оз. Красное, перешла в атаку на рассвете 10 ноября, сбила противника с первой укрепленной линии в двух верстах северо-западнее Карповой балки; дальнейшее наступление задержалось вследствие упорного сопротивления противника.

15-я дивизия 10 ноября около 2 час. ночи атаковала противника; 43-я бригада сбила 6-й кавалерийский полк корпуса генерала Барбовича (6-й полк был частью уничтожен, а частью, во главе с командиром полка, захвачен в плен), за 43-й бригадой двинулась 44-я бригада; противник оставил первую линию. Около полудня части дивизии овладели высотой 10,8 и в 14 час. подошли ко второй укрепленной линии.

Латышская дивизия к полуночи сосредоточилась непосредственно за 151-й и 152-й бригадами в районе между второй и третьей линиями юшуньских позиций.

Итак, 10 ноября дивизиям не удалось полностью выполнить поставленных задач. Наибольший успех был достигнут на правом фланге, где 51-я дивизия прошла три укрепленные линии. Менее благоприятно складывалась обстановка на левом фланге, где за сутки удалось овладеть лишь первой укрепленной линией противника. Тем не менее следует признать, что благодаря упорству и героизму красных бойцов за день было достигнуто весьма многое.

На 11 ноября были поставлены задачи:

а) Латышской дивизии — продолжать стремительное наступление в южном направлении и 11 ноября выйти на линию Бой-Казак — Бешеул; кавалерийский полк выбросить вперед для преследования противника;

б) 51-й дивизии,— продолжая энергичное наступление, 11 ноября войти передовыми частями на линию Бешеул — Биюк-Мамчик. Наиболее расстроенные от крупных потерь части вывести в резерв;

в) 52-й дивизии,— равняясь по 51-й дивизии, подтянуться и овладеть линией Биюк-Мамчик — Магазы; кавалерийский полк выбросить вперед;

г) 15-й дивизии,— продолжая разгром противника, овладеть линией Магазы — Каранки;

д) На основании приказа командующего фронтом повстанческому отряду Каретника перейти в подчинение командарма 2-й Конной; состоящую при отряде Каретника 7-ю кавдивизию выбросить на ст. Джанкой, в тыл чонгарской группе противника.

В ночь с 10 на 11 ноября в районе почтовой станции Юшунь противник перешел в контрнаступление на части 51-й дивизии и несколько оттеснил наши войска.

Около 7 час. утра Латышская и 51-я дивизии возобновили наступление; атаковали последнюю укрепленную линию противника, прорвали ее и захватили много пленных. Противник, напрягая последние усилия и опираясь на огонь двух бронепоездов, трех автоброневиков, одного танка и тяжелых батарей, произвел ряд контратак; части Латышской дивизии под натиском противника отошли на третью линию юшуньских позиций. Однако при поддержке резервов дивизия снова перешла в наступление, преодолела упорное сопротивление противника и около 9 час. утра совместно с правофланговыми частями 51-й дивизии заняла железнодорожную станцию Юшунь, где было захвачено 200 вагонов с различными грузами, 20 млн. винтовочных патронов, несколько десятков тысяч снарядов, винтовки, оружие, подбитый танк и прочее.

В это время на левом фланге армии события развивались в следующем порядке.

В ночь с 10 на 11 ноября в штабе 15-й дивизии были получены от перебежчиков сведения, что противник готовится к нанесению 11 ноября на участке нашей 15-й дивизии решительного контрудара для ликвидации нашего наступления. Для предупреждения противника около 3 час. ночи 44-я и 45-я бригады атаковали противника и выбили его со второй укрепленной линии перед своим фронтом.

Противник, подтянув резервы, при поддержке ураганного артиллерийского огня перешел в контратаку. Части 52-й и 15-й дивизий начали отход в северном направлении, на Литовском полуострове. Подтянулись последние резервы 52-й и 15-й дивизий. Наши части перешли вновь в контратаку. Противник около 10 час. снова был оттеснен на прежнюю линию. Однако упорный бой продолжался. Около 11 час. противник возобновил при поддержке офицерских батальонов корниловской и дроздовской дивизий контратаку и опять стал теснить наши войска.

В связи с создавшимся положением 51-я дивизия получила от командарма задачу ударить противнику, наседающему на 52-ю и 15-ю дивизии, в тыл: 152-й и Огневой бригадами в обход оз. Красное с юга (по перешейку между оз. Красным и расположенным к востоку от него озером без названия), а отдельной кавалерийской бригадой — в общем направлении на Мурза-Кояш; 15-й и 52-й дивизиям в то же время было приказано продолжать самое энергичное наступление.

Совместными усилиями 51, 52 и 15-й дивизий вскоре было окончательно сломлено сопротивление противника. Он начал постепенное отступление. На перешейке между оз. Красным и Безымянным озером, что восточнее оз. Красного, отходившие части противника уничтожались или забирались в плен 51-й дивизией; в это же время 15-я и 52-я дивизии, преследуя противника, продвинулись вперед верст на десять.

Латышская дивизия к 18 час. выполнила задачу и заняла линию Бой-Казак — Бешеул (исключительно); кавалерийский полк с автоброневиками бросился преследовать противника, отходившего на Евпаторию и Симферополь.

51-я дивизия к вечеру 11 ноября вышла на линию Бешеул — южная оконечность Безымянного озера (восемь верст восточнее почтовой станции Юшунь).

52-я дивизия к вечеру сосредоточивалась у левого фланга 51-й дивизии (южная оконечность Безымянного озера).

15-я дивизия продолжала преследование противника, который, бросая вооружение, снаряжение и прочее имущество, обратился в паническое бегство.

Операция по овладению перекопско-юшуньскими пози-

циями к вечеру 11 ноября была закончена, и вместе с этим 11 ноября была решена участь врангелевской армии.

Итак, боевая задача армии выполнена после четырехдневного периода (с 8 по 11 ноября) упорных боев, в которых необходимо особенно подчеркнуть чрезвычайное упорство наших частей, полное сознание необходимости достигнуть победы над Врангелем, полную готовность у красноармейцев и командного состава к самопожертвованию, терпеливое перенесение всеми бойцами невзгод боевой обстановки (плохое обмундирование при сильных морозах, голод из-за неналаженности тыла и прочее).

10. *Общее паническое бегство противника.* Дальнейшее движение в глубь Крыма шло без боев; лишь в районе Джанкоя произошли небольшие стычки.

Наши стрелковые дивизии с необычайной быстротой двинулись вперед. Латышская дивизия в ночь с 13 на 14-е заняла Евпаторию, 51-я дивизия 15 ноября уже заняла Севастополь, 52-я дивизия 16-го заняла Ялту и Алушту.

16 и 17 ноября соседней 4-й армией были заняты Феодосия и Керчь.

Говоря про преследование противника, нельзя не упомянуть, что эксплуатация победы, одержанной на перекопско-сивашских позициях, явилась не совсем полной. Совершенно ясно, что противник, бросившись в паническое бегство, естественно, уходил из-под ударов пехоты; наша пехота не могла догнать бежавшей армии генерала Врангеля, нужна была конница.

1-я Конная армия в то время, когда 6-я армия прошла все юшуньские позиции, находилась еще к северу от Сиваша, и, для того чтобы 1-я Конная армия могла участвовать в преследовании, в эксплуатации победы, ей нужно было совершить слишком большой марш. Результат тот, что 14 ноября, в то время когда 51-я дивизия была уже в движении из Симферополя в Севастополь, в то время когда Врангель заканчивал посадку своих частей в Севастополе на суда, в это время только головные части 1-й Конной армии подходили к Симферополю.

2-я Конная армия была ближе, но вследствие запоздалого прохождения конницей пехотных частей 6-й армии, вследствие опасений конницы напороться на проволочные заграждения юшуньских позиций, 2-я Конная армия, догоняя хвосты противника, прибыла в Симферополь к тому времени, когда он был оставлен противником *.

---

* Между прочим, 2-я Конная армия имела задачу двигаться на Феодосию и Керчь, но по неизвестной причине повернула на Симферополь

11. *Потери и трофеи.* Из краткого доклада вы усмотрели ряд фактов, которые заставили нас выполнять порой задачи, не считаясь с жертвами, выполнять задачи «во что бы то ни стало». Такой задачей явилась, например, задача прохождения юшуньских позиций «во что бы то ни стало в одни сутки». Конечно, при таких условиях потери достигли, быть может, бóльших размеров, чем при обыкновенных маневренных действиях наших войсковых частей.

Учитывая всю тяжесть операции, учитывая обилие у противника технических средств, следует признать, что в общем итоге те потери, которые наши части понесли, не достигли громадных цифр, обычных в империалистическую войну при подобных прорывах укрепленных позиций. Объясняется это тем, что мы соединили маневр с атакой укрепленной позиции, и тем, что мы, наступая стремительно, не давали возможности противнику приводить в порядок его части. В итоге наши потери равняются· убитыми — 45 лиц комсостава и 605 красноармейцев. Наибольшее количество потерь убитыми падает на 15-ю дивизию и наименьшее — на Латышскую дивизию. Количество раненых достигло 334 среди комсостава и 4370 красноармейцев. Контуженных: 5 командиров и 52 красноармейца. Большая убыль была также заболевшими вследствие сильных морозов. Вот таблица, где подведен итог наших потерь.

Таблица 3

Потери 6-й армии за время с 8 по 11 ноября 1920 г.

Наименование частей	Убито		Ранено		Контужено		Всего	
	комсостава	красноармейцев	комсостава	красноармейцев	комсостава	красноармейцев	комсостава	красноармейцев
1 стр. див.	Не было							
15 стр. див.	26	364	219	2654	5	43	250	3061
51 стр. див.	10	198	82	1284	—	7	92	1489
52 стр. див.	6	27	24	322	—	2	30	351
Лат. стр. див.	3	16	9	110	—	—	12	126
Отд. кав. бр.	Включены в потери 51 дивизии							
Отряд Каретника	Не выяснены							
„Таон“	Не было							
Бронегруппа	Не было							
Авиагруппа	Не было							
Итого	45	605	334	4370	5	52	384	5027

Трофеи достались нам громадные. Почти вся материальная часть противника осталась в наших руках — вся артиллерия, за исключением небольшого количества, которое противник потопил в море; в Крыму осталось колоссальное количество артиллерийских снарядов и патронов.

Было захвачено до 90 орудий, кроме тех, которые остались в Севастополе, Симферополе и т. д. Количество захваченных пулеметов достигает 160, не считая тех, которые остались в различных складах; патронов, захваченных только на ст. Юшунь, было 20 млн. и громадное количество также в тех пунктах, где имелись базы: Сарабузы, Севастополь и т. д. Артиллерийских снарядов на ст. Юшунь захвачено до 11 тыс. и громадное количество в глубине Крыма. В Симферополе, Севастополе и Ялте осталось до 20 тыс. врангелевцев, которые сдались советским войскам.

12. *Оценка операции и выводы.* Переходя к оценке операции, следует подчеркнуть те недочеты, которые были допущены. По ходу доклада эти недочеты были выявлены, здесь остается их подчеркнуть.

1) Если решено было бороться на Перекопском перешейке методами позиционной войны, то ясно, что нужно было принять все меры, чтобы технические средства были подтянуты своевременно, но мы этого не видели; технические средства хотя и имелись, но они запоздали. 2) Слабая разведка агентурная, воздушная и войсковая. 3) Недостаточная осведомленность о характере местности, в частности неосведомленность о состоянии Сиваша, что свидетельствует о недочетах в работе штабов. 4) Неточное исполнение приказов некоторыми лицами командного состава. В операции против Турецкого вала — неуверенность у некоторых лиц комсостава в легкости выполнения этой задачи.

Следует подчеркнуть, что все ошибки, и стратегические, и тактические, покрывались героизмом и мужеством рядовых бойцов и младшего командного состава; последний, быть может, не умел руководить, но шел впереди, увлекая за собой массы красноармейцев.

Сопоставляя действия 6-й армии с действиями соседей, следует подчеркнуть, что если бы конница своевременно прорвалась вперед, прошла бы своевременно через расположения пехоты, то, конечно, общая цель — уничтожение противника, а не завоевание пространства — была бы достигнута.

Говоря о действиях противника, следует указать прежде всего на запоздалое отступление Врангеля из Северной Таврии. Врангель предпринял в первой половине октября активную операцию, не соразмерив своих сил; эта операция окон-

чилась неудачей. Совершенно правильно решение, которое было принято, а именно — отойти в Крым. Это решение нужно было провести в жизнь безотлагательно; между тем Врангель почему-то медлил, и это привело к беспорядочному отступлению, к отступлению под нашим нажимом и даже под угрозой лишиться пути отступления через Чонгарский полуостров, хотя это предрешенное отступление могло быть проведено более планомерно, с большим спокойствием, с сохранением сил людей, а главное, с сохранением все-таки некоторой нравственной упругости. Далее, войска Врангеля по прибытии на полуостров оказались недостаточно целесообразно сгруппированы, большая масса войск находилась в районе Чонгарского перешейка — их перебрасывали на Перекопский перешеек. На эту переброску уходило время. Естественно, все это могло послужить лишь на пользу нам.

Заканчивая свой доклад, я, товарищи, должен подчеркнуть еще раз то обстоятельство, о котором уже говорил, — это высокий героизм, мужество, высшая степень политической сознательности наших частей. Все имели лишь одно стремление — идти вперед, уничтожить Врангеля во что бы то ни стало, и поэтому, несмотря на ошибки, которые нами допускались, мы задачу выполнили. Врангель не был полностью уничтожен, но ему был нанесен настолько серьезный удар, что Советская Россия избавилась от своего последнего врага, который оставил Крым. Вместе с этим:

1) Рабочие и крестьяне Советской России получили возможность направить все свои силы на трудовой фронт для восстановления разрушенного многолетней войной народного хозяйства.

2) Явилась возможность значительно сократить армию.

3) Международное положение Советской России улучшилось (быстрее достигнуты разные мирные и торговые соглашения).

Журнал «Революционная армия» (Екатеринослав), 1921, № 1, стр. 17—31.

Гая Дмитриевич
ГАЙ (БЖИШКЯН)
(1887—1937)

Родился в семье учителя, впоследствии активного члена армянской социал-демократической партии. С юношеских лет вступил на путь революционной борьбы. Член большевистской партии с 1903 г. Арестовывался и сидел в тюрьмах Тифлиса и Баку, высылался из Закавказья. Вступив в армию во время первой мировой войны, воевал на турецком фронте. За исключительную храбрость был произведен в офицеры.

Летом 1918 г. командовал отрядом Красной Армии в районе Сенгилея, южнее Симбирска. Сформированная им Симбирская дивизия за необыкновенную стойкость получила наименование 24-й Железной и участвовала в освобождении от белых Симбирска и Самары. В декабре 1918 г. Г. Д. Гай был назначен командующим 1-й армией, которая освобождала Бугуруслан, Бузулук, Оренбург, Уфу, Орск и другие города Урала. В последующем командовал конными корпусами на Северном Кавказе и Западном фронте.

В 1927 г. окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе, а затем адъюнктуру. Работал преподавателем, а потом начальником кафедры истории военного искусства в академиях Красной Армии. В 1934 г. за плодотворную научную деятельность Г. Д. Гаю было присвоено звание профессора.

БОЕВЫЕ ЭПИЗОДЫ

В. В. КУЙБЫШЕВ

Несмотря на громадную работу по организации и политическому руководству 1-й Красной армией, тов. Куйбышев не забывал нас, своих самарцев, своих бойцов и ближайших соратников. Он часто посещал мои дружины и проводил в отрядах беседы на политические темы, воодушевляя и воспитывая нас. Он привозил с собой не только деньги и литературу, но и все, что только можно было достать для бойцов в Симбирске, — продовольствие, оружие и даже махорку, в которой мы, конечно, очень нуждались. Он участвовал вместе с нами в боях. Воспоминаниями о нескольких боевых эпизодах, в которых тов. Куйбышев принимал личное участие, я хочу поделиться с читателями.

Это было в конце июня 1918 г. Вверенные мне сводные отряды сражались с передовыми частями белогвардейского полка на фронте Климовка — Ольгино. Свежий батальон самарского белогвардейского полка имени Фортунатова, высадившись в Усолье, ночью напал на Самарскую дружину тов. Андронова. Дружина, потеряв одиннадцать человек убитыми, отступила из дер. Климовки. Немедленно из Новодевичьего (где находился штаб) была послана на поддержку Андронову дружина Устинова. Товарищ Куйбышев в это время находился у меня в штабе. Он накануне приехал из Симбирска и привез нам деньги и снаряжение. Узнав о нападении белогвардейцев на Климовку, тов. Куйбышев предложил мне выехать с ним на фронт. Шофер Гайдучек через несколько часов догнал наступающие дружины Устинова и Андронова. Взяв мой карабин, тов. Куйбышев молча вышел из автомобиля и, встав во главе дружин, лично повел их в атаку. Загорелся бой.

Соединенными усилиями двух самарских красногвардейских дружин противник был опрокинут. Деревня Климовка вновь была нами взята. На опушке леса мы нашли обезображенные штыками трупы красногвардейцев. Через день мы их торжественно похоронили в дер. Климовке. На братской могиле тов. Куйбышев выступил с горячей речью, призывавшей дружинников к ненависти и мести. Как раз в это время на Волге показались белогвардейские вооруженные пароходы. Они двигались вверх по направлению к Климовке. Товарищ Куйбышев едва успел закончить свою речь, как с пароходов открыли по дер. Климовке беглый артиллерийский и пулеметный огонь.

По личному распоряжению тов. Куйбышева дружина тов. Устинова, развернувшись в цепь, бегом бросилась на правый фланг, сам же тов. Куйбышев, взяв с собой меня, человек пятнадцать пулеметчиков и три пулемета, кратчайшим путем повел нас к самому берегу Волги. Установив в кустах пулеметы, тов. Куйбышев приказал готовиться к открытию огня по головному пароходу всеми тремя пулеметами. Он громко и четко указал дистанцию, прицел и задачу каждому пулемету и скомандовал: «Огонь!»

Пулеметная трескотня смешалась с гулом артиллерийской канонады. Через пятнадцать минут, когда каждый пулемет успел выпустить по три ленты, головной пароход белых, дав сильный крен вправо, повернулся и начал быстро уходить к противоположному берегу. По приказу тов. Куйбышева огонь был перенесен на второй пароход, который постигла та же участь. Наконец вооруженные пароходы, качаясь, стали поспешно направляться вниз. Товарищ Куйбышев очень жалел тогда, что у нас в Климовке не было артиллерии.

— Тогда ни один пароход не ушел бы отсюда, — сказал он улыбаясь, поздравляя пулеметчиков с успешным выполнением задачи.

В этом бою я еще раз убедился в том, что наш покойный вождь тов. Куйбышев прекрасно знал не только политику, но и основные правила тактики и стрелкового дела.

В другой раз тов. Куйбышев приехал к нам в район стоянки батарей. Наша единственная Казанская батарея (три орудия) занимала высоты к северу от Новодевичьего, имея задачей не допускать неприятельские пароходы вверх по Волге. В батарее у нас было два моряка, знакомых с правилами речной и морской сигнализации. Когда со стороны Самары появлялись пароходы, они поднимали соответствующие сигнальные флажки с приказанием «Остановиться» или «Подходить близко». Те пароходы, которые не выполняли этого приказа, при повторном приказании обстреливались нашей батареей. Все пароходы, идущие снизу вверх, мы задерживали и после тщательного обыска пропускали в Симбирск. Это было вызвано тем, что белогвардейцы и чехи не раз под видом мирных пассажиров направляли в наш тыл переодетых шпионов и офицеров. В этот день по случаю приезда тов. Куйбышева в Казанской батарее был митинг, после которого тов. Куйбышев лично раздал артиллеристам привезенные им из Симбирска подарки. Бойцы артиллерии радостно встретили своего любимого вождя и просили его остаться у них до вечера. Товарищ Куйбышев согласился. После обеда (тут же на открытой позиции) мы

расположились с тов. Куйбышевым на попонах, беседуя о предстоящих боевых задачах отрядов. Он высказывал сомнение относительно реальности плана наступления главкома Муравьева (вскоре нам изменившего) и считал вообще, что у Муравьева наполеоновские замашки.

— Поживем — увидим! — Едва произнес он эту фразу, как вблизи загрохотали наши орудия.

Я выскочил узнать, в чем дело. Прибежал командир батареи и доложил, что двадцать минут назад из-за поворота Волги показались два парохода. После двухкратного сигнала они не остановились, и он приказал открыть по ним огонь. Один из пароходов, выкинув белый флаг, остановился, другой быстро повернул обратно.

Товарищ Куйбышев приказал прекратить огонь. Мы немедленно поехали в Новодевичье и, сев там на быстроходный баркас «Алатырь», спустились вниз по Волге к пароходу. На нем находилось до тысячи пассажиров, ехавших из Самары, Царицына и Саратова в Нижний. Так как тов. Куйбышева узнали не только служащие парохода, но и многие из пассажиров, то они стали просить его дать им разрешение на продолжение пути. Товарищ Куйбышев согласился пропустить пароход при условии строгой проверки всех пассажиров. По приказанию тов. Куйбышева все перешли на кормовую часть и поодиночке пропускались на вторую половину парохода. После детального просмотра у всех документов тов. Куйбышев обнаружил восемнадцать подозрительных, которых на «Алатыре» привезли в мой штаб. По окончании следствия выяснилось, что все они белогвардейцы. При обыске пассажирского парохода мы при помощи матросов нашли 105 револьверов, 30 винтовок, ручной пулемет и несколько десятков ручных бомб.

Все это мы записали в приход как бесплатный трофей.

Пароход, получив пропуск, исчез в речной дали.

Третий раз, когда тов. Куйбышев опять был у нас в гостях, передовая разведка донесла, что снизу по Волге движется вверх неприятельский буксир с баржами. Полагая, что противник намерен высадить десант, мы на этот раз сели на вооруженный баркас «Дело Советов». Дальнейшие события этого дня тов. Куйбышев в своем посмертно изданном труде* описывает так:

«На буксир сели Гай, я и нужное количество артиллерийской прислуги, и мы с бешеной быстротой двинулись на-

---

* В. Куйбышев. Эпизоды из моей жизни. Изд. Общества старых большевиков, 1935, стр. 84.

встречу «противнику». И вдруг с нашим пароходом стало делаться что-то непонятное. Он начал вилять и в конце концов повернулся носом к берегу. Капитаном буксира был старый седой человек мрачного вида и, казалось нам, неохотно выполнявший роль капитана «боевого» судна. Товарищ Гай, разъяренный, подлетел к этому капитану и потребовал объяснения, почему мы не идем по намеченному направлению. Капитан, весь дрожа, заявил, что, очевидно, испортился руль. Объяснение было малоправдоподобно, почему именно сейчас вдруг испортился руль. Гай выхватил револьвер и, направляя его на капитана, приказал немедленно двинуться навстречу идущему буксиру. Однако дальнейшее поведение капитана поколебало уверенность в его предательстве. Он начал принимать на глазах у нас все меры, чтобы повернуть буксир, но безуспешно. Подозрительность Гая однако еще не пропала. Он схватил за руку капитана и потащил его к корме. Я пошел за ним, не понимая, что хочет делать Гай. Он бешено кричал что-то невразумительное, и было понятно только одно: если он убедится, что руль цел, то он тут же пристрелит капитана. Но как он мог убедиться в исправности руля? Мы подходили к корме, и не успел я сообразить, что хочет делать Гай, как он быстро скинул с себя сапоги и в чем был нырнул в воду сзади парохода. Через несколько секунд, мокрый, схватившись за брошенную ему веревку и влезая на пароход, сказал, что руль действительно свернулся. Капитан был пощажен. Кстати, военные действия были излишни — приближавшаяся из Самары баржа оказалась везшей огромную массу пассажиров, едущих из Астрахани, Саратова и Царицына. Был произведен обыск, ничего особенного мы не нашли, за исключением десятка подозрительных людей, которые были отправлены в ЧК...»

Вследствие измены главкома Муравьева в середине июля 1918 г. со стороны Бугульмы чехословаки ворвались в Симбирск. Одновременно с этим со стороны Сызрани наступали каппелевцы.

Только что сформированный штаб 1-й Красной армии во главе с тт. Куйбышевым и Тухачевским находился в это время на ст. Инза. Мой отряд был окружен чехами и каппелевцами в районе Сенгилея.

В течение целой недели происходили упорные кровопролитные бои. Враг хотел прижать нас к Волге и здесь окончательно уничтожить. Связи с внешним миром мы не имели. Связи со штабом армии также не было, и мы даже не знали, где он находился.

24 июля 1918 г., прорвав окружавшие нас цепи чехов и каппелевцев, мы ушли от врага, не оставив ему ничего. Очу-

тившись вне опасности, я энергично приступил к поискам штаба армии. Он был в Инзе, и я наконец связался с ним по прямому проводу.

28 июля к нам на бронепоезде приехали руководители 1-й армии тт. Куйбышев и Тухачевский. Нашей радости не было границ. Этот день был большим праздником для бойцов.

«Молодая гвардия», 1935, кн. 6, стр. 59—61.

МОЛОДЫЕ ГЕРОИ

КРАСНОГВАРДЕЕЦ ВАНЯ

Я очень хорошо помню тринадцатилетнего мальчика Ваню, который в начале 1918 г. приехал к нам в Самарскую дружину вместе со своим отцом. Отец его тогда работал на цементном заводе под Сенгилеем. Когда тов. Куйбышев бросил клич: «Поднимайтесь, рабочие, на защиту революции!», все рабочие прилегающих фабрик и заводов поступили к нам добровольцами. Пришел со своим отцом и Ваня. При взятии Сенгилея отца Вани убили чехи. Ваня очень грустил, тосковал, даже плакал. Я взял его к себе в штаб, старался всячески утешить и приласкать, но он настойчиво просил послать его в отряд, где служил его отец (в Самарскую дружину коммунистов). Я отправил его в дружину. Через несколько месяцев я узнал от командира дружины тов. Андронова, что Ваня отличается большой храбростью и участвует во всех боях. Он научился прекрасно стрелять из карабина и из ручного пулемета Льюиса. Но больше всего он любил бросать ручные бомбы, которые называл «лимонами». Он часто ходил на разведку, но всегда возвращался невредимым, принося очень ценные сведения. Не раз, переодетый в крестьянское платье, он разъезжал по дорогам, занятым противником, с возом сена или, как пастух, гнал коров и оставался таким образом по два-три дня в тылу противника. Но чехи в конце концов узнали о подвигах этого маленького героя и начали за ним охотиться. Ваня погиб, как его отец, в бою за великое дело Октябрьской революции. Вот как это случилось.

К конце июня 1918 г. у дер. Климовки чехи и каппелевцы большой силой напали на нашу Самарскую дружину. Это было рано утром; дружина, потеряв почти половину своего состава, поспешно отступила из деревни.

Ваня остался в деревне; он спал на печке в хате одного крестьянина, который и рассказывал мне эти подробности. Когда чехи вошли в деревню, они начали искать красногвардейцев. Восемь чехов вошли в ту хату, где спал Ваня. «Ах, так это ты попался, красная собака! Сдавайся!» — бросились они на него. Но Ваня не струсил и не растерялся. Он схватил лежавшие рядом две бомбы и бросил их в чехов. Взрывом несколько человек было убито и ранено. Оставшиеся в живых чехи подняли Ваню на штыки, и он погиб мученической смертью. Местные крестьяне его похоронили. Через три дня, когда мы вновь взяли дер. Климовку, мне указали

то место, где был похоронен Ваня. Я приказал откопать его тело; на нем мы сосчитали до тридцати штыковых ран. Его похоронили с музыкой и почестями в особой братской могиле как славного героя Красной Армии.

КОМСОМОЛКИ, ПОГИБШИЕ В БОЯХ

В бою 28 мая 1918 г. под дер. Талигут (Самарской губ.) погибла комсомолка Анна Сародина, товарищ «Сережа», как мы звали ее. Вместе со своим эскадроном она шла в цепи и была убита в бою. Это была одна из первых женщин, которые пошли в Красную Армию, для того чтобы наравне с мужчинами нести боевую страду. Во всех боях она была на своем посту, в передовой цепи, и отдала свою молодую жизнь за власть Советов.

Я помню, как комсомолка Озеревская, находившаяся в Самарском коммунистическом отряде, во время боя под Сенгилеем вышла из деревни в поле, чтобы подать помощь раненым красногвардейцам. Она делала им перевязки и, помогая одному тяжелораненому выбраться из линии обстрела, сама была навылет ранена пулей в правое легкое.

С сестрой Озеревской я встретился в инзенском лазарете, когда она уже выздоравливала после своего тяжелого ранения. Взглянув на ее маленькое личико, я подумал: откуда брались у нее силы носить тяжело раненных красногвардейцев и какое нужно было иметь мужество, чтобы перевязывать их раны в обстановке боя! А то, что она работала не из-за денег, не по обязанности, — я знал хорошо. Небольшого роста, худенькая, с маленькими руками и ногами, она была похожа на девочку-подростка, только красный крест на фартуке и косынка говорили о том, что она сестра отряда. Ее большие темно-серые глаза с бесконечной добротой и грустью смотрели на нас, раненых. Сколько в них было жалости и нежности! Сестру Озеревскую очень любили наши красногвардейцы. Они никогда не говорили в ее присутствии грубостей и под ее влиянием сами становились мягче.

Сестра Озеревская погибла во время боя у станции Майна, под Симбирском, когда она подошла к раненому красногвардейцу, чтобы сделать ему перевязку. Не успела она открыть свою сумку, как белогвардейская пуля уложила навеки нашу маленькую сестру Озеревскую.

Я помню Лизу Данилову. Она была с Украины. Работала в Самарском партизанском отряде тов. Устинова. Она неоднократно выказывала бесстрашие и мужество, работая все время под обстрелом неприятеля.

Помню, после неудачного боя под Самарой наши партизаны отступили из дер. Усолье, в которую вошли с другого конца чехи. Сестра Лиза увидела отступавших партизан и побежала им навстречу. Ее глаза блестели от гнева. «Ах, вот как! — закричала она.— Вы боитесь чехов? Отступаете, трусы! Черт с вами, я пойду одна!» Она выхватила у одного из партизан из рук винтовку и пошла на чехов.

Пристыженные партизаны немедленно повернули и под огнем снарядов и пуль пошли за сестрой Даниловой навстречу врагу. Через час деревни Усолье и Климовка были взяты обратно.

Сестра Лиза много раз оказывалась в тылу у белых, но каждый раз благополучно выбиралась. После организации Красной Армии она стала сестрой 1-го Симбирского Железного полка и с полком участвовала в освобождении Ульяновска — родины Ильича. При взятии Ульяновска она была в числе первых вступивших в город С передовыми частями она вошла также в Сенгилей, Сызрань и Самару.

Старые, боевые красногвардейцы — и те удивлялись ее мужеству и хладнокровию. Один старик коммунист, рабочий самарского трубочного завода, бывший в дружине, часто говорил с ней и обыкновенно так заканчивал беседу:

— Смотри, сестра, береги себя и зря не суйся под выстрелы. Ведь мы на тебя, как на мать родную...

Но она не послушалась. При взятии Верхне-Уральска 24-й Железной дивизией, наступая вместе с передовой частью 1-го Железного полка под командованием тов. Устинова, сестра Лиза была убита казаками Дутова.

Она с честью отдала свою молодую жизнь за власть Советов.

ПОДВИГИ КОРШУНА

Комсомолец Коршун — лицо не выдуманное.

Это доброволец Крестьянского полка Симбирской Железной дивизии, которой командовал я на Восточном фронте. Он был с Украины, настоящее его имя — Яков, фамилия — Яковенко.

Несмотря на свою молодость (в 1919 г. ему было восемнадцать лет), он имел уже много военных заслуг и на чехословацком фронте совершил ряд блестящих подвигов.

Революционным военным советом 1-й Красной армии он был награжден золотыми часами за храбрость, а в 1919 г. я его представил к ордену Красного Знамени, который Яша так и не успел получить.

Когда в Оренбурге мне сообщили, что Коршун в бою

под Орском опасно ранен и находится в больнице, я немедленно послал к нему штабного врача Дворкина с поручением со слов Коршуна составить его биографию и описание военных заслуг для представления его к ордену Красного Знамени.

Вот что рассказывал о себе боец Яков Яковенко:

«Почему меня так зовут

Коршуном меня прозвали товарищи, с которыми я воевал полтора года на Украине добровольцем в отряде. В этом отряде ходил я брать и Херсон, и Одессу, а прозвали меня так за то, что я всегда бросался вперед и любил громить петлюровцев, нападая на них из засады. У нас в отряде все имели прозвища: одного прозвали Петлюрой, другого Батьком, ну а меня Коршуном.

Эх, и воевали! Жили мы в отряде, как запорожцы, — вольницей. Бывало, возьму винтовку и саблю, оседлаю лошадь и поскачу... А там наткнусь на петлюровцев и белогвардейцев, а они начнут «цукать», а я их подразню немного и айда в свою часть.

Я все время был конным разведчиком. В Крестьянский полк вступил добровольцем в Унече, брал с полком Симбирск, Ставрополь, дрался под Бузулуком и Оренбургом. Особенно много было интересного во время нашего наступления на Оренбургском фронте.

Смешно мне казалось только то, что некоторые товарищи боялись пуль и прятались, а я этого не испытывал: ни пули, ни снаряды меня не пугали, все меня называли за то еще Колдуном, а покойный наш командир полка Барановский (он похоронен в Сорочинском саду) очень любил меня за то, что я смелый и всегда играю на гармонике впереди цепи. Теперь расскажу по порядку.

Как я спасал пшеницу

Это было в октябре прошлого года у опытного поля, в десяти верстах от с. Погромного, которое занимал наш полк. Находясь в команде конных разведчиков, как-то вечером, после заката, я вызвался в разведку. Было довольно холодно, темно; я взял винтовку, три бомбы, прицепил шашку, вскочил на коня и поскакал по опытному полю. Там на ферме стоял неприятельский пост из десяти спешенных казаков. Когда я подскакал, они начали стрелять. Я обогнул и повернул им в тыл. Кричу «ура», бросил сзади них ручную гранату, пустил ракету.

У них началась суматоха. Весь пост от беспорядочной стрельбы разбежался. После этого, подъехав к ферме ближе, я бросил остальные две бомбы. Вижу, противника поблизости нет, въехал в самую ферму. Кругом не было видно ни души. Только в одном домике я нашел старосту — седого старика. Я стал его допрашивать, а он страшно струсил от стрельбы и говорит:

— А вы кто такой будете — казак или большевик?

— Большевик, — говорю.

Он мне не поверил. Ну, тогда я прикрикнул на него.

— Если не скажешь, — говорю, — есть ли у вас казаки или нет, я тебя застрелю!

Он перепугался. Отвечает:

— Казаков, товарищ, нету, они все убежали, только вот на дворе у меня оставили два воза пик да возов десять овса с лошадьми.

Я очень обрадовался и приказываю:

— Ну, сейчас же запрягай лошадей, вези все это со мной в Погромное, в наш полк.

Только тогда старик поверил, что я действительно большевик. Осмелел, рассказал мне, что разъезд казаков как раз собирался увезти из элеватора 5 тыс. пудов пшеницы, но мое появление и взрыв моих бомб помешали этому.

Так вот я случайно не позволил дутовским грабителям увезти общественную пшеницу.

На другой день наш полк занял и ферму и элеватор.

Как у нас в одиночку целые роты брали

Зимой этого же года мы наступали на хутора, что у дер. Балеки. Накануне был большой бой, и разбитый неприятель все время отходил в панике. Когда наш полк его нагнал и бой начался вновь, командир полка объявил:

— Кто хочет — поезжай на правый фланг.

Никто из наших не пожелал ехать. Тогда я вызвался. Поехал один.

Вдали, я вижу, какие-то части отступают на подводах. Незаметно я пробрался к ним в тыл и стал караулить. Когда последние подводы поравнялись со мной, я бросил подряд все три бомбы, выхватил саблю и скачу на них с криком:

— Сдавайтесь, вы окружены!

Белых оказалась целая рота. Офицер было стрелять в меня из револьвера, но солдаты мигом побросали ружья, руки вверх, кричат:

— Не руби, товарищ, сдаемся!

Того офицера, который выстрелил в меня в упор, я зарубил, а других обезоружили и связали свои же солдаты.

После этого я их повел в наш штаб. Всего было взято в плен 85 солдат, 3 офицера и 20 подвод обоза. Мне было очень смешно, когда во время стрельбы подводчики-крестьяне, подняв руки, кричали не своим голосом:

— Товарищ, товарищ, не стреляй, не стреляй, мы тоже мобилизованные!

Один дряхлый старикашка с седой длинной бородой, подняв в одной руке плеть, а в другой чапан, кричал:

— Ой, ой, товарищ! Я... я... облизованный.

Дорогой я шутя его спрашиваю:

— Ты, старик с бородой, наверное, полковник или генерал будешь, что так кричишь?

Он божится:

— Ей-богу, нет, товарищ! Я облизованный из деревни Ивановки, вот те крест...

И вправду крестился.

Пленные мои солдаты смеются. Ну и я смеюсь. После того пришлось мне быть в деревне Ивановке. Я нашел старика:

— Ну, дед, как же был ты у белых — полковником или нет?

Он узнал меня и давай ругаться:

— Они, окаянные, палкой меня пороли. Ограбили дочиста да еще на старости лет возить заставили.

Сам мулла попался

В январе этого года наш Крестьянский полк подходил к байманскому заводу. Наша пехота вела бой под Байманом. Я обошел левый фланг противника и въехал на гумно. Вдруг показался из-за угла верховой башкир, кричит мне издалека:

— Господин станичник, утекай скорей, красные наступают!

Видно, моя лошадь была лучше, чем у него, я нагнал его:

— Стой, зарублю!

Подъехал к нему вплотную, сорвал с его плеча винтовку, а он вопит:

— Не бей, господин станичник! Я башкирский поп, Пластунского полка.

Я повел его к своим. По дороге он, путая русские слова с башкирскими, старался уверить меня:

— Господин товарищ, моя не казак, моя башкир, рабочий актюбинский завод...

Но я видел, что он врет. На голове у него вокруг папахи была чалма, а под поясом была книжка вроде молитвенника. Он оказался башкирским военным муллой дутовского полка.

Как я захватил два пулемета

Расскажу вам, как меня ранили. Не верил, что буду ранен, а все же белые сволочи ранили — под Кизильской, на Орском фронте в апреле.

Наш полк наступал на Магнитное. Сперва была сильная перестрелка. Я вызвался в передовую заставу. В это время наши снаряды попали в цепь противника, там началась суматоха: одна рота белых начала утекать.

Увидев замешательство в рядах колчаковцев, я выскочил вперед захватить два пулемета, стоявшие на телеге. Бегу до телеги; белые показывают знаками, что сдаются. И вдруг как саданут два залпа! Вторым я был ранен в плечо и в ногу.

Я упал на подводу, повернулся, погнал лошадь к своим. Вдогонку еще стреляли, но не попали уж. Пулеметы я представил командиру полка тов. Зоне. Поцеловал он меня... Потом меня отправили в Орск, а оттуда в санитарном поезде в оренбургскую больницу.

Вот подлечусь немного и айда на фронт, в свой родной Крестьянский полк... Я еще буду бить Колчака. Хочу только просить тов. Гая, чтобы дал мне новую шашку, а то без нее как-то неловко. Он меня, чай, помнит, золотые часы мне подарил. Да еще сняться бы у местного фотографа. Никогда еще в жизни не снимался. Хорошо бы матери показать».

На этом записи доктора Дворкина обрываются. Боец Яков Яковенко не выздоровел. Он умер в больнице от заражения крови, когда ему отняли ногу. Его похоронили с новой шашкой, которую я ему подарил. Он лежит в братской могиле в Оренбурге. Небольшая деревянная дощечка на могиле гласит:

ЗДЕСЬ ПОХОРОНЕН БЕССТРАШНЫЙ
БОЕЦ КРЕСТЬЯНСКОГО ПОЛКА
ЖЕЛЕЗНОЙ ДИВИЗИИ
ЯКОВ ЯКОВЕНКО —
«КОРШУН»

А сколько было таких бойцов в Красной Армии! Очень много! Такие, как Яков, юные, полные сил и энергии, были в любой части. Их воспитал комсомол, и, верные делу революции, они бесстрашно шли в бой, увлекая своим примером других.

Так погибали в годы гражданской войны сотни и тысячи Сародиных, Озеревских, Даниловых, Яковенко за диктатуру пролетариата, за счастье молодого поколения, за сегодняшнюю колхозную зажиточную жизнь.

Память о них пусть навсегда останется в сердцах нашей молодежи, в сердцах всех трудящихся социалистической Родины.

ВОЕННАЯ ХИТРОСТЬ

Это было в конце 1918 г. под Симбирском. Тогда у нас была такая привычка: после боя с офицерскими батальонами генерала Каппеля, которые сражались против вверенной мне 24-й Железной дивизии, собирать офицерские фуражки с кокардами и погоны. Мой ординарец тов. Титаев на этот раз также собрал несколько офицерских фуражек и погон и передал шоферу Шурке. Шурка спрятал их под сиденье автомобиля.

После удачного боя под деревней Ивановкой мы поехали на правый фланг дивизии. Ехали на моем небольшом красном автомобиле, который красноармейцы прозвали «самоварчиком», потому что радиатор автомобиля был в неисправности. Вода всегда кипела в нем, и от быстрой и частой езды автомобиль на ходу пускал пар. Со мною поехал мой неразлучный ординарец Титаев, крестьянин из Симбирской губернии, деревни Наровки, парень очень сильный, очень смелый и огромного роста. Приехали на правый фланг дивизии. Здесь задержались до вечера, а потом по той же дороге возвращались в село Ивановку, где я оставил полк. Надо сказать, что, когда мы находились на правом фланге, каппелевцы вновь напали на наш полк и оттеснили его из Ивановки. Мы этого не знали и смело ехали в Ивановку. Подъезжаем совсем близко к деревне. На улицах никого не видно, тишина полнейшая. Мне это показалось странным и подозрительным. Обычно в той деревне, где стояли наши части, бывало очень шумно: ребята всегда пели песни, играли на гармонике, помогали крестьянам в работе или просто гуляли по улицам. А тут улицы Ивановки пусты и кругом тишина. Мне захотелось узнать, в чем дело. На всякий случай я приказал надеть взятые нами офицерские фуражки с кокардами, а Титаев нацепил мне на плечи полковничьи погоны. Въехали

в деревню. Наших никого нет. Вначале намеревался остановить автомобиль и расспросить у крестьян. Но потом раздумал и приказал шоферу ехать прямо через деревню до противоположной окраины. Быстро проезжая мимо церкви, я слышал доносившиеся из дома попа пьяные голоса. Наш автомобиль помчался дальше. Но вот на окраине деревни, как раз на дороге, которая вела в наш тыл, я увидел двух каппелевских офицеров. Мы сейчас же узнали их — они были в офицерских фуражках с кокардами и с белой повязкой на левом рукаве. Как быть, что делать? Свернуть в сторону некуда, назад — также невозможно, так как из дома попа началась стрельба. Увидев мчавшийся с тыла автомобиль, белые офицеры вначале растерялись, но потом, подняв винтовки, закричали:

— Стой, кто едет? Пропуск!

Я живо сказал шоферу:

— Ну, Шурка, держись, чуть что, дай ходу, а пока я пущусь на хитрость.

Я встал в автомобиле во весь рост и, нахмурившись, зычным голосом закричал:

— Господа, свои. Едет полковник артиллерии. Из какого батальона, молодцы?

Очевидно, мой вид (в офицерской фуражке и погонах) и смелый тон ошарашили белых. Один из офицеров опустил винтовку и, отдавая честь, ответил:

— Самарского ударного батальона, ваше высокоблагородие.

— Капитана Назарова? А... хорошо, хорошо... — отвечал я веселым тоном *.

— Так точно! — ответил, уже успокоившись, второй офицер, также опуская винтовку.

Но я заметил, что офицеры с недоумением смотрят то на меня, то на красный флажок впереди у автомобиля. Мы забыли снять его, и флаг, очевидно, смущал офицеров.

— Вы не смущайтесь, господа, — сказал я им, — эту тряпку мы нарочно прицепили, чтобы обмануть красных. Куда отошли краснокожие?

Опять один из офицеров, взяв под козырек, ответил:

— Вон по этому шоссе, ваше высокоблагородие.

— Давно?

— Никак нет! Примерно час тому назад они оставили деревню. Наш передовой дозор вошел в деревню полчаса тому назад. Командир дозора поручик Иванов послал нас сюда,

* Ведя постоянные бои с каппелевскими частями, мы знали, каким батальоном кто командует.

а сам остановился с остальными офицерами у попа. Прикажете вызвать поручика?

— Нет, господа, не надо, — ответил я. — Мы с ним виделись в доме попа. По приказанию генерала Каппеля мне надо выяснить состояние дороги и мостов для прохождения артиллерии. Вот вы, — обратился я к старшему дозора, — садитесь с нами и покажите дорогу, а вы останьтесь здесь до нашего возвращения. Мы вернемся через полчаса.

Безусый молодой офицер поднялся на подножку автомобиля с правой стороны, где сидел Титаев. Я приказал Шурке гнать автомобиль. Когда мы тронулись, второй офицер сказал:

— Ваше высокоблагородие, будьте осторожны, разведка красных в трех-четырех километрах отсюда.

Я ничего не ответил. Шурка бешено гнал «самоварчик», который, как паровоз, начал пускать пар во все стороны.

Когда отъехали километров пять-шесть, издали показались наши части. Я осторожно толкнул в бок Титаева. Он понял, приподнялся, сильной рукой обнял за шею офицера и прижал его голову к своим коленям.

В таком виде мы привезли его в наш полк, который после отступления из деревни Ивановки занимал позицию в восьми — десяти километрах южнее деревни.

Шурка остановил машину, и все бойцы окружили нас.

Когда Титаев выпустил офицера из своих объятий, он очутился в гуще красноармейцев.

Бойцы, смеясь, спрашивали белого офицера:

— Ну, голубчик, попался как кур во щи?

— Да, ловко, ловко! Не ожидал...— отвечал он, почесывая затылок.

Я и Титаев очень жалели потом, что не взяли с собой и второго офицера, но Шурка уверял нас, что это было невозможно, так как его «самоварчик» не выдержал бы пяти человек.

„Молодая гвардия", 1935, кн. 6, стр. 61—66.

КОМСОМОЛЕЦ ВАСЯ

В СВЕНЦЯНАХ

Конный корпус, прорвав 4 июня 1920 года польский фронт, после глубокого рейда захватил Свенцянский узел.

Утром 10 июля автомобиль нес нас по шоссе Видзы — Свенцяны. Я вместе с начальником штаба корпуса Вилумсоном ехал в первый город, захваченный частями 10-й кавалерийской дивизии. Шофер Шурка не жалел ни энергии, ни горючего. Автомобиль мчался уверенно и быстро. Ординарец Хачи, сидевший рядом с Шуркой, кажется, был не совсем доволен чрезвычайно быстрой ездой. Он часто и беспокойно толкал в бок шофера, указывая пальцем:

— Посмотри, посмотри, мост!

Приехали. Вот и Свенцяны. Небольшой и довольно грязный городок Восточной Белоруссии. Широкие и пыльные улицы, дряхлые деревянные домики. В городе кипела жизнь, и похоже было на праздник. Открыты все магазины, отовсюду доносятся звуки гармошки, улицы заполнены народом, кое-где танцуют. Молодежь города и бойцы 10-й кавалерийской дивизии по случаю победы веселились.

Едва наш автомобиль показался в черте города, жители, как старые добрые знакомые, стали с нами здороваться и приглашать к себе. Толпа белорусских евреев с красными знаменами встретила нас на городской площади у ограды церкви. Громкими возгласами поздравляли нас с первой победой над польской шляхтой. Тут же председатель ревкома (комиссар 60-го кавалерийского полка) открыл импровизированный митинг. Выступающих было много. Больше всех говорили жители города, особенно представители еврейского населения, жаловавшиеся на бесчинства и насилия польской армии. Наконец речи и приветствия, прерываемые возгласами: «Да здравствует советская Белоруссия!», окончились. Мы двинулись в центральную часть города, к городской школе.

На пороге большого двухэтажного каменного дома, где решено было временно остановиться, нас ожидал командир 60-го кавалерийского полка товарищ Сосновский.

С гордой улыбкой победителя, уверенным и твердым шагом он подошел ко мне и кратко отрапортовал:

— Комполка-шестьдесят Сосновский. Вчера в восемнадцать часов вверенный мне кавполк лихой атакой с юга и

юго-запада выбил противника из города. Захвачено огромное количество трофеев: пушки, лазареты, склады огнеприпасов, подвижной состав железной дороги и все тылы первой польской армии генерала Жигальдовича.

Я крепко обнял храброго комполка. Мы поцеловались. Товарищ Сосновский представил мне работников своего штаба, фамилии которых мне уже были ранее известны. Мы все вошли в здание школы, где умылись и немного стряхнули с себя дорожную пыль. Товарищ Сосновский пригласил всех на товарищеский завтрак, устроенный тут же, в школе.

За чашкой черного кофе Сосновский рассказал нам о последнем бое полка.

— После взятия Свенцян разведка полка донесла, что в Ново-Свенцянах, что в двадцати пяти километрах отсюда, находятся два батальона польской пехоты, несколько груженых эшелонов и бронепоезд. Железнодорожные рабочие, которые работают в Ново-Свенцянах, но имеют семьи или проживают здесь, сообщили, что поляки собираются к утру ехать в Вильно. К тому же я имел приказ нашего комдива товарища Томина ударить с востока во фланг противнику, теснившему пятнадцатую кавдивизию из Ново-Свенцян. Вчера вечером в штабе полка мы долго спорили по вопросу о том, как и куда ударить. Мы все сошлись на том, что надо ударить на Ново-Свенцяны. Нас смущало главным образом то обстоятельство, что при полку нет артиллерии, а бороться с польским бронепоездом без артиллерии было трудно. Но мы нашли выход. Начштаба полка товарищ Дудкин предложил составить импровизированный «бронепоезд» из захваченных паровозов и вагонов, пустить по линии железной дороги, а конницу по бокам. Так и сделали. Весь вечер возились с устройством «бронепоезда». С помощью железнодорожников сцепили четыре паровоза и несколько вагонов. Комендант полка товарищ Иванов мобилизовал в городе порожние мешки. Ребята насыпали их песком и обложили ими паровозы сверху, спереди и с боков. Вооружили паровоз пулеметами полка и даже семидесятипятимиллиметровой французской пушкой, захваченной у поляков. Долго возились с этой проклятой пушкой — не лезла, каналья! Наконец подняли ее и поставили на тендер первого паровоза, укрепили бревнами и мешками. В полку нашлись артиллеристы и техники, они и были назначены управлять пушкой, а бригаду поезда сформировали из железнодорожных рабочих, охотно согласившихся обслужить наш «бронепоезд».

К десяти часам вечера «бронепоезд» уже был готов. Товарищ Дудкин заблаговременно послал первый взвод четвер-

того эскадрона для подрыва железнодорожного моста через реку Шемяна, в тылу Ново-Свенцян. К двенадцати часам ночи бронепоезд пустили по линии. По бокам вдоль полотна двинулись конные эскадроны, а впереди пешие и конные дозоры. Один эскадрон спешили и двинули сзади бронепоезда в специальном эшелоне. Не доезжая километр до станции, наши разведчики тихо, без выстрела, сняли польский пост. Бронепоезд подошел вплотную к станции и открыл артиллерийский и пулеметный огонь. Пеший эскадрон атаковал станцию, а конные эскадроны с криком «ура», бросая ручные гранаты, ворвались в город с разных концов. Как на станции, так и в городе поднялась страшная паника и суматоха: застигнутые врасплох польские части открыли беспорядочную стрельбу. Особенно метался и рвался польский бронепоезд. Он пытался удрать в направлении на Вильно, но железнодорожные рабочие вовремя перевели стрелку, и бронепоезд со всей силой врезался в тупик. Произошла авария. То же самое случилось с эшелонами. Польские солдаты, как крысы с тонущего корабля, выскочили из эшелонов, разбегаясь во все стороны. После непродолжительного сопротивления они частью разбежались, а частью были прижаты к лесисто-болотистой реке Шемяна. К утру весь район Ново-Свенцян был очищен от противника. Одновременно части пятнадцатой кавдивизии ударили с севера и ворвались в город. В этой операции было захвачено много пленных, склады и тылы пятой польской армии, штаб восемнадцатого уланского полка... Нам достался польский бронепоезд и их груженные всяким барахлом эшелоны. В числе захваченного было несколько ящиков французских десертных вин, табак и гаванские сигары.

— Вот, вот, это самое ценное и нужное, — сказал, смеясь, Вилумсон. — Штабы десятой и пятнадцатой кавдивизии, надеюсь, не забудешь?

— Конечно, конечно, не забудем. Да вот, товарищ комкор, забыл доложить, что в Свенцянах нами захвачен польский военный лазарет, где имеются раненые и больные солдаты польской армии — около ста человек — и несколько офицеров. Не хотите ли посмотреть лазарет?

— Мы сегодня будем ночевать у вас. Отдохнем немного и пойдем посмотрим лазарет, — ответил я.

Мы разошлись. Мне с Вилумсоном отвели большую светлую комнату у директора школы, куда притащили, кажется из лазарета, две кровати. Уставший Вилумсон сейчас же заснул, не раздеваясь. Я же от усталости не мог спать. В голове бродили мысли о предстоящей операции по захвату Вильно. Наконец и я задремал.

Не успел я отдохнуть, как громкие голоса, споры и стук, доносившиеся из соседней комнаты, разбудили меня. Я отчетливо слышал голоса ординарцев Хачи и Титаева. Волоча по полу какие-то громоздкие, тяжелые вещи, они спорили и ругались.

— Э-э... душа мой, ни черта ты не понимаешь! — кричал Хачи.

— Ты сам ни черта не понимаешь! — кричал Титаев.

Мне надоело слушать эти пустые споры, я громко закричал:

— Хачи! Титаев! Что вы там делаете? О чем спорите? Который час?

— Товарищ комкор! — ответил Титаев. — Из штаба полка привезли три ящика табаку, сигары и вино. Тащим их в комнату. Проклятые ящики большие и тяжелые, а Хачи не хочет помочь мне. Уже шесть часов вечера.

— Ну и черти, спать не даете! Раскройте ящики, табак переложите в мешок, положите туда несколько коробок сигар и десятка три бутылок вина. Мы сейчас пойдем в лазарет. Живо!

Несмотря на наши громкие разговоры Вилумсон крепко спал. Я поднялся с кровати, хотел разбудить его, но раздумал. «Жаль парня, — подумал я, — пусть отдохнет. Ночью ему придется опять работать до утра». Я тихо оделся и вышел один. Вошел в комнату ординарцев. Действительно, присланные Сосновским ящики были большие и тяжелые. Ребята уже успели их опорожнить. В одном углу комнаты стояли, как тяжелая батарея, сорок бутылок заграничного вина, а в другом валялось около пятисот пачек табаку (по 250 граммов в каждой) и пятнадцать коробок сигар (по 25 штук).

— Ну, мешки готовы? — спросил я Титаева.

— Так точно. Два мешка табаку и два мешка для вина приготовили. Куда прикажете доставить?

— Возьмем с собой в лазарет, — ответил я.

— Как, неужели мы будем раздавать все это польским солдатам и офицерам? — удивленно спросил Титаев.

— Конечно, — ответил я. — Неужели ты думаешь, что они не люди и не хотят курить или пить?

— Нет, нет, он не понимает. И я говорил, и он не понимает, — ответил за Титаева Хачи.

— Ну ладно, возьмите мешки и айда, пошли!

Через полчаса в сопровождении начальника гарнизона Сосновского и ординарцев я вошел в лазарет (городскую больницу). Нас принял старик, главный врач лазарета, в штатском костюме. Познакомившись, я спросил его:

— Имеются ли у вас, доктор, раненые и больные солдаты польской армии?

— Да, сто семьдесят девять человек.

— А польские офицеры?

Очевидно, он не ожидал этого вопроса, растерялся и ответил не сразу, подумав немного:

— Нет, офицеров нет. Перед отходом все они были эвакуированы.

— Ну, покажите ваших солдат.

Мы вошли в палату. Лазарет разместился довольно уютно: палаты были большие, светлые, довольно хорошо оборудованы. Дежурные врачи и сестры были на местах, хотя их никто не предупреждал о нашем предполагаемом визите. У всех на лицах было какое-то недоверие и даже испуг.

Беседуя с ранеными солдатами, я спрашивал, откуда они, какой специальности, какого полка и какие имеют просьбы или жалобы. Большинство раненых и больных отвечало на мои вопросы искренне и правдиво. Жаловались на грубое отношение главврача и на отсутствие табака. Некоторые лгали, сочиняя всякие небылицы. Двое познанских поляков совершенно не ответили на мои вопросы.

Большинство солдат было белорусской, литовской и украинской национальности, преимущественно крестьяне. Они были чрезвычайно довольны нашим посещением, охотно беседовали и рассказывали, что им внушали (врачи и обслуживающий персонал), что большевистские банды их обязательно уничтожат. После моего опроса каждого раненого Титаев и Хачи оставляли им на столике пачку табаку и бутылку вина (на троих). Перед уходом Титаев передал мне записки от больных солдат. Большинство писало, что после выздоровления желают перейти в Красную Армию и сражаться против панов: они белорусы и украинцы и ненавидят шляхту, их за это в свою очередь ненавидит польский персонал лазарета. Я приказал ответить, что завтра лазарет посетит председатель ревкома и переведет их в другое здание.

После осмотра всех бараков мы прошли через коридор к выходу. На правой стороне коридора я заметил комнату. На двери висел плакат: «Бельевая комната». Подойдя к дверям, я остановился и спросил главврача:

— А что здесь, доктор?

Он, опустив голову, тихо ответил:

— Бельевая.

Двери оказались запертыми на ключ.

— Ну-ка откройте, доктор!

Доктор побледнел и совсем растерялся. Его дрожащие

руки беспомощно шарили по карманам. Наконец он ответил:

— Но у меня нет ключа.

Я нахмурился и громко сказал:

— Откройте, или я прикажу взломать дверь!

Дрожащими руками он достал из кармана жилета ключ и протянул его мне. Я открыл дверь и вошел в комнату. Это была светлая, но небольшая палата с окнами, выходящими во двор. В комнате находились три койки с ранеными и женщина в халате сестры.

Я внимательно, в упор посмотрел на раненых. Черты их лица говорили за то, что они не солдаты. Один из них спал, а двое других смотрели на меня испуганными глазами. Один из раненых приподнялся, опираясь на локоть, и тихо спросил по-русски:

— Неужели вы пришли расстрелять нас, раненых?

Я рассмеялся:

— Вы ошибаетесь, господин офицер. Мы не только раненых, но и безоружных не трогаем. Мы пришли навестить вас, оказать вам содействие и посильную помощь, если вы в ней нуждаетесь.— И, повернувшись к Титаеву и Хачи, приказал: — Дайте им по коробке сигар и по бутылке ликера.

— О, спасибо, спасибо, господин командир. Хотя не знаю ни вашего чина, ни вашей фамилии, но вижу, что вы очень добрый и отзывчивый. Нам как раз не хватает того, что вы нам подарили. Я поручик восемнадцатого уланского полка, а мои товарищи — офицеры десятой пехотной дивизии. Нас не успели вовремя эвакуировать и оставили здесь... Мы все время боялись, что после взятия города большевики придут и расстреляют нас.

— Вам ничего не угрожает. То, что я вам принес, принадлежит штабу командующего первой польской армии генерала Жигальдовича. Подлечитесь, поправляйтесь, а потом, если не захотите служить в польской Красной армии, мы отпустим вас домой, к своим.

— А разве существует польская Красная армия? Можно ли поступить туда добровольцем? — с удивлением спросил поручик.

— Да, формируется польская Красная армия. Туда поступают главным образом пленные солдаты и те польские офицеры, которые честно и искренне хотят служить не помещикам и генералам, а польскому трудовому народу. И вас примут, я могу направить вас. Откуда вы и как ваша фамилия?

— Я из Вильно, фамилия моя Домбровский. В Вильно я оставил мать и сестру без всяких средств к существова-

нию. Не знаю, что с ними и как они живут... Эх, проклятая война... — Офицер прослезился.

— Ну, не унывайте и не горюйте. Окажу вам содействие и в этом. Кстати, скоро возьмем и Вильно. Напишите матери письмо, если хотите — лично передам. Пришлите письмо сегодня вечером в городскую школу, в штаб третьего конного корпуса.

— О, благодарю вас, благодарю бесконечно. Не знаю даже, чем выразить вам свою признательность. А кому передать письмо? Вы штабной работник? Как ваша фамилия?

— Я командир третьего конного корпуса, моя фамилия Гай.

— Как? Это... вы? А мы думали... нам рассказывали...

Я обратился к главврачу и нарочито громко приказал:

— А вы, доктор, перенесите сегодня же кровати раненых офицеров в палату солдат и следите лично, чтобы они скорее выздоровели. Поняли?

Доктор ничего не ответил. В этот момент вошел Вилумсон и передал мне срочную радиограмму от командующего Западным фронтом. Я прочел:

«Стремительно двигаясь вперед, овладеть Вильно».

— До свиданья, господа, выздоравливайте!

Простившись, я ушел в штаб.

В ту же ночь принесли мне из лазарета три письма, адресованных в Вильно, Гродно и Белосток. Через неделю письмо Домбровского я передал его матери, которой была оказана также небольшая денежная помощь. Письма же, адресованные другими офицерами в Гродно и Белосток, я не сумел передать по назначению, так как их адресаты сочли нужным перед нашим приходом бежать в Варшаву.

Что же касается польского офицера Домбровского, то он скоро выздоровел и вместе с тремя солдатами-кавалеристами, догнав корпус под Млавой, поступил добровольно в интернациональный полк 15-й кавалерийской дивизии. Впоследствии он храбро сражался в рядах корпуса против польского империализма и героически погиб под Хоршеле во время конной атаки на 18-ю пехотную польскую дивизию, преградившую нам путь отступления.

НА ПОДСТУПАХ К ВИЛЬНО

— Ну, как ты думаешь, Эдик, возьмем Вильно? — спросил я начальника штаба корпуса, войдя в большую комнату, где развернули полевой штаб корпуса.

— Конечно возьмем, — уверенно ответил начальник штаба.

— Титаев, ну-ка дай мне карту!

Ординарец притащил из моей комнаты измятую, местами изорванную, исчерченную красным карандашом десятиверстную карту старого издания. При виде столь печального состояния карты Вилумсон, улыбаясь, сказал:

— Придется, товарищ комкор, снова переменить вашу карту. Кажется, эта уже пятая.

Упрек был справедлив. Я, действительно, варварски обращался с картами, попадавшими в мои руки, ход своих мыслей я обычно машинально графически изображал на карте. Это был не рисунок, а кривые, ломаные линии, понятные только мне одному.

— Погоди, дружок, я сначала окончательно исчерчу ее, а потом уже переменим,— ответил я Вилумсону и вооружился толстым цветным карандашом. — Эдик, теперь читай радиограмму командарма. Что он хочет?

Начальник штаба медленно, чекапя каждое слово, прочел:

«Оперприказ № 8/75. Комкору 3. Тщательно осветив местность по обе стороны железной дороги Свенцяны — Вильно, 11 июля овладеть Вильно. Командарм-4 Сергеев».

— М-да... Видно, в штабе четвертой армии работают вне времени и пространства или думают, что корпус, как метеор, пронесется в Вильно прямо по воздуху. Ведь сегодня десятое июля, девятнадцать часов, а расстояние до Вильно восемьдесят километров. Как же корпус может одиннадцатого июля овладеть Вильно?

— Сидеть в Полоцке, не зная местонахождения своих частей, и давать приказы — куда легче, чем выполнять эти приказы.

— Ну, ладно, докладывай обстановку.

Вилумсон вытащил из полевой сумки кипу бумаг и стал их читать ровным, спокойным тоном, будто речь шла о самых скучных и обыденных вещах.

— Донесение комдива-десять. Его главные силы сосредоточились в районе Соры. Передовые части к шестнадцати часам достигли Клющаны — Нова-Виорки. Шестидесятый кавполк выступил на деревню Мягуны. Комдив-пятнадцать товарищ Матузенко доносит, что главные силы его дивизии сосредоточились в Мелегяны, а передовые части в Скарджи — Боярели.

Пока Вилумсон читал, я наносил расположение частей на карту.

— А о противнике?

— О противнике? — И Вилумсон тем же ровным тоном продолжал: — Вторая белорусско-литовская дивизия белополяков занимает оборонительный рубеж Озерное дефиле — река Вилия с передовыми частями в Подбродзе. На станции Подбродзе бронепоезда. От товарища Х. из Вильно получено сообщение, что в городе строятся оборонительные сооружения и лихорадочно формируются добровольческие части и даже... женские батальоны....

— Что-о-о?! Женские батальоны?! — с удивлением спросил я. — Неужели с женщинами придется воевать?!

— Да, товарищ комкор, очевидно, придется. Они формируют женские легионы из дочерей и жен польской буржуазии и офицерства.

— Ой-ой,— пробормотал стоявший у дверей Хачи. Его глаза заблестели.

— Молчи, не суйся не в свое дело! — сердито заметил я и, обращаясь к Вилумсону, прибавил: — Эдик, об этом никому ни слова. А вы, Хачи и Титаев, — слышите? — вы ничего не слыхали. Поняли? Эдик, а как насчет гарнизона и укрепления Вильно?

— Ничего не известно.

— Где же главные силы противника?

— Очевидно, на реке Вилия. По сводкам из армии, сюда отходят восьмая и десятая дивизии Желиговского. Поляки, очевидно, будут упорно обороняться на реке Вилия. Когда они окончат сосредоточение крупных сил в районе Вильно, обязательно перейдут в контрнаступление.

— Это верно. Что же ты предлагаешь, Эдик?

— Я думаю, необходимо сильными разведывательными партиями выяснить силы противника на реке Вилия. Надо послать туда по меньшей мере бригаду от каждой дивизии. Фронт разведки — Неменчин — Михайлишки.

— Хорошо, согласен. Пиши приказы. Общее направление движения пятнадцатой кавдивизии на Подбродзе — Неменчин, десятой кавдивизии — на Ново-Виорка — Михайлишки. Усиленная и тщательная разведка реки Вилия!

— Есть, товарищ комкор!

— А как ты думаешь насчет атаки Вильно?

— Сейчас трудно что-либо сказать. О силе гарнизона и характере укреплений ничего пока не известно.

— Послушай, Эдик, где наш комсомолец-белорус, которого прислал к нам товарищ Мясников?

— Вася, что ли?

— Вот-вот, Вася. Где он?

— Он здесь, в Свенцянах. Я его видел сегодня в ревкоме. На мой вопрос, что он здесь делает, он ответил: «Дежурю и раздаю литературу».

— Сейчас же вызови его ко мне.

Эдик вышел в коридор, чтобы позвонить в ревком. Наклонившись над картой, я измерял расстояние до Вильно, одновременно чертя красным карандашом новые стрелки. Эти стрелки шли до реки Вилия, до Вильно и до литовской границы. Через пять минут вернулся Вилумсон и доложил, что Вася скоро явится.

— Ну, Эдик, я тебе мешать не буду. Пиши приказ. Части должны сегодня ночью в двенадцать часов выступить и к рассвету подойти к Подбродзе и реке Вилия. Приказ об атаке Вильно я дам дополнительно после выяснения сил и намерений гарнизона Вильно. Веди активную разведку по всему фронту. Подтягивай тылы из Видзы. Пиши и принеси мне на подпись. Я у себя подумаю над планом атаки города.

— Есть, товарищ комкор!

Я ушел в свою комнату. Хачи притащил керосиновую лампу, коробку сигар и вышел. Я закурил сигару. В густых клубах дыма как будто вырисовывались контуры плана атаки Вильно. Я начертил и вычерчивал на карте все новые и новые стрелки. Через полчаса моя карта покраснела и посинела от многочисленных стрел и резко изменила свой вид. Река Вилия истекала жирным слоем синего, а некоторые пункты просто утонули в этой синеве — их нельзя было распознать без помощи лупы; не жалел я и красного цвета, постепенно обводя им синие места. Мыслями я витал где-то на подступах к Вильно, машинально насвистывая какой-то назойливо приставший мотив. Вдруг за моей спиной раздался чей-то молодой голос:

— Разрешите войти, товарищ комкор?

Я обернулся. Передо мной стоял восемнадцатилетний коренастый юноша, блондин, небольшого роста, в черкеске. Его светлосерые глаза смело смотрели на меня. Он держал в левой вытянутой вниз руке папаху, а правую руку приложил к голове. Фигура его застыла в уставной неподвижности, ему совсем не свойственной.

— А, Вася, это ты?

— Так точно, я. В вашей комнате, товарищ комкор, очень накурено. Разрешите открыть окно?

— Ну что же, открой.

Вася открыл окно. Я указал ему на стул. Он молча сел. Дым потянулся в окно.

— Скажи, Вася, ты служил раньше в Красной Армии?

— Никак нет. Я начал здесь, у вас, в третьем корпусе.

— Это и видно.

— Откуда видно, товарищ комкор? — всполошился Вася и даже привстал.

— Ну хотя бы из того, что, сняв папаху, правую руку ты приложил к обнаженной голове. Ведь это по-военному не полагается, Вася.

— Виноват, товарищ комкор. — Вася встал, и рука его опять потянулась к обнаженной голове.

— Садись, все это ерунда. Дело не в этом. Скажи, дружок, откуда ты родом?

— Я, товарищ комкор, из Столбцов. Работал в комсомольских организациях Белоруссии. По мобилизации ЦК комсомола попал в Пузап *. Товарищ Мясников меня направил в ваш корпус, а назначили меня в политотдел корпуса. Оттуда я попал в шестидесятый кавполк. Служу на должности секретаря при военкоме полка. Сегодня целый день дежурил в ревкоме, куда приходили всякие граждане и спрашивали о многом. Объяснял им сущность Советской власти и раздавал литературу...

— Какой ты национальности и знаешь ли польский язык?

— Я, товарищ комкор, белорус и знаю хорошо польский язык. Служил четыре года вместе с отцом у помещика Четвертинского.

— Вот что, Вася.— Он сразу же напряг свое внимание. — Я хочу поручить тебе очень важное, но весьма опасное задание. Оно настолько опасно, что ты рискуешь жизнью. Можно ли положиться на тебя, или ты струсишь? — Я посмотрел на него в упор.

Вася встал и вытянулся. Его светло-серые глаза заблестели. Он поднял правую руку вверх и твердо ответил:

— Клянусь честью комсомольца, что выполню опасное поручение. А насчет жизни я не беспокоюсь.

— Ладно, Вася. Садись, я верю тебе и полагаюсь на твою комсомольскую честность. Нам предстоит атаковать Вильно. Силы и намерения гарнизона Вильно, характер его укреплений, воздвигнутых в городе, нам не известны. Не зная сильных и слабых сторон противника, нельзя атаковать его. Вильно — большой и политически важный город, его будут крепко оборонять. Твоя задача — подробно узнать, что там делается: численность гарнизона, названия полков, их состав, как и кем охраняются мосты через реку Вилия, состояние укреплений. Надо узнать также, что за женские батальоны формируются, сколько их, надо узнать еще чис-

* Политическое управление Западного фронта.— *Ред.*

ленность и состав 2-й белорусско-литовской дивизии белополяков. Все это ты должен узнать подробно и сообщить мне не позднее тринадцатого июля, то есть через два дня, в местечке Подбродзе, что в двадцати двух километрах севернее Вильно, — я показал ему на карте. — Можешь все это сделать, Вася?

Его свежее юношеское лицо и лучистые светлые глаза внушали доверие. И я поверил ему, когда он сказал:

— Могу! Клянусь честью, могу!

— Ну а как же ты все это сделаешь?

Вася, перейдя к делу, забыл благоприобретенную дисциплину; жестикулируя сильными короткими руками, с жаром излагал свой план действий, явно импровизируя:

— Переоденусь в гражданское платье. Поеду верхом до передовой позиции. Брошу лошадь и сдамся полякам. Скажу им, что убежал из большевистского ада, где меня мучили. Поеду в Вильно, узнаю все и вновь приеду обратно в Подбродзе, где подожду вас до...

Я прервал Васю:

— Нет, Вася, не выйдет. Никак не выйдет. Во-первых, до Вильно восемьдесят километров. Если даже противник пропустит тебя беспрепятственно, ты попадешь в Вильно через сутки, то есть, в лучшем случае, в ночь на двенадцатое. Во-вторых, поляки тебя не пропустят, арестуют или убьют. В-третьих, почему ты думаешь, что поляки тебя отправят именно в Вильно? Я думаю, что они тебя будут таскать по штабам для допроса и выяснения твоей личности. Наконец, тебе одному будет очень трудно узнать все подробности о противнике в Вильно: это не так легко, как тебе кажется. Кроме того, где уверенность в том, что ты тринадцатого попадешь в Подбродзе? Как видишь, из твоего плана ничего не выходит. Согласен?

По мере моего разъяснения лицо Васи делалось все мрачнее и мрачнее. Огонь в глазах совсем потух. После небольшой паузы он чуть ли не со слезами на глазах спросил подавленным голосом:

— А как же быть, товарищ комкор?

— Так вот, Вася, слушай меня внимательно. Ты переоденешься, как сказал, в гражданское платье. Шофер Шурка на моем автомобиле доставит тебя до деревни Маляты, к литовской границе, а оттуда через Литву до местечка Ширвинты, что тридцать километров северо-западнее Вильно. Вот тут, посмотри на карту. Из Ширвинты ты проберешься в Вильно. Сейчас восемь часов. Через три четверти часа ты должен выехать. В полночь ты должен быть в Ширвинтах, а к утру в Вильно. Понял?

— Да, теперь понял! — радостно воскликнул Вася.

— Слушай дальше. Рано утром явишься в дом N, квартиру N на проспекте имени Пилсудского. Там проживает товарищ Х. Скажешь, кто тебя послал и зачем. А затем вместе обдумайте уже план действий в городе. Ночью с двенадцатого на тринадцатое июля, если тебе не удастся проехать через Неменчин в Подбродзе, ты должен попасть обратно в Ширвинты, а оттуда тебя доставят в Подбродзе. В Подбродзе я тебя буду ждать тринадцатого утром. Понял теперь, как надо сделать?

— Теперь все понял.

— Так вот, сейчас же иди переоденься и через тридцать минут зайди за письмом. А Шурка будет тебя ждать здесь.

— За́раз! — воскликнул Вася и пулей вылетел из комнаты.

Пришел Вилумсон и подал мне на подпись приказы и распоряжения. Через две минуты эти приказы уже были разосланы. Через полчаса зашел Хачи и доложил:

— Товарищ комкор, на крыльце стоит старый хрыч с палкой, хочет к тебе. Я его не пустил. Орет там.

— Что за хрыч, Хачи? Позови его.

Через минуту вошел какой-то горбатый старик с белой бородой, в очках и с палкой. Он был одет в длинный черный халат с кушаком. В правой дрожащей руке он держал палку, на голове у него была простая соломенная шляпа, а на ногах — ботинки. На первый взгляд он был похож не то на еврея из близлежащего местечка, не то на литовского зажиточного крестьянина. Удивленный таким поздним посещением старика, я спросил:

— Что вам угодно, гражданин?

Старик, выпрямившись, ответил молодым голосом:

— Зашел за письмом, товарищ комкор!

— А, Василий, это ты! Фу, черт, тебя совсем не узнать... Ну и ловкач!

Мой бедный Хачи, раскрыв рот, прибавил:

— Э... э... э... ловко ты меня надул, горбатый черт!

Вошел и Вилумсон. Мы все вместе посмеялись вдоволь.

— Ну, желаю тебе успеха, мой молодой старик. Не забудь адреса товарища Х. Дом N, квартира N, проспект Пилсудского. Тринадцатого утром жду в Подбродзе. Вот тебе еще немного польских марок, пригодятся.

— Спасибо. Прощайте.

Я обнял Васю и проводил его к выходу. Внизу уже шумел заведенный мотор автомобиля. Через пять минут машина скрылась в ночи.

НА НАБЛЮДАТЕЛЬНОМ ПУНКТЕ

Тринадцатое июля. Уже полдень. Солнце своими жгучими лучами безжалостно палит. Душно, как перед дождем в жаркий летний день. В двух километрах южнее Подбродзе идет горячий бой. Наступает 15-я кавдивизия. Поляки зарылись в землю — обороняются. Кругом визжат пули и рвутся снаряды, пролетая над нашими головами. Утром поляки, потеряв Подбродзе, отошли на юг и теперь, в предсмертной агонии, дерутся, как загнанные львы. Несколько минут назад наштакор получил донесение о том, что двукратная атака 2-й кавбригады товарища Матузенко не имела успеха. Кавбригада отошла в ближайший лес для новой перегруппировки. Комдив-15 донес, что он через полчаса возобновляет атаку всей дивизии, ввиду того что на участке окопались два полка пехоты. Комдив-10 товарищ Томин еще утром сообщил, что его части с боем подходят к реке Вилия. Остается ликвидировать подбродзинские пробки, то есть два полка 2-й белорусско-литовской польской дивизии, засевшие в лесной местности.

В районе Подбродзе всюду валялись трупы людей и лошадей. Трупы были разбросаны кучками и в одиночку. Всюду кровь и разрушения... Ничего не поделаешь, таков неумолимый закон войны, тем более войны классовой.

Или — или! Вот как поставлен вопрос.

Я, Вилумсон и мой ординарец Титаев расположились на высокой колокольне польского костела, находящегося на южной окраине Подбродзе. Хачи остался внизу с лошадьми. Внизу у северной стороны каменного костела в пешем строю построены комендантская команда и команда связи во главе с товарищем Гавриленко.

Сверху хорошо видна окружающая местность. Я смотрю в бинокль; Вилумсон, прислонившись к деревянному столбу, что-то пишет в своей полевой книжке. Кажется, что он готовит радиодонесение. Титаев, держа в руке трубку полевого телефона, то и дело кричит:

— Алло! Алло! Что? Не слышно! Что? Плохо слышно! Фу, черт!

Спрятавшись за столбом, я внимательно изучаю поле предстоящего боя. Вот впереди, в двух километрах южнее Подбродзе, на открытой поляне, через которую проходит шоссе на Вильно, виднеются польские полевые окопы, насыпи и засеки. Но поляков пока еще не видно. Но вот изредка там и сям начали показываться отдельно движущиеся фигуры

людей. Люди что-то тащат и что-то перемещают с одного фланга на другой. С нашей стороны впереди видны отдельные скачущие всадники. Эти всадники то останавливаются, то снова скачут, исчезают и снова появляются в поле моего зрения. Это передовые дозоры кавалерийских частей. С правой стороны поляны тянется густая роща, а левее, в пяти километрах впереди, виден лес, откуда беспрерывно стреляет польская артиллерия.

Бух... бух... бух... — глухо вторит эхо польской артиллерии.

Жж... жж... жж...— разрывая воздух, через головы наших всадников несутся польские снаряды.

Бах.. бах... бах...— где-то совсем близко рвутся снаряды, разворачивая землю и оставляя на ее поверхности глубокие воронки.

Вот несколько польских снарядов попало в местечко Подбродзе, мгновенно разрушив дома и постройки. В двух, а вот уже и в трех-четырех местах загорелись дома, двери и сараи. Языки красного пламени, разрывая густой дым, тянутся к небу, захватывая все новые и новые постройки. На пожар никто не обращал внимания. До этого ли жителям? Перепуганные жители спрятались в подвалах и убежали в леса. Минут десять назад с колокольни я видел, как группа людей с мешками и узлами на плечах входила в каменное толстостенное здание костела, очевидно полагая, что здесь можно спастись от снарядов.

Я продолжал свое наблюдение. Вилумсон закончил свою работу; вырвав исписанный лист своей полевой книжки, протянул мне. Не успел я взглянуть на бумагу, как с диким шипением польский шестидюймовый снаряд, разорвав воздух, ударился в стену костела — тотчас же последовал сокрушительный взрыв. От сотрясения воздуха и колокольни я упал. Снизу послышались отчаянные истерические крики и ругань. Мне показалось, что все здание колокольни закачалось. Внизу что-то рушилось и горело. Нас окутал густой едкий дым. Минуты две-три я совершенно не мог говорить. Титаев, уронив из рук телефонную трубку, протирал своими большими кулаками глаза, кого-то отчаянно ругая. Вилумсон, с бледным лицом, обняв столб колокольни, смотрел на меня вопросительно.

— Ну, все хорошо, что хорошо кончается,— сказал я, улыбаясь.— Дай руку, Эдик!

Поднявшись на ноги, я начал искать свою папаху.

— Да, это верно,— твердил Вилумсон.— Но что там внизу делается? Ну-ка, Титаев, узнай.

— Алло! Алло!

Телефон шипел, но не отвечал.

Я посмотрел вниз. У южной стороны костела образовалась бесформенная груда камней, щебня, досок и решеток. На земле беспомощно барахтались три лошади. Люди и остальные лошади панически бежали в разные стороны от костела. У входа в костел на паперти лежали два человека, уткнувшись лицом вниз, рядом с ними сидел красноармеец без головного убора, наспех бинтовавший раненую руку. Мне было видно, что польский снаряд разрушил часть стены. Спрятавшиеся в костеле женщины, дети и старики бежали от костела в северном направлении, давя один другого.

— Сволочи, даже своего костела не жалеют,— ругался Титаев, посылая по адресу шляхты крепкие слова.

Я молчал. На душе тяжелый, неприятный осадок. Меня занимала не судьба костела и даже не судьба местных жителей. Меня сильно волновало то, что Матузенко опоздал с наступлением. Уже четвертый час, а обещанной им атаки не видно.

Я вновь принялся наблюдать в бинокль, теперь уже в направлении леса в полутора километрах западнее Подбродзе. Здесь должна была группироваться 15-я кавалерийская дивизия. Я увидел, как из лесу стали выскакивать отдельные небольшие группы кавалеристов с винтовками на изготовку. Эти группы маячили перед самым носом противника, вызывая его усиленный огонь. Левее этих групп показалась, около полка, конница, карьером проскочившая через реку и скрывшаяся в лесу, против левого фланга конницы противника.

По донесению комдива-15, он должен был оставить один спешенный полк против польской позиции, а остальными пятью полками ударить во фланг и тыл поляков. Я с нетерпением ждал этой атаки. Прошло не более пяти минут. Титаев вновь кричал в трубку телефона своим густым басом

— Алло! Алло! Не слышно! Это ты, Хачи? Что? Что? Ранена? Сейчас доложу, подожди... Товарищ комкор! Ваш конь Леди ранен осколком снаряда в бедро. Хачи спрашивает, что ему делать.

— Что делать, что делать! — сказал я с досадой.— Немедленно направить в ветлазарет пятнадцатой кавдивизии, живо!

Пока Титаев передавал мое распоряжение, я спросил Вилумсона:

— Эдик, где моя запасная лошадь Казбек?

— Она здесь, товарищ комкор, в комендантском эскадроне. Я приказал Гавриленко взять еще пять запасных лошадей.

— Хорошо сделал. Одобряю твою предусмотрительность.

Телефон снова работал: дзинь... дзинь... дзинь... Вилумсон взял трубку:

— Алло! Алло! Это ты, Гавриленко?

— Да, да, я, Вилумсон. Что?.. Пленных?.. Хорошо, сейчас!

— Что там еще такое? — спросил я сердито.

— Товарищ комкор, начальник связи доложил, что привели большую партию пленных, около тысячи человек. Один из пленных настойчиво требует свидания с вами. Что вы прикажете?

— Кто такой? Что ему надо? Узнай!

Пока Вилумсон говорил с Гавриленко, я вновь начал смотреть в бинокль. Из нашего леса уже стреляла артиллерия 15-й кавдивизии. Одновременно с этим затрещали ручные пулеметы наших передовых частей. Это уже предвещало близость наступления.

— Товарищ комкор! Пленный внизу у аппарата и желает говорить с вами по очень важному делу,— сказал Вилумсон, протягивая мне трубку.

Взяв трубку, я спросил:

— Кто? В чем дело?

В трубке послышался спокойный и знакомый голос с белорусским акцентом:

— Товарищ комкор, это я, комсомолец Вася. Я прибыл из Вильно, имею много новостей...

— Ба! Возможно ли? Неужели это ты, Вася?.. Ну и молодец! Быстро иди ко мне наверх. Живо! Живо! — торопливо приказал я.

Я очень обрадовался возвращению Васи. Я думал, что Вася уже давно погиб,— оказалось, что благополучно выбрался. Ровно через пять минут наш бравый Вася, одетый в польское обмундирование, с улыбкой на лице был в моих объятиях. Целуя Васю, я спрашивал:

— Вася, что за метаморфоза? Почему ты в одежде польского солдата? Я ничего не понимаю. Объясни скорее. То ты в кафтане литовского крестьянина, то в польском обмундировании,— проговорил я, смеясь от радости.

— Позвольте, товарищ комкор, рассказать все по порядку,— ответил насквозь вспотевший и пыльный Вася.

— Ну, расскажи, расскажи подробно.

Вася начал докладывать. Я вытащил карту и цветной карандаш.

— Шурка доставил меня к литовской границе, а оттуда я прошел в Ширвинты. В два часа утра одиннадцатого июля на рассвете я пробрался в лес и без каких-либо приключений перешел границу. Утром на подводе белорусского крестьянина, спешившего в Вильно с продуктами, я попал в город. Соблюдая все предосторожности, ровно в восемь часов утра я нашел указанную вами квартиру товарища X. Он еще спал.

Дверь отперла его жена. Не зная меня, она никак не хотела впустить в квартиру. Выведенный из терпения, я уже настойчиво стал требовать разбудить товарища Х. Минуты через три на крыльце появился заспанный, в накинутом на плечи утреннем халате сам товарищ Х. Совсем тихо я сказал пароль: «Советская Белоруссия». Товарищ Х. очень обрадовался, ответил мне такими же словами и радушно пригласил меня в квартиру. Войдя в квартиру, я первым делом переоделся в предложенный мне костюм. Товарищ Х. подробно спрашивал о вас, о ваших намерениях и о месте нахождения красных частей. Плотно покушав, я лег отдохнуть. Уходя, товарищ Х. обещал принести мне одежду и документы. Около двух часов дня я проснулся и увидел, что около моей кровати уже лежало вот это обмундирование польского солдата и удостоверение личности на имя Казимира Станиславского из Кракова. С этого момента я превратился в солдата первой секции обоза второго разряда штаба второй белорусско-литовской польской дивизии. Как все это достал товарищ Х., я не знаю и не спрашивал. После обеда товарищ Х. направил меня к товарищу А. на северной окраине города.

В течение ночи мы втроем проработали план наших действий в Вильно на двенадцатое июля. По правде говоря, всю основную работу по разведке укреплений и численности частей товарищи взяли на себя. Мне же поручили сравнительно легкое дело: в течение двенадцатого июля узнать, какие части имеются в городе и где расположены их штабы. Благодаря тому, что я хорошо говорю по-польски, мне это задание легко удалось выполнить. Рано утром я вышел на разведку. На улице Пилсудского мне повстречалась молодая красивая легионерка, она была одета в уланскую форму, которая к ней очень шла. Я подошел к легионерке и вежливо по-польски поздоровался. После того как она ответила на мое приветствие, я спросил:

— Не знаете ли вы, пани, где помещается наш штаб?

Улыбаясь, она спросила:

— А какой ваш штаб?

Я поспешил ответить, что мне нужен штаб второй белорусско-литовской дивизии.

— Я прибыл из Познани и не знаю, куда мне явиться.

Она охотно и довольно подробно рассказала мне точное местонахождение штаба и как туда пройти. Сама она из штаба женского легиона и сейчас по болезни находится в отпуске. Короче говоря, я с нею познакомился и возился целый день. Мы были в кафе, в городском парке и даже заходили на станцию. На станции она познакомила меня с одним солдатом сто пятьдесят девятого батальона. Мне кажется, что я

блестяще разыграл роль настойчивого кавалера. Будучи «богаче» их, я изо всех сил угощал их и наконец пригласил в кино. В результате я собрал много интересующих меня сведений. Ввиду того что у меня была условлена встреча на девять часов вечера с товарищем Х., я, извинившись, оставил на минуту моих знакомых и вышел, с тем чтобы больше уже не возвращаться в кино.

Ровно в десять часов вечера я был на квартире товарища Х. Здесь меня уже с нетерпением ждали трое товарищей.

В течение одного дня нам удалось выяснить следующее: в Вильно организован штаб обороны города под командованием генерала Барщука. Штаб его помещается по улице Пилсудского в доме князя Пляттера. В группу Барщука входят гарнизон города и вторая белорусско-литовская дивизия. Вся дивизия находится на фронте, а штаб ее в местечке Неменчин. В самом же городе имеются: батальон Виленского запасного полка, новосформированная маршевая рота тридцать седьмого стрелкового полка, запасный батальон Ковельского полка, один батальон лиги женщин, то есть легионерок. В этот батальон вступали жены и дочери офицеров и городской буржуазии. Молоденькие женщины большей частью записывались в легионерки ради красивой военной формы.

Кроме этого, в городе расквартированы три эскадрона конницы улан и эскадрон так называемой «татарской Яздис». Имеется одна батарея, отряд танков и один бронепоезд, пришедший вчера из Лиды. Вот все, что имеется в городе Вильно. Общая численность гарнизона четыре тысячи человек. Солидных укреплений на окраине города нет. Северо-западный мост защищается батальоном Ковельского полка. Кое-какие укрепления имеются у Неменчина и по реке Вилия восточнее города. Что касается танков, то я видел их собственными глазами на городской площади. Танки небольшие, главным образом французской системы «Рено». В городе чувствуется тревожное настроение, говорят о том, что литовские войска движутся по границе в направлении на Троки, что Пилсудский обещал срочно выслать из Лиды и Гродно подкрепления. Вторая белорусско-литовская дивизия в основном состоит из литовцев и белорусов, только кадр офицеров польский. Солдаты не хотят воевать и очень боятся нашей конницы. В этом я сегодня сам убедился, когда увидел в восьми километрах отсюда, как целый батальон сдался в плен. В Вильно распространяют слухи о том, что на город наступает десятитысячная дикая орда в черкесках под командованием Чингиз-хана. Вот, товарищ комкор, все, что я сумел узнать.

Я вторично обнял Васю со словами:

— Молодец, Васенька. Спасибо тебе за ценные и своевременные сведения. За твою смелость после взятия Вильно я тебя представлю к награде орденом Красного Знамени.

Краснея от радости, Вася смущенно, но твердо ответил:

— Рад служить родной советской Белоруссии!

Вася рукавом польской гимнастерки вытер вспотевшее и загоревшее лицо.

— А как ты попал к нам в плен? — спросил Вилумсон.

— О, это очень просто,— ответил Вася.— На совещании в Вильно мы решили, что я в три часа дня тринадцатого должен пешком пойти в Неменчин и оттуда как польский солдат пробраться в Подбродзе. Мы думали, что Подбродзе еще в руках поляков, и решили, что здесь, укрывшись где-либо, я дождусь вашего прихода, но вышло немного иначе. В три часа дня, идя по шоссе Вильно — Неменчин, при выходе из города я догнал обоз какого-то полка второй белорусско-литовской дивизии. Я попросил возчика последней повозки подвезти меня, солдата первой секции обоза штаба дивизии, в Подбродзе, так как еду по поручению интенданта города. Я умолял его ради бога взять меня с собой. Вначале старик возчик и слышать не хотел. Сурово глядя на меня, он ворчал что-то вроде того: «Много вас здесь шатается». Услышав родной язык, я понял, что возчик белорус, и тогда обратился к нему с просьбой уже на белорусском языке:

— Родной, ведь я тоже белорус, возьми меня.

Старик улыбнулся и кивнул головой в знак согласия:

— Садись, родной, садись, поедем.

Сидя около него, вначале осторожно, а потом уже более смело стал его агитировать. Оказалось, что он больше меня ненавидит поляков. Он очень подробно рассказал, как два раза пытался дезертировать из полка, но оба раза неудачно. Его поймали и послали в обоз второго разряда. Мы с ним подружились и много говорили о положении белорусских крестьян. В Неменчине мы сделали привал. Мой новый приятель возчик передал мне, что его обоз дальше не пойдет, ввиду того что красные напирают. Они получили приказ остановиться в Неменчине. Он обещал устроить так, чтобы я попал в Подбродзе. И действительно, ровно через час я очутился в санитарном обозе, ехавшем за ранеными в Подбродзе.

В двенадцать часов дня я с санитарным обозом попал в расположение Ковельского полка в четырех километрах отсюда. Полк вел бой вот за этим лесом. Когда нас окружили полки пятнадцатой кавдивизии, один батальон Ковельского полка сдался в плен. Во время суматохи боя и сдачи в плен и мне здорово попало. Бравый казак девяностого кавполка

на моих глазах лихо зарубил стрелявшего в него польского офицера. Когда зарубленный офицер упал с лошади, бравый казак на глазах у всех начал шарить в его карманах. Я был возмущен этим поступком и громко сказал, что это мерзость. В ответ он больно угостил меня прикладом винтовки, да так крепко, что шея и сейчас болит. От боли и возмущения я крикнул: «Ладно, я все расскажу комкору!» Казак очень удивился и нерешительно спросил: «Какому комкору, где комкор?» Я храбрился и гордо ответил: «Нашему комкору, товарищу Гаю, и он даст тебе по заслугам». Казак не на шутку струсил и стал умолять не рассказывать комкору, так как он якобы по приказу командира искал в кармане офицера документы. Когда нас привели в лес, где находился штаб девяностого кавполка, все это я рассказал командиру полка и просил его срочно направить меня в Подбродзе. «Бравый казак» был немедленно арестован, а нас направили сюда. Вот и вся история моего плена. Но в одном, товарищ комкор, я не выполнил вашего поручения, то есть не сумел быть в двенадцать часов дня, как вы приказали, в Подбродзе. А сейчас, кажется, уже четыре часа. Я опоздал на четыре часа, и это по вине кавполка, задержавшего нас с допросом.

Улыбаясь, я прервал Васю:

— Ничего, дружок, ты пришел как раз вовремя, и все в порядке, иди к Гавриленко и скажи, что я приказал дать тебе черкеску и коня. Ты пока находись в комендантском взводе, а там видно будет...

Не успел я закончить фразу, как Вилумсон, наблюдавший в бинокль, закричал:

— Пошла, пошла! Пятнадцатая кавдивизия пошла!

Взяв бинокль, я увидел, что вся поляна южнее Подбродзе покрылась всадниками, и уже ясно слышится далекое эхо «ура».

Полки и эскадроны товарища Матузенко широкой лавиной и густыми колоннами набросились на польские позиции, сбивая их со всех сторон.

В бинокль мне ясно были видны то поднимавшиеся, то опускавшиеся сабли, сверкавшие отблесками солнца. Из леса постепенно группа за группой выходили все новые и новые колонны конницы. Быстро, на ходу перестраиваясь, они неслись вперед. Уже видно, как передовые части поляков, в одиночку и кучками, отстреливаясь, бегут назад, но их нагоняет конница. Местами идет групповой и одиночный бой, падают раненые и убитые, роняя сабли и винтовки. Вот слева показалась грозная туча в виде целой бригады. Я это определил по размеру развевавшегося впереди знамени. Бригада в эскадронных колоннах, подняв облака пыли, зашла вправо, во

фланг польской пехоте. Через пять минут бригада ураганом набросилась на левое крыло поляков. Послышались мощные крики: «Ура!.. Ура!.. Ура!..» Густое облако пыли закрыло поляну, и я уже больше ничего не видел.

Медленно затихали издали доносившиеся крики «ура» и грохот польской артиллерии. Наконец польская артиллерия совершенно замерла. Стало тихо-тихо.

— Ну вот и все кончено! — сказал я Вилумсону, раскрывая карту.

— Да, кончено, теперь надо преследовать поляков и ворваться в Вильно,— тихо ответил Вилумсон.

— Эдик, пиши приказ по третьему конному корпусу. Пиши: «Противник разбит под Подбродзе и отступает. Пятнадцатой и десятой кавдивизиям на плечах отступающего противника к вечеру 13 июля занять все переправы на реке Вилия. Продолжая энергичное наступление, 14 июля ударом с севера, юга, запада и востока ворваться в Вильно. Товарищи, смело вперед! Даешь Вильно! Да здравствует Советская власть!»

Через двадцать минут лихие связисты штаба корпуса разнесли приказ по всему корпусу...

ДАЕШЬ ВИЛЬНО!..

Четырнадцатого июля с рассветом вновь разгорелся бой по реке Вилия. Противник оказывал упорное сопротивление, и местами довольно удачно. Очевидно, в ночь на 14 июля он успел перебросить из гарнизона некоторые из своих частей на реку Вилия. Возможность такой переброски мы учли заранее, и некоторые части 10-й кавдивизии перешли реку вплавь. Оборонять Вилию при данном положении вещей поляки считали бессмысленным. С 7 часов утра корпус продолжал свое дальнейшее наступление на Вильно. Части 10-й кавдивизии во главе с Томиным через м. Рубно-Вилейка наступали двумя бригадами восточнее железной дороги, выслав 57-й и 69-й кавалерийские полки через м. Лаврашки на юг для удара по городу с противоположной стороны. А 15-я кавдивизия во главе с Матузенко наступала, выслав 88-й полк через местечко Ржеша-Судерва на Ландверово, вдоль границы Литвы. Полк имел задачей связаться с литовскими частями и зайти в тыл Вильно, Ново-Троки для того, чтобы лишить поляков возможности отступать в направлении Гродно. 3-я бригада, состоявшая из 89-го и 90-го полков, во главе с бесстрашным комбригом Уединовым получила задачу двигаться по правому берегу р. Вилия на северо-западный мост и ворваться в Вильно с этой стороны.

1-я кавбригада Селицкого вместе со штабом 15-й кавдивизии наступала с севера по шоссе Неменчино — Вильно. Ввиду того что бои шли на чрезвычайно широком фронте, полевой штаб корпуса получил приказание остаться в м. Неменчино и оттуда руководить боевыми действиями. Предвидя упорные бои на подступах и в самом городе, ровно в 5 часов утра 14 июля я направился в бригаду, обходящую город с северо-запада. Вместе со мною были Титаев, Хачи и комсомолец Вася. Вначале я не хотел брать Васю с собой, но, уступая его горячей просьбе и думая о том, что он и здесь может быть полезным, захватил его.

В 15—18 километрах от города противник перешел к обороне и начал оказывать сопротивление. Очевидно, генерал Барщук, не желая без боя отдать древнюю столицу Литвы — Вильно, решил напрячь все свои силы для ее обороны. Он выбросил на фронт все, что мог, в том числе и необученные, наспех сколоченные добровольческие батальоны, составленные из местного населения.

С 10 часов утра 14 июля в радиусе 8—10 километров от города, главным образом в северном и восточном направлениях, развернулся ожесточенный бой с переменным успехом.

В 10 часов утра я вместе с моими спутниками догнал кавалерийскую бригаду Уединова в дер. Лесники, расположенной в 3—4 километрах западнее Вильно. Вся бригада Уединова в пешем строю находилась на улицах деревни. Хорошо, что в то время противник в Вильно не имел авиации, иначе от бригады остались бы рожки да ножки. Подобное безграмотное «сосредоточение» можно было допустить только в условиях уровня военной техники 1920 года. Отыскав штаб бригады, через ряды конницы я не без труда пробрался к нему. Он расположился в деревянной просторной крестьянской хате. Оставив коней и сопровождающих меня людей на крыльце, я вошел в хату.

За столом в окружении своих командиров полков сидел широкоплечий Уединов в накинутой бурке, отчаянно жестикулирующий и ударяющий о стол обоими кулаками своих крепких рук. Перед ним на столе лежала измятая, рваная и местами окровавленная карта-трехверстка данного района. Увидев меня, Уединов быстро вскочил и скомандовал:

— Смирно, товарищи командиры!

Уединов попытался доложить мне расположение своей бригады. Я поднял руку, давая этим понять, что все знаю.

— Два-три попадания польских снарядов, и от твоей бригады, товарищ Уединов, останется мокрое место. Кто же так располагает? — сказал я и сел рядом.

— Да это командиры полков виноваты, — оправдывался Уединов.

— Ладно, мы все одинаково виноваты, в том числе и ты, нечего вину сваливать на других,— возразил я.

— Точно так, мы все виноваты.

— Уединов, когда ты думаешь захватить город? — уже улыбаясь, спросил я.

Ободренный моей улыбкой, Уединов поспешно ответил:

— Сегодня днем, а может быть, и к вечеру, если удастся сломить сопротивление частей гарнизона, прикрывающих мост.

— Значит, Уединов, ты опять хочешь уступить победу комбригу-1 товарищу Селицкому? — спросил я спокойно.— Имей в виду, что если ты через два часа не будешь в городе, то к этому времени туда войдет с севера со своей бригадой товарищ Селицкий. Понял?

— Как?! Неужели Селицкий опять опередит меня, как в Свенцянах и в Подбродзе? — горячо воскликнул Уединов.— Нет! Нет, на этот раз не выйдет! По коням, товарищи командиры!

Я снова был вынужден поднять руку и сказать:

— Не горячитесь, Уединов. Горячность так же вредна. Как вы думаете, товарищи командиры? — спросил я Смирнова и Балашева (комполка-89 и 90).

— Товарищ комкор, я думаю, если Вильно раньше нас возьмет Селицкий, то я подам в отставку, — ответил Смирнов.

— Да, да, верно. И я так думаю, — хриплым голосом добавил комполка-90 Балашев, получивший за храбрость кличку Волк.

— Видишь, товарищ Уединов, ребята не хотят уступать первенства победы. А как у тебя насчет разведки? Знаешь ли ты силы противника, охраняющие мост?

— Да нет, товарищ комкор! Вот за это я и ругал их сейчас. Нам удалось только выяснить, что поляки неизвестными силами занимают мост. А сколько их, какого полка, как укреплена «Дед-дед...» Фу! Черт! Забыл, как называется — французское слово! — досадно сморщился Уединов, припоминая название предмостного укрепления.

Я вынужден был прийти ему на помощь:

— «Тет-де-пон».

— Вот! Вот! Детдапон, — подхватил Уединов.

— Хорошо! Но сколько же, хотя приблизительно, ты считаешь сил тет-де-пона? — вновь спросил я.

— Очевидно, около полка пехоты, а может быть, и больше,— неуверенно ответил Уединов.

— О, нет! Дорогой Уединов, по обыкновению тебе свой-

ственно преувеличение сил противника. Кстати, ребята! Все вы очень часто доносите в штаб дивизии и корпуса о том, что противник *наступает большими силами, у противника силы значительные* и т. п. А вот сколько именно и где находится противник, вы умалчиваете. Этим часто и меня вводите в заблуждение. Чтобы этого больше не было. Поняли? Против вас на мосту не больше батальона пехоты Ковельского полка, ну, может быть, еще взвод орудий. Вот и все!

Уединов покраснел. Он вновь поднял свой огромный кулак, намереваясь им ударить по столу, но, посмотрев на меня, медленно опустил руку на карту и тихо сказал:

— Да ведь, товарищ комкор, мы голыми клинками их сумеем выкурить, чего там еще совещаться... Разрешите вести бригаду!

— Конечно, конечно! Но все-таки артподготовка необходима. Я рекомендую обо всем хорошенько подумать,— сказал я, вытаскивая из своей полевой сумки карту района.

Моему примеру последовали Смирнов и Балашев и тоже вытащили свои карты.

— Я предлагаю следующий план действий. Силы противника на тет-де-поне — не более трех рот, и столько же примерно в резерве. Я предлагаю артиллерию вашей бригады пока оставить на восточной окраине деревни Лесники и туда же послать пулеметные эскадроны полков и один эскадрон кавалерии. Задача: огневое нападение на тет-де-пон с фронта и наступление эскадрона в пешем строю. Артиллерия получасовым беглым огнем разрушит окопы и пулеметные гнезда поляков. Остальные силы бригады собрать в кулак и во главе с комбригом ударить вдоль реки Вилия в левый фланг тет-де-пона. Дальнейшая задача бригады: на плечах противника ворваться в город, не дав полякам возможности взорвать или поджечь мост. На всякий случай надо подобрать взвод или эскадрон на хороших конях для форсирования реки Вилия севернее или южнее моста вплавь. Это сильно облегчит захват моста. После того как мост будет захвачен, мы должны, оставив на нем охрану, ворваться в город в пешем или конном строю. Возьмите с собой гранаты и больше патронов. Надо полагать, что поляки будут усиленно сражаться и в самом городе. Я лично поеду вместе с вами. Ну, как вы думаете?

— Есть! Согласны, будет! — ответили почти хором командиры.

— Ну, а теперь, товарищ Уединов, действуй! Я еду на артпозицию, а оттуда за вами. Тебя я догоню на южной окраине деревни Лесники.

Попрощавшись, я вышел. Сев на коней, мы втиснулись

в гущу бойцов бригады и медленно выехали на окраину деревни. По дороге нам встречалось много крестьян, литовцев и белорусов — жителей деревни Лесники. Они вежливо кланялись, сопровождая нас словами:

— Дай бог удачи! Желаем успеха!

На восточной окраине деревни Лесники нас ожидал комсомолец Вася, посланный мною для изучения дороги. Вася, со свойственной ему предприимчивостью, уже успел организовать импровизированный митинг. Он ожидал меня с большой толпой крестьян. Подъехав ближе, я обратился с приветствием к крестьянам:

— Здравствуйте, товарищи крестьяне!

— Здравствуйте, здравствуйте, родной, — ответили крестьяне по-белорусски.

Вася доложил, что крестьяне хорошо знают места бродов через реку и изъявляют желание помочь нам в этом. Они согласны пойти с нами и показать броды и подходы к мосту.

Это меня очень обрадовало.

— Вот это очень хорошо! Спасибо, товарищи крестьяне, что помогаете Красной Армии. — И тут же добавил: — Товарищи крестьяне, если у вас будут претензии за порчу ваших огородов, то прошу завтра пожаловать ко мне в Вильно, мы вам за все заплатим.

Обернувшись к Васе, я сказал:

— Васюрка, родной, веди крестьян к Уединову и скажи ему, что я приказал использовать их по его усмотрению. После того как отведешь крестьян, немедленно приезжай на артпозицию.

— Есть, товарищ комкор! — ответил Вася и повел крестьян в штаб бригады, причем пошли все — старики, женщины и даже дети.

При помощи крестьян я с ординарцами кратчайшим путем вышел к батарее тов. Буденко.

Батарея Буденко называлась 3-й Кубанской. Она участвовала во всех боях корпуса с самого начала и пользовалась большой любовью красноармейцев. «Не батарея, а отчайка» — вот как называли ее в корпусе.

Буденко не любил закрытых позиций, он учил своих бойцов стрельбе с открытых позиций, прямой наводкой. Сам же пользовался большой популярностью во всем корпусе и неоднократно проявлял храбрость и отвагу.

Увидев меня еще издали, Буденко направился ко мне навстречу и тут же на ходу четко доложил обстановку:

— Товарищ комкор! Моя батарея уже заняла позицию на окраине вон той рощи, — указал он рукой. — Но вот снарядов у нас очень мало. Всего сто штук. Артиллерийская

разведка донесла, что предмостные укрепления поляков полевого типа и не бетонированы. Я их очень легко разобью. Боевую задачу от комбрига я уже получил и сейчас приступаю к ее выполнению. Будут ли какие указания и дополнения, товарищ комкор?

— Пока никаких дополнений, товарищ Буденко. Только не разрушай своими снарядами деревянного моста, иначе нам не переправиться через Вилию. Ведь понтонных средств, как тебе известно, мы не имеем. Как только бригада пойдет в атаку на тет-де-пон, немедленно перенеси огонь за мост на западную окраину города. Этим самым ты не дашь возможности полякам подвести к мосту свои резервы. Где твой наблюдательный пункт?

Буденко, указав на большой развесистый дуб, ответил:

— Вот там, на вершине того дуба. Оттуда прекрасно видны мост, город и даже все позиции поляков.

Указанное мне дерево было высоким, ветвистым и, по всей вероятности, удобным для наблюдения. Оно своими роскошными ветвями прекрасно маскировало наблюдателей. Не медля ни одной минуты, я при помощи веревочной лестницы поднялся на его вершину. Взбираясь наверх, я подумал, что этот дуб, седеющий великан древней Белоруссии, очевидно, немало видел в своей жизни событий и войн и ему, может быть в последний раз, приходится оказывать свою услугу делу окончательного освобождения литовско-белорусского крестьянства. На самой верхушке дуба, между трех ветвей, я увидел спокойно сидящего на прикрепленной доске телефониста с трубкой в руках.

— Как идут дела, красная белка? — спросил я телефониста.

Смеясь, он ответил:

— Хорошо, товарищ комкор! Вот только немного качает, но зато отсюда прекрасный вид.

— Раз хорошо, так ладно. Следи внимательно и точно передавай орудиям все распоряжения командира батареи. Но зачем ты прицепил шашку? Неужели у тебя есть желание воевать даже с белками? — пошутил я.

— Нет, товарищ комкор, не с белками, а с белополяками буду воевать. Привычка. Без шашки как-то неудобно, она ведь может пригодиться и здесь.

Удовлетворенный ответом телефониста, я сел около него на запасное деревянное сиденье, приготовленное для Буденко. Взяв бинокль, я убедился, что действительно на расстоянии пятнадцати километров вокруг все было прекрасно видно: и город, и мост, и предмостные укрепления, окруженные голубовато-зеленым фоном, были видны как на ладони.

При помощи бинокля я определил, что мост был деревянный, с барьерами, довольно широкий и длинный. Очевидно, в этом месте долина реки в дождливое время заливалась водой. Мост широкой белой лентой пересекал реку, текущую по зеленой равнине. Местность была неровная. Отчетливо выделялись складки местности. Небольшие выемки и возвышенности давали возможность подойти на довольно близкое расстояние к укреплениям моста. По мосту торопливо двигались люди, очевидно польские солдаты. Они таскали какие-то ящики, доски и т. п. Возможно, готовились к обороне моста или минировали его, а может, приготовляли к взрыву.

Не далее четверти километра впереди моста по берегу реки полукругом были расположены укрепления тет-де-пона. Эти укрепления на флангах упирались в реку, охватывая западный конец моста. Укрепления были прерывчатые, полевого типа и без колючей проволоки. Далее прекрасно виднелись польские окопы для стрельбы стоя и даже несколько пулеметных гнезд. По расположению окопов, по их густоте и ширине можно было быть уверенным в том, что гарнизон тет-де-пона невелик, максимум две-три роты. За восточным концом моста виднелись два ряда окопов, очевидно для резервов.

— Вот, едут, едут наши пулеметчики! — воскликнул телефонист.

Я посмотрел в указанном направлении. Вправо и влево от батарей мчались карьером пулеметные тачанки полков. Эскадроны появились и быстро исчезли в прилегающей роще.

— Товарищ комкор! Разрешите начать артподготовку,— услышал я возле себя знакомый голос Буденко.

— Ну что ж, начинай!

Буденко, взяв трубку телефона, подал команду:

— Третья батарея, поорудийно — прицел... дистанция... по тет-де-пону. Огонь! Огонь! Огонь!

Одно за другим громовыми раскатами загрохотали четыре орудия. Еще и еще...

— Огонь! Огонь! Огонь! — слышалась четкая команда Буденко даже сквозь грохот орудий.

Раскаты оглушительной артиллерийской стрельбы, заполняя воздух, несли в город Вильно весть о том, что наступает красная конница...

Та-та-та-та-та — сквозь орудийный гул запели пулеметы.

Взяв бинокль и направив его на тет-де-пон, я увидел столбы поднятой земли и пыли. Впереди из-за рощи началось наступление спешенного эскадрона, а левее карьером несся к реке другой эскадрон.

— Ну, Буденко, прощай, я еду в бригаду. Смотри, во время атаки не уничтожь нас и мост, иначе будет скверно.

— Прощайте, товарищ комкор! Не беспокойтесь, все будет в порядке.

Спустившись с дерева, под дубом я увидел Васю. Он доложил, что крестьяне с эскадроном 89-го полка уехали влево, к бродам.

Мы поскакали на южную окраину деревни, где, по моему расчету, должна была сосредоточиться бригада. Через четверть часа мы были уже на месте. Но бригады там не оказалось, она пошла к реке Вилия. Бешеным аллюром мы догнали ее в трех километрах южнее деревни Лесники, почти на берегу реки.

Развернувшаяся бригада неудержимой лавиной неслась вперед под градом ружейного и пулеметного огня противника. Падали люди с лошадей. Сзади бегали санитары с носилками.

Уединов, прикрываясь рекой, смело вел свои полки прямо на мост полевым галопом.

Мой Казбек, весь взмыленный, ретиво догонял головные части бригады. Впереди бригады я увидел громадную фигуру Уединова. Его черкеска, кабардинская бурка, распахнутые ветром, неслись вместе с ним, как черные крылья, развеваясь вправо и влево. Сзади была видна только папаха Уединова да вытянутая вперед рука с обнаженной саблей. Рядом с ним скакали, тоже с обнаженными саблями, командиры полков Смирнов и Балашев.

Незаметно для себя я очутился рядом с Уединовым. Бросилось в глаза его распухшее от прилива крови лицо. Я невольно улыбнулся. Вот мы уже совсем близко к тет-де-пону. В польских окопах заметно сильное движение: люди поодиночке и группами выскакивают из окопов и, согнувшись, бегут вниз, к мосту...

Огонь поляков стал утихать. По всему видно, нервничают. Вдруг с противоположного берега, с восточного конца моста, послышались громкие крики «ура» и стрельба. Очевидно, это был эскадрон 89-го полка, успевший переправиться вброд и уже атаковавший мост с тыла. Уединов дал сигнал атаки. Сверкнули на солнце обнаженные сабли.

— Ура! Ура! Ура!..— воодушевленно подхватили все красноармейцы бригады, пришпорив коней.

От быстрой езды строй бригады нарушился. Наша артиллерия замерла.

Головные части бригады, рубя направо и налево, бешеным карьером проскочили предмостные окопы, не считаясь с тем, что в окопах еще были поляки.

В суматохе скачки я потерял из виду Уединова. Мой Казбек донельзя удачно перепрыгнул через встретившиеся

по пути окопы и очутился на мосту. Со мной рядом оказались Хачи и Титаев. Васи не было. На полном скаку я на секунду обернулся назад и крикнул:

— Хачи, где Вася?

— Его лошадь упала, он споткнулся, бедняга! — ответил Хачи.

— Ранен?

— Не знаю. Хочешь, повернусь?

— Нет, не надо!

Повернуться назад было бессмысленно. Сзади карьером, с криками «ура» неслись бойцы бригады. Впереди на окраине города была слышна беспорядочная стрельба и крики «ура».

Через десять минут бригада ворвалась на западную окраину Вильно. Я еле-еле остановил своего Казбека около какого-то большого дома, где группировался взвод конницы.

Оказалось, что бойцы 89-го кавполка уже захватили два польских орудия и обезоруживали прислугу. Кругом немилосердно визжали пули, и я слез с лошади.

Из города все чаще и чаще доносились звуки выстрелов и треск разрывов ручных бомб. Часть гарнизона города, укрывшись в домах и на крышах, обстреливала нас, причиняя большой урон главным образом конскому составу.

Бригада по приказу Уединова, оставив часть своих лошадей у западной окраины, пешим строем углублялась в город. Начались уличные бои.

ГЕРОИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ ВАСИ

Было около двенадцати часов дня. На мосту показались мчавшиеся карьером в город пулеметные тачанки, а за ними следовала артиллерия. Они получили задания от комполков и спешили занять указанные им позиции. Пулеметные тачанки, расчлененные повзводно, с грохотом ворвались в город.

Вслед за артиллерией на мосту показалась толпа пленных, около полутораста польских солдат. Пленных сопровождал взвод конницы. Впереди, хромая, но гордо, шел Вася, опираясь на свою винтовку. Разыскав меня, Вася доложил:

— Моя лошадь во время атаки была убита, а я упал в окопы поляков и разбил себе ногу. Ввиду того что шашку потерял, при помощи револьвера обезоружил польских солдат, собрал их в кучу и вот привел сюда. Что с ними сделать?

— Сдай коноводам. А ты, Васюрка, сейчас можешь ехать верхом? — спросил я.

— Конечно, могу, но ведь лошади-то нет.

— Вот стоят коноводы бригады, иди к старшему и скажи от моего имени, чтобы тебе дал хорошую лошадь.

Вася ушел с пленными. Вытащив из сумки план города, я начал изучать его. На плане красным карандашом были отмечены места штабов частей гарнизона. В данный момент меня больше всего интересовал штаб генерала Барщука.

Избрав путь движения по улице Пилсудского, где должен был быть штаб Барщука, я приказал вызвать ко мне комвзвода 89-го полка. Ровно через две минуты командир взвода явился. Я спросил его:

— Какую задачу ты выполняешь сейчас?

Он ответил:

— После переправы вброд реки Вилия я получил приказ захватить артвзвод белополяков. Выполнив это поручение, я обезоружил также и прислугу. Теперь я должен искать свой эскадрон.

— Собери взвод ко мне. Временно ты остаешься в моем распоряжении. Едем в центр города. Живо!

Комвзвода ушел. Появился вестовой Уединова с донесением. Вскрыв пакет, я быстро пробежал написанное.

«Доношу,— писал Уединов,— что моя бригада с боем заняла западную окраину города. Сейчас веду бой на подступах к центру. Поляки очень метко стреляют из окон и с крыш. Нужна артиллерия. Без нее нельзя попасть в центр, ввиду того что все подступы к нему заняты добровольцами и легионерками. Со стороны вокзала слышна сильная ружейная стрельба и канонада, очевидно оттуда наступает Селицкий. Во всяком случае, товарищ комкор, я первым вошел в город. Комбриг-2/15 Уединов».

К этому времени пришел взвод. Появился также Вася верхом. Несколько минут спустя мы уже мчались по улицам города в направлении проспекта Пилсудского. Комсомолец Вася, как уже знакомый с городом, ехал впереди и показывал нам дорогу.

На улицах повсюду валялись трупы людей, лошадей, брошенные снаряды, пулеметы и даже орудия.

Подскочив к перекрестку какой-то улицы, мы попали под сильный пулеметный огонь. Стреляли из окна какого-то высокого дома. На моих глазах свалились с коней два красноармейца, сраженные вражескими пулями. Одновременно с этим в тридцати шагах впереди меня со страшным треском взорвались брошенные сверху ручные бомбы. Мой Казбек встал на дыбы и перевернулся, я упал с лошади и больно ударился о мостовую. Не медля ни минуты, Титаев подскочил, поднял меня и потащил к воротам дома. Красноармейцы открыли огонь по окнам дома, из которого стреляли. А комвзвода с частью красноармейцев ворвался в дом, в котором укрылся неприятель.

На мостовой я увидел упавшую лошадь Васи и его самого, неподвижно лежавшего тут же, около своей лошади. Из шеи, живота и крупа лошади широкой струей лилась темная кровь. Напряжением воли преодолевая боль и усилия Титаева удержать меня под прикрытием, я бросился к Васе. Он неподвижно лежал на спине с закрытыми глазами. Уложив Васю на колени, я внимательно посмотрел на его бледное лицо. «Неужели умер?» — тоскливо, с болью подумал я.

Вася молчал. Его голова безжизненно наклонилась вперед. Мне не хотелось мириться с тем, что мы потеряли нашего славного, милого комсомольца. Мне он был милее самых близких. Гладя рукой его белокурые кудри, я невольно прослезился, называя его самыми ласковыми словами:

— Васюрка, родной мой, очнись! Мы еще с тобой повоюем...

Дрожащими пальцами я приподнял его веки и убедился, что он мертв. Изо рта Васи текла кровь, обливая мои руки и стекая на землю. Комсомолец Вася в последний раз орошал своей кровью родную белорусскую землю.

— Эх, Вася, Вася! Родной мой! Клянусь, жестоко отомщу за твою преждевременную смерть! Прощай! — И я в последний раз поцеловал уже леденеющий лоб Васи.

Хачи и Титаев положили тело Васи на землю у ворот. Только теперь я заметил, что вся спина и затылок Васи были изрешечены осколками взорвавшейся бомбы.

Пока мы прощались с телом Васи, красноармейцы взвода вытащили из дома ручной пулемет, шесть винтовок, несколько ручных бомб и двух раненых красноармейцев.

Командир взвода доложил о том, что в третьем этаже дома они нашли четырех офицеров и двух легионерок, которые после сопротивления были убиты, так как не захотели сдаваться.

Оставив труп Васи у ворот под охраной раненых красноармейцев, мы двинулись дальше в город. На следующем повороте улицы нас вновь обстреляли, но мы без потерь ликвидировали и этот очаг польской шляхты.

Огибая улицу, мы увидели мчавшихся нам навстречу троих красноармейцев в черкесках, с винтовками в руках. Когда они подъехали ближе, я был очень изумлен, узнав в ехавшем впереди красноармейце своего старика отца *.

---

* В 1920 г. с Кавказского фронта на польский фронт приехал старик отец (56 лет) и поступил добровольцем в 3-й конный корпус. Он привез с собою также двенадцатилетнего брата моего. Учтя преклонный возраст отца, я приказал начальнику продовольственной комиссии тов. Крапотницкому использовать отца для продовольственных надобностей. С этого момента в обязанности отца входила организация продовольствия и хлебопечение.

— Отец! Зачем ты здесь? — сердито спросил я.

— А где же мне быть? Крапотницкий приказал поехать с передовыми частями в Вильно и организовать хлебопечение. Вот я и приехал с первой бригадой. Бригада пошла атаковать вокзал, а я пошел искать тебя.

— Вернись сейчас же к своим! — заорал я.

— Не пойду: где ты, там и я! — упрямо заявил отец.

Я не знал, что делать. Чувство отца, вероятно, было сильнее, чем понятие о дисциплине.

— Хорошо, отец, я отдам тебя под суд за нарушение дисциплины!

— Ну что же, сынок, арестуй, но обратно я не поеду.

— Ты упрямый старик, вот что! — сказал я сердито и пришпорил коня.

Все поскакали за мной. Вскоре мы очутились на северной окраине проспекта Пилсудского. Большая красивая улица была совершенно безлюдна. Дома и магазины были наглухо закрыты. Но с крыш, из окон домов раздавались выстрелы. Кругом неприятно визжали пули, ударяясь в мостовую и стены домов. Там и сям раздавался звон разбитых стекол.

Все спешились и засели за углом большого каменного дома, одновременно открыв огонь вдоль улицы и по домам, откуда по нас стреляли.

Через пять минут с грохотом подкатило к нам одно орудие из батареи Буденко. Катя орудие посредине улицы, красноармейцы открыли огонь по домам, из которых стреляли. С большими предосторожностями и очень медленно мы начали двигаться вперед по улице Пилсудского.

Вскоре на одной из боковых улиц появился комдив-15 тов. Матузенко во главе своей бригады. Он был ранен, с повязанной головой, без папахи, с винтовкой в руках. Увидев меня, он поспешно отрапортовал, что станция Вильно уже занята бригадой Селицкого и что с юга подошли части 10-й кавдивизии.

— А где Селицкий? — спросил я.

— Он оставил эскадрон под командой Кабисского для охраны станции, сам с другим эскадроном преследует удравший польский бронепоезд. Что прикажете делать, товарищ комкор?

— Очищать улицу Пилсудского! — кратко приказал я.

— Есть! Первая бригада, справа по одному карьером за мной марш!

С места в карьер Матузенко помчался по проспекту. Топот конских подков и гул нашего орудия заглушили все.

Через полчаса я остановился около трехэтажного дома князя Пляттера. Штаб генерала Барщука был в страшном

беспорядке и пуст. Убегая в панике, Барщук оставил нам даже свое оружие, парадную форму и всю канцелярию штаба.

С этого момента дом князя Пляттера превратился в штаб 3-го конного корпуса.

К вечеру, после ожесточенного боя в центре города, на городском бульваре и на южной окраине города поляки окончательно были выбиты из города.

Главные силы неприятеля (две дивизии), теснимые частями 15-й и 10-й кавдивизий с фронта, в беспорядке отошли на Ново- и Старо-Троки. Окруженная со всех сторон красной конницей, 2-я польская дивизия была совершенно уничтожена, потеряв всю свою артиллерию и все имущество.

В 19 часов штаб корпуса во главе с Вилумсоном прибыл в Вильно и тотчас же послал по радио командующему Западным фронтом и ЦК Белоруссии следующее донесение:

«Сегодня в 12 часов дня передовые части корпуса ворвались в г. Вильно. После восьмичасового кровопролитного боя под личным руководством комкора г. Вильно взят. 14 июля 1920 года. № 850. Наштакор Вилумсон. Военком Поверман».

Через день, при участии трудящихся Вильно и всех бойцов корпуса, мы похоронили в городском саду тело дорогого Васи.

В последний раз прощаясь со свежей могилкой Васи, я воткнул в нее деревянную дощечку с надписью:

ТИШЕ, ГРАЖДАНЕ!
ЗДЕСЬ ПОКОИТСЯ ТЕЛО
ВОСЕМНАДЦАТИЛЕТНЕГО ЮНОШИ —
БЕЛОРУССКОГО КОМСОМОЛЬЦА ВАСИ,
ПАВШЕГО ЗА СВОБОДУ И СЧАСТЬЕ
ВСЕХ ТРУДЯЩИХСЯ

В результате удачных боев под Вильно левофланговая 1-я польская армия не успела отойти на Гродно и вынуждена была своей главной массой отходить на Лиду. Этим и решилась судьба участка германских позиций от Сморгони до Вишнева, перед которыми 15-я и 3-я красные армии встретили сильное сопротивление противника.

Широкий оперативный план контрнаступления, разработанный лично Пилсудским, с падением Вильно потерпел фиаско. С этого момента, по словам Пилсудского, польские армии неудержимо катились назад до самых стен Варшавы.

Вот что пишет сам Пилсудский о значении боя под Вильно:

«Когда же 14 июля пал г. Вильно, влияние этого события тотчас же стало отражаться на стратегическом расположении той и другой стороны. С этого момента и уже до самой Варшавы в первом пункте польских приказов каждый раз повторяется как бы роковое определение: «Ввиду обхода нашего левого северного фланга противником» остальные войска отступают к западу. Тотчас же после потери Вильно — 14-го числа отступают к Лиде ближайшие соседи 2-й и 8-й дивизий, то есть 17-я и 10-я дивизии, прикрытые роем проволок и окопов (намек на германские окопы.— *Гай*). За ними отступают остальные части 1-й польской армии почти без боя, а еще дальше то же самое делает 4-я польская армия, бросившая окопы для новой линии, уже без проволоки, за р. Шарой. Следовательно, все стратегические предположения и планы лопнули в одну минуту из-за случайного боя под Вильно...»

Нам, конечно, больше нечего прибавить к словам и признанию самого «верховного вождя». Остается только пожелать, чтобы и в будущем благодаря героическим победам Красной Армии разрушались бы все планы и предположения врагов Союза Советских Социалистических Республик.

«Молодая гвардия», 1935, № 4, стр. 91—109.

Павел Ефимович
ДЫБЕНКО
(1889—1938)

Родился в с. Людков, Новозыбковского уезда, Черниговской губернии в семье крестьянина-бедняка. Будучи матросом Балтийского флота, в 1912 г. вступил в большевистскую партию и продолжал активную революционую деятельность. Неоднократно арестовывался царской охранкой.

После Февральской революции вел партийную работу в Гельсингфорсе, являлся председателем Центрального комитета Балтийского флота (Центробалт). Активно участвовал в подготовке и проведении Октябрьского вооруженного восстания. В составе первого Совета Народных Комиссаров был наркомом по морским делам.

Командовал отрядами Красной гвардии при разгроме войск Керенского — Краснова, наступавших на Петроград в конце октября 1917 г. В 1918 г. вел нелегальную работу против гетманского режима и немецко-австрийских оккупантов на Украине и в Крыму, затем командовал партизанским отрядом и стрелковой дивизией.

В 1922 г. окончил Военную академию РККА и последовательно занимал посты начальника Артиллерийского управления Красной Армии, начальника снабжения РККА, командующего войсками Среднеазиатского, Приволжского и Ленинградского военных округов. Член ЦИК СССР.

НА ПОДСТУПАХ К ЦАРИЦЫНУ

Стальная когорта большевиков под руководством гениального вождя В. И. Ленина напрягала все силы для разгрома деникинских полчищ. Стратегический план удара по Деникину через Харьков — Донбасс уже дал решающие победы Красной Армии. Весь громоздкий, расползшийся южный фронт белых безостановочно покатился к Черному морю.

На Волге дело хуже — по широким, вольным степям, по берегам красавицы реки безнаказанно гуляет конный корпус Топоркова (ранее Улагая). Оперативный замысел генерала: прорвать стык 11-й и 10-й армий красных в районе ст. Качалинской, возле Царицына, уничтожить 11-ю армию и двинуться в тыл конницы Буденного.

Под натиском корпуса Топоркова поспешно отступают наши 38-я и 39-я пехотные дивизии. Противник занимает станицу Качалинскую, 83-я дивизия изнемогает в неравном бою.

Левее ее, в районе Дубовки, сосредоточена 37-я дивизия, находящаяся под моим командованием. С момента описываемых событий прошло уже много лет, но они встают в памяти так, как будто свидетелем и участником их был вчера.

Как сейчас, помню мягкий зимний день 23 декабря.

На участке дивизии за весь день не было ни одного выстрела. Короткий день быстро угасал. Темный покров ночи ласково окутывал заснеженную землю. К вечеру поступило последнее донесение конной разведки: «На участке дивизии, на основании сведений, полученных от пленных, действуют два полка белых».

Доставили пленных. Сведения подтвердились. Какое принять решение?

В 10 часов вечера заходит командир кавалерийской бригады 37-й дивизии Куришко. Он среднего роста, коренастый, физически необычайно сильный донской казак. В царской армии был вахмистром. В боях под Царицыном он получил шестнадцать ранений.

Грузно опустившись на скамейку, он переставлял при помощи рук еще не оправившуюся от ран правую ногу. На его бледном после перенесенного ранения лице промелькнула какая-то не то растерянная, не то извиняющаяся улыбка. Взглянул на него.

— Ну, друг, ты сегодня останешься за меня в дивизии, а я с бригадой двинусь к белым в тыл.

Не хочется Куришке оставаться. Хочется отомстить белым не столько за свои раны, сколько за потери бригады, понесенные в бою под Дубовкой.

Без трубных сигналов бригада быстро оседлала коней. Заспанные лица бойцов-кавалеристов сияли. Двинуться в ночной лихой набег, в путь, даже сопряженный с неминуемой смертельной опасностью, они были всегда готовы. Бригада совершила и до этого не один удачный ночной набег. В тогдашних условиях предпринятый поход был особенно заманчив: в районе Дубовки не было не только продовольствия для себя, но также и корма для лошадей. Давно раскрыли соломенные крыши на корм боевым коням.

В половине первого, миновав и оставив позади передовые заставы своей дивизии, бесшумно и быстро направились в расположение белых. На рассвете напали на полтавский кавалерийский полк противника. Завязался бой, продолжавшийся тридцать — сорок минут. Белые разбиты. Первый полк нашей бригады бросился их преследовать и вернулся к бригаде около 10 часов. На месте белые потеряли 120 пленными, человек 40 убитыми, несколько пулеметов, обоз и разное хозяйственное имущество. Бригада пополнилась лошадьми и взятыми в плен казаками, из которых многие оказались одностаничниками с бойцами нашей бригады. В обозе захватили не только сено, но и овес, которого наши лошади не видели уже почти месяц.

Четыре часа отдыха... и бригада на рысях возвращалась к месту расположения дивизии. Глухо постукивали копыта лошадей по снежной, тронутой гололедицей дороге. В воздухе носились крепкие запахи донского «тютюна», с упоением раскуриваемого повеселевшими от удачи бойцами.

В штабе дивизии в наше отсутствие были получены сведения о весьма тяжелом положении на участке 38-й дивизии, которая под напором противника постепенно отходила, оставив врагу станицу Качалинскую.

Около полуночи командарм-10 Павлов вызывает к аппарату и, вкратце осветив обстановку на фронте армии, отдает распоряжение немедленно с кавалерийской бригадой выступить в тыл противника, действующего на участке 38-й дивизии, по пути присоединить бригаду Вдовиченко, а пехотным бригадам удерживать участок дивизии, не давая противнику обойти наш правый фланг со стороны 38-й дивизии.

Хотя после ночного набега кони еще не совсем отдохнули, но приказ получен и надо действовать.

Оставив в дивизии заместителя, снова, вместе с Куришко, двигаемся в тыл противника. Нам нужно было пройти около 72 километров. Для истощенных лошадей при гололедице поход был слишком тяжелый. Но он был не только тяжелым, а еще и смелым с точки зрения соотношения сил наших и сил противника. На участке 38-й дивизии действовал белый кон-

ный корпус генерала Топоркова, в котором насчитывалось окол 6 тысяч сабель, пластунская бригада и пехотные части. Против него оборонялись 38-я и 39-я дивизии, имевшие не более 45 тысяч штыков и около 300 сабель. На помощь к ним и была брошена наша кавалерийская бригада в составе 420 сабель, 8 пулеметов и 2 орудий.

В 9 часов присоединилась бригада («бригада» по названию) Вдовиченко в 150 сабель. Получасовой привал... и снова на рысях, так как время не ждет. Около 14 часов бригада подходила к хутору, название которого теперь уже не помню.

Навстречу нам двигалась конная группа противника.

Последний, видимо не имея сведений о нашем движении, продолжал двигаться в колонне, выслав только к нам для связи конного. В несколько минут в 600—700 шагах от противника бригада на ходу была развернута и атаковала конницу белых. Внезапный и ошеломляющий удар не позволил противнику развернуться. Лихой комбриг Куришко с двумя десятками бойцов на лучших конях преследует в панике уходящих белых.

Легкая победа над белой бандой дала нам возможность захватить больше 150 пленных. Нам удалось заменить своих усталых лошадей свежими.

Около 18 часов, когда уже смеркалось, мы вышли на фланг 38-й дивизии, которая стойко и упорно отбивала наседавшего противника. В момент нашего подхода кавалерийский полк 38-й дивизии под командованием Воронова двинулся в атаку. Вести 120 сабель в атаку против тысячной конницы противника было только безумной и бесцельной храбростью Воронова. Сбитый во время атаки, он присоединился к моей кавалерийской бригаде. Оказать помощь 38-й дивизии, имея даже около 600 сабель, путем фронтовых атак мы не могли. Нужно было снова «оторваться» от противника, стремившегося уже обойти бригаду, выйти в тыл к нему и, действуя в тылу, оказать поддержку 38-й дивизии. Так и было сделано.

Около 20 часов мы проходили хутор Медведев, где захватили дивизион артиллерии белых и часть обоза. Материальная часть артиллерии была нами приведена в негодность, и мы воспользовались только лошадьми, содержимым обоза и, главное, фуражом.

Проследовав через хутор Медведев, мы направились ночевать в станицу Паньшинскую в 18 километрах в тылу противника. Всадники и лошади изнемогали от усталости. Однако твердой надежды на то, что нам удастся захватить станицу Паньшинскую, которая могла быть в этот момент занята превосходящими силами противника, у нас не было.

Гололедица и невероятная темнота еще больше затрудняли наше движение. Минутами казалось, что лучше остановиться на отдых где-либо в поле, в овраге.

Глубоким вечером, около 22 часов, мы подходили к станице Паньшинской. В расстоянии трех верст от нас разведка донесла, что со стороны Паньшинской по направлению к Качалинской через мост переправляются пехотные и артиллерийские части белых.

Эскадрон под командованием командира полка Гусева был послан к переправе с целью попытаться атаковать и навести панику в рядах противника, воспользовавшись для своей задачи непроницаемой темнотой.

Этот налет предрешил участь нашего похода. Белые, переправившись на другой берег, при атаке эскадрона бросились в панике обратно на мост, который под тяжестью скопившегося на нем обоза и артиллерии провалился и стал ступенью к могиле для них. Части белых в течение часа вели перестрелку между собой, удаляясь к станице Паньшинской. Путь к Паньшинской для нашей кавалерийской бригады был отрезан. Оставалось одно: или ночевать в поле, или идти снова в Качалинскую и, как говорят, попытаться найти там счастье.

Ведя в поводьях лошадей, бригада медленно двигалась в Качалинскую. По пути наткнулись на будочника, он сообщил нам, что в направлении Царицына с Качалинской проследовало много конницы и артиллерии. Не имея донесений от разведки, около 2 часов ночи вся наша бригада ввалилась в Качалинскую, где оказался целиком корпус генерала Топоркова, а впереди занимала позиции пехотная дивизия белых.

Отступать было невозможно. Люди и лошади дошли до крайних пределов утомления. Пока противник нас еще не обнаружил, всей бригадой по станице был открыт сильный ружейный и пулеметный огонь. В одной избе был захвачен офицер, от которого я узнал пропуск и пароль. С группой кавалеристов совершил налет на штаб корпуса. Белые, застигнутые врасплох, не зная наших сил, в панике выскакивали из домов, беспорядочно стреляли, уничтожая друг друга.

Только часа через полтора, когда начала затихать стрельба и когда противник отдельными группами уходил на станцию Качалинскую, бригада тремя полками вошла в станицу с южной стороны. Улицы станицы были загромождены обозом артиллерии, трупами людей и лошадей.

Около 6 часов утра поспешно уходила с фронта пехотная дивизия противника. Преследовать ее бригада не могла. Измученные кавалеристы буквально засыпали около лошадей.

На рассвете два кавалерийских полка противника атаковали станицу Качалинскую, но атака была отбита. Победа над корпусом генерала Топоркова осталась за нами.

Остатки корпуса генерала Топоркова без артиллерии, пулеметов, обоза и с потерями до 3 тысяч человек налегке уходили, миновав Царицын, к Манычу, на Кубань, где в январе 1920 г. их снова настигла та же кавалерийская бригада и вновь нанесла сокрушительный удар. На этот раз — в открытом бою и имея в своих рядах уже 1650 сабель.

* *
*

28 декабря 10-я армия перешла в наступление, 29 декабря мне с кавалерийской бригадой 37-й дивизии было приказано вернуться в район Дубовки и перейти в наступление в направлении Рынок — Орловка — Царицын.

Разведывательные партии были обстреляны из укрепленного района пулеметным огнем. Около 19 часов к нам из Царицына перебежали двое рабочих и сообщили, что противник эвакуирует город.

Не ожидая подхода остальных частей дивизии, 1-я бригада в 20 часов двинулась к проволочному заграждению. Около 20 часов в городе и на Французском заводе возникли пожар и взрывы. К этому времени с левого берега Волги переправился 450-й полк 50-й дивизии, которой командовал Ковтюх. При подходе частей 1-й бригады 450-й полк двинулся в Царицын.

К этому времени кавалерийская бригада 37-й дивизии ворвалась в город с западной стороны.

В 2 часа 3 января 1919 г. над «Красным Верденом» навсегда взвились победные красные знамена великой пролетарской революции.

«Оборона Царицына». Сб. статей и документов. Составили В. Алексеев и К. Нефедов. Сталинград, Краевое книгоиздательство, 1937, стр. 223—228

ШТУРМ МЯТЕЖНОГО КРОНШТАДТА

С ораниенбаумского берега в туманной молочной дымке виден остров Котлин. Узкая чернеющая полоска острова, обрамленная рамкой беспредельного ледяного покрова, будит далекие воспоминания.

Котлин — Кронштадт, служба в Балтфлоте, героическая революционная борьба моряков и тысячи других картин уходящего в историю прошлого проносятся в памяти.

Вспоминаются мрачные дни властвования в Кронштадте адмирала Вирена. Не изгладились еще из памяти и унижения, издевательства, а подчас нравственные и физические пытки матросов, насаждаемые «высокородными, потомственными» дворянами — командирами судов. А можно ли забыть Макаровскую площадь, где перед вратами ярко освещенного собора до полного изнеможения учили моряков парадировать на царских смотрах? А кронштадтская пересыльная тюрьма? Кто из моряков может забыть те ужасы, которые творились в ней под руководством опытного «заплечных дел мастера» Вандяева?

Пытки, издевательства, суровые судебные приговоры, вплоть до смертной казни, сопровождали службу моряков в Кронштадте. И этого не забыть моряку никогда, так же как никогда он не забудет героических дней и подвигов революционной борьбы флота за власть Советов.

Робкая искра революционного движения, скрыто тлевшая в недрах флота, в феврале 1917 г. разгорелась в Кронштадте в яркое, бурное пламя восстания. Восставшие беспощадной рукой смели устои не только царской, но и буржуазной кабалы. Еще в феврале Кронштадт смело поднял алое знамя, на котором было начертано: «Вся власть Советам!» В мрачные дни черной реакции Керенского, после июльских дней, революционный Кронштадт не опустил своего знамени. Выше и крепче держал он его в эти дни.

Кронштадт был неприступной цитаделью, грозной силой и верной опорой Советской власти в дни наступления генерала Юденича, восстания на форту Красная Горка и английской интервенции. Всегда и неизменно развевались над ним и на мачтах стоявших в заливе судов красные стяги. Имя «Кронштадт» долгие годы наводило страх и ужас на врагов трудового народа.

Но почему Кронштадт поднял знамя восстания против Советской власти? Корабли, форты и город снова в руках адмирала Вильнека и генерала Козловского. Забыты славные революционные подвиги и традиции старых моряков-бал-

тийцев. «Матрос» Петриченко и подобные ему прислужники махровых черносотенцев наложили позорное, грязное пятно на красный Кронштадт. Сегодня эти пресловутые «матросы», изменники своим братьям, готовятся дать кровавую битву красным бойцам, в ряды которых крепким цементом вкраплены старые моряки революционного Балтфлота.

Крепко стиснуты зубы красных бойцов. Непобедимой решимостью скованы их лица. Холодной сталью блестят глаза. Они готовы каждую минуту броситься в бой, вырвать Кронштадт из рук предателей, снова зажечь этот красный маяк и снова повернуть его пушки против врагов Советской власти.

Черносотенные генералы и предатель Петриченко со своей кликой последний день властвуют в Кронштадте. Это решено. Завтра, 17 марта, под ударами штурмующих красных полков Кронштадт будет взят. Надо спешить, пока не почернел и не стал рыхлеть под лучами по-весеннему поднимающегося солнца лед.

Красные войска готовятся к штурму...

Где-то вдали монотонным журчанием зашумели моторы аэропланов. Все ближе и ближе гудят парящие в воздухе наши стальные птицы. Вот они уже надо льдом и держат направление на Котлин. Плавными кругами, точно ястреба, парят они над крепостью. Секунда, другая — и один за другим раздаются оглушительные взрывы брошенных с аэропланов бомб. Ближе слышен шум моторов уходящих от Котлина машин. Снова заговорили своим зловещим языком орудия. Мятежники не жалеют пушек и снарядов. Все чаще и чаще рвутся снаряды над Ораниенбаумом, в окружающем его лесу, над нашими батареями. С кораблями «Петропавловск» и «Севастополь», находящимися в руках мятежников, ведет перестрелку своими 12-дюймовыми пушками форт Красная Горка. Спрятавшись за кустарники, пристреливаются по фортам наши легкие батареи... Как пауки, ткут свои тенета связисты, связывая телефонным кабелем батареи с наблюдательными пунктами.

На планшетах командиров батарей одни за другими отмечаются пристрелочные данные. Только один впереди стоящий артиллерийский дивизион отстал в пристрелке. Бойцы нервничают. Они боятся, что в момент штурма огонь их батарей будет недействителен. Им, как и всем, хочется без промаха бить по врагам. Еще и еще выстрел — опять недолет!

«Сколько до берега?» — «Полтора километра».— «Выкатить пушки на лед. Пристреляться со льда. Поближе будет вернее».

Пушки вылетают на лед. Противник, заметив, открывает

ураганный огонь. С бешеным визгом рвутся его далеко перелетающие снаряды.

Батарея на льду быстро пристреляла цель: «Недолет», «Перелет», «Вилка», «Батареей правее — огонь!». Общий радостный крик бойцов: «Прямо по форту!», «Угадали!»

Последние отблески догорающего дня как бы украдкой скользнули по верхушкам деревьев и положили фиолетовые блики на широком пространстве серебристого ледяного простора. Быстро надвигались вечерние сумерки. На заливе надо льдом начали подниматься клубы тумана. Быть завтра туманному утру! В этой ожидаемой молочной мгле предутреннего часа красные полки должны завтра, штурмуя крепость, ворваться в Кронштадт.

Вечерняя темнота, смешавшись с густым туманом, затянула непроницаемой завесой остров Котлин. Спускающаяся ночь, видимо, заставляет нервничать кронштадтских мятежников. Лучи прожекторов острова Котлин через непроницаемую сеть тумана силятся прорезать вечернюю мглу, щупают небо, лижут ледяной покров залива, стараются впиться в берега Ораниенбаума. Неразгаданная загадка — что делается на стороне красных — волнует их. Снова загрохотали пушки мятежников. Все сильнее и сильнее канонада. Наши батареи, приготовившись вовремя, без опозданий и промаха, отвечать в минуты штурма, молчат. С каждой минутой обстрел усиливается. Мятежники тысячами разорвавшихся снарядов словно пытаются предупредить, предотвратить штурм... Напрасно! Приказ о штурме отдан. Его последний пункт гласит: «Ровно в 6 час. 17 марта атакующим колоннам ворваться в Кронштадт. К 17 час. штаб дивизии перейдет в Кронштадт... Умереть, но победить». Никакая сила теперь не отменит отданного приказа и принятого решения. Еще раз под грохот выстрелов и рвущихся кругом снарядов проверяем заставы и спуски на лед. На завтрашних путях следования штурмующих колонн устанавливаются вехи из срубленных веток ельника. На каждый маршрут подано на лед по три провода связи. Командный пункт также опутан проводами. От всех батарей артиллерии и пунктов следования полков и бригад тянутся к нему телефонные линии.

Пламя пожаров стихало. Постепенно воцарялась гробовая тишина. Смолк рев пушек. Только лучи прожекторов, силясь пронизать густой туман, окрашенный в оранжевый цвет заревом пожаров, бесцельно метались в пространстве.

До начала штурма оставалось два часа. Надо хоть на минуту уснуть.

17 марта. Час 30 мин. Под покровом ночи и густого тумана бесшумно один за другим спускаются на лед красные пол-

ки, чтобы одним верным и решительным ударом покончить с мятежниками, вырвать Кронштадт из рук черных сил реакции и снова водрузить над ним Красное знамя Советов.

Одетые в белые халаты, в походных колоннах движутся вперед полки. Соблюдается полнейшая тишина. Лишь изредка слышна негромкая отрывистая команда. Слабо поскрипывает под сотнями ног снег. За колоннами непрерывной змеей тянется телеграфная связь в несколько проводов. Во мраке ночи на белом снегу чернеют точки: это контрольные посты с припавшими ко льду телефонистами, ежеминутно проверяющими связь. Пронизывающий и особо ощутимый на льду ночной холод заставляет их сворачиваться в клубочки и еще плотнее приникать к аппаратам. В цепи движущихся колонн — артиллерийские наблюдатели, а впереди них штурмовики с лестницами, мостками, ножницами и гранатами. За колоннами маленькие санки с пулеметами.

Через каждые пятнадцать минут командиры бригад доносят о пройденном пути. Один за другим беспрерывно звонят на командном пункте телефоны. Со льда доносят: «Настроение бойцов отличное и бодрое».

Все дальше и дальше уходят наши колонны.

Вновь нервно заметались по льду и берегу лучи прожекторов противника, стараясь нащупать и открыть наступающие колонны. С нашего берега кем-то подаются сигналы лампой Манжена. Противник не спит. Его шпионы за работой. Немедленно приняты меры. Через полчаса шпион пойман и расстрелян. Прожекторам, бессильно борющимся с туманом, не удается нащупать наши колонны.

В 2 часа 15 мин. на лед выступили последние резервные полки. В штурмовых колоннах рядовыми бойцами идут впереди делегаты X съезда партии, в том числе Ворошилов, Бубнов, Затонский и другие.

Момент развязки приближается. Внимание напряжено. Слух ловит каждый звук. В 4 часа 30 мин. на левом фланге, возле фортов, сухо и как-то растерянно затрещал пулемет. Это бригада Тюленева атакует форты. Еще минута — и треск десятков пулеметов и беспрерывные залпы винтовок взорвали царившую до того тишину. Загрохотали пушки мятежников. Через десяток минут издали донеслись крики «ура», и снова, как бы прислушиваясь, все замерло.

Форт № 1 взят!

На участке трех бригад сводной дивизии гробовая тишина. Поступают одно за другим донесения: «Бригады подошли на полтора километра к Кронштадту».

Наступил решительный момент.

Алло! Алло! Телефоны не работают. Временные порывы

связи. Одна за другой сметены контрольные станции, а вместе с ними и беззаветные герои-связисты.

Через 20 минут 32-я бригада ворвалась на Петроградскую пристань Кронштадта. Командир бригады тов. Рейтер ранен. За двадцать минут боя бригада понесла потери не менее 30 процентов своего состава. Потери командного состава доходят до 50 процентов. Однако, несмотря на это, бригада не дрогнула и в своем наступательном порыве двигается вперед, уничтожая противника.

Бригада тов. Тюленева в течение часа боя понесла невероятные потери. Колонны бойцов поредели в полках на 50 процентов. В строю осталось не более 40 процентов командного состава. Расстроенная бригада перед рассветом отошла в тыл, приведена в порядок и снова, без малейших колебаний, бросилась на штурм. Один из батальонов 167-й бригады, действовавший на участке Сводной дивизии, не выдержал при штурме Кронштадта бешеного огня противника и начал отступать. Сзади двигался резервный полк тов. Фабрициуса. Последний, боясь, чтобы и его полк не заразился паническим настроением отступающих, тут же на льду, под ураганным огнем противника, приказал полку лечь, а сам, не сгибаясь, ходил среди лежащих рядов и отдавал приказания. На помощь ему подоспели тт. Ворошилов и Бубнов. Через три-четыре минуты полк был поднят и стремительно брошен в атаку.

Когда вспоминаешь теперь героизм, проявленный бойцами, шедшими в голове штурмующих колонн, командным составом и делегатами X съезда партии, то не находишь слов для описания. Это были прямо-таки сказочные и легендарные подвиги, которые могла совершить только классовая, Рабоче-Крестьянская Красная Армия.

К 6 час. бригады ворвались в город. Приказ был выполнен. Однако противник, не сумевший с достаточной стойкостью защитить подступы Кронштадта, с ожесточением дрался на его улицах.

Расстроенные в атаках на подступах Кронштадта и понесшие значительные потери, особенно в командном составе, ворвавшиеся в город полки не смогли быстро овладеть всем городом. При отсутствии у нас артиллерии (передвинуть ее с берега мы не могли), бронемашин и минометов, каждый дом приходилось брать приступом. С каждым часом боя наши потери увеличивались. Во многих частях совершенно не осталось командного состава. Тут же на улицах приходилось собирать группы и бросать их в бой под руководством оставшихся в живых делегатов X съезда.

Десятки раз с группой численностью около роты тов. Ворошилов бросался в атаку, всякий раз подвергая себя неми-

нуемой смертельной опасности. Вспоминается один из случаев такого риска. Товарищи Ворошилов, Бубнов, я и ряд других лиц находились в помещении, наскоро приспособленном под штаб. Дом, где мы были, стала окружать большая организованная группа мятежников. Товарищ Ворошилов, выбежав из штаба, принял командование над небольшим отрядом и бросился на врага. В несколько минут группа была оттеснена, и тов. Ворошилов предложил лжематросам, которые входили в состав этой группы, начать переговоры о сдаче. Те согласились. Бесстрашно двинулся тов. Ворошилов к кучке выжидательно стоявших мятежников. Едва он подошел к ним шагов на двадцать, как подлые предатели открыли по нему огонь из пулемета. Товарищу Ворошилову пришлось укрыться за выступом забора, находясь все время под градом пуль. Наши бросились на выручку и обратили в бегство гнусных убийц.

Через некоторый промежуток времени вся эта группа мятежников была окончательно разбита отрядом под командой тов. Ворошилова.

В бою за овладение Кронштадтом не было тех, кто хотя бы на секунду задумал спасать свою жизнь.

Только к 7 час. вечера бой начал затихать. Противник, окончательно разбитый и деморализованный, спасался бегством в Финляндию.

В этот день Рабоче-Крестьянская Красная Армия, ее командиры и влившиеся в полки рядовыми бойцами ответственные работники Советов еще раз подтвердили несокрушимость воли рабочего класса к победе над своими классовыми врагами.

Кронштадтский мятеж был подавлен.

Кронштадт снова стал грозной крепостью и твердым оплотом для защитников морских подступов к Советскому Союзу. И зорким часовым стоит теперь красный Кронштадт на страже Октября.

„Известия“, № 46, 23 февраля 1928 г.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ О НЕКОТОРЫХ ЛИЦАХ, УПОМИНАЕМЫХ В СБОРНИКЕ *

АВАНЕСОВ В. А. (1884—1930) — член РСДРП с 1903 г. Род. в крестьянской семье в Карсской области. Принимал активное участие в революции 1905—1907 гг. на Сев. Кавказе. Уехав в 1907 г. в Швейцарию лечиться от туберкулеза, учился в Цюрихском университете и был секретарем Объединенной группы РСДРП. В 1914 г. возвратился в Россию и примкнул к большевикам. После Февральской революции 1917 г.— член большевистской фракции и член президиума Моссовета. В Октябрьские дни — член Петроградского ВРК. На 2-м Всероссийском съезде Советов избран членом ВЦИК. В последующем занимал посты секретаря ВЦИК, члена тройки по обороне Московского района во время наступления Деникина, зам. наркома РКИ, зам. наркома внешней торговли, члена президиума ВСНХ.

АНИСИМОВ Н. А. (1895—1920) — член РСДРП(б) с 1913 г. В 1917 г. — председатель Грозненского Совета рабочих, солдатских и казачьих депутатов, затем председатель ВРК Ставропольского гарнизона. Делегат VI съезда партии и 2-го съезда Советов. В 1918 г. — комиссар Брянского района Западной завесы, в дальнейшем член РВС 11-й, 12-й и 9-й армий.

АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО В. А. (1884—1939) — участник революционного движения с 1901 г., член большевистской партии с 1917 г. Один из руководителей штурма Зимнего дворца. В 1917—1919 гг. — командующий войсками Петроградского военного округа, нарком по борьбе с контрреволюцией на Юге, командующий Украинским фронтом, наркомвоен Украины. С 1922 по 1924 г. — начальник Политического управления Реввоенсовета Республики. В дальнейшем — на дипломатической работе. В 1923—1927 гг. примыкал к троцкистской оппозиции, в 1928 г. порвал с ней.

АРАЛОВ С. И. (род. в 1880) — участник революционного движения с 1904 г., член КПСС с 1918 г. В годы гражданской войны заведовал оперативным отделом Наркомвоена, являлся членом РВС Республики, членом РВС 12-й и 14-й армий, РВС Юго-Западного фронта. В последующем — полпред СССР в Литве и Турции, член коллегии ВСНХ СССР и Наркомфина СССР. Участвовал в Великой Отечественной войне. В настоящее время — персональный пенсионер.

АРОСЕВ А. Я. (1890—1938) — член большевистской партии с 1907 г. После Февральской революции — председатель Тверского Совета. С июня 1917 г. — член Всероссийского бюро военных организаций РСДРП(б). В октябре 1917 г. — член Московского ВРК, помощник командующего войсками Московского военного округа, затем комиссар 10-й армии, председатель Верховного революционного трибунала Украины. С 1924 г. — на дипломатической работе.

АУССЕМ В. Х. (1879—1938) — член РСДРП с 1901 г. В 1918 г. — наркомфин Украины, затем член РВС 8-й армии. После гражданской

---

* Составили П. И. Якир, Г. Н. Крапивянский, Ю. А. Геллер.

войны — на дипломатической и хозяйственной работе. Участник троцкистской оппозиции.

БЛАГОНРАВОВ Г. И. (1896—1938) — член большевистской партии с 1917 г., член ВЦИК первого созыва. Будучи прапорщиком, входил в состав Военной организации при ЦК РСДРП(б). Во время Октябрьского вооруженного восстания — комендант Петропавловской крепости. В 1918 г. — член РВС Восточного фронта. После гражданской войны — на работе в ВЧК — ОГПУ, зам. наркома путей сообщения.

БОНЧ-БРУЕВИЧ М. Д. (1870—1956) — генерал царской армии. Добровольно перешел на сторону Советской власти. Являлся военным руководителем Высшего военного совета. Генерал-лейтенант Советской Армии, доктор военных и доктор технических наук, автор ряда военных и геодезических трудов.

БОШ Е. Б. (1879—1925) — член РСДРП с 1903 г. В Октябрьские дни вела революционную работу во 2-м гвардейском корпусе. Член первого украинского правительства. В период гражданской войны — на руководящей партийной работе.

ВАРЕЙКИС И. М. (1894—1939) — член большевистской партии с 1913 г. После Февральской революции — член президиума Подольского Совета рабочих депутатов, затем секретарь Харьковского областного комитета партии, нарком социального обеспечения Донецко-Криворожской республики. С июня 1918 по август 1920 г.— председатель Симбирского губкома РКП(б), заместитель председателя Симбирского губисполкома, во время чехословацкого мятежа — чрезвычайный комендант обороны Симбирска, участвовал в ликвидации антисоветского мятежа, поднятого левым эсером Муравьевым. После гражданской войны — зам. пред. Бакинского Совета, секретарь Киевского губкома партии, секретарь Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б), зав. отделом печати ЦК ВКП(б), секретарь Саратовского губкома, Воронежского обкома и Дальневосточного крайкома ВКП(б). Член ЦК ВКП(б), член ВЦИК и ЦИК СССР.

ВАСИЛЕНКО М. И. (1888—1937) — сын крестьянина, офицер царской армии. Перейдя на сторону Советской власти, в 1917 г. организовывал красногвардейские отряды, затем командовал 11-й, 9-й и 14-й армиями. После гражданской войны командовал соединениями Красной Армии. Комкор.

ВАХРАМЕЕВ И. И. (род. в 1885 г.) — матрос Балтийского флота, активный участник Октябрьской революции, делегат 2-го съезда Советов. Председатель Военно-морского революционного комитета. В 1918 г.— командир красногвардейского отряда на Северном фронте. В настоящее время — персональный пенсионер.

ВИНОГРАДОВ П. Ф. (1890—1918) — рабочий Сестрорецкого оружейного завода. В 1912 г. был призван в армию и за отказ от присяги и революционную пропаганду в дисциплинарном батальоне осужден на 8 лет каторги, которую отбывал в Шлиссельбургской крепости и в Сибири. Освобожден после Февральской революции. Участвовал в штурме Зимнего дворца. В марте 1918 г. был направлен Советским правительством в Архангельск для организации отгрузки хлеба трудящимся Петрограда. В июле 1918 г. участвовал в подавлении кулацкого мятежа в Шенкурском уезде. Являлся заместителем председателя Архангельского губисполкома. Сформировал Северо-Двинскую речную флотилию и организовал отпор белогвардейцам и интервентам, приостановив продвижение их флотилии к Котласу, где хранились в большом количестве боеприпасы. 8 сентября 1918 г. был смертельно ранен осколком шрапнели в бою в устье р. Вага.

ВОСТРЕЦОВ С. С. (1883—1932) — рабочий, член РСДРП с 1905 г. За храбрость, проявленную в боях в годы первой мировой войны, был награжден тремя георгиевскими крестами и произведен в подпрапорщики. В декабре 1918 г. вступил в Красную Армию. Командовал полком в 27-й

стр. дивизии на Восточном и польском фронтах, ударной группой при штурме Спасска. Награжден четырьмя орденами Красного Знамени. После гражданской войны командовал 27-й стр. дивизией и 18-м стр. корпусом.

ВОТИНЦЕВ В. Д. (1882—1919) — член большевистской партии с 1911 г. Участник Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. В конце 1918 г.— председатель Ревтрибунала по борьбе с контрреволюцией в Туркестане. Председатель ТуркЦИК'а, член краевого комитета Коммунистической партии Туркестана. Погиб во время эсеровско-белогвардейского мятежа в Ташкенте.

ГАМАРНИК Я. Б. (1894—1937) — член Коммунистической партии с 1916 г. До Октября — член и одно время секретарь Киевского комитета партии. В период гетманщины, работая в подполье, был одним из руководителей одесской, харьковской и крымской парторганизаций. В 1919 г.— член РВС Южной группы войск 12-й армии. После гражданской войны — на руководящей партийной работе на Украине и Дальнем Востоке. Член ЦК ВКП(б). В последние годы жизни — зам. наркома обороны СССР, начальник Главного политического управления Красной Армии. Армейский комиссар I ранга.

ГАРЬКАВЫЙ И. И. (1892—1937) — офицер старой армии, участник революционного движения на Румынском фронте в 1917 г. Член большевистской партии с 1917 г. Один из организаторов Тираспольского отряда Красной гвардии. Начальник штаба, а потом командир 45-й стр. дивизии. После гражданской войны — на высших командных должностях в Красной Армии. Комкор.

ГЕККЕР А. И. (1888—1938) — бывший поручик русской армии. В сентябре 1917 г. вступил в партию большевиков. Участвовал в революционном перевороте на фронте. Летом 1918 г. принимал участие в подавлении контрреволюционного мятежа в Ярославле. Командовал Астраханским укрепленным районом, 13-й и 11-й армиями. После гражданской войны — военный атташе СССР в Китае. В последующем работал в Наркомате обороны СССР. Комкор.

ГИТТИС В. М. (1881—1937) — офицер старой армии. Перейдя на сторону Советской власти, командовал 4-й, 8-й армиями, Южным, Западным и Кавказским фронтами. После гражданской войны — на высших командных должностях в Красной Армии. Комкор.

ГОРБУНОВ Н. П. (1892—1938) — член партии большевиков с 1917 г. В годы гражданской войны — секретарь СНК РСФСР, политработник Красной Армии. После гражданской войны — в аппарате СНК, ВСНХ, на научной работе, управделами СНК СССР и СТО, член и секретарь Академии наук СССР.

ГУСЕВ С. И. (Драбкин Я. Д.) (1874—1933) — член РСДРП с 1896 г. Профессиональный революционер. В Октябрьские дни 1917 г.— секретарь Петроградского ВРК, затем член РВС 5-й и 2-й армий, РВС Восточного, Юго-Западного и Южного фронтов, член РВСР и начальник Главного политического управления РККА, кандидат в члены ЦК ВКП(б), член Президиума ИККИ.

ГРИГОРЬЕВ П. П. (1892—1937) — рабочий-железнодорожник, член Коммунистической партии с 1917 г. Командир полка и бригады 8-й дивизии Червонного казачества. После гражданской войны — на ответственной военной работе.

ДАНИШЕВСКИЙ К. Х. (1884—1941) — член РСДРП с 1900 г. Во время гражданской войны — член РВС Восточного фронта, член РВСР, председатель Ревтрибунала Республики. После гражданской войны — на руководящей хозяйственной работе.

ДЕМИЧЕВ М. А. (1885—1938) — типографский рабочий, офицер старой армии. Член Коммунистической партии с 1920 г. Командир кавале-

рийских частей в 8-й дивизии Червонного казачества. После гражданской войны продолжал служить в Красной Армии. Комдив.

ДУБОВОЙ И. Н. (1896—1938) — сын шахтера, член большевистской партии с 1917 г. В годы гражданской войны — организатор и начальник 44-й стр. дивизии, начальник штаба 10-й армии, командующий 1-й Украинской армией. После гражданской войны — на высших командных должностях. Командарм 2 ранга.

ЕГОРОВ А. И. (1885—1941) — рабочий, участник революционного движения с 1904 г. (примыкал к эсерам), член Коммунистической партии с 1918 г. Окончил Казанскую военную школу. Уйдя из армии, был артистом. В 1914 г. мобилизован и отправлен на фронт. Перед Февральской революцией 1917 г. командовал полком. Организовывал солдатские комитеты. Делегат 2-го съезда Советов, где был избран во ВЦИК. С ноября 1917 по август 1918 г. формировал красногвардейские отряды и части Красной Армии, являлся комиссаром Всероссийского главного штаба и председателем Высшей аттестационной комиссии по приему бывших офицеров в Красную Армию. Затем командовал 2-й, 10-й, 14-й армиями, Южным и Юго-Западным фронтами. После гражданской войны — командующий войсками Петроградского военного округа, Западного фронта, Кавказской Краснознаменной армии, вооруженными силами Украины и Крыма, член РВС СССР, военный атташе в Китае, командующий войсками Белорусского военного округа, начальник Генерального штаба РККА и зам. наркома обороны. Маршал Советского Союза. Депутат Верховного Совета СССР. Кандидат в члены ЦК ВКП(б).

ЕРЕМЕЕВ К. С. (1874—1931) — профессиональный революционер, член РСДРП с 1896 г. До революции — редактор большевистских газет «Звезда» и «Правда», с 1915 г.— член Русского бюро ЦК РСДРП. В 1917 г.— один из организаторов Красной гвардии, член Петроградского ВРК. С конца 1917 г.— командующий войсками Петроградского военного округа. После гражданской войны — член РВС Балтийского флота, затем на руководящей издательской работе.

ЕФРЕМОВ М. Г. (1897—1942) — московский рабочий-инструментальщик. Летом 1918 г. отправился добровольцем на Южный фронт и за годы гражданской войны прошел путь от красноармейца до начдива. Участвовал в боях под Астраханью и в освобождении Баку. В Великую Отечественную войну командовал 21-й, а затем 33-й армиями, генерал-лейтенант. Будучи тяжело ранен в бою под Вязьмой и не желая попасть в плен, застрелился.

ЖЛОБА Д. П. (1887—1939) — донецкий шахтер, участник Октябрьской революции в Москве. Член Коммунистической партии с 1917 г. В гражданскую войну командовал бригадой, дивизией и корпусом на Украине и Северном Кавказе. После гражданской войны — на партийной и хозяйственной работе.

ЗЕМЛЯЧКА Р. С. (1876—1947) — профессиональный революционер, член РСДРП с 1896 г. До Октябрьской революции арестовывалась, находилась в эмиграции. В 1918—1921 гг.— начальник политотделов армий на Северном и Южном фронтах. После гражданской войны — на руководящей партийной и советской работе. Член ЦК ВКП(б), зам. председателя СНК СССР.

ЗЮК М. О. (1898—1937) — один из организаторов частей червонного казачества. Командовал артиллерией в 8-й дивизии Червонного казачества. После гражданской войны — на военной и хозяйственной работе.

КАШИРИН Н. Д. (1888—1938) — бывший казачий офицер, член большевистской партии с 1918 г. Один из организаторов и руководителей красногвардейских отрядов на Урале. Возглавлял рейд южноуральских партизан по тылам белогвардейцев в 1918 г. Командовал дивизией, кор-

пусом, группой войск на Восточном, Западном и Южном фронтах. После гражданской войны находился на высших командных должностях. Командарм 2 ранга.

КНЯГНИЦКИЙ П. Е. (1878—1941) — архитектор, бывший офицер старой армии. Член большевистской партии с 1917 г. В гражданскую войну — начальник дивизии и командующий 9-й армией. После гражданской войны — на высших командных должностях. Комдив.

КОБОЗЕВ П. А. (1878—1941) — член РСДРП с 1898 г. Активный участник Октябрьской революции и гражданской войны. В конце 1917 — начале 1918 г. в качестве чрезвычайного комиссара Оренбургской губернии и Тургайской области руководил борьбой против дутовщины. В 1918 г. являлся чрезвычайным комиссаром Средней Азии, наркомом путей сообщения РСФСР, членом РВС Восточного фронта. Принимал участие в борьбе с деникинщиной. В 1922—1923 гг.— председатель Совета министров ДВР, затем на научно-педагогической работе в Москве.

КОСИОР С. В. (1879—1939) — рабочий-слесарь, профессиональный революционер. Член Коммунистической партии с 1907 г. Во время Октябрьской революции — член Петроградского комитета РСДРП(б). В период гражданской войны — секретарь ЦК КП(б)У. Один из руководителей и организаторов партизанского и подпольного движения на Украине во время немецкой оккупации и деникинской контрреволюции. Виднейший деятель Коммунистической партии и Советского государства. Член Политбюро ЦК ВКП(б).

КОТОВСКИЙ Г. И. (1881—1925) — член Коммунистической партии с 1920 г. В годы гражданской войны — командир красногвардейского отряда, командир бригады 45-й стр. дивизии. После гражданской войны командовал кавалерийской дивизией и корпусом.

КОЦЮБИНСКИЙ Ю. М. (1896—1937) — член большевистской партии с 1914 г., участник революционного движения на Черниговщине. Член первого Советского правительства Украины и один из руководителей советских украинских войск в 1918 г. Член Всеукраинского ревкома. Заместитель председателя Совнаркома УССР и член Политбюро ЦК КП(б)У.

КРАПИВЯНСКИЙ Н. Г. (1889—1948) — подполковник старой армии, член РСДРП(б) с февраля 1917 г. Выборный командир 12-го армейского корпуса. В период немецкой оккупации руководитель партизанского движения на Украине. Организатор и командир 1-й Украинской дивизии, начальник 60-й и 47-й дивизий, начальник тыла 12-й армии. Затем на партийной и советской работе.

КРИВОРУЧКО Н. Н. (1887—1940) — шахтер, член большевистской партии с 1919 г. Командир полка бригады Котовского. После гражданской войны — на высших командных должностях. Комкор.

КРЫЛЕНКО Н. В. (1885—1938) — профессиональный революционер, член большевистской партии с 1904 г. Первый советский Верховный главнокомандующий. В последующем — председатель Верховного трибунала, наркомюст и Прокурор Республики.

КУПРИЯНОВ И. Ф. (род. в 1888 г.) — рабочий, член Коммунистической партии с марта 1917 г. В 1918 г. сформировал 1-й Рязанский маршевый батальон, с которым выехал на Северный фронт. В том же году был назначен военкомом 18-й стр. дивизии. Делегат IX партийного съезда. После гражданской войны — на хозяйственной работе. С 1956 г.— персональный пенсионер.

КУРИШКО П. В. (1894—1921) — в 1918—1919 гг. командир бригады и начальник 18-й кавалерийской дивизии. В 1920 г.— командир кавбригады 37-й дивизии в 3-м конном корпусе.

ЛЕБЕДЕВ П. П. (1872—1933) — генерал-майор старой армии. Перейдя на сторону Советской власти, являлся начальником штаба Восточного

фронта и начальником штаба РККА. После войны — на высших командных должностях.

ЛЕВЕНЗОН Ф. Я. (1893—1937) — участник революционного движения в Кишиневе, член большевистской партии с 1918 г. Один из организаторов красногвардейских отрядов в Бессарабии и один из командиров Тираспольского отряда. Командир бригады 45-й стр. дивизии. После гражданской войны продолжал службу в Красной Армии.

ЛИСОВСКИЙ Н. В. (1885—1957) — в 1918 г. начальник оперативного отдела Северного фронта, начальник штаба дивизии, 3-й армии. После гражданской войны — на высших командных должностях. Комкор.

МЕДВЕДЕВ Н. В. (1888—1937) — рабочий-столяр, член большевистской партии с 1918 г. Пулеметчик 5-го Заамурского полка Тираспольского отряда. Затем командир полка, бригады, начальник кавалерийской дивизии. После гражданской войны продолжал служить в Красной Армии на командных должностях.

МЕЕРСОН М. Л. (1893—1918) — один из организаторов красногвардейских отрядов в Кишиневе. Начальник Ревтрибунала Тираспольского отряда. Расстрелян белоказаками.

МЕХОНОШИН К. А. (1889—1942) — член РСДРП(б) с 1913 г. После Февральской революции 1917 г.— член бюро Военной организации при ЦК партии. В дни Октября — член Петроградского ВРК. В конце 1917 — начале 1918 г. являлся товарищем наркома по военным делам, членом Всероссийской коллегии по формированию РККА, затем членом РВС Восточного, Южного и Каспийско-Кавказского фронтов, членом РВСР. После гражданской войны — на руководящей военной и партийной работе.

МУРАВЬЕВ М. А. (1880—1918) — капитан царской армии. После Октябрьской революции примкнул к левым эсерам и перешел на сторону Советской власти. Участвовал в разгроме войск Краснова, двигавшихся по приказу Керенского на Петроград, являлся начальником штаба наркома по борьбе с контрреволюцией на Юге (В. А. Антонова-Овсеенко), командовал советскими войсками на Украине. Летом 1918 г. был назначен командующим Восточным фронтом. Во время левоэсеровского мятежа изменил Советской власти и пытался двинуть войска с фронта на помощь мятежникам в Москву. При аресте оказал сопротивление и был убит в Симбирске в июле 1918 г.

МЯСНИКОВ (Мясникян) А. Ф. (1886—1925) — член большевистской партии с 1906 г. Делегат VI съезда РСДРП(б). Активный участник Октябрьской революции. Один из организаторов Советской власти в Белоруссии. Председатель Северо-Западного областного комитета и ВРК Западного фронта в ноябре 1917 г., главнокомандующий армиями Западного фронта. Участник подавления мятежа белочехов в Поволжье. В начале 1919 г.— председатель ЦИК Белоруссии, затем председатель Центрального бюро Компартии Белоруссии. В 1921 г.— председатель Совнаркома и нарком по военным делам Армении, потом — первый секретарь Закавказского крайкома РКП(б). Погиб при авиационной катастрофе.

НЕМИТЦ А. В. (род. в 1879 г.) — бывший офицер царского флота. Перед Октябрьской революцией — контр-адмирал, командующий Черноморским флотом. Перейдя на сторону Советской власти, в 1919 г. являлся начальником штаба Южной группы войск 12-й армии, затем был начальником морских сил Республики, служил в наркомате по военным делам. Ныне — вице-адмирал в отставке.

ПАРСКИЙ Д. П. (1874—1921) — генерал-майор старой армии. После Октябрьской революции перешел на сторону Советской власти. В период наступления германских империалистов — начальник Нарвского участка обороны. С сентября 1918 г.— командующий войсками Северного фронта. В последующем — председатель комиссии по выработке уставов Красной Армии.

ПЕТЕРСОН К. А. (1877—1926) — член РСДРП с 1898 г. Делегат 2-го съезда Советов, первый комиссар Латышской стр. дивизии. Участник ликвидации заговора Локкарта.

ПЕТИН Н. Н. (1876—1938) — бывший полковник старой армии. Перешел на сторону Советской власти. В гражданскую войну — начальник штабов армий, фронтов, командарм. После войны — на высших командных должностях. Комкор.

ПЕТРОВСКИЙ Е. И. (1896—1938) — большевик, участник подпольного повстанческого движения на Черниговщине в период немецкой оккупации. Член Черниговского губповстанкома. Комиссар 8-й дивизии Червонного казачества. В дальнейшем — на ответственной военно-политической работе.

ПОДВОЙСКИЙ Н. И. (1880—1948) — член большевистской партии с 1901 г. Во время Октябрьской революции — член Петроградского ВРК, затем нарком по военным делам РСФСР. В 1919 г. — наркомвоен Украины. После гражданской войны — на ответственной военной и политической работе.

ПОЗЕРН Б. П. (1882—1940) — член Коммунистической партии с 1902 г. После Февральской революции 1917 г. — председатель Минского Совета. С июля 1917 г. работал в Петрограде. Член ЦИК первого созыва, член Петроградского комитета РСДРП(б). В период Октября — член Псковского ревкома и комиссар Северного фронта. Позже — член РВС 5-й армии, Западного и Восточного фронтов.

ПРОШЬЯН П. П. (1883—1918) — левый эсер, член СНК РСФСР первого состава — нарком почт и телеграфов. Один из организаторов левоэсеровского мятежа.

ПЯТАКОВ Г. Л. (1890—1937) — член РСДРП с 1910 г. В период Бреста — «левый коммунист». Входя в состав украинского правительства, возглавил антипартийную группу «левых коммунистов» на Украине. Во время гражданской войны — член РВС ряда армий. За активное участие в троцкистской оппозиции дважды исключался из рядов партии.

САБЛИН Ю. В. (1897—1938) — левый эсер, активный участник Октябрьской революции в Москве. Командовал войсками Красной гвардии при разгроме Каледина в конце 1917 — начале 1918 г. Был комиссаром Московского района Западной завесы. Участвовал в левоэсеровском мятеже в Москве в июле 1918 г. Порвал с левыми эсерами и в 1919 г. вступил в Коммунистическую партию. Командовал партизанским отрядом, полком, бригадой, дивизией на Украине, кавалерийской группой в боях против войск Врангеля. Делегат X съезда партии, участник ликвидации Кронштадтского мятежа. После гражданской войны — на командных должностях в Красной Армии. Комдив.

САВИНКОВ Б. В. (1879—1925) — руководитель боевой организации эсеров, один из ближайших помощников Керенского. Организатор контрреволюционных заговоров, мятежей и террористических актов. Белоэмигрант. Будучи задержан органами ОГПУ и осужден, покончил жизнь самоубийством.

САМОЙЛО А. А. (род. в 1869 г.) — генерал старой русской армии. Перешел на сторону Советской власти. Член КПСС с 1944 г. В 1918—1920 гг. — командующий 6-й армией Северного фронта, затем на военно-педагогической работе. Ныне генерал-лейтенант в отставке.

СЕДЯКИН А. И. (1893—1937) — офицер старой армии, член большевистской партии с 1917 г. В гражданскую войну командовал соединениями, был на штабной работе. Возглавлял Южную группу войск 7-й армии при подавлении Кронштадтского мятежа. После гражданской войны — на высших командных должностях. Командарм 2 ранга.

СИВЕРС Р. Ф. (1892—1918) — прапорщик Новоладожского полка, большевик. Член Военной организации при ЦК РСДРП(б). Активный уча-

стник Февральской и Октябрьской революций. Командовал войсками Красной гвардии при разгроме Каледина, потом Особой украинской бригадой и 5-й армией Украины. Умер от ран.

СКЛЯНСКИЙ Э. М. (1892—1925) — член РСДРП(б) с 1913 г. В 1917 г. вел большую партийную работу в 5-й армии Северного фронта, был избран председателем армейского комитета. Делегат 2-го съезда Советов, член Петроградского ВРК. После Октябрьской революции — член коллегии Наркомвоена. С конца 1918 до 1924 г.— заместитель председателя РВСР.

СМИДОВИЧ П. Г. (1874—1935) — член РСДРП с 1898 г. С февраля 1917 г.— член президиума Московского Совета. После Октябрьской революции — член правления ВСНХ, председатель Моссовета, член Президиума ВЦИК.

СОЛОДУХИН П. А. (1892—1920) — рабочий-гидротехник, большевик. В 1918—1920 гг. командовал 6-й, 9-й, 47-й и 15-й стр. дивизиями. Погиб в бою под Каховкой.

СТУЦКА К. А. (1890—1938) — начальник 52-й Латышской и 46-й стр. дивизий. Руководил боями на каховском плацдарме. После гражданской войны — на командных должностях в Красной Армии. Комкор.

СЫТИН П. П. (1870—1938) — генерал-майор старой армии. Перешел на сторону Советской власти. Командовал Брянским отрядом Западной завесы, затем 2-й Орловской стр. дивизией, Южным фронтом. Служил в РВСР и штабе РККА, после гражданской войны — на военно-педагогической работе.

ТЕР-АРУТЮНЯНЦ М. К. (1894—1961) — прапорщик, член большевистской партии с 1917 г. Активный участник Февральской и Октябрьской революций, комиссар при Ставке Верховного главнокомандующего, затем на политработе в войсках. После гражданской войны работал в Наркомате РКИ, занимался научной, общественной и литературной деятельностью.

ТОМИН Н. Д. (1887—1924) — член РКП(б) с 1924 г. Казак, в 1918 г.— организатор Троицкого красногвардейского отряда. В 1921 г. командовал Забайкальской группой войск. В 1924 г. руководил борьбой с басмачеством в Восточной Бухаре. Погиб в бою.

УБОРЕВИЧ И. П. (1896—1937) — член Коммунистической партии с 1917 г., организатор Красной гвардии на Румынском фронте. Командир батареи, затем бригады и 18-й дивизии на Северном фронте в 1918 г. В 1919—1920 гг. командующий 9-й, 13-й и 14-й армиями. В 1922 г.— командующий Народно-революционной армией ДВР. Позднее — командующий войсками Северо-Кавказского, Московского, Белорусского военных округов. Кандидат в члены ЦК ВКП(б). Командарм 1 ранга.

ФАБРИЦИУС Я. Ф. (1877—1929) — член большевистской партии с 1903 г., за революционную деятельность отбывал тюремное заключение, каторгу и ссылку. В гражданскую войну командовал бригадой и дивизией. Награжден четырьмя орденами Красного Знамени. После гражданской войны командовал дивизией и стрелковым корпусом. Погиб при авиационной катастрофе.

ФЕДЬКО И. Ф. (1897—1943) — прапорщик, член Коммунистической партии с 1917 г. В январе 1918 г.— председатель ревкома в Феодосии. В октябре 1918 г.— командующий 11-й армией, затем член РВС Крымского района. Начальник 58-й, 46-й и 3-й дивизий. В 1920 г.— командующий группой войск 13-й армии. Участник подавления Кронштадтского мятежа. Награжден четырьмя орденами Красного Знамени. После гражданской войны окончил Военную академию РККА, командовал войсками Кавказской армии, Приволжского и Киевского военных округов. Заместитель наркома обороны. Депутат Верховного Совета первого созыва. Командарм 1 ранга.

ХАХАНЬЯН Г. Д. (1895—1937) — офицер старой армии, член большевистской партии с 1917 г. В гражданскую войну — военком Псковской

стр. дивизии, командир бригады и помощник начальника 27-й стр. дивизии. После войны на политработе.

ЧУДНОВСКИЙ Г. И. (1894—1918) — большевик, член Петроградского ВРК, один из руководителей штурма Зимнего дворца. Организатор красногвардейских отрядов. Погиб на Украине.

ШМИДТ Д. А. (1891—1937) — солдат старой армии, член РСДРП(б) с 1915 г. В гражданскую войну — командир полка, бригады, дивизии Червонного казачества. После гражданской войны — на командных должностях. Комдив.

ЩОРС Н. А. (1895—1919) — подпоручик старой армии, с сентября 1918 г. командир советского Богунского полка. В марте 1919 г. назначен начальником 1-й Украинской дивизии. 23 августа 1919 г. вступил в командование 44-й дивизией. 30 августа убит в бою.

СОДЕРЖАНИЕ

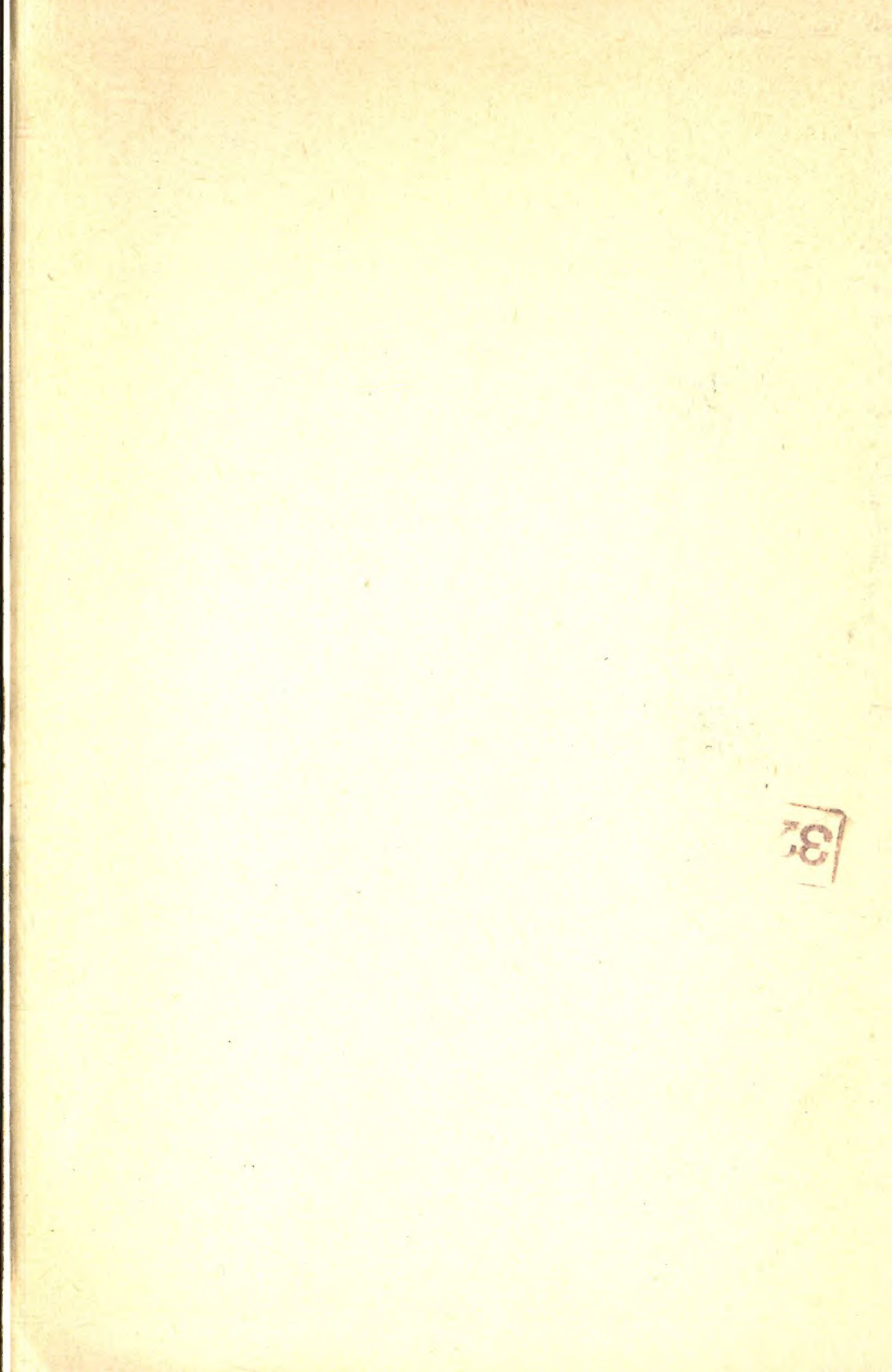
ЭТАПЫ БОЛЬШОГО ПУТИ

М., ВОЕНИЗДАТ, 1962, 528с.

Редактор *В. Д. Поликарпов*
Художник *В. В. Васильев*
Художественный редактор *А. М. Голикова*
Технический редактор *Н. Н. Кокина*
Корректор *С. М. Мельник*

Сдано в набор 6.8.62 г. Подписано к печати 1.10.62 г.
Формат бумаги $60 \times 90^1/_{16}$ — 33 печ. л. = 33 усл. печ. л. — 33,084 уч.-изд. л.
Г-83340
Изд. № 3/4750 Тираж 25.000. БЗВ 23–62 Зак. № 287

2-я типография Военного издательства Министерства обороны СССР
Ленинград, Д-65, Дворцовая пл., 10
Цена 1 р. 14 к.

Цена 1 р. 14 к.